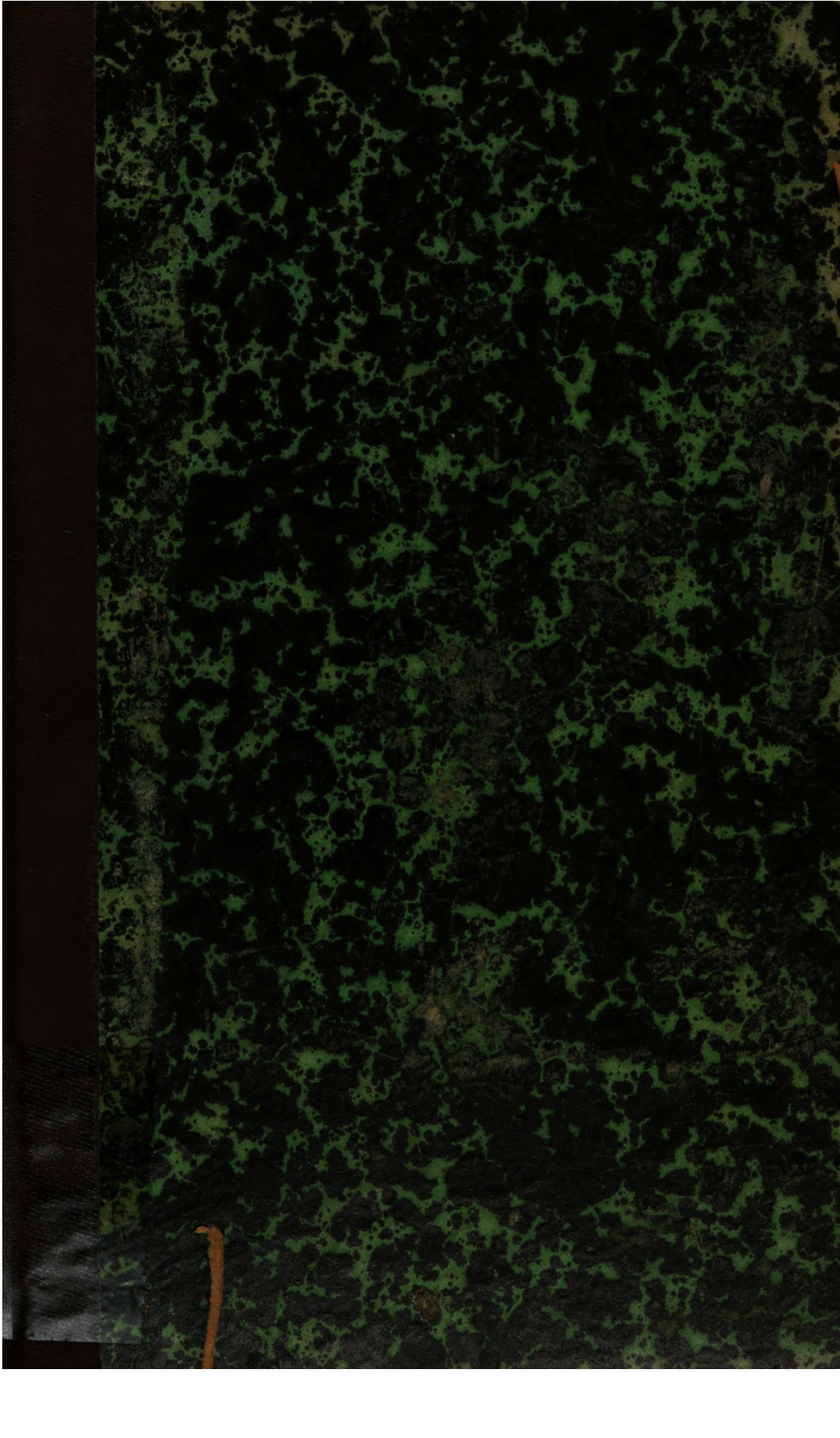
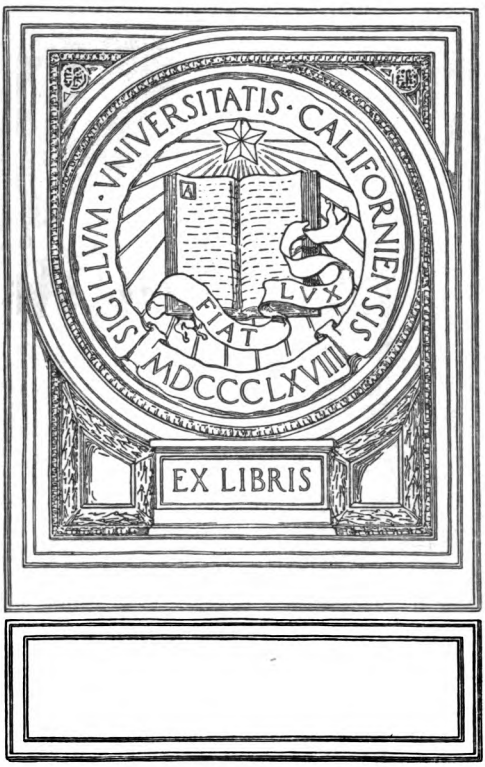


ублічная Библіотека
№ 60/8
имени А. С. ПУШКИНА.



Годъ VI-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 24-го іюля 1897 года. С.-Петербургъ.

AP30
M47
.597:8
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	КЪ ВОПРОСУ О МАТЕРІАЛИЗМѢ. (Отвѣтъ на возраженія). Приватъ-доцента **Г. Челпанова**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ПРОРОКЪ. **Н. Л.**	23
3.	ЖИВАЯ ЖИЗНЬ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. (Продолженіе). Часть третья. **И. Потапенко.**	24
4.	НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ФИНЛЯНДІИ. **В. Фирсова.**	61
5.	ИЗЪ ЖИЗНИ ГЛУХИХЪ УЛИЦЪ. Разсказы **Артура Моррисона.** (Переводъ съ англійскаго **А. Анненской**).	81
6.	ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть вторая. (Продолженіе). **Ив. Иванова**	105
7.	СТИХОТВОРЕНІЕ. БУРЯ. **Н. Л.**	142
8.	АННА ВАСИЛЬЕВНА. Разсказъ **П. Добротворскаго.**	143
9.	ЭВОЛЮЦІЯ РАБСТВА У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно.** Переводъ съ французскаго. **Э. Пименовой.** (Продолженіе).	158
10.	ЗЛОЙ ДУХЪ. Романъ **Іонаса Ли.** Переводъ съ норвежскаго **В. Фирсова.** (Продолженіе).	182
11.	ВОЗДУХЪ И ЖИЗНЬ. **Г. де-Вариньи.** Переводъ съ франц. **В. Е. Тимоѳеевой.** (Окончаніе)	204
12.	ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, КУЛЬТУРА НА ЗАПАДѢ ВЪ XVI ВѢКѢ. Проф. **Р. Виппера.** (Продолженіе)	217

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Сборникъ въ память А. С. Гацискаго».—Страничка изъ исторіи областной печати.—Ростъ послѣдней въ настоящее время.—«Международный союзъ для охраны литературно-артистической собственности», проф. Казанскаго.—Классъ писателей и ихъ классовые интересы.—Значеніе конвенціи для развитія національной литературы.—Защита интересовъ авторовъ, какъ необходимѣйшее условіе существованія

884290

стр.

печати. — Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей и конвенція. **А. Б.** 1

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Вопросъ о значеніи отмѣтокъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. — О заживопогребенныхъ сектантахъ. — Ужасный промыселъ. — Слѣпая деревня. — Переселеніе деревни въ городъ. — Нефтяной городъ.—Невское Общество устройства народныхъ развлеченій.—Изъ воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ. 13

15. **За границей.** Англійскія женщины въ царствованіе королевы Викторіи. — Странствующіе германскіе студенты XVI вѣка. — Образъ жизни президента Соединенныхъ Штатовъ.—Арабская журналистика. 27

16. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «North American Review».—«Revue dec Revues».—«Fortnightly Review».—«Pearson's Magazine». 36

17. **За Атлантическимъ океаномъ.** (Письмо изъ Наю-Іорка). «Синдикатъ учебной литературы» и борьба съ нимъ. — Петръ Куперъ и созданный имъ народный университетъ. **С. П—на.** 42

18. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Научныя приложенія фотографіи. (Рѣчь, произнесенная въ Русскомъ Фотографическомъ Обществѣ, въ Москвѣ). Проф. **В. Цераскаго.** 50

19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Русскія и переводныя книги: Публицистика.—Исторія литературы и искусства. — Политическая экономія.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 63

20. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Drang nach Norden. **Ив. Иванова** 84

21. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 113

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

22. ФАРАОНЪ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ **Болеслава Пруса.** Переводъ съ польскаго **Е. А. Ганейзера.** (Продолженіе) 217

23. ОЧЕРКИ ДОИСТОРИЧЕСКАГО МІРА. (Prehistoric man and beast). **Хётчинсона.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской** 113

КЪ ВОПРОСУ О МАТЕРІАЛИЗМѢ.

(Отвѣтъ на возраженія).

Приватъ-доцента **Г. Челпанова.**

Въ прошломъ году, въ № 1 и 2 «Міра Божьяго», мной была помѣщена статья подъ заглавіемъ «Мозгъ и мысль». Въ ней я хотѣлъ познакомить читателей съ однимъ изъ самыхъ выдающихся вопросовъ современной философіи, именно съ вопросомъ объ отношеніи души къ тѣлу, и именно съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое предлагаетъ такъ называемая матеріалистическая школа философіи. Цѣль моей статьи заключалась въ томъ, чтобы показать, что современные выдающіеся западно-европейскіе мыслители, а съ ними вмѣстѣ, можно сказать, и вся философія отвергаютъ, то рѣшеніе вопроса, которое предлагается матеріализмомъ.

Сущность статьи сводится къ слѣдующему.

Основной вопросъ философіи заключается въ томъ, чтобы показать, какой *принципъ*, какое начало лежитъ въ основаніи всего существующаго. Одни философы предполагаютъ, что такое начало есть *матерія*, другіе утверждаютъ, что такое начало есть *духъ* и т. п. Матеріализмъ именно предполагаетъ, что въ основаніи всего существующаго лежитъ матерія. Матеріалистическое ученіе есть, въ строгомъ смыслѣ слова, не научное, а метафизическое, и вотъ по какой причинѣ. Изъ *непосредственнаго опыта* мы знаемъ, что существуетъ матерія, матеріальныя явленія; изъ такого же *непосредственнаго опыта* мы знаемъ, что существуютъ явленія духовныя: чувства, желанія, мысли, и что эти послѣднія имѣютъ такую же реальность, какъ и явленія матеріальныя. Теперь для философа-матеріалиста представляется задача показать, что какъ матеріальныя явленія, такъ и явленія психическія происходятъ *изъ одного и того же начала*, начала матеріальнаго, а такъ какъ этого въ непосредственномъ *опытѣ* сдѣлать нельзя, то матеріализмъ есть ученіе метафизическое *), совершенно такъ же, какъ

*) Т. е. ученіе, выходящее за предѣлы непосредственно даннаго въ опытѣ.

и спиритуализмъ, который явленія матеріальныя старается вывести изъ одного духовнаго начала.

Чтобы рѣшить, правъ матеріализмъ или не правъ, нужно разсмотрѣть отношеніе между явленіями физическими и психическими.

Легко понять, что между явленіями психическими и между явленіями физическими есть коренное различіе. Именно, все то, что мы называемъ *психическимъ*, пространственной протяженностью не обладаетъ, а если оно пространственной протяженностью не обладаетъ, то къ нему не приложимы никакія другія категоріи пространственной протяженности; о немъ нельзя, напр., сказать, что оно движется въ пространствѣ, потому что двигаться въ пространствѣ можетъ только то, что протяженностью обладаетъ, а что протяженностью не обладаетъ, то въ пространствѣ двигаться не можетъ. А такъ какъ все это именно присуще матеріальному, то несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи между матеріей и мыслью *) есть абсолютная противоположность.

Психическія явленія и физическія такъ связаны другъ съ другомъ, что, по мнѣнію многихъ, физическія явленія суть *причина* психическихъ. Но тѣ, которые употребляютъ въ данномъ случаѣ терминъ «причина», должны не забывать, что въ этомъ случаѣ онъ долженъ употребляться совсѣмъ въ особенномъ смыслѣ. Именно, хотя физическія явленія и *вызываютъ* психическія, но вызываютъ не такимъ образомъ, чтобы они *превращались* въ психическія, какъ это обыкновенно мы замѣчаемъ въ явленіяхъ физической природы; а это значитъ, что связь между ними не есть связь причинности въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ по отношенію къ физическимъ явленіямъ. Если же такъ, то очевидно, что явленія психическія обладаютъ *самостоятельною реальностью*; а это значитъ, другими словами, что матерія не есть тотъ принципъ, изъ котораго можно объяснить все существующее.

Впрочемъ, эта мысль будетъ мною ближайшимъ образомъ разсмотрѣна ниже.

По поводу этой статьи, многіе изъ моихъ читателей, главнымъ образомъ изъ числа университетской молодежи, обращались ко мнѣ письменно и устно съ просьбой дать имъ отвѣтъ на тѣ пункты, въ которыхъ они были со мною не согласны или которые были для нихъ неясны. Предполагая, что и другіе изъ моихъ читателей, можетъ быть, не согласны со мною въ этихъ пунктахъ, я рѣшаюсь въ настоящей статьѣ собрать въ одно цѣлое всѣ сомнѣнія и отвѣты на нихъ. Я думаю, что для многихъ это будетъ способствовать разъясненію вопроса.

*) Или, вѣрнѣе сказать, съ сознаніемъ.

Одинъ изъ студентовъ пишетъ мнѣ: «Какъ вы утверждаете, ни одинъ изъ выдающихся современныхъ мыслителей не придерживается доктрины матеріализма, а развѣ по вашему такіе писатели, какъ Марксъ, Энгельсъ, не могутъ считаться выдающимися, а они вѣдь придерживаются доктрины матеріализма».

На это я могу отвѣтить слѣдующее.

Многіе неправильно понимаютъ, что такое матеріализмъ, и, напр., Энгельсъ, а вслѣдъ за нимъ Бельтовъ *) предполагаютъ, что возможны только два міровоззрѣнія, матеріалистическое и идеалистическое, и такъ какъ идеалистическое или спиритуалистическое они не считаютъ правильнымъ, то единственно правильнымъ остается матеріалистическое, между тѣмъ есть еще одно воззрѣніе, — это именно *психофизическій монизмъ*, который могъ бы сослужить хорошую службу для тѣхъ, кто не признаетъ спиритуализма. Во всякомъ случаѣ, непризнаніе спиритуализма вовсе не предполагаетъ необходимости признанія матеріализма.

Тотъ же студентъ мнѣ пишетъ, что среди выдающихся писателей, придерживающихся матеріализма, по его мнѣнію, можно указать на Дарвина **), но это совершенно ложное мнѣніе, потому что Дарвинъ никогда не имѣлъ случая заниматься вопросомъ объ отношеніи души къ тѣлу и, разумѣется, не имѣлъ случая высказать, что душа есть функція мозга; и поэтому прибѣгать къ авторитету Дарвина нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Самое главное возраженіе заключалось въ томъ, что я собственно «напрасно пишу статью о матеріализмѣ, такъ какъ въ настоящее время уже никакихъ матеріалистовъ нѣтъ, что собственно теперь никто уже не вѣритъ въ догму матеріализма». Но когда мнѣ при-

*) Опредѣленіе *Бельтова* («Монистическій взглядъ на исторію». Спб., 1895 г.). «*Матеріализмъ* есть прямая противоположность *идеализма*. Идеализмъ стремится объяснить всѣ явленія природы, всѣ свойства матеріи тѣми или иными свойствами духа. Матеріализмъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ старается объяснить всѣ психическія явленія тѣми или другими свойствами матеріи, той или другой организаціей человѣческаго или вообще животнаго тѣла. Всѣ тѣ философы, въ глазахъ которыхъ первичнымъ факторомъ является матерія, принадлежатъ къ лагерю матеріалистовъ; всѣ же тѣ, которые считаютъ такимъ факторомъ духъ, идеалистами». Также понималъ матеріализмъ и Энгельсъ. (Что касается Маркса, то онъ говорилъ совсѣмъ не о томъ матеріализмѣ, о которомъ говорю я). Изъ этого противоположенія матеріализма идеализму получается опредѣленіе матеріализма слишкомъ широкое, а потому неточное. См. *Wundt*. «System d. Philosophie». 1889 г., стр. 214—6. См. также опредѣленіе матеріализма: *Спенсеръ*. «Основанія психологіи», т. II, 269, 270, 71. *Бэнъ*. «Душа и тѣло». Кіевъ. 1884 г.

**) Этотъ же взглядъ высказалъ г. Карданусъ въ «Новостяхъ» 1896 г. апрѣля 26-го.

ходилось съ лицами, утверждающими это, говорить о *непротяженности мысли*, то обыкновенно они на это отвѣчаютъ, что «непротяженность мысли совсѣмъ не доказана». А это, собственно, и есть настоящій матеріализмъ. Слѣдовательно, это возраженіе показываетъ, что для нихъ кличка матеріалиста очень непріятна, что они не хотѣли бы, чтобы ихъ называли матеріалистами, на самомъ же дѣлѣ они остаются матеріалистами самаго обыкновеннаго пошиба.

Какъ я уже сказалъ, очень многіе изъ защитниковъ матеріализма совсѣмъ не знаютъ, что такое матеріализмъ. По мнѣнію многихъ, матеріализмъ есть то ученіе, по которому *явленія психическія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ физическими, но это совсѣмъ невѣрно.* Какая путаница царитъ вообще въ ихъ опредѣленіяхъ, показываетъ слѣдующее. Одни говорятъ, что «мысль есть движеніе матеріи», другіе говорятъ, что «мысль есть продуктъ движенія матеріи», и, наконецъ, *Бюхнеръ* договорился до того, что сталъ утверждать, что есть какая-то третья сущность, выраженіемъ которой являются психическія и физическія явленія» *). Если бы вы стали утверждать, что вы дарвинистъ и потомъ оказалось бы, что вы собственно не знаете, что значитъ быть дарвинистомъ, то это было бы очень удивительно, а между тѣмъ такая удивительная вещь постоянно происходитъ съ защитниками матеріализма.

Подъ матеріализмомъ на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ разумѣть то философское ученіе, которое старается отвѣтить на вопросъ, изъ чего въ концѣ концовъ все въ мірѣ существующее состоитъ? Можно думать, что дѣйствительность состоитъ изъ духа, или что она состоитъ изъ матеріи или изъ какой-нибудь особенной субстанціи, которая одинаково обладаетъ свойствами какъ матеріи, такъ и духа. Матеріалистъ долженъ сказать, что все существующее состоитъ изъ матеріальныхъ атомовъ. Онъ долженъ сказать, пародируя Архимеда, «дайте мнѣ матерію, и я создамъ все въ мірѣ существующее» **).

*) Бюхнеръ. «Kraft und Stoff» 17 изд. 1892, стр. 308.

**) Опредѣленіе матеріализма можно найти у *Паульсена.* «Введеніе въ философію». М. 1894 г., стр. 46—7 и д.: *Фалькенбергъ.* «Исторія новой философіи». 1894 г. стр. 561: «Матеріализмъ—ученье, что все существующее тѣлесно, всякій процессъ есть лишь движеніе матеріальныхъ частицъ, что духъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ матеріи. Самый духъ матеріалисты разсматриваютъ или какъ тѣло (обыкновенно какъ мозгъ), или какъ отдѣльный видъ тѣлесныхъ процессовъ, или какъ ихъ результатъ, какъ свойство или дѣйствіе органической матеріи. Сознаніе, ощущеніе, мышленіе,—все это нервные процессы, движеніе мозга». Это опредѣленіе Фалькенберга слѣдуетъ

Послѣдовательный матеріалистъ долженъ разсуждать вотъ какъ: «существуютъ въ мірѣ матеріальные атомы, тѣ самые атомы, съ которыми имѣетъ дѣло физикъ и химикъ, т. е. тѣ атомы, которые обладаютъ способностью двигаться, обладаютъ непроницаемостью, тяжестью и т. п. Изъ этихъ атомовъ я могу создать все въ мірѣ существующее и жизнь, и душу и т. п.». Вотъ, если онъ послѣдовательный матеріалистъ, то онъ долженъ всю дѣйствительность создать именно изъ этихъ атомовъ и въ своемъ объясненіи ничего не долженъ подставлять вродѣ сознанія, мышленія и т. п.

На самомъ же дѣлѣ матеріалистъ никогда не бываетъ въ состояніи сдѣлать этого послѣдовательно. Это онъ могъ бы сдѣлать только въ томъ случаѣ, если бы показалъ, что то, что мы называемъ *мыслью*, *сознаніемъ*, есть не что иное, какъ движеніе матеріи или продуктъ движенія матеріальныхъ частицъ.

Въ своей статьѣ я хотѣлъ показать, что мысль, сознаніе, вовсе не есть движеніе матеріи, и что она не есть также продуктъ движенія матеріальныхъ частицъ.

Нужно прежде всего понять, что значитъ слово *психическій*, нужно понять, къ чему мы прилагаемъ это названіе, и каковы свойства психическаго въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, къ чему мы прилагаемъ названіе *физическій*.

Для людей мало опытныхъ въ области философскаго разсужденія можетъ казаться, что такъ называемыя психическія явленія на самомъ дѣлѣ вовсе даже не существуютъ, что реально только лишь физическое, а что все такъ называемое психическое реальностью не обладаетъ. Обыкновенно говорятъ: «что, напримѣръ, камень существуетъ, это для меня очевидно, что существуетъ вода, наконецъ воздухъ, въ этомъ я могу легко убѣдиться, а вотъ что существуетъ сознаніе, въ этомъ мнѣ никакъ нельзя убѣдиться. Скажите мнѣ, *гдѣ* оно существуетъ? и тогда я признаю его реальность, въ противномъ случаѣ я вовсе не обязанъ признавать его реальность». Но разсуждающіе такимъ образомъ обыкновенно не понимаютъ, что «*реально* не только то, что можно руками взять», какъ выразился философъ Платонъ. Легко показать, что *психическое такъ же реально, какъ и все физическое*. Въ самомъ дѣлѣ, каковы признаки реальности? Что мы называемъ реальнымъ, въ дѣйствительности существующимъ? По моему мнѣнію, реальнымъ слѣдуетъ называть все то, что оказываетъ какое-либо дѣйствіе

дополнить слѣдующимъ опредѣленіемъ Вундта («Grundriss der Psychologie». Lpz. 1896 г., стр. 8): «Матеріалистическая психологія сводитъ психическіе процессы на тотъ же самый матеріальный субстрактъ, который естествознаніе гипотически кладетъ въ основаніе объясненія естественныхъ явленій».

на наше сознаніе. Мы говоримъ: свѣтъ существуетъ, звукъ существуетъ, потому что и то, и другое оказываетъ воздѣйствіе на наше сознаніе; теплота существуетъ, цвѣтъ существуетъ на томъ же самомъ основаніи. Тѣла твердыя существуютъ, потому что мы ихъ видимъ, потому что они оказываютъ сопротивленіе, они оказываютъ извѣстное воздѣйствіе на наше сознаніе. Если такъ, то посмотримъ, существуютъ ли реально мысли и чувства? Существуетъ ли, напримѣръ, чувство голода, существуетъ ли какое-нибудь желаніе реально и т. п. Если кто-нибудь сомнѣвается въ томъ, какой дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, — пусть спроситъ у человѣка голодающаго, существуетъ ли чувство голода реально, или же нѣтъ? Пусть онъ спроситъ у человѣка, наслаждающагося музыкой, существуетъ ли эстетическое наслажденіе реально? Я думаю, что отвѣтъ во всѣхъ этихъ случаяхъ очевиденъ.

Итакъ, слѣдовательно, несомнѣнно, что такъ называемыя *психическія явленія имѣютъ реальность, дѣйствительное существованіе.* Да собственно едва ли стоило бы объ этомъ такъ много говорить, потому что на самомъ дѣлѣ всякая другая реальность имѣетъ реальность только лишь постольку, поскольку она является предметомъ нашего сознанія. Мы говоримъ, что, напримѣръ, тотъ или другой минералъ имѣетъ реальность только лишь постольку, поскольку я о немъ имѣю извѣстное представленіе. Согласитесь съ тѣмъ, что если бы я не имѣлъ *представленія* или *сознанія* минерала, то могъ ли бы я говорить что-нибудь о реальности минерала? Слѣдовательно, существованіе у меня *представленія* минерала есть условіе признанія мною реальности минерала.

Такимъ образомъ, оказывается, что мы сомнѣвались въ *реальности сознанія, представленій,* на самомъ же дѣлѣ реальность ихъ не только не сомнѣнна, но даже реальность вещей внѣ насъ удостовѣряется именно реальностью этихъ представленій. Ясно, слѣдовательно, что нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ реальности представленій, чувствъ, желаній и т. п. Однимъ словомъ, мы можемъ сказать, что кромѣ той реальности, которую мы воспринимаемъ при помощи органовъ чувствъ, есть еще реальность психическихъ явленій.

Замѣтивши это, спросимъ себя, чѣмъ же характеризуется эта реальность, и сравнимъ, какое существуетъ различіе между реальностью физической и психической? Въ прошлой статьѣ о матеріализмѣ я указалъ подробно, что психическія явленія протяженностью не обладаютъ, въ пространствѣ не совершаются, и что это для всякаго, кто употребляетъ слово *психическій* правильно, такъ же очевидно, какъ то, что матерія протяженна. Кто съ этимъ

согласенъ, тотъ согласится съ тѣмъ, что психическое и физическое разнородно такъ же, какъ звукъ и свѣтъ и что отожествлять ихъ было бы такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо было бы утверждать, что свѣтъ то же, что звукъ. Если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что все психическое, подобно остальной матеріальной дѣйствительности, протяженно, что, напр., чувство голода на самомъ дѣлѣ протяженно, то онъ, очевидно, говорилъ бы не о *чувствѣ* голода, а о тѣхъ *физіологическихъ процессахъ*, которые сопровождаютъ чувство голода. Въ кишечномъ каналѣ, во вкусовомъ органѣ и въ другихъ частяхъ нашего организма совершаются различные физіологическіе процессы, которые *сопровождаютъ* переживаемое нами чувство голода, но эти процессы сами по себѣ не есть *чувство* голода. Развѣ мы можемъ поставить знакъ равенства между *чувствомъ* голода и тѣми *физіологическими процессами*, которые происходятъ у меня въ организмѣ? Что между ними есть различіе, на это указываетъ то обстоятельство, что мы употребляемъ два различныхъ слова для обозначенія этихъ двухъ различныхъ процессовъ. Кромѣ того, на различіе ихъ указываетъ и то обстоятельство, что бездомный бродяга прекрасно знаетъ, что такое голодъ, не имѣя никакого представленія о томъ, какіе физіологическіе процессы сопровождаютъ чувство голода; ребенокъ, дикарь, знаютъ, что такое голодъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній въ области физіологіи. Кто это понялъ, тотъ согласится со мною, что къ тому, чему мы придаемъ названіе психическій, не можетъ быть приложимъ ни одинъ изъ предикатовъ пространственной протяженности. *Все психическое характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, что оно протяженностью не обладаетъ, что оно въ пространствѣ не совершается* *).

*) Говоря о коренномъ различіи между «физическимъ и психическимъ», приходится употреблять термины: «физическія и психическія *явленія*». По поводу этого термина поступило чрезвычайно много возраженій отъ студентовъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Вы говорите, что психическія явленія непротяженны, а развѣ такія явленія, какъ электричество, теплота и т. п. протяженны?» Такое же замѣчаніе сдѣлано г. Карданусомъ въ указанной статьѣ. «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—вѣдь фраза: явленія, относящіяся къ міру физическому, обладаютъ качествомъ протяженности, есть плодъ чисто дѣтскаго пониманія вопроса. Физика учитъ, что качествомъ протяженности обладаютъ тѣла, но не явленія. Или быть, можетъ, г. Челпановъ воображаетъ, что магнитныя, электрическія явленія имѣютъ протяженность?» Замѣчаніе весьма глубокомысленное, въ особенности для натуралиста. Очевидно, для г. Кардануса непонятно значеніе слова *явленіе* въ данномъ случаѣ. Понятіе явленія въ выраженіи: «психическія явленія» и въ выраженіи: «физическія явленія» употреблено въ двухъ различныхъ смыслахъ. Когда мы говоримъ о физическихъ *явленіяхъ*, то мы употребляемъ это

Мнѣ могутъ сказать, что это указаніе никакой цѣны не имѣетъ, такъ какъ изъ того, что явленія сознанія лишены протяженности, ничего не слѣдуетъ, вѣдь, изъ отрицательныхъ опредѣленій нельзя сдѣлать никакого вывода. На самомъ же дѣлѣ это утвержденіе имѣетъ огромную цѣну. Разъ мы знаемъ, что явленіе сознанія не имѣетъ протяженности, то *мы не будемъ примѣнять къ нимъ всего того, что необходимо вытекаетъ изъ отношеній пространственной протяженности*, какъ-то пространственныхъ измѣреній, движенія въ пространствѣ и т. п.

Но откуда вамъ извѣстно, могутъ спросить меня, что все психическое протяженностью не обладаетъ: «вѣдь это утвержденіе только въ томъ случаѣ можно было бы признать правильнымъ, если бы оно было *доказано научно*, а простое утвержденіе, что все психическое протяженностью не обладаетъ, не есть положеніе *научно доказанное*» *). По моему мнѣнію, эта фраза обыкновенно

слово въ смыслѣ *процессъ* для противоположенія *тѣламъ*, какъ чего-то постояннаго. (См. *Шведовъ* «Методика физики». Одесса. 1894. «Все, что въ нашемъ умѣ связывается съ идеей *времени*, называется *явленіемъ*. Явленіе и тѣло суть двѣ простѣйшія формы всего чувственнаго»). Въ физическомъ мірѣ истинной реальностью, по общепринятымъ воззрѣніямъ, обладаютъ *тѣла* (т. е. атомы и ихъ совокупность). Въ явленіяхъ физическихъ эти послѣднія реальности (т. е. атомы) только измѣняютъ свое положеніе въ пространствѣ и этимъ обусловливаютъ то или другое физическое явленіе (теплоту, магнетизмъ и т. п.). Истинная реальность принадлежитъ только тѣламъ; что же касается физическихъ явленій (движенія, паденій, измѣненія), то это суть только *состоянія* тѣлъ. Между *явленіями* физическими и *явленіями* психическими нѣтъ аналогіи, потому что психическихъ *тѣлъ* нѣтъ. Поэтому, сравненіе психическихъ явленій съ физическими, когда дѣло идетъ о томъ, что къ явленіямъ психическимъ непримѣнимы категоріи протяженности (движеніе въ пространствѣ, и т. п.), совсѣмъ неправильно. Очевидно, что слово «явленіе» въ выраженіи «психическое явленіе» служитъ просто для обозначенія чего-либо существующаго въ смыслѣ латинскаго res (вещь), напр., у Цицерона, у Декарта (res materiales и res intellectuales; corpus=res extensa, mens=res cogitans). Въ такомъ же смыслѣ «*вещь*» употребляется и у новѣйшихъ писателей напр., у Милля «Логика». Кн. I-я гл. 3-я «Перечисленіе вещей» (Enumeration of Fhings). Къ числу этихъ *вещей* относятся во-1-хъ, чувства, или состоянія сознанія, во-2-хъ, тѣла или внѣшніе предметы и пр. См. *Bain* «Logic» ч. I-я 1879, стр. 254—263. Если понимать слово «явленіе» въ смыслѣ «вещи» (res), то вышеприведенное возраженіе, конечно, утрачиваетъ всякій смыслъ.

*) Большинство студентовъ, которые мнѣ писали по поводу матеріализма, предлагали именно этотъ вопросъ. Къ числу не понявшихъ это мѣсто моей статьи относится и г. Карданусъ въ «Новостяхъ» (ук. ст.). Онъ пишетъ, «для того, чтобы разсужденіе г. Челпанова было убѣдительно, ему слѣдовало *доказать*, что представленіе не есть что-либо матеріальное»; онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я, вмѣсто того, чтобы «*доказать*, что ощущеніе не есть форма движенія», ввожу это положеніе, какъ нѣчто доказанное, не подлежащее сомнѣнію».

произносится для того, чтобы употребить запугивающее слово *научный*, потому что на самомъ дѣлѣ «научное доказательство» здѣсь рѣшительно не при чемъ.

Многіе думаютъ, что наука строится только изъ доказательствъ. Они, очевидно, не знаютъ того простого факта, что вообще доказательство основывается на какихъ-нибудь *принципахъ*, которые, въ свою очередь, на чемъ-нибудь основываются. Представьте, что вы доказываете что-нибудь на основаніи какого-нибудь принципа, Положимъ дальше, что вы сомнѣваетесь въ истинности принципа. на который вы опираетесь; какъ вы поступите въ этомъ случаѣ? Конечно, вамъ нужно и этотъ принципъ доказать при помощи какого-либо другого принципа. А если и этотъ принципъ покажется сомнительнымъ, то какъ тогда поступить? и его нужно доказать. Но согласитесь, долженъ же быть гдѣ-нибудь предѣлъ этому, долженъ же быть пунктъ, который уже не *можетъ* быть доказываемъ, да и не *долженъ* быть доказываемъ. Вѣдь если бы и эти послѣднія основанія науки должны были *доказываться*, то наука перестала бы быть наукой.

И мы такимъ образомъ приходимъ къ положеніямъ, которыя въ логикѣ называются *непосредственно очевидными*. Дабы не усложнять изложенія примѣрами изъ математики *), я возьму какой-нибудь примѣръ изъ естествознанія.

Положимъ, я сомнѣваюсь въ томъ, что на солнцѣ существуютъ какія-нибудь вещества въ родѣ тѣхъ, какія существуютъ на землѣ. Натуралистъ мнѣ скажетъ: «Да, несомнѣнно, на солнцѣ имѣется желѣзо напр.». Я потребую, чтобы онъ это утвержденіе *доказалъ научно*. Тогда онъ скажетъ: «Это доказывается тѣмъ, что спектръ солнца даетъ линіи, характерныя для желѣза». Если бы это осталось для меня непонятнымъ, то онъ, по всей вѣроятности, сослался бы на принципъ, что «если въ извѣстной части спектра являются характерныя линіи, то это значитъ, что въ источникѣ свѣта, дающаго спектръ, содержится желѣзо». Если бы я и въ этомъ усомнился, то онъ, по всей вѣроятности, нашелъ бы нужнымъ познакомить меня съ процессомъ полученія спектра, съ особенностями различныхъ элементовъ давать своеобразные спектры, онъ объяснилъ бы мнѣ свойства призмы разлагать лучи свѣта и т. п., такъ что въ концѣ-концовъ предъ нами предстали бы та-

*) На примѣрахъ математики особенно хорошо можно было бы показать, какъ мы извѣстныя положенія доказываемъ при помощи извѣстныхъ принциповъ, которые, въ свою очередь, доказываются при помощи новыхъ и т. д., пока, наконецъ, мы не приходимъ къ положеніямъ непосредственно очевиднымъ: къ аксіомамъ и опредѣленіямъ.

кія *простыя* вещи, какъ «желѣзо», «пламя», «цвѣта спектра». Представьте себѣ, что дѣло дошло до того, что онъ, показывая спектръ, назвалъ бы цвѣтъ, находящійся въ крайней лѣвой части его, краснымъ цвѣтомъ. Какъ, по вашему мнѣнію, онъ посмотрѣлъ бы на меня, если бы я довелъ свой скептицизмъ до того, что сталъ бы требовать *доказательствъ* того, что красный цвѣтъ спектра—красный. Если бы я ему сказалъ, что «я вижу, что съ лѣвой стороны спектра находится красный цвѣтъ, но только я хочу, чтобы онъ *научно доказалъ*, что это красный цвѣтъ». Онъ, конечно, или заподозрилъ бы, что мои органы чувствъ не въ порядкѣ, или что я строю какіе-нибудь софизмы. Онъ, конечно, сказалъ бы, что, по его мнѣнію, такіе вещи не *доказываются*: у кого органы чувствъ въ порядкѣ, кто нормально ощущаетъ красный цвѣтъ и разъ слышалъ его названіе, тотъ уже больше не станетъ сомнѣваться въ томъ, что́ называется краснымъ цвѣтомъ; тотъ уже не будетъ требовать доказательства: красный цвѣтъ есть ли красный цвѣтъ? Вотъ это именно и есть то, что въ логикѣ называютъ *чувственною очевидностью* или *непосредственной очевидностью* *).

---

*) О понятіи доказательства и непосредственной очевидности см. *Милль* «Логика», введеніе § 4. *Троицкій* «Учебникъ логики». М. 1885. (Введеніе; объ очевидности, какъ предметѣ логики. Стр. 26). *Bain* «Logic». 1879. Ч. I., 32—36. Wund «Logik». B. I. Absk. I. Cap. 3. Die Logische Evidenz. *Бенъ*, принадлежащій къ тому же направленію, что и Милль, говоритъ «Logic». (Port. I. 1879, стр. 32—3): «Существуетъ два рода истинъ: истины, познаваемыя *непосредственно*, интуитивно, или посредствомъ прямого сознанія, и истины, познаваемыя чрезъ *посредство* другихъ истинъ».

При совершеніи посредственныхъ выводовъ мы можетъ впадать въ ошибки. Поэтому, мы нуждаемся въ извѣстномъ количествѣ предосторожностей. Эти предосторожности и суть правила логики. Что касается непосредственныхъ истинъ, то ни въ какихъ такихъ правилахъ нѣтъ необходимости.

Милль («Логика», введеніе § 4) говоритъ: «Все, что мы способны познавать, должно принадлежать къ одному классу или къ другому; должно быть или въ числѣ *первоначальныхъ данныхъ*, или въ числѣ заключеній, которыя могутъ быть выведены изъ нихъ».

Wundt «Logik». B. I., стр. 92 (изд. 1893): «На чемъ основывается *очевидность* результатовъ нашего мышленія? Очевидность эта проявляется въ двухъ формахъ. Извѣстной мысли можетъ быть присуща *непосредственная* достовѣрность, которая не является результатомъ воздѣйствія другихъ актовъ мысли, но которая для насъ тотчасъ ясна, какъ только мысль совершена, или достовѣрность можетъ быть *посредственной*, когда она основывается на другихъ предшествующихъ актахъ мысли. Въ томъ случаѣ мысль обладаетъ самостоятельной истинностью, въ этомъ случаѣ она обладаетъ таковою только при предположеніи истинности извѣстныхъ посредствующихъ актовъ мысли. Въ первомъ случаѣ истинность *реальная*, поскольку она находится въ полной

Отсюда, я думаю, должно сдѣлаться яснымъ различіе, существующее между такими понятіями, какъ *доказать* и *показать*. Различіе это сводится вотъ къ чему: *доказывается* непремѣнно изъ какихъ-нибудь принциповъ и сводится къ обнаруженію какихъ-нибудь *сложныхъ* свойствъ тѣлъ. «*Показать*» можно *простыя* свойства тѣлъ, напр., величину, протяженность, цвѣтъ, запахъ, вкусъ и т. п. Напр., вода жидка.. Докажите это положеніе. Его *доказать* нельзя, можно только *показать*. Если вы обладаете нормальными органами и знаете, что слово «жидкій» обозначаетъ то свойство, по которому тѣло обнаруживаетъ извѣстную форму сопротивленія, то вы должны тотчасъ же видѣть, что данное тѣло, т. е. вода, жидка. Если бы, напр., представить, что мой осязательный органъ внезапно измѣнился въ такомъ направленіи, что онъ сдѣлался необыкновенно чувствительнымъ къ сопротивленію, тогда, конечно, вода показалась бы мнѣ твердымъ тѣломъ. Тогда вы доказывайте сколько вамъ угодно, что «вода есть жидкость», она все-таки была бы для меня твердымъ тѣломъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ все зависитъ не отъ доказательствъ, а отъ непосредственнаго воспріятія.

Вотъ на этой непосредственной очевидности основано утвержденіе, что психическія явленія протяженностью не обладаютъ. Если кто-нибудь знаетъ смыслъ словъ: чувство, мысль, желаніе, тотъ отлично знаетъ, что о нихъ нельзя сказать, что они совершаются въ пространствѣ, что они имѣютъ длину, ширину и т. п.

На это утвержденіе одинъ изъ возражающихъ мнѣ пишетъ: «Пусть въ настоящее время научно и не доказано, что психическія явленія не обладаютъ пространственною протяженностью, но весьма возможно, что со временемъ наука докажетъ, что мысль обладаетъ протяженностью. Вы думаете, что то, что теперь намъ кажется такимъ, такимъ будетъ казаться намъ и впослѣдствіи, при гораздо болѣе совершенномъ состояніи науки? Не значитъ ли это, что вы не вѣрите въ прогрессъ науки?» На это я могу отвѣтить только одно: «Пожалуй, можетъ быть, когда-нибудь и будетъ доказано научно, что мысль обладаетъ протяженностью, но это будетъ именно тогда, когда будетъ научно доказано, что *матерія протяженностью не обладаетъ*, та самая матерія, которая, какъ намъ ка-

---

зависимости отъ содержанія или матеріи мысли, во второмъ случаѣ истинность только *формальная*. Непосредственная очевидность нашего мышленія имѣетъ свой источникъ въ созерцаніи» (Anschauung). Болѣе полное изложеніе вопроса читатель, уже знакомый съ логикой, можетъ найти въ книгѣ Sigwart'a «Logik». B. I. 1889. Глава объ истинности непосредственныхъ сужденій (Die Wahrheit der unmittelbaren Urtheile), стр. 382—400.

жется, въ настоящее время обладаетъ пространственной протяженностью, которая, какъ намъ кажется, въ настоящее время движется въ пространствѣ». Такъ какъ это послѣднее предположеніе очевидно нелѣпо, то также нелѣпо и первое. Такимъ образомъ ясно, что *во всякой наукѣ* существуютъ положенія такъ называемыя непосредственно очевидныя и выводныя. Положенія выводныя въ концѣ-концовъ строятся на положеніяхъ непосредственно очевидныхъ. Спрашивается, если естествознаніе, которое строится на такихъ основаніяхъ, считается наукой, то отчего же психологія, которая требуетъ того же, не должна считаться наукой?

Я требую не больше того; я утверждаю, что если естествознаніе по необходимости имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ *непосредственно* или *чувственно-очевидныя* положенія, то отчего, спрашивается, психологія не можетъ опираться на такія же положенія?

Замѣтивъ, такимъ образомъ, что *мысль не есть движеніе*, разсмотримъ другое положеніе матеріализма, что *мысль есть продуктъ движенія матеріальныхъ частицъ*, что движеніе матеріальныхъ частицъ порождаетъ мысль. Я именно хочу показать, что движеніе матеріальныхъ частицъ никогда не можетъ породить мысли, что движенія матеріальныхъ частицъ никогда не могутъ *превратиться* въ сознаніе. Многіе этого никакъ понять не въ состояніи. «Какъ вы говорите, что физическія явленія не *порождаютъ* явленій психическихъ, когда между ними несомнѣнно существуетъ *причинное* отношеніе; вѣдь, когда извѣстные нервы функціонируютъ, у насъ имѣются извѣстные психическіе процесы, когда эти нервы отсутствуютъ, то и процессы отсутствуютъ, когда эти нервы возбуждаются, то и сознаніе существуетъ, когда нервы находятся въ покойномъ состояніи, то и соотвѣтствующіе имъ психическіе процессы отсутствуютъ. Словомъ сказать, совершенно такъ, какъ во всѣхъ другихъ *причинныхъ* соотношеніяхъ въ мірѣ физическихъ явленій».

Пусть будетъ такъ, пусть между ними существуетъ причинность, но намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, что́ это за причинность. Для этого замѣтимъ слѣдующее. Мы имѣемъ два ряда явленій, которыя мы обозначимъ буквами *Ps* и *Ph* *); теперь намъ нужно опредѣлить, какая между ними существуетъ *связь*. Опытъ говоритъ, что между ними существуетъ связь такого рода, что никогда *Ps* не можетъ существовать безъ *Ph*. Вполнѣ съ этимъ соглашаюсь, но не думаю, чтобы изъ этого слѣдовало утвержденіе матеріалистовъ, что движенія мозга *превращаются* въ сознаніе.

*) *Ps*=явленія психическія, *Ph*=явленія физическія.

Итакъ, мы имѣемъ два ряда явленій (*Ps* и *Ph*), данныхъ намъ въ дѣйствительности. Пока психологъ занимается этими двумя рядами явленій, онъ дѣйствуетъ какъ истинный натуралистъ, онъ занимается дѣйствительностью, тѣмъ, что ему дано, дано непосредственно, подлежитъ его непосредственному изслѣдованію. Если бы кто-нибудь въ этомъ пунктѣ сталъ меня оспаривать, тому могу прямо сказать, что онъ въ этомъ разсужденіи чего-нибудь не понимаетъ.

Но отъ этихъ двухъ *непосредственно данныхъ реальностей* мы тотчасъ переходимъ къ изслѣдованію, носящему несомнѣнно метафизическій характеръ.

Мы не были бы въ состояніи объяснить дѣйствительности, если бы не свели все существующее къ *одному* какому-нибудь принципу и именно изъ существующаго: или къ *духу*, или къ *матеріи*. Тогда намъ придется одну изъ непосредственно намъ данныхъ реальностей, или духъ, или матерію, сдѣлать *видимостью*, или проявленіемъ какого-нибудь одного начала. Дѣлать то, что дано намъ непосредственно, въ *опытѣ*, проявленіемъ чего-то другого—значитъ переходить за предѣлъ опыта, это значитъ производить метафизическія построенія.

Итакъ, намъ даны непосредственно двѣ реальности: духовная и матеріальная. Разсмотримъ, какое между ними существуетъ отношеніе.

Между ними мыслимы слѣдующія отношенія:

1) Можно думать, что *Ps* вовсе не существуетъ, что существуютъ только лишь физическія явленія, а что психическія явленія всецѣло матеріальны (матеріализмъ Демокрита).

2) Можно сказать, что *мысль есть движеніе частицъ мозга*. Здѣсь отожествленіе, приводящее къ отрицанію самостоятельной реальности *Ps*.

3) Можно сказать, что *Ps создается превращеніемъ движеній матеріальныхъ частицъ*; опять-таки въ этомъ случаѣ *Ps* не имѣетъ самостоятельной реальности.

4) Можно сказать, что *Ps есть свойство Ph*, подобно другимъ свойствамъ тѣлъ.

5) Можно сказать, что *Ph совсѣмъ не существуетъ*, что матеріальное есть только проявленіе духовнаго начала (Это — спиритуализмъ).

Наконецъ, 6) можно сказать, что *между Ps* и *Ph существуетъ функціональное отношеніе* въ смыслѣ математики, т. е., что *Ps* и *Ph* связаны другъ съ другомъ такимъ образомъ, что всякій разъ измѣненіе въ *Ph*, напр., вызываетъ соотвѣтствующее измѣ-

неніе въ *Ps*, и наоборотъ. Напр., если увеличивается напряженность возбужденія въ *Ph*, то оно тотчасъ выражается въ увеличеніи напряженности въ *Ps*, и наоборотъ.

Изъ всѣхъ этихъ возможныхъ отношеній между *Ph* и *Ps* мы уже разсмотрѣли 2-е; изъ остальныхъ мы разсмотримъ только 3-е.

Я утверждаю, что *Ps* не можетъ созидаться простымъ *превращеніемъ Ph*, между ними не существуетъ того отношенія причинности, какое существуетъ между явленіями физическими, въ которыхъ именно происходитъ постоянное *превращеніе* физической энергіи, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

По мнѣнію многихъ современныхъ выдающихся философовъ нужно различать два рода причинности: причинность *физическую* и *психическую*. Если мы возьмемъ какую-нибудь причинную связь въ физическомъ мірѣ, напр.: ядро, выброшенное изъ пушки, разрушаетъ стѣну, искра сжигаетъ городъ, дровосѣкъ рубитъ топоромъ дрова, звонарь звонитъ въ колоколъ и т. п. и разсмотримъ *причину* и *слѣдствіе* въ этихъ дѣйствіяхъ, то мы увидимъ, что въ нихъ происходитъ только лишь *перемѣщеніе физической энергіи*. Поэтому, мы можемъ сказать, что причинность въ мірѣ физическомъ есть не что иное, какъ *превращеніе физической энергіи*. Явленія психическія, конечно, точно такимъ же образомъ, какъ и физическія подчинены закону причинности, но только здѣсь причинность совсѣмъ иного рода.

Различіе причинностей психической и физической обусловливается особенностями явленій физическихъ и психическихъ, и именно тѣмъ, что къ явленіямъ физическимъ примѣнимъ такъ-называемый законъ сохраненія энергіи, между тѣмъ какъ къ явленіямъ психической жизни этотъ законъ примѣненъ быть не можетъ.

Чтобы сдѣлать это для васъ понятнымъ, я постараюсь вкратцѣ изложить *вопросъ о сохраненіи энергіи*.

Современное естествознаніе стремится къ тому, чтобы всѣ явленія природы истолковать механически или, какъ выражался Дюбуа Реймонъ, «свести все на механику атомовъ».

Атомы—это послѣдніе элементы матеріи, обладаютъ извѣстными свойствами. Ихъ соединенія даютъ тѣла, состояніе и дѣятельность которыхъ, въ концѣ концовъ, сводится на дѣятельность атомовъ. Такія явленія, какъ теплота, электричество, свѣтъ, химическія явленія, суть не что иное, какъ особый видъ движенія атомовъ, или послѣднихъ частей матеріи. Для всѣхъ физическихъ явленій справедливъ принципъ сохраненія энергіи, т. е. при всѣхъ превращеніяхъ физическихъ явленій другъ въ друга, въ нихъ всегда остается одинъ факторъ по своей величинѣ неизмѣннымъ, это именно *спо-*

собность совершать механическую работу. Эта способность называется также *энергіей*. Различаютъ два вида энергіи: *кинетическую* и *потенціальную*. Ядро, выброшенное изъ орудія, обладаетъ способностью произвести извѣстное количество работы, оно, какъ говорятъ, обладаетъ *кинетической* энергіей, оно можетъ, напр., разрушить каменную стѣну, которая встрѣтится ей на пути. Камень, который мы подняли на извѣстную высоту, употребивъ на это извѣстное количество кинетической энергіи, обладаетъ извѣстнымъ количествомъ *потенціальной* энергіи, т. е. при извѣстныхъ условіяхъ можетъ совершить извѣстное количество работы, равное той работѣ, которая была употреблена на его поднятіе.

Ядро, выброшенное изъ метательнаго снаряда, совершаетъ движеніе, оно обладаетъ, какъ я только что сказалъ, кинетической энергіей; если на пути своемъ ядро встрѣтитъ препятствіе, напр., стѣну броненосца, то движеніе можетъ прекратиться и взамѣнъ этого движенія получится согрѣваніе стѣны броненосца, т. е. одна форма энергіи, или способность привести въ движеніе извѣстную массу съ извѣстной скоростью превратилась въ теплоту, представляющую изъ себя другую форму энергіи. Если движеніе массы (въ приведенномъ случаѣ движеніе ядра), или механическая работа превращается въ опредѣленное количество теплоты, то и наоборотъ, теплота способна производить подобную же «механическую работу», т. е. движеніе видимой массы. Чтобы понять это, возьмемъ слѣдующій примѣръ. Теплота, которою мы пользуемся при работѣ машинъ, получается чрезъ сжиганіе угля, т. е. чрезъ химическій процессъ. Горѣніе угля есть химическое соединеніе углерода съ кислородомъ воздуха, является слѣдствіемъ химическаго сродства обоихъ элементовъ. На силу сродства мы можемъ смотрѣть, какъ на взаимное притяженіе, которое проявляется, и притомъ съ чрезвычайной силой,—только въ томъ случаѣ, когда мельчайшія частицы приходятъ въ очень близкое соприкосновеніе другъ съ другомъ. Эта сила дѣйствуетъ при горѣніи; атомы кислорода и углерода наталкиваются другъ на друга, соединяются и образуютъ новую матерію, а именно, угольную кислоту. Эта притягательная сила между атомами углерода и кислорода производитъ работу... Послѣ того, какъ столкнулись атомы углерода и кислорода, новообразованныя частицы угольной кислоты должны находиться въ сильномъ молекулярномъ движеніи, т. е. въ тепловомъ движеніи. Сродство углерода съ кислородомъ, при сгораніи, производитъ работу, которая проявляется въ формѣ теплоты. Теплота, созданная такимъ образомъ, въ свою очередь можетъ переводить воду въ парообразное состояніе, обладающее извѣстной упругостью, способною приводить

въ движеніе поршень цилиндра, который, наконецъ, въ свою очередь, можетъ приводить въ движеніе паровозъ. Вотъ примѣръ превращенія различныхъ видовъ энергіи: энергія химическаго сродства, состоящая въ томъ, что при соединеніи частичекъ создается извѣстное количество работы, превращается въ энергію упругости пара, которая въ свою очередь превращается въ энергію движенія паровоза. Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинъ видъ энергіи превращается въ другой, причемъ во всѣхъ превращеніяхъ количество ея остается неизмѣннымъ. *Энергія не создается изъ ничего, не превращается въ ничто* *).

Эта гипотеза эквивалентности превращаемой энергіи прилагается ко всѣмъ явленіямъ физическаго міра. Нашъ организмъ съ его нервной системой не представляетъ исключенія изъ числа этихъ явленій. Онъ есть матеріальная система, какъ и всѣ другія тѣла. Эта система воспринимаетъ огромное количество энергіи изъ окружающей среды, главнымъ образомъ въ формѣ химическихъ энергій пищевыхъ веществъ. Эти послѣднія внутри его *превращаются* самымъ различнымъ образомъ въ другія формы энергій. Нашъ организмъ непрерывно испускаетъ огромное количество тепла въ окружающую среду, производитъ движеніе членами, сокращая мускулы, потрясаетъ воздухъ при помощи голосовыхъ органовъ, производитъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ электрическіе токи. Въ общемъ можно сказать, что количество энергіи, введенное въ организмъ, равняется количеству энергіи, созидаемой организмомъ **).

Но мы не должны забывать, что всѣ эти превращенія молярнаго движенія ***) въ молекулярное, въ теплоту, теплоты въ электричество и т. п. есть не что иное, какъ только видоизмѣненіе различныхъ формъ *движенія* или различныхъ расположеній частицъ. Я не рѣшаюсь поднимать вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ современному естествознанію удалось всѣ явленія природы представить себѣ въ формѣ движенія матеріальныхъ частичекъ; для насъ важно замѣтить, что гипотеза сохраненія энергіи находится въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о *матеріи*. «Все то, что мы знаемъ о матеріи, сводится на рядъ явленій, въ которыхъ энергія переносится отъ одной части матеріи къ другой, пока въ какой-нибудь части этого ряда не подѣйствуетъ на наше тѣло и тогда мы сознаемъ въ себѣ ощущеніе... Мы знаемъ *матерію*, какъ нѣчто такое,

*) Для ближайшаго ознакомленія съ вопросомъ о сохраненіи энергіи. См. *Тэтъ* «О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній». Спб. 1877. *Гельмгольцъ* «О сохраненіи энергіи». Од. 1896.

**) См. *Ebbinghaus*. «Grundzüge d. Psychologie». Lpz. 1897. B. I, стр. 30.

***) Т. е. движенія видимой массы.

чему можетъ быть сообщена энергія отъ другой матеріи и что, въ свою очередь, можетъ сообщать энергію другой матеріи. *Энергію* мы знаемъ только какъ нѣчто такое, что во всѣхъ явленіяхъ природы постоянно переходитъ отъ одной части матеріи къ другой. *Энергія можетъ существовать не иначе, какъ въ связи съ матеріей*» *). Я считаю излишнимъ поднимать вопросъ о томъ, что̀ существуетъ реально: *матерія* или *энергія* **). На самомъ дѣлѣ, какъ одно, такъ и другое одинаково реальны. Матерія, какъ и энергія, есть предположеніе, абстракція, которое дѣлаетъ для насъ понятнымъ рядъ перемѣнъ, совершающихся во внѣшнемъ мірѣ. *Матерія* можетъ быть приспособлена больше для выраженія чего-то косно существующаго, въ то время какъ *энергія* служитъ для выраженія того, что находится въ состояніи дѣйствія. Рѣшеніе этого вопроса, впрочемъ, для насъ не важно, потому что какъ бы мы на него ни отвѣтили, мы все равно будемъ имѣть дѣло съ *явленіемъ, совершающимся въ пространствѣ*, ибо мыслить энергію безъ того, что мы называемъ матеріей—едва ли окажется возможнымъ.

Все это разсужденіе должно привести насъ къ признанію того, что въ явленіяхъ матеріальнаго міра мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то совершающимся въ пространствѣ, съ чѣмъ-то такимъ, къ чему можетъ быть приложенъ предикатъ пространственной протяженности. Матерія характеризуется совершенно опредѣленными признаками, вполнѣ отличающими ее отъ всего психическаго. Если съ этимъ согласиться, то не трудно понять, что какіе бы физико-химическіе процессы ни происходили въ нашихъ нервныхъ тканяхъ, они могутъ дать начало только лишь процессамъ физическимъ, они могутъ превратиться только въ какой-нибудь новый видъ кинетической или потенціальной энергіи; процессы въ мозгу могутъ возбудить, смотря по своей силѣ, тѣ или другіе центры, могутъ сократить мышцы и т. п., но отнюдь *не могутъ превратиться во что-нибудь такое, что не есть кинетическая или потенціальная энергія*; а такъ какъ сознаніе не есть ни кинетическая, ни потенціальная энергія, то очевидно, что эти физическіе процессы въ сознаніе превратиться не могутъ.

Каковы бы ни были наши представленія объ энергіи, мы никогда не можемъ себѣ представить, чтобы эта энергія не могла быть превращена въ энергію, измѣряемую футо-фунтами. Если это для насъ понятно, то для насъ должно быть ясно, что *явленія психическія не могутъ быть продуктами движенія матеріальныхъ*

*) *Клеркъ Максвелль* «Матерія и движеніе». Спб. 1885, стр. 113--114.
**) *Введенскій* «Атомизмъ и энергетизмъ». Спб. 1896.

частичекъ; потому что всѣ движенія подобныхъ частичекъ могутъ *превращаться только* въ другіе виды *физическихъ* же энергій, т. е. въ кинетическую или потенціальную; а такъ какъ явленіе сознанія, какъ явленіе, ничего общаго не имѣющее съ пространственной протяженностью, не можетъ быть отнесено ни къ числу потенціальныхъ, а еще менѣе къ разряду кинетическихъ энергій, значитъ, допустить возникновеніе сознанія изъ движенія матеріальныхъ частицъ мы не можемъ, а если такъ, то связь между явленіями психическими и физическими не есть связь причиннаго порожденія *).

Такимъ образомъ, легко видѣть, что, допуская между явленіями физическими и психическими *причинную зависимость*, мы должны

---

*) Ср. то, что по этому поводу говоритъ *Льюисъ* «Вопросы о жизни и духѣ», т. II, 433—5: «Съ какою бы ясностью ни былъ прослѣженъ молекулярный процессъ нервнаго возбужденія отъ чувствующей поверхности до мышцы, превращеніе нервнаго процесса въ ощущеніе останется навсегда непроницаемой тайной. Движеніе мы знаемъ, чувствованіе тоже, но какъ двѣ крайне различныя вещи, и какимъ образомъ одно превращается въ другое, какая причинная связь между ними—на этотъ вопросъ не отвѣтитъ никто. Такіе голоса слышатся со всѣхъ сторонъ и сила такого аргумента неопровержима, если вопросъ ставится сказаннымъ образомъ. Но точно ли установлены всѣ факты? Я допускаю, что переходъ движенія въ чувствованіе непонятенъ, т. е. допускаю, что мы не можемъ умственно прослѣдить процесса превращенія; но *я не признаю, чтобы здѣсь было какое-нибудь превращеніе*, когда мнѣ говорятъ, что нервное возбужденіе, достигнувъ головного мозга, *превращается* въ ощущеніе, я спрашиваю, кто знаетъ это? На какомъ основаніи это утверждаютъ? При ближайшемъ разсматриваніи оказывается, что нѣтъ и слѣдовъ такого превращенія—все указываетъ на фактъ совершенно иного рода, именно, что нервный процессъ и чувствованіе составляютъ двѣ разныя стороны одного и того же явленія. Съ физической или объективной стороны это нервный процессъ, а съ психической или субъективной — процессъ чувствованія». О несостоятельности матеріализма съ точки зрѣнія сохраненія энергіи. См. *Гефдингъ* «Психологія», II, 2, 8а. *Паульсенъ* «Введеніе въ философію». М. 1894, стр. 85—8. *Риль* «Основанія науки и мет.», стр. 209—10. *Wundt* «Essays». 1885. Ст. Gehirn u. Seele, 115—116. *Вундтъ* «Душа и мозгъ». 1892, стр. 37—9. *Вундтъ* «Осн. физ. психологіи», 998—1000. *Вундтъ* «Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ». Спб. 1894 (лекц. 1-я и 30). Причинность понимается въ смыслѣ закона сохраненія энергіи. *Bain* «Logic», ч. II. 1873, стр. 18—36. *Троицкій* «Учебникъ логики», кн. II, стр. 169—173. *Riehl.* «Der philosoph. Kriticismus», B. 2, T. I. Lpz. 1879, стр. 255—270. *Милль* «Логика», кн. III, гл. V, § 10. *Wundt* «Ueber psychische Causalität» (Phil. Stud., B. X. H. I). «Въ математическомъ смыслѣ функція есть величина, зависящая отъ другой величины и измѣняющаяся вмѣстѣ съ послѣднею, такъ что если y есть функція отъ x, то всякому измѣненію послѣдняго будетъ соотвѣтствовать опредѣленное измѣненіе перваго. Вслѣдствіе такой зависимости мы можемъ считать безразлично y функціей отъ x и наоборотъ».

непремѣнно опредѣлить *родъ* этой причинности. Если мы возьмемъ какую-нибудь физическую причинность, напр., движеніе *A* ядра, выброшеннаго изъ метательнаго снаряда, порождаетъ теплоту *B*; то мы въ этомъ случаѣ можемъ сказать, что движеніе *превращается* въ теплоту. Если же мы скажемъ, что за извѣстнымъ *Ph* слѣдуетъ *Ps*, т. е. что за извѣстнымъ физическимъ возбужденіемъ слѣдуетъ извѣстное состояніе сознанія, то мы отнюдь не можемъ сказать, что *Ph превращается* въ *Ps*. Разъ здѣсь нѣтъ *превращенія*, разъ психическія явленія не являются *только* лишь продуктомъ движенія матеріальныхъ частицъ, то это есть явное доказательство того, что *Ps* есть *самостоятельная реальность*. Отсюда выводъ понятенъ самъ собою. Если понятно, что по самой своей природѣ психическія явленія не могутъ порождаться явленіями физическаго характера, то остается допустить, что между *Ps* и *Ph* имѣется *функціональная связь*, т. е. вмѣстѣ со всѣми мыслимыми измѣненіями *Ph* связано измѣненіе *Ps*. Этимъ самымъ подтверждается, что *Ps* мы не должны считать просто продуктомъ *Ph*, а должны приписать ему самостоятельную реальность, которая также есть «независимая перемѣнная» въ математическомъ смыслѣ. А это другими словами означаетъ, что слѣдуетъ считать реально существующими не только явленія физическія, но и явленія, которыя мы называемъ психическими, а это означаетъ, что матеріализмъ есть ученіе совершенно несостоятельное. Матеріализмъ долженъ признаться, что въ мірѣ существуетъ еще *нѣчто, кромѣ матеріи*, т. е. онъ долженъ отказаться отъ своей основной точки зрѣнія.

Я не считаю умѣстнымъ говорить о томъ, вѣрно или невѣрно положеніе о сохраненіи энергіи, есть ли это положеніе *законъ* сохраненія энергіи, или же *гипотеза* сохраненія, какъ выражаются нѣкоторые. Само собою разумѣется, что всѣ вышеприведенныя разсужденія справедливы только въ томъ случаѣ, если признать, что законъ сохраненія есть строго доказанный законъ; если же этого не признавать, тогда, пожалуй, можно допустить, что *часть энергіи можетъ быть затрачена на превращеніе въ сознаніе*. Такъ именно поступали тѣ авторы, которые желали доказать возможность *взаимодѣйствія* между явленіями физическими и психическими; они просто отвергали правильность принципа сохраненія энергіи. Такъ, напр., знаменитый нѣмецкій философъ *Лотце* говорилъ: «Я не вполнѣ убѣжденъ въ безусловной вѣрности этого основоположенія (т. е. закона сохраненія энергіи); вѣрнѣе сказать, на основаніи натуръ-философскихъ воззрѣній я рѣшительно не въ силахъ отвергать, что *пространственныя движенія могутъ*

быть поглощены путемъ перехода реальности въ интенсивныя состоянія» *).

Само собою разумѣется также, что всѣ приведенныя разсужденія справедливы въ томъ случаѣ, если мы исходимъ *изъ общепринятаго въ естествознаніи пониманія закона сохраненія энергіи.* Это замѣчаніе необходимо сдѣлать въ виду того, что очень авторитетные голоса въ послѣднее время высказывались въ пользу совсѣмъ особеннаго пониманія *энергіи.* Такъ, напр., недавно (въ 1896 году) берлинскій профессоръ философіи *К. Штумпфъ*, на всемірномъ конгрессѣ психологовъ въ Мюнхенѣ, относительно энергіи высказалъ соображенія, допускающія возможность взаимодѣйствія между явленіями физическими и психическими: «Уже различіе между потенціальной и кинетической энергіей», говоритъ онъ, «показываетъ, что *энергія не необходимо сохраняется въ формѣ движенія*... Дѣйствительность закона сохраненія совершенно не зависитъ отъ представленія, что всѣ естественные процессы состоятъ въ *движеніяхъ.* Если кинетическая энергія (живая сила видимаго движенія) превращается въ другія формы силы, а эти, въ концѣ концовъ, вновь превращаются въ кинетическія энергіи, то сумма оказывается той же самой. Въ чемъ заключаются эти *другія формы энергіи*,—объ этомъ законъ ничего не говоритъ, такъ что, на мой взглядъ, *на психическое можно смотрѣть, какъ на скопленіе энергій особаго рода, которыя могли бы имѣть точный механическій эквивалентъ*» **).

Но Штумфу можно возразить слѣдующимъ образомъ.

Онъ утверждаетъ, что существуютъ виды энергій, которыя не состоятъ въ движеніяхъ; но все-таки это физическія энергіи, *имѣющія опредѣленный механическій эквивалентъ.* Когда мы говоримъ, что кинетическая энергія превратилась въ такую форму энергіи, которая не состоитъ въ движеніяхъ, то по современнымъ представленіямъ, въ этомъ случаѣ, происходитъ не что иное, какъ новое перераспредѣленіе вещества, которое дѣлаетъ возможнымъ совершеніе какой-либо механической работы. Больше же мы ничего утверждать не можемъ. Если даже признать, что кинетическая энергія превращается въ энергію, которая не состоитъ въ движеніяхъ, то откуда слѣдуетъ, что она превращается въ особую энергію, которую слѣдуетъ называть *психической* энергіей?

---

*) Цит. у *Гефдинга* «Очерки психологіи», 2-е изд. Спб. 1896, стр. 65.

**) Rede zur Eröffnung des III. Internationalen Congresses für Psychologie см. въ «Beilage zur Allgemeinen Zeitung». Jahrg. 1896. № 180; ср. съ этимъ *Sigvart.* «Logik». B. II. 1893, стр. 162 и слѣд., 524 и слѣд.; *Raoul Pictet.* «Etude critique du materialisme et du spiritualisme». 1896.

Если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что существуетъ еще какая-нибудь *энергія*, не похожая ни на одну изъ физическихъ энергій, то я на это ничего не имѣю возразить; я могу только сказать: «пусть вы правы, что такая энергія существуетъ, но можете ли вы *доказать*, *что такая энергія измѣряется футофунтами?* *). Если не можете, то мнѣ все равно, будете ли вы эту энергію называть энергіей, или нѣтъ, находите ли вы нужнымъ для этого рода явленій употреблять слово *энергія*, это ваше дѣло. Для меня же важно замѣтить, что эта энергія, если назвать ее энергіей, кореннымъ образомъ отличается отъ физической энергіи». Слѣдовательно, если для физической энергіи вообще мы употребимъ знакъ x, то для психической энергіи мы должны употреблять знакъ y, причемъ я настаиваю только лишь на томъ, чтобы это x не отожествлялось съ y, и чтобы вы показали болѣе или менѣе *точными научными* соображеніями, что эта энергія x, ничего общаго съ энергіей y не имѣющая, превращается въ эту послѣднюю.

Къ этому необходимо прибавить, что если бы даже наукѣ и удалось доказать существованіе *взаимодѣйствія* между энергіей физической и энергіей психической, то *это вовсе не говоритъ въ пользу матеріализма*, потому что все-таки остается неоспоримымъ то положеніе, что явленія физическія совсѣмъ не то, что явленія психическія; все-таки явленія психическія не суть движеніе матеріальныхъ частицъ мозга. Да и всѣ тѣ авторы, которые въ послѣднее время признавали взаимодѣйствіе между явленіями физическими и психическими, признавали *самостоятельность психическихъ явленій и также предполагали воздѣйствіе психическаго на физическое, какъ и наоборотъ*; отъ такого признанія до признанія того, что сознаніе есть *только* лишь продуктъ движенія матеріальныхъ частицъ, очень далеко.

*) Штумфъ самъ находитъ, что («hier ist ja überhaupt nach alles im Fluss») въ этой области все еще очень спорно.

**) Проф. *Н. Я. Гротъ* въ своей статьѣ: «Понятія души и психической энергіи въ психологіи» (журн. «Вопросы философіи и психологіи», мартъ-апрѣль 1897) высказывается въ пользу существованія особой «психической энергіи» и «взаимодѣйствія» между душой и тѣломъ, но это не приводитъ его къ матеріализму, ибо наряду съ тѣломъ онъ признаетъ и «*душу*». Самъ проф. Гротъ о своемъ отношеніи къ матеріализму говоритъ въ концѣ 1-й статьи»: «Теперь намъ предстоитъ еще коснуться важныхъ психологическихъ, метафизическихъ и общефилософскихъ слѣдствій изложенной нами гипотезы *психической энергіи* и ея *сохраненія*, чтобы показать различіе нашего ученія отъ ученія *матеріалистовъ*, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ вывести заключеніе, что принятіе нашей теоріи равносильно полному торжеству матеріализма...» стр. 300; ср. стр. 289). Взаимодѣйствіе признавалъ *идеалистъ* Лотце и противники матеріализма *Штумфъ* и *Зигвартъ*.

Въ новѣйшее время, кромѣ такихъ выдающихся писателей, какъ А. Ланге, Вундтъ, Дю-Буа-Реймонъ, Паульсенъ, въ пользу невозможности взаимодѣйствія на указанныхъ основаніяхъ высказался *Р. Майеръ*, одинъ изъ первыхъ открывшій законъ сохраненія энергіи. «Въ 1869 г. Майеръ сдѣлалъ сообщеніе, въ которомъ замѣчаетъ, что *законъ сохраненія силы не можетъ быть приложимъ* въ одинаковой мѣрѣ и къ матеріальному, и *къ духовному міру*; что хотя духовныя дѣятельности и неразрывно связаны съ молекулярными процессами въ мозгу, но ими онѣ не исчерпываются» *).

Точно такимъ же образомъ высказался и *Клеркъ Максвель*: «Поверхностное знакомство съ психическою дѣятельностью человѣка доказываетъ, что подъ вліяніемъ идеи онъ развиваетъ измѣримыя количества энергіи. Наука показываетъ однако, что мы не присутствуемъ здѣсь при *созданіи* энергіи, а только при ея перемѣщеніи... *Психическіе дѣятели не представляютъ силъ въ механическомъ смыслѣ этого слова*: если бы это было не такъ, то человѣкъ могъ бы производить энергію, не уменьшая на соотвѣтствующую часть энергію своего организма или окружающей природы; поэтому, эти дѣятели не представляютъ энергій» **).

Итакъ, если мы достаточно ясно поняли то различіе, которое существуетъ между явленіями физическими и психическими, что въ то время, какъ все физическое характеризуется главнымъ образомъ такими признаками, какъ движеніе въ пространствѣ, заниманіе протяженности, а все психическое какъ разъ лишено этихъ признаковъ, то это должно привести насъ къ тому признанію, что основной законъ, примѣнимый ко всѣмъ физическимъ явленіямъ, законъ сохраненія энергіи, совсѣмъ не приложимъ къ психическимъ явленіямъ, а если такъ, то превращеніе физической энергіи можетъ быть только въ физическую же энергію, или, другими словами, психическое не можетъ быть сведено на второстепенную роль простого *продукта физическихъ движеній*. Очевидно, что между явленіями психическими нѣтъ такого причиннаго отношенія, какое существуетъ между явленіями физическими.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) См. *Розенбергеръ* «Очеркъ исторіи физики». Спб. 1894. Ч. 3-я, вып. 2-й, стр. 359 примѣч.

**) Цитируется въ указ. статьѣ проф. Н. Я. Грота, стр. 254—255.

ПРОРОКЪ.

Видали-ль вы, какъ срубленный сѣкирой,
Покрытый весь зеленою порфирой,
Могучій дубъ склоняется во прахъ?..
Но глубоко въ землѣ, въ его корняхъ,
Попрежнему живые соки льются,
Вновь отпрыски отъ корней разовьются,
Въ могучій ростъ, могучіе, пойдутъ
И зеленью роскошной зацвѣтутъ.

Такъ истины поборникъ неуклонный,
Униженный, гонимый, оскорбленный,
Сломясь въ борьбѣ, измученный, падетъ.
Но трудъ его съ нимъ вмѣстѣ не умретъ,
Въ другихъ бойцахъ возбудитъ то же рвенье.
Пусть гонитъ ихъ безумцовъ озлобленье,
Слѣпой вражды усиливая гнетъ:
Погибшихъ—честь, живыхъ—побѣда ждетъ!

Н. Л.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Лауданови и не подозрѣвали, какую невѣроятную сенсацію произвела ихъ поѣздка въ Петербургъ въ губернскомъ городѣ. Это былъ примѣръ небывалый. Духовныя лица, особенно деревенскія, очень устойчивы. Они какъ-то приростаютъ къ землѣ, къ губерніи, къ краю. Еще путешествіе къ святымъ мѣстамъ, какъ объяснилъ отецъ Серафимъ отцу Лаврентію и другимъ, казалось правдоподобнымъ, но когда узнали, что отецъ Серафимъ добрался до самаго Петербурга и остался жить тамъ, то не знали, что и подумать. Объясненія были самыя странныя. Одни говорили, что онъ поѣхалъ лѣчиться къ знаменитымъ профессорамъ, хотя никто не зналъ, чтобы у него была какая-нибудь болѣзнь. Другіе выставляли на видъ, что Варѣ надо учиться и что онъ не хотѣлъ отпустить ее одну. Но этого никто не желалъ признавать. Во-первыхъ, чему ей тамъ учиться? И зачѣмъ много ученія дочери священника? Во-вторыхъ, она кончила епархіальное училище и педагогическій классъ. Чего же ей еще надо?

Большую сенсацію это произвело особенно въ епархіальномъ училищѣ. Начальница, строгая и благочестивая дама, была огорчена легкомысліемъ своей воспитанницы, которую она имѣла неосторожность считать лучшей.

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

Но всѣ эти слухи ничего не объясняли. Они были недостаточны для того, чтобы объяснить такой рѣшительный шагъ со стороны такого почтеннаго человѣка, какъ отецъ Серафимъ. Бросить хозяйство, подать за штатъ, уѣхать за двѣ тысячи верстъ, перемѣнить климатъ. И уже тутъ сами собою создавались выдумки, конечно, самаго дрянного свойства, конечно, по адресу Вари. Высказывались соображенія, почему ей нельзя было оставаться въ губерніи. И вотъ, прибавляли, это настолько было уже серьезно, что даже старикъ долженъ былъ поѣхать.

Впрочемъ, все это говорили вначалѣ, а потомъ забыли и никто не вспоминалъ о нихъ.

На пароходной пристани ихъ встрѣтили только Смиренскіе, потому что только имъ дали знать. Отецъ Серафимъ и Варя заѣхали къ нимъ, а отъ нихъ прямо въ деревню, а Глѣбъ остался у дяди.

Пріемъ ему былъ сдѣланъ еще важнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, хотя мундиръ Глѣба, который онъ таскалъ второй годъ всюду, и принялъ уже недостаточно приличный видъ. Груня неожиданно бросилась ему на шею. Эта перемѣна больше всего удивила его, онъ никакъ не могъ понять такой нѣжности, но не торопился объясниться съ нею. Мать была очень плоха. Она встрѣтила его ласково. Она, конечно, слышала всѣ гадости, которыя говорились про него и Варю, но ничему не повѣрила.

— Я тоже не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло, и не могу объяснить, какъ это старый священникъ все бросаетъ и ѣдетъ Богъ знаетъ куда. Но можно не понимать, а зачѣмъ взводить гнусности на людей?

— Опять въ Кочедаровку?—спросилъ отецъ Лаврентій у Глѣба, и въ тонѣ его слышалось что-то недоговоренное.

— Конечно,—отвѣчалъ Глѣбъ и на этотъ разъ даже не приводилъ объясненій и извиненій.

Потомъ отецъ Лаврентій началъ, стороной подходя къ вопросу, добывать у него свѣдѣнія. Глѣбъ объяснялъ все просто, такъ какъ было, но ему не вѣрили.

— Я, племянникъ, очень понимаю, когда ты, напримѣръ, захотѣлъ учиться. Ты хочешь сдѣлать свѣтскую карьеру, это понятно. Но зачѣмъ дѣвицѣ ученіе, этого объяснить нельзя.

Потомъ онъ укорялъ Глѣба въ томъ, что онъ такъ отдалился отъ родственниковъ. Матушка отца Лаврентія все еще молодилась, но за эти два года время много повредило ей.

Не было у нея уже той свѣжести и значительно растолстѣла она и потеряла форму.

А въ общемъ въ губернскомъ городѣ все шло по старому. Дня черезъ два послѣ Глѣба пріѣхалъ Стрѣтенскій и сейчасъ же началъ показывать, что такое настоящій столичный студентъ. Мундиръ, китель, шинель, которую онъ носилъ, не смотря на то, что было уже жарко, даже шпага, все это было блестящее и должно было произвести эффектъ. Онъ всѣми способами показывалъ себя на улицѣ и верхомъ, и на велосипедѣ, и пѣшкомъ, и въ пролеткѣ. Пріѣхавъ въ родной городъ, онъ тотчасъ объявилъ войну всѣмъ мѣстнымъ кавалерамъ, и сталъ ухаживать за дамами, пуская въ ходъ всѣ свои преимущества.

Въ Петербургѣ они встрѣчались съ Глѣбомъ въ началѣ года раза два, три. Стрѣтенскій даже забѣгалъ къ Глѣбу въ шестой этажъ. Но, увидѣвъ его жалкую обстановку, покрутилъ носомъ, не одобрилъ и больше не показывался. Здѣсь были и другіе студенты, пріѣхавшіе изъ провинціальныхъ университетовъ, но они вмѣстѣ съ Глѣбомъ стушевывались передъ этимъ блестящимъ явленіемъ.

Глѣбъ поѣхалъ въ деревню. Теперь уже онъ самъ захотѣлъ завернуть къ отцу Василію и остался даже у него ночевать. Зашла рѣчь о письмѣ, которое отецъ Василій писалъ въ Петербургъ.

— А я прямо вынужденъ былъ написать тебѣ,—говорилъ отецъ Василій,—просто, знаешь, бѣда у насъ; живемъ какъ въ пустынѣ. На дѣтяхъ разыгралась какая-то горловая болѣзнь. Лѣтомъ кишечныя, зимой горловыя. Должно быть, у Господа Бога ихъ довольно. Ну, просто сердце разрывается. Было дитя живое, бѣгало, радовалось, анъ смотришь, его и нѣтъ, хоронить зовутъ. Несешь на кладбище, иной разъ даже плакать хочется.

Глѣбъ слушалъ его внимательно и опять у него являлось тревожное чувство, какъ въ тотъ вечеръ въ Петербургѣ, когда было получено письмо отъ отца Василія. Здѣсь, въ этомъ родномъ селѣ, какъ будто было суждено ему испытывать чувство виноватости. Только теперь это вызывалось совсѣмъ другимъ поводомъ.

Отецъ Василій высказывался и о чистой наукѣ, за которую, хотя не такъ уже рѣшительно, но все же заступался Глѣбъ.

— Что жъ, это выходитъ, какъ бы забава,—говорилъ

отецъ Василій,—дессертъ какой-то. А вотъ я бы, если бы могъ, страшно хотѣлъ бы медицинѣ научиться. Да куда... не для того я созданъ. Вотъ уже одного ребенка Богъ послалъ и, полагаю я, что каждый годъ будутъ рождаться дѣти. Такое ужъ плодучее наше званіе!

Глѣбъ все больше и больше проникался уваженіемъ къ этому человѣку и сравнивалъ его съ тѣмъ, что онъ представлялъ, когда былъ семинаристомъ. Невольно приходилось сравнивать его и съ Стрѣтенскимъ, который тогда казался ему чѣмъ-то высшимъ.

— Да,—говорилъ отецъ Василій, переходя къ болѣе простымъ дѣламъ,—удивилъ насъ отецъ Серафимъ, ужъ такъ удивилъ, просто не могли очухаться. Но чего только не сдѣлаешь для дитяти?

Глѣбъ поѣхалъ дальше въ грустномъ настроеніи. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто съ чѣмъ-то прощался. Онъ еще не сознавалъ того критическаго процесса, который происходилъ въ его душѣ.

Варя замѣтила его настроеніе.

— Что это у тебя такіе печальные глаза?—спросила она.

Онъ разсказалъ ей весь свой разговоръ съ отцомъ Василіемъ и объяснилъ всѣ свои ощущенія.

— Онъ не умѣетъ выражать своей мысли,—говорилъ онъ объ отцѣ Василіѣ,—но въ немъ есть дѣйствительно что-то симпатичное. Варя, знаешь ли что, давай передумаемъ все сначала.

Она сама втихомолку отъ него часто останавливалась на этихъ вопросахъ, но теперь ей хотѣлось развлечь его, онъ былъ слишкомъ печаленъ.

— Это послѣ, Глѣбъ, послѣ,— сказала она.—Посмотри, какъ хорошо въ саду.

Варя съ дѣтской радостью отдавалась деревенскимъ удовольствіямъ. Ея жизнь наполнялась садомъ, полями, свѣжимъ сѣномъ, поѣздками на заводъ, во всемъ этомъ для нея теперь было столько прелести.

Они познакомились съ новымъ священникомъ. Глѣбъ зналъ его, онъ былъ двумя классами ниже; онъ помнилъ что-то смуглое, неуклюжее и ничѣмъ не выдававшееся. Отецъ Серафимъ еще до знакомства неодобрительно качалъ головой, когда рѣчь заходила о новомъ священникѣ. Мужики уже сдѣлали ему кое-какіе доклады.

— Холодный человѣкъ,—говорилъ онъ,—мужицкой жизни

не понимаетъ... Таксу назначилъ за требы! А, таксу! Развѣ церковь лавочка?

Фамилія его была Троицкій, а звали отцомъ Арсеніемъ. Онъ пріѣхалъ съ визитомъ, вмѣстѣ съ нимъ явилась и матушка. Матушка у него была громоздкая, толстая, съ сонливостью въ лицѣ; казалось, что ей вѣчно хотѣлось спать.

— Вотъ, — говорилъ Троицкій, — смотрю на ваши постройки, на ваше хозяйство и думаю: вотъ ежели бы и мнѣ такое!..

— Я тридцать четыре года служилъ, отецъ Арсеній! — сказалъ ему отецъ Серафимъ.—А вы хотите сразу.

— Что жъ, сразу оно лучше.

Что-то тупое было у него въ лицѣ. Мужики снимали передъ нимъ шапки и съ холодной почтительностью кланялись ему.

— А я слышалъ,—сказалъ отецъ Серафимъ,—что вы тутъ таксу назначили.

— Да вѣдь иначе нельзя, отецъ Серафимъ. Подумайте, съ каждымъ разговаривать, вѣдь это языкъ заболитъ.

— А знаете что, отецъ Арсеній, отъ этой самой таксы и отъ подобныхъ дѣйствій прихожане васъ уважать не будутъ.

— Какъ же смѣютъ они меня не уважать?

— Да они кланяться вамъ будутъ, только въ душѣ, въ душѣ, я говорю...

— Ну, очень мнѣ нужно знать, что у нихъ тамъ въ душѣ. Всякому въ душу не залѣзешь.

Онъ вообще любилъ выражаться афоризмами вродѣ: „моя хата съ краю, ничего не знаю“, или „съ міру по ниткѣ, а попу сорочка“ и тому подобное. Отецъ Серафимъ не пошелъ къ нему съ визитомъ.

— Э, ну его къ Богу,—говорилъ онъ,—не нравится онъ мнѣ. Зачѣмъ я пойду къ нему? я ему не начальникъ. Да, а выходитъ, что я какъ бы виноватъ... Вотъ уѣхалъ и имъ дали вмѣсто хорошаго священника, какого-то чужака... Останься я, и имъ было бы лучше...

Но за то онъ по истинѣ наслаждался воздухомъ и солнцемъ. Онъ не хотѣлъ жить въ комнатѣ, цѣлый день, съ утра ранняго, онъ проводилъ на дворѣ. Даже спать хотѣлось ему подъ открытымъ небомъ, но Леонидъ убѣдительно внушилъ ему, что это опасно.

А хозяйство его теперь процвѣтало. При немъ Леонидъ держался роли подчиненнаго. Теперь у него обнаружилось

какое-то творчество. Онъ завелъ овецъ и уже стригъ ихъ и собирался шерсть продавать. Появились породистыя свиньи, какія-то особенныя куры съ большими чубами на головахъ. Отецъ Серафимъ даже не вмѣшивался.

— Я ничего не разберу тутъ, — говорилъ онъ. — Ужъ такой Леонидъ хозяинъ сталъ, словно въ институтѣ обучался.

Былъ и маленькій праздникъ. Леонидъ отдавалъ замужъ свою дочь за машиниста изъ сосѣдней экономіи, за сорокъ верстъ. Отецъ Серафимъ далъ ей приданое и тутъ же у него въ домѣ справили свадьбу. Свадьба была скромная, безъ музыки и танцевъ, но домъ былъ полонъ гостей. Было много мужиковъ и бабъ и всѣ веселились.

Какъ-то пріѣхалъ изъ Богоявленскаго отецъ Василій и у него съ отцомъ Серафимомъ завязалась долгая бесѣда о молодомъ священникѣ Троицкомъ.

— Нѣтъ у насъ силы,— говорилъ отецъ Василій,—архипастыри нашего голоса не слушаютъ. А то бы невозможно было бы и терпѣть такого. Вотъ такіе-то и кладутъ пятно на наше званіе. Гдѣ-жъ таки? Во всей деревнѣ единственное лицо, отъ котораго долженъ свѣтъ исходить, и всѣ на него смотрятъ и къ нему идутъ, а отъ него только одну корысть видятъ и болѣе ничего... Коли у тебя такая пріобрѣтательность, иди въ купцы, торгуй товаромъ, а этимъ торговать нельзя. Эхъ, Глѣбъ Назаровичъ, и вы, Варвара Серафимовна,—говорилъ онъ затѣмъ, обращаясь къ нимъ,— какъ взялись вы за науку, такъ и учились бы такой наукѣ, чтобы намъ помогать. Бьемся мы, бьемся, а ничего подѣлать не можемъ. Такъ-то!

— Я съ вами во многомъ согласна, отецъ Василій! — сказала Варя, а Глѣбъ не высказался и промолчалъ.

Варя теперь находила больше интереса въ обоихъ Чеботенкахъ. Они были немудреные люди, но жизнь ихъ была согрѣта добротой и искренностью.

— Да вы у себя попригляднтесь, — продолжалъ отецъ Василій,—навѣрно и у васъ этихъ болѣзней видимо-невидимо.

И это подѣйствовало на нихъ, какъ внушеніе. Былъ въ Кочедаровкѣ старый фельдшеръ изъ военныхъ, который когда-то очень мало зналъ, а теперь и это забылъ. Онъ иногда являлся къ Леониду съ какой-нибудь просьбой. У него была огромная семья и онъ бѣдствовалъ. Варя какъ-то прежде не замѣчала его, а теперь вспомнила о немъ и, когда онъ

пришелъ, обратилась къ нему съ вопросомъ: „Много ли больныхъ у насъ въ деревнѣ?“

Фельдшеръ махнулъ рукой.

— Чего, чего, Варвара Серафимовна, а этого довольно!— отвѣтилъ онъ.

— И что-жъ, лѣчите?

— Какое мое лѣченіе! Одни только припарки да горчишники да еще иной разъ касторку даю. Да у меня и матеріалу никакого нѣтъ, откуда взять его? Докторъ никогда сюда и не показывается, гдѣ ему за семьдесятъ верстъ!.. А земство, кажется, и забыло про насъ.

Они старались прислушиваться и присматриваться. Оказалось, что больныхъ въ Кочедаровкѣ множество и всѣ они безпомощны. Въ особенности много ихъ было среди дѣтей. Раза два-три въ недѣлю можно было видѣть маленькій гробикъ, который несли на кладбище.

— Глѣбъ, о чемъ ты все задумываешься?—спрашивала Варя.

— О многомъ, Варя. Мнѣ приходятъ на мысль слова Чурилиной: человѣчество? гдѣ оно? я его не знаю... А гдѣ, оно, Варя? Думать о человѣчествѣ, когда подъ бокомъ люди, живые люди, страдающіе, не значитъ-ли это расплываться въ какомъ-то неопредѣленномъ пространствѣ?..

— Глѣбъ, я во многомъ согласна съ Чурилиной и съ отцомъ Василіемъ. Я только не высказывалась, потому что не умѣю хорошо выражаться. Въ Петербургѣ я была, какъ въ лѣсу. Я понимаю и твое стремленіе къ чистой наукѣ. Но вѣдь это стремленіе къ наслажденію...

— Говори, Варя, говвори. Если бы ты знала, какъ слова твои цѣнны для меня. Знаешь ли ты, что я давно, еще съ того вечера, когда мы вслухъ прочитали письмо отца Василія, вѣчно объ этомъ думаю и во мнѣ совершается какой-то переломъ... Я начинаю сомнѣваться, Варя...

— И я много думала объ этомъ. Глѣбъ. Да, дѣятельность научная, чисто научная, это высокое наслажденіе. Расширить умъ, довести его до ясности, до прозорливости. Глубоко изучить законы, по которымъ совершается жизнь... Конечно, и тутъ можетъ быть полезная работа для человѣчества, но тутъ польза какъ бы вытекаетъ сама собой, ты о ней не думаешь, не заботишься, а тамъ каждую минуту, на каждомъ шагу, ты видишь передъ собой результатъ своей работы, ты видишь, какъ облегчаешь чужое стра-

данiе. И если есть заслуга, то, конечно, не тамъ, а здѣсь. Та польза не стоитъ тебѣ никакихъ усилiй, а эта можетъ быть сопряжена съ жертвой. Солнце свѣтитъ потому, что это его свойство. Дождь орошаетъ землю тоже потому, что это его свойство. Тутъ нѣтъ сознательной работы для чего-нибудь, для какой-нибудь цѣли. Они сами по себѣ таковы и иными быть не могутъ; тутъ нѣтъ сердца, нѣтъ личнаго сознательнаго участiя. Есть люди, равнодушные къ людямъ, къ личностямъ, даже презирающiе ихъ, какъ Лозовскiй... Оставимъ имъ человѣчество... А у тебя, Глѣбъ, горячее сердце и для такого человѣка научная дѣятельность будетъ вѣчно доставлять глухiя страданiя, потому что она слишкомъ холодна и безстрастна. Ты всегда будешь въ противорѣчiи съ самимъ собой. Тебя будетъ тянуть къ живому страданiю, и ты будешь безсиленъ...

— А ты, Варя, ты?

— А я пойду за тобой. Я буду твоей помощницей всегда и во всемъ!

Глѣбъ припоминалъ, какъ еще недавно воображенiе рисовало ему какое-то фантастическое существо, стоящее гдѣ-то въ центрѣ вселенной, съ глазами, видящими безконечно далеко и проникающими въ глубь всего, существо, для котораго все прозрачно, ясно и понятно, и оно казалось ему идеально счастливымъ и великимъ, потому что не связано никакими заботами, потому что ничто не можетъ его огорчить и обидѣть. Теперь онъ начиналъ сомнѣваться въ томъ, что это существо дѣйствительно идеально счастливое и великое. Можетъ быть, великое въ своемъ недоступномъ одиночествѣ и всевѣдѣнiи, но счастливое... нѣтъ, потому что отъ него вѣетъ холодомъ, себялюбiемъ и самодовольствомъ.

Лѣто значительно подкрѣпило ихъ силы. Варя видимо поправилась, щеки ея налились румянцемъ. Глѣбъ тоже оживился. Въ немъ что-то произошло, какая-то внутренняя перемѣна. Въ глазахъ у него вернулась прежняя ясность, которая, было, исчезла въ послѣднее время.

Онъ изрѣдка ѣздилъ въ городъ и посѣщалъ родственниковъ. Онъ узналъ, что отецъ Лаврентiй выплатилъ за время его отсутствiя еще сотню рублей.

Глѣбу пришлось обратить особенное вниманiе на сестру. У нея былъ чрезвычайно печальный, убитый видъ. Надежда выйти замужъ окончательно покинула ее. И вотъ однажды она заговорила съ Глѣбомъ.

— Помнишь, Глѣбъ, ты обѣщалъ когда-то сдѣлать для меня что-нибудь...

— Да, я помню это, Груня. Но что я могу теперь?

— Возьми меня съ собой!—умоляющимъ голосомъ сказала Груня.—Возьми меня, Глѣбъ, родной мой.

— Но вѣдь у насъ нѣтъ средствъ, Груня.

— Дядя дастъ. Вѣдь онъ намъ долженъ.

— Но вѣдь ты знаешь, что это не такъ легко. У дяди никогда нѣтъ денегъ.

— Ну, онъ найдетъ, если захочетъ. Пускай онъ отдастъ намъ половину долга.

— Но, послушай, Груня, а какъ же мать останется? Вѣдь она больная.

— Мать...

И Груня заплакала.

— Молодость моя проходитъ, — сквозь слезы говорила она,—должна же я и о себѣ подумать... Увядаю, увядаю, вѣдь этакъ и совсѣмъ завянешь. По крайней мѣрѣ, хоть людей повидать... А можетъ, и чему-нибудь выучилась бы.

Она завела объ этомъ рѣчь съ матерью.

— Что-жъ, — сказала Ирина Власьевна, тономъ безконечной покорности судьбѣ,—поѣзжай себѣ съ Богомъ. Мнѣ что? при мнѣ вотъ тутъ старуха есть; даромъ сидитъ, ничего не дѣлаетъ, пускай ее ко мнѣ приставятъ... Можетъ, ты тамъ свое счастье найдешь, Груня. А я вѣдь, все равно, помру, что при тебѣ, что безъ тебя. Помирать-то одинаково придется. Всѣ и всегда одинаково помираютъ. Поѣзжай, коли братъ беретъ. Жаль, что ты къ нему такая неуважительная была, все попрекала его, шпильками разными досаждала...

— Онъ добрый, мамаша!..

— То-то, добрый... Я вижу, что онъ добрый, а мы-то къ нему недобрыя были.

Груня очень мало надѣялась на то, что Глѣбъ какъ слѣдуетъ поговоритъ о деньгахъ съ отцомъ Лаврентіемъ, поэтому она взяла на себя. Она заговорила прямо безъ всякихъ предисловій.

— Знаете, дядя, я ѣду съ Глѣбомъ въ Петербургъ. Намъ нужны деньги...

— Какъ въ Петербургъ? какъ деньги? — совершенно опѣшивъ, спросилъ отецъ Лаврентій.

— Да, такъ, дядя, денегъ четыреста рублей надо.

— Четыреста рублей? какъ же это такъ? четыреста рублей! Гдѣ же ихъ взять?

— Да ужъ гдѣ-нибудь возьмите, дядя. Это я не ваши прошу, а папашины...

— Да, оно, конечно... я не говорю... Да только съ чего же ты вздумала вдругъ въ Петербургъ ѣхать?

— А что-жъ мнѣ тутъ дѣлать, дядя? Мнѣ тутъ нечего дѣлать. Я тамъ по крайности на акушерку выучусь...

— Хорошо, я подумаю. Нельзя такъ вдругъ...

Онъ рѣшилъ переговорить объ этомъ съ Глѣбомъ. Глѣбъ, видя его испугъ передъ такой суммой, разумѣется, тотчасъ поспѣшилъ увѣрить его, что это много и что достаточно будетъ только на дорогу. Отецъ Лаврентій значительно успокоился.

— Ну, на дорогу-то достать не такъ-то трудно... Это что же, я думаю, сотнягу довольно будетъ?

— Да, ста рублей совершенно достаточно.

Когда въ городъ пріѣхали отецъ Серафимъ съ Варей, Глѣбъ сообщилъ имъ новость о томъ, что Груня хочетъ ѣхать въ Петербургъ.

— Что-жъ, я это одобраю,—сказалъ отецъ Серафимъ.— Отчего же ей не поѣхать, а въ особенности ежели, какъ ты говоришь, и ей можно будетъ кое-чему научиться. Только ужъ жить она будетъ у насъ. Это обязательно. Дѣвушкѣ одной жить неудобно. А съ тобой жить и того хуже, другъ другу будете мѣшать и вѣчно ссориться. Это даже хорошо для Вари, все-таки у нея компанія будетъ.

Послѣ этого разговора Глѣбъ рѣшительно заявилъ отцу Лаврентію, что ста рублей совершенно достаточно. Отецъ Лаврентій такъ былъ этому радъ, что съ большимъ чувствомъ обнялъ племянника.

— Я всегда для васъ готовъ, для тебя и для сестры твоей,—объяснилъ онъ растроганнымъ голосомъ.— Но, конечно, не всегда только позволяютъ средства. А въ предѣлахъ возможнаго... я всегда...

Наступилъ августъ, начались сборы къ поѣздкѣ.

— Хе-хе, — съ принужденной шутливостью говорилъ отецъ Серафимъ,—разсѣлся я тутъ, разластился и чуть было опять корней не пустилъ въ старой ямкѣ. Нѣтъ, ужъ лучше скорѣй поѣдемъ, а то, пожалуй, трудно будетъ вновь отвыкать...

Опять онъ ходилъ по всѣмъ закоулкамъ своего хозяйства и

мысленно прощался съ солнцемъ, съ полями, съ садомъ. Особенно ему тяжело было разставаться съ садомъ, всѣ эти деревья были точно его дѣти. Онъ чувствовалъ къ нимъ такую жалость, какъ къ человѣку.

Вотъ они выѣхали. На пароходъ они сѣли вмѣстѣ съ Стрѣтенскимъ, который тоже ѣхалъ въ Петербургъ. Глѣбъ познакомилъ его съ Варей и отцомъ Серафимомъ. Отецъ Серафимъ былъ знакомъ уже съ его отцомъ. Онъ внимательно осматривалъ его и думалъ: какая, однако, разница между ними. Оба семинаристы, оба духовнаго званія, а какъ непохожи другъ на друга.

Стрѣтенскій рисовался, ломался и хотѣлъ разомъ показать весь свой лоскъ и всю свою образованность. На Варю онъ произвелъ противное впечатлѣніе. Она отошла и сѣла съ другой стороны палубы; Груня, напротивъ, нашла его интереснымъ.

— Ну, папа, что-жъ, мы заѣдемъ въ Кіевъ?—спросила Варя,—теперь ужъ я не буду торопить васъ. Теперь я буду спокойна.

— Нѣтъ, ужъ поѣдемъ, поѣдемъ скорѣе къ мѣсту! Дорога меня утомляетъ.

И они поѣхали прямымъ путемъ.

II.

Въ Москвѣ, когда они уже переѣхали на Николаевскій вокзалъ, Глѣбъ купилъ газету. Въ ожиданіи поѣзда у нихъ было времени часа три. Они сѣли въ буфетѣ и расположились обѣдать. Глѣбъ развернулъ газету и началъ просматривать ее.

— Однако, слушайте, вотъ такъ чудеса! — воскликнулъ онъ и прочиталъ вслухъ: „Намъ сообщаютъ, что оперное товарищество, во главѣ котораго стоитъ артистъ Н. Н., совершающее артистическое путешествіе по провинціи, пользуется повсюду огромнымъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ объясняется хорошимъ составомъ и особенно участіемъ сразу обратившей на себя вниманіе молодой пѣвицы, недавно только выпущенной изъ консерваторіи, В. Я. Мазуриной. Въ настоящее время товарищество даетъ спектакли въ Твери“.

— Вотъ какъ!—сказалъ отецъ Серафимъ,—значитъ, наша Валентина Яковлевна прославилась.

— А мы такъ и не слышали ея голоса!—замѣтила Варя.

— Значитъ, она изъ Петербурга уѣхала!.. Гм... Такъ ее признали талантомъ! А это правда, у нея что-то такое было въ глазахъ...

— Да, но талантъ для пѣвицы—второе дѣло,—замѣтилъ Глѣбъ.—Первое, это—голосъ.

— Очевидно, и голосъ есть...

— Папа!—обратилась Варя къ отцу Серафиму,—сдѣлайте намъ удовольствіе.

— Спѣть что-нибудь?—съострилъ отецъ Серафимъ.—Такъ я въ консерваторіи не былъ и по оперному не умѣю.

— Нѣтъ, пожалуйста, не пойте. А вотъ что. Давайте, остановимся въ Твери.

— Зачѣмъ?

— Всего на однѣ сутки. Вы посидите въ гостинницѣ. Вамъ вѣдь все равно, гдѣ спать. А мы сходимъ въ театръ и послушаемъ Валентину. Ей это доставитъ большое удовольствіе. Я это знаю.

Отецъ Серафимъ началъ ворчать. Что это они заставляютъ его спать по гостинницамъ? Что онъ, куль какой-нибудь съ овсомъ, что ли, что они перевозятъ его изъ гостинницы въ гостинницу!

— Нѣтъ ли въ Твери какого-нибудь монастыря, Глѣбъ?—спросила Варя, подмигнувъ ему на отца Серафима.

— Найдется, навѣрное, найдется. Во всякомъ городѣ найдется монастырь.

— А какъ же, есть!—значительно оживившись, промолвилъ отецъ Серафимъ.—Святоотрочскій... какъ же... Знаменитый...

— Ну, вотъ вы въ монастырѣ побываете...

— Да ужъ ладно. Нечего подлаживаться... Пусть будетъ по твоему.

Такимъ образомъ было рѣшено остановиться въ Твери. Груня была поражена огромнымъ вокзаломъ и всѣмъ, что ни попадалось ей на глаза. Рѣшительно все казалось ей грандіознымъ. Она чувствовала себя придавленной и все время молчала.

Въ Тверь пріѣхали ночью и тутъ выяснилось, что придется оставаться тамъ больше сутокъ. Они остановились въ гостинницѣ, а утромъ узнали, что оперная труппа здѣсь и что въ этотъ день идетъ „Фаустъ“ и Валентина поетъ Маргариту. Разумѣется, можно было разыскать ее. Но они рѣ-

шили, что пусть она лучше увидитъ ихъ въ театрѣ. Съ этой цѣлью были взяты мѣста въ партерѣ въ третьемъ ряду.

День они провели въ осмотрѣ городскихъ достопримѣчательностей, а вечеромъ собрались въ театръ.

— А вы потомъ, послѣ театра, привезите ее чай пить. Валентину-то...—сказалъ отецъ Серафимъ.

— Пойдетъ ли?—усомнился Глѣбъ.—Она теперь важная. Слышали, какъ о ней пишутъ?

„Фауста“ они видѣли на сценѣ первый разъ и потому очень были удивлены, что первое дѣйствіе обошлось безъ Маргариты. И они проскучали это дѣйствіе, потому что, несмотря на отзывъ газеты, пѣли очень плохо. Только Груня была полна восторга. Для нея вѣдь все было ново. Она никогда не бывала въ театрѣ.

Антрактъ они никуда не выходили. Во второмъ дѣйствіи появилась Маргарита, и театръ оживился. Они не узнали Валентину. Они привыкли видѣть ее довольно полной, а теперь она была очень худа. Они не признали бы ее, если бы ея имя не стояло на афишѣ. Она запѣла свою единственную фразу второго дѣйствія и сразу вся публика пришла въ движеніе. У нея былъ прелестный голосъ—звонкій, ясный, мягкій, бархатный и сочный.

Потомъ они съ наслажденіемъ прослушали третье дѣйствіе. Въ антрактѣ Глѣбъ захотѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ, въ театрѣ было душно. Дамы остались, онъ вышелъ на улицу и закурилъ папиросу. Отъ нечего дѣлать онъ подошелъ къ афишному столбу и присматривался въ темнотѣ къ афишѣ завтрашняго спектакля.

И тутъ онъ замѣтилъ какого-то высокаго господина въ длинномъ пальто и мягкой черной шляпѣ. Господинъ, повидимому, въ сильномъ волненіи ходилъ около театра взадъ и впередъ и сразу заинтересовалъ Глѣба. Глѣбъ сталъ присматриваться. Вотъ онъ поровнялся съ фонаремъ. Глѣбъ протеръ глаза, такъ какъ ему показалось, что это можетъ быть только по ошибкѣ, по недосмотру,—такое удивительное сходство. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ взволнованному господину. Но это его шляпа, его пальто, наконецъ, походка его длинныхъ ногъ!

Окликнуть? Но почему онъ можетъ быть здѣсь? Какая чепуха! Конечно, онъ сидитъ теперь гдѣ-нибудь въ Соловкахъ или на Аѳонской горѣ...

Но вдругъ взволнованный господинъ прошелъ передъ самымъ его носомъ и тутъ уже Глѣбъ больше не могъ сомнѣваться. Это онъ, рѣшительно это онъ.

— Григорій!—произнесъ Глѣбъ.

Тотъ вздрогнулъ.

— Григорій! Неужели это ты?

— Глѣбъ, ты?

Они стояли другъ противъ друга, оба изумленные встрѣчей.

— Я проѣздомъ,—объяснялъ Глѣбъ.—Ѣду въ Петербургъ. Но ты, ты...

Глѣбъ посмотрѣлъ ему въ лицо, оно было ужасно, неузнаваемо. Блѣдное, съ ввалившимися щеками, съ большими горящими глазами...

— Что съ тобой сдѣлалось?—спросилъ Глѣбъ.

Лозовскій порывисто схватилъ его руку.

— Ахъ, Глѣбъ, я погибаю, я погибаю. Ты спасъ меня уже однажды... ну, вотъ, не спасешь ли и теперь?

— Лозовскій, голубчикъ! Но что же случилось?

— Видишь, я фланирую здѣсь, какъ дуракъ... Я не вхожу въ театръ нарочно, да, нарочно... Я вѣдь бѣжалъ... Я вѣдь считаюсь уѣхавшимъ... Но меня тянетъ... туда... И я потерялъ всякую волю надъ собой... О, Боже мой, какъ я страдаю, Глѣбъ! Ты вѣдь это видишь?

— Вижу, что страдаешь... Но не понимаю... Постой... Валентина?

— Она, конечно. Она—мое проклятіе. Я ее ненавижу и стремлюсь къ ней. Это сумасшествіе... Я измѣнилъ себѣ. Понимаешь ли ты, чему я измѣнилъ? Своей свободѣ, которая была моимъ драгоцѣннымъ стремленіемъ...

— Но какія же у васъ отношенія?—спросилъ Глѣбъ. Для него все это было новость. Вѣдь онъ ничего не подозрѣвалъ о петербургскихъ исторіяхъ.

— О, ужасныя, мой другъ! Я тебѣ потомъ разскажу! Ты не одинъ?

— Нѣтъ, Варя здѣсь, отецъ Серафимъ...

— А я не хочу, чтобы они встрѣтили меня въ такомъ состояніи... Послушай, ты, конечно, долженъ досидѣть въ театрѣ, потому что ты съ дамой... Но потомъ можешь ли ты придти ко мнѣ? Я живу тутъ въ гостинницѣ...

Онъ назвалъ ту же гостинницу, гдѣ остановились Лаудановы и Глѣбъ.

— Но мы тоже тамъ. Мы внизу...

— А я въ третьемъ этажѣ... Да, я цѣлый день не выходилъ, я боялся выйти. Такъ ты придешь? Только такъ, чтобы они не знали.

— Хорошо, это можно, у меня отдѣльный номеръ. Но отецъ Серафимъ просилъ привести Валентину чай пить...

— Ага, значитъ она будетъ тамъ, въ нашей гостинницѣ. Ахъ, ну да все равно. Приходи... Я знаю вѣдь, что ты меня спасешь, это непремѣнно. Ты затѣмъ и пріѣхалъ!—какимъ-то страннымъ вѣрующимъ тономъ прибавилъ онъ. — Ну, да, ты затѣмъ и пріѣхалъ и встрѣтился со мной, чтобъ спасти меня.

— Ты даже сталъ суевѣренъ, Лозовскій?

— О, еслибъ ты зналъ... Ну, иди въ театръ, иди. Я теперь могу уйти домой... Мнѣ уже легче, потому что тебя встрѣтилъ... Видишь ли, когда приходится имѣть дѣло съ житейскими недоразумѣніями, мой умъ не годится, онъ совсѣмъ, совсѣмъ не годится для жизни. До свиданья. Мой номеръ 41.

Онъ ушелъ. Глѣбъ, совершенно сбитый съ толку этой неожиданной встрѣчей, машинально направился въ театръ. Когда онъ входилъ, уже раздались звуки оркестра. Онъ дошелъ до своего ряда и сѣлъ около Вари. Она взглянула на него.

— Что съ тобой, Глѣбъ? ты блѣденъ! — промолвила она тихонько.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтилъ онъ,—это такое освѣщеніе... Слушай, какъ поетъ Валентина.

— Ты странный, Глѣбъ.

— Право же, ничего... Въ антрактѣ надо пробраться къ ней...

— А какъ это дѣлается?

— Не знаю. У меня нѣтъ карточки, а то послали бы ей...

— Можетъ быть, записку?

— Пожалуй... Напиши ты.

Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ и подалъ ей. Варя нацарапала: „Милая Валентина Яковлевна, ваши петербургскіе квартиранты съ наслажденіемъ слушаютъ васъ въ партерѣ, въ третьемъ ряду, и были бы очень рады увидѣть васъ... Патріархъ тоже въ городѣ и проситъ привести васъ чай пить“.

— Ну, вотъ, пойди, отыщи кого-нибудь, чтобъ отправить ей.

Глѣбъ вышелъ съ чувствомъ облегченія. Ему тяжело было сидѣть рядомъ съ Варей и лгать ей. Но сообщить ей о встрѣчѣ съ Лозовскимъ онъ не могъ. Это обезпокоило бы ее и помѣшало бы наслаждаться пѣніемъ Валентины.

Онъ встрѣтилъ капельдинера.

— Будьте такъ добры, отнесите эту записочку за кулисы, госпожѣ Мазуриной.

— Госпожѣ Мазуриной?—переспросилъ капельдинеръ.—Слушаю-съ! Сію минуту!

Ему, очевидно, доставляло большое удовольствіе снести записку примадоннѣ. Глѣбъ возвратился въ партеръ. Валентины въ это время не было на сценѣ, но минуты черезъ двѣ она вышла и стала очень внимательно присматриваться къ партеру и вдругъ лицо ея оживилось улыбкой, ея взглядъ встрѣтился съ взглядомъ Вари, она чуть-чуть кивнула головой.

— Она насъ увидала!—шепнула Варя Глѣбу.

Въ антрактѣ капельдинеръ попросилъ ихъ за кулисы.

— Я останусь здѣсь,—сказала Груня.

Ей доставляло большое удовольствіе сидѣть въ антрактѣ на своемъ мѣстѣ и разсматривать публику. Они ушли.

Въ уборной Валентина бросилась на шею Варѣ и съ искреннимъ чувствомъ воскликнула:

— Какъ я вамъ рада, Боже мой, какъ я вамъ рада! И какъ я вамъ благодарна за то, что вы пришли.

— Мы нарочно остановились въ Твери, чтобы васъ слушать. Вы счастливая!—сказала Варя,—вы пожинаете лавры...

— Да, съ этой стороны я счастлива,—съ чуть-чуть печальной улыбкой отвѣтила Валентина. — Меня пригласили уже на зиму въ Кіевъ. Года черезъ два пріѣду пѣть въ Петербургъ.

— Вы одна здѣсь?

— Да... да, я одна, — какъ-то нерѣшительно отвѣтила Валентина.

— Изъ родныхъ никого здѣсь нѣтъ?—поправилъ Глѣбъ, замѣтивъ ея нерѣшительность.

— Нѣтъ, никого. Но откуда вы? Вы прямо съ юга? Ѣдете въ Петербургъ? Значитъ, учиться?

Она разспрашивала ихъ подробно обо всемъ и затѣмъ сказала, что очень хочетъ видѣть отца Серафима и непремѣнно пойдетъ къ нимъ пить чай. Условились, что они зайдутъ послѣ спектакля къ ней, въ уборную, и вмѣстѣ отправятся.

— Вѣдь, это два шага. Я живу въ другой гостинницѣ, какъ разъ напротивъ вашей...

— Но, какъ вы похудѣли, бѣдная!—воскликнула Варя,—отчего это?

Валентина сдвинула брови.

— Такъ, не знаю... Не знаю, отчего!—отвѣтила она.

Они ушли и слушали пятое дѣйствіе. Валентина играла прекрасно и потрясла зрителей. Успѣхъ былъ чрезвычайный,

ее вызывали безъ конца. Потомъ они пошли за кулисы, на этотъ разъ и Груня съ ними. Ее познакомили.

Валентина торопливо одѣвалась и все твердила, что ужасно рада встрѣчѣ съ ними. Теперь они увидѣли ее безъ грима и она показалась имъ еще болѣе худой и блѣдной.

— Она, должно быть, очень несчастна!—шепнула Варя Глѣбу.

Они вышли и дошли пѣшкомъ до гостинницы.

— Вотъ здѣсь, внизу... Не надо подыматься!—говорила Варя.

Отецъ Серафимъ съ непритворной радостью встрѣтилъ Валентину и благословилъ ее.

— Здравствуйте, дитя мое,—промолвилъ онъ: —читалъ, читалъ о вашихъ успѣхахъ и радуюсь. Весьма радуюсь, все равно, какъ бы вы были моей дочерью...

У него, по обыкновенію, былъ готовъ чай и закуска. Глѣбъ вышелъ въ свою комнату и вызвалъ Варю.

— Варя, голубчикъ, ты мнѣ вѣришь?—промолвилъ онъ.

— Ну, да, Глѣбъ, но ты пугаешь меня...

— Если я уйду на полчаса, ты ничего ужаснаго не подумаешь?

— Но куда? зачѣмъ? что это значитъ?

— Значитъ, не вѣришь... Впрочемъ, это понятно; это должно показаться страннымъ. Ну, постой, я тебѣ въ двухъ словахъ объясню... Только ни слова, ни звука никому. У театра я сейчасъ встрѣтилъ Лозовскаго...

— Лозовскаго?

— Да... Это какая-то странная и, боюсь, даже страшная исторія. Онъ здѣсь же, въ этой гостинницѣ... У него романъ съ Валентиной...

— У Лозовскаго романъ?—съ изумленіемъ спросила Варя.

— Не перебивай, Варя, я тороплюсь... Я встрѣтилъ его въ ужасномъ видѣ... Онъ весь какъ-то высохъ отъ горя... Въ чемъ дѣло, не знаю... Сейчасъ разскажетъ мнѣ. Но онъ прямо сказалъ мнѣ: спаси меня! Вотъ и она оттого, должно быть, худая и блѣдная. Но, Боже сохрани, ей ни слова. Иди.

— Все это ужасно, Глѣбъ.

— Тѣмъ больше, ни слова. Пока выяснится!..

Варя ушла, а Глѣбъ поднялся наверхъ, въ 41 номеръ. Это была миніатюрная комнатка, самая дешевая во всей гостинницѣ. На столѣ горѣла лампа. Лозовскій лежалъ на постели, вытянувшись во весь ростъ.

— Спасибо тебѣ, Глѣбъ... Садись!—промолвилъ Лозовскій.

Глѣбъ сѣлъ около него.

— Ахъ, голубчикъ,—говорилъ Лозовскій,—всѣ мы смертны... И еслибъ ты зналъ, какую штуку сыграла со мной эта самая смертность... Она тамъ?

— Кто? смертная?—шутя спросилъ Глѣбъ.

Лозовскій засмѣялся.

— О, да, да, смертная... Валентина!

— Тамъ.

— Ну, ладно, все равно... Я тебѣ въ десяти словахъ разскажу. Я самъ виноватъ. А можетъ быть, это такая женщина... Это началось зимой. Я избѣгалъ. Она завоевывала... Я боролся, но меня тянуло... Бѣсъ вселился въ меня. А она, какъ раба, на все была готова... Но какъ же оскорблялъ я ее! Я дьявольски мстилъ ей за мое униженіе, за то, что она столкнула меня съ неба на землю... Я ее мучилъ, терзалъ, я изсушилъ ее... Все это было весной, такъ, мѣсяца два послѣ того, какъ вы уѣхали. Наконецъ, ее не хватило. И она бѣжала... Да, бѣжала тихонько, чтобъ я не зналъ... Она, вчера еще покорная раба, возмутилась... Я узналъ, что она съ оперной труппой ѣздитъ по городамъ... И вдругъ во мнѣ вспыхнулъ огонь. Мнѣ нестерпимо захотѣлось быть около нея. Я полетѣлъ въ Орелъ. Она въ это время пѣла въ Орлѣ... И что же я встрѣтилъ? Недоступность, надменность, презрѣніе... Она третировала меня, какъ мальчишку. Теперь уже она мнѣ мстила... Знаешь ли, вѣдь я хотѣлъ убить ее. Да, да. Однажды я ворвался къ ней и сталъ душить ее за горло... О, Боже мой, до чего можетъ унизиться человѣкъ, когда духъ его упалъ съ высоты. Но, нѣтъ, это безуміе, ты не поймешь... Вѣдь я ее ненавижу, я и себя ненавижу, за все, за все это. Наконецъ, я не выдержалъ и я рѣшился убѣжать и сейчасъ же, понимаешь, сейчасъ... Я рѣшилъ постричься.

— Что?

— Чему жъ ты дивишься тутъ?

— Такой рѣзкій переходъ!

— Я человакъ рѣзкихъ переходовъ, развѣ ты не знаешь?

— Но развѣ ты можешь поручиться, что это навсегда въ тебѣ потухло?

— А ты забылъ? Длинная одежда, это—каменная стѣна, которая отдѣляетъ человѣка отъ толпы съ ея страстями, съ ея борьбой. О, пусть огонь горитъ во мнѣ, пусть онъ меня сожжетъ, но я сгорю въ одиночествѣ, безъ униженія... Но

вѣдь и на это силы нѣтъ. Я рѣшился и не могу бѣжать. Вотъ хожу третій вечеръ вокругъ театра и каждое мгновеніе чувствую, что она здѣсь... Я не могу, не могу... Спаси меня...

Глѣбъ глубоко задумался.

— Какъ спасти тебя, когда это болѣзнь?

— О, да, болѣзнь, это вѣрно. Ты правъ. Такъ вылѣчи.

— Ты человѣкъ крайностей, Лозовскій, а крайности страшно овладѣваютъ человѣкомъ, но зато они и разомъ обрываются. Но ждать, пока само пройдетъ, вѣдь можно сгорѣть... Я далъ бы тебѣ средство, но ты его отвергнешь.

— Какое? Я возьму всякое...

— Нѣтъ, я даже не рѣшусь...

— Глѣбъ, значитъ ты не понимаешь, что я на краю гибели. Пойми, что если бы я тебя не встрѣтилъ, въ эту ночь я застрѣлился бы.

— Опять?

— Ну, да, опять. Загляни въ ящикъ стола.

Глѣбъ открылъ ящикъ. Тамъ лежалъ револьверъ.

— Лозовскій, и это ты, ты... Съ твоимъ критическимъ умомъ, съ твоимъ презрѣніемъ къ страданіямъ... Послушай, я скажу тебѣ это средство. Но дай мнѣ слово, что ты, какъ бы ни было мучительно тебѣ жить, не сдѣлаешь рѣшительнаго шага, ну, хоть съ недѣлю... Ты поѣдешь съ нами. Это ничего, что они узнаютъ. Они вѣдь тебя любятъ.

— И Варвара Серафимовна любитъ? — съ скептической усмѣшкой спросилъ Лозовскій.

— О, да, ты ошибаешься, если думаешь, что нѣтъ... То было давно... Но теперь она узнала тебя ближе, она узнала твою прямоту и честность... Ну, вотъ, побудь въ ея обществѣ... И хоть каплю раскрой ей свою душу... Ты увидишь, какимъ тепломъ повѣетъ на тебя, какое примиреніе ты ощутишь въ душѣ... Послушай меня. Довѣрься ей немного, ты такъ бережно прячешь отъ нея свою душу... Ну, пусть одиночество, это— высокій идеалъ, къ которому хочетъ стремиться твоя душа, пусть, я не буду спорить... Можетъ быть, это и вѣрно для исключительныхъ натуръ, но это для здоровой души, а твоя душа больна. Ей нуженъ нѣжный, заботливый уходъ. И ты не знаешь, Лозовскій, что это за люди,—оба они, и старикъ, и дочь. Ты только согрѣй свою душу около нихъ, а тамъ опять хоть забирайся на свои высоты. Побудь съ ними, Григорій, побудь съ ними. Съ нею тебѣ нельзя встрѣчаться. Вы два дикихъ звѣря. Вы можете только воевать другъ съ другомъ и

вамъ доставляетъ наслажденіе терзать другъ друга. А вы это наслажденіе принимаете, быть можетъ, за любовь. О, нѣтъ, тутъ любви нѣтъ ни на столько. Вы два великихъ себялюбія.

— Экій ты бальзамъ успокоительный!—воскликнулъ Лозовскій,—съ тобой только поговоришь и легче становится, право. Ну, вотъ что, иди внизъ и, когда звѣрь номеръ второй уйдетъ, потому что первый здѣсь, ты меня позови и представь родственникамъ.

Онъ говорилъ уже съ своимъ обычнымъ легкимъ шутовствомъ въ тонѣ. Глѣбъ опять подошелъ къ столу и открылъ ящикъ.

— А это я возьму,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не бери. Это гораздо безопаснѣй.

— Но почему?

— Если не возьмешь, я не прикоснусь къ нему, а возьмешь, такъ куплю другой. Такая ужъ у меня проклятая натура. Нѣтъ, не бойся, я уже презираю это движеніе души.

— Ну, такъ я еще зайду,—сказалъ Глѣбъ.

Онъ спустился внизъ. Валентина еще была здѣсь.

— А вы и тутъ работаете, Глѣбъ Назаровичъ?—спросила она, думая, что онъ былъ въ своемъ номерѣ.

— Нѣтъ... тутъ одинъ спутникъ... я зашелъ на минуту.

— Спутникъ? — И странный огонь пробѣжалъ въ ея глазахъ.

Варя поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Вы и завтра поете, Валентина Яковлевна? Да, впрочемъ, я видѣла афишу. Завтра „Русалка“... Какъ досадно, что мы должны ѣхать...

— А вы оставайтесь,—предложила Валентина Яковлевна.

— Папа!

— Да вѣдь я не ѣзжу, а меня возятъ!—полушутя сказалъ отецъ Серафимъ,—я, знаете, совсѣмъ отдался въ руки этихъ разбойниковъ...

— Такъ можно?—съ радостью спросила Варя.

Но Глѣбъ перебилъ ее чрезвычайно твердо:

— Нѣтъ, мы должны ѣхать. Должны.

Варя примолкла. Потомъ, чтобы избѣжать неловкаго молчанія, она сказала:

— Разскажите, Валентина Яковлевна, гдѣ вы были, какъ васъ принимали?

Валентина начала разсказывать. Всюду она пользовалась большимъ успѣхомъ. Всюду дарили ей цвѣты и дѣлали ова-

ціи. Она была довольна началомъ своей артистической карьеры и вѣрила въ свою будущность.

Въ маленькой передней скрипнула дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ отецъ Серафимъ.

Отвѣта не было. Но черезъ секунду уже отецъ Серафимъ вскочилъ съ мѣста.

— Какъ, ты, Григорій?

Лозовскій стоялъ передъ нимъ, худой, строгій, сосредоточенный.

— Не удивляйтесь... Я тоже проѣздомъ...—отрывисто говорилъ онъ: — увидѣлъ фамилію на доскѣ, обрадовался и зашелъ.

Въ голосѣ его было что-то безстрастное и, можетъ быть, слишкомъ спокойное. Глѣбъ, пораженный его приходомъ, не зналъ, какъ понимать это и чего слѣдуетъ ждать. Онъ взглянулъ на Валентину. Она была совершенно блѣдна и губы ея слегка дрожали.

— Да ты на себя не похожъ, Гриша,—воскликнулъ отецъ Серафимъ,—боленъ былъ, что ли?

— Да, плевритъ... кашлялъ, знаете... Здравствуйте, Варвара Серафимовна... Здравствуйте, Валентина Яковлевна.

Онъ поклонился ей и протянулъ руку. Она тоже протянула ему руку, но была все также блѣдна. Глѣбу онъ просто кивнулъ головой.

— Хочешь чаю, Гриша,—предложилъ отецъ Серафимъ, больше уже не разспрашивая его, такъ какъ видѣлъ, что въ жизни Григорія произошло что-то трагическое. Это было написано въ его глазахъ.

— Я выпью съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Лозовскій.

— Какое пріятное совпаденіе!—говорилъ отецъ Серафимъ.—Вотъ и опять всѣ встрѣтились. А Валентина-то Яковлевна какова! Лавры пожинаетъ, слыхалъ?

— Да, я знаю,—отвѣтилъ Лозовскій,—но мнѣ не удалось сегодня попасть въ театръ. Я не люблю театра.

— А я думалъ, ты Богъ знаетъ гдѣ, гдѣ-нибудь на Аѳонѣ!—говорилъ отецъ Серафимъ, видя, что разговоръ какъ-то не клеится.

Валентина встала и, приложивъ руку къ груди, отошла къ окну; потомъ она окинула взглядомъ комнату и, какъ бы замѣтивъ дверь въ переднюю, вышла туда. Она стала еще блѣднѣе и слегка шаталась. Она ушла въ корридоръ. Глѣбъ сдѣлалъ глазами знакъ Варѣ, та тихонько встала и пошла за ней.

Лозовскій, кажется, не замѣтилъ этихъ движеній. Онъ говорилъ что-то о путешествіи на Аѳонъ, объясняя, почему оно ему не удалось. Варя вышла въ корридоръ и увидѣла Валентину прислонившуюся къ стѣнѣ.

— Валентина, голубушка, что съ вами?

— Ничего, милая Варя... Это здѣсь номеръ Глѣба Назаровича?..

— Вотъ сюда,—сказала Варя, понявъ, что ей, можетъ быть, дурно и она хочетъ спокойно посидѣть одна.

— Я сейчасъ успокоюсь, это просто отъ волненія. Я сегодня очень волновалась... такая отвѣтственная роль...

Она вошла въ комнату и Варя, оставшаяся въ корридорѣ, тотчасъ же услышала, что она плачетъ.

Она побѣжала къ себѣ; лицо ея было крайне встревожено. Лозовскій уже замѣтилъ, какая перемѣна произошла въ комнатѣ.

— Гдѣ же она? Что съ ней?—съ крайнимъ волненіемъ спрашивалъ онъ.

— Она плачетъ...—вырвалось у Вари.

— Плачетъ!..—какимъ-то страннымъ тономъ изумленія и вмѣстѣ радости произнесъ Лозовскій.—Она тамъ?

— Вы хотите пойти?

— О, не безпокойтесь, пожалуйста! Ей надо помочь!

Онъ сдѣлалъ движеніе къ двери.

— Григорій, сможешь ли ты ее успокоить? — промолвилъ Глѣбъ и сталъ на дорогѣ.

— Навѣрное!—очень твердо отвѣтилъ Лозовскій и отстранилъ его.

Всѣ трое остались, чувствуя себя какъ бы связанными.

— Что же это у нихъ дѣлается? — воскликнулъ отецъ Серафимъ.—Это что-то непостижимое. Не могу понять, не могу понять...

Глѣбъ ходилъ по комнатѣ, страшно встревоженный. Онъ чего-то боялся. Ему казалось, что вотъ-вотъ должна произойти катастрофа. Вдругъ у него мелькнула мысль. Онъ вышелъ въ корридоръ и побѣжалъ наверхъ, въ 41 номеръ; онъ открылъ ящикъ, револьверъ былъ тамъ. У него отлегло отъ сердца.

III.

Лозовскій вошелъ и остановился на порогѣ. Валентина плакала, склонивъ голову на подушку.

Она подняла голову и, увидѣвъ его, въ какомъ-то ужасѣ опять опустила ее и закрыла лицо.

— Что вамъ еще нужно отъ меня? — рыдая, спросила она?—Я не могу, не могу...

— Валентина...

Онъ подошелъ къ ней и упалъ на колѣни.

— Вашихъ слезъ, Валентина, вашихъ слезъ! Вы плачете, а я думалъ, что вы не умѣете плакать... Валентина, сжальтесь надо мной; я такое слабое существо, такое маленькое, ничтожное, жалкое. Валентина!

И въ голосѣ его слышались слезы. Она привстала и глядѣла на него съ изумленіемъ. Онъ плачетъ? Онъ тоже плачетъ!..

Онъ беретъ ея руку и цѣлуетъ съ благоговѣніемъ. Въ немъ нѣтъ ни звѣрскаго порыва, ни злобы.

— Что-жъ намъ дѣлать?—безпокойно спрашиваетъ она.— Куда намъ дальше идти?

— Разстаться, Валентина. О, теперъ уже разстаться! Я видѣлъ ваши слезы. Онѣ растопили мое сердце... Слезы, Валентина, онѣ святы, какъ молитва... Слезы, это, и есть молитва, это литургія сердца. Давно бы намъ поплакать, Валентина. Мы и вылѣчились бы отъ нашего звѣрства.

Онъ наклонился надъ ея рукой, цѣловалъ ее и обливалъ слезами. Она безмолвно положила другую руку на его голову. Это было примиреніе ихъ изстрадавшихся сердецъ, истерзанныхъ безпрерывными болѣзненными переходами отъ любви къ ненависти.

— Ахъ, какія это дивныя минуты!—говорилъ Лозовскій,— знаете ли вы, что я чувствую? Я люблю васъ, какъ ангелъ можетъ любить ангела. Вы будете вѣчно сіять мнѣ вашими слезами... Знаете, Валентина, я сейчасъ рѣшилъ и поклялся себѣ, да, я поклялся себѣ и вамъ даю эту клятву: я приму монашество. Какъ пріѣду, такъ и приму... Я прекращаю свое мірское шатаніе... Ну, теперь вытрите слезы, пойдемте къ нимъ. Я больше никогда не причиню вамъ боли. Я вашъ братъ, Валентина...

Онъ взялъ ея платокъ, лежавшій тутъ же около подушки, и вытеръ ей слезы. Она улыбнулась.

— Пойдемте! — тихо сказала она, — все же вы были дивнымъ явленіемъ въ моей жизни и я любила только васъ! Пойдемте!

Они вышли и явились опять за чайнымъ столомъ. Валентина пошла впередъ.

— Ну, вотъ и все прошло! — говорила она усталымъ голосомъ, стараясь придать ему бодрость и веселость.—Григорій Евтихіевичъ вылѣчилъ меня.

— И самъ вылѣчился!—сказалъ Лозовскій.

— Мы теперь помирились и стали друзьями.

— Развѣ вы ссорились?—спросилъ отецъ Серафимъ, который до сихъ поръ ничего не понималъ.

— О, да, ужасно!—отвѣтила Валентина.—Мы обижали другъ друга... Но мнѣ пора!—прибавила она.—Завтра въ одиннадцать часовъ репетиція, надо спать.

Она простилась со всѣми, протянула Лозовскому руку и прибавила, просто обращаясь къ нему:

— Не провожайте меня, Григорій Евтихіевичъ, здѣсь только перейти дорогу. Вы тоже завтра ѣдете?

— Да, непремѣнно, я съ ними.

— Вы навѣстите меня на прощанье?..

— Непремѣнно, я зайду проститься..

Глѣбъ и Варя смотрѣли на нихъ съ изумленіемъ; у обоихъ въ глазахъ было какое то просвѣтленіе.

— Заходите же, господа, ко мнѣ завтра. Послѣ репетиціи я дома,—сказала Валентина и ушла.

— Голубчикъ, Гриша, — молящимъ голосомъ сказалъ отецъ Серафимъ. — Что же все это значитъ? у насъ что-нибудь было, что-то оскорбительное? Ты оскорбилъ ее?

— Эхъ, дядя, это такая исторія, что къ ночи и разсказывать страшно. Я когда-нибудь потомъ вамъ разскажу. Вотъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, такъ, мѣсяца черезъ два, вы пріѣдете навѣстить меня въ лавру и увидите меня въ длинной черной рясѣ и съ четками въ рукахъ, тогда и побесѣдуемъ. Тогда все это будетъ невозвратнымъ прошлымъ и я буду глядѣть на него безстрастными очами.

— Ты рѣшился?

— Да, вотъ сейчасъ... Это на меня такъ подѣйствовали слезы Валентины Яковлевны. И ужъ безповоротно, дядя! Спокойной ночи... И теперь я даже у васъ денегъ возьму,— рублей двадцать пять не хватаетъ; вотъ какъ я смирился, значитъ...

— Голубчикъ, да бери сколько угодно! сейчасъ или завтра?

— Ну, хоть завтра, все равно! Спокойной ночи!

Онъ ушелъ. Отецъ Серафимъ съ величайшимъ волненіемъ обратился къ Глѣбу:

— Вѣдь это творится что-то сверхъестественное! Объясни ты мнѣ, ради Бога, за что вы меня мучаете?

— Ничего сверхъестественнаго,—отвѣтилъ Глѣбъ.—Лозовскій отрицалъ человѣка, а въ немъ самомъ сидѣлъ звѣрь. Валентина искала необыкновеннаго, исключительнаго, ну, вотъ они и вступили въ бой. Да, ужъ я никакъ не могу сказать, что они любили. Онъ негодовалъ на себя за свою слабость и за это мстилъ ей. Онъ унижалъ ее, оскорблялъ, терзалъ своими сумасшедшими выходками, а потомъ настала ея очередь, она оскорбляла, унижала и терзала его. Гдѣ же тутъ любовь? Это ненависть. Она не знала, что онъ здѣсь, она считала его уѣхавшимъ, а онъ жилъ здѣсь тихонько отъ нея, не будучи въ состояніи разстаться съ тѣмъ воздухомъ, которымъ она дышетъ. Я нашелъ у него заряженный револьверъ, онъ приготовилъ, чтобъ покончить съ собой. Теперь, узнавъ, что она здѣсь, онъ не могъ побороть себя и пришелъ. Пришелъ противъ всѣхъ указаній здраваго смысла. А ужъ дальше я и самъ ничего не понимаю. Что ихъ умиротворило? Вы видѣли ихъ лица. Они точно переродились оба и вы видѣли: у нихъ это навсегда кончилось.

— Дай-то, Господи!—восклицалъ отецъ Серафимъ, потрясенный всей этой исторіей.—Больные они, больные какіе-то! Въ немъ всегда было что-то... этакое непонятное! Охъ, Господи, сколь опасно наше блужданіе по земной юдоли!

Отецъ Серафимъ перекрестился. Всѣ разошлись спать. Глѣбъ поднялся тихонько наверхъ и прислушался. Въ 41 номерѣ было тихо. Свѣтъ не проникалъ оттуда сквозь стеклянный верхъ двери. Лозовскій спалъ. Утомленный безумнымъ волненіемъ, которое три ночи кряду мѣшало ему спать, онъ, едва опустился на постель, впалъ въ глубокій сонъ; тогда и Глѣбъ пошелъ къ себѣ. Всѣ были встревожены и подавлены. Отецъ Серафимъ зашелъ къ нему на минуту, чтобы утишить свое волненіе.

— Вотъ, Глѣбъ,—горилъ онъ,—не явное ли тутъ проявленіе Промысла Божія? Не встрѣться онъ съ тобой на улицѣ, не приди онъ къ намъ, быть можетъ, совершилось бы страшное дѣло... А нужно было, чтобы ты купилъ въ Москвѣ газету, прочиталъ, чтобы Варя предложила остановиться въ Твери... Да, тутъ, очевидно, промыселъ Божій.

На другой день всѣ встали поздно. Часовъ въ одиннад-

цать Глѣбъ поднялся наверхъ, но въ 41 номерѣ не было еще никакого движенія. „Спитъ“, подумалъ Глѣбъ. Когда собрались завтракать, онъ опять побывалъ наверху. Лозовскій все еще спалъ. Наконецъ, въ два часа у Глѣба мелькнули въ головѣ тревожныя мысли. А что, если... вѣдь револьверъ остался въ ящикѣ. Мало ли какія безумныя мысли могли придти ему въ голову ночью. Онъ нажалъ ручку двери, дверь была отперта, онъ вошелъ. Лозовскій спалъ и, услышавъ его шаги, проснулся.

— А это ты?

— Я въ третій разъ! Ты знаешь, уже два часа.

— Неужели? Но вѣдь я передъ этимъ семь ночей не спалъ. Семь ночей! Какое библейское число, не правда ли? Вѣдь мы уѣзжаемъ ночью, а? Ну, значитъ, ничего. А что, старикъ вчера обезпокоился? Я его вознагражу, повезу его показать тутъ одинъ монастырь...

Онъ началъ быстро одѣваться, потомъ они спустились внизъ, Лозовскій выпилъ наскоро стаканъ чаю и взялъ отца Серафима съ собой. А Глѣбъ съ Варей пошли къ Валентинѣ. Груня же осталась дома. Валентина приняла ихъ ласково. Она была настроена весело, радостно, говорила о своихъ успѣхахъ, о сценѣ, которую она обожала; казалось, что и щеки ея вернули прежній румянецъ. Лицо не было такое болѣзненное, какъ вчера.

Часовъ въ пять пріѣхали отецъ Серафимъ и Лозовскій и рѣшили всѣ вмѣстѣ обѣдать. Лозовскій пожалъ руку хозяйкѣ и началъ разсказывать о своей поѣздкѣ съ отцомъ Серафимомъ. Онъ былъ удивительно простъ, ни одного рѣзкаго неожиданнаго движенія, ни одного загадочнаго взгляда.

Послѣ обѣда въ ресторанѣ, всѣ простились съ Валентиной. Но когда ночью они уже садились на пріѣхавшій изъ Москвы поѣздъ, на вокзалѣ появилась Валентина и опять, какъ въ Петербургѣ, принесла Варѣ букетъ. Но этотъ былъ роскошный.

— Это мнѣ сегодня поднесли въ театрѣ,—сказала она, подавая Варѣ букетъ и цѣлуясь съ нею.—Прощайте, Григорій Евтихіевичъ.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. Онъ сказалъ себѣ въ душѣ: „это въ послѣдній разъ“.

Поѣздъ отошелъ, Валентина провожала его глазами. Потомъ темнота ночи раздѣлила ихъ отъ вокзала и города и всѣ улеглись спать.

Въ Петербургѣ они поѣхали прямо на Сергіевскую, въ свою прежнюю квартиру. Четвертую комнату заняла Груня.

Груня не заговаривала ни о какомъ ученьи. Ея бѣдный духовный міръ такъ былъ пораженъ разнообразными новыми впечатлѣніями, что она никакъ не могла справиться съ ними. Она все ходила по Петербургу, останавливалась передъ чудесами и изумлялась. Все, рѣшительно все казалось ей великимъ.

Глѣбъ не торопилъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь ея дома была такъ скудна впечатлѣніями, пусть она развлечется. Ученье ей предстоитъ не головоломное. Всегда успѣетъ.

Самъ Глѣбъ переживалъ какой-то переломъ въ своей духовной жизни. Онъ пошелъ въ университетъ и вдругъ почувствовалъ себя тамъ чужимъ. Сердце его билось, когда онъ вошелъ въ физическій кабинетъ и въ лабораторію, но все, на что онъ ни смотрѣлъ, казалось ему безжизненнымъ. Еще недавно видъ этихъ приборовъ вдохновлялъ, воодушевлялъ его, а теперь они смотрѣли на него холодно. Что же случилось? Какая странная мысль! Ему пришло въ голову сравненіе. Вотъ онъ летитъ на воздушномъ шарѣ, высоко-высоко, и передъ нимъ открывается необъятное пространство. Каждое мгновеніе мѣняются картины, одна прекраснѣе другой. Встрѣчныя облака измѣняютъ свои причудливыя очертанія. Вотъ тропическій лѣсъ, вотъ безконечные зеленые пампасы, вотъ могучія цѣпи горъ. Но это еще только начало пути, а тамъ вѣдь предстоитъ цѣлая вселенная. И онъ увидитъ золотое кольцо Сатурна, безчисленныя плеяды огненно-яркихъ звѣздъ и, можетъ быть, будетъ пролетать мимо самаго солнца. Что за дивныя ощущенія! Но вѣдь это чистое наслажденіе для себя! Еслибъ онъ даже узналъ что-нибудь новое и, вернувшись на землю, повѣдалъ людямъ и это принесло имъ пользу. Но развѣ онъ думалъ объ этой пользѣ, когда пролеталъ мимо солнца и любовался этимъ источникомъ свѣта и тепла? Какъ? а Ньютонъ, Дарвинъ, Пастеръ... Развѣ они не освѣтили своими работами каждый свою эпоху. Развѣ они не облагодѣтельствовали человѣчество? Но вѣдь это геніи. Генію все позволено. Геній, къ чему бы онъ ни прикоснулся, изъ всего извлекаетъ великое. Геній и наслаждаясь благодѣтельствуетъ человѣчество. Но вѣдь онъ заурядный человѣкъ, онъ не заблуждается, онъ заурядный, средній человѣкъ. Силы у него небольшія и онъ долженъ поставить себѣ простую задачу. Онъ не имѣетъ права рас-

плываться въ неопредѣленныхъ стремленіяхъ къ великому. Это доступно только великимъ умамъ. А онъ не хочетъ быть мечтателемъ, а хочетъ быть работникомъ.

И тутъ въ голову его врываются доводы Чурилиной и отца Василія. Чурилина, конечно, повторяетъ книжныя слова, но повторяетъ ихъ съ чувствомъ, она не знаетъ жизни, но она искренна. Но отецъ Василій, его ужъ никто не заподозритъ въ книжности. Онъ—сама жизнь; жизнь будничная, простая—его единственный учитель.

Однажды онъ пришелъ къ Лаудановымъ и объявилъ:

— Я рѣшилъ. Перебираюсь на Выборгскую сторону.

— Какъ такъ?—спросилъ отецъ Серафимъ.

— А такъ. Перехожу въ академію и буду учиться медицинѣ.

— Что до меня,—сказала Варя,—то я отъ всего сердца одобряю это.

— Что-жъ, это дѣло хорошее,—промолвилъ отецъ Серафимъ.—По крайней мѣрѣ ясна цѣль. А то наука, ученость, Богъ знаетъ еще, что изъ этого выйдетъ. А тутъ ясно!

И Глѣбъ скоро перемѣнилъ мундиръ. Ему пришлось разстаться и съ чухонкой, но онъ подыскалъ ей студента, который съ радостью занялъ семирублевую комнату въ шестомъ этажѣ. А самъ Глѣбъ поселился на Выборгской сторонѣ.

Теперь ему было ближе ходить къ Лаудановымъ, стоило только перейти мостъ. Но на него сразу навалилась такая масса работы, что онъ едва успѣвалъ давать урокъ у Мазуриныхъ, и забѣгалъ къ Лаудановымъ на полчаса. Только по воскресеньямъ они проводили съ Варей весь день. Они ходили въ театръ или ѣздили за городъ.

IV.

Мазурины были проникнуты успѣхами своей дочери. У нихъ въ семействѣ завелся особаго рода культъ: они собирали всѣ отзывы о Валентинѣ и наклеивали ихъ въ изящномъ альбомѣ. Валентина присылала имъ изъ провинціи газеты и они вырѣзывали изъ нихъ рецензіи. Такимъ образомъ у нихъ составилась порядочной толщины тетрадь. И всякій разъ, когда къ нимъ кто-нибудь приходилъ, они съ гордостью показывали эту тетрадь и перечитывали вслухъ отзывы, которые, конечно, уже знали наизусть.

Отецъ Серафимъ навѣстилъ ихъ, и разсказалъ имъ о

своемъ свиданіи съ Валентиной въ Твери. Мазурины всегда относились къ нему съ большимъ почтеніемъ, но послѣ этого стали относиться почти съ умиленіемъ. Конечно, это было собственно умиленіе передъ Валентиной, но оно переходило и на него. Но замѣчательнѣе всего было то, что въ семействѣ, повидимому, никто не подозрѣвалъ объ исторіи Валентины съ Лозовскимъ. Тамъ даже не знали о существованіи Лозовскаго. Онъ никогда не бывалъ у нихъ въ домѣ. Весь этотъ странный романъ со всѣми его драматическими, иногда трагическими перипетіями, происходилъ на свѣжемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Валентина, еще когда была въ Петербургѣ, на глазахъ у всей семьи терзалась и худѣла, переживала страшныя муки. Ея поведеніе рѣшительно было странно. Она иной разъ вдругъ порывисто срывалась и мчалась куда-нибудь или, наоборотъ, по цѣлымъ недѣлямъ не выходила на улицу, запиралась въ своей комнатѣ, забывала даже о пѣніи и какъ бы чего-то боялась. Лозовскій съ своей стороны ни разу не зашелъ къ ней. Наконецъ, за все это время онъ написалъ ей всего только одно письмо.

Они больше всего на свѣтѣ боялись, чтобы какой-нибудь посторонній взоръ не проникнулъ въ тайны ихъ душъ. А Мазурины объясняли это Богъ знаетъ какъ, совершенно по своему.

— Бѣдняжка, Валентина, — говорили они отцу Серафиму, — послѣ вашего отъѣзда все болѣла. Мы ужъ не знали, что съ нею и дѣлать. Нервы у нея... Знаете, эти артистическія натуры... у нихъ всегда нервы развинчены. Она вся зависитъ отъ нервовъ.

А Валентина ни одной душѣ не открыла своей тайны, никому изъ родныхъ и близкихъ.

Въ Петербургѣ исправно шли осенніе дожди. Отецъ Серафимъ никуда не ходилъ, кромѣ своей любимой Сергіевской церкви. Въ квартирѣ шла удивительно мирная жизнь. Всю недѣлю стояла въ ней тишина. Варя, поглощенная занятіями, сидѣла надъ книгами, отецъ Серафимъ забивался въ свою комнату и большею частью ничего не дѣлалъ. У него были очень слабы глаза и онъ не могъ читать больше десяти минутъ. Иногда Варя вызывалась что-нибудь почитать ему. Изрѣдка это выпадало на обязанность Груни, но та дѣлала это неохотно. Остальное время онъ лежалъ на кушеткѣ и время его наполнялось какими-то смутными мечтаніями о томъ, что вотъ кончится и эта зима и онъ поѣдетъ опять

въ Кочедаровку и будетъ тамъ наслаждаться солнцемъ, котораго здѣсь нѣтъ. Здѣсь онъ не живетъ, а такъ только, выжидаетъ. Здѣсь онъ только сторожъ или ассистентъ при жизни другихъ. Никакъ онъ не могъ сжиться съ этимъ сѣрымъ небомъ, съ этимъ непривѣтливымъ дождемъ; бываютъ дожди и на югѣ. Но тамъ они благотворны. Пройдетъ онъ полосой, ороситъ жаждущую землю и вотъ уже появилось солнце и пошли подыматься изъ земли испаренія и опять земля уже жаждетъ. Тамъ вѣчная смѣна. Земля, какъ живой человѣкъ, проситъ у неба влаги и небо даетъ ее и вотъ она опять уже нуждается и опять проситъ. Тамъ земля—живой организмъ. Здѣсь дождь непрерывный льетъ и льетъ на сырую землю, насквозь уже пропитанную влагой. Ни на что не нужна эта влага, ея слишкомъ много, отъ нея не знаешь, куда дѣваться.

Не могъ онъ свыкнуться и съ этимъ непрерывнымъ стукомъ и шумомъ городской жизни. Хотя онъ и говорилъ, что ему, молъ, все равно, что онъ теперь готовъ хоть и въ Америку ѣхать, но это говорилъ онъ для Вари, а въ душѣ у него жила непрестанная вѣчная мечта о Кочедаровкѣ, о ея тишинѣ, простотѣ и солнечномъ теплѣ.

Въ воскресенье по вечерамъ собирались по прежнему Чурилина, Руничъ и кое-какія новыя подруги Вари. Всѣ знали обстоятельства, при которыхъ пріѣхалъ отецъ Серафимъ въ Петербургъ, всѣ знали, чѣмъ онъ пожертвовалъ для дочери, которая хотѣла учиться, и относились къ нему съ глубокимъ почтеніемъ. Онъ благословлялъ всѣхъ и всѣ цѣловали у него руку. Чурилина стала пуще прежняго вздыхать о медицинскихъ курсахъ.

— Вы счастливые, мужчины!—говорила она, обращаясь къ Глѣбу,—вы можете исполнить всѣ ваши желанія, всѣ ваши планы. Вотъ вы, напримѣръ, убѣдились въ правильности моего взгляда и вамъ стоило только захотѣть, вы уже и медикъ, а я смотрю на васъ, какъ голодный на сытаго, который еще передъ нимъ же, передъ голоднымъ, ѣстъ очень вкусный обѣдъ.

Груня вела себя совсѣмъ незамѣтно. Вращаясь постоянно въ кругу людей, жизнь которыхъ ограничивалась простыми домашними интересами, гдѣ не задавались никакими вопросами выше будничной обстановки, она не могла не чувствовать свою умственную бѣдность въ этомъ новомъ кругу, совсѣмъ не похожемъ на прежній. Эти дѣвушки и студенты, посѣщавшіе ихъ домъ по воскресеньямъ, говорили всегда о такихъ

умныхъ вещахъ, подымали такіе важные вопросы... А у нея было огромное самолюбіе. Она знала навѣрно, что, если откроетъ ротъ, то непремѣнно скажетъ невпопадъ и это будетъ смѣшно, и она изображала изъ себя убійственно молчаливую фигуру. Но она въ то же время внимательно прислушивалась и въ головѣ ея какимъ-то механическимъ путемъ образовывались извѣстныя понятія, засѣдали тамъ обрывки фразъ, новыя слова, непонятыя даже и наполовину. Одно только рѣшеніе она предприняла: съ будущаго года непремѣнно поступить на акушерскіе или фельдшерскіе курсы и ужъ заговаривала объ этомъ съ Глѣбомъ. Она просила его достать программу и вообще освѣдомиться, какія тамъ требованія. Ей хотѣлось какъ можно скорѣе быть самой себѣ хозяйкой. Она припоминала, что акушерки въ ихъ городѣ живутъ недурно (у нея были знакомыя), а занятіе ихъ не Богъ знаетъ какое головоломное. Тогда ей легче будетъ и замужъ выйти. Эта мечта никогда не покидала ее.

— Тебѣ, однако жъ, придется подготовиться,—сказалъ ей Глѣбъ.—Вѣдь надо будетъ держать экзаменъ.

— Какъ же я буду готовиться? Я не умѣю.

— Я помогу тебѣ.

И теперь Груня сидѣла за учебниками, а Глѣбъ послѣ урока у Мазуриныхъ давалъ еще и ей урокъ. Дѣло шло довольно туго. У Груни голова была такъ устроена, что все научное, все теоретическое, что она воспринимала по книжкамъ, вылетало изъ этой головы черезъ нѣсколько часовъ. Но зато у нея оказалось страшное упорство. Она просиживала надъ своими учебниками по пяти часовъ кряду, она какъбы насильно вталкивала въ свою голову знанія и приколачивала ихъ тамъ гвоздемъ, чтобы они лучше держались. Самолюбіе понукало ее. Ей обидно было оставаться ничѣмъ.

Однажды отецъ Серафимъ поѣхалъ въ лавру. Уже мѣсяца два Лозовскій не бывалъ у нихъ. У отца Серафима явилось тревожное подозрѣніе, не боленъ ли онъ. Онъ все еще никакъ не могъ забыть тверскихъ впечатлѣній, въ которыхъ такъ много было поразительнаго и неожиданнаго со стороны Лозовскаго.

Его встрѣтилъ Григорій Евтихіевичъ и очень обрадовался ему.

— Нѣтъ, дядя, я не боленъ, но, знаете, моя голова какъто мало годится для того, чтобъ мнѣ проводить время въ обществѣ... Я никогда не годился для этого, дядя. И мнѣ

не слѣдовало и появляться въ немъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—я ни о чемъ не жалѣю.

— Ни о чемъ, Григорій?—съ сомнѣніемъ спросилъ отецъ Серафимъ.

— Нѣтъ, ни о чемъ... Что жъ, вся эта исторія показала, что мой духъ былъ далеко еще не свободенъ. Ему надо было пройти это важное испытаніе. Вѣдь и Христосъ, передъ тѣмъ, какъ вступить въ дѣятельный подвигъ, вынесъ искушеніе. Только Онъ устоялъ, потому что Онъ недосягаемо высокъ и духъ Его былъ абсолютно свободенъ. Во все это время, дядя, что я у васъ не бывалъ, я испытывалъ полное одиночество, я испытывалъ его сознательно, я искалъ его, зачѣмъ же мнѣ было идти къ вамъ, гдѣ столько людей и столько жизненныхъ интересовъ, которые мнѣ всѣ чужды?

— Что жъ ты дѣлалъ?

— Я укрѣплялся духомъ. Черезъ двѣ недѣли, дядя, я надѣну длинную одежду. Ахъ, какъ различны люди!—воскликнулъ онъ и лицо его повернулось въ сторону:—смотрите, вонъ идетъ господинъ съ бородкой, это—студентъ, мой товарищъ. Онъ тоже готовится въ монахи и мы одновременно съ нимъ должны принять постриженіе. Но знаете, какъ онъ готовится? Онъ прощается съ міромъ житейскимъ,—ѣздитъ куда-то за городъ на рысакахъ, кутитъ, веселится. Это совершенно такъ, какъ въ прежнее время наемные рекруты прощались съ свободой. Знаете, дядя, мнѣ даже оскорбительно, что мы съ нимъ оба заключаемъ свою жизнь въ одну форму... Зачѣмъ, если любишь мірскую жизнь, зачѣмъ тогда разставаться съ ней? Вѣдь въ жизни столько путей, для всякаго найдется подходящій? Не правда-ли, дядя?

— Съ этимъ я согласенъ, Гриша. Если нѣтъ призванія, не надо идти.

— Вотъ именно, дядя,—призваніе. Это то слово, котораго я искалъ! Призваніе! Надо, чтобъ тебя призывало. А меня зоветъ эта длинная одежда, уединеніе, разрывъ съ міромъ.

— Когда же, Григорій?

— Черезъ два воскресенья. У насъ будетъ торжественная служба, вотъ тогда это и совершится. А у васъ всѣ здоровы?

— Всѣ здоровы. Вотъ маленькая перемѣна: Глѣбъ перешелъ въ медицинскую академію.

— Перемѣна эта мнѣ ничего не говоритъ,—сказалъ Лозовскій.—Впрочемъ, она во всякомъ случаѣ означаетъ, что

духовныя требованія Глѣба понизились. Его идеалъ съузился. Прежде онъ стремился къ расширенію умственнаго горизонта, къ умственной свободѣ, а теперь къ опредѣленной практической цѣли. Впрочемъ, всякій находитъ удовлетвореніе по своему. А вы, дядя, вамъ не тяжело?

— Какъ сказать тебѣ? Я, разумѣется, скучаю по своей прежней жизни. Но Варя, — ея жизнь наполнена такимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, такимъ счастьемъ, что ради этого я готовъ немного претерпѣть. Ну, прощай, Григорій, пріѣду въ церковь, когда тебя постригать будутъ.

По дорогѣ домой отецъ Серафимъ, припоминая свой разговоръ съ Лозовскимъ, обратилъ вниманіе на то, что онъ ни разу не спросилъ про Валентину. Неужели же онъ до такой степени отошелъ отъ всего этого?

И Варя, и Груня, и Глѣбъ тоже собирались поѣхать въ лавру, когда будутъ постригать Лозовскаго. Дня за три до этого событія вдругъ неожиданно пріѣхала Валентина. Это ужасно удивило всѣхъ. Вѣдь она пѣла въ Кіевѣ, связанная контрактомъ на цѣлый сезонъ, а сезонъ былъ въ самомъ разгарѣ.

— Мнѣ вдругъ захотѣлось пріѣхать хоть на недѣльку!— говорила она,—такъ потянуло сюда!

— Но какъ же ты съ контрактомъ?—спрашивали ее домашніе.—Вѣдь за это придется отвѣчать.

— Ну, я, конечно, кое-что потеряю, но это ничего.— Все равно, безъ меня тамъ не могутъ обойтись и мѣсто мнѣ всегда обезпечено.

Она значительно поздоровѣла по сравненію съ тѣмъ, какою Лавдановы видѣли ее въ Твери. Но въ глазахъ у нея теперь уже не было того выраженія, которое прежде такъ характеризовало ихъ, на которое всѣ обращали вниманіе. Теперь въ нихъ уже не выражалась прежняя хищная жадность. Нѣтъ, въ нихъ появилась какая-то мягкость и доброта. Что-то примирительное.

У отца Серафима при ней не говорили о Лозовскомъ. Тамъ боялись, что малѣйшее воспоминаніе можетъ растравить ея рану.

Но она сама удивила всѣхъ неожиданнымъ вопросомъ: „а скажите, какъ же живетъ теперь Григорій Евтихіевичъ?“

И она спросила это просто, какъ о добромъ знакомомъ. Лицо ея нисколько не измѣнилось, въ немъ не было видно ни смущенія, ни краски, ни блѣдности.

„Значитъ, все прошло у нея“, подумали всѣ разомъ.

— А вотъ черезъ два дня мы всѣ ѣдемъ въ лавру, отвѣтили ей,—его будутъ постригать въ монахи.

— Да?

И вдругъ въ глазахъ ея замѣтно для всѣхъ блеснула радость.

— Значитъ, онъ исполнилъ свое намѣреніе!—сказала она.—Я тоже поѣду съ вами въ лавру.

Въ воскресенье они всѣ были въ лаврѣ. Валентина внимательно слѣдила за всѣмъ обрядомъ. Лицо ея было сосредоточенно; въ немъ свѣтилось спокойствіе и какая-то внутренняя важность.

Варя невольно наблюдала за ея лицомъ, такъ какъ оно удивительно не походило на прежнее. И вотъ, когда вмѣсто прежняго имени „Григорій“, въ церкви было произнесено новое имя — Гермогенъ, Валентина тихо опустилась на колѣни и начала горячо молиться. На глазахъ у нея были слезы; потомъ она встала и вышла изъ церкви.

Они не зашли къ Лозовскому, теперь ему было не до нихъ, и весь этотъ день въ домѣ Лаудановыхъ было какое-то молчаливое, грустное настроеніе, какъ будто они пришли съ кладбища, гдѣ похоронили дорогого покойника.

Валентина въ этотъ же день уѣхала въ Кіевъ.

Зачѣмъ она пріѣзжала? Это осталось тайной для всѣхъ. Но несомнѣнно, что пріѣздъ ея имѣлъ отношеніе къ важной перемѣнѣ въ жизни Лозовскаго. Но какъ она могла знать, что именно теперь должна была произойти перемѣна? Она и сама не могла этого объяснить.

Послѣ тверского прощанья, у нея въ душѣ все время былъ невозмутимый миръ, но иногда, въ рѣдкіе моменты, вдругъ появлялась какая-то тревога и тогда она думала о Лозовскомъ, и мысль, что все вдругъ можетъ перемѣниться, что какимъ-нибудь чудомъ прошлое можетъ воскреснуть, отнимала у нея покой. Она такъ мало знала его и въ теченіе короткаго періода ихъ странной близости было столько безумныхъ переходовъ и крайностей... Вдругъ она воображала, что онъ опять сорвется съ своей высоты и примчится къ ней. И она тогда начинала бояться за себя. Чѣмъ бы онъ ни пришелъ, — деспотомъ-мучителемъ, или покорнымъ рабомъ, все равно, она не можетъ поручиться за то, что въ сердцѣ ея есть каменная стѣна, которая не впуститъ его туда. Да, она видѣла тогда въ Твери въ его глазахъ просвѣтленіе и

какъ бы перерожденіе, но это было въ первый разъ. Прежде она никогда не видала въ его глазахъ этого выраженія. Чѣмъ же онъ можетъ поручиться себѣ, что это прочно, что это „новое", какъ онъ говорилъ? О, это—„новое"! Сколько разъ онъ давалъ себѣ клятву навсегда уйти отъ нея и потомъ опять являлся и то требовалъ, то вымаливалъ прощенія. Она помнила его фразу, сказанную передъ разставаніемъ: „черезъ два мѣсяца это совершится", а два мѣсяца подходили къ концу и вотъ ее потянуло на сѣверъ. Что изъ того, что она можетъ написать Варѣ, спросить въ письмѣ объ этомъ и что Варя навѣрно правдиво ей отвѣтитъ? Если она должна была столько разъ не вѣрить тому, что видѣла собственными глазами, то тѣмъ болѣе письмо не могло ее успокоить.

Она пріѣхала съ чувствомъ тревоги, но первый вопросъ о Лозовскомъ далъ ей успокоеніе. „Такъ это правда,—думала она,—все совершилось такъ, какъ онъ сказалъ: „черезъ два мѣсяца",—и вотъ..." но тревога не вполнѣ покинула ее. „Два дня еще, два дня!" говорила она себѣ: „за два дня можно перевернуть всю жизнь и цѣлыхъ двѣ жизни".

Наконецъ, наступилъ и послѣдній вечеръ. Вотъ она въ церкви и видитъ, что все совершается, и она переживаетъ странное состояніе. Она, которая примчалась сюда издалека, чтобы убѣдиться въ его отреченіи отъ міра, она, которая желала отъ него этого отреченія, желала, какъ гарантіи своего покоя, она чувствуетъ себя такъ, какъ будто передъ нею кладутъ въ могилу что-то завѣтное, безконечно дорогое.

Потрясенная, страдающая, она опустилась на колѣни и плакала и вспоминала его слова: „слезы, это — святая молитва. Слезы, это — литургія сердца". Да, думала она, мое сердце отправляетъ похоронную литургію, оно его хоронитъ. Всѣ смотрятъ, какъ на обрядъ, можетъ быть, и дивятся тому, что такой молодой, красивый, полный жизни и огненныхъ стремленій, онъ отрекается отъ міра. А передъ ея очами вся внѣшняя сторона обряда какъ бы исчезла, она просто хоронила и похоронила Григорія. Нѣтъ болѣе Григорія на свѣтѣ, а есть Гермогенъ,—чужой ей, другой человѣкъ, недоступный, холодный.

И тогда она вышла изъ церкви, чувствуя, что у нея здѣсь не осталось уже ничего. Она кончила свою похоронную литургію и уѣхала, но зато вмѣстѣ съ глубокой печалью она ощущала въ душѣ какой-то безконечный покой, который не нарушитъ уже никакая тревога,—покой навсегда. Она осво-

бодилась отъ него, она освободилась разомъ и отъ нестерпимыхъ нечеловѣческихъ мукъ и отъ страшнаго счастья.

Но когда она думала о прошломъ, то чувствовала, что встрѣча съ Лозовскимъ была огромнымъ явленіемъ въ ея жизни. Ея духъ, всегда безсознательно искавшій чего-то необыкновеннаго, исключительнаго, нашелъ въ этой встрѣчѣ себѣ забвеніе. Это не могло долго тянуться, она не вынесла.

Она припоминала его взгляды, которые онъ изрѣдка невзначай высказывалъ ей. Ей пришелъ въ голову его взглядъ на любовь. У нея сохранилось письмо, которымъ она дорожила, какъ талисманомъ. Она всегда возила его съ собой. Въ ея дорожномъ мѣшкѣ было особое мѣстечко, въ которомъ она бережно хранила его. Это было въ самый бурный періодъ его чувства; послѣ цѣлаго ряда безумствъ онъ вдругъ замкнулся въ себя и двѣ недѣли избѣгалъ встрѣчи съ ней. Она бывала въ лаврѣ въ церкви, но и тамъ его не видѣла. Онъ какъ бы предвидѣлъ, что она должна придти, и становился въ алтарѣ, въ уединенномъ углу, откуда никого не могъ видѣть и никто его. И вотъ тогда-то она получила отъ него это письмо, написанное въ такой моментъ, когда онъ, быть можетъ, считалъ себя побѣдителемъ въ той ужасной борьбѣ съ самимъ собою.

Онъ писалъ: „Хочется мнѣ разсказать вамъ свои думы. Отчего такъ мучительно выражается наше чувство? Вѣдь у всѣхъ любовь, это—синонимъ счастья, блаженства. А у насъ муки, терзанья, отчаянье! Объ этомъ я много думаю, благо у меня есть досугъ и голова моя свободна отъ пагубнаго вліянія на нее вашей особы и можетъ здраво работать. И думается мнѣ, что то, что обыкновенно называютъ любовью, не есть любовь, а просто какая-то кислятина. Любовь, это—экстазъ. Любовь, это—забвеніе. Экстазъ не допускаетъ разсчета, взвѣшиванія и соразмѣриванія силъ и обстоятельствъ. Любовь—съ карандашемъ въ рукахъ высчитывающая, сколько пойдетъ на мебель, когда свивается новое гнѣздо, на прислугу, на одежду; любовь, кладущая на счетахъ,—какой же это экстазъ?.. Я васъ люблю—и беру билетъ въ оперу, въ циркъ, посидимъ вмѣстѣ вечерокъ... Потомъ попьемъ чайку... Я васъ люблю, и покупаю вамъ букетъ или конфекты. О, Боже мой! да вѣдь это же чистая пошлость! Нѣтъ, я люблю, такъ ужъ я ни о чемъ не думаю и не могу думать, какъ только о васъ. Быть съ вами, вблизи васъ и чувствовать себя насквозь проникнутымъ вами... Я васъ люблю, и ужъ тутъ

я и унижаюсь, и унижаю васъ, терзаюсь и терзаю васъ, оскорбляю васъ и самъ сношу оскорбленія, повелѣваю и рабски ползаю у ногъ... И вѣдь это все равно. Не все ли равно въ самомъ дѣлѣ, повелѣваю ли я вами, или лежу передъ вами во прахѣ? Тутъ важно только одно: *вы, вамъ, васъ, вами*; что бы ни дѣлалось, только бы въ этомъ были вы, только бы я чувствовалъ васъ вблизи. Надо, чтобъ вы наполняли меня и мою жизнь, каждое мое мгновеніе, каждое мое дыханіе. Только это надо, больше ничего не надо. И такъ какъ въ состояніи экстаза люди встрѣчаются своими въ высшей степени обостренными индивидуальными особенностями, которыя вступаютъ въ ожесточенную борьбу, то они неизбѣжно, неминуемо должны терзать другъ друга и страдать. И любовь, какъ я ее понимаю, всегда должна доставлять терзаніе и муку. Избѣжать ея нельзя, потому что она стихійна. И это только—любовь, а то другое, маленькое, сѣренькое, глупенькое смотрѣніе другъ другу въ глаза и тихое млѣніе вблизи такъ-называемаго любимаго существа, это—не любовь, а... предоставляю вамъ найти это имя...“

И вотъ теперь пойдетъ у нея простая будничная жизнь; все, что она встрѣтитъ на своемъ пути, будетъ обыкновенно, буднично; вѣроятно, случится и маленькое горе, и маленькое счастье, но надъ всѣмъ этимъ вѣчно будетъ витать его образъ, образъ сильнаго человѣка, въ расцвѣтѣ силъ отказавшагося отъ жизни.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

I.

Нѣмцы говорятъ, что своими побѣдами они обязаны школьнымъ учителямъ. Съ бо́льшимъ еще правомъ финляндцы могутъ сказать, что своимъ теперешнимъ благоденствіемъ они обязаны школамъ. Такъ они и говорятъ, и пишутъ. Съ самаго начала они относились къ дѣлу вполнѣ сознательно, добиваясь именно того, чего достигли; притомъ сдѣлано это недавно, за послѣднія тридцать лѣтъ. Вотъ почему сдѣланный ими опытъ особенно назидателенъ, а вдобавокъ легко поддается изслѣдованію, такъ какъ богато обставленъ тщательно отмѣченнымъ фактическимъ матеріаломъ, цифрами и наблюденіями. И вотъ почему намъ кажется полезнымъ поговорить о финляндскихъ школахъ подробнѣе. Надо сказать и то, что лучшими народными школами въ Европѣ еще недавно считались скандинавскія; финляндскія же школы созданы по образцу скандинавскихъ, но въ новѣйшее время, а слѣдовательно и съ соотвѣтственнымъ усовершенствованіемъ дѣла. Такимъ образомъ, независимо отъ чисто прикладного значенія финскихъ школъ, какъ средства вывести свой народъ изъ нужды, онѣ являются еще образцомъ, достойнымъ изученія въ теоретическомъ смыслѣ, и уже поэтому заслуживаютъ вниманія.

Какъ извѣстно, грамотность въ Финляндіи процвѣтала давно. Простая грамотность среди финновъ получила широкое распространеніе цѣлыхъ три столѣтія назадъ и по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ прочихъ странахъ, населеніе которыхъ приняло лютеранство. Зависѣло это отъ того, что конфирмацію, т. е. первое причастіе, лютеране могутъ получать, только выдержавъ нѣкоторое испытаніе въ знаніи Закона Божія. Лютеранское духовенство всюду пользовалось этимъ обстоятельствомъ для распространенія грамотности. Особенное значеніе имѣетъ при этомъ основной лютеранскій принципъ, заключающійся въ томъ, что до конфирма-

ціи человѣкъ считается какъ бы несовершеннолѣтнимъ, а слѣдовательно, ограниченъ въ своихъ правахъ. Пользуясь такимъ сильнымъ средствомъ, пасторамъ всегда было легко требовать отъ конфирмующихся молодыхъ людей грамотности «для умѣнья читать слово Божіе». Но, разумѣется, не всѣ пасторы и не вездѣ дѣлали это, такъ что поголовной грамотности, вопреки очень распространенному противному предположенію, въ Финляндіи никогда не было и даже нѣтъ въ настоящее время.

Важнѣе то, что дальше простой грамотности, зачастую даже одного умѣнья читать по печатному, просвѣщеніе среди финновъ не шло. Въ этомъ случаѣ пагубное значеніе имѣло то, что интеллигенція въ странѣ была иноязычная — шведская — и финскихъ школъ было очень мало. Всякому финну, желавшему получить хоть какія-нибудь школьныя знанія, приходилось сначала ошведиться, на что соглашались лишь немногіе. Держались же такіе порядки вовсе не вслѣдствіе какого-либо стремленія шведовъ уничтожить самобытность и національность финновъ, а просто потому, что въ тѣ времена простая грамотность считалась очень достаточнымъ просвѣщеніемъ для народа, и смотрѣть на школьное дѣло, какъ на самое могучее оружіе противъ нужды, люди еще не научились. Какъ бы тамъ ни было, финны зачастую были грамотны, но очень мало просвѣщенны и могли пользоваться своей грамотностью только для религіозныхъ цѣлей. Они оставались крайне суевѣрны, во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ совѣтовались съ колдунами, жили въ крайней нуждѣ, не сознавая, что могли бы жить лучше, и вообще поражали посторонняго человѣка низкой степенью своего умственнаго развитія.

Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи ничего въ странѣ не перемѣнилось, такъ какъ обстоятельства зависѣли не отъ политическаго строя, а лишь отъ неправильности основного воззрѣнія на просвѣщеніе народныхъ массъ. Финны продолжали изучать грамоту для чтенія священныхъ книгъ, но пользоваться научными указаніями въ своихъ дѣлахъ не имѣли ни случая, ни достаточной подготовки, вслѣдствіе чего и оставались въ полной зависимости отъ случайностей. Хлѣбопашество велось почти исключительно по двухъ- и трехъ-польной системамъ; скотоводство и молочное хозяйство прозябало; подспорныхъ промысловъ, если не считать примитивнаго рыболовства преимущественно мордами и загородками, внутри страны не было. Участь цѣлаго населенія ставилась въ зависимость отъ урожая ржи, а урожаи были крайне ненадежны, вслѣдствіе суровости климата и неумѣнья крестьянъ отводить отъ своихъ полей излишнюю и сильно мѣшавшую хлѣбо-

пашеству влагу. Только травы, именно вслѣдствіе обилія влаги, всегда росли отлично и въ этомъ обстоятельствѣ уже тогда просвѣщенные люди видѣли ясное указаніе, что хозяйства въ Финляндіи должны быть основаны не на хлѣбопашествѣ, а на травосѣяніи и на молочномъ дѣлѣ. Но даже помѣщики не могли перейти къ такому способу пользованія землей, потому что для этого требовалось перевоспитать все населеніе и научить крестьянъ не только новымъ, очень сложнымъ земледѣльческимъ пріемамъ, но и употребленію въ пищу хорошо сохраняющихся молочныхъ продуктовъ, т. е. разныхъ сортовъ сыра. Сами же крестьяне, вслѣдствіе умственнаго неразвитія, были враждебны всякимъ нововведеніямъ, относились скептически къ самымъ благимъ совѣтамъ, упорно держались привычныхъ пріемовъ и всякимъ попыткамъ къ улучшенію своей участи предпочитали традиціонное пользованіе помѣщичьей землей за барщину, т. е. нѣчто въ родѣ добровольной крѣпостной зависимости.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ не могла процвѣтать въ странѣ и промышленность. Такъ продолжалось до половины нынѣшняго столѣтія.

II.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда во всей Европѣ стало замѣчаться пробужденіе національныхъ стремленій, это ощутилось и въ Финляндіи. Не смотря на свое шведское происхожденіе, финляндская интеллигенція стала интересоваться финскимъ языкомъ, этнографическими изслѣдованіями о финскомъ народѣ и всѣмъ, что касалось финновъ. Явился безсмертный Ленротъ со своими изслѣдованіями финскаго фольклора и возстановилъ Калевалу, которая сразу завоевала финнамъ симпатіи всѣхъ образованныхъ людей. Ослабѣло пренебреженіе къ этому народу, который оказывался способнымъ не только для батраческой работы на шведовъ, но самобытнымъ, стойкимъ въ своей національности народомъ, могущимъ проявлять самыя возвышенныя стремленія. Въ то же время, подъ вліяніемъ перемѣны во взглядахъ высшихъ сословій, поднялось самосознаніе финновъ, чему сильно содѣйствовало быстрое распространеніе среди финновъ печатныхъ экземпляровъ Калевалы.

Результатомъ всего этого было образованіе въ Финляндіи партіи финскихъ народниковъ, задавшихся цѣлью вывести финновъ на широкій путь къ просвѣщенію, отнюдь не поступаясь національностью, а это повело къ горячему демократическому движенію въ странѣ вообще.

Тогда же можно было предсказать чрезвычайную плодотворность такого движенія, такъ какъ оно было поддержано симпатіями всего народа и такимъ образомъ уже само по себѣ пробуждало народъ къ умственной дѣятельности. Кромѣ того, порывалась старинная рознь между интеллигенціей, не желавшей знать финскаго языка, и народомъ, отказывавшимся учиться по шведски. Но важнѣе еще было то, что во главѣ движенія оказались лучшія академическія силы страны, вслѣдствіе чего все движеніе получило ровный осмысленный ходъ и не сдѣлано было легко вкрадывающихся въ такія движенія ошибокъ и порывовъ страсти.

Однимъ изъ первыхъ результатовъ было установленіе двухъ основныхъ принциповъ: во-первыхъ, что школьное образованіе нужно народу не только, ради нравственныхъ цѣлей, но еще для вооруженія народа на борьбу за свое существованіе, а слѣдовательно, должно какъ можно скорѣе быть преподано всему народу, притомъ тѣмъ заботливѣе, чѣмъ затруднительнѣе въ данной мѣстности добываніе средствъ къ существованію; во-вторыхъ, что простая грамотность не можетъ считаться просвѣщеніемъ, а слѣдовательно, должны быть созданы народныя школы съ хорошо выработанной программой общаго образованія, достаточно полнаго, чтобы вырабатывать развитыхъ людей и хорошихъ гражданъ, притомъ такъ, чтобы желающіе, по окончаніи курса въ народной школѣ, могли продолжать свое образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Однако, такіе прекрасные идеалы были сначала только достояніемъ частныхъ лицъ и на законодательствѣ страны не отражались. Впрочемъ, надо сказать и то, что законодательной дѣятельности въ Финляндіи тогда не было, такъ какъ земскіе чины въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія не созывались. Но времена перемѣнились и тотчасъ же новыя задачи народной партіи отразились на законодательствѣ.

Уже въ Высочайше предложенной земскимъ чинамъ Финляндіи программѣ очередныхъ преобразованій, по возобновленіи сеймовъ, указывалась необходимость полнаго переустройства школьнаго дѣла въ странѣ. Соотвѣтственно, еще 24-го марта 1856 года повелѣно было финляндскому сенату выработать проектъ организаціи народныхъ школъ. Результатомъ были сначала основаніе первой финской учительской семинаріи въ Ювескюле (въ 1863 г.), а затѣмъ превосходный законъ о народныхъ школахъ отъ 11-го мая 1866 года. Этотъ законъ передавалъ все школьное дѣло изъ рукъ духовенства въ руки самихъ сельскихъ общинъ, а городамъ ставилъ въ непремѣнное обязательство имѣть народныя школы

въ такомъ числѣ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста могли получать образованіе, притомъ на своемъ природномъ языкѣ.

Этимъ же закономъ для народныхъ школъ установлена была обязательная программа и указаны нормальные способы преподаванія, причемъ то и другое основывалось на уже приведенныхъ нами двухъ главныхъ принципахъ школьнаго дѣла въ Финляндіи. Но, что было еще важнѣе, это то, что иниціатива въ основаніи школъ предоставлялась самимъ сельскимъ общинамъ. Этимъ способомъ сразу привлекалось самое серьезное вниманіе населенія къ своимъ школамъ и возбуждалась общественная энергія, безъ которой ничего плодотворнаго все-равно бы не вышло. Наконецъ, выказываемое такимъ путемъ довѣріе къ народу, было самымъ могучимъ средствомъ побудить его къ большимъ жертвамъ на новое дѣло, при томъ не вызывая сожалѣній, а наоборотъ, возбуждая энтузіазмъ. Законъ, безспорно, былъ выработанъ умно, практично и съ большимъ знаніемъ психологіи народныхъ массъ. Это не замедлило подтвердиться популярностью новаго закона и быстрымъ развитіемъ предпринятаго дѣла.

Каково было это развитіе показываютъ слѣдующія цифры, значащіяся въ отчетѣ за 1895 годъ.

Въ учебный годъ 1865—1866 высшихъ народныхъ школъ въ Финляндіи было всего 20.

Въ пер.	1873—1874	г.	такихъ	школъ	уже было	224.
» »	1880—1881	»	»	»	»	457.
» »	1887—1888	»	»	»	»	755.
» »	1894—1895	»	»	»	»	1.178.

Такъ какъ строеніе для школы должно быть воздвигнуто самой общиной, при томъ не иначе, какъ по нормальнымъ для такихъ строеній чертежамъ, обходится же оно въ среднемъ выводѣ около 8.000 марокъ, оказывается, что съ 1865 по 1895 годъ финскимъ народомъ добровольно затрачено на устройство народныхъ школъ 7.264.000 марокъ. Сумма эта сама по себѣ очень значительна; если же принять во вниманіе бѣдность населенія и отсутствіе какого бы то ни было понужденія народа сдѣлать такой крупный расходъ, она становится просто изумительной и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какой степени народъ сочувствуетъ школьному дѣлу, когда видитъ въ немъ дѣйствительный источникъ просвѣщенія, а не жалкое его подобіе.

Еще нагляднѣе обозначаются достигнутые результаты, если взглянуть на быстро измѣнявшееся отношеніе числа народныхъ школъ къ числу имѣвшихся въ странѣ дѣтей школьнаго возраста.

Года.	Число школъ.	Число дѣтей школьнаго возраста.	Одна школа приходится на число дѣтей.
1865	89	170.000	8.500
1873	234	176.000	786
1880	457	189.000	413
1887	755	200.000	265
1894	1.178	220.000	186

По мѣстнымъ условіямъ, т. е. въ зависимости отъ разбросанности населенія и отъ нормальныхъ размѣровъ школъ, предполагается, что для того, чтобы каждый восьмилѣтній ребенокъ въ Финляндіи могъ воспользоваться образованіемъ въ народной (высшей) школѣ, необходимо по одной такой школѣ на каждыхъ 50 дѣтей школьнаго возраста. Въ дѣйствительности, такого множества школъ вовсе не потребуется, такъ какъ много дѣтей получаютъ образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но даже если держаться этой преувеличенной цифры и въ предположеніяхъ о дальнѣйшемъ развитіи школьнаго дѣла въ Финляндіи сообразоваться лишь съ опытомъ послѣднихъ тридцати лѣтъ, можно ожидать, что черезъ 11—12 лѣтъ полное число будетъ достигнуто, послѣ чего обязательное обученіе дѣтей въ высшихъ народныхъ школахъ, или равныхъ имъ по значенію, оставалось бы только узаконить. Судя, однако, по предложеніямъ, сдѣланнымъ на послѣднемъ [illegible] сеймѣ, дѣло будетъ еще ускорено введеніемъ закона, *обязующаго* населеніе устраивать школы по одной на каждыя 50 дѣтей, причемъ придется поступиться принципомъ свободной инициативы общинъ, но скорѣе поднимется общій уровень народнаго образованія и сразу представится возможной обязательность школьнаго образованія.

Для полученія вѣрнаго представленія о развитіи школьнаго дѣла въ Финляндіи надо принять во вниманіе, что приведенныя нами выше цифры отнюдь не касаются *начальныхъ* школъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ. Такихъ школъ въ странѣ много и въ нихъ обучается около 163.000 дѣтей младшаго возраста. Но такъ какъ въ этихъ школахъ преподается только грамота да Законъ Божій и счисленіе, а какъ мы уже говорили, въ Финляндіи давно перестали считать такія свѣдѣнія «просвѣщеніемъ», эти начальныя школы во вниманіе не принимаются здѣсь.

Очень распространены въ Финляндіи и такъ называемыя воскресныя школы, въ которыхъ дополняютъ свои знанія до 200.000 учащихся. Но и эти школы не имѣютъ ничего общаго съ народными. Слушатели воскресныхъ школъ почти всегда люди

грамотные. Читаются имъ популярныя лекціи по всѣмъ отраслямъ знаній не безъ соблюденія извѣстной общей системы, но совершенно свободно, предоставляя слушателямъ знакомиться съ тѣмъ, что ихъ интересуетъ. Въ Финляндіи очень распространена идея постепенно превратить эти воскресныя школы въ нѣчто въ родѣ народныхъ университетовъ *).

Другимъ такого же рода источникомъ просвѣщенія являются многочисленные въ Финляндіи союзы для совмѣстнаго чтенія и самообразованія. Такіе союзы въ послѣднее время стали очень популярными въ деревняхъ и быстро разростаются. Они имѣютъ превосходное вліяніе на подъемъ нравственности въ странѣ, сильно противодѣйствуютъ пьянству и очень полезны для распространенія въ народѣ всякихъ прикладныхъ знаній.

Чтобы дополнить общую картину учебнаго дѣла въ Финляндіи, стоитъ упомянуть, что, кромѣ университета и политехническаго института, тамъ существуютъ:

Лицеевъ (гимназій)	31
Приготовительныхъ училищъ	3
Элементарныхъ (прогимназій)	22
Реальныхъ	2
Женскихъ	52
Коммерческихъ	8
Навигаціонныхъ	7
Учительскихъ семинарій	4
Сельскохозяйственныхъ	14
Профессіональныхъ	64
Для глухонѣмыхъ	5
Для слѣпыхъ	2
Для слабоумныхъ	2
Итого	222

Таково число просвѣтительныхъ заведеній въ этой скудной природными богатствами странѣ съ населеніемъ (2.460.000 ж.), не превышающимъ населенія, напримѣръ, Воронежской губерніи.

*) Въ настоящее время почти осуществлена, и «народныхъ университетовъ» въ Финляндіи теперь 8. Описаніе одного изъ нихъ, по личнымъ наблюденіямъ, см. «Міръ Божій», 1896 г., январь—«Высшая финляндская народная школа». *Ред.*

III.

Организація народныхъ школъ въ Финляндіи очень несложна. Первоначальное образованіе дѣти младшаго возраста получаютъ въ приходскихъ, начальныхъ и амбулаторныхъ, школахъ или домашнимъ образомъ. Первоначальныя школы устраиваются обыкновенно безъ всякаго содѣйствія правительства, самимъ населеніемъ и безъ особенныхъ затратъ. Всѣ формальности ограничиваются комунальнымъ постановленіемъ объ устройствѣ такой школы. Затѣмъ приглашается дѣвушка изъ числа окончившихъ курсъ въ семинаріи или въ среднемъ учебномъ заведеніи, по возможности мѣстная уроженка или хорошо извѣстная въ приходѣ. Отвѣтственность за выборъ учительницы падаетъ на приходскій совѣтъ. Такой учительницѣ въ зависимости отъ средствъ прихода назначается жалованье отъ 300 до 800 марокъ, т. е., примѣрно, отъ 120 до 300 рублей въ годъ; кромѣ того, ей обезпечивается безплатная квартира съ полнымъ довольствіемъ или безъ такового, по соглашенію. Когда приходъ разбросанъ, учительница чаще всего квартируетъ поочередно, въ отдѣльныхъ хуторахъ и помѣщичьихъ усадьбахъ; вездѣ она остается на положеніи почетной гостьи и почти не бываетъ примѣра, чтобы къ ней относились негостепріимно. Установившимся обычаемъ строго преслѣдуется всякій знакъ неуваженія къ учительницѣ. Среди финновъ еще очень сильны матріархальные взгляды, т. е. глубокое почитаніе матери; учительница же является до нѣкоторой степени какъ бы замѣстительницей матерей при дѣтяхъ, которыхъ учитъ грамотѣ и молитвамъ. Вотъ почему оскорбленіе учительницы разсматривается, какъ безчестье приходу.

Особое помѣщеніе для начальной школы почти никогда не устраивается. Чаще всего преподаваніе ведется попросту въ одной изъ избъ попросторнѣе или поперемѣнно въ разныхъ хуторахъ, какъ это удобнѣе по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Обыкновенно учительницъ въ каждомъ приходѣ бываетъ по нѣскольку, и на каждую учительницу учащихся дѣтей приходится немного. Это даетъ возможность вести преподаваніе безъ всякихъ затѣй, по домашнему, вокругъ обыкновеннаго обѣденнаго стола въ углу избы.

Амбулаторныя школы ничѣмъ не отличаются отъ приходскихъ, когда для послѣднихъ не имѣется постояннаго помѣщенія. Вся разница только въ томъ, что амбулаторныя школы, устраиваемыя въ приходахъ съ очень рѣдкимъ и сильно разбросаннымъ населеніемъ, находятся подъ болѣе бдительнымъ надзоромъ и перекочевываютъ съ хутора на хуторъ не по частному соглашенію

хуторянъ, а регулярно по оффиціально утвержденному росписанію и независимо отъ желанія хуторовладѣльцевъ. Школа ставится, такъ сказать, на постой, по опредѣленію комунальнаго совѣта, и считается, не смотря на чисто домашнюю обстановку, общественнымъ учрежденіемъ.

Надзоръ за приходскими и амбулаторными школами принадлежитъ приходскому совѣту, главнымъ образомъ пастору. Но такъ какъ дѣло является общимъ и твердо сознается таковымъ, всякій прихожанинъ, когда его собственныя познанія для этого достаточны, по своему наблюдаетъ за школой, и малѣйшая небрежность учительницы немедленно отмѣчается. Въ этомъ нѣтъ ни подозрительности, ни недоброжелательности; это просто непрерывный общественный контроль, которымъ обезпечивается исправность дѣла. Очень важно при этомъ-то, что всякое недоказанное обвиненіе въ Финляндіи карается очень строго, какъ законами, такъ и общественнымъ мнѣніемъ, вслѣдствіе чего случаи клеветы, столь частые въ странахъ съ менѣе чуткимъ общественнымъ мнѣніемъ, тамъ очень рѣдки. Надо отмѣтить и то, что въ приходскихъ дѣлахъ помѣщики принимаютъ такое же живое участіе, какъ и все прочее населеніе прихода. Уклоняться отъ такихъ дѣлъ и выказывать къ нимъ равнодушіе считается позорнымъ и ведетъ къ такой непопулярности, что становится трудно вести какія-либо дѣла въ приходѣ. Этимъ обезпечивается наличность въ приходскомъ совѣтѣ интеллигентныхъ силъ и ограничивается вліяніе пастора, что очень полезно, такъ какъ вводитъ разумную поправку въ дѣло, отнюдь не подрывая религіи. Финны, отъ природы склонные къ мистицизму и нѣкогда управлявшіеся колдунами, притомъ окруженные крайне суровой и угрюмой природой, прежде были въ высшей степени суевѣрны; теперь, съ повышеніемъ въ странѣ просвѣщенія, это смѣнилось глубокой религіозностью.

Финляндскія первоначальныя школы, не смотря на безхитростность ихъ обстановки, а вѣрнѣе, именно по этой причинѣ, даютъ очень удовлетворительные результаты: дѣти легко и быстро выучиваются грамотѣ, бываютъ обыкновенно достаточно развиты для своего возраста, а главное, нисколько не тяготятся ученіемъ и очень любятъ свои школы. Дѣло въ томъ, что въ неприхотливой, привычной и чисто домашней обстановкѣ крестьянскія дѣти всегда учатся легче и охотнѣе, чѣмъ въ суровой классной обстановкѣ, въ которой легко теряютъ хорошее расположеніе духа. Финскія дѣти, главнымъ образомъ вслѣдствіе разбросанности хуторовъ и уединеннаго образа жизни семей, очень застѣнчивы; все непривычное дѣйствуетъ на нихъ удручающимъ образомъ и лишаетъ

необходимой въ ученіи бодрости. При такихъ условіяхъ существующій порядокъ надо признать очень раціональнымъ. Кромѣ того, существенное значеніе имѣетъ при этомъ то, что такой порядокъ приходится по вкусу крестьянскому населенію и стоитъ недорого, вслѣдствіе чего, съ одной стороны, сохраняется очень цѣнная въ педагогическомъ смыслѣ связь между семьей и школой, а съ другой—дѣлаетъ начальныя школы доступными бѣднѣйшимъ общинамъ и въ достаточномъ числѣ.

Большимъ преимуществомъ надо считать и то, что почти во всякомъ приходѣ имѣются вполнѣ подготовленныя учительницы изъ своей же крестьянской среды. Такія учительницы никогда не бываютъ сторонницами непопулярныхъ среди крестьянъ ухищреній, очень неприхотливы и превосходно уживаются съ родителями обучаемыхъ дѣтей. Въ то же время, получивъ спеціальную подготовку въ семинаріяхъ, онѣ преподаютъ грамоту прекрасно, по новѣйшимъ указаніямъ методики и чрезвычайно усердно, очень дорожа своимъ почетнымъ положеніемъ учительницъ.

Излишней регламентаціей начальныя школы въ Финляндіи не стѣснены. Роль пастора въ надзорѣ за такими школами сводится къ провѣркѣ дѣтскихъ знаній на испытаніяхъ, а школьный инспекторъ обыкновенно довольствуется наблюденіемъ общихъ результатовъ начальнаго образованія въ приходѣ, и если результаты удовлетворительны, въ подробности не вмѣшивается. Такимъ образомъ учительницамъ предоставлена полная свобода въ выборѣ методы преподаванія, въ распредѣленіи, по соглашенію съ родителями, занятій и въ способахъ поощренія дѣтей. Въ дѣйствительности, почти всѣ учительницы придерживаются господствующей въ странѣ методы Песталоцци въ ея нынѣшней нѣмецкой передѣлкѣ. Но нѣкоторыя по складу собственныхъ способностей или по другимъ практическимъ соображеніямъ преподаютъ по инымъ системамъ, иногда очень своеобразнымъ, и если результаты хороши, никому и въ голову не приходитъ препятствовать такому порядку. Въ этомъ мы склонны видѣть тоже большое преимущество передъ господствующей въ другихъ странахъ мелочной регламентаціей. Ясно, что не всякая учительница можетъ хорошо исполнить свое дѣло, если ни въ чемъ не имѣетъ права поступать самостоятельно, и лучше пусть она придерживается менѣе совершенной методы, если при этомъ ухитряется добиваться благихъ результатовъ, чѣмъ будетъ пунктуально, но безплодно исполнять мудрѣйшія предначертанія. Но для этого нужно умѣть довѣрять мелкимъ служащимъ и ихъ скромнымъ контролерамъ, а на это руководители не всегда способны. Въ Финляндіи, гдѣ самую ини-

ціативу въ вопросѣ объ основаніи школъ довѣрчиво передали сельскимъ общинамъ, довѣрять выборъ методы самимъ учительницамъ и наблюдающему за ними обществу находятъ и подавну естественнымъ. И въ этомъ тамъ не раскаиваются.

IV.

Мы уже отмѣтили, что первоначальныя школы считаются въ Финляндіи лишь подспорьемъ домашнему воспитанію дѣтей, вслѣдствіе чего правительство страны мало вмѣшивается въ это дѣло, предоставляя главный контроль самимъ родителямъ учащихся дѣтей. Къ высшей народной школѣ отношеніе правительства совсѣмъ иное. По основной идеѣ закона, народная школа должна служить «основой образованія дѣтей всѣхъ классовъ страны и не только давать имъ познанія, но и воспитывать изъ нихъ хорошихъ и вполнѣ способныхъ къ труду гражданъ». Такая задача настолько серьезна, что выполненіе ея требуетъ самаго осторожнаго отношенія и уже никакъ не можетъ быть довѣрена самому населенію, которому предоставляется лишь иниціатива въ основаніи школъ. Школы находятся подъ неусыпнымъ и очень строгимъ контролемъ спеціальныхъ инспекторовъ, на отвѣтственности которыхъ лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы преподаваніе велось всюду однообразно, по строго обдуманной общей программѣ, лишь въ частностяхъ примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ.

Народную школу имѣетъ право основать всякій приходъ и всякая община. Для этого должно быть возведено зданіе по установленнымъ нормальнымъ чертежамъ одного общаго для всей страны типа и должны быть ассигнованы необходимыя средства изъ коммунальныхъ суммъ. Съ своей стороны правительство ассигнуетъ на поддержку школы по 800 марокъ на каждаго учителя и по 600 марокъ на каждую учительницу. Такое жалованье преподавателямъ постепенно, за выслугу, увеличивается до 1.200 м. учителямъ и до 900 м. учительницамъ. Кромѣ того, когда это возможно, учитель или учительница получаютъ отъ общины безплатную квартиру, иногда даже съ довольствіемъ. Но всякое добавленіе къ основному жалованью разсматриваются лишь какъ награжденіе за продолжительную и добросовѣстную службу отдѣльнаго лица и на его преемника не распространяется. Надо прибавить, что учителя и учительницы народныхъ школъ, хотя и приглашаются на службу по вольному найму, считаются, однако, коронными служащими, и правительство обязуется выплачивать имъ узаконенную для всѣхъ такихъ служащихъ пенсію за выслугу тридцати лѣтъ.

Таково обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія школы и преподавателей. Нельзя не признать, что оклады народныхъ учителей и учительницъ въ Финляндіи очень значительны, въ особенности если принять во вниманіе чрезвычайную дешевизну жизни въ финскихъ деревняхъ и незначительность прочихъ казенныхъ окладовъ въ странѣ вообще. Уже въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть, какое важное значеніе придается тамъ преподавателямъ народныхъ школъ. Но это не все: приняты законодательныя мѣры къ подъему ихъ соціальнаго положенія и къ обезпеченію прочности поприща; такъ, ни одинъ народный учитель или учительница не могутъ быть уволены отъ службы безъ суда и слѣдствія, а ихъ служебное и общественное положеніе таково же, какъ положеніе всѣхъ прочихъ чиновниковъ. Всѣми этими мѣрами, во-первыхъ, поднимается авторитетъ учащихъ, а во-вторыхъ, обезпечивается постоянный приливъ хорошихъ учениковъ въ учительскія семинаріи и превосходныхъ преподавателей въ школьное вѣдомство. Этими же мѣрами возбуждается ихъ усердіе въ дѣлѣ, для успѣшнаго веденія котораго нужно не только напряженіе всѣхъ умственныхъ и физическихъ силъ, но еще много самоотреченія.

Программа преподаванія въ финскихъ народныхъ школахъ во всѣхъ частяхъ сходна съ программой соотвѣтственныхъ школъ Швеціи и Германіи, а въ Россіи ближе всего подходитъ къ программѣ нашихъ двухклассныхъ училищъ. Но вся суть не въ программѣ, а въ воспитательныхъ задачахъ финскихъ школъ, достигаемыхъ по методѣ Песталоцци. Съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, шагъ за шагомъ, не быстро, но зато твердо ведутся дѣти впередъ, къ самостоятельному мышленію и къ сознательному отношенію къ дѣйствительности. Въ другихъ странахъ нерѣдки чудовищныя преувеличенія и искаженія такихъ пріемовъ преподаванія. Но прирожденная финнамъ трезвость ума не допускаетъ ихъ впадать въ крайности, а потому имъ и удается достигать результатовъ болѣе чѣмъ удовлетворительныхъ. Особенно важно, что финскимъ педагогамъ всегда удается придать своимъ школьнымъ занятіямъ характеръ серьезнаго труда, не вызывая однако въ дѣтяхъ недовольства. Такимъ образомъ дѣти пріучаются не тяготиться трудомъ, и въ то же время знанія, пріобрѣтаемыя съ большимъ напряженіемъ умственныхъ силъ, усваиваются прочно, навсегда.

Нѣтъ сомнѣнія, что финскія дѣти особенно пригодны для воспитанія по методѣ Песталоцци. Они смышлены, но не слишкомъ живы, очень терпѣливы, въ большинствѣ случаевъ послушны и, вслѣдствіе жизни семей уединенно, порознь, много бываютъ въ обществѣ взрослыхъ, пріучаясь говорить и поступать обдуманно.

Но надо сказать, что и финскіе учителя точно созданы для преподаванія по методѣ Песталоцци. Какъ извѣстно, въ этой методѣ все дѣло въ выдержкѣ учителя, отъ котораго требуется по истинѣ ангельское терпѣніе, и который ровно ничего не добьется, если позволитъ себѣ малѣйшее увлеченіе въ ту или другую сторону. Финскій учитель не умѣетъ увлекаться и можетъ служить олицетвореніемъ терпѣнія. Народные учителя и учительницы въ Финляндіи почти всѣ сами изъ народа; а этотъ народъ столѣтіями привыкалъ къ терпѣнію. Вотъ почему они остаются невозмутимы даже въ такихъ случаяхъ, въ какихъ всякій другой потерялъ бы самообладаніе, и спокойно продолжаютъ объясненія, когда другой началъ бы горячиться или впалъ бы въ отчаяніе и на все махнулъ бы рукой.

V.

Выдвигая вопросъ о необходимости самыхъ энергичныхъ мѣръ къ поднятію народнаго образованія, финляндцы преслѣдовали не только просвѣтительныя, но и экономическія задачи. Имѣлось въ виду дать народу не только умственное развитіе и главныя основы общихъ знаній, но и способы спеціально изучать различныя профессіи. Для этого были основаны профессіональныя школы, число которыхъ доведено до 64, а также сельскохозяйственныя (14), коммерческія (8), навигаціонныя (7) и учительскія семинаріи (4). Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ юноша, получившій уже значительный запасъ общихъ знаній въ народной школѣ, можетъ вооружиться спеціальными знаніями по своему роду занятій, притомъ съ самыми незначительными затратами, такъ какъ спеціальныя учебныя заведенія, какъ и народныя школы, считаются учрежденіями общеполезными, содержатся на общественный счетъ и доступны бѣднѣйшимъ ученикамъ. Считается необходимымъ вооружить знаніями именно бѣднѣйшее населеніе страны, и это настолько твердо сознается въ Финляндіи, что случаи неокончанія спеціальнаго образованія по недостатку средствъ тамъ почти не бываютъ. Когда мальчикъ учится хорошо и его семья настолько бѣдна, что не можетъ платить за ученіе, расходъ беретъ на себя община, или какое-нибудь общество, или, наконецъ, казна, но никакъ не послѣдуетъ исключеніе ученика, такъ какъ всѣмъ ясно, что этого требуютъ общественные интересы.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ сельскохозяйственныя школы: агрономическія и молочно-хозяйственныя.

Мы уже видѣли, что величайшимъ зломъ въ Финляндіи было неумѣнье крестьянъ вести земледѣліе на основахъ молочнаго хо-

зяйства — единственно раціональнаго въ странѣ, гдѣ травы всегда растутъ хорошо, а хлѣба очень часто губятся несвоевременными морозами. Но для этого надо было перейти отъ трехъ-польной *) къ плодоперемѣнной системѣ и научить крестьянъ разумной обработкѣ земли плугомъ. Надо было также показать способы улучшенія земли помимо ея удобренія, способы правильнаго скотоводства, производства молочныхъ продуктовъ и проч. Все это оказалось возможнымъ, когда умножились народныя школы и начали оказывать свое вліяніе. До того времени крестьяне, въ своей апатіи крайне неразвитыхъ людей, не хотѣли и слышать о какихъ-либо измѣненіяхъ въ своихъ привычкахъ, такъ какъ не въ силахъ были понять, что могутъ съ такой же затратой силъ, но при болѣе разумныхъ пріемахъ благоденствовать на тѣхъ же земельныхъ участкахъ, на которыхъ голодали. Когда же подросло молодое поколѣніе, уже нѣсколько просвѣтившееся въ хорошихъ народныхъ школахъ, дѣло измѣнилось. Явилось критическое ношеніе къ старымъ порядкамъ и зародилось сомнѣніе въ ихъ цѣлесообразности. Въ то же время пробудились новые интересы, что побудило крестьянъ взяться за книги, брошюры и газеты, а изъ этихъ источниковъ они почерпнули новыя сомнѣнія въ пригодности всего привычнаго. Моментъ былъ самый подходящій для коренного преобразованія земледѣлія въ странѣ, и это сознавали даже наименѣе дальновидные.

Въ другой странѣ движеніемъ непремѣнно овладѣло бы правительство, и все повелось бы равнодушными ко всякому живому дѣлу чиновниками, холодно, съ большимъ формализмомъ и съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ людскимъ слабостямъ. Въ результатѣ получились бы, можетъ быть, очень хорошо задуманныя мѣропріятія, но несомнѣнно и быстрое охлажденіе народа ко всему дѣлу, а это повело бы къ заторможенію преобразовательнаго движенія на многія лѣта. Въ Финляндіи, гдѣ издавна привыкли во всемъ предпочитать частную инициативу административной, ничего подобнаго не случилось. Правительство ограничилось поощреніемъ уже существовавшихъ и возникавшихъ сельскохозяйственныхъ обществъ, да стало всячески поддерживать дѣятельность этихъ обществъ, исполняя ихъ разумныя требованія. Самое же дѣло преобразованія земледѣлія цѣликомъ осталось въ рукахъ обществъ, т. е. въ рукахъ наиболѣе просвѣщенныхъ и дѣятель-

*) Кромѣ трехъ-польной системы существовали двухъ-польная—для особо тощихъ полей, и четырехъ-польная, при которой, кромѣ озимаго и яроваго посѣва, передъ паромъ поле засаживалось картофелемъ.

ныхъ хозяевъ, являющихся въ данномъ случаѣ членами обществъ. И вышло хорошо.

До возобновленія сеймовъ въ Финляндіи было лишь одно Абовское агрономическое общество. Съ тѣхъ поръ народилось еще семь обществъ, такъ что теперь они соотвѣтствуютъ числу губерній. Членами такихъ обществъ являются не только ученые агрономы, но и большая часть мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ мелкіе собственники — преимущественно крестьяне. Кромѣ такихъ главныхъ обществъ, въ странѣ имѣется множество мелкихъ сельскохозяйственныхъ союзовъ, составленныхъ почти исключительно изъ крестьянъ и основанныхъ главнымъ образомъ для взаимопомощи, но поддерживающихъ постоянную связь и со своимъ губернскимъ обществомъ. Такимъ образомъ, въ странѣ существуетъ правильно организованная сѣть подобныхъ учрежденій, созданныхъ населеніемъ по собственному почину, а потому и дѣятельныхъ, и популярныхъ, и очень жизненныхъ. Правительственное же наблюденіе за ними, а также постоянная связь съ прочими учрежденіями и съ центральной властью поддерживается коронными агрономами и инженерами, прямое назначеніе которыхъ во всемъ содѣйствовать совѣтомъ и ходатайствами передъ правительствомъ улучшенію земледѣлія въ своихъ округахъ, но которые въ то же время всегда бываютъ членами мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ.

Читатель видитъ, насколько при такихъ порядкахъ финляндское земледѣльческое населеніе было способно само о себѣ позаботиться. И дѣйствительно, старѣйшимъ въ Финляндіи Абовскимъ Обществомъ сельскихъ хозяевъ еще передъ тѣмъ было основано агрономическое училище въ с. Мустьяла. Когда началось преобразовательное движеніе, это училище было обращено въ высшее земледѣльческое учебное заведеніе, съ особымъ отдѣломъ для спеціальнаго изученія молочнаго хозяйства; оно должно было служить главнымъ образомъ для образованія ученыхъ агрономовъ, необходимыхъ въ странѣ въ качествѣ учителей и для занятія должностей по инспекціи. Въ то же время, благодаря иниціативѣ и заботамъ сельскохозяйственныхъ обществъ, но съ поддержкой отъ казны матеріальными средствами, основаны были въ разныхъ частяхъ великаго княжества низшія сельскохозяйственныя школы, какъ агрономическія, такъ и молочно-хозяйственныя, причемъ ихъ число было доведено до четырнадцати.

Плоды этихъ усилій не замедлили обнаружиться послѣ первыхъ же выпусковъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ новыхъ школахъ. Весьма удовлетворительно подготовленные, какъ теоретически,

такъ и практически, эти молодые люди разнесли по деревнямъ важныя свѣдѣнія: они могли засвидѣтельствовать крестьянамъ и доказать на дѣлѣ, что усовершенствованные способы земледѣлія вовсе не требовали какихъ-то особенныхъ усложненій и большихъ затратъ, какъ полагали люди, незнакомые съ дѣломъ; они показали въ то же время, что шведскіе плуги хотя и стоили дороже сохъ и плужковъ старо-финскаго образца, были настолько прочнѣе ихъ и такъ увеличивали доходность полей, что въ концѣ концовъ обходились дешевле, тѣмъ болѣе, что при содѣйствіи сельскохозяйственнаго общества могли пріобрѣтаться съ разсрочкой платежа на нѣсколько лѣтъ; наконецъ, они убѣдили своихъ односельчанъ, что травосѣяніе, когда оно ведется разумно, при многопольной системѣ, сильно улучшаетъ качество полей, избавляетъ земледѣльца отъ большей части риска и, при молочномъ хозяйствѣ, даетъ несравненно большія выгоды, чѣмъ хлѣбопашество по старымъ способамъ. Всему этому крестьяне поневолѣ повѣрили, когда увидѣли примѣненіе теоріи на практикѣ. Первыми измѣнили порядки въ своихъ хозяйствахъ помѣщики, давно уже стремившіеся къ этому, но затруднявшіеся недостаткомъ въ знающихъ дѣло рабочихъ и приказчикахъ; теперь ученики сельскохозяйственныхъ школъ являлись вполнѣ подготовленными приказчиками и брались даже пріучить къ дѣлу прочихъ рабочихъ. Благодаря тѣмъ же школамъ явились также необходимые люди для завѣдыванія маслобойнями и сыроварнями. Съ своей стороны сельско-хозяйственныя общества заботились о созданіи постоянныхъ рынковъ для сбыта финляндскихъ продуктовъ молочнаго хозяйства, принимали всякія мѣры къ улучшенію породы мѣстнаго скота и къ доставленію небогатымъ собственникамъ способовъ пріобрѣтать скотъ на льготныхъ условіяхъ. Наконецъ, создано было еще одно, пожалуй, самое главное облегченіе молочнымъ хозяйствамъ: благодаря содѣйствію и поощреніямъ обществъ и вслѣдствіе появленія въ странѣ достаточнаго числа спеціалистовъ молочнаго дѣла, всюду стали основываться молочно-хозяйственные заводы на фабричныхъ началахъ. Эти заводы, производя свои продукты въ крупныхъ размѣрахъ и помощью машинъ новѣйшей конструкціи, стали изготовлять сыры и масло высшаго качества, вполнѣ пригодные для вывоза заграницу и въ Петербургъ. Въ тоже время, скупая молоко у мелкихъ хозяевъ цѣликомъ и по очень хорошимъ цѣнамъ, заводы до нельзя облегчили дѣло крестьянамъ, которые этимъ избавлялись отъ сложнаго дѣла производства, храненія и продажи молочныхъ продуктовъ, сберегая свой трудъ, но не умаляя своихъ доходовъ, а пожалуй, даже увеличивая ихъ. Далѣе все пошло легко,

просто и какъ бы само собою, до такой степени ровнымъ, естественнымъ движеніемъ, что скоро начали даже забываться искусственныя средства, которыми оно было вызвано. За тридцать лѣтъ съ возникновенія дѣла, вѣрнѣе, за восемнадцать лѣтъ, со времени полнаго развитія движенія, все сельское хозяйство въ Финляндіи видоизмѣнилось до неузнаваемости, и только въ глухихъ, отдаленныхъ углахъ удержались старые порядки.

VI.

Прочія учебныя заведенія въ Финляндіи вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію, но ничего особеннаго не представляютъ, а потому и не могутъ возбуждать нашего любопытства. Небезъинтересенъ только опытъ, въ широкихъ размѣрахъ производящійся теперь въ Финляндіи надъ совмѣстнымъ обученіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ вплоть до поступленія въ университетъ и даже далѣе, въ университетѣ. Опытъ производится въ такъ называемыхъ «общихъ школахъ» (sammskolor) и, повидимому, приводитъ къ превосходнымъ результатамъ, въ особенности для дѣвочекъ. Но такъ какъ молодые люди, получившіе такое образованіе, еще не испытаны въ самой жизни, а именно со стороны развитія энергіи въ мальчикахъ и остаются еще нѣкоторыя сомнѣнія, то дѣлать какія-либо заключенія преждевременно. Очень симпатичной чертой финляндцевъ во всякомъ случаѣ является ихъ стремленіе разрѣшать вопросы кореннымъ образомъ, не пугаясь опытовъ. Устранить самыя основанія женскаго вопроса путемъ общности образованія и пріученія молодыхъ людей обоего пола работать наряду, даже не помышляя о возможности иныхъ отношеній— идея, во всякомъ случаѣ, свѣтлая и честная, къ сожалѣнію, нигдѣ еще — даже въ Америкѣ — не осуществленная безъ какихъ-либо оговорокъ и ограниченій. Но свѣточъ во всякомъ случаѣ уже зажженъ, а мы видѣли, что привычка финляндцевъ начинать всякое дѣло съ школы, всегда давала хорошіе результаты.

Прочія среднія учебныя заведенія въ Финляндіи мало чѣмъ отличаются отъ германскихъ и скандинавскихъ, по образцу которыхъ созданы. Отъ нашихъ гимназій финляндскіе лицеи прежде всего отличаются меньшей программой, меньшими заботами о всестороннемъ умственномъ развитіи учащихся и большимъ стремленіемъ сдѣлать изъ лицея лишь приготовительное заведеніе для университета. Все это объясняется желаніемъ направлять какъ можно большее число лицеистовъ въ университетъ, и очень похвальнымъ стремленіемъ ограничивать число недоучивающихся

людей. Либо простолюдинъ съ общей подготовкой въ народной школѣ и съ спеціальными знаніями по своей профессіи, либо интеллигентъ съ высшимъ образованіемъ — таковъ идеалъ большинства финляндскихъ педагоговъ. Но при этомъ достигается и нѣчто нежелательное: молодые люди, выносящіе изъ среднихъ учебныхъ заведеній слишкомъ немногое, въ особенности по части развитія, въ университетѣ лишь отчасти пополняютъ свои общія знанія, а главнымъ образомъ заботятся о пріобрѣтеніи спеціальныхъ. Въ концѣ концовъ получаются очень недурные спеціалисты, но людей съ широкимъ кругозоромъ и большимъ умственнымъ развитіемъ общаго характера мало. Въ этомъ надо искать объясненіе уже не разъ отмѣченнаго въ литературѣ несоотвѣтствія интеллигентныхъ силъ Финляндіи высокому состоянію ея народнаго образованія. Зато воспитаніе характера поставлено въ финляндскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ финскихъ, такъ и шведскихъ, очень хорошо. Молодые люди не боятся тамъ труда, обладаютъ большимъ запасомъ силы воли, мужественны, вообще нравственны и, пожалуй, даже слишкомъ самолюбивы, въ чемъ однако находятъ гарантію противъ всякихъ унизительныхъ наклонностей. Много заботы проявляется въ этихъ заведеніяхъ и о физическомъ развитіи учащихся. Помѣщеніе почти всегда достаточно просторно и хорошо вентилируется; классная мебель удобна и соотвѣтствуетъ росту дѣтей; приняты мѣры, чтобы во время перемѣнъ учащіеся могли размять себѣ члены быстрыми движеніями на свѣжемъ воздухѣ; преподается гимнастика и поощряются полезныя для здоровья развлеченія, каковы, напримѣръ, игра на дворѣ въ мячъ и катанье на конькахъ. Зато школьныя занятія тамъ вовсе не подрываютъ здоровья учащихся, которые, большею частью, имѣютъ здоровый, веселый и соотвѣтственный возрасту видъ. Очень распространенный у насъ типъ блѣднаго, тощаго и слабосильнаго, но чрезвычайно развитого и не по лѣтамъ знакомаго съ жизнью гимназиста, въ Финляндіи почти неизвѣстенъ.

Очень любопытны нѣкоторыя свѣдѣнія о затратахъ въ Финляндіи на дѣло народнаго просвѣщенія. Не смотря на огромное развитіе этого дѣла, оно обходится Финляндіи не Богъ вѣсть какъ дорого. Финляндцы очень экономны и разсудительны; при томъ они умѣютъ принять мѣры, чтобы каждое пенни общественныхъ денегъ расходовалось производительно и лишь на то, на что оно предназначено. За общественными суммами тамъ слѣдятъ всѣ съ такимъ же вниманіемъ, какъ за своими собственными, и малѣйшая непрактичность въ расходованіи такихъ суммъ — не говоря уже о почти не случающихся тамъ злоупотребленіяхъ—

вызываетъ взрывъ негодованія во всей странѣ. Поневолѣ тамъ всякій чиновникъ дрожитъ надъ казенной деньгой и ухитряется удваивать ея значеніе. Въ концѣ концовъ, заведенія, обставленныя нетолько хорошо, но иногда даже не безъ роскоши, обходятся, сравнительно съ другими странами, гораздо дешевле.

Такъ, въ 1893 году на народныя школы и на четыре учительскія семинаріи финляндской казной истрачено всего лишь 1.690.465 финск. марокъ, т. е. менѣе 650.000 рублей. На всѣ прочія 222 учебныхъ заведенія (исключая университетъ) истрачено 3.216.606 марокъ, т. е. около 1.190.000 рублей. Такимъ образомъ все низшее и высшее образованіе въ Финляндіи, дающей своимъ двумъ съ половиною милліонамъ жителей по части просвѣщенія очень много, обошлось ея казнѣ всего въ 1.840.000 рублей, т. е. около 75 коп. на каждаго жителя и съ затратой менѣе пяти рублей на каждаго учащагося. У насъ за тотъ же годъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было около двухъ милліоновъ учащихся, причемъ расходовъ на этотъ предметъ по всѣмъ вѣдомствамъ произведено свыше сорока милліоновъ, т. е. по 20 руб. на учащагося, но менѣе 35 коп. на каждаго жителя. Выходитъ, что по сравненіи съ финляндцами мы очень скупы въ расходахъ на учебное дѣло, но въ то же время производимъ расходы настолько неумѣло, что каждый учащійся обходится намъ въ четыре раза дороже, чѣмъ финляндцамъ. При одинаковыхъ усиліяхъ и бережливости мы могли бы давать образованіе болѣе 16 милліонамъ дѣтей; если же не увеличивать нашихъ затратъ, а только правильнѣе и производительнѣе тратить суммы, мы могли бы съ тѣми же средствами давать образованіе 8 милліонамъ дѣтей.

Полезно при этомъ принять во вниманіе, что вознагражденіе учителямъ въ Финляндіи значительно справедливѣе, чѣмъ у насъ: народнымъ учителямъ и учительницамъ, этимъ главнымъ воспитателямъ народа, платится щедрѣе; преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній — приблизительно то же, что у насъ. Такимъ образомъ сбереженія достигаются не умаленіемъ качества состава учащихъ, а очень большой осмотрительностью въ тратахъ на администрацію дѣла и на хозяйственныя нужды учебныхъ заведеній. Менѣе всего финляндцы тратятъ на интернаты, которыхъ недолюбливаютъ по причинамъ педагогическимъ. Когда приходится содержать учащагося на общественный счетъ, тамъ предпочитаютъ давать стипендіи: во-первыхъ, это выходитъ дешевле; во-вторыхъ, дѣти не удаляются отъ жизни и воспитываются удачнѣе, живя въ семьяхъ частныхъ лицъ. Единственное большое закрытое заведеніе въ Финляндіи,—это финлянд-

скій кадетскій корпусъ. Присматриваясь къ этому учебному заведенію и сравнивая достигаемые въ немъ воспитательные результаты съ тѣмъ, что получается въ прочихъ финляндскихъ школахъ, поневолѣ приходится согласиться съ противниками интерната.

Очень характерно отношеніе финляндцевъ къ своему университету. На этотъ предметъ они ничего не жалѣютъ. Бюджетъ гельсингфорскаго университета въ разсматриваемомъ году составлялъ 1.323.000 марокъ, т. е. равнялся почти половинѣ затратъ на всѣ среднія учебныя заведенія, кромѣ народныхъ школъ (2.678.000). У насъ расходы на университеты не составляютъ и десятой части расходовъ на среднія заведенія. Такимъ образомъ принципъ финляндцевъ: «либо простолюдинъ, либо интеллигентъ»— оказывается выдержаннымъ до конца, вслѣдствіе чего главныя затраты дѣлаются на народныя школы и на университетъ. У насъ, какъ-разъ наоборотъ, больше всего затрачивается на среднія и на всякія вспомогательныя заведенія и меньше всего на народныя школы. Послѣднихъ у насъ, впрочемъ, строго говоря, и вовсе нѣтъ, такъ какъ наши народныя школы въ сущности только первоначальныя, притомъ, когда онѣ приходскія, именно того типа, который покинутъ въ Финляндіи съ 1866 года. На первоначальныя школы тамъ теперь не тратится казенныхъ денегъ, такъ какъ государственное значеніе признается только за высшей народной школой.

В. Фирсовъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ГЛУХИХЪ УЛИЦЪ.

Разсказы Артура Моррисона.

(Переводъ съ англійскаго А. Анненской).

ВВЕДЕНІЕ.

Улица.

Наша улица находится на восточной сторонѣ, на Эстъ-Эндѣ. Нечего говорить на восточной сторонѣ чего, это само собой разумѣется. Эстъ-Эндъ большой городъ, пользующійся извѣстностью не менѣе всякаго другого города, построеннаго человѣческими руками. Но кто знаетъ Эстъ-Эндъ?

— Да это тамъ, за Корнгиллемъ, пройдя Леденгаль-стритъ,— скажетъ одинъ;—это прегадкое мѣсто: я ходилъ туда разъ съ однимъ священникомъ; тамъ масса грязныхъ улицъ, на которыхъ копошатся какія-то человѣческія существа; тамъ развратные мужчины и женщины живутъ однимъ только джиномъ, воротники и чистыя рубашки—неизвѣстная роскошь, всѣ ходятъ съ подбитыми глазами, и никто никогда не причесываетъ волосъ.

— Эстъ-Эндъ,—скажетъ другой,—это мѣсто, гдѣ живутъ рабочіе безъ работы. А рабочіе безъ работы—это существа, не выпускающія изо рта глиняной трубки и ненавидящія мыло; они иногда появляются цѣлыми толпами въ Гайдъ-паркѣ и постоянно судятся въ сосѣднихъ полицейскихъ судахъ за преступленія, совершенныя въ пьяномъ видѣ.

Третій знаетъ Эстъ-Эндъ, какъ то мѣсто, изъ котораго приходятъ просительныя письма разныхъ попрошаекъ. Тамошнимъ жителямъ вѣчно не хватаетъ денегъ на покупку угля и теплаго платья и всѣмъ имъ почему-то всегда надобно съѣздить на нѣсколько дней въ деревню. Много у людей разнообразныхъ, болѣе или менѣе туманныхъ представленій объ Эстъ-Эндѣ, но каждое изъ этихъ представленій содержитъ въ себѣ лишь нѣкоторое

подобіе истины. Правда, въ Эстъ-Эндѣ есть грязныя улицы, такъ же какъ и въ Вестъ-Эндѣ; правда, тамъ есть бѣдность и нищета, какъ она есть вездѣ, гдѣ скучено много людей, борющихся за существованіе, но нельзя сказать, чтобы жители Эстъ-Энда въ общемъ охотно выставляли на показъ свою нищету.

Наша улица имѣетъ около 150 ярдовъ и всѣ дома на ней построены по одному образцу. Они не красивы на видъ. Небольшой грязноватый кирпичный домъ въ 20 ф. высоты, съ тремя квадратными отверстіями для оконъ и однимъ увеличеннымъ для двери, не представляетъ привлекательнаго зрѣлища; каждая сторона улицы состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ такихъ домовъ, стоящихъ рядомъ, стѣна объ стѣну, и очень похожихъ на хлѣвы.

Въ концѣ улицы, за угломъ, есть булочная, свѣчная лавка и пивная. Ихъ не видно изъ квадратныхъ отверстій, представляющихъ окна, но каждый обыватель знаетъ ихъ и знаетъ, что свѣчной торговецъ ходитъ по воскресеньямъ въ церковь и платитъ за свое мѣсто. Другой конецъ улицы упирается въ узкій проулокъ, который приводитъ къ улицамъ, менѣе приличнымъ: тамъ на окнахъ нѣкоторыхъ домовъ виднѣются надписи: «Здѣсь катаютъ бѣлье» и двери такихъ домовъ остаются открытыми; въ другихъ грязныя женщины сидятъ на подъѣздахъ, изъ третьихъ дѣвушки въ бѣлыхъ передникахъ ходятъ работать на фабрикахъ. Нѣсколько такихъ болѣе или менѣе приличныхъ проулковъ соединяютъ нашу улицу съ сосѣдними.

Жители нашей улицы не очень шумный и безпокойный народъ. Они не ходятъ въ Гайдъ-паркъ со знаменами и рѣдко дерутся. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, и задолжали поставщикамъ угля и теплаго платья, но они скорѣе готовы умереть, чѣмъ объявить открыто объ этомъ позорящемъ обстоятельствѣ.

Нѣкоторые изъ обывателей нашей улицы работаютъ въ докахъ, другіе на газовомъ заводѣ, третьи на корабельныхъ дворахъ, уцѣлѣвшихъ около Темзы. Обыкновенно въ каждомъ домѣ помѣщаются двѣ семьи, такъ какъ въ немъ 6 комнатъ; иногда принимаютъ молодыхъ людей жильцами, иногда взрослые сыновья платятъ за комнату и столъ. Взрослыя дочери обыкновенно очень рано выходятъ замужъ. Поступать къ кому-нибудь въ услуженіе считается униженіемъ, всякое званіе ниже модистки или портнихи не совмѣстимо съ личнымъ достоинствомъ. Только въ проулкахъ на концѣ улицы, тамъ, гдѣ катаютъ бѣлье, можно встрѣтить молодыхъ служанокъ, а фабричныя дѣвушки живутъ еще дальше, на самой окраинѣ. Каждое утро, въ половинѣ шестого, на улицѣ

происходитъ странное явленіе. Раздается громовой стукъ у каждой двери и изнутри на него отвѣчаетъ глухой ударъ. Этотъ стукъ производитъ ночной сторожъ или полицейскій, или оба вмѣстѣ и съ помощью его они оповѣщаютъ рабочихъ, что пора идти въ доки, на газовый заводъ, на корабельный дворъ. Рабочій, желающій чтобы его будили такимъ образомъ, долженъ заплатить за это 4 пенса въ недѣлю и изъ за этихъ четырехъ пенсовъ ведется ожесточенная борьба между ночнымъ сторожемъ и полицейскимъ. По настоящему должность будильника принадлежитъ по праву ночному сторожу, но ему приходится уступать часть получки, такъ какъ не можетъ онъ одновременно, ровно въ половинѣ шестого постучать во всѣ двери на пространствѣ $^3/_4$ мили. Когда замолкнутъ эти стуки и удары, поднимается шумъ отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей, рабочіе расходятся по докамъ, газовымъ заводамъ и корабельнымъ дворамъ. Нѣсколько позже двери снова отворяются и множество маленькихъ ножекъ отправляется вдоль мрачныхъ улицъ въ мрачное зданіе безплатной школы. Затѣмъ среди улицы водворяется тишина, прерываемая лишь возней какой-нибудь опрятной хозяйки да пискомъ больныхъ дѣтей. Черезъ нѣсколько часовъ снова шаги маленькихъ ножекъ, которыя несутъ отцамъ въ доки, на газовые заводы и на корабельные дворы обѣдъ, завязанный въ красный платокъ, и потомъ возвращаются въ школу. Въ домахъ идетъ глухая возня и перебранки хозяекъ, иногда замѣчается попытка украсить квадратное отверстіе, представляющее окно, и заботливая рука льетъ воду на цвѣточный горшечекъ съ тощимъ растеньицемъ. Затѣмъ маленькія ножки направляются къ продолговатымъ отверстіямъ домовъ, а за ними слышатся болѣе тяжелые шаги рабочихъ, возвращающихся домой; по всей улицѣ распространяется запахъ копченыхъ селедокъ; темнѣетъ; мальчики дерутся среди улицы, иногда и взрослые мужчины затѣваютъ драку на углу около пивной; всѣ ложатся спать. Такъ проходитъ день на нашей улицѣ, и каждый день съ безнадежнымъ однообразіемъ повторяется предъидущій.

Каждый день, исключая только воскресенья. Въ воскресенье утромъ запахъ печенаго хлѣба распространяется изъ полуоткрытыхъ дверей булочной и маленькія ножки шагаютъ по улицѣ, таща свертки съ мясомъ, съ зеленью и съ пуддингомъ, у отца хорошій заработокъ, онъ принесъ домой всѣ полученныя деньги, и маленькія ножки счастливы и щеголяютъ въ воскресныхъ сапожкахъ; а какъ зато жалки ножки въ истоптанныхъ башмачкахъ, поддерживающія маленькія фигурки въ поношенныхъ, будничныхъ платьяхъ: у отца нѣтъ работы, или онъ боленъ, или

запилъ, и воскресный обѣдъ готовится дома, а, можетъ быть, и совсѣмъ не готовится.

Въ воскресенье, утромъ, двое или трое отцовъ семейства появляются въ удивительно парадныхъ черныхъ сюртукахъ съ побѣлѣвшими швами. Около и сзади нихъ выступаютъ неутомимыя маленькія ножки и изъ подъ старенькихъ бархатныхъ шапочекъ и соломенныхъ шляпокъ выглядываютъ необыкновенно торжественныя личики, лоснящіяся отъ усиленнаго мытья. Разодѣтые такимъ образомъ, они важнымъ шагомъ направляются по мрачнымъ переулкамъ въ мрачную молельню диссидентовъ, гдѣ встрѣчаютъ другихъ людей, одѣтыхъ такъ же нарядно и выступающихъ такъ же важно; часа два проводятъ они въ молельнѣ, слушая, какъ проповѣдникъ грозитъ имъ всѣми муками ада.

Большинство мужчинъ проводитъ воскресное утро лежа въ постели полуодѣтыми и читая воскресную газету; впрочемъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ хозяйки выгоняютъ изъ дома, чтобы они не мѣшали домашней работѣ, и они стоятъ кучкой на углу улицы и ждутъ, когда откроется пивная. Такъ проходитъ воскресенье на этой улицѣ, и каждое воскресенье похоже на всѣ остальныя, однообразіе будней прерывается однообразіемъ праздниковъ. Для женщинъ, впрочемъ, воскресенье не отличается отъ другихъ дней, а если отличается, то только лишнею работою; для нихъ однообразное теченіе жизни прерывается днями стирки бѣлья.

Никакое событіе внѣшняго міра не отражается на нашей улицѣ. Государства могутъ возвышаться и распадаться; а здѣсь безцвѣтное сегодня идетъ своимъ чередомъ въ теченіе 24 часовъ точно такъ же, какъ шло вчера и пойдетъ завтра. Во внѣшнемъ мірѣ, можетъ быть, происходятъ борьба партій, войны, ожиданія войны, общественныя торжества; здѣсь шаги маленькихъ ножекъ не ускоряются и не останавливаются. Маленькія женщины—дѣвочки, съ материнскою заботливостью относящіяся ко всѣмъ мальчикамъ и дѣвочкамъ моложе себя, по прежнему ходятъ на рынокъ съ большими корзинами и считаютъ цѣну на свинину самымъ важнымъ міровымъ вопросомъ. Ничто не волнуетъ нашей улицы, ничто, кромѣ развѣ забастовки.

Никто здѣсь не смѣется; жизнь представляется всѣмъ слишкомъ серьезнымъ дѣломъ, никто не поетъ. Одинъ разъ здѣсь появилась женщина, которая пѣла, молодая женщина изъ деревни. Но у нея родились дѣти и голосъ ея ослабѣлъ. Потомъ ея мужъ умеръ, и она перестала пѣть. Ее выгнали изъ дома; она собрала своихъ дѣтей и навсегда ушла изъ этой улицы. Прочія женщины относились къ ней презрительно; онѣ называли ее «безпомощной».

Одно изъ квадратныхъ отверстій на этой улицѣ, отверстіе, находящееся въ нижнемъ этажѣ, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи не похожимъ на остальныя. Очевидно, его пытались превратить въ окно магазина. Полдюжины свѣчей, нѣсколько свертковъ сахару, нѣсколько копченыхъ селедокъ, мотокъ шнурковъ и двѣ три связки растопокъ составляютъ весь запасъ товара, который по ночамъ освѣщается маленькой керосиновой лампочкой или свѣчей. Здѣсь живетъ высокая сухопарая вдова съ впалыми красными глазами. У нея есть и другіе источники дохода, кромѣ торговли свѣчами и шнурками: она днемъ стираетъ бѣлье, а ночью шьетъ дешевыя рубашки. Двое «молодыхъ жильцовъ» занимаютъ верхнія комнаты ея дома, дѣти ея спятъ въ задней комнатѣ, а сама она, повидимому, нигдѣ не спитъ. Полицейскій не стучитъ утромъ у ея дверей: вдова сама будитъ своихъ жильцовъ, и когда вся улица уже спитъ, въ ея окнѣ все еще свѣтится огонь и иголка ея быстро двигается. Это молчаливая женщина, она рѣдко разговариваетъ съ сосѣдями, у нея и безъ того много дѣла; женщина съ твердымъ характеромъ, благотворителямъ было бы неудобно, даже, пожалуй, небезопасно, предложить ей угля или теплое одѣяло. Именно она-то и выказывала наибольшее презрѣніе къ безпомощной женщинѣ, которая пѣла; это недружелюбіе имѣло отчасти и личную подкладу: по дорогѣ на рынокъ пѣвшая женщина раза два встрѣтила вдову у дверей кассы ссудъ.

Въ общемъ нашу улицу нельзя назвать грязною. Домъ вдовы одинъ изъ самыхъ чистыхъ домовъ и ея дѣти тоже очень чисты. Другой домъ, еще болѣе опрятный, управляется одною деспотическою шотландкой, которая не пускаетъ ни одного разносчика ступить на свою выбѣленную лѣстницу и вытираетъ ручку дверей всякій разъ, какъ кто-нибудь до нея дотронется. Шотландка нѣсколько разъ пыталась отдавать комнаты «молодымъ жильцамъ», но всѣ эти попытки оканчивались бурными ссорами.

На нашей улицѣ нѣтъ ни одного дома безъ дѣтей, и число дѣтей постоянно увеличивается. Девять десятыхъ визитовъ врача имѣютъ отношеніе именно къ этому увеличенію, служащему темой для таинственныхъ бесѣдъ женщинъ около заборовъ. Безпрестанно являются на свѣтъ новыя маленькіе пришельцы, чтобы вести такую же плоскую и безцвѣтную жизнь, какую ведетъ вся улица. Дежурный акушеръ входитъ въ дверь одного изъ прямоугольныхъ строеній, слабый крикъ заявляетъ, что родился новый человѣчекъ, и этотъ человѣчекъ будетъ въ потѣ лица таскать жалкое существованіе по старой избитой колеѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послышатся шаги маленькихъ ножекъ въ школу; потомъ лучъ солнца

освѣтитъ молодую жизнь, такъ какъ любовь заглядываетъ даже въ нашу улицу; послѣ этого шаги маленькихъ ножекъ, уже новыхъ ножекъ, стирка, домашніе хлопоты, пустой горшокъ цвѣтовъ; конецъ утомительнаго трудового дня; послѣднее возвращеніе домой; ночь, сонъ.

Лучъ любви, освѣщающій какой-нибудь уголокъ нашей улицы, обыкновенно является въ раннюю пору жизни и бываетъ очень блѣднымъ. Онъ является рано, потому что это единственная свѣтлая точка, какую видитъ улица, на нее всѣ смотрятъ, о ней всѣ говорятъ. Мальчики и дѣвочки ходятъ подъ руку взадъ и впередъ по улицѣ въ такомъ возрастѣ, когда у нихъ еще естественно не исчезъ интересъ къ игрѣ въ шары и въ куклы. Они «водятъ компанію», по мѣстному выраженію и обычаю. Молодые люди обыкновенно начинаютъ съ того, что ходятъ парами. При этомъ они не обмѣниваются обѣщаніями, не принимаютъ на себя никакихъ обязательствъ, не объясняются въ любви. Они шагаютъ взадъ и впередъ по улицѣ обыкновенно молча или болтая о пустякахъ. Никакія танцовальныя собранія, никакія катанья и пикники не устраиваются для сближенія ихъ; имъ приходится или ходить по улицѣ, или совсѣмъ не быть знакомыми. Если какой-нибудь парѣ надоѣстъ ходить вмѣстѣ, она расходится и каждый начинаетъ ходить съ кѣмъ-нибудь другимъ. Когда такимъ образомъ юноша найдетъ себѣ подходящую подругу, онъ покупаетъ кольца и сватается по настоящему. Но до этого сватанья молодые люди нѣсколько мѣсяцевъ гуляютъ вмѣстѣ. Оба періода ухаживанья одинаково называются «вести компанію», но заинтересованныя лица строго различаютъ ихъ одинъ отъ другого. Впрочемъ, и въ періодъ совмѣстнаго гулянья считается безчестнымъ гулять не съ однимъ или съ одною, а съ нѣсколькими заразъ. По сравненію съ любовью въ другихъ мѣстахъ, любовь въ нашей улицѣ кажется очень жалкой. Она и начинается, и кончается слишкомъ скоро.

Никто изъ нашей улицы не ходитъ въ театръ. Идти въ театръ далеко; кромѣ того, это стоитъ денегъ, а на деньги лучше купить хлѣба, или пива, или сапоги. Кромѣ того, тѣ обыватели, которые по воскресеньямъ облекаются въ черные сюртуки, считаютъ театръ грѣхомъ. Никто у насъ не читаетъ ни романовъ, ни поэтическихъ произведеній. Самыя слова эти здѣсь неизвѣстны. Воскресная газета, получаемая въ нѣкоторыхъ домахъ, доставляетъ запасъ чтенія, удовлетворяющій всѣ улицы. Случалось иногда, что среди вещей какой-нибудь подроставшей дѣвушки находили дешевенькій романъ, но его тотчасъ же конфисковали. Воздухъ этой улицы неблагопріятенъ для идеальныхъ стремленій.

Въ какой части Эстъ-Энда находится наша улица? Во всѣхъ. Она составляетъ одно звено въ длинной, прочно спаянной цѣпи, одинъ изъ переходовъ запутаннаго лабиринта. Эта улица съ своими квадратными окнами тянется на нѣсколько сотъ миль. Мы, правда, изображаемъ ее въ небольшомъ масштабѣ, но на всемъ свѣтѣ нѣтъ улицы, которую съ большимъ правомъ можно бы назвать единственною въ своемъ родѣ, вслѣдствіе ея утомительнаго однообразія, полнаго отсутствія въ ней чего-либо выдающагося, чего-либо составляющаго красу жизни.

За занавѣсками.

Улица, гдѣ онѣ жили, ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ улицъ Эстъ-Энда: тѣ же два параллельныхъ ряда кирпичныхъ домовъ съ отверстіями для оконъ и дверей. Но въ концѣ одного изъ рядовъ, тамъ, гдѣ, по мнѣнію архитектора, не хватило мѣста для дома въ шесть комнатъ, онъ построилъ странный маленькій домикъ—въ три комнаты съ прачечной. Въ домикѣ была зеленая дверь съ превосходно вычищеннымъ молоткомъ, а въ нижнемъ окнѣ красовался подъ стекляннымъ колпакомъ конусообразный букетъ восковыхъ плодовъ винограда и яблоковъ.

Хотя домикъ былъ меньше остальныхъ, но онъ всегда пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ. Уже одно то, что онъ отступалъ отъ общаго образца, придавало ему значеніе. Домъ, хотя и маленькій, но въ которомъ живетъ всего одна самья, занимаетъ обыкновенно почетное мѣсто среди домовъ, въ которыхъ ютятся по двѣ и болѣе семьи. Въ данномъ случаѣ почетное мѣсто домика, по общему мнѣнію, особенно укрѣплялось за нимъ, благодаря восковымъ плодамъ на окнѣ. Когда жильцы-хозяева занимаютъ однѣ цѣлый домъ и содержатъ его чисто; когда они не стоятъ у дверей и не сплетничаютъ съ сосѣдками на задверкахъ; когда на окнѣ ихъ красуется чисто обметенный стеклянный колпакъ, прикрывающій плоды, въ особенности, когда эти хозяева двѣ женщины, никому не разсказывающія о своихъ дѣлахъ,—онѣ прослывутъ за особъ, пользующихся благосостояніемъ, на нихъ смотрятъ отчасти съ почтеніемъ, отчасти съ завистью, за ними наблюдаютъ.

Сосѣди знали въ общихъ чертахъ исторію Перкинсовъ, матери и дочери, а разныя подробности этой исторіи при случаѣ сами сочиняли. Перкинсъ при жизни былъ корабельнымъ плотникомъ; въ то время корабельные плотники считались аристократами среди рабочихъ и работали не болѣе трехъ, четырехъ дней въ недѣлю.

Перкинсъ работалъ не больше остальныхъ; женился на дочери ремесленника и тратилъ деньги, не скупясь. Вскорѣ послѣ его смерти, вдова и дочь его переѣхали жить въ маленькій домикъ и держали въ комнатѣ надъ прачечной школу для дочерей лавочниковъ. Но когда увеличилось число безплатныхъ школъ и лавочники перестали глядѣть на нихъ съ презрѣніемъ, число ученицъ въ школѣ миссисъ Перкинсъ стало падать и дошло до двухъ—трехъ. Въ это время съ миссисъ Перкинсъ случилось несчастіе. Какой-то прохожій напалъ на нее вечеромъ на улицѣ, ударилъ ее по лицу, толкнулъ въ грудь, повалилъ на землю, билъ и топталъ ногами минутъ пять. Впослѣдствіи онъ оправдывался тѣмъ, что въ темнотѣ принялъ ее за свою мать. Изъ жителей улицы одна только миссисъ Вебстеръ—диссидентка—выразила опредѣленное мнѣніе по поводу этого происшествія: она нашла, что это наказаніе за гордость, такъ какъ миссисъ Перкинсъ ходила въ церковь, а не въ диссидентскую молельню. Послѣ этого никто изъ сосѣдей никогда больше не видалъ миссисъ Перкинсъ. Докторъ сдѣлалъ для несчастной все, что можно было, и оставилъ ее навсегда прикованной къ постели, въ самомъ безпомощномъ состояніи. Ея дочь была дѣвушка лѣтъ 30, съ энергичнымъ лицомъ и тощей фигурой, на которой неизмѣнное, черное платье висѣло, какъ на вѣшалкѣ; нѣкоторые сосѣди называли ее миссисъ Перкинсъ, такъ какъ не могли обращаться съ этимъ именемъ къ ея матери. Между тѣмъ школа окончательно перестала существовать, хотя миссъ Перкинсъ дѣлала попытки возобновить ее и даже стала для этой цѣли ходить въ диссидентскую молельню.

Затѣмъ, однажды, надъ вѣткою восковымъ плодовъ появился въ окнѣ билетикъ съ надписью: «Уроки фортепіано». Улица посмотрѣла на это съ неодобреніемъ. Это было публичнымъ заявленіемъ того, что у Перкинсовъ есть фортепіано, когда у другихъ нѣтъ. Кромѣ того, это показывало жадность со стороны людей, которые одни нанимали цѣлый домъ съ красными занавѣсками и съ букетомъ восковыхъ плодовъ на окнѣ въ гостиной, людей, которые имѣли возможность закрыть школу вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Никто никогда не заявлялъ желанія брать уроки музыки, кромѣ дочери одного отставного офицера; она платила 6 пенсовъ за урокъ, чтобы посмотрѣть, можетъ ли выучиться играть, и черезъ три недѣли бросила уроки. Билетикъ красовался на окнѣ еще недѣли двѣ, и никто изъ сосѣдей не видалъ, какъ однажды ночью подъѣхала телѣга и увезла старое фортепіано съ разбитыми клавишами, которое Перкинсъ купилъ 20 лѣтъ тому назадъ. Миссисъ Кларкъ, вдова, сидѣвшая по ночамъ за шитьемъ,

можетъ быть, слышала шумъ и выглянула изъ окна, но она, во всякомъ случаѣ, никому ничего не сказала. Билетикъ былъ снятъ съ окна на слѣдующее утро, но плоды по прежнему гордо красовались на немъ. Послѣ этого занавѣски на окнахъ стали плотно сдвигаться, такъ какъ дѣти, игравшія на улицѣ, часто прикладывали лица къ нижней части стекла и дѣлали свои замѣчанія по поводу фортепіано, креселъ, обитыхъ шерстяной матеріей, антимакассаровъ, украшеній на шкафу и ломбернаго стола, на которомъ лежала фамильная библія и альбомъ.

Вслѣдъ затѣмъ Перкинсы совсѣмъ перестали покупать что-либо въ лавкахъ, по крайней мѣрѣ, въ сосѣднихъ. Онѣ никогда не были щедры на покупки, говорили, что миссъ Перкинсъ становится еще скупѣе, чѣмъ была ея мать, которая всегда отличалась скупостью. Образъ жизни Перкинсовъ, очевидно, измѣнялся къ худшему: въ немъ замѣчалось обидное стремленіе замкнуться, уединиться отъ остальной улицы. Разъ какъ-то къ нимъ зашелъ настоятель молельни, какъ онъ обыкновенно заходилъ къ своимъ прихожанамъ; его не пустили дальше двери; онъ ушелъ въ негодованіи и не повторялъ своего визита. Миссъ Перкинсъ тоже перестала ходить въ молельню.

Потомъ сдѣлано было еще открытіе. Тощая фигура миссъ Перкинсъ рѣдко появлялась на улицѣ и то по большей части вечеромъ; при этомъ она обыкновенно несла какіе-то свертки разной величины. Одинъ разъ среди бѣлаго дня она шла, держа въ рукахъ что-то тщательно завернутое въ газетную бумагу, и, проходя мимо окна магазина, гдѣ стояли миссисъ Вебстеръ и миссисъ Джонсъ, какъ-то заторопилась, наступила на оторванную подошву своего башмака и упала. Газета разорвалась и хотя бѣдной женщинѣ удалось собрать и снова завернуть все, что она несла, но свидѣтельницы ея паденія успѣли разсмотрѣть, что это были дешевыя рубашки, скроенныя и приготовленныя для шитья. Вся улица узнала это въ тотъ же часъ и всѣ рѣшили, что со стороны людей, имѣющихъ средства, стыдъ и срамъ отнимать хлѣбъ у неимущихъ, что этому надобно положить конецъ. Миссисъ Вебстеръ, всегда готовая вмѣшаться во всякое дѣло, взялась развѣдать, откуда получается эта работа, и замолвить кому слѣдуетъ словечко по поводу ея.

Между тѣмъ никто не замѣчалъ, что гораздо больше вещей выносилось изъ дому, чѣмъ вносилось въ него. Даже ручной катокъ былъ вынесенъ какъ-то вечеромъ незамѣтно, потому что дверь домика выходила на уголъ, а въ этотъ часъ почти всѣ сидѣли по домамъ. Разъ, утромъ, миссъ Перкинсъ шла быстрымъ шагомъ

по одной изъ сосѣднихъ улицъ и держала въ рукахъ какую-то большую треугольную вещь, завернутую въ тряпку, какъ вдругъ на встрѣчу ей вышелъ изъ-за угла агентъ комитета попеченія о бѣдныхъ. Этотъ агентъ имѣлъ свой кодексъ этикета, который ему приходилось нѣсколько нарушать ради Перкинсовъ. Онъ обыкновенно привѣтствовалъ своихъ знакомыхъ женскаго пола (не тѣхъ, съ которыми имѣлъ дѣла по своей профессіи) любезнымъ кивкомъ головы. При встрѣчѣ съ женой священника онъ приподнималъ шляпу и тотчасъ же хмурился, если видѣлъ, что за нимъ наблюдаетъ чей-либо насмѣшливый глазъ. Относительно Перкинсовъ онъ чувствовалъ, что онѣ заслуживаютъ больше чѣмъ простой кивокъ головой, хотя, конечно, было бы нелѣпо равнять ихъ съ женой священника. Вслѣдствіе этого, онъ придумалъ такой компромиссъ: онъ прикладывалъ два пальца къ полямъ шляпы и затѣмъ быстро опускалъ руку. На этотъ разъ онъ приготовился сдѣлать такой же поклонъ, какъ вдругъ, къ его удивленію, миссъ Перкинсъ, замѣтивъ его приближеніе, покраснѣла, отвернулась и быстро прошла мимо него, все время глядя на стѣну дома. Агентъ благотворительнаго комитета опустилъ руку, не успѣвъ коснуться шляпы, остановился и смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она завернула за уголъ, стараясь держать свой свертокъ ближе къ стѣнѣ. Послѣ этого онъ вскинулъ на плечо зонтикъ и пошелъ своей дорогой, высоко поднявъ голову и гордо оглядываясь по сторонамъ: благотворительные агенты не привыкли встрѣчать такое невѣжливое обращеніе.

Вскорѣ послѣ этого въ домикъ зашелъ мистеръ Кручъ, домовладѣлецъ. Онъ рѣдко заходилъ туда, такъ какъ въ послѣднее время миссъ Перкинсъ обыкновенно приносила миссисъ Кручъ каждую субботу вечеромъ свои 5 шиллинговъ квартирной платы. Онъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на чисто вымытый подъѣздъ и на плоды въ окнѣ, за которыми занавѣсы были плотно задвинуты и сколоты булавкой. Онъ повернулъ за уголъ и поднялъ блестящій молотокъ. Миссъ Перкинсъ пріотворила дверь, остановилась на порогѣ и начала что-то говорить.

Онъ смутился.

— Извините, пожалуйста, я забылъ... Я не зайду сегодня... пусть останется до будущей недѣли... не безпокойтесь!..—и онъ пустился чуть не бѣгомъ по улицѣ пыхтя, отдуваясь, тараща глаза.

— Эта женщина положительно напугала меня,—объяснялъ онъ миссисъ Кручъ.—У нея что-то неладное въ глазахъ и лицо точно у мертвеца. Она не приготовила платы за квартиру, я это замѣ-

тилъ прежде, чѣмъ она начала говорить, и потому поскорѣй ушелъ отъ нея.

— Не случилось ли чего-нибудь со старой лэди?—замѣтила миссисъ Кручъ;—во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, онѣ заплатятъ!

Мужъ былъ тоже увѣренъ, что заплатятъ.

Никто не видалъ Перкинсовъ на слѣдующей недѣлѣ. Плоды по прежнему стояли на окнѣ, но какъ будто запылились послѣ вторника. Несомнѣнно, что подъѣздъ и лѣстница не были вымыты. Пятница, суббота и воскресенье потонули въ густомъ темномъ туманѣ, среди котораго люди теряли дорогу, падали въ доки, натыкались на углы зданій. Точно огромное пятно легло на эти дни и вычеркнуло ихъ изъ календаря. Въ понедѣльникъ, утромъ, туманъ нѣсколько разсѣялся, и въ то время, когда женщины начали выходить на улицу и вытирать ступеньки своихъ лѣстницъ, мистеръ Кручъ появился у зеленой двери. Онъ поднялъ молотокъ, потускнѣвшій и отсырѣвшій отъ тумана, и тихонько постучалъ. Отвѣта не было. Онъ постучалъ еще разъ погромче и ждалъ, прислушиваясь. Но внутри не замѣтно было ни движенія, ни звука. Онъ три раза со всей силы ударилъ молоткомъ и подошелъ къ окну. Плоды стояли на прежнимъ мѣстѣ, стекляный колпакъ какъ-будто немного потускнѣлъ, занавѣси сзади него были тщательно заколоты булавками, такъ что черезъ нихъ ничего нельзя было видѣть. Онъ постучалъ пальцами въ окно и обошелъ съ другой стороны дома, чтобы заглянуть въ окно второго этажа. На этомъ окнѣ были полосатыя сторы и красивая коротенькая занавѣска; но человѣческаго лица не видно было и тамъ. Женщины, мывшія лѣстницы, бросили работу и смотрѣли, чѣмъ кончится дѣло, а одна изъ сосѣдокъ, жившая напротивъ домика, пришла и заявила, что уже цѣлую недѣлю не видала миссъ Перкинсъ и что сегодня, утромъ, навѣрно никто не выходилъ изъ домика. Мистеръ Кручъ взволновался и сталъ смотрѣть сквозь замочную скважину.

Въ концѣ концовъ открыли съ помощью ножа задвижку оконной рамы, отодвинули плоды и вошли. Комната была совершенно пуста, ихъ шаги и голоса раздавались точно въ необитаемомъ домѣ. Прачечная была также совсѣмъ пуста, но чисто вымыта и окно ея было завѣшано сторой. Въ маленькомъ корридорчикѣ и на лѣстницѣ ничего не было. Въ задней комнатѣ наверху стояла ставня отъ окна и ничего больше. Въ передней комнатѣ съ полосатыми сторами и коротенькой занавѣской была устроена постель изъ тряпокъ и старыхъ газетъ; кромѣ того тамъ, стоялъ деревянный сундукъ. На постели и на сундукѣ лежали трупы мертвыхъ женщинъ.

Обѣ онѣ умерли, по опредѣленію доктора, отъ истощенія вслѣд-

ствіе недостатка пищи. Женщина на постели, питавшаяся нѣсколько лучше, умерла на одинъ или на два дня раньше. У другой замѣтно было такое съуженіе пищеварительныхъ органовъ, какого докторъ не встрѣчалъ никогда раньше въ своей практикѣ. Было произведено судебное слѣдствіе и улица стала знаменитостью на цѣлый день: газеты помѣстили рисунки съ изображеніемъ домика, передовыя статьи требовали отмѣны чего-то. Потомъ все вошло въ обычную колею. Неизвѣстно, выручилъ ли мистеръ Кручъ за восковые плоды и за оконныя занавѣси причитавшуюся ему квартирную плату за двѣ недѣли.

Неблагодарный Симмонсъ.

Гнусный поступокъ Симмонса съ женой до сихъ поръ приводитъ въ глубокое недоумѣніе всѣхъ сосѣдей. До тѣхъ поръ женщины считали его образцовымъ мужемъ, а что миссисъ Симмонсъ была примѣрно добросовѣстной женой, это не подлежало сомнѣнію. Она трудилась для этого человѣка, она заботилась о немъ больше, чѣмъ можетъ требовать какой-либо мужъ, — утверждали всѣ женщины нашей улицы. Должно быть, на него просто нашелъ припадокъ безумія!

Прежде чѣмъ выйти замужъ за Симмонса, миссисъ Симмонсъ была вдовой мистера Форда. Фордъ поступилъ кочегаромъ на одинъ океанскій пароходъ, и пароходъ этотъ погибъ вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ. Вдова его находила, что это достойное наказаніе Форду за его строптивый нравъ; именно благодаря этой строптивости онъ и взялъ мѣсто простого кочегара, хотя по своимъ способностямъ могъ бы быть машинистомъ. Прошло уже цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мистеръ Фордъ покинулъ ее бездѣтною вдовой; отъ мистера Симмонса у нея также не было дѣтей.

Всѣ находили, что для Симмонса большое счастье имѣть такую дѣятельную жену. Онъ былъ не дурной плотникъ и столяръ, но человѣкъ не практичный, не умѣвшій самъ о себѣ заботиться. Неизвѣстно, что сталось бы съ Томми Симмонсомъ, если бы миссисъ Симмонсъ не взяла его на свое попеченіе. Это былъ тихій, спокойный человѣкъ съ моложавымъ лицомъ и рѣдкими бакенбардами. У него не было никакихъ пороковъ (послѣ женитьбы онъ бросилъ даже курить) и миссисъ Симмонсъ привила ему нѣсколько новыхъ добродѣтелей. Каждое воскресенье онъ въ своей высокой шляпѣ торжественно шелъ въ молельню и бросалъ на подносъ пенни, который выдавался ему для этой цѣли изъ его

собственнаго жалованья. Затѣмъ подъ надзоромъ миссисъ Симмонсъ онъ снималъ праздничное платье и тщательно чистилъ его. Въ субботу послѣ обѣда онъ терпѣливо и добросовѣстно чистилъ ножи, вилки, сапоги, кастрюли и мылъ окна. Во вторникъ вечеромъ онъ носилъ бѣлье на катокъ, а въ субботу, вечеромъ, сопровождалъ миссисъ Симмонсъ на рынокъ и несъ ея покупки.

Миссисъ Симмонсъ съ раннихъ лѣтъ отличалась многочисленными добродѣтелями. Она была удивительная хозяйка. Каждый пенни изъ 36 или 38 шиллинговъ, которые Томми получалъ въ недѣлю, тратились съ пользой, и Томми никогда не смѣлъ спросить, какую часть этихъ денегъ она откладываетъ на черный день. Ея опрятность была просто поразительна. Когда Симмонсъ возвращался домой, она встрѣчала его у подъѣзда; онъ долженъ былъ снять сапоги и надѣть туфли, причемъ неловко топтался на одной ногѣ на холодныхъ плитахъ тротуара. Это дѣлалось потому, что она мыла лѣстницу и сѣни поочередно съ верхней жилицей, а коверъ на лѣстницѣ былъ ея собственный. Она зорко присматривала за мужемъ, когда онъ умывался послѣ работы, чтобы онъ не забрызгалъ стѣнъ, а если, не смотря на ея бдительность, на стѣнѣ появлялось пятно, она, не уставая, напоминала объ этомъ Симмонсу и подробно объясняла ему, какъ онъ неблагодаренъ и себялюбивъ. Первое время она всегда сама ходила съ нимъ въ магазинъ готоваго платья и выбирала ему одежду: вѣдь мужчины такъ глупы, и продавцы всегда берутъ съ нихъ, что хотятъ. Но вскорѣ она отказалась отъ этихъ покупокъ. На углу одной улицы она нашла человѣка, который дешево продавалъ остатки матерій, и задумала сама шить платье Симмонсу. Рѣшимость была одною изъ ея основныхъ добродѣтелей и въ тотъ же вечеръ она распорола пару стараго платья и принялась по ней кроить новую изъ удивительнаго клѣтчатаго твида. Мало того: къ воскресенью платье было готово; Симмонсъ, пораженный удивленіемъ, былъ всунутъ въ него и отправленъ въ молельню, прежде чѣмъ онъ успѣлъ очнуться. Ему представлялось, что платье сидитъ на немъ не совсѣмъ ловко: панталоны плотно облегали его колѣни и широко висѣли внизу ногъ; а сидя, онъ чувствовалъ подъ собой жесткіе швы и складки. Воротникъ жилетки подпиралъ ему затылокъ, воротникъ сюртука доходилъ до самыхъ плечъ, изъ подъ короткаго жилета выставлялось бѣлье. Когда платье обносилось, оно стало нѣсколько удобнѣе, онъ къ нему привыкъ, но къ чему онъ не могъ привыкнуть, такъ это къ насмѣшкамъ товарищей; между тѣмъ миссисъ Симмонсъ кроила новыя платья по старымъ образцамъ собственнаго издѣлія и такимъ образомъ

случайные недостатки ея перваго произведенія все упрочивались и усиливались. Напрасно намекалъ ей Симмсонъ — онъ-таки рѣшился одинъ разъ намекнуть—что лучше бы она не брала на себя лишнюю работу, что шитье портитъ глаза, что на Миль-Эндъ-родѣ есть очень дешевый портной, что можно бы...

— Толкуй, толкуй себѣ!—прервала она его,—ты думаешь, я не вижу, что ты лжешь мнѣ прямо въ глаза! Очень ты заботишься о моей лишней работѣ! Тебѣ только бы сорить деньгами! Ты готовъ, ничего не зная, бросать ихъ первому встрѣчному портному, а я-то дрожу надъ каждымъ пенсомъ, да мучаюсь цѣлые дни, чтобы не истратить ничего лишняго. Хороша благодарность, нечего сказать! Другой подумаетъ, что для тебя деньги разбросаны на улицѣ, только нагибайся, да поднимай! И изъ-за чего я, право, стараюсь! Лучше бы я цѣлые дни валялась на постели, какъ иныя нѣкоторыя!

Послѣ этого Томасъ Симмонсъ никогда больше не заговаривалъ о портныхъ и даже не ропталъ, когда она рѣшила сама стричь ему волосы.

Такимъ образомъ мирное счастіе его продолжалось нѣсколько лѣтъ. И вотъ однажды, въ прекрасный лѣтній вечеръ, миссисъ Симмонсъ взяла корзинку и отправилась за какими-то мелкими покупками, а Симмонса оставила дома. Онъ перемылъ и убралъ чайную посуду и затѣмъ сталъ раздумывать о новой парѣ панталонъ, конченныхъ сегодня и висѣвшихъ за дверью гостиной. Вонъ они красуются, короткіе въ ногахъ, широкіе въ шагу, кажется, безобразнѣе всѣхъ прежнихъ! Пока онъ смотрѣлъ на нихъ, въ груди его проснулся и заговорилъ маленькій демонъ первороднаго грѣха. Ему стало стыдно самого себя, онъ зналъ, какъ онъ долженъ быть благодаренъ женѣ за эти панталоны и за всѣ ея прочія благодѣянія. Но маленькій демонъ не умолкалъ и нашептывалъ ему, какой градъ насмѣшекъ встрѣтитъ его въ мастерской, если онъ придетъ туда въ этихъ панталонахъ.

— Брось ихъ въ помойную яму,—совѣтовалъ, наконецъ, чортикъ,—они для этого только и годятся.

Симмонсъ отвернулся, ужасаясь собственной порочности, и подумалъ, не перемыть ли еще разъ посуду въ видѣ наказанія. Потомъ онъ перешелъ въ заднюю комнату, но тутъ замѣтилъ, что дверь на улицу открыта; вѣроятно, ее забылъ запереть мальчикъ верхнихъ жильцовъ. Миссисъ Симмонсъ никогда не допускала, чтобы дверь на улицу стояла открытой, она считала это непорядочнымъ. И вотъ Симмонсъ спустился внизъ, чтобы она не разсердилась на него, когда вернется; запирая дверь, онъ окинулъ взглядомъ улицу.

Какой-то человѣкъ стоялъ на троттуарѣ и пытался заглянуть въ дверь. У него было смуглое лицо, онъ держалъ руки засунутыми въ карманы панталонъ, а шляпа его—остроконечная шляпа съ кисточкой на верхушкѣ, такая, какую моряки носятъ на берегу,—была сдвинута на затылокъ. Онъ приблизился на одинъ шагъ къ двери и спросилъ:

— А что, дома миссисъ Фордъ?

Симмонсъ пристально смотрѣлъ на него секундъ пять.

— Что такое?—переспросилъ онъ.

— Миссисъ Фордъ бывшая, нынѣшняя миссисъ Симмонсъ, дома она?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Симмонсъ,—ея нѣтъ дома.

— А вы не мужъ ли ея будете?

— Да, мужъ.

Незнакомецъ вынулъ трубку изо рта и долго молча усмѣхался.

— Ну,—сказалъ онъ, наконецъ,—вы, кажется, именно такой человѣкъ, который долженъ былъ придтись ей по вкусу,—и онъ снова усмѣхнулся. Затѣмъ, видя, что Симмонсъ намѣревается запереть дверь, онъ поставилъ ногу на порогъ, а рукой ухватился за скобку.

— Не спѣшите, товарищъ,—сказалъ онъ,—я пришелъ сюда, чтобы поговорить съ вами, какъ слѣдуетъ мужчинѣ съ мужчиной. Понимаете вы меня?—и онъ мрачно нахмурилъ брови.

Томми Симмонсъ чувствовалъ безпокойство, но дверь нельзя было запереть, и онъ принужденъ былъ начать переговоры.

— Что вамъ надо?—спросилъ онъ.—Я васъ не знаю.

— Ну, такъ позвольте мнѣ, какъ говорится, представиться вамъ, — проговорилъ незнакомецъ, съ притворнымъ смиреніемъ снимая шляпу.—Я Бобъ Фордъ, вернулся, можно сказать, съ того свѣта. Я уѣхалъ, пять слишкомъ лѣтъ тому назадъ, на «Мултанѣ». А теперь вернулся провѣдать жену.

Во время этой рѣчи лицо Томаса Симмонса вытягивалось больше и больше. Подъ конецъ ея онъ запустилъ пальцы въ волоса, посмотрѣлъ внизъ на коверъ, вверхъ на крышу, потомъ на улицу, потомъ на посѣтителя. Онъ не придумалъ сказать ни слова.

— Вернулся провѣдать жену, — повторилъ посѣтитель. — Ну, обсудимъ теперь это дѣло промежъ себя, какъ слѣдуетъ мужчинѣ съ мужчиной.

Симмонсъ медленно закрылъ ротъ, который до сихъ поръ держалъ открытымъ, и машинально повелъ гостя наверхъ, продолжая почесывать голову. Мало-по-малу пониманіе истиннаго по-

ложенія дѣла проникало въ его мозгъ и въ то же время маленькій демонъ снова просыпался въ немъ. А что, если этотъ человѣкъ, дѣйствительно, Фордъ? Что, если онъ заявитъ свои права на жену? Будетъ ли это для него, Симмонса, особенно тяжелымъ ударомъ? Онъ подумалъ о панталонахъ, о чайной посудѣ, о ножахъ, кастрюляхъ и окнахъ, подумалъ какъ человѣкъ, готовый забыть свой домъ. Взойдя на лѣстницу, Фордъ схватилъ его за руку и спросилъ хриплымъ шепотомъ:

— А скоро она вернется домой?

— Такъ, черезъ часъ, я думаю, — отвѣчалъ Симмонсъ, мысленно сдѣлавъ самому себѣ тотъ же вопросъ. Онъ открылъ дверь въ гостиную.

— Ага! — сказалъ Фордъ, оглядывая комнату,—вы не дурно устроились. Эти стулья и эти всѣ вещи,—онъ указывалъ на нихъ своей трубкой,—были ея, т. е. мои, говоря по правдѣ, какъ мужчина съ мужчиной.

Онъ сѣлъ, задумчиво пустилъ нѣсколько клубовъ дыма изъ своей трубки и затѣмъ продолжалъ:

— Да, вотъ я и опять здѣсь, я, старый Бобъ Фордъ умершій, погибшій на «Мултанѣ». Только я не погибъ, понимаете? — и онъ ткнулъ трубкой въ жилетъ Симмонса.—Отчего я не погибъ? Оттого, что меня подобрало одно нѣмецкое судно и привезло меня во Фриско. Тамъ я околачивался все это время, а теперь, — онъ пристально посмотрѣлъ на Симмонса, — теперь я пріѣхалъ провѣдать жену.

— Она, она не любитъ, когда здѣсь курятъ, — сказалъ Симмонсъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Нѣтъ, не любитъ, я знаю, — отвѣчалъ Фордъ, вынувъ трубку изо рта и опустивъ ее.—Ну, какъ вы съ ней поживаете? Заставляетъ она васъ мыть окна?

— Что-жъ, — неохотно подтвердилъ Симмонсъ, — я, конечно, иногда помогаю ей.

— Да, да. И ножи чистить, и кастрюли? Знаю я это. Что это? — онъ всталъ и нагнулся посмотрѣть на голову Симмонса сзади. — Она, кажется, и волосы вамъ остригла? Чортъ возьми! отъ нея станется!

Онъ сталъ со всѣхъ сторонъ оглядывать краснѣвшаго Симмонса. Затѣмъ онъ приподнялъ конецъ панталонъ, висѣвшихъ на стѣнѣ.

— Побьюсь объ закладъ,—сказалъ онъ,—что эти панталоны ея работы. Чортъ побери! они не лучше тѣхъ, что на васъ!

Маленькій демонъ снова началъ свои нашептыванья. Если этотъ человѣкъ возьметъ обратно жену, можетъ быть, и панталоны придется носить ему?

— Э,—продолжалъ Фордъ,—она какая была, такая и осталась! Ишь какую штуку смастерила!

Симмонсъ начиналъ чувствовать, что это до него не касается. Очевидно, Аннеръ жена этого другого человѣка, онъ не можетъ не признавать этого факта. Маленькій демонъ подсказывалъ, что онъ обязанъ признать его.

— Ну,—вдругъ заговорилъ Фордъ,—времени у насъ немного, надобно поговорить о дѣлѣ. Я не хочу притѣснять васъ, товарищъ. Мнѣ бы по настоящему слѣдовало предъявить свои права, но я вижу, что вы, такъ сказать, порядочный молодой человѣкъ, и живете вы хорошо, по семейному, ну и Богъ съ вами, я не буду вамъ мѣшать; я вамъ, какъ мужчина мужчинѣ, скажу, сколько мнѣ надо, ни больше, ни меньше. Дайте мнѣ пять фунтовъ, и я уйду.

У Симмонса не было даже пяти пенсовъ, не то, что пяти фунтовъ, и онъ поспѣшилъ заявить объ этомъ.

— Да мнѣ и не хочется становиться между мужемъ и женой,— прибавляетъ онъ, — ни за что не хочется. Хоть мнѣ и тяжело будетъ, но я знаю, что долженъ сдѣлать, я уйду.

— Нѣтъ, постойте!—поспѣшно заговорилъ Фордъ, хватая его за руку.—Не дѣлайте этого. Я возьму съ васъ дешевле. Хотите три фунта? Вѣдь это не дорого? Подумайте, за три фунта я уйду навсегда, уйду туда, гдѣ, какъ говорится, дуютъ буйные вѣтры, и никогда больше не увижу своей собственной жены, никогда, ни въ горѣ, ни въ радости, Говорю вамъ, какъ мужчина мужчинѣ: три фунта и я ухожу. Хорошо?

— Это очень хорошо,—съ чувствомъ отвѣчалъ Симмонсъ.— Мало сказать хорошо, это благородно, прямо скажу—благородно. Но я не хочу быть подлецомъ и пользоваться вашимъ великодушіемъ, мистеръ Фордъ. Она ваша жена и я не долженъ стоять между вами. Простите меня. Оставайтесь здѣсь, вы законный мужъ. А я долженъ уйти и уйду.

И онъ сдѣлалъ шагъ къ двери.

— Да постойте вы!—вскричалъ Фордъ и сталъ между Симмонсомъ и дверью. — Чего вы спѣшите! Подумайте, какъ вамъ будетъ плохо, у васъ не будетъ своего угла, никто не будетъ заботиться о васъ и все такое. Это вѣдь ужасно. Я еще спущу, давайте два фунта, ну, не будемъ спорить, давайте одинъ, говорю, какъ мужчина мужчинѣ, и я изъ этихъ денегъ еще ставлю

вамъ угощеніе. Одинъ фунтъ вамъ не трудно достать, можете часы продать. Ну, давайте одинъ фунтъ, и я...

Послышался громкій двойной ударъ молотка во входную дверь.

— Кто это?—тревожно спросилъ Бобъ Фордъ.

— Я посмотрю, — отвѣчалъ Томасъ Симмонсъ и быстро сбѣжалъ съ лѣстницы.

Бобъ Фардъ услышалъ, какъ отворяется наружная дверь. Онъ подошелъ къ окну и прямо подъ собой увидѣлъ верхушку чепчика. Чепчикъ исчезъ и до его слуха долетѣли звуки хорошо знакомаго женскаго голоса:

— Куда же это ты идешь и безъ шляпы? — спрашивалъ голосъ рѣзкимъ тономъ.

— Да такъ... мнѣ надо, Аннеръ... тамъ... наверху сидитъ одинъ человѣкъ, который хочетъ повидаться съ тобой,—отвѣчалъ Симмонсъ.

Бобъ Фордъ ясно видѣлъ, какъ какая-то мужская фигура быстрыми шагами прошла по улицѣ и скрылась въ темнотѣ. Онъ догадался, что это былъ Томасъ Симмонсъ, и въ три прыжка выскочилъ въ сѣни. Жена его все еще стояла у входной двери, съ недоумѣніемъ глядя на убѣгавшаго Симмонса.

Бобъ Фордъ бросился въ заднюю комнату, растворилъ окно, спустился съ крыши прачечной на задній дворъ, перелѣзъ черезъ заборъ и исчезъ. Ни одна живая душа не видала его. Вотъ почему бѣгство Симмонса прямо изъ подъ носа жены до сихъ поръ вызываетъ удивленіе сосѣдей.

Обращеніе.

Нѣкоторымъ людямъ обстоятельства постоянно мѣшаютъ вести хорошую жизнь, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ они со слезами на глазахъ добродушныхъ миссіонеровъ. Обстоятельства были всегда противъ Скьюдди Ланда, вора по профессіи.

Его настоящее имя было Джонъ, но это имя всѣ давно забыли. Прозваніе «Скьюдди» ничего собственно не значитъ, не происходитъ ни отъ какого особеннаго слова и, повидимому, не было придумано никакой опредѣленной личностью. Но Джона обыкновенно всѣ такъ называли и многіе изъ его знакомыхъ носили такія же прозвища неизвѣстнаго происхожденія. Скьюдди отличался чувствительнымъ сердцемъ, онъ былъ способенъ умилиться до слезъ какою-нибудь трогательной пѣсенкой, и вотъ почему миссіонеры не отчаялись въ его исправленіи.

Это былъ человѣкъ лѣтъ 26, маленькаго роста, худощавый,

моложавый на видъ, съ выдавшимся подбородкомъ, желтоватымъ лицомъ и хитрыми глазами, на лицѣ его виднѣлись лишь слабые признаки растительности, но зато голова его была покрыта цѣлою шапкою густыхъ, жесткихъ, всклоченныхъ волосъ.

Несчастія Скьюдди Ланда начались рано. Онъ первый разъ поддался искушенію, когда былъ еще въ школѣ, но это кончилось ничѣмъ. Затѣмъ, онъ поступилъ мальчикомъ въ колоніальный магазинъ; тутъ у него вышли непріятности изъ-за выручки и онъ былъ вызванъ на судъ полиціи. Во время разбирательства дѣла, мать его, сидя среди публики, не знала, куда дѣваться отъ стыда, а онъ обвинялъ въ своемъ проступкѣ большихъ мальчиковъ, которые подъучили его украсть; его отпустили, прочитавъ ему наставленіе о вредѣ дурного общества. Одинъ добродѣтельный филантропъ нашелъ ему мѣсто за городомъ, гдѣ онъ былъ удаленъ отъ дурныхъ вліяній. Тамъ онъ жилъ довольно долго, дольше, чѣмъ его предшественникъ, который долженъ былъ уйти вслѣдствіе пропажи нѣсколькихъ денежныхъ писемъ. При немъ денежные пакеты тоже стали пропадать и въ концѣ-концовъ ему пришлось снова каяться передъ другимъ судьей, которому онъ искренне обѣщалъ исправиться, если его проступокъ будетъ прощенъ. Въ этотъ разъ онъ увѣрялъ, что причиной его несчастія былъ тотализаторъ на скачкахъ. Судья принялъ во вниманіе, какъ трудно слабохарактерному молодому человѣку устоять противъ пагубнаго вліянія тотализатора, и приговорилъ его всего къ одному мѣсяцу заключенія, тѣмъ болѣе, что за него ходатайствовалъ и его хозяинъ, ничего не знавшій о колоніальномъ магазинѣ и о дѣлѣ съ выручкой.

Отсидѣвъ свой мѣсяцъ, Скьюдди превратился въ вора по профессіи; онъ снова занялся выручкой, но не выручкой въ какомъ-нибудь опредѣленномъ магазинѣ, а всѣми выручками вообще, во всѣхъ магазинахъ, куда можно было проникнуть незамѣтно. Онъ занимался этимъ нѣсколько времени, пока не сообразилъ, что спокойнѣе и безопаснѣе стоять на улицѣ и посылать вмѣсто себя на работу мальчика. Кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе на багажъ пассажировъ и забиралъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ всякіе свертки и чемоданы, оставленные безъ призора. Дѣло шло удачно, пока одинъ разъ онъ, неся въ рукахъ тяжелый саквояжъ, встрѣтился лицомъ къ лицу съ собственникомъ этого саквояжа. Теперь онъ сталъ обвинять въ своемъ паденіи пьянство. Его погубило, взволнованнымъ голосомъ говорилъ онъ, пьянство; паденіе его началось съ того дня, когда одинъ лицемѣрный другъ уговорилъ его выпить стаканчикъ за компанію; онъ былъ бы честнымъ, прав-

дивымъ, порядочнымъ человѣкомъ, если бы не проклятое вино. Съ этой минуты онъ къ нему не прикоснется. Его присудили къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія съ принудительными работами, но миссіонеръ продолжалъ возлагать на него надежды: человѣкъ, который такъ ясно сознаетъ причину своего паденія, можетъ исправиться.

Послѣ тюрьмы Скьюдди нѣсколько времени жилъ спокойно, не затрудняя себя большой работой, занимаясь то выручками, то чемоданами, а иногда и квартирами. Правда, эта послѣдняя работа имѣла свои непріятныя стороны, когда окно было слишкомъ высоко, а подручный мальчикъ недостаточно ловокъ. Нерѣдко приходилось спасаться бѣгствомъ. Но голодъ не свой братъ и, чтобы добыть себѣ пропитаніе, Скьюдди готовъ бы взяться за всякое дѣло, не слишкомъ тяжелое и не очень опасное. Удивительно, сколько вещей можно незамѣтно присвоить себѣ на улицахъ и задворкахъ Лондона, не подвергаясь при этомъ оскорбленію дѣйствіемъ. Такъ шла жизнь Скьюдди, прерываясь случайными несчастіями, въ родѣ мѣсячнаго или даже шестимѣсячнаго заключенія. Миссіонеры продолжали надѣяться на его исправленіе, такъ какъ онъ всякій разъ увѣрялъ, что причиной его несчастія былъ или голодъ, или жажда, или игра, или внезапное искушеніе, или что-либо совершенно исключительное, и онъ дѣйствительно всякій разъ искренне раскаивался. Онъ такъ трогательно вспоминалъ свое невинное дѣтство, былъ такъ благодаренъ за всякій добрый совѣтъ, за всякій ничтожный подарокъ!

Однажды Скьюдди сдѣлалъ смѣлую попытку вступить на лучшій путь. Онъ рѣшилъ отказаться отъ воровской дѣятельности и стать полицейскимъ сыщикомъ или шпіономъ. Работа была не трудная, не влекла за собой тюремнаго заключенія и съ помощью ея онъ могъ загладить свое прошлое. Но какъ только онъ началъ дѣятельность шпіона, нѣкоторые изъ обывателей Кэтъ-Стрита напали на него и избили его до полусмерти. Это было непріятно; очевидно, неумолимыя обстоятельства снова возставали противъ него. Къ этому присоединилась еще одна неудача; теперь уже ни одинъ изъ мальчиковъ не соглашался «работать» для него. Встрѣчая его они всѣ громко кричали: «Вонъ идетъ Скьюдди Ландъ, полицейскій шпіонъ!» Вся Цвѣточная и вся Церковная улица были противъ него. Скьюдди чувствовалъ себя плохо.

Съ тяжелымъ сердцемъ бродилъ онъ однажды, вечеромъ, по улицамъ; въ карманѣ у него ничего не было, кромѣ кусочка угля, который онъ носилъ на счастье. Дѣла его шли очень дурно: точно будто весь свѣтъ зналъ его и былъ на сторожѣ. Лавочники мрачно

стояли въ дверяхъ своихъ магазиновъ. Пассажиры упорно сидѣли на грудахъ своего багажа и нельзя было подступиться ни къ одному чемодану. Всѣ дворы были пусты, всѣ двери наглухо заперты. Всѣ тѣ бездѣлушки, которыя обыкновенно такъ легко захватить, пройдя милю или полторы по улицамъ города, какъ будто исчезли съ лица земли, и Скьюдди повернулъ на Бэкеръ-рау въ самомъ грустномъ настроеніи. Отчего однимъ живется на свѣтѣ такъ легко, а другимъ такъ тяжело? Развѣ онъ виноватъ въ своей жизни, онъ человѣкъ, умѣющій чувствовать и понимать. Отчего другіе могутъ жить спокойно, не боясь никакой полиціи? И потомъ, отчего другимъ выпадаетъ такое счастье, что они сразу могутъ хапнуть полсотни фунтовъ, а онъ не можетъ! Нѣтъ, что говорить, много несправедливаго дѣлается на землѣ, и онъ несчастная жертва этой несправедливости! Онъ шелъ все дальше и дальше, погруженный въ самыя печальныя размышленія.

На одномъ углу собралась толпа около женщины, которая пѣла подъ аккомпаниментъ шарманки. Скьюдди остановился послушать. Она пѣла надтреснутымъ голосомъ грустную пѣсеньку о «чужой сторонѣ» и о «мирномъ домѣ».

Пѣсенка какъ-то странно гармонировала съ настроеніемъ Скьюдди. Онъ взглянулъ на небо. Вечерняя звѣзда сіяла на потемнѣвшемъ сводѣ сквозь дымъ фабричной трубы. Откуда-то доносился пріятный запахъ копченой колбасы. Все это были впечатлѣнія, способныя растрогать чувствительное сердце. Онъ попытался думать о «домѣ», о «мирномъ, родномъ домѣ» и чувство умиленія наполнило сердце его. Какое это было хорошее, пріятное чувство!

Онъ перешелъ черезъ улицу и завернулъ въ переулокъ. Хромая старуха сидѣла на тротуарѣ и продавала; рядомъ съ ней маленькій темный проходъ велъ въ молельню миссіонеровъ. У входа въ пассажъ стоялъ одинъ изъ членовъ миссіи; онъ внимательно оглядывался по сторонамъ и зазывалъ прохожихъ. Положивъ руку на плечо Скьюдди, онъ сказалъ ему:

— Другъ мой, не хотите ли придти къ намъ и послушать слово Божіе?

Скьюдди остановился: звукъ органа и пѣнія многихъ голосовъ слабо доносился до него изъ пассажа. Это подходило къ его настроенію. Ему захотѣлось еще разъ испытать пріятное умиленіе и онъ рѣшилъ войти.

— Бараньи ноги!—предлагала ему хромая старуха съ заискивающимъ взглядомъ, но онъ отвернулся отъ нея и вошелъ въ пассажъ, между тѣмъ какъ она снова занялась своимъ товаромъ.

Въ пассажѣ пѣніе раздавалось еще громче; когда онъ открылъ дверь въ концѣ его, онъ ясно услышалъ слова гимна:

Усталый путникъ, кто бы ты ни былъ,
Отецъ зоветъ тебя домой.
Онъ благъ, спѣши къ нему скорѣй!

Человѣкъ, стоявшій у дверей, тотчасъ призналъ въ немъ чужого и нашелъ ему мѣсто. Пѣніе гимна кончилось и проповѣдникъ, руководившій собраніемъ, невысокій человѣкъ съ блестящими глазами, непокорными волосами и низкимъ голосомъ, объявилъ, что отецъ Спайерсъ произнесетъ молитву.

Спайерсъ выступилъ впередъ; это былъ высокій, широкоплечій работникъ съ красной шеей, огромными руками и всклоченной бородой; вѣроятно, какой-нибудь кузнецъ или каменщикъ. Когда онъ молился, все тѣло его приходило въ движеніе. Онъ широко распростиралъ руки, откидывалъ голову назадъ, опускалъ ее на грудь и страстно выкрикивалъ несвязныя фразы своей молитвы. Жилы на его шеѣ натянулись, изъ горла его вылетали судорожныя, отчаянныя рыданія, потъ крупными каплями покрывалъ лицо его.

Онъ просилъ у Бога благодати, молилъ его теперь же, въ этотъ самый часъ, призвать къ своему стаду всѣ заблудившіяся души и ниспослать имъ даръ вѣры; если нельзя спасти всѣхъ, то хоть нѣкоторыхъ, хоть немногихъ. Наконецъ, хоть одну, хоть единственную несчастную душу избавить отъ огня вѣчнаго. Произнося съ видимымъ усиліемъ свои молитвенныя возванія, онъ какъ будто весь переродился, онъ былъ великолѣпенъ.

Съ разныхъ сторонъ послышалось «аминь», произнесенное взволнованными голосами; раздались вздохи, стоны, рыданія. Скьюдди Ландъ, увлеченный общимъ потокомъ чувства, стоналъ вмѣстѣ съ другими. Послѣ молитвы снова запѣли гимнъ. Кто-то сунулъ въ руки Скьюдди открытую книгу гимновъ, но онъ почти не замѣтилъ этого. Поддаваясь гипнотическому вліянію толпы, пѣвшей вокругъ него, онъ испытывалъ необычайное волненіе и наслаждался имъ. Онъ слышалъ пѣніе, и самъ присоединялъ свой голосъ къ прочимъ, но ничего не понималъ, онъ только чувствовалъ.

Послѣ гимна всѣ сѣли и проповѣдникъ началъ свою рѣчь; онъ говорилъ сначала спокойно, а затѣмъ съ такимъ же одушевленіемъ, какъ и человѣкъ произносившій молитву, но въ другомъ родѣ. Проповѣдникъ былъ краснорѣчивъ и рѣчь его текла потокомъ, только вслѣдствіе сильнаго волненія. Онъ говорилъ о вѣрѣ, о спасеніи посредствомъ вѣры, онъ жестикулировалъ, умолялъ, повелѣвалъ. «Приходите! Приходите! Настало время! Одно только

нужно—вѣра! Вѣрьте и приходите, приходите скорѣй!» Страстный тонъ мольбы, которымъ были произнесены эти слова, вдругъ смѣнился повелительнымъ, угрозами вѣчныхъ каръ, и затѣмъ снова перешелъ въ жалостливый, въ просительный; онъ говорилъ дрожащимъ голосомъ, вздыхалъ, показывалъ вверхъ на небо, простиралъ руки, съ мольбой протягивалъ ихъ: «Придите! о, придите скорѣй!».

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздались рыданія. Одна женщина опустила голову и раскачивалась во всѣ стороны, а плечи ея судорожно вздрагивали. Лицо брата Спайерса сіяло радостью. Всѣхъ присутствующихъ охватила какая-то нервная дрожь.

Передъ концомъ своей рѣчи проповѣдникъ еще разъ обратился къ слушателямъ, страстно заклиная ихъ не отвергать милости Божіей. Затѣмъ уже болѣе спокойнымъ тономъ онъ пригласилъ тѣхъ, на кого въ этотъ вечеръ снизошла благодать, встать и подойти.

Его блестящіе глаза устремлялись на тѣхъ, кто рыдалъ, призывая, притягивая ихъ. Прежде всѣхъ встала женщина, сидѣвшая съ опущенной головой. Заплаканное лицо ея было открыто и подергивалось судорогой, она все еще плакала, но въ то же время ловко пробралась между скамьями и сѣла на пустую скамью впереди. За ней вышла дѣвочка лѣтъ 10, длинноногая, въ коротенькомъ платьицѣ, изъ котораго, очевидно, уже выросло; она шла опустивъ глаза на свернутый въ комочекъ носовой платокъ, громко рыдала, наталкивалась на углы скамеекъ, наступала на ноги и опустилась на другой конецъ передней скамьи. Послѣ нея вышелъ Скьюдди Ландъ.

Почему онъ вышелъ—онъ самъ не зналъ, ему было все равно. Поглощенный какимъ-то неопредѣленнымъ, сладостнымъ ощущеніемъ, весь въ слезахъ, въ непонятномъ экстазѣ, онъ повиновался приказанію проповѣдника и вышелъ впередъ, не чувствуя подъ собой земли, обновленный, проникнутый самыми благородными ощущеніями. Раздалась коротенькая благодарственная молитва и заключительный гимнъ, въ которомъ присутствующіе съ восторгомъ привѣтствовали раскаявшихся грѣшниковъ. Скьюдди испытывалъ удивительное спокойствіе, какую-то тихую радость. Возбужденіе его улеглось и оставило послѣ себя не лишенное пріятности оцѣпенѣніе.

Служба кончилась; молящіеся толпой вышли изъ двери; но Скьюдди продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, такъ какъ проповѣдникъ хотѣлъ сказать новообращеннымъ нѣсколько словъ прежде чѣмъ отпустить ихъ домой. Онъ пожалъ руку Скьюдди Ланду и

говорилъ о спасеніи его души, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Братъ Спайерсъ тоже пожалъ ему руку и приглашалъ его снова придти сюда въ воскресенье.

На холодномъ воздухѣ въ пустынномъ пассажѣ обычное настроеніе Скьюдди начало возвращаться къ нему; но онъ продолжалъ испытывать тихую радость. Какія у него были хорошія, благородныя чувства! Ощупывая кусокъ угля у себя въ карманѣ, онъ раздумывалъ, что сегодняшній день никакъ нельзя назвать несчастнымъ, вполнѣ чернымъ. Выйдя на улицу, онъ замѣтилъ, что хромая старуха—кромѣ нея, не видно было никого—поднялась на своемъ костылѣ и стоитъ къ нему спиной, закрывая свой товаръ бѣлой тряпкой. На выступѣ дома сзади нея лежала кучка мѣдныхъ монетъ, которыя она только, что сосчитала. Опытный глазъ Скьюдди Ланда сразу сообразилъ всѣ обстоятельства. Двумя большими шагами на цыпочкахъ онъ дошелъ до мѣдныхъ монетъ, тихонько взялъ ихъ и быстро перешелъ на другую сторону улицы. Онъ не побѣжалъ, такъ какъ, во-первыхъ, торговка была хромая, а во-вторыхъ, она не слышала, какъ онъ подходилъ. Нѣтъ, рѣшительно этотъ день нельзя назвать чернымъ. Вотъ теперь у него будетъ горячій ужинъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Продолженіе* *).

XVIII.

Мы видѣли, шеллингіанство впервые явилось въ Петербургѣ. Когда о немъ услыхали въ московскомъ университетѣ—достовѣрно трудно рѣшить. Можетъ быть, еще Буле познакомилъ студентовъ съ новой системой. Во всякомъ случаѣ московскій профессоръ Давыдовъ родоначальникомъ русскаго шеллингіанства называлъ Галича, хотя отдавалъ справедливость и философскимъ заслугамъ Буле.

Это не точно. Велланскій предшествовалъ Галичу, его сочиненія были извѣстны, конечно, и въ Москвѣ, философа даже приглашали сюда на курсъ публичныхъ лекцій съ громаднымъ гонораромъ. А потомъ московская духовная академія въ 1810 году обладала блестящимъ преподавателемъ философіи,—Фишеромъ.

Онъ оставилъ по себѣ самую лестную славу среди учениковъ. Надеждинъ захватилъ только поздніе отголоски этой славы, но и онъ могъ изобразить ее въ чрезвычайно сильныхъ выраженіяхъ:

«Я учился у учениковъ Фишера и знаю, какой энтузіазмъ возбуждало въ нихъ одно воспоминаніе, одно имя великаго учителя. Дѣйствительно, то немногое, что онъ успѣлъ сообщить имъ, было исполнено такой жизни, облито такимъ свѣтомъ, что душа, чувствующая потребность и силу мыслить, естественно должна была покориться непреодолимому магическому очарованію. Въ самой академіи слѣды преподаванія Фишера невозможно было истребить совершенно».

Надеждинъ явился впослѣдствіи однимъ изъ первыхъ московскихъ послѣдователей шеллингіанства, но не первымъ.

---

*) См. Міръ Божій, № 7, іюль.

Въ московскомъ университетѣ нашлось два профессора, по направленію своихъ ученыхъ занятій представляющихъ нѣкоторую параллель съ петербургскими шеллингіанцами. Рядомъ съ Велланскимъ можно поставить естествоиспытателя-философа, профессора сельскохозяйственныхъ наукъ, Павлова, съ Галичемъ Давыдова, профессора русской словесности.

Аналогія, конечно, очень поверхностная: Павлову былъ чуждъ теософическій полетъ Велланскаго и Давыдовъ менѣе всего могъ соперничать съ оригинальнымъ и независимымъ авторомъ *Картины человѣка*. Но одинъ стремился естественнымъ наукамъ придать философское единство и умозрительную глубину, другой на первыхъ порахъ искренне мечталъ о насажденіи исторіи философіи въ московскомъ университетѣ.

Давыдовъ предшествовалъ Павлову. Шаги его на философскомъ поприщѣ не стяжали ему авторитета у современниковъ и почетной памяти у потомства.

Профессоръ присталъ къ шеллингіанству не по внутреннему влеченію и не по твердому убѣжденію въ достоинствахъ системы, а потому, что она стояла на очереди дня, Петербургъ исповѣдовалъ ее, Москва тосковала о ней. Эти настроенія были настолько сильны еще ко времени появленія *Исторіи философскихъ системъ* Галича, что авторъ этой книги долженъ былъ измѣнить ея планъ.

Сначала Галичъ не разсчитывалъ вовсе излагать систему Шеллинга, какъ еще незаконченную и вполнѣ невыясненную. Но потомъ, «склонясь на *требованіе* многихъ почтенныхъ читателей разнаго званія, я доставилъ въ особомъ прибавленіи по крайней мѣрѣ ключъ къ шеллинговой системѣ въ *первоначальномъ* ея видѣ» [34]).

Естественно, и московскіе профессора должны были отозваться на потребность времени.

Давыдовъ началъ преподавать логику въ 1817 году и тогда же заявилъ свое предпочтеніе Шеллингу, признавъ его своимъ руководителемъ въ предметѣ.

Этого было достаточно для блюстительскаго ока Магницкаго. Въ докладѣ Александру I о бѣсовскомъ революціонномъ духѣ логика Давыдова клеймилась какъ одно изъ его проявленій, шеллингіанство признавалось вообще вольнодумствомъ и развратомъ.

Это происходило въ 1823 году. Давыдову фактъ былъ неизвѣстенъ, и профессоръ вздумалъ расширить философское препо-

---

[33]) О немъ монографія Е. Ѳеоктистова и въ статьѣ Никитенко, стр. 43 etc.

[34]) *Ист. филос. системъ. Предисловіе* ко второй книгѣ.

даваніе именно въ духѣ шеллингіанства. Въ 1826 году Давыдовъ прочиталъ вступительную лекцію къ новому курсу—*О возможности философіи, какъ науки.*

Лекторъ довольно ясно излагалъ основное положеніе философіи тождества, т. е. «единство и тожество законовъ обоихъ міровъ идеальнаго и вещественнаго».

Это значило прать противъ рожна. Курсъ былъ запрещенъ и сама каѳедра философіи упразднена.

На этомъ событіи закончилась исторія русской университетской философіи въ философскую эпоху.

Шеллингіанство было окончательно устранено, какъ предметъ преподаванія, и объявлено столь же ядовитой нравственной и политической заразой, какою считалось вольтеріанство.

Разгромъ произвелъ въ высшей степени глубокое впечатлѣніе въ подлежащей средѣ. Быстро былъ усвоенъ извѣстный взглядъ на Шеллинга не только оффиціальными лицами, стоявшими на стражѣ просвѣщенія, но и самими просвѣтителями.

Дѣятельность Магницкаго вызвала обычные нравственные плоды среди людей слабыхъ, малодушныхъ или просто «пекущихся о многомъ». Гдѣ только ни проносился вихрь мракобѣсія и рабства, онъ всюду усѣявалъ свой путь «мертвецами».

Въ петербургскомъ университетѣ Руничъ нашелъ угодниковъ и предателей [35]). Еще раньше такого же результата достигъ Магницкій въ казанскомъ университетѣ.

Здѣсь водворилось подлинное шпіонство, превратило храмъ науки въ постыдный темный притонъ наушниковъ и доносителей и вызвало къ нему глубокое чувство омерзѣнія у мѣстнаго общества.

Въ Москвѣ шеллингіанство надолго осталось пугаломъ для благонамѣренныхъ профессоровъ. Каченовскій далъ тонъ еще во время преподаванія Давыдовымъ логики. Въ *Вѣстникѣ Европы* онъ выражалъ недоумѣніе, «по какому чудесному обстоятельству Шеллингъ не преподаетъ ученія своего въ домѣ сумасшедшихъ!» [36]).

Естественно, послѣ исторіи съ давыдовской лекціей, оторопь еще сильнѣе возрасла и въ 1831 году по поводу сочиненія Надеждина pro venia legendi профессора Ивашковскій и Снегиревъ подали въ факультетъ отдѣльное мнѣніе.

Надеждинъ даже не упоминалъ о Шеллингѣ, но критики усмотрѣли въ диссертаціи духъ запретной системы и желали знать: «можетъ ли сіе ученіе быть допущено въ нашемъ университетѣ?..»

---

[35]) Никитенко. *О. с.*, стр. 51.

[36]) *В. Евр.* 1817, № 20, стр. 259, примѣчанія за подписью *Рдръ.*

Недугъ захватилъ и другія учебныя заведенія, проникалъ всюду одновременно съ экзекуціями и миссіонерскимъ давленіемъ спасителей отечества въ жанрѣ Магницкаго.

Въ нѣжинскомъ лицеѣ въ 1830 году два профессора отличились доносительской доблестью,—одинъ докладывалъ, что студенты читаютъ сочиненія *Александра Пушкина и другихъ подобныхъ*, другой—обвинялъ самого доносчика въ пристрастіи къ запрещеннымъ философскимъ ученіямъ [37]).

Легко представить, при такихъ условіяхъ философіи вообще и шеллингіанству въ особенности пришлось покинуть университетскія аудиторіи и искать себѣ менѣе виднаго, но болѣе защитнаго пріюта.

Они и нашли этотъ пріютъ.

Здѣсь и разцвѣло дѣятельное философское направленіе и отсюда оживотворило общественную мысль.

Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе внѣакадемической философіи, мы должны сначала подвести итоги общелитературнымъ заслугамъ профессорскаго шеллингіанства, т. е. разсмотрѣть результаты *критической* дѣятельности ученыхъ словесниковъ и философовъ.

XIX.

Изъ двухъ первыхъ шеллингіанцевъ-профессоровъ особенно цѣннаго вклада въ эстетику мы должны ждать отъ Галича. Его личныя наклонности къ публицистикѣ и будничнымъ наблюденіямъ надъ дѣйствительностью, его отзывчивость и разнообразная талантливость, повидимому, заранѣе готовили для него поприще критика.

Оно вѣдь такъ недалеко отъ поэтическаго лиризма и сатирическихъ остротъ, въ изобиліи украшающихъ *Картину человѣка!*

Что касается Велланскаго, онъ въ качествѣ шеллингіанца не могъ миновать вопросовъ объ искусствѣ, но не могъ также и здѣсь спуститься до земли и обыденныхъ фактовъ, какъ и въ своемъ теософическомъ толкованіи міра.

Эстетическія представленія Велланскаго столь же выспренни, сколь и неуклюжи по формѣ. Имѣть какое-либо практическое значеніе для художественной литературы они врядъ ли могли, уже просто по неудобочитаемости для обыкновеннаго смертнаго произведеній философа. А потомъ общія опредѣленія въ искусствѣ тѣмъ

---

[37]) Колюпановъ. *О. с.* I, 461.

менѣе дѣйствительны въ приложеніи, чѣмъ философичнѣе ихъ содержаніе и обширнѣе охватъ.

Что, напримѣръ, могъ извлечь писатель-художникъ изъ такихъ несомнѣнно, шеллингіанскихъ идей?

«Объектъ поэзіи есть представленіе универса идеальнымъ образомъ».

Если даже читатель и понималъ *универсъ* и *идеальный образъ*, онъ менѣе всего могъ цѣлесообразно примѣнить свои свѣдѣнія къ своему дѣлу. Философъ въ своемъ полетѣ залеталъ на такія высоты «скрытнѣйшихъ происшествій натуры», что подлинные объекты поэзіи, объекты, ежеминутно и неотвязно преслѣдующіе творческую фантазію и человѣческое чувство наблюдателя — тонули въ непроницаемомъ туманѣ и, слѣдовательно, сама поэзія становилась чѣмъ-то неуловимымъ и неосуществимымъ.

Наконецъ, для самого философа, теософически созерцающаго универсъ, не могутъ представлять насущнаго интереса такія мелочи, какъ русская литература—современница *Пролюзіи къ медицинѣ*. Велланскому не могло и на умъ придти сопоставить свою эстетику съ образцами искусства. Этого не дѣлалъ даже Шеллингъ, имѣвшій въ распоряженіи творчество Гёте и Шиллера.

А всякіе художественные принципы достигаютъ дѣйствительной силы и вліянія только путемъ ихъ практическаго выясненія и оправданія.

Эстетика не существуетъ безъ иллюстрацій, и критика превращается въ безплодное и безпочвенное резонерство, разъ у нея нѣтъ предъ глазами предметовъ суда—все равно, отрицательнаго или положительнаго.

Позднѣйшее шеллингіанство—не профессорское и не академическое—тѣмъ и обнаружило высшую стадію русскаго философскаго развитія, что спустилось съ высоты универса до всѣмъ извѣстнаго міра, въ критикѣ вмѣсто сокровеннѣйшихъ тайнъ заговорило о русской литературѣ, о Державинѣ, о Пушкинѣ.

Это было цѣлымъ переворотомъ и немедленно внесло множество новыхъ темъ въ философско-критическія разсужденія. *Новыхъ* не для шеллингіанства и германской философіи вообще, а для русскихъ раннихъ шеллингіанцевъ.

Достаточно назвать одинъ великій вопросъ—*національный*. Для Велланскаго онъ не существуетъ, его эстетика внѣ даже нашей планеты, не только отдѣльныхъ странъ свѣта и государствъ. Но разъ эстетика иллюстрируется и притомъ въ интересахъ русскаго читателя, *національность* немедленно занимаетъ подобающее ей первостепенное мѣсто.

И между тѣмъ, она скрывалась въ поднебесномъ туманѣ даже для Галича, автора особаго сочиненія о «наукѣ изящнаго».

Въ эстетикѣ Галичъ гораздо болѣе точный воспроизводитель идей Шеллинга, чѣмъ вообще въ философіи.

Еще въ диссертаціи Галичъ впадалъ совершенно въ тонъ Шеллинга, наставляя своего юношу: «рѣшеніе задачи міра не дается извнѣ; оно совершается во внутреннемъ твоемъ святилищѣ и притомъ творческимъ актомъ».

Въ *Картинѣ человѣка* «ощущенія прекраснаго» превознесены сравнительно съ умственными и нравственными силами. «Эстетическія чувствованія», по мнѣнію автора, «роднятъ насъ съ небожителями...» Вообще русскій философъ неистощимъ въ романтическомъ лиризмѣ тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь о шеллингіанскомъ источникѣ высшаго видѣнія.

Въ 1825 году явился *Опытъ науки изящнаго*, на девять лѣтъ раньше *Картины человѣка*, но выспренность мысли та же.

Прежде всего, авторъ желаетъ непремѣнно остаться на исключительной высотѣ ученаго философа и заранѣе объявляетъ свое сочиненіе достояніемъ немногихъ избранныхъ. «Нелѣпое было бы легкомысліе требовать *свѣтскаго чтенія* отъ книжки, въ которой *начертываются основанія строгой науки*».

Судей предлагаемаго сочиненія можетъ быть еще меньше, чѣмъ читателей. На первомъ мѣстѣ авторъ ставитъ *философовъ* и на послѣднемъ—*поэтовъ*.

Очевидно, вся работа разсчитана по необычайно строгому масштабу, въ смыслѣ исключительной серьезности и малодоступности содержанія. Галичъ не отказывается отъ удовольствія презрительно сопоставить *журнальную статью* съ «прочнымъ зданіемъ науки». И въ то время, когда онъ позже станетъ съ большимъ остроуміемъ изобличать *педантизмъ*, теперь онъ считаетъ нужнымъ указать на смѣшеніе этого понятія съ *строгой наукой* у людей поверхностнаго направленія мыслей.

Вообще авторъ постарался всѣми силами возможно величественнѣе изобразить авторитетъ своей науки и до послѣдней степени съузить кругъ читателей своего сочиненія [38]).

Въ результатѣ явилась книга, довольно удобочитаемая по формѣ: Галичъ даже и въ роли спеціально серьезнаго ученаго не могъ утратить своего таланта. Но содержаніе ея врядъ ли могло имѣть какое вліяніе на изящное и на науку о немъ.

По времени появленія *Опыта* особенный интересъ должны были

---

[38]) *Опытъ науки изящнаго.* Спб., 1825. Предисловіе.

представлять разсужденія о *романтизмѣ*. Въ нихъ ничего нѣтъ ни оригинальнаго, ни яркаго послѣ книги Сталь и многочисленныхъ нѣмецкихъ теорій словесности. Любопытна только ссылка на поэта Жуковскаго: Галичъ приводитъ его стихи *Таинственный посѣтитель* [39]) съ цѣлью дать понятіе о главныхъ мотивахъ романтической поэзіи.

Что касается основного вопроса о художественномъ произведеніи, отвѣтъ формулированъ вполнѣ ясно и въ духѣ шеллингіанской эстетики. Собственно этотъ отвѣтъ только и имѣетъ извѣстное практическое значеніе, какое именно—мы указывали по поводу романтическихъ теорій творчества.

Галичъ «общую» часть своего *Опыта* заключаетъ:

«Прекрасное твореніе искусства происходитъ тамъ, гдѣ *свободный геній человѣка*, какъ *нравственно-совершенная сила*, *запечатлѣваетъ божественную, по себѣ значительную и вѣчную идею въ самостоятельномъ, чувственно-совершенномъ, органическомъ образѣ или призракѣ*» [40]).

Это въ высшей степени содержательное, обильное выводами опредѣленіе. Два принципа новой эстетики—свобода художника, какъ творческой личности и высокая идейность его произведенія—подчеркнуты рѣзко, даже, можетъ быть, слишкомъ настойчиво.

Свобода творчества да еще при идеальномъ представленіи о геніи, какъ *нравственно-совершенной силѣ*, могло прямымъ путемъ привести къ эстетическому идолопоклонству, къ *эстетизму* въ смыслѣ полнѣйшаго равнодушія ко всему прозаическому, земному, будничному. Теорія *чистаго искусства* таится въ выспреннемъ и неограниченномъ представленіи о *свободѣ творчества* и искусство для искусства ничто иное, какъ послѣдній аккордъ лирическаго гимна во славу совершенства, божественности и прочихъ внѣземныхъ доблестей художественнаго таланта.

Но это—крайность и изнанка. Въ разумномъ толкованіи идея художественной свободы и личнаго достоинства художника—великій культурный шагъ сравнительно съ ремесленническимъ словеснымъ кропаніемъ и писательскимъ рабствомъ классической эпохи.

Есть оборотная сторона и въ принципѣ *идейности*. Его можно поднять на такую высоту, что окажутся *нехудожественными* и не *идейными* произведенія великаго нравственнаго и общественнаго смысла и значенія, но только не запечатлѣвающія *божественной* и *вѣчной* идеи.

---

[39]) *Іb.*, стр. 52—3, 55.

[40]) *Іb.*, стр. 40.

Самъ Галичъ въ *предисловіи* къ *Опыту* предупреждаетъ о возможности подобнаго критическаго результата при руководствѣ его идеей объ изящномъ.

И результатъ не только возможенъ, но даже неизбѣженъ.

Мы встрѣтимся съ нимъ въ критическихъ статьяхъ Надеждина; онъ соблазнитъ также и юнаго Бѣлинскаго. Одно за другимъ будутъ «падать въ цѣнѣ», выраженіе Галича, произведенія Пушкина и во имя «божественныхъ» и «вѣчныхъ» идей на многіе годы повиснетъ надъ талантомъ величайшаго русскаго поэта гроза профессорскаго безпощаднаго приговора.

Но это опять только отрицательный моментъ—въ дѣйствительности плодотворной идеи. Надеждинъ такъ и замретъ въ безвоздушныхъ высотахъ своей науки и философіи, Бѣлинскій будетъ спасенъ отъ критическаго омертвѣнія живымъ личнымъ художественнымъ чувствомъ. Но каковы бы ни были частныя послѣдствія увлеченія идейностью, требованіе идейности отъ творческихъ произведеній явилось какъ нельзя болѣе кстати одновременно съ провозглашеніемъ свободы генія. Она вносила извѣстныя ограниченія въ эту теорію и полагала предѣлы художественной свободѣ.

Художникъ долженъ быть свободнымъ и въ то же время идейнымъ. Это значило, подрывать въ корнѣ отпрыски чистаго эстетизма, вполнѣ возможные на почвѣ исключительной свободы.

Позднѣйшей критикѣ и предстояла сложная, но вполнѣ ясная задача: установить и практически оправдать уже готовыя понятія: творческаго свободнаго таланта и идейнаго художественнаго произведенія. По существу эти два вопроса и исчерпываютъ основное содержаніе и цѣли художественной критики.

Они неразрывно связаны другъ съ другомъ. Критику требуется одновременно и личное художественное дарованіе и совершенный *тактъ дѣйствительности*, т. е. личная отзывчивость на ея многообразныя явленія, умѣнье производить имъ относительную оцѣнку и въ результатѣ цѣлесообразные запросы къ просвѣтительной силѣ искусства.

Соединить всѣ эти способности для природы, повидимому, не менѣе трудная, можетъ быть, даже болѣе трудная задача, чѣмъ создать первостепенный творческій талантъ. Извѣстная французская банальность, будто «критика — легка, а искусство — трудно», не имѣетъ никакого ни отвлеченнаго, ни историческаго права на серьезную истину. Она примѣнима только къ явленіямъ особаго рода, въ сущности ничего общаго не имѣющимъ ни съ критикой, ни съ искусствомъ.

Галичъ повторяетъ въ своей книгѣ замѣчаніе одного русскаго

писателя: Россія бѣдна литературой, но богата критикой. Это было сказано до славы Пушкина и до появленія великой литературы сороковыхъ годовъ. Несомнѣнно, *такая* критика болѣе чѣмъ легка, и это доказываетъ ея роль въ литературѣ и въ обществѣ. Старая критика, мы видѣли, безпрестанно дѣлила свои владѣнія съ пасквилемъ, клеветой или изводила читателей схоластитической отрыжкой.

Отсюда оставалось необозримое пространство до критики, способной подняться хотя бы до уровня современнаго искусства.

Дѣятельность Пушкина почти успѣла закончиться, Гоголь взошелъ на художественномъ горизонтѣ звѣздой первой величины, а русская критика все еще протирала глаза и металась отъ школьной указки до уличной брани, никакъ не находя достойнаго *литературнаго* пути. Даже Бѣлинскій перетерпѣлъ не мало весьма эффектныхъ крушеній раньше, чѣмъ овладѣлъ настоящимъ рулемъ и компасомъ.

И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, отъ Бородинскихъ статей до письма къ Гоголю разстояніе несравненно больше, чѣмъ отъ *Кавказскаго пленника* до *Евгенія Онѣгина* или отъ *Сорочинской ярмарки* до *Ревизора*. Мы сравниваемъ не таланты критика и художниковъ, а имѣемъ въ виду трудъ и усилія, идейную работу, вносящую полное преобразованіе въ міросозерцаніе писателя.

Русской литературѣ оказалось *легче* произвести цѣлый рядъ первостепенныхъ творческихъ талантовъ, чѣмъ хотя бы двухъ равносильныхъ критиковъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, съ какой медленностью прививались къ русской критикѣ окончательныя, повидимому, завоеванія Бѣлинскаго. Дѣятельность Добролюбова убѣдитъ насъ, какъ *трудна* критика даже послѣ блестящаго и внушительнѣйшаго учителя и руководителя, а публицистика Писарева сразу перенесетъ насъ будто въ легендарную эпоху русской критической мысли...

Нѣтъ, исторія критики тѣмъ и поучительна, что именно она съ поразительной наглядностью раскрываетъ многотрудный, часто тягостный процессъ совершенствованія общественныхъ идей и художественно-литературныхъ воззрѣній и, слѣдовательно, съ особенной настойчивостью подчеркиваетъ заслуги отдѣльныхъ дѣятелей.

Мы только что видѣли, какъ при всей учености, при несомнѣнной доброй волѣ родоначальники русскаго шеллингіанства не могли внести новой жизни въ современную художественную литературу. Пребывая въ недосягаемыхъ областяхъ гордой науки и универсальныхъ созерцаній, они для писателей художниковъ оста-

вались совершенно внѣшнимъ и чуждымъ явленіемъ. Пушкинъ питалъ самыя нѣжныя чувства къ Галичу, какъ человѣку, но намъ совершенно неизвѣстны эстетическія вліянія профессора на своего ученика.

И если они были, цѣнность и сила ихъ не могли идти ни въ какое сравненіе съ личными вдохновенными стремленіями поэта къ инымъ путямъ творчества.

Тотъ же выводъ въ еще болѣе яркой формѣ справедливъ и относительно московскихъ ученыхъ эстетиковъ.

Въ то время, когда общественное мнѣніе вынуждало Галича вводить въ исторію философіи разборъ шеллингіанской системы, когда эта система волновала умы молодежи, ея учителей раздѣляла на враждебные лагери и приводила въ сильнѣйшее безпокойство оффиціальную власть, въ это самое время съ каѳедры старѣйшаго московскаго университета невозбранно продолжало раздаваться слово «магистровъ» и «докторовъ» словеснаго искусства.

Мы говоримъ прежде всего о профессорѣ Мерзляковѣ.

XX.

Дѣятельность Мерзлякова входитъ какой-то промежуточной, будто *лишней* полосой въ исторію русской критики.

Онъ по рожденію принадлежитъ классической эпохѣ, по зрѣлому періоду своего университетскаго преподаванія—онъ современникъ Пушкина, его, слѣдовательно, можно назвать представителемъ *переходнаго* времени.

Отвѣтственная задача жить въ такія времена! Самое простое ея разрѣшеніе—умѣть не отстать отъ *перехода*, т. е. не впасть въ раздоръ съ временемъ, но подчиниться ему не пассивно и не противъ воли, а сознательно, съ полнымъ пониманіемъ его стремленій и съ искреннимъ сочувствіемъ новымъ людямъ.

У Мерзлякова, повидимому, были всѣ данныя выполнить эту задачу.

Очень даровитый, даже съ поэтическимъ талантомъ, лично—простой и сердечный, сынъ небогатой купеческой семьи, слѣдовательно, по прежнимъ условіямъ просвѣщенія, ученый по призванію, Мерзляковъ подавалъ надежды на самую живую и отзывчивую дѣятельность.

Обстоятельства благопріятствовали.

Ученикомъ пермскаго народнаго училища Мерзляковъ обратилъ на себя вниманіе начальства *Одой на заключеніе мира со шведами*. Оду довели до свѣдѣнія Екатерины II и юный поэтъ

былъ принятъ на казенный счетъ въ московскую университетскую гимназію.

Дальше слѣдовалъ университетъ и сближеніе съ Жуковскимъ.

Послѣднее обстоятельство имѣло очень большое значеніе не только въ личномъ развитіи Мерзлякова.

Мы впервые встрѣчаемся съ фактомъ первостепеннаго культурнаго смысла въ исторіи русскаго просвѣщенія—съ студенческимъ кружкомъ. Явленіе будетъ развиваться десятки лѣтъ и по временамъ играть исключительную роль въ литературѣ.

Умственные запросы русской молодежи очень рано стали перерастать духовную пищу, предлагавшуюся въ университетскихъ аудиторіяхъ. Запросы развивались подъ вліяніемъ заграничныхъ путешествій и заграничной литературы. Еще при Екатеринѣ молодые русскіе студенты могли слушать въ германскихъ университетахъ какія угодно лекціи, увлекаться современными европейскими идеалами народнаго блага и общественной свободы, а по возвращеніи въ Россію, попадали въ міръ дѣйствительности, по самымъ своимъ жизненнымъ основамъ враждебный подобнымъ увлеченіямъ, и въ наукѣ встрѣчали или прямую ненависть къ независимой мысли, или неуклонное барственно-эпикурейское стремленіе играть съ огнемъ, не обжигаясь.

Естественно, возникало безвыходное противорѣчіе. Съ одной стороны само правительство отъ запада требовало образованія для своихъ дѣятелей и университетскихъ профессоровъ, съ другой—немедленно пресѣкало часто даже самыя скромныя попытки осуществить плоды этого образованія. Мы могли видѣть изъ исторіи съ петербургскими профессорами и особенно съ Галичемъ, въ какое ложное положеніе попадали совершенно благонамѣренные люди, на казенный счетъ ѣздившіе слушать нѣмецкихъ философовъ и искренне желавшіе оправдать разсчеты правительства—поднять умственный уровень русской молодежи.

Что общаго между крамолой и безбожіемъ и личностью и учеными трудами Галича? Очевидно, ничего, если Галичъ и послѣ катастрофы могъ состоять на государственной службѣ и печатать свои сочиненія.

И между тѣмъ, катастрофа разразилась и имѣла свои послѣдствія.

У Галича были и предшественники, и преемники.

Въ 1766 году за границу было послано двѣнадцать молодыхъ людей съ научной цѣлью; слушали они лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ; надзиралъ за ними гофмейстеръ и монахъ-духовникъ, и результаты получились менѣе всего блестящіе.

*

Самые даровитые изъ путешественниковъ ничего не достигли въ своемъ отечествѣ и даже выдѣлили изъ своей среды настоящую жертву искупленія—Радищева.

Подобныя исторіи происходили и съ учеными, пріѣзжавшими по приглашенію правительства изъ-за границы. Безпрестанно имъ приходилось не по собственной волѣ отбывать на родину, или, подобно Раупаху, товарищу Галича, отрясать негостепріимный прахъ отъ ногъ своихъ.

Очевидно, всякому, кто питалъ жажду продолжать любимое дѣло и по возвращеніи изъ-за границы въ Россію, приходилось обходиться домашними средствами, т. е. оставить надежду на открытую просвѣтительную дѣятельность и замкнуться въ тѣсномъ кружкѣ единомышленныхъ и вѣрныхъ людей.

Отсюда параллельное существованіе двухъ центровъ высшаго просвѣщенія—университетовъ съ профессорами и кружковъ со студентами. И мы знаемъ, какъ долженъ былъ распредѣлиться умственный свѣтъ, исходившій изъ того и другого центра.

Университеты, въ качествѣ оффиціальныхъ учрежденій, не могли не подчиниться внѣшнимъ силамъ, въ родѣ предпріятій Магницкаго и Рунича. Они не только подчинились, но въ лицѣ многихъ своихъ членовъ даже пошли на встрѣчу господствовавшему гасительному направленію и изъ среды профессоровъ выдвинули усердныхъ конкуррентовъ—гонителей «лжеименнаго разума». Мы видѣли факты, увидимъ и дальше, убѣдимся, что даже для чисто-литературныхъ отношеній профессорской корпораціи не прошла безслѣдно воспитательная дѣятельность Магницкаго.

Естественно, свѣта и воздуха оставалось искать за стѣнами университета. Для этого молодому человѣку вовсе не требовалось быть даже очень пылкимъ искателемъ, не надо было обладать нарочитыми либеральными наклонностями, а просто—не имѣть способности сегодня сжигать то, чему поклонялся вчера. А именно такъ и ставился вопросъ для русскихъ питомцевъ или заграничныхъ университетовъ, или просто заграничной философіи.

Въ силу вещей на сцену появлялось *западничество*, не какъ фанатическое обожаніе европейскаго въ противоположность русскому, а просто какъ уваженіе къ мышленію и просвѣщенію въ противоположность схоластикѣ и реакціи. И въ этомъ смыслѣ первые западники явились учредителями первыхъ кружковъ, независимыхъ культурныхъ центровъ.

Членами *Дружескаго литературнаго общества*, основаннаго при дѣятельномъ участіи Жуковскаго, мы не случайно встрѣчаемъ извѣстныя имена Кайсарова и Александра Тургенева. Это

имена воспитанниковъ геттингенскаго университета, людей, окунувшихся въ нѣмецкое море и не нашедшихъ пристанища на современномъ политическомъ берегу своего отечества.

Почему—показываютъ самые простые факты. Кайсарова, мы знаемъ, занималъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, и даже Жуковскій—человѣкъ отнюдь не политическій—впослѣдствіи отвѣтилъ на этотъ вопросъ освобожденіемъ своихъ крестьянъ.

Несомнѣнно, и остальные члены кружка должны были подходить подъ это направленіе. А оно не могло ограничиться только общественными вопросами, оно было однимъ изъ членовъ многообъемлющаго символа просвѣщенной вѣры, т. е. и въ литературѣ заявляло соотвѣтствующія требованія. Примѣръ — тотъ же Жуковскій.

Мы знаемъ цѣну его романтизма — художественную и національную, но, подробно разбирая явленія философскаго періода нашей критики, мы не должны умолчать о связи поэзіи Жуковскаго съ философіей.

На первый взглядъ это звучитъ странно. Жуковскій, несомнѣнно, увлекался мистицизмомъ, даже привидѣніями, вообще «тайнами» и «ужасами» полуночнаго часа, но серьезнаго интереса къ философіи въ немъ не было.

И все-таки, его романтизмъ внесъ свою дань въ распространеніе германской философіи среди русской молодежи.

Рядомъ съ духовными учебными заведеніями, съ путешествіями за-границу слѣдуетъ помнить еще одинъ путь, какимъ философія изъ Германіи переселялась въ Россію. Это путь, далеко не столь опредѣленный и прямой, какъ другіе два, но для нѣкоторыхъ онъ могъ быть самымъ легкимъ и даже единственнымъ, по крайней мѣрѣ, какъ вступленіе въ царство новой мысли.

Одинъ изъ учениковъ философской эпохи, обозрѣвая разныя культурныя вліянія на русское общество, такъ опредѣляетъ роль поэзіи Жуковскаго:

«Она передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ нѣмецкой жизни, поэзіи и философіи; и такимъ образомъ, въ составъ нашей литературы входили двѣ стихіи: умонаклонность французская и германская» [41]).

Слѣдовательно, Жуковскій, по представленію современниковъ, своей поэзіей создалъ совершенно новую умственную почву, развилъ «сторону, идеальную, мечтательную», до него невѣдомую

---

[41]) И. В. Кирѣевскій. *Обозрѣніе русской словесности за 1831 годъ.* Полное собраніе сочиненій, I, 23.

русскому просвѣщенному обществу «французско-карамзинскаго направленія».

Въ такомъ же смыслѣ, только еще рѣзче, выражается другой современникъ Жуковскаго, поэтъ и критикъ.

Жуковскій далъ «германическій духъ русскому языку», ближайшій къ нашему національному духу, какъ «тотъ свободному и независимому» [42]).

Это слишкомъ сильно. Авторъ самъ одаренъ «германическимъ духомъ.» и переоцѣнилъ его сродство съ русскимъ національнымъ. Но для насъ важенъ взглядъ современниковъ на культурное значеніе переводовъ Жуковскаго. Несомнѣнно, они не могли создать философовъ, но они воспитывали почву для сѣмянъ философіи, и въ области эстетики стихи Жуковскаго, мы видѣли, предвосхищали отвлеченныя положенія самыхъ строгихъ русскихъ ученыхъ.

Отъ «идеальнаго и мечтательнаго» въ поэзіи не трудно было, при извѣстномъ настроеніи ума, перейти къ «идеальному и мечтательному» въ теоріи, тѣмъ болѣе, что сама эта теорія вѣнцомъ своего зданія полагала ту же поэзію. А именно такимъ и было шеллингіанство.

Жуковскій по своимъ литературнымъ задачамъ могъ быть совершенно неповиненъ въ такихъ послѣдствіяхъ своего романтизма, но всякое художественное явленіе тѣмъ и значительно, что оно по своимъ жизненнымъ отраженіямъ часто далеко превосходитъ разсчеты самого художника. Примѣрами изобилуетъ всякая литература, и русская въ особенности.

Намъ теперь ясно, какіе общіе настоятельные мотивы могли вызывать частныя литературныя общества, кружки и собранія для литературныхъ и философскихъ бесѣдъ. На западѣ въ ту же эпоху весь континентъ кишелъ также союзами и обществами, но преимущественно политическаго направленія. Въ Россіи только въ рѣдкихъ случаяхъ политика входила въ программу кружка. Она ограничивалась чисто-культурными, просвѣтительными задачами. И вполнѣ послѣдовательно.

Эти задачи для Россіи первой четверти XIX-го столѣтія именно и являлись настойчивыми историческими нуждами и самая устойчивость и быстрое развитіе кружковъ показываютъ ихъ *почвенность*, ихъ соотвѣтствіе данному періоду русской общественной жизни.

Будущему историку русской культуры предстанетъ въ высшей

---

[42]) Кюхельбекеръ, *Взглядъ на нынѣшнее состояніе русской словесности* Статья, переведенная въ *В. Евр.* 1817 года изъ *Conservateur impartial.* Ср. Колюпановъ. *О. с.* II, 25.

степени содержательный и оригинальный вопросъ о явленіи, повидимому, произвольномъ и часто просто личномъ, въ дѣйствительности знаменующемъ одно изъ самыхъ глубокихъ теченій русскаго просвѣщенія въ высшемъ нравственномъ и общественномъ смыслѣ.

Страницу въ этой исторіи займетъ и *Дружеское литературное общество*, открывшее свою дѣятельность 12 января 1801 года.

XXI.

Цѣль *Общества* опредѣлялась исключительно литературными задачами: «очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что̀ изящно, что̀ превосходно».

Мы не знаемъ, какъ осуществлялась эта цѣль, но собранія общества оставили глубокій слѣдъ въ памяти Мерзлякова.

Четырнадцать лѣтъ спустя, въ письмѣ къ Жуковскому Мерзляковъ восторженно вспоминаетъ о «правилахъ», «которыя пріобрѣлъ» онъ «въ незабвенномъ, можетъ быть, уже невозвратномъ для насъ любознательномъ обществѣ словесности».

Товарищескимъ бесѣдамъ онъ приписываетъ свой интересъ къ русской литературѣ, одну изъ важнѣйшихъ своихъ статей—о *Рогнѣдѣ* Хераскова—считаетъ результатомъ этихъ бесѣдъ и разсчитываетъ остаться вѣрнымъ тому, что онъ усвоилъ «въ цвѣтѣ юности».

Одновременно съ бесѣдами общества Мерзляковъ вспоминаетъ и благодѣтельные совѣты Дмитріева, автора сатиры *Чужой толкъ*, возникшей за шесть лѣтъ до основанія кружка.

Сатира возставала противъ популярнѣйшаго классическаго жанра—оды, а Мерзляковъ, съ своей стороны, говоритъ о свободѣ кружка отъ «предразсудковъ, вредныхъ нашей словесности».

Очевидно, при такихъ заявленіяхъ профессоръ не могъ быть защитникомъ классицизма въ старинной сумароковской формѣ.

Но этотъ фактъ отнюдь не могъ считаться особенной заслугой для критика начала XIX-го вѣка, видѣвшаго передъ собой дѣятельность Карамзина и новой литературной школы. А непосредственно за Карамзинымъ слѣдовалъ Жуковскій, потомъ Пушкинъ: все это проходило предъ учеными глазами Мерзлякова, и вопросъ, какъ онъ разглядѣлъ и понялъ современныя явленія?

Въ 1804 году Мерзляковъ получилъ степень магистра и каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи. До самой смерти, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, онъ руководилъ русскими молодыми поколѣніями въ области науки, повидимому, болѣе всего соотвѣтствовавшей его природѣ.

Еще до появленія на каѳедрѣ Мерзляковъ пріобрѣлъ литературную извѣстность, какъ поэтъ, сначала какъ искусный подражатель Ломоносова, Державина, Карамзина, сочинилъ, между прочимъ, оду *Непостижимому*, явно разсчитанную на соревнованіе съ державинскимъ произведеніемъ *Богъ*, а *Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря* имѣла даже особенный успѣхъ.

Естественно, Мерзляковъ явился далеко не заурядным лекторомъ. Студенты немедленно почувствовали вѣяніе новаго духа и явную силу таланта. По разсказу Погодина, слушатели «со всѣхъ сторонъ бросались въ аудиторію точно на приступъ, спѣша занять мѣста. Медики, математики,—о словесникахъ и говорить нечего,—юристы, кандидаты, жившіе въ университетѣ, всѣ являлись въ аудиторію, которая пополнялась въ минуту народомъ сверху до низу, по окошкамъ, даже надъ верхними лавками амфитеатра. Мерзляковъ долженъ былъ пробираться черезъ толпу. Какое молчаніе воцарилось, когда онъ сѣлъ, наконецъ, на каѳедру!..»

Профессоръ одинаково искусно декламировалъ стихи и излагалъ собственныя мысли, артистически владѣя голосомъ и захватывая аудиторію искреннимъ чувствомъ, часто величественной импровизаціей.

Рѣчь была свободна отъ всякихъ обычныхъ ученыхъ хитростей, діалектическихъ изворотовъ и педантической темноты.

Профессоръ и на каѳедрѣ сохранилъ простоту обыкновеннаго русскаго человѣка, страстно любилъ народныя пѣсни, весьма удачно подражалъ имъ и достигъ результата, неслыханнаго для старой поэзіи. Нѣкоторыя пѣсни Мерзлякова, напримѣръ, *Среди долины ровныя*, перешли въ публику, не имѣвшую никакихъ соприкосновеній ни съ наукой, ни даже съ грамотой.

Любовь къ народной поэзіи для Мерзлякова была уваженіемъ къ русской національности вообще, и профессоръ осмѣлился въ лицо высшему русскому обществу сказать горькую правду почти въ тонѣ Чацкаго.

Въ началѣ 1812 года Мерзляковъ открылъ курсъ публичныхъ лекцій. Онѣ быстро стяжали громкую популярность и собирали цвѣтъ литературнаго и аристократическаго міра.

Нашествіе Наполеона прервало чтенія; они возобновились только въ 1816 году и создали своего рода университетскую аудиторію для большой публики.

Она слышала здѣсь далеко не шаблонныя словесныя поученія. Профессоръ часто впадалъ въ рѣзкое публицистическое настроеніе, отъ лица «русскаго писателя» взывалъ къ патріотизму боль-

шихъ господъ и даже «прекраснаго пола». Ученый лекторъ предвосхитилъ извѣстный отзывъ Пушкина о «нелюбопытствѣ» русскихъ, только еще рѣшительнѣе укорялъ своихъ соотечественниковъ за холодъ и равнодушіе «къ твореніямъ, имѣющимъ своимъ предметомъ нашу славу».

Не всегда на слушателей могли производить благопріятное впечатлѣніе подобныя лекціи. Профессоръ безпокоилъ самолюбіе своей аудиторіи не только патріотическими укоризнами, но и своими критическими сужденіями. Сергѣй Аксаковъ, слушавшій одну публичную лекцію Мерзлякова, именно о *Дмитріи Донскомъ* Озерова, отмѣтилъ недовольство публики на слишкомъ строгій судъ профессора надъ популярной трагедіей.

Наконецъ, еще въ одномъ отношеніи Мерзляковъ являлся истиннымъ учителемъ современнаго общества. Онъ—самъ плебей и труженикъ мысли,—впервые заговорилъ объ общественномъ значеніи поэтическаго дарованія. Онъ призывалъ современниковъ, менѣе всего привыкшихъ уважать писателя, «почтить науку и талантъ стихотворца изъ любви къ самимъ себѣ» и «очистить чрезъ это собственныя удовольствія».

Все это выходило за предѣлы и классическихъ традицій, и старинныхъ университетскихъ привычекъ. Личная даровитость профессора давала чувствовать себя и въ содержаніи, и въ направленіи лекцій. Она также заставила его произвести важную реформу въ оффиціальномъ преподаваніи.

До Мерзлякова русская литература преподавалась въ университетѣ вмѣстѣ съ древними. Мерзляковъ сообщилъ каѳедрѣ отечественной словесности самостоятельное значеніе. Раньше произведенія русской поэзіи разбирались исключительно по латинскимъ реторикамъ, Мерзляковъ выдвинулъ на первый планъ національное содержаніе русскихъ образцовъ и старыя руководства замѣнилъ новыми.

Какими же? Вотъ съ этого вопроса и начинается рядъ минусовъ въ столь, повидимому, живой и оригинальной дѣятельности профессора.

Когда мы слышимъ отзывы о Мерзляковѣ, какъ лекторѣ, перечитываемъ его критическія статьи въ *Трудахъ Общества любителей Россійской Словесности*, въ журналахъ *Аміеніонъ*, *Вѣстникѣ Европы*, наши впечатлѣнія безпрестанно двоятся. Мы ни на минуту не увѣрены, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, дѣйствительно ли съ реформаторомъ словесной науки, или съ лекторомъ и литераторомъ, ищущимъ популярности и въ то же время желающимъ спасти историческій престижъ своей ученой степени?

Прочтите разборы *Россіады* Хераскова, *Эдипа* Озерова и особенно *Дмитрія Самозванца* — Сумарокова: сколько смѣлыхъ, свѣжихъ идей! Какая отвага въ развѣнчиваніи общепризнанныхъ талантовъ и какое краснорѣчіе всюду, гдѣ защищаются интересы естественности, драматизма, психологіи! И даже нѣчто совсѣмъ новое и обѣщающее богатые плоды: профессоръ додумывается до *исторической* критики.

Онъ усиливается возстановить несправедливо попранную память Тредьяковскаго, именуетъ его «просвѣщеннымъ учителемъ литературы», даже *Телемахиду* считаетъ «излишне порицаемой», грубость языка злополучнаго піиты приписываетъ не столько самому автору, сколько его времени и въ заключеніе подчеркиваетъ заслуги Тредьяковскаго въ вопросѣ о стихосложеніи.

По поводу Сумарокова—рѣзкая отповѣдь «умственному рабству» русскихъ писателей предъ французскими. Ломоносовъ наводитъ критика на упрекъ, зачѣмъ поэтъ сочинялъ преимущественно торжественныя оды,—слѣдовало понизить тонъ лиры и выбрать болѣе будничный предметъ: «человѣкъ всего занимательнѣе для человѣка». Съ этой же точки зрѣнія восхваляется Державинъ за употребленіе простыхъ народныхъ выраженій [43]).

Вообще характеристика Державина, какъ поэта, занимательна. Мерзляковъ предвосхитилъ основныя мысли Бѣлинскаго, подмѣтилъ главную силу державинскаго таланта—яркость и свѣжесть красокъ, и въ то же время недостатокъ искусства, изящества, чувства мѣры. Заключеніе безусловно въ пользу оригинальнаго таланта, какъ бы мало ни было въ немъ «гармоніи и симметріи». Выводъ Мерзлякова могъ навсегда остаться въ русской критикѣ. Онъ продиктованъ подлиннымъ художественнымъ чувствомъ:

«Разсматривая внимательно всѣ превосходства и недостатки Державина, я часто воображаю, что смотрю на открытую, великолѣпную и разнообразную до безконечности природу, во всей видимой и мнимой ея безпечности и свободѣ: она прелестна, величественна и въ своихъ безпорядкахъ, и въ своихъ ужасахъ, и въ своихъ безпрерывныхъ измѣненіяхъ; вездѣ и всегда трогаетъ мои чувства, не смотря на первое упорство строгаго разума, требующаго ближайшихъ и точнѣйшихъ отношеній и связей между предметами» [44]).

Въ учебникѣ, изданномъ для студентовъ, Мерзляковъ рѣшился

---

[43]) *Труды О. Л. Р. С.* 1812, I, *Разсужденіе о Россійской словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи.*

[44]) *Труды*, 1820, XVIII. *Державинъ.*

даже высказать общее положеніе, оправдывающее его восторги предъ природой вопреки разуму.

«Изящное не доказывается по законамъ разума», писалъ профессоръ, «и правила вкуса не извлекаются изъ чистыхъ понятій, а выводятся только изъ опытовъ и повѣряются одною критикою» [45]).

На чемъ же будетъ основана сама критика?

По мнѣнію Мерзлякова, «ее можно назвать матерью и стражемъ вкуса». Очевидно, она должна руководиться какими-нибудь прочными и ясными принципами, иначе ея авторитетъ—стража—можетъ быть одинаково и отвергаемъ, и признаваемъ.

Профессоръ даетъ въ высшей степени любопытный отвѣтъ:

«Самое понятіе о прекрасномъ чуждо всякихъ законовъ; только *критика вкуса* имѣетъ здѣсь свой голосъ, болѣе или менѣе опредѣленный».

Мало этого. «Произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметы чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы или науки изящнаго».

Выводъ, повидимому, ясенъ: чувство, а не разсудокъ, вкусъ, а не теорія, впечатлѣнія, а не законы—таковы основы критики.

И если вы сопоставите выводъ съ уничтожающей критикой на классическія трагедіи, съ гражданскимъ негодованіемъ на чужебѣсіе и на пассивное преклоненіе предъ авторитетами,—предъ вами возстанетъ образъ критика-реформатора, профессора-просвѣтителя.

И у Мерзлякова были всѣ задатки выполнить это назначеніе, и все-таки онъ не выполнилъ, даже больше. На фонѣ талантливости все одолѣвшій педантизмъ и малодушіе производятъ на насъ несравненно болѣе прискорбное впечатлѣніе, чѣмъ скоропалительное и пустоцвѣтное шеллингіанство Давыдова, товарища Мерзлякова и его преемника на каѳедрѣ словесности.

XXII.

Никакія независимыя идеи, самыя пылкія импровизаціи не помѣшали Мерзлякову не только преподавать учебную теорію изящнаго, но даже найти себѣ учителя въ лицѣ нѣмецкаго эстетика.

Два руководства, предложенныя студентамъ, *Краткое начертаніе теоріи изящной словесности* и *Краткая риторика* пред-

[45]) *Краткое начертаніе теоріи изящной словесности.* Москва, 1822. *Вступленіе*, § 11.

ставляли компиляцію книги Эшенбурга: *Entwurf einer Theorie und Litteratur der schönen Wissenschaften.* Книга—одно изъ дѣтищъ школьнаго классицизма.

Но сущность заключалась не въ достоинствахъ или недостаткахъ нѣмецкой теоріи, а въ томъ, что русскій профессоръ не нашелъ другого средства просвѣщать своихъ слушателей, кромѣ перевода и компиляціи.

При такомъ оборотѣ дѣла всѣ критическія новшества, отрицанія, системы и воззванія къ художественному чувству утрачивали всякое практическое значеніе.

Профессоръ твердо держался разъ принятаго пути—до такой степени твердо, что за свои компиляторскія наклонности подвергся даже порицанію учебнаго начальства.

Въ концѣ 1827 года Мерзлякову поручили составить для гимназій риторику и піитику. Спустя два года, Мерзляковъ представилъ въ Комитетъ учебныхъ пособій рукопись. Отзывъ послѣдовалъ слѣдующій:

«Комитетъ, разсмотрѣвъ рукописи Мерзлякова, нашелъ, что онѣ суть ничто иное, какъ почти буквальный переводъ извѣстной книги Гейнзія *Der Redner und Dichter* и переводъ очень неудачный съ прибавленіемъ авторовъ древнихъ и европейскихъ изъ Эшенбурга и съ присовокупленіемъ русскихъ, весьма недостаточныхъ. Что касается до примѣровъ, то оные или переведены изъ Гейнзія же, или заимствованы безъ разбора изъ старыхъ нашихъ риторикъ и піитикъ, а потому всѣ почти обветшалыя. Такъ, въ примѣръ иронiи приводится: *Счастливы тѣ народы, у коихъ боговъ полны огороды!* Или для показанія слога сатиры приводится сатира Антіоха Кантемира *Къ уму своему.* Даже самыя опечатки старыхъ примѣровъ не исправлены какъ слѣдуетъ».

Рукопись была возвращена автору и замѣнена *Россійской Риторикой* Кошанскаго, основанной «на нынѣшнемъ состояніи нашей словесности» [46]).

Этотъ фактъ въ высшей степени краснорѣчивъ. Онъ показываетъ, на что сошла дѣятельность Мерзлякова. Жестокому отзыву комитета соотвѣтствовало и отношеніе молодежи къ профессору.

Слава его, какъ лектора, скоро стала преданіемъ. Преподаватель будто съ самаго начала вступилъ на наклонную плоскость и безостановочно шелъ къ полному паденію. Уже въ двадцатыхъ годахъ у Мерзлякова не было благодарной аудиторіи. Импровизаціи, какъ бы онѣ иногда ни удавались, не могли скрыть страшнаго

[46]) Н. Барсуковъ. *Жизнь и труды М. И. Погодина.* III, 166—7.

для профессора порока: Мерзляковъ не слѣдилъ за своей наукой и не вдумывался въ развитіе русской художественной литературы. Вновь возникавшія явленія заставали его врасплохъ и онъ или подвергалъ ихъ суду съ точки зрѣнія своихъ риторикъ, или обличалъ полную растерянность критической мысли.

Еще въ 1818 году онъ напалъ на баллады и на «духъ германскихъ поэтовъ» на совершенно неожиданномъ основаніи, неожиданномъ послѣ войны съ русскимъ классицизмомъ:

«Что это за духъ, который разрушаетъ всѣ правила піитики, смѣшиваетъ вмѣстѣ всѣ роды, комедію съ трагедіей, пѣсни съ сатирой, балладу съ одой и пр. и пр.» [47]).

Мы должны помнить, эта вылазка явно направлена противъ *Жуковскаго*—основателя того самаго общества, о какомъ Мерзляковъ хранилъ восторженныя воспоминанія. Выходило, слѣдовательно, противорѣчіе даже въ *личныхъ* отношеніяхъ профессора, и не по какимъ-либо причинамъ эгоистическаго характера, а во славу піитики, ради идеи. Фактъ существенной важности. Правила, будто фатумъ, тяготѣли надъ мыслью ученаго и вынуждали его на поступки, способные произвести на историка весьма двусмысленное нравственное впечатлѣніе. Тѣмъ болѣе, что выходка противъ балладъ явилась отъ *неизвѣстнаго* лица, не имѣвшаго будто никакихъ касательствъ къ бывшему члену *Дружескаго общества*.

Недоразумѣнія, все равно, какъ и ремесленническое компиляторство, могли только усилиться съ годами.

Во имя піитики были осуждены баллады, ради Горація—въ самое странное положеніе попала вообще лирическая поэзія. Мерзляковъ вообще всю поэзію раздѣлилъ на два рода: эпическій и драматическій, а лирическую включилъ въ разрядъ эпической.

И такъ могъ разсуждать авторъ *пѣсенъ* и *романсовъ!*

Не только художественное чутье, но простое чувство *самооправданія* должно бы подсказать профессору болѣе эстетическій и уважительный взглядъ на любимый родъ поэзіи.

Послѣ этого не удивительны упражненія Мерзлякова не только въ торжественномъ одописаніи, но и въ переводахъ идиллій г-жи Дезульеръ. Профессоръ могъ впадать въ преднамѣренное піитическое «пьянство» и мириться съ приторной сентиментальностью въ панье и въ красныхъ каблучкахъ.

Мерзляковъ имѣлъ несчастіе дожить до молодыхъ произведеній Пушкина. Выходили *Руслан и Людмила*, *Кавказскій Пленникъ*, профессору надлежало бы сказать вѣское слово по этому поводу,

---

[47]) *Труды*, XI, *Письмо изъ Сибири.*

тѣмъ болѣе, что студенты немедленно были охвачены жгучимъ интересомъ къ событію.

Учителю, оказалось, нечѣмъ было отозваться на увлеченіе молодежи. Блестящій стихъ Пушкина, неисчерпаемая роскошь и ослѣпительная яркость образовъ не могли, конечно, не тронуть *сердца* критика, столь удачно оцѣнившаго талантъ Державина.

Но это былъ безсознательный трепетъ, невольное и смутное впечатлѣніе, слабый отголосокъ настроеній, подсказавшихъ профессору задушевныя ноты въ его собственныхъ пѣсняхъ.

Мерзляковъ *плакалъ*, читая *Кавказскаго Пленника*. «Онъ чувствовалъ,—разсказываютъ очевидцы,—что это прекрасно, но не могъ отдать себѣ отчета въ этой красотѣ и безмолвствовалъ».

Безмолвіе, конечно, въ данномъ случаѣ дѣлало профессору больше чести, чѣмъ рѣчи его товарищей по университету въ родѣ Качеиовскаго и Надеждина. Но и безмолвіе при столь краснорѣчивомъ голосѣ самой жизни—явное свидѣтельство безсилія, отсталости, нравственной смерти заживо.

Мерзляковъ до конца оставался дѣятельнымъ членомъ университета и *Общества любителей россійской словесности*, но въ этой дѣятельности не было ни жизненности, ни современности, слѣдовательно, плодотворности, а главное, не было единства, послѣдовательности и строгой принципіальчости.

Въ свѣтлые моменты профессоръ отряхнулъ руки отъ всякихъ піитическихъ узъ и, указывая на сердце, говорилъ слушателямъ: «Вотъ гдѣ система». И непосредственно за столь эффектнымъ жестомъ могла послѣдовать цѣлая диссертація о правилахъ, длинная ода со всѣми реторическими фигурами и въ самомъ «высокомъ штилѣ».

Естественно, Мерзляковъ еще при жизни, отъ своихъ же учениковъ, услышалъ вполнѣ справедливый судъ, чрезвычайно скромный по формѣ, но уничтожающій по существу.

Одинъ изъ представителей молодого поколѣнія задумалъ высказать нѣсколько соображеній по поводу сочиненія Мерзлякова *О началѣ и духѣ древней трагедіи*. Критикъ приступилъ къ своей задачѣ съ совершеннымъ уваженіемъ къ профессору, но уваженіе не помѣшало автору попасть не въ бровь, а въ глазъ заслуженному словеснику.

У Мерзлякова оказывались только «искры чувствъ», «разбросанныя понятія о поэзіи, часто облеченныя прелестью живописнаго слова, но не связанныя между собою, не озаренныя общимъ взглядомъ и перебитыя явными противорѣчіями».

Указывался и еще болѣе существенный недостатокъ, столь же

неожиданный, какъ и сдѣлки профессора-поэта съ піитиками. Исторія происхожденія искусствъ у него «забавныя сказочки», нѣтъ представленія о «постепенности существеннаго развитія искусствъ». Это значило—нѣтъ историческаго метода, т. е. основного условія научности и вѣрности литературныхъ сужденій. А между тѣмъ, могли же мы отмѣтить вполнѣ *историческую* оцѣнку дѣятельности Тредьяковскаго!..

Но и она пронеслась «искрой»...

Критикомъ Мерзлякова явился очень молодой, двадцатилѣтній юноша. Мы съ нимъ встрѣтимся, какъ съ однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей философскаго поколѣнія и въ то же время питомцемъ внѣуниверситетскаго разсадника знанія и идей. Отсюда, мы видимъ, поднималась неизбѣжная война противъ оффиціальной академической науки, неспособной, очевидно, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ стать съ вѣкомъ наравнѣ и покончить съ обветшалыми уставами своего цеха.

Мы называемъ благопріятными условіями даровитость Мерзлякова и его прирожденное стремленіе къ критически независимой, художественно-чуткой мысли.

Только въ исключительныхъ случаяхъ ученая степень и профессура могли соединиться съ поэтическимъ талантомъ, и это соединеніе не повело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Мы только-что видѣли отзывъ *критика* изъ круга современной молодежи, еще рѣзче приговоръ *поэта*, первостепеннаго художника, болѣе всего заинтересованнаго въ вопросѣ.

Пушкинъ не согласенъ признать никакихъ заслугъ за критикой Мерзлякова, даже упадокъ славы Хераскова онъ считаетъ независящимъ отъ мерзляковскихъ лекцій. Общее мнѣніе Пушкина о профессорѣ самое отчаянное: «добрый пьяница, но ужасный невѣжда» [48]).

Послѣднее сужденіе, въ сущности, имѣлъ въ виду и критикъ, обличавшій ученаго въ забавныхъ сказочкахъ.

Но Пушкинъ распространилъ свой взглядъ и не пощадилъ вообще университета. Для него это царство «предразсудковъ и вандализма».

И у поэта есть подлинныя данныя изрекать такой приговоръ. Онъ называетъ еще одно профессорское имя съ не менѣе безпощадными эпитетами: «Качеповскій тупъ и скученъ».

---

[48]) Письмо къ А. Бестужеву. 21 марта 1825 г. Письмо къ Плѣтневу 26 марта 1831 г.

Устами поэта, несомнѣнно, говорили гнѣвъ и страсть: Каченовскій досадилъ Пушкину многообразными путями, и лично, и особенно при посредствѣ своего соратника—Надеждина.

Но какъ бы мы ни смягчали форму пушкинскихъ опредѣленій, смыслъ останется непоколебимъ и исторически-справедливъ. Именно въ лицѣ Каченовскаго профессорская «наука» выступала съ самымъ громоздкимъ арсеналомъ противъ жизни и поэзіи, противъ насущнѣйшихъ стремленій молодыхъ поколѣній и настоятельнѣйшихъ фактовъ новой литературы.

XXIII.

Литературная дѣятельность Каченовскаго неразрывно связана съ *Вѣстникомъ Европы*. Послѣ Карамзина журналъ этотъ сталъ университетскимъ по сотрудничеству профессоровъ и ихъ ближайшихъ учениковъ. Каченовскій, ставшій во главѣ журнала съ 1805 года, старался придать ему ученый и вполнѣ джентльмэнскій характеръ. Онъ обѣщалъ читателямъ не помѣщать пасквилей, не нападать на личности и давать только серьезный и вполнѣ литературный матеріалъ.

По части учености обѣщанія были выполнены. Редакторъ, спеціалистъ въ русской исторіи, давалъ много оригинальныхъ и переводныхъ статей историческихъ, филологическихъ и даже философскихъ.

Далеко не всѣ статьи отличались одинаковыми достоинствами. Каченовскій въ изученіи источниковъ русской исторіи проявлялъ большую критическую проницательность и отважный скептицизмъ. Гончаровъ, слушавшій его лекціи въ тридцатыхъ годахъ, такъ передаетъ свои впечатлѣнія:

«Когда онъ касался спорнаго въ исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ и глаза блистали сквозь очки, а въ голосѣ слышался задоръ редактора *Вѣстника Европы*. Онъ мысленно видѣлъ предъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. И всю исторію такъ читалъ, точно смотрѣлъ въ нее глубоко, какъ въ бездну, сквозь свои критическіе очки».

Несомнѣнно, анализъ и скептицизмъ приносили большую пользу слушателямъ Каченовскаго. Профессоръ, между прочимъ, дерзнулъ поднять руку и на Карамзина, подвергъ строгой критикѣ предисловіе къ *Исторіи Государства Россійскаго*. Еще плодотворнѣе могъ быть ученый анализъ касательно лѣтописныхъ легендъ.

Но отвага и скептицизмъ Каченовскаго имѣли предѣлы, весьма замѣчательные для личной характеристики ученаго.

Прежде всего, Каченовскій рѣшительно не отличался нравственнымъ мужествомъ, этимъ основнымъ условіемъ мощныхъ вліяній скептицизма и критики. Когда на него напали сильные люди за отзывы о Карамзинѣ, онъ окончательно растерялся и больше не хотѣлъ и слышать о критикѣ на историографа. Потомъ, вообще литературную критику ученый редакторъ считалъ дѣломъ второстепеннымъ въ журналѣ и не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о животрепещущемъ нервѣ журналистики своего времени. Наконецъ, благонамѣренность скептическаго историка доходила до умилительно-услужливой защиты благодѣтельныхъ вліяній цензуры на литературу. Защита звучала очень внушительно, такъ какъ авторъ ссылался на французскую революцію.

Въ устахъ журналиста эта рѣчь являлась довольно неожиданной, особенно при старыхъ цензурныхъ порядкахъ.

Но еще важнѣе отношеніе Каченовскаго къ современнымъ направленіямъ мысли и литературы.

Гончаровъ замѣчаетъ, что Каченовскій—скептикъ «кажется, во всемъ». Догадка довольно удачная. Ученый дѣйствительно проявилъ свой неумолимый скептицизмъ въ области искусства и философіи, но только не на счетъ прошлаго и отжившаго, а какъ разъ противъ всего новаго и свѣжаго.

Конечно, и здѣсь сомнѣніе подчасъ оказывалось цѣлесообразнымъ, и мы указывали раньше на удачную отповѣдь *Вѣстника Европы* неразумнымъ выученикамъ карамзинской чувствительности. Но чаще всего скептицизмъ Каченовскаго билъ мимо цѣли и обличалъ въ ученомъ профессорѣ изумительную ограниченность пониманія современности и удручающую притупленность художественнаго вкуса.

Никто изъ ученыхъ педантовъ не доставлялъ такихъ благодарныхъ темъ для всякаго рода издѣвательствъ, какъ редакторъ *Вѣстника Европы*. Поэты, съ Пушкинымъ во главѣ, осыпали его эпиграммами и посланіями, и нѣкоторыя выраженія этихъ эпиграммъ, въ родѣ «во тьмѣ, въ пыли, въ презрѣньѣ посѣдѣлый», невольно припоминаются по поводу многочисленныхъ вылазокъ журнала Каченовскаго въ современную словесность.

Прежде всего, любопытенъ вопросъ касательно философіи. Каченовскій и въ университетѣ, и въ литературѣ жилъ и дѣйствовалъ среди философовъ, не всегда послѣдовательныхъ и устойчивыхъ, но, во всякомъ случаѣ, тронутыхъ господствующими теченіями. Были и равнодушные, въ родѣ Мерзлякова, не подавшаго голоса ни за, ни противъ новыхъ увлеченій. И умолчаніе въ духѣ этого

профессора, покладливаго, противорѣчиваго и далеко не всегда увѣреннаго въ своихъ собственныхъ убѣжденіяхъ.

Другое дѣло Каченовскій. Онъ заговорилъ громко и авторитетно, и какъ заговорилъ!

Пушкинъ негодовалъ на «пасквилей томительную тупость» въ *Вѣстникѣ Европы*; философы имѣли всѣ основанія еще выше поднять негодующій тонъ.

Каченовскій неоднократно пытался побить камнями нѣмецкую философію и дѣлалъ это въ чрезвычайно грубой, отнюдь не научной формѣ. Мы знаемъ отзывъ о Шеллингѣ: иного наименованія, кромѣ «галиматьи», шеллингіанство въ глазахъ русскаго профессора не заслуживало.

Этого взгляда *Вѣстникъ Европы* держался неуклонно до самой своей кончины, въ 1830 году. Каченовскій, наканунѣ прощанія съ своей публикой, продолжалъ недоумѣвать: «И чего ради, смѣемъ спросить, изъ германскихъ головъ этотъ весь товаръ, состоящій изъ невразумительныхъ или затѣйливыхъ диковинокъ, желаютъ нагрузить въ головы русскія?»

Любопытно, что профессоръ ограничивался только оригинальными примѣчаніями скептическаго направленія, самыя статьи о философіи переводились съ иностранныхъ языковъ.

Легко представить, на какомъ уровнѣ стояли философскія воззрѣнія Каченовскаго, если даже Давыдовъ счелъ необходимымъ почерпнуть кое-что изъ шеллингіанства и даже навлекъ на себя начальственное неудовольствіе за германскую «галиматью».

Совершенно такого же достоинства и чисто литературныя идеи Каченовскаго. Онъ оставался неизмѣннымъ защитникомъ классицизма. Здѣсь, очевидно, не хватило у него ни критики, ни простой разсудительной вдумчивости. Для профессора классическая піитика пребывала сокровищницей «правилъ здраваго смысла» и «Викторъ Гугонъ» на его взглядъ былъ однимъ только и замѣчателенъ—«уклоненіемъ отъ подчиненности» этимъ правиламъ.

При такихъ условіяхъ *Вѣстникъ Европы* превратился въ пріютъ всяческаго литературнаго старовѣрія. Мерзляковъ охотно помѣщалъ здѣсь свои статьи, съ профессоромъ дѣятельно конкурировали разные «жители Бутырской слободы», старавшіеся поражать ненавистныя новшества стилемъ болѣе легкимъ и современнымъ.

Одна изъ жертвъ—поэма Пушкина *Руслань и Людмила* герой—«житель Бутырской слободы», его впослѣдствіи смѣнитъ житель Патріаршихъ прудовъ и, не смотря на значительное разстояніе между этими московскими урочищами, оба критика окажутся самыми близкими сосѣдями по духу и таланту.

«Житель» громилъ Пушкина во имя «нашихъ стариковъ», между прочимъ, Сумарокова и Петрова, находилъ иронически «очаровательную дикость» въ современной поэзіи и совершенно утрачивалъ терпѣніе при одной мысли о Пушкинской поэмѣ. Критика она особенно возмущала своимъ не аристократическимъ содержаніемъ. Она—подражаніе *Еруслану Лазаревичу*!.. «Житель», сдѣлавъ нѣсколько цитатъ, обращается къ публикѣ:

«Позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: *здорово*, *ребята!* Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы такія шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Dixi».

Бутырскій житель вызвалъ достойную головомойку у современныхъ же читателей. *Сынъ Отечества*, направляемый Гречемъ, высмѣялъ старческое брюзжаніе московскаго журнала и довольно искусно побилъ его его же авторитетами—древними и новыми классиками—по части свободы въ эпизодахъ и стилѣ пушкинской поэмы.

Но *Вѣстникъ Европы* твердо держался своей линіи. Бутырскій житель отвѣчалъ обширной антикритикой.

Подробности этой полемики даже въ свое время не представляли насущнаго интереса для читателей. Поэтическое произведеніе по существу играло совершенно второстепенную роль въ журнальной перепалкѣ. Споръ шелъ на архивную, только отчасти преобразованную тему—о *старомъ* и *новомъ*. И *Вѣстникъ Европы* упорно отстаивалъ преданья старины глубокой.

Но, очевидно, упорство на подобномъ пути само по себѣ преизобильно всевозможными неожиданностями и противорѣчіями. Волны ненавистной, но сильной жизни поминутно врывались въ кабинетъ ученаго и подчасъ производили здѣсь удивительный безпорядокъ.

Каченовскому съ своимъ журналомъ приходилось попадать въ положеніе своего именитаго сотрудника—Мерзлякова. На сравнительно краткихъ промежуткахъ читатели могли узнавать вещи, трудно примиримыя и прямо невозможныя при сколько-нибудь убѣжденномъ редактированіи журнала.

Въ 1820 году уничтоженъ *Русланъ и Людмила* и, конечно, авторъ поэмы, а менѣе трехъ лѣтъ спустя *Вѣстникъ Европы* на-

печаталъ статью Погодина о *Кавказскомъ плѣнникѣ*—«прелестномъ цвѣтникѣ на Русскомъ Парнассѣ». Не только столь лестно именовалась новая поэма, но и о прежней говорилось, какъ о благопріятномъ предзнаменованіи для будущаго развитія пушкинскаго таланта [49]). Пушкинъ титуловался «любезный поэтъ нашъ» и ему посылались самыя сердечныя напутствія на дальнѣйшіе успѣхи.

Но даже и болѣе яркіе проблески терпимости и отзывчивости не могли бы освѣтить въ общемъ сѣрую и пыльную физіономію профессорскаго журнала. Непослѣдовательность могла только вызывать у людей заинтересованныхъ лишнюю горечь раздраженія.

XXIV.

Сотрудникомъ *Вѣстника Европы* одно время состоялъ кн. Вяземскій, какъ поэтъ и какъ критикъ. Послѣдній разъ его имя въ журналѣ встрѣчается въ 1817 году, и скоро другъ Пушкина дѣятельно начинаетъ преслѣдовать Каченовскаго посланіями и эпиграммами.

Причина разлада ясна изъ статьи князя о *Кавказскомъ плѣнникѣ*, напечатанной въ *Сынѣ Отечества* [50]).

Статья любопытна во многихъ отношеніяхъ. Собственно переходы кн. Вяземскаго изъ одного журнала въ другой не имѣютъ большого значенія для судебъ русской критики. Но разрывъ съ *Вѣстникомъ Европы* знаменовалъ появленіе новой литературной школы, точнѣе, новаго эстетическаго понятія, *романтизма*.

Это понятіе не имѣло въ русской критикѣ и малой доли того значенія, какое оставалось за нимъ на Западѣ въ теченіе всей половины XIX вѣка. Мы указывали на чисто-внѣшній характеръ романтическихъ увлеченій русской журналистики. Въ Россіи не было культурной и національной почвы для романтическаго творчества въ его подлинномъ историческо-литературномъ смыслѣ.

Интересъ къ романтическому направленію поэзіи проникъ въ русскую критику одновременно съ «германическимъ духомъ», т. е. съ переводами Жуковскаго, особенно съ произведеніями Байрона. Въ то время, когда философію пересаживали на русскую почву профессора и вообще ученые, новое искусство нашло первыхъ воспріемниковъ среди поэтовъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ самой сущности предметовъ, но оба теченія, философское и художественное, на родинѣ имѣли общій источникъ. Мы видѣли тѣснѣйшую связь

---

[49]) *В. Евр.* 1823, ч. 128, № 1.

[50]) *Къ портрету Жуковскаго. В. Евр.* ч. 91, № 4, стр. 246, подпись К. В.

между романтизмомъ и идеями Фихте, особенно Шеллинга. Должны были сойтись оба теченія и въ русской литературѣ. Критика, если только она желала остаться на высотѣ современнаго искусства, неминуемо становилась одновременно философской и романтической.

Новая школа ничего другого не могла означать, какъ философское преобразованіе содержанія поэзіи и романтическая переработка формы. Съ одной стороны, *идейность*, невѣдомая старой классической литературѣ, съ другой — упраздненіе школьныхъ піитическихъ жанровъ и созданіе новыхъ.

Естественно, сторонники философіи непремѣнно выступали энергическими защитниками романтизма, и наоборотъ, ненавистники «нѣмецкой галиматьи» осуждали себя на неуклонное обереганіе обветшалыхъ святынь классическаго Парнасса.

Разрывъ кн. Вяземскаго съ Каченовскимъ впервые освѣтилъ этотъ фактъ и положилъ начало продолжительной войнѣ двухъ идейныхъ и художественныхъ міросозерцаній.

Борьба вызвала много шуму и подчасъ страстнаго азарта, но ни по смыслу, ни по результатамъ, и представила очень мало поучительнаго и плодотворнаго и въ критикѣ, и въ искусствѣ.

Мы знаемъ, какъ Пушкинъ разрѣшилъ вопросъ о романтизмѣ. Долго и безплодно отыскивая теоретическое опредѣленіе школы, онъ по внушенію своего творческаго генія покончилъ съ поисками созданіемъ національнаго русскаго реализма. Это и было единственнымъ производительнымъ рѣшеніемъ вопроса—одинаково и для критиковъ, и для художниковъ.

Но то, что́ непосредственно давалось великому таланту и глубокому художественному чутью Пушкина, другимъ являлось въ смутной, почти недоступной дали, и авторъ *Евгенія Онѣгина* опередилъ критиковъ и публицистовъ, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать лѣтъ своей проповѣдью будничности и реализма поэтическихъ задачъ.

Въ результатѣ послѣдовала жестокая борьба *теоретиковъ* романтизма съ величайшимъ *практикомъ* современнаго искусства. Борьба по существу выходила сплошнымъ недоразумѣніемъ, свидѣтельствовала о возрожденіи эстетическаго отвлеченнаго деспотизма только на другихъ основахъ, враждебныхъ классикамъ, но столь же нетерпимыхъ и противо-художественныхъ.

Критики романтическаго направленія образовали свою академію въ университетской наукѣ и въ печати, оградили себя формулами и правилами и будто изъ засады принялись громить современную поэзію, не стоявшую на высотѣ теоретически-выработанной *идей-*

ности смысла и наивно-превознесенной романтической *силы творчества.*

Очевидно, романтизмъ долженъ былъ внести въ критику такой же разладъ, какой былъ созданъ и философіей.

Мы видѣли, ученые философы, при лучшихъ намѣреніяхъ, не могли оказать непосредственныхъ вліяній на художественную литературу, съ самаго начала воспарили на такія недосягаемыя вершины созерцанія, что всякая дѣйствительность предъ созерцателемъ превращалась въ ничто, безслѣдно пропадала на неограниченномъ горизонтѣ его орлинаго взгляда.

То же самое произошло и съ не менѣе учеными романтиками. Они съ высоты каѳедръ взяли столь же выспренній тонъ и поддались такому же неудержимому полету въ эфирныя высоты идеальнаго искусства, и между ихъ фантазіей и дѣйствительностью легла роковая пропасть. Они, толкуя о романтизмѣ, о вдохновеніи, о поэтической свободѣ, о творческой геніальности, являлись столь же практически-безплодными резонерами, какъ и самые отвлеченные метафизики и схоластики.

Въ результатѣ, философія и романтизмъ могли стать дѣйствительно жизненными силами только при одномъ условіи: если они окончательно освободились отъ школьнаго педантизма и отрѣшеннаго теоретическаго священнодѣйствія, если философія переставала быть схоластической игрой въ формулы, опредѣленія и умозаключенія, а романтизмъ—новымъ виномъ для старыхъ мѣховъ, т. е. новымъ матеріаломъ для эстетическихъ рубрикъ и начальническихъ экзекуцій со стороны парнасскихъ стражей въ «преобразованныхъ» мундирахъ.

Это условіе вполнѣ осуществилось и въ философіи, и въ эстетикѣ. Рядомъ съ университетомъ и оффиціальными учителями философіи возникли и быстро разрослись общества свободнаго *любомудрія*, рядомъ съ профессорами-журналистами дѣятельно работала молодежь, безпрестанно вступая въ жестокія схватки съ старшимъ поколѣніемъ. Критическая работа долго продолжаетъ идти двумя путями. Они по существу отнюдь не враждебны другъ другу, знамена у того и другого лагеря носятъ одни и тѣ же девизы: философія и романтизмъ. Но разница въ приложеніи этихъ девизовъ къ жизни, въ практическомъ истолкованіи основныхъ принциповъ.

Разница обнаружилась очень рано по всѣмъ направленіямъ—и философскому, и литературному. *Вѣстникъ Европы* Каченовскаго явился любопытнѣйшей сценой перваго столкновенія. Журналъ

терялъ сотрудничество кн. Вяземскаго и пріобрѣталъ новаго критика въ лицѣ *Надеждина*.

Почему же одинъ могъ подвизаться на страницахъ профессорскаго органа съ чрезвычайной свободой, а другой—объявилъ безпощадную войну своему бывшему редактору?

Вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ настоятельный.

Князю Вяземскому, послѣ разлуки съ Каченовскимъ, вздумалось привѣтствовать *Кавказскаго пѣѣника*. И онъ сдѣлалъ это въ *Сынѣ Отечества*, но могъ бы сдѣлать и въ *Вѣстникѣ Европы:* здѣсь, мы видѣли, Погодинъ напечаталъ не менѣе лестную статью о пушкинской поэмѣ.

Дальше, въ статьѣ кн. Вяземскій выступилъ на защиту «поэзіи романтической», и писалъ слѣдующее:

«На страхъ оскорбить присяжныхъ приверженцевъ старой Парнасской династіи, рѣшились мы употребить названіе, еще для многихъ у насъ дикое и почитаемое за хищническое и беззаконное. Мы согласны: отвергайте названіе, но признайте существованіе. Нельзя не почесть за непоколебимую истину, что и литература, какъ и все человѣческое, подвержена измѣненіямъ; они многимъ изъ насъ могутъ быть не по сердцу, но отрицать ихъ невозможно или безразсудно. И нынѣ, кажется, настала эпоха подобнаго преобразованія» [51]).

Тѣ же истины, неизбѣжнаго паденія классицизма, будетъ доказывать и критикъ *Вѣстника Европы*, и между тѣмъ именно онъ вызоветъ неумолимое ожесточеніе у поэтовъ и публицистовъ, безусловныхъ романтиковъ. Даже пушкинскія эпиграммы на Каченовскаго побѣднѣютъ предъ нападками на его сотрудника, Надеждина—фигура, одинаково ненавистная и поэту Пушкину, и журналисту Полевому, хотя журналистъ далеко не поклонникъ поэта, напротивъ: Полевой даже нерѣдко совпадаетъ въ своихъ сужденіяхъ съ приговорами Надеждина. Но какъ бы далеко ни шло единодушіе и какъ бы по временамъ ни обострялись отношенія Полевого къ Пушкину, критикъ журнала Каченовскаго не встрѣтитъ ни снисхожденія, ни простого признанія ученыхъ или литературныхъ заслугъ даже въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ.

Фактъ тѣмъ краснорѣчивѣе, что Надеждинъ—даровитѣйшій и дѣятельнѣйшій представитель ученой критики. Мерзлякова онъ превосходилъ знакомствомъ съ философіей, Каченовскаго—литературной талантливостью. У него не было художественной струи,

---

[51]) *Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго.* Изд. гр. Шереметева. Спб., 1878. I, 73.

таившейся въ природѣ Мерзлякова, никакимъ поэтическимъ дарованіемъ Надеждинъ не обладалъ, но онъ зато и не прозябалъ въ неисправимомъ компиляторствѣ и кабинетной лѣни.

Германская философія, повидимому, даже ни на мгновеніе не смутила спокойствія Мерзлякова, профессоръ если и видѣлъ чужія увлеченія ею, то совершенно просмотрѣлъ ихъ смыслъ.

Съ Надеждинымъ не могло этого случиться. Онъ *учился* философіи, еще и не разсчитывая на профессорскую каѳедру, и мы знаемъ, съ какимъ приподнятымъ чувствомъ онъ передавалъ свои воспоминанія о старыхъ учителяхъ философіи.

Это чувство ставило Надеждина на значительную высоту сравнительно съ его товарищами-профессорами, возвышало его и надъ петербургскими шеллингіанцами, потому что у молодого ученаго очень рано обнаружились живыя публицистическія наклонности. Онъ не могъ молчать, подобно Велланскому, и съ презрѣніемъ говорить о большой публикѣ, подобно Галичу. И если соединеніе поэтическаго таланта съ ученостью ставило Мерзлякова въ особенно благопріятныя условія относительно критической дѣятельности, не менѣе благопріятно сложились условія и для Надеждина, можетъ быть, даже еще благопріятнѣе. Во всякомъ случаѣ, способности журналиста не менѣе важны для критика, чѣмъ талантъ поэта, и Надеждинъ явился очень раннимъ и очень рѣдкимъ примѣромъ ученаго-публициста. Всякому ясно, сколько можно было извлечь цѣннаго матеріала изъ науки для общественной мысли и какимъ свѣтомъ—озарить науку во имя широкаго просвѣщенія!

Что же въ дѣйствительности извлекъ Надеждинъ изъ своихъ талантовъ?

XXV.

Когда мы въ настоящее время читаемъ статьи Надеждина, насъ неотвязно преслѣдуетъ одно и то же впечатлѣніе: какія мучительныя усилія долженъ былъ употреблять этотъ человѣкъ, чтобы сочинять цѣлыя страницы непремѣнно сверхъестественнаго краснорѣчія! А если все это давалось автору легко, какъ мало тогда въ немъ жило чувство мѣры и настоящей красоты и правды!

Это какой-то фанатизмъ риторства, длящееся изступленіе въ погонѣ за прекрасословіемъ, нервная лихорадка при одной мысли вдругъ не проявить «стиля» и написать, какъ пишутъ и говорятъ обыкновенные люди. Это было бы посрамленіемъ достоинства ученаго и философа!

Къ чему ведетъ такая стремительность, мы отчасти знаемъ на примѣрѣ Карамзина. Краснорѣчіе можетъ не только затемнять

смыслъ рѣчи, но даже извращать факты, создавать небывалое въ дѣйствительности и перетолковывать простѣйшія данныя. Мы увидимъ, какую богатую поживу въ этомъ направленіи представилъ исторіографъ своимъ критикамъ.

То же самое съ Надеждинымъ.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ его докторской диссертаціи: они совершенно опредѣленно познакомятъ насъ съ литературной и ученой личностью критика. Идеи его мы пока оставимъ: намъ нуженъ психологическій процессъ, какимъ создавались идеи и форма, въ какой появлялись предъ публикой.

Прежде всего, важнѣйшій вопросъ объ *изящномъ* и объ осуществленіи его въ произведеніяхъ искусства. Профессоръ разсуждаетъ:

«Единое вѣчное и безпредѣльное *изящество* само по себѣ недоступно ни для какого сотвореннаго ока. Оно дозволяетъ только лобызать край ризъ своихъ благоговѣйному чувству въ явленіяхъ, образующихъ величественное царство *природы* или таинственное святилище *духа* человѣческаго».

Не менѣе краснорѣчивое изображеніе античнаго міросозерцанія.

«Въ *древнемъ* мірѣ, преизбыточествующій внутреннею полнотою духъ, проторгаясь внѣ себя, естественно долженъ былъ срѣтать безпредѣльный океанъ бытія, коего неукращенныя волны колыхались, вздымаемыя внутреннею непостижимою силою, не вступавшею еще ни въ содружество, ни въ борьбу ни съ какимъ чуждымъ могуществомъ. Это было невѣдомое море, коего безбрежнаго хребта не разсѣкало еще ни одно дерзновенное кормило, въ коего прозрачныхъ струяхъ не рисовался еще ни одинъ строптивый парусъ, напряженный человѣческой рукою. И чѣмъ слѣдовательно могло быть препинаемо или развлекаемо созерцаніе сего величественнаго океана вещественной жизни, коего безбрежный кристаллъ оцвѣтлялся только однимъ чистымъ отраженіемъ свѣтлой лазури небесъ, съ нимъ сливавшихся?» [52]).

Одновременно съ этой статьей въ *Вѣстникѣ Европы* появился также отрывокъ изъ диссертаціи. Книга была написана на латинскомъ языкѣ, называлась *De origine, natura et fatis poeseos quae romantica audit*, и для двухъ московскихъ журналовъ, авторъ перевелъ нѣсколько главъ.

Отрывокъ въ журналѣ Каченовскаго не такъ философиченъ и глубокомысленъ, какъ въ *Атенеѣ*. Профессоръ Павловъ, шеллин-

---

[52]) Различіе между пластическою и романтическою поэзіею, объясняемое изъ ихъ происхожденія. *Атеней*. 1830, январь, стр. 6, 9, 10.

гіанецъ, редактировалъ *Атеней* и, вѣроятно, соблазнился выспреннимъ полетомъ ученаго. Но и въ другой статьѣ Надеждинъ остается на высотѣ призванія.

Напримѣръ, онъ преподаетъ намъ такое поученіе на счетъ благоразумія и умѣренности чувствъ и настроеній:

«Гражданину *настоящаго міра* не слѣдуетъ сія неумѣренная расточительность внѣшней жизни, по силѣ коей все *классическое* бытіе рода человѣческаго было не что иное, какъ веселое пированіе въ роскошномъ лонѣ природы; но, съ другой стороны, онъ не долженъ позволять себѣ и того бурнаго кипѣнія жизни внутренней, коимъ называемый духъ *Романтическаго* міра необузданно скитался по распутіямъ мечтаній и призраковъ» [53]).

Кромѣ такихъ лирическихъ «безпорядковъ», каждая страница у Надеждина пестритъ изумительно замысловатыми выраженіями и словами: «заклеймить себѣ въ собственность», «созвать всеобщее вниманіе», «завидливое черножелчіе», «зажиточное воображеніе».

Три года спустя Надеждину пришлось говорить рѣчь въ торжественномъ собраніи университета на тему той же диссертаціи *О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ*. Реторическій зудъ будто нѣсколько убавился или ораторъ постарался приноровиться къ аудиторіи, но и здѣсь встрѣчаются рѣдкостнѣйшіе перлы своеобразнаго витійства, всевозможныя фигуры переполняютъ рѣчь и намъ подчасъ становится жаль самоотверженно усердствующаго оратора. Тѣмъ болѣе жаль, что могло быть слишкомъ мало цѣнителей подобнаго усердія и среди современниковъ, и среди потомства.

Профессоръ наносилъ явный ущербъ словесности, сообщая своему стилю холодный, жеманный пафосъ, во времена Пушкина создавая своего рода классическій этикетъ формы, до такой степени странный и даже противоестественный въ новой литературѣ, что именно риторство Надеждина особенно вредило содержанію его лекцій и статей.

Отъ этого содержанія нельзя было ожидать особенной поучительности и свѣтлыхъ взглядовъ. Вся научная подготовка Надеждина такого сорта, что для дѣйствительно поучительной и *двигающей* профессорской дѣятельности требовалась исключительная *жизненная* талантливость самой натуры,—тонкая, воспріимчивая, художественно-богатая. Ею не обладалъ профессоръ, и въ результатѣ на университетской каѳедрѣ и въ журналистикѣ явился но-

---

[53]) *О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи. В. Евр.*, 1830, янв., 16.

вый дѣятель въ общемъ стараго типа, лишній тормазъ для русскаго творчества со стороны схоластики, для русской критики со стороны притязательной, нетерпимой учености.

Это не значитъ, будто у краснорѣчиваго словесника совсѣмъ не было ни одной положительно полезной мысли и онъ въ теченіе всей своей жизни не сказалъ ни единаго прочнаго слова. Нѣтъ. Такой сплошной мракъ просто исторически-немыслимъ въ философскую эпоху. Надеждинъ, какъ и всѣ, стоялъ у источника великихъ идей, и было бы странно, если бы ни одной капли живой воды не попало въ мутныя волны профессорскихъ диссертацій. Этого, конечно, не случилось, и Надеждинъ волей-неволей заимствовалъ не мало хорошихъ мыслей не у опредѣленныхъ учителей, а просто, можно сказать, изъ окружающаго воздуха.

Этимъ хорошимъ профессоръ обязанъ исключительно своему времени, все отсталое, педантически нетерпимое, всѣ недоразумѣнія и сознательная борьба съ лучшими явленіями современной литературы лежатъ на личной совѣсти ученаго.

Его талантъ журналиста только еще рѣзче подчеркнулъ его грѣхи и будто безповоротно украсилъ врата университетскаго храма науки въ философскій періодъ надписью: *Оставь надежду...*

Мы тщательно выдѣлимъ изъ трудовъ нашего ученаго все, что могло быть сохранено его младшими современниками, и въ чемъ на первый взглядъ можно видѣть его *учительство* въ литературной критикѣ.

Это учительство съ давнихъ поръ ставится на совершенно незаслуженную высоту, съ нимъ неразрывно связывается умственное развитіе и критическая дѣятельность Бѣлинскаго.

Такъ вопросъ представляется ближайшимъ современникамъ и профессора, и его ученика. Въ статьѣ одного изъ товарищей Бѣлинскаго съ полной увѣренностью высказана мысль, совершенно достаточная для увѣнчанія ума и таланта Надеждина при какихъ бы то ни было недостаткахъ.

Авторъ статьи отлично зналъ Бѣлинскаго, жилъ даже съ нимъ въ одномъ нумерѣ студенческаго общежитія, слушалъ лекціи Надеждина и могъ оцѣнить первыя статьи будущаго знаменитаго критика. Всѣ данныя, повидимому, для вполнѣ компетентнаго рѣшенія вопроса о взаимныхъ идейныхъ отношеніяхъ профессора и студента.

Но историкамъ извѣстно, до какой степени очевидцы оказываются близорукими какъ разъ для распознаванія ближайшихъ къ нимъ явленій. Безчисленное число разъ приходится вносить поправки даже въ фактическія сообщенія свидѣтелей и только въ рѣдкихъ случаяхъ полагаться на ихъ мнѣнія и приговоры.

Какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ нравственномъ требуется извѣстное разстояніе между наблюдателемъ и предметомъ, чтобы отчетливо разсмотрѣть и общее, и подробности. Въ вопросахъ нравственныхъ задача усложняется, помимо излишней близости предмета, обиліемъ и напряженностью впечатлѣній и чувствъ въ ущербъ анализу и спокойствію. Въ нашемъ случаѣ товарищъ Бѣлинскаго, одинъ изъ первыхъ виновниковъ легенды объ учительскихъ вліяніяхъ Надеждина на доровитѣйшаго представителя современной молодежи, особенно легко могъ проглядѣть дѣйствительный смыслъ отношеній. Соученику и товарищу такъ естественно приналечь на благодѣнія общаго учителя—по отношенію именно къ сверстнику А для этой цѣли неизбѣжно приподнимается и прикрашивается значеніе учителя и принижается самостоятельность и оригинальная сила ученика. Онъ—ученикъ—одинъ изъ многочисленныхъ студентовъ, но единственная впослѣдствіи критическая сила!

Какъ это могло случиться?

Вопросъ можно разрѣшить двоякимъ способомъ: прослѣдить духовную связь Бѣлинскаго съ умственными теченіями времени, остановиться внимательно на совершенномъ отчужденіи будущаго критика отъ казенной университетской науки, направить, слѣдовательно, анализъ на личные задатки критической мысли и художественнаго чувства студента-неудачника. Это одинъ путь—сложный и отвѣтственный.

Другой—несравненно проще. Онъ искони призывается на помощь всѣми простодушными психологами и историками, часто даже не вполнѣ сознательно слѣдующими младенческой логикѣ: post hoc, ergo propter hoc.

Особенно эта логика удобна именно при разрѣшеніи вопроса о всевозможныхъ вліяніяхъ. Для утвердительнаго отвѣта достаточно просто нѣсколькихъ механическихъ сопоставленій отдѣльныхъ фактовъ и мыслей. Въ нашемъ случаѣ, напримѣръ, стоитъ взять раннія статьи Бѣлинскаго, если угодно, и позднѣйшія, раскрыть одновременно *Вѣстникъ Европы* и діалоги Никодима Надоумко: часа можно не сидѣть, и набрать не мало параллельныхъ и аналогичныхъ мѣстъ.

А такъ какъ самъ же молодой авторъ ссылался на своего учителя, писалъ, кромѣ того, въ его же журналѣ, заключеніе вполнѣ убѣдительное. Оно выражено въ слѣдующемъ приговорѣ товарища Бѣлинскаго:

«Сочувствуя вполнѣ восторженному удивленію молодого поколѣнія къ плодотворной дѣятельности Бѣлинскаго, я обязанъ сказать, однако, что онъ въ первые годы своей литературной дѣятель-

ности былъ только сознательнымъ органомъ выраженіе идей Надеждина. Какъ редакторъ журнала, Николай Ивановичъ, найдя въ Бѣлинскомъ человѣка, одареннаго эстетическимъ пониманіемъ, вполнѣ способнаго развивать его мысли и излагать ихъ въ изящной формѣ, сообщилъ молодому таланту философско-художественное направленіе для послѣдующей независимой дѣятельности».

Сужденіе въ сущности очень скромное, но оно все-таки превращаетъ Бѣлинскаго-юношу въ компилятора и въ покорнаго воспроизводителя чужихъ уроковъ.

На самомъ дѣлѣ ничего не могло быть, ни по личной натурѣ Бѣлинскаго, ни по содержанію его первой же критической статьи. Впослѣдствіи мы подробно оцѣнимъ это содержаніе и увидимъ, что Надеждину не могли даже и грезиться важнѣйшія идеи молодого критика, именно идеи, оставшіяся съ самаго начала до конца руководящими для Бѣлинскаго и безусловно не вѣдомыя ни Надеждину, ни другимъ университетскимъ словесникамъ.

А какъ легко вообще уличить людей одного и того же поколѣнія въ заимствованіяхъ и подражаніяхъ, показываетъ разсказъ того же товарища Бѣлинскаго. Въ разсказѣ на мѣсто Надеждина будто становится уже самъ разсказчикъ.

Для насъ любопытно, въ сущности, не настроеніе разсказчика, а роль Бѣлинскаго. Она оставалась совершенно одинаковой и по отношенію и къ студенту-товарищу, и къ профессору-редактору.

Бѣлинскій, исключенный изъ университета за неуспѣшность, оказался въ самомъ бѣдственномъ положеніи и ради какого бы то ни было литературнаго заработка принялся переводить романъ Поль-де-Кока.

Разсказчикъ часто навѣщалъ переводчика. «Въ одно изъ этихъ посѣщеній,—повѣствуетъ онъ,—я началъ ему читать свои созерцанія природы, въ которыхъ она разсматривалась, какъ откровеніе творческихъ идей, какъ безпредѣльная пучина зиждительныхъ силъ, вырабатывающихъ изъ вещества художественные образы, и стройными хороводами небесныхъ сферъ возвѣщающихъ гармонію вселенной».

«Не успѣлъ я прочесть нѣсколькихъ страницъ, какъ Бѣлинскій судорожно остановилъ меня:

«— Не читай, пожалуйста,—сказалъ онъ,—у меня у самого носятся въ душѣ подобныя мысли о творчествѣ природы, которымъ я не успѣлъ еще дать формы, и не хочу, чтобы кто-нибудь подумалъ, что я занялъ ихъ у другихъ и выдалъ за свои» [54]).

---

[54]) П. Прозоровъ. *Бѣлинскій и Московскій университетъ въ его время. Библіотека для Чтенія.* 1859, декабрь.

Авторъ разсказа потомъ нашелъ эти мысли въ *Литературныхъ мечтаніяхъ*.

Онѣ, слѣдовательно, никому не принадлежали, какъ исключительная собственность, и были именно тѣмъ богатствомъ, какое Бѣлинскій только и *могъ* заимствовать изъ лекцій Надеждина-шеллингіанца. Кромѣ нихъ, *Литературныя мечтанія* заключали нѣчто другое, не только чуждое профессорской критикѣ «учителя», но прямо уничтожавшее его авторитетъ.

Надеждинъ далъ Бѣлинскому только то, что самъ получилъ отъ германской философіи и что студентъ съ талантомъ и трудолюбіемъ Бѣлинскаго въ эпоху тридцатыхъ годовъ могъ найти во множествѣ другихъ источниковъ, несравненно болѣе свѣтлыхъ, чѣмъ статьи Надеждина.

Мы съ ними познакомимся впослѣдствіи, а пока снова обратимся къ наукѣ и критикѣ профессора.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУ́РЯ.

Утихнетъ буря; волны снова
Съ уступовъ берега крутого
Въ морскія хлынутъ глубины.
Напрасенъ будетъ бой жестокій —
Не смыть волнамъ скалы высокой,
Оплота вѣрнаго страны!

Но гдѣ естественный, свободный
Разливъ плотиной прегражденъ,
Въ грозу отъ бури массы водной
Тамъ нѣтъ надежныхъ оборонъ;—
Тамъ, все губя и разрушая,
Пройдетъ стихія роковая!

Н. Л.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

РАЗСКАЗЪ.

Ее звали Анной Васильевной.

— Вонъ Анна Васильевна идетъ,—говорили, бывало, завидя еще издали старушку небольшого роста, которая или выходитъ изъ церкви, или пробирается въ церковь, или такъ идетъ по одной изъ улицъ нашего города.

Ее замѣчали всѣ, потому что Анна Васильевна была старушка примѣтная—ходила бодро, съ достоинствомъ, держа высоко свою миніатюрную головку съ морщинистымъ личикомъ, ну, и одѣвалась она чистенько и носила все черное.

— Кто она?—спросятъ, бывало, о ней.

— Кто она? Анна Васильевна,—отвѣчаютъ коротко, съ удивленіемъ, что вы не знаете, можете не знать, кто такая эта маленькая старушка.

— Да кто же она такая?—продолжается допросъ.

— А Богъ ее знаетъ. Старушка Божія! А кто она такая, развѣ мы знаемъ.

Ее знали всѣ и, можно сказать, ее не зналъ никто, потому что никто рѣшительно ничего не зналъ о ней—когда родилась Анна Васильевна, къ какому кругу, къ какому сословію она принадлежала, какъ жила прежде, не знали даже, какъ живетъ теперь — этимъ никто не интересовался. Всѣ знали, всѣ помнили Анну Васильевну такою, какая она есть.

Впрочемъ, мнѣ какъ-то говорили, что Анна Васильевна прежде была молода—но, Богъ мой!—кто-жъ этого не зналъ? Говорили, что она была красива—можно было вѣрить этому, глядя на тонкія, правильныя черты точно пергаментнаго личика старушки, глядя на эти черненькіе, слезящіеся глазки, которые даже теперь по временамъ какъ бы отражали въ себѣ прежній, давнымъ-давно потухшій огонекъ. Говорили,

наконецъ, что Анна Васильевна принадлежала къ богатому аристократическому роду — замѣтно было, пожалуй, и это, что она не изъ простыхъ, потому что какъ въ манерѣ держать себя, такъ и въ разговорѣ, нѣтъ-нѣтъ, бывало, да что-то и проскользнетъ такое, нѣчто едва уловимое, что, однакожъ, наглядно говоритъ о благовоспитанности и даже о свѣтской дрессировкѣ этой женщины. Но все это были лишь догадки, смутные слухи, наконецъ, просто такія слова, провѣрить достовѣрность которыхъ было положительно невозможно, потому что всѣ свидѣтели, всѣ очевидцы прежней жизни Анны Васильевны давно лежали въ могилахъ, сама же она о себѣ никому не говорила, да и держала себя такъ, что никто никогда не заводилъ съ ней даже рѣчи объ ея прошломъ.

Старушка жила по квартирамъ, занимая у бѣдняковъ то горенку, похожую больше на клѣтку, то уголъ, платя за это какіе-нибудь гроши, а то, бывало, и такъ живетъ за старушичьи услуги. Предлагали не разъ Аннѣ Васильевнѣ идти въ богадѣльню, говорили, что тамъ и мѣсто для нея уже есть, но она отъ такого предложенія постоянно отказывалась, говоря: „Пока руки есть, да ноги ходятъ, въ богадѣльню я не пойду, тамъ и безъ меня нуждающихся много. Да и какая я богадѣльщица? Привыкла я къ свободѣ, ну, да и грѣха боюсь... народъ тамъ всякій—кого осудишь, а на кого и зло будешь, пожалуй, имѣть на душѣ. Нѣтъ, въ богадѣльню я не пойду“,— добавляла она рѣшительно, послѣ чего дальнѣйшіе уговоры разомъ прекращались.

А, впрочемъ, Аннѣ Васильевнѣ, пожалуй, и такія квартиры, какія занимала она, не были нужны—она была постоянно „въ людяхъ“: сегодня — у однихъ, завтра—у другихъ, потомъ идетъ, бывало, къ третьимъ; здѣсь—пьетъ чай, тутъ—обѣдаетъ, у иныхъ даже ночуетъ, или гоститъ по нѣсколько дней. Въ квартирѣ у нея хранилось только ея имущество: старый, помятый самоварчикъ, подаренный ей какой-то благодѣтельницей, послѣ того, когда онъ сталъ уже совсѣмъ не годенъ для собственнаго употребленія, чайникъ съ отбитымъ носикомъ, который былъ очень искусно приклеенъ самой старушкой; какая-то завѣтная, фарфоровая чашка съ давно слинявшей на ней позолотой. Тутъ же находилась, конечно, ея постель, состоявшая изъ жиденькой перинки, двухъ подушекъ и изъ худенькаго, стеганаго одѣяла, да еще стоялъ небольшой сундучекъ, обитый жестью, въ которомъ храни-

лось бѣлье и разный старый хламъ, не имѣвшій никакой цѣнности. Сундучекъ этотъ, несмотря на это, повидимому, былъ очень дорогъ для Анны Васильевны, онъ былъ постоянно запертъ, а ключъ отъ него старушка носила на себѣ, на томъ самомъ снурочкѣ, на которомъ висѣлъ у нея на шеѣ и золотой крестикъ.

Анна Васильевна была олицетвореніемъ доброты, вотъ почему она нигдѣ, никого не стѣсняла, нигдѣ и никогда не была лишней—всѣ были ей рады, всѣ, не исключая даже прислуги, встрѣчали старушку привѣтливо, потому что у нея даже для прислуги находилось любовное, ласковое слово.

Гдѣ и когда я познакомился съ Анной Васильевной—не помню, но зато я помню хорошо первый ея визитъ ко мнѣ. Она зашла ко мнѣ совершенно неожиданно и взошла такъ просто, что приходъ ея нисколько не удивилъ меня, точно посѣщеніе это было уже не первое. Съ этихъ поръ она стала часто навѣщать меня. Приходила старушка обыкновенно утромъ, прямо отъ обѣдни, когда самоваръ не былъ еще убранъ у меня со стола.

— Вотъ и хорошо, значитъ, я къ самому самоварчику поспѣла къ вамъ. Здравствуйте, мой дорогой!—Старушка всегда меня такъ величала.—Богъ милости вамъ прислалъ,—говорила она, здороваясь со мной.

— Въ самое время попали... Садитесь!—приглашаю я.

Анна Васильевна беретъ стулъ, ставитъ его къ столу и садится. Затѣмъ начиналось взаимное разспрашиваніе о здоровьѣ.

— Ничего, слава Богу, еще хожу. Сегодня у Ильи Пророка у обѣдни была...

Церковь Ильи Пророка была далеко, чуть на на противоположномъ краю города.

— Ничего, слава Богу, дошла потихоньку, и вотъ пришла къ вамъ,—говорила старушка, пододвигая къ себѣ налитую чашку.

Сегодня Анна Васильевна была у Ильи Пророка, завтра она пойдетъ ко Вздвиженью—разстоянія не пугали ее, погода не останавливала: въ грязь, въ дождь, въ холодъ, въ мятель, все равно, точно по обѣту, она идетъ къ обѣднѣ и ко всенощной, а въ великій постъ такъ и ко всѣмъ службамъ.

Чай пила старушка медленно, какъ говорится, съ прохладцей: нальетъ на блюдце чаю, оботретъ донышко чашки, поставитъ ее на столъ и сидитъ.

— Что вы не пьете?—спросишь ее.

— Сейчасъ буду пить.

Съ этими словами берется блюдечко въ руку, долго держится такъ, причемъ старушка дуетъ на чай, чтобы охладить его, часто даже тогда, когда чай давно простылъ.

Видимо, Анна Васильевна чай очень любила, самый же процессъ чаепитія доставлялъ ей большое удовольствіе.

— Что новаго?

Старушка отвѣтитъ, бывало, коротко. Она была не изъ разговорчивыхъ, сплетенъ и пересудъ не любила, говорила охотно только о дѣтяхъ.

— Что новаго? У Марьи Ивановны опять дѣтишки больны: въ скарлатинѣ лежатъ... У Кноповыхъ Митя ушибся... Ляличка Мѣшкова чуть-чуть не опрокинула на себя самоваръ...

Всѣ эти новости сообщались Анной Васильевной подробно: какъ, какимъ образомъ ушибся Митя, какъ и какимъ образомъ Ляличка чуть-чуть не опрокинула на себя самоваръ, насколько серьезна болѣзнь дѣтишекъ Марьи Ивановны...

Дѣтей Анна Васильевна очень любила.

— Вамъ бы замужъ слѣдовало выйти, да своихъ народить,—говорили старушкѣ не разъ.

— Богъ не привелъ,—отвѣчала она, или отмалчивалась, какъ-то конфузливо улыбаясь, причемъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось, что улыбка эта носила печать какой-то затаенной грусти.

Ну, и дѣти платили ей взаимностью. Бывало, идетъ старушка по улицѣ, увидитъ ее какой-нибудь мальчуганъ или небольшая дѣвочка, и непремѣнно уже кричитъ: „Здравствуй, бабынька! Здравствуй, бабуся!“ Анна Васильевна остановится, подзоветъ къ себѣ ребенка, обласкаетъ его, поговоритъ съ нимъ по-дѣтски, потомъ откроетъ свой ридикюль, съ которымъ она никогда не разставалась, достанетъ изъ него леденецъ, конфетку или какой-нибудь пряникъ и дастъ его малюткѣ. Въ ридикюлѣ у нея на подобный случай былъ всегда запасъ дешевыхъ лакомствъ, купленныхъ ею на тѣ гроши, какіе она зарабатывала вязаньемъ носковъ, чулковъ, перчатокъ или какого-нибудь шарфа по особому заказу. Случалось и такъ, идетъ она, устанетъ, присядетъ гдѣ-нибудь на крылечкѣ или у воротъ на скамейкѣ, отдохнуть, глядишь, ребятишки ужъ около нея, точно пчелы обсыпятъ старушку, ну, она и сидитъ съ ними, и разговариваетъ, а когда встанетъ идти—поднимутъ шумъ, уговариваютъ посидѣть съ ними еще минутку, а то и силой примутся удерживать ее; смѣшно,

бывало, смотрѣть, какъ они треплютъ старушку, которая только улыбается отъ удовольствія.

— Ну, дѣти, довольно, мнѣ нужно идти,—скажетъ она, наконецъ, серьезно.

Этихъ словъ было достаточно: шутки мгновенно прекращались; ребятишки солидно прощались съ Анной Васильевной, и она шла дальше.

Чай, наконецъ, конченъ, старушка принимается меня благодарить.

— Благодарю васъ, мой дорогой! Такъ напилась, какъ никогда.

Это говорилось каждый разъ, какъ она бывала у меня, хотя бы въ этотъ день она выпила всего одну чашку.

Я начинаю мыть посуду.

— Нѣтъ ужъ, это вы оставьте, я перемою сама и все вамъ приберу.

Посуда перемыта и поставлена на мѣсто.

— Нѣтъ ли еще чего-нибудь подѣлать у васъ, — говоритъ Анна Васильевна, осматривая комнату.

Иногда работа найдется, выражаясь точнѣе, иногда она какую-нибудь работу ужъ себѣ найдетъ, тогда принимается за нее, а нѣтъ—разыскиваетъ свой ридикюль—такъ называла Анна Васильевна большой, вышитый гарусами мѣшокъ, съ ручками; на одной сторонѣ мѣшка была изображена благообразная дѣвица, съ вѣткой сирени въ рукахъ, на другой—букетъ цвѣтовъ. Доставъ изъ мѣшка свою работу, старушка садилась къ окну въ кресло. Тутъ она сидѣла и работала постоянно, когда бывала у меня.

Случалось часто, мы по-долгу сидѣли молча, тогда въ комнатѣ наступала тишина—слышится, бывало, только стукъ вязальныхъ спицъ старушки, которая вяжетъ и все что-то шепчетъ: не знаю, считала ли она петли, или такъ что-нибудь говорила про себя—трудно было рѣшить, потому что при этомъ лицо ея постоянно было невозмутимо спокойно.

— О чемъ это вы все думаете? — спросилъ я какъ-то разъ Анну Васильевну.

— Ни о чемъ. Такъ! О чемъ думать-то мнѣ? — отвѣчала она скороговоркой, поводя какъ-то особенно характерно своими бровями, что выражало у старушки скорѣе смущеніе, чѣмъ досаду или неудовольствіе.

— Чай, прошедшее вспоминаете?—сказалъ я полушутя, думая, нельзя ли будетъ какъ-нибудь отсюда перейти къ раз-

*

говору объ ея прошедшемъ, о которомъ, какъ мнѣ передавали, Анна Васильевна ни съ кѣмъ никогда не говоритъ.

— Нѣтъ. Про-шед-шее!—Легкая усмѣшка какъ бы скользнула по тонкимъ правильнымъ губамъ старушки, скользнула мимолетно и исчезла, лицо Анны Васильевны стало опять спокойнымъ. — Чего прошедшее-то вспоминать?—было оно, было и прошло,—добавила она тихо, точно про себя, не поднимая головы и не отрываясь отъ спицъ.

— Нѣтъ, я думала о Надеждѣ Михайловнѣ, — продолжала старушка послѣ небольшого перерыва,— дѣтишки у нея заболѣли опять... — И начала рѣчь о больныхъ дѣтишкахъ Курсавиной, съ которой и я былъ знакомъ.

Такой переходъ Анна Васильевна сдѣлала нарочно, замѣтно было это по всему,— сдѣлала его лишь для того, чтобы уклониться отъ начатаго мною разговора. Послѣ этого я больше ужъ никогда не заводилъ рѣчь со старушкой объ ея прошедшей жизни.

Прошло около года. Анна Васильевна попрежнему навѣщала меня. Я привыкъ къ ней, да и она, повидимому, полюбила меня—придетъ иной разъ съ утра и сидитъ у меня до поздняго вечера.

Какъ-то разъ заходитъ она ко мнѣ около обѣда, поздоровалась, а потомъ, вмѣсто того, чтобы достать работу и сѣсть на свое мѣсто, къ окошку, сѣла рядомъ со мной на кушетку.

„Что такое?—подумалъ я.—Видно дѣло какое-нибудь у нея есть".

Я не ошибся.

— Я къ вамъ, — начала тихо, съ нѣкоторой робостью, старушка.—Съ просьбой я къ вамъ.

Проговоривъ это, Анна Васильевна пристально посмотрѣла на меня своими добрыми, старческими глазами, какъ бы желая еще разъ провѣрить себя, не ошиблась ли она во мнѣ, можно ли высказать мнѣ свою просьбу.

Результатъ осмотра, видимо, удовлетворилъ ее.

— Деньги у меня есть,—продолжала старушка уже смѣлѣе и снова взглянула на меня.—Небольшія,—пояснила она, замѣтивъ, вѣроятно, на моемъ лицѣ удивленіе, что вдругъ у нея, у „Божьей старушки", живущей чуть не Христовымъ подаяніемъ, оказываются деньги.

— Сорокъ рублей скопила кое-какъ.— „А ты думалъ, чай,

много?“ — говорили опять смотрѣвшіе на меня глаза старушки.—Долго я ихъ копила, дорогой мой. Ну, и слава Богу, скопила кое-какъ.

Сказавъ это, Анна Васильевна замолчала, вынула платокъ и смахнула выступившія на глазахъ слезинки, послѣ чего взглядъ ея снова упалъ на меня. И опять этотъ безмолвный, выразительный взглядъ, который лучше, яснѣе всякихъ словъ подсказалъ мнѣ затаенную мысль старушки: „Ты, поди, думаешь, что это легко—тяжело, охъ, какъ тяжело!“ Какъ бы въ подтвержденіе моей догадки, Анна Васильевна какъ разъ въ этотъ самый моментъ тяжело вздохнула.

— Такъ вотъ,—начала она опять послѣ короткой паузы, — вотъ эти-то самыя деньги я и хочу просить васъ, мой дорогой, взять къ себѣ на сохраненіе... Боюсь я ихъ держать-то у себя, какъ бы кто не доглядѣлъ, да не вытащилъ ихъ у меня. Ну, и за себя я боюсь—стара стала, не надѣюсь я нынче на себя—немощи одолѣвать стали, пожалуй, смалодушничаешь и истратишь. А у меня все тутъ—заболѣю, гдѣ что возьмешь? умру—на что похоронятъ? А я хочу, чтобы меня по-христіански похоронили, да по-христіански и помянули потомъ. Вотъ на этотъ случай *ты* ихъ мнѣ и сбереги...

Тутъ я не выдержалъ и перебилъ старушку. Я началъ говорить ей обычныя фразы, чтобы ее успокоить, я говорилъ, что, что бы ни случилось съ ней, ее, конечно, не бросятъ, наконецъ, что я не оставлю ее. Что о смерти говорить еще рано, что, Богъ дастъ, она еще поживетъ, а если умретъ, то развѣ мы, ея добрые знакомые, развѣ я, наконецъ, не похороню ее. Старушка и слушать не хотѣла, махала только руками и продолжала настаивать на своемъ.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, возьмите, — упрашивала она.—Главное, я на себя-то нынче не надѣюсь. У меня вѣдь сорокъ два рубля ужъ было, думала до пятидесяти рублей скопить, а какъ ты ихъ скопишь? Увидишь бѣдноту, жалко станетъ—забудешь все, сколько-нибудь и дашь. Вотъ такъ я и два-то рубля истратила, а то сорокъ два рубля ужъ было.

Доводы были настолько убѣдительны, что пришлось согласиться.

— Ну, спасибо, спасибо—благодарю! Я вѣдь знала, что такъ будетъ, я надѣялась на тебя, — заговорила она опять со мною на ты, сіяя отъ удовольствія, точно я и въ самомъ дѣлѣ дѣлаю ей какую-нибудь особенную милость.

Послѣ этого Анна Васильевна подробно и обстоятельно

объяснила мнѣ, какъ распорядиться ея деньгами въ случаѣ ея смерти; закончивши же эти объясненія, она встала, повернулась ко мнѣ спиной и начала доставать изъ-за пазухи деньги, которые хранились у нея на груди.

— А до смерти моей, что бы ни случилось, смотри, мнѣ не отдавай ихъ,—наказывала она, поворачиваясь ко мнѣ въ полъ-оборота.—Не отдавайте ихъ мнѣ, какъ бы я ни просила,—сказала она, стоя уже прямо противъ меня и держа въ рукахъ завернутыя въ бумагу деньги.

И только заручившись моимъ *словомъ*, старушка передала, наконецъ, свертокъ мнѣ.

Стояла осень, поздняя скверная осень, когда идетъ послѣдняя финальная борьба отжившаго свое время лѣта съ надвигавшейся суровой зимой: утромъ—порошитъ снѣгъ, къ обѣду—глядишь, оттеплило и полилъ дождь, а къ вечеру дуетъ рѣзкій, сѣверный вѣтеръ, который къ ночи не скуетъ, а только сгуститъ жидкую грязь до слѣдующаго утра, когда снова висятъ уже сѣрыя, студенистыя облака, чуть не касаясь головъ прохожихъ,—сыплетъ опять дождь частый и тонкій, какъ паутина, въ перемежку съ крупой, которая рѣжетъ лицо, забираясь около шеи подъ самую одежду. Лошади и пѣшеходы то вязнутъ въ непролазной грязи, то скользятъ, падаютъ, ушибаются и нерѣдко даже калѣчатъ себя.

Въ такую именно погоду, раннимъ утромъ, по направленію къ церкви „Николы Милостиваго“, съ палочкой въ рукахъ, чтобы не упасть, пробиралась миніатюрная старушка. Добравшись благополучно до цѣли и отстоявъ обѣдню, она чуть ли не послѣдней вышла изъ храма Божьяго, вышла на паперть и обернулась, чтобы еще разъ помолиться иконѣ, висѣвшей надъ входными дверями; но тутъ налетѣвшій сильный порывистый вѣтеръ просто сорвалъ старушку съ высокаго крыльца и положилъ ее внизъ, на тротуаръ. Показалась крытая пролетка; сидѣвшій на козлахъ кучеръ, одѣтый въ кожаный кафтанъ и въ теплую мѣховую шапку, улыбнулся. „Славно садануло старуху!“—подумалъ онъ, и, ударивъ, не зная за что, лошадь, проѣхалъ мимо. Прошли два пѣшехода.—„Ишь, кажись, и обѣденъ не дождалась, успѣла нализаться“, сказалъ одинъ изъ нихъ, который былъ постарше. — „Да“, промычалъ спутникъ, и оба, не останавливаясь, прошли дальше. Бѣжала грязная, лохматая собака съ поджатымъ хвостомъ, увидя лежавшаго на землѣ человѣка, она пріостановилась;

оглядѣвъ его съ любопытствомъ, подвинулась ближе, вытянула морду, потянула въ себя воздухъ и, вѣроятно, убѣдясь, что опасности нѣтъ и ожидать неоткуда, подошла вплоть къ откинувшейся рукѣ старушки, лизнула даже ее, лизнула и опрометью бросилась на утекъ, быть можетъ, изъ опасенія, чтобы человѣкъ этотъ и лежа какъ бы не пустилъ въ догонку ей камень. И только послѣ уже этого какой-то сердобольный прохожій, идя мимо и замѣтивъ, что какая-то „Божья старушка“ лежитъ на землѣ, подошелъ къ ней, потомъ обошелъ ее кругомъ, наклонился, пощупалъ ея руку: „Ишь ты, видно попритчилось ей что-нибудь?“ подумалъ онъ, поднимаясь опять на ноги. И сталъ осматриваться кругомъ—на улицѣ не было ни души: пролетка скрылась, два господина завернули за уголъ, бѣжавшей собаки давно и слѣдъ простылъ. „Какъ же быть-то?“ разсуждалъ онъ самъ съ собою, поднимая воротникъ и поворачиваясь спиной къ поднимавшейся пургѣ. „Некогда мнѣ“, разсуждалъ онъ самъ съ собою, и потомъ вдругъ бросился отыскивать извозчика, бросился съ такою поспѣшностью, что можно было думать, что онъ самъ боится за себя, чтобы чувство состраданія, чувство любви къ ближнему, родившееся въ немъ такъ быстро, какъ бы не исчезло опять, подъ вліяніемъ той мерзости, какая была кругомъ, подъ ногами и даже неслась въ эту минуту съ небесъ.

„Сердобольный прохожій“ былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, безъ бороды, съ маленькими усиками; по виду его можно было счесть за служащаго гдѣ-нибудь въ банкѣ, въ конторѣ, а быть можетъ, и въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ, гдѣ тоже не мало работаетъ народу по вольному найму. На немъ была бекешка съ мѣховымъ воротникомъ и круглая шапка котелкомъ.

Разыскавъ извозчика, молодой человѣкъ съ помощью его поднялъ старушку, которая при этомъ открыла свои глаза и посмотрѣла на своего благодѣтеля, затѣмъ посадилъ ее на дрожки и повезъ въ больницу, которая, къ счастью, находилась недалеко. Но здѣсь постигла его неудача—больную отказались принять: нужна была или бумага, при которой она препровождалась бы въ больницу, или ея документъ.

— Да гдѣ же я вамъ ихъ возьму? Я поднялъ ее на улицѣ, понимаете ли, на улицѣ я поднялъ ее,—убѣждалъ молодой человѣкъ вышедшаго къ нему для объясненій врача.

— А такъ я принять не могу, у насъ такіе порядки,— пояснилъ докторъ.

Молодой человѣкъ повезъ больную въ лѣчебницу. Здѣсь опять при помощи одного прохожаго старушка, остававшаяся и сейчасъ въ забытьѣ, была внесена на рукахъ сначала на крыльцо, а потомъ и въ переднюю, гдѣ процессія была встрѣчена сторожемъ, состоявшимъ при лѣчебницѣ.

— Доктора!—крикнулъ молодой человѣкъ, обращаясь къ нему.

— Нѣтъ его,—отвѣчалъ сторожъ грубо и неохотно, продолжая, скрестивши по-наполеоновски руки, шагать спокойно по пріемной.

— Гдѣ же онъ?

— А развѣ я за нимъ хожу.

— Быть можетъ, онъ скоро будетъ?

— И не будетъ,—отвѣчалъ сторожъ попрежнему грубо.

— Развѣ онъ ужъ былъ?—слѣдуетъ новый вопросъ.

— Нѣтъ, и не былъ.

— Странно!—проговорилъ молодой человѣкъ.

— Ничего страмного нѣтъ...

— Ну, такъ фельдшера давайте,—продолжалъ настаивать молодой человѣкъ, который сначала рѣшился „Божью старушку“ доставить только до больницы, но послѣ неудачи тамъ и здѣсь теперь, въ лѣчебницѣ, порядки которой возмутили его, онъ хотѣлъ во что бы то ни было устроить больную и только тогда вернуться къ своему дѣлу.

— И его нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно и совершенно равнодушно аргусъ.

Чѣмъ кончилось бы все это—неизвѣстно, если бы тутъ, въ самую критическую минуту, не явилась на помощь къ разрѣшенію затрудненій сама старушка. Лежа на диванѣ въ пріемной, она отдохнула, пришла въ себя и открыла глаза. Увидавъ незнакомую обстановку и совершенно незнакомыхъ ей людей, находившихся въ этой большой, довольно грязной комнатѣ со скамейками вдоль стѣнъ, старушка испуганно озиралась кругомъ.

— Гдѣ я?—спросила она, наконецъ.

Узнавъ, что это лѣчебница, услыхавъ разсказъ молодого человѣка, какъ она попала сюда, старушка начала просить, чтобы ее скорѣе, сейчасъ же отправили домой.

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ обрадованный сторожъ.—Вотъ и прекрасно,—повторилъ онъ еще нѣсколько разъ послѣ того, когда старушка, не смотря на всѣ увѣщанія молодого человѣка не спѣшить, полежать тутъ, осталась при своемъ

прежнемъ намѣреніи ѣхать поскорѣе домой. Онъ былъ такъ радъ такому рѣшенію, что, оставивъ свою олимпійскую важность, сталъ помогать подняться больной.—Чего здѣсь лежать, дома не въ примѣръ покойнѣе...—ораторствовалъ расходившійся аргусъ.

Катастрофа эта случилась съ Анной Васильевной. Всѣ эти подробности я узналъ значительно позже, случайно познакомившись съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который игралъ въ этомъ случаѣ роль „сердобольнаго прохожаго“. Разсказывая мнѣ, какъ онъ разъ пострадалъ за одно доброе дѣло, опоздавъ изъ-за него на службу, онъ сообщилъ мнѣ и всѣ тѣ подробности по доставленію въ больницу и въ лѣчебницу ушибшейся старушки, сцену въ лѣчебницѣ со сторожемъ и всѣ другія мелочи, которыя я чуть не дословно и передалъ здѣсь. О болѣзни же Анны Васильевны я узналъ отъ ея квартирной хозяйки, которая съ этой вѣстью сама явилась ко мнѣ.

Получивъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, я собрался, взялъ извозчика, посадилъ съ собою хозяйку Анны Васильевны и мы поѣхали къ ней.

Квартира, въ которой теперь находилась „Божья старушка“, была на самомъ краю города, дальше шли овраги, кирпичные сараи, а за ними виднѣлось новое городское кладбище, устроенное въ 40-хъ годахъ, во время свирѣпствовавшей здѣсь тогда холеры, которое потомъ и было обращено въ „новое городское кладбище“, на которомъ и по сей день хоронилась лишь одна бѣднота, такъ какъ для привилегированныхъ людей было кладбище другое, чуть не въ самомъ центрѣ города.

Небольшой, трехъ-оконный флигелекъ, къ которому мы подъѣхали, былъ старенькій, осѣвшій, какъ и то крылечко, черезъ которое намъ приходилось войти въ сѣни.

— Вы наклонитесь, а то неравно задѣнете и ушибетесь,—замѣтила предупредительно хозяйка, шедшая впереди меня, показывая мнѣ дорогу.—Все собираемся поправить, да, вишь, достатковъ-то нѣтъ—семья-то больно большая у насъ,—пояснила она, вѣроятно, въ оправданіе свое и въ оправданіе своего мужа, почему они не исправляютъ свой домикъ, пришедшій въ такое разрушеніе.

Сѣнцы, въ которые мы вошли, были темные.

— Пожалте,—проговорила моя спутница опять чисто по-мѣщански, отворяя входную дверь и приглашая меня проходить впередъ.

Хозяинъ квартиры оказался сапожникомъ. Когда мы вошли, онъ поднялся отъ работы, сбрасывая съ своей головы традиціонный ремешокъ, который обыкновенно надѣвается мастеровыми для того, чтобы не спадали и не мѣшали волосы, и поклонился мнѣ; цѣлая куча ребятишекъ, малъ-мала меньше, увидавъ вошедшую мать, бросились къ ней.

— Гдѣ же Анна Васильевна?—спросилъ я, отвѣчая на поклонъ поклономъ и окидывая взглядомъ убогую обстановку грязной комнаты.

— Пожалте,—проговорила хозяйка, отрывая отъ себя вѣшавшихся на нее дѣтишекъ и направляясь къ маленькой боковой двери, которую и отворила мнѣ.—Она у насъ лежитъ здѣсь, тутъ тепло,—добавила она, входя въ совершенно темную каморку.

Перешагнувъ порогъ, я сталъ всматриваться, но сколько ни напрягалъ зрѣнія, не могъ разсмотрѣть ничего.

— Постойте, я лампу сейчасъ принесу.

Съ этими словами хозяйка скрылась, а спустя минуту вернулась, держа въ рукахъ лампу съ закопченымъ стекломъ.

— Вы, чай, теперь ихъ и не узнаете,—проговорила она, подходя къ сундукамъ, на которыхъ, какъ казалось, была устроена постель и лежала больная.

„Богъ мой! Неужели это она?“ Даже при свѣтѣ лампы, которую хозяйка подняла высоко, чтобы освѣтить лучше, я едва могъ узнать старушку—такъ похудѣла, такъ перемѣнилась она. Передо мной лежала дѣвочка десяти, много двѣнадцати лѣтъ. Иллюзію усиливало полное отсутствіе сѣдины въ темныхъ, коротко остриженныхъ волосахъ, которые раскинулись по бѣлой подушкѣ, и худоба лица, дѣлавшая совершенно незамѣтнымъ почти полное отсутствіе зубовъ у старушки.

— Анна Васильевна, вы ли это, голубушка моя, что съ вами?—проговорилъ я, подходя къ ней ближе.

Больная немного повернула голову, повела на меня глазами, которые горѣли, отъ чего они, не смотря на то, что ушли въ глубь, казались теперь больше, и сдѣлала попытку подать мнѣ руку, но рука отъ слабости не поднялась.

— Плохо... Умирать время пришло,—сказала она слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

Старушка замолчала, хозяйка поставила лампу на маленькій столикъ, находившійся тутъ у изголовья постели.

— Сидите-ка вы тутъ, поговорите съ ней, а я ужъ пойду, некогда мнѣ.—Сказавъ это, хозяйка вышла.

Мы остались одни.

Больная лежала съ закрытыми глазами и тяжело дышала.

Тихо; изъ сосѣдней комнаты слышенъ по временамъ слабый отзвукъ ударовъ молотка, которымъ хозяинъ-сапожникъ вбиваетъ, вѣроятно, гвозди въ подошву.

— Что вы раньше-то не прислали мнѣ сказать о вашей болѣзни?—спросилъ я, когда увидѣлъ, что старушка снова открыла глаза.—Доктора нужно,—продолжалъ я, но больная меня, очевидно, не слушала, она ничего не отвѣтила мнѣ, а начала свое, начала передавать свои собственныя мысли, которыя въ эту минуту занимали ее.

— Да и пора... — Слова эти относились, конечно, къ смерти, которую она ждала, къ которой приготовилась, они были произнесены больной громко, точно она выкрикнула ихъ.—Мои, всѣ мои близкіе тамъ, никого не осталось въ живыхъ... Чай, они давно ужъ меня ждутъ тамъ.

Проговоривъ это, Анна Васильевна опять закрыла глаза и стихла, я даже подумалъ, что она заснула, но нѣтъ, при первомъ пискѣ ребенка въ сосѣдней комнатѣ она заговорила снова.

— Ахъ, вотъ чего слышать не могу...

Ребенокъ заплакалъ сильнѣе.

— Слышать не могу плача дѣтей.

На лицѣ старушки отразилось страданіе: лицо ея какъ-то сморщилось, казалось, что только и жди, что вотъ-вотъ она заплачетъ сама.

Стихъ дѣтскій плачъ.

— Когда я здорова, да дома—никогда не плачутъ онѣ, всѣ около меня...

— Къ бабѣ, къ бабусѣ хочу,—слышится серебристый голосокъ всхлипывающаго послѣ слезъ ребенка.

— Пустите ихъ... Давно просятся ко мнѣ,—тихо проговорила Анна Васильевна.

Я всталъ, подошелъ къ двери, отворилъ ее—дѣти точно угадали, зачѣмъ я отворилъ ее, и бросились мимо меня.

— Тише, тише!—кричитъ мать.

Окрикъ этотъ былъ совершенно лишнимъ, потому что это былъ не больше, какъ дѣтскій порывъ, съ которымъ дѣти справиться не могли, вбѣжавъ же, они, какъ вкопаныя, остановились у постели больной „бабуси“—не было слышно ни смѣха, ни обыкновенной болтовни.

— Милыя мои, милыя мои,—повторила много разъ Анна

Васильевна, потомъ смолкла, положила свою руку на головку одного изъ нихъ и долго, долго смотрѣла на нихъ, потомъ перевела свой взглядъ на икону, очевидно, призывая благословеніе Божіе на этихъ дѣтишекъ.

Жизнь Анны Васильевны гасла не по днямъ, не по часамъ, а по минутамъ.

— Доктора нужно,—настаивалъ я опять, сидя какъ-то около старушки.

— Не надо, не нужно. Ни одного доктора нѣтъ, который бы вылѣчилъ человѣка, которому ужъ предопредѣлено умереть.

Отвѣтъ этотъ я слышалъ много уже разъ отъ старушки, но тутъ рѣшилъ, не слушая ее, съѣздить и привезти какого-нибудь врача. „Пускай посмотритъ — а можетъ быть", думалъ я, хотя въ данномъ случаѣ и самъ мало имѣлъ надежды на успѣхъ какой-либо помощи. Смерть всегда накладываетъ какую-то невидимую, но ощущаемую печать на свою намѣченную уже ею жертву. Печать эта давно лежала на лицѣ Анны Васильевны.

Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную, пощупалъ пульсъ, потребовалъ бумаги и чернилъ и прописалъ рецептъ.

— Что, какъ?—спросилъ я его, когда онъ, простившись со старушкой вышелъ.

Докторъ многозначительно пожалъ плечами.

— Что вамъ сказать? Сла-ба,—отвѣчалъ онъ, растягивая послѣднее слово.—У нея вы и сейчасъ до пульса не дощупаетесь.—Проговоривъ это, онъ сталъ со мной прощаться.—Думаю, что дальше завтрашняго утра она не проживетъ,—кинулъ онъ уже на ходу, держась за ручку выходной двери.

Проводивши его, я вернулся къ больной. Старушка какъ бы пріободрилась. Аксинья Ивановна—такъ звали хозяйку квартиры—приподняла больную нѣсколько на подушкахъ, такъ что теперь голова ея была не въ горизонтальномъ положеніи.

— Ахъ... Да... Еще...—собиралась что-то начать говорить Анна Васильевна, когда я усѣлся опять на стулъ, стоявшій около самой ея постели, но или подбирала она подходящее выраженіе, или просто собиралась съ силами, чтобы продолжать рѣчь, потому что пока говорила лишь отдѣльныя слова, говорила ихъ тихо и отрывисто. При этомъ я замѣтилъ, что больная какъ бы ищетъ моей руки, шевеля, но не двигая

своею рукою, точно проситъ, чтобы я протянулъ ей свою. Я исполнилъ ея желаніе.

— Когда я умру, все, что у меня есть, все, что и въ сундукахъ моихъ есть, отдайте имъ...

Рѣчь шла о хозяевахъ квартиры, что я понялъ сейчасъ же, потому что больная, говоря это, повела глазами на дверь, ведущую въ ихъ горницу.

— Икону возьми себѣ. Никого у меня вѣдь больше нѣтъ... Ихъ еще я полюбила... Дѣтишекъ полюбила я ихъ... Дѣтишекъ мнѣ только и жаль...—На глазахъ старушки показались слезы.

Это былъ мой послѣдній разговоръ съ Анной Васильевной. Къ вечеру этого дня старушка впала въ забытье и все что-то бредила, а потомъ и совсѣмъ лишилась языка.

Спустя три дня она скончалась.

П. Добротворскій.

Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ.

(*Продолженіе* *).

Шарля Летурно.

Переводъ съ французскаго Э. Пименовой.

Глава V.

Женщина была первою рабынею мужчины.—Покупка женщинъ.—Сходство участи свободныхъ женщинъ и рабынь.—Трудъ женщинъ.—Носильщицы въ караванахъ.—Судьба женщины въ различныхъ соціальныхъ классахъ.—Рабы; громадная пропорція населенія рабовъ.—Законное положеніе домашняго раба.—Іерархія рабства: военноплѣнные, домашніе рабы, колонисты и арендаторы.—Административные рабы.—Проституція невольницъ.—Права рабыни-наложницы.—Промышленное рабство.—Перемѣна владѣльца.—Освобожденіе.—Юридическое рабство.—Сравнительная мягкость рабскаго законодательства въ промышленныхъ городахъ.—Различныя причины рабства.—Колдовство.—Продажа дѣтей родителями.—Дѣти, обреченныя проклятію.—Европейская и арабская торговля невольниками.—Набѣги охотниковъ за невольниками.—Королевская охота за невольниками.—Ужасы невольничьихъ каравановъ.—Торговцы невольниками.—Дѣйствіе африканскаго рабства.—Нравственное вырожденіе рабовъ и ихъ владѣльцевъ.—Эволюціи рабства въ Африкѣ.

Во всей тропической Африкѣ, даже тамъ, гдѣ промышленность уже достигла извѣстнаго развитія, женщина все-таки не болѣе, какъ домашняя раба; она—наложница и въ то же время рабочій скотъ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ древнѣйшихъ путешественниковъ, Мунго-Паркъ: «Мавры, въ Сенегамбіи, придаютъ очень мало значенія умственнымъ качествамъ женщины и отсутствіе этихъ качествъ не считается вовсе недостаткомъ въ глазахъ мужчины... Женщины воспитываются лишь для чувственныхъ удовольствій, которыя онѣ должны доставлять своему повелителю, и главный долгъ ихъ—рабская покорность. Мавры имѣютъ странное понятіе о физической красотѣ женщинъ. Дородность и красота у нихъ—синонимы. Только та женщина можетъ считаться красивой, которая не въ состояніи ходить безъ того, чтобы ее не

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

поддерживали рабы съ обѣихъ сторонъ. Настоящая красавица вѣсомъ должна равняться вѣсу верблюда».

Это свидѣтельство Мунго-Парка подтверждается и всѣми позднѣйшими изслѣдователями. Молодыя дѣвушки, чтобы соотвѣтствовать понятіямъ о красотѣ, откармливаются всѣми способами. Только мальчики учатся читать и писать по-арабски; дѣвочки же не получаютъ никакого образованія, и какъ только онѣ вышли изъ дѣтства, обязаны почитать всѣхъ мужчинъ, и даже мать не имѣетъ права ѣсть вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Въ виду тѣхъ требованій тѣлесной красоты, которыя предъявляются женщинѣ, выборъ жены или наложницы-рабыни не представляетъ затрудненій—выбирается та, которая толще. Такимъ образомъ все опредѣленіе женской красоты сводится къ простому ариѳметическому разсчету.

Жены покупаются такъ же, какъ и рабыни, и число женъ находится въ зависимости отъ богатства мужа-покупателя. Но участь такъ называемыхъ свободныхъ женщинъ весьма мало отличается отъ участи рабынь. Жена даже богатаго человѣка не избавляется отъ тяжелаго труда. Размалываніе зерна, составляющаго одну изъ самыхъ тяжелыхъ работъ, вездѣ возлагается на женщинъ. Но въ Кано, гдѣ зажиточность населенія довольно велика и цивилизація болѣе развита, чѣмъ въ другихъ городскихъ поселеніяхъ этой области, домашняя жизнь женщинъ не такъ тяжела, какъ въ другихъ мѣстахъ, хозяйки дома кокетливо одѣты и хотя сами приготовляютъ обѣдъ своимъ мужьямъ, но зерно размалывается рабами, и свободныя женщины только наблюдаютъ за ихъ работой. Въ промышленныхъ городахъ свободныя женщины преимущественно занимаются пряжей, тканьемъ и окраской матерій, что избавляетъ ихъ до нѣкоторой степени отъ другихъ тяжелыхъ работъ, напримѣръ, полевыхъ или ношенія тяжелыхъ грузовъ. Вездѣ, впрочемъ, хлѣбопашество предоставляется женщинамъ, все равно, свободнымъ или рабамъ. Въ Сулима, за исключеніемъ посѣва и жатвы, мужчины не работаютъ въ полѣ; они доятъ коровъ и вообще занимаются молочнымъ хозяйствомъ. Женщины же ухаживаютъ за полемъ, строятъ дома и стѣны, исполняютъ должность цирюльниковъ и хирурговъ, шьютъ и моютъ; онѣ же служатъ какъ носильщики и вообще какъ вьючный скотъ. Въ Кіама транспортъ товаровъ производится при посредствѣ быковъ, муловъ, ословъ и женщинъ. За весьма скромную плату, говоритъ Клаппертонъ, женщины отправлялись въ Ниффе и возвращались оттуда обремененныя тяжелыми ношами. Въ смѣшанныхъ караванахъ въ Муссѣ самыя тяжелыя ноши доставались старухамъ и молодые люди съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отка-

зывались помогать имъ. Въ Тессауа Бартъ наткнулся на караванъ женщинъ, до того нагруженныхъ, что онѣ едва передвигали ноги.

Въ нѣкоторыхъ округахъ, однако, мужчина и женщина работаютъ вмѣстѣ. Не всякій настолько богатъ, чтобы имѣть рабовъ или нѣсколько женъ, и въ Суданѣ, за исключеніемъ мѣстностей, прилегающихъ къ Сахарѣ, для полевыхъ работъ никогда не пользуются домашними животными и въ небогатыхъ семьяхъ эти работы выполняются совмѣстно мужемъ и женой: мужъ идетъ впереди съ мотыкой и взрываетъ землю, а жена слѣдуетъ за нимъ и бросаетъ зерна въ продѣланныя имъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга ямы въ землѣ. До введенія плуга такой способъ засѣванія поля, вѣроятно, повсюду былъ въ употребленіи и теперь еще онъ употребляется въ Китаѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще и другая причина вынуждаетъ мужчинъ работать въ полѣ, это—отсутствіе безопасности. Мужчина отправляется въ поле, вооруженный лукомъ и стрѣлами, такъ какъ всегда можетъ представиться необходимость отбить какое-нибудь нападеніе.

Такіе факты все-таки указываютъ, что не слѣдуетъ составлять слишкомъ выгоднаго мнѣнія о промышленной Африкѣ. Положимъ, эта область уже вышла изъ состоянія совершенно первобытной дикости и ужасы антропофагіи въ ней неизвѣстны, но въ нравахъ все еще осталось много варварства. Не всѣ женщины одинаково терпятъ притѣсненія, такъ какъ есть богатыя и есть бѣдныя, классъ свободныхъ женщинъ и классъ рабынь. Богатыя женщины живутъ по необходимости въ праздности. Спеціальныя воззрѣнія на красоту поневолѣ принуждаютъ ихъ къ бездѣйствію. Но женщины средняго класса уже должны работать, хотя и не слишкомъ много, и избѣгаютъ тяжелаго труда; бѣдныя же представляютъ и ничто иное, какъвьючный скотъ, и съ ними обращаюся безъ всякой пощады, эксплуатируя ихъ силы насколько возможно. Посмотримъ же, какова участь настоящихъ рабовъ, составляющихъ настоящихъ товарищей женщинъ по несчастью.

Въ Нигритіи населеніе рабовъ очень многочисленно и у мандинговъ рабы составляютъ три четверти населенія. Въ Сакату на улицахъ происходитъ постоянное передвиженіе рабовъ. Въ Адамуа частныя лица часто держали у себя по тысячѣ рабовъ. Эта провинція выплачивала ежегодно дань мелкому мусульманскому владѣльцу и эту дань составляли лошади, скотъ и пять тысячъ туземныхъ рабовъ. Въ Кано и теперь еще насчитывается по тридцати рабовъ на каждаго свободнаго человѣка. Во всѣхъ этихъ маленькихъ мусульманскихъ монархіяхъ, уже вышедшихъ

изъ состоянія дикости, наибольшая часть соціальнаго труда возлагается, конечно, на рабовъ, но положеніе ихъ все-таки приняло болѣе законный характеръ и рабство приняло болѣе мягкій характеръ, особенно въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Названіе «рабъ» примѣняется одинаково ко всѣмъ классамъ не свободнаго населенія, не знающимъ другого судьи, кромѣ своего господина, который также самъ несетъ на себѣ отвѣтственность за всѣ поступки своего раба и имѣетъ право распоряжаться съ нимъ какъ, съ вещью, однако, далеко не всѣ рабы находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Съ домашними рабами обыкновенно обращаются хорошо. Въ Сакату владѣльцы женятъ своихъ рабовъ по достиженіи ими 20-ти-лѣтняго возраста и отправляютъ ихъ въ свои деревни, гдѣ рабы строятъ себѣ хижины и владѣлецъ заботится о ихъ пропитаніи до наступленія жатвы. Богатые феллахи идутъ еще дальше; они обучаютъ чтенію и письму своихъ рабовъ и даже женщинъ. Существуетъ цѣлая іерархія рабства, на самой нижней ступени которой находятся военноплѣнные и дѣти рабовъ, рожденные внѣ брака. Эти несчастные стоятъ какъ бы внѣ человѣчества; они служатъ одновременно и размѣнною монетой, и вьючнымъ скотомъ и ихъ водятъ изъ страны въ страну привязанными за шею и нагруженными до чрезмѣрности. Ихъ покупаютъ часто только для одного перехода и по прибытіи на мѣсто перепродаютъ, такъ что они постоянно мѣняютъ владѣльцевъ и всю свою жалкую жизнь проводятъ въ странствованіяхъ съ мѣста на мѣсто. Для рабовъ этой категоріи состраданія нѣтъ; ихъ плохо кормятъ, лишаютъ одежды, обращаются съ ними дурно, заковываютъ въ кандалы и приковываютъ къ древесному чурбану за малѣйшій проступокъ, а въ случаѣ заболѣванія ихъ прямо бросаютъ на дорогѣ. Однимъ словомъ, рабъ этой категоріи ставится на одну доску съ животнымъ, которымъ никто не интересуется.

Совсѣмъ не такова участь домашнихъ рабовъ. Эти послѣднія составляютъ часть семьи, переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и часто даже имѣютъ большое вліяніе на своихъ господъ. Пожилые люди, старше ихъ возрастомъ, называютъ ихъ не иначе, какъ: «мое дитя, мой сынъ, моя дочь»; одного съ ними возраста— «мой братъ, мой другъ, моя сестра», а дѣти обращаются къ нимъ со словами: «мой дядя, моя тетка, мой отецъ, моя мать». Только эти рабы должны всегда первые кланяться при встрѣчѣ со свободными людьми и не имѣютъ права садиться въ ихъ присутствіи. Рабы третьей категоріи сдѣлали еще одинъ шагъ дальше къ освобожденію. Это уже не болѣе, какъ колонисты, которые обя-

заны выполнять нѣкоторыя полевыя работы для своего господина. Въ Буссѣ нѣкоторые рабы стали настоящими арендаторами; они могутъ жить, гдѣ имъ угодно, но подъ условіемъ являться къ своему господину по первому призыву. Они дѣлятся со своимъ господиномъ продуктами своего труда и сами прокармливаются. Выполнивъ это обязательство, они вполнѣ располагаютъ собой и могутъ заниматься торговлей и ремеслами для собственной выгоды. Иногда рабы бываютъ даже богаче своихъ господъ и пользуются большимъ уваженіемъ, вмѣстѣ со своею законною семьей. Но вся эта свобода, хотя и рѣдко нарушаемая владѣльцами, все-таки не составляетъ законнаго права раба и господинъ его можетъ, если захочетъ, отнять у него имущество, дѣтей, жену и т. д. Въ промышленномъ Суданѣ свободные люди, чтобы избѣжать мщенія или нужды, часто превращаются въ такихъ колонистовъ и становятся родоначальниками цѣлаго поколѣнія рабовъ. Иногда сами родители, обремененные многочисленнымъ семействомъ, отдаютъ кого-нибудь изъ своихъ дѣтей богатымъ людямъ, но подъ условіемъ, чтобы дѣти ихъ принадлежали къ одной изъ вышеназванныхъ трехъ категорій рабовъ. Послѣдняя категорія составляетъ собственно аристократію рабства и чернокожіе Судана сравниваютъ ее и причисляютъ къ ней нашихъ солдатъ и чиновниковъ, которые въ ихъ глазахъ не есть свободные люди. Изъ числа этихъ административныхъ рабовъ выбираются королевскіе чиновники, образующіе цѣлыя корпораціи, глава которыхъ назначается королемъ по своему желанію. Въ Сегу цѣлые полки въ 1.200 — 2.000 человѣкъ исключительно состоятъ изъ рабовъ, не исключая и начальниковъ. Бамбарасы назначаютъ рабовъ на первыя государственныя должности, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, свободный человѣкъ не можетъ унизиться до того, чтобы занимать какую-либо иную должность, кромѣ судьи. Такіе высокопоставленные рабы, въ свою очередь, сами имѣютъ рабовъ низшей категоріи, которые выполняютъ для нихъ полевыя работы и могутъ безнаказанно подвергаться дурному обращенію. Въ Діала Солейльe извинился передъ королемъ за то, что ударилъ въ его присутствіи одного изъ этихъ рабовъ, но король ему на это отвѣтилъ: «О, вы можете сами бить и заставлять другихъ бить ихъ сколько вамъ угодно!» Это паріи, съ которыми все дозволено, и часто можно видѣть въ полѣ даже пожилыхъ женщинъ, закованныхъ въ кандалы, все тѣло которыхъ испещрено слѣдами ударовъ.

Женщины рабыни этой категоріи часто составляютъ для своихъ господъ источникъ выгоды. Коранъ хотя и запрещаетъ господину вынуждать своихъ рабынь къ проституціи, но не воспрещаетъ ему

извлекать выгоду, если онѣ добровольно предаются этому ремеслу. Этимъ зачастую пользуются даже самые благочестивые мусульмане. Въ Сегу даже наиболѣе знатные господа, не стѣсняясь, кладутъ себѣ въ карманъ прибыль отъ такого рода торговли и даже знатныя дамы не гнушаются играть роль поставщицъ гаремовъ. Но мы знаемъ, что знатные люди древней Греціи въ своихъ взглядахъ на проституцію мало отличались отъ обитателей Сегу. Однако, въ другихъ отношеніяхъ маленькимъ мусульманскимъ монархіямъ тропической Африки надо отдать предпочтеніе передъ греко-латинскимъ міромъ. Конечно, господинъ пользуется неограниченными правами надъ всѣми своими рабами, къ какой бы категоріи они ни принадлежали, но рабыня, забеременѣвшая отъ своего господина, становится свободной съ рожденіемъ ребенка, и если остается при своемъ господинѣ, то занимаетъ уже мѣсто среди законныхъ женъ. Притомъ же, къ домашнимъ рабамъ владѣльцы никогда не относятся съ презрѣніемъ и даже самые знатные люди иногда ѣдятъ изъ одного блюда съ рабомъ, такъ что въ этомъ отношеніи рабъ имѣетъ даже преимущество надъ свободными женщинами, потому что этимъ послѣднимъ никогда не разрѣшается раздѣлять трапезы мужчины. Такое же практическое равенство наблюдается и въ промышленныхъ занятіяхъ, при чемъ и рабы, и господа работаютъ вмѣстѣ надъ выдѣлкою какихъ-нибудь издѣлій. Даже у мандинговъ, наименѣе цивилизованныхъ изъ всѣхъ народовъ этой области, домашніе рабы ограждены до нѣкоторой степени отъ произвола своего господина, который не можетъ ни убить своего раба, ни даже продать его, не устроивъ предварительно публичнаго судебнаго разбирательства по дѣлу о поведеніи раба. Въ Футахѣ существуетъ еще болѣе курьезный обычай: если какой-нибудь недовольный рабъ желаетъ перемѣнить господина, то для этого ему нужно бываетъ отрѣзать кусочекъ уха старшему сыну того человѣка, которому онъ желаетъ принадлежать. Послѣ такого поступка онъ уже по праву принадлежитъ отцу раненаго ребенка и его прежній господинъ не можетъ этому противиться. Новый хозяинъ, выбранный такимъ оригинальнымъ способомъ, обыкновенно принадлежитъ къ числу наиболѣе уважаемыхъ и могущественныхъ вождей и поэтому чернокожіе вожди Футаха довольно таки гордятся тѣмъ, если у нихъ не хватаетъ части или даже цѣлаго уха.

Покровительственные обычаи, впрочемъ, касаются только избранныхъ рабовъ, тѣхъ, которые родились въ странѣ, т. е. домашнихъ рабовъ; всѣ другіе находятся внѣ законовъ обычнаго права и вполнѣ зависятъ отъ произвола своихъ господъ. Во всякомъ случаѣ,

*

такія сравнительно мягкія правила примѣняются лишь къ меньшинству рабскаго населенія и лишь въ промышленныхъ городахъ и въ особенности такихъ, которые уже вышли изъ состоянія варварства. Вьючные рабы не пользуются покровительствомъ этихъ законовъ; съ плѣнниками обращаются очень жестоко. Кромѣ того, есть такія тяжелыя работы, которыя выполняются только рабами и, напримѣръ, слуги путешественника Барта отказались толочь гречиху; это была трудная работа и, слѣдовательно, ее надлежало выполнять только рабамъ. Тотъ же самый путешественникъ видѣлъ на склонахъ Судана, по близости Сахары, трехъ рабовъ, запряженныхъ въ плугъ; ихъ владѣлецъ погонялъ ихъ совершенно такъ, какъ погоняютъ вьючный скотъ. Подобнаго рода факты ясно указываютъ, какая участь ожидаетъ рабовъ у жестокаго господина.

Рабское населеніе Африки пополняется различными способами. Чернокожій можетъ сдѣлаться рабомъ, если онъ обвиненъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, а именно въ злонамѣренномъ колдовствѣ, или если онъ былъ проданъ въ дѣтствѣ своими родителями. Негръ въ случаѣ нужды можетъ продать своего отца, мать, жену, дѣтей, чаще всего продаетъ своихъ дѣтей отецъ, иногда дядя съ материнской стороны, въ тѣхъ странахъ, гдѣ матріархатъ оставилъ слѣды. Часто продаютъ дѣтей потому лишь, что находятся у нихъ признаки тяготѣющаго надъ ними проклятія, напримѣръ, если у ребенка вырѣзываются верхніе рѣзцы раньше нижнихъ. Но всего больше ряды рабовъ пополняются звѣрскими набѣгами, которые не прекращаются во всей невольничьей Африкѣ. Набѣги эти имѣютъ очень давнее происхожденіе, такъ какъ еще въ самой глубокой древности уводили изъ восточной Африки рабовъ для счастливой Аравіи. Но вообще рабы представляютъ товаръ, который продается для частныхъ нуждъ и служитъ для экспортной торговли. До тѣхъ поръ, пока европейскія колоніи нуждались въ рабахъ, мелкія негритянскія государства и племена добывали ихъ для этой цѣли въ западной Африкѣ. Мусульманскіе короли устраиваютъ безпрестанно невольничьи набѣги на негровъ-идолопоклонниковъ, которые въ ихъ глазахъ не принадлежатъ къ человѣчеству уже потому, что они не только не исповѣдуютъ ислама, но даже не исповѣдуютъ религіи Моисея или Христа.

Мы уже говорили о тѣхъ ужасахъ, которыми сопровождается обращеніе въ рабство негровъ, превращающихся такимъ образомъ въ товаръ. Но недостаточно овладѣть такимъ товаромъ, надо еще доставить его на такіе пункты, гдѣ изъ него можно извлечь выгоду. Для этого требуется организація невольничьихъ каравановъ

со всѣми ихъ ужасами. Несчастные плѣнные связываются по двое за шею и вынуждены пѣшкомъ слѣдовать за всадниками, часто совсѣмъ нагіе и нагруженные тяжелою ношей. Маленькія дѣти или привязываются за спиною плѣнныхъ, или же прикрѣпляются къ сѣдлу бамбуковыми веревками, которые такъ крѣпко стягиваются, что порою врѣзываются въ тѣло ребенка. Грей и Дошаръ видѣли въ одномъ изъ такихъ каравановъ женщину, которая только что родила. Чтобы избавиться отъ ея ребенка, его бросили въ огонь. Положеніе вещей мало измѣнилось съ тѣхъ поръ. Въ восточной Африкѣ совершаются такіе же ужасы и Буртонъ, напримѣръ, видѣлъ, какъ одинъ погонщикъ, которому надоѣло ждать одну изъ своихъ рабынь, двигавшуюся съ трудомъ по причинѣ ранъ на ногахъ, преспокойно отрубилъ ей голову, на томъ основаніи, чтобы другой не могъ воспользоваться этою рабыней, когда онъ ее броситъ. Однако нѣкоторые негоціанты обращаются со своимъ товаромъ съ большею заботливостью и стараются не слишкомъ изнурять своихъ рабовъ, но дѣлается это лишь ради торговыхъ интересовъ; съ такими же рабами, которые служатъ лишь для перенесенія тяжестей и не составляютъ мѣновой цѣнности, торговцы обращаются очень сурово и жестоко и безъ церемоніи бросаютъ ихъ на произволъ судьбы, въ случаѣ болѣзни или недостатка продовольствія.

Послѣдствія рабства въ нравственномъ отношеніи также вредно отражаются на господахъ, какъ и на рабахъ. У этихъ послѣднихъ исчезло всякое нравственное чувство, вслѣдствіе того, что ихъ постоянно попираютъ ногами. Пойманные на мѣстѣ преступленія, они всегда равнодушно отвѣчаютъ: «Развѣ же мы не рабы?»

Въ семьяхъ рабовъ отецъ никогда не вѣритъ въ законность своихъ дѣтей и единственное нравственное чувство, сохраняющееся у раба, это—уваженіе къ господину, который его кормитъ. Рабъ скорѣе можетъ оскорбить свою мать, отца и т. д., нежели поступить неуважительно по отношенію къ господину.

Владѣльцы рабовъ также подверглись соотвѣтствующему нравственному вырожденію. Въ восточной Африкѣ, по словамъ Буртона, понятіе о совѣсти совершенно неизвѣстно и преступленіе не вызываетъ никакихъ угрызеній совѣсти или сожалѣній.

На соціальной дѣятельности рабство отразилось также самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Негры работать не хотятъ и мечтаютъ о покупкѣ рабовъ, которые выполняли бы за нихъ полевыя работы. Впрочемъ, стоитъ намъ перемѣнить названія и употребляемые въ Африкѣ способы замѣнить другими, и мы безъ

труда увидимъ, что въ обществахъ, съ виду болѣе цивилизованныхъ, существуютъ аналогичныя явленія и дѣйствуютъ такіе же разсчеты, основывающіеся на соображеніяхъ не болѣе нравственнаго характера чѣмъ тѣ, которыми руководствуются торговцы невольниками въ Африкѣ.

Сдѣлавъ вкратцѣ обзоръ эволюціи рабства въ Африкѣ, мы видимъ, что въ первые періоды своего развитія африканское рабство имѣетъ много сходства съ рабствомъ австралійскихъ негровъ, но эволюція африканскаго рабства выразилась полнѣе. Въ началѣ рабства нѣтъ; женщина выполняетъ всю общественно-необходимую работу, впрочемъ, еще очень несложную. Поэтому военноплѣнныхъ убиваютъ и иногда убиваютъ для того, чтобы съѣсть. Щадить ихъ начинаютъ лишь тогда, когда примѣшивается интересъ и изъ нихъ можно уже извлекать извѣстныя выгоды, продавая или заставляя работать. По мѣрѣ усложненія условій жизни, зарожденія промышленности, первобытное рабство начинаетъ болѣе развиваться. Въ Африкѣ повидимому настоящее рабство учреждено болѣе высокими расами и, разумѣется, распространенію рабства всего болѣе содѣйствовало развитіе промышленности.

У негровъ, находящихся еще въ дикомъ состояніи, число рабовъ сравнительно ограничено, но въ промышленныхъ городахъ Судана оно очень велико; тамъ считается три или четыре раба на одного свободнаго человѣка. Вмѣстѣ съ развитіемъ рабства облегчается и участь домашнихъ рабовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ даже пріобрѣтаютъ относительную независимость. Но такъ какъ необходимо все-таки пополнять ряды населенія рабовъ, то для этого прибѣгаютъ къ нападеніямъ на племена, менѣе цивилизованныя, и плѣнные, предназначенные для продажи, зачастую подвергаются очень дурному обращенію, пока не попадутъ въ руки купцовъ, достаточно предусмотрительныхъ и желающихъ сохранить свой человѣческій товаръ въ хорошемъ состояніи. Что же касается нравственнаго вліянія, то, какъ мы уже говорили, оно въ высшей степени пагубно какъ для той, такъ и для другой стороны, что̀ подтверждаетъ вся картина эволюціи рабства, развертывающейся передъ нашими глазами и отличающейся большою простотой на всемъ африканскомъ континентѣ, или вѣрнѣе: у всѣхъ негритянскихъ расъ.

Глава VI.

Рабство въ южной Америкѣ.—Женщины замѣняютъ рабовъ у фуэджійцевъ.—Работы, возлагаемыя на женщинъ въ Патагоніи и другихъ мѣстахъ.—Преднамѣренная грубость въ отношеніи женщинъ. — Христіанскіе рабы обоего пола.—Дрессировка дѣтей, взятыхъ въ плѣнъ.—Наказаніе бѣглыхъ.—Промышленныя, земледѣльческія и пастушескія племена.—Общежительность макоосовъ, чикитосовъ и др.—Рабство у этихъ племенъ.—Каннибализмъ гвараниссовъ.—Торжественныя пытки плѣнныхъ.—Отсутствіе рабства и возложеніе всѣхъ работъ на женщинъ.—Занятія мужчинъ.—Художественныя и вакхическія развлеченія.—Невольничьи набѣги.—Похищеніе и продажа дѣтей въ Новой Мексикѣ.—Военные рабы.—Связь между рабствомъ и первобытною промышленностью. — Рабство у эскимосовъ. — Кланы до невольничьяго періода. — Рабство въ Камчаткѣ. — Рабство и каннибализмъ въ Нуткѣ.—Проституція рабынь.—Рабство, какъ исключеніе.—Рабство на приморскомъ берегу. — Кланы. — Предоставленіе женщинамъ трудной работы. — Наемные слуги.—Обращеніе съ военноплѣнными.—Пытка или усыновленіе.—Женщина-слуга.—Утилитарная полигамія.—Трудъ безчеститъ мужчину.—Амазонская и гинекократическая теоріи. — Амазонки въ Греціи и Америкѣ. — Хозяйственная гинекократія.

Какъ въ Меланезіи и Африкѣ, такъ и въ южной Америкѣ рабство встрѣчается не у всѣхъ племенъ; его нѣтъ у тѣхъ, которые еще не вышли изъ состоянія первобытной дикости и соціальный строй которыхъ еще очень несложенъ, а также у племенъ, сохранившихъ еще республиканскую организацію, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторые обычаи, обусловливающіе большее или меньшее равенство членовъ.

Свое изслѣдованіе южно-американскихъ племенъ мы начнемъ, какъ всегда, съ наиболѣе дикихъ туземцевъ, населяющихъ Огненную землю—фуэджійцевъ. Эти послѣдніе не имѣютъ ни промышленности, ни развитія, ни соціальной организаціи и представляютъ анархическія орды. Однако и у нихъ уже есть собственныя территоріи для охоты и рыболовства, отдѣляемыя другъ отъ друга нейтральными полосами. Между ордами происходятъ стычки, но въ плѣнъ они не берутъ, поэтому у нихъ и нѣтъ рабовъ. Самыя трудныя работы составляютъ удѣлъ женщинъ, которыя у фуэджійцевъ еще болѣе несчастны и еще болѣе угнетены, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Женщина, или, вѣрнѣе, «самка» фуэджійца, должна идти въ воду во всякое время года, несмотря на суровость климата, для того, чтобы собирать съѣдобныя раковины или же выливать воду изъ пирогъ. Это она строитъ маленькую коническую палатку, покрытую шкурами; она же гребетъ и всѣ эти работы выполняетъ даже тогда, когда кормитъ ребенка, котораго таскаетъ за спиной всюду.

Но на большей части южно-американскаго континента участь женщины такова же, какъ и на Огненной землѣ. По обширнымъ равнинамъ южной Америки бродятъ кочующія племени, носящія разныя названія, но одинаково дикія. Нѣкогда охота составляла единственный жизненный рессурсъ этихъ кочевниковъ, война же была ихъ любимымъ занятіемъ. Прирученіе лошади дало имъ возможность перемѣщаться съ одного мѣста на другое съ до тѣхъ поръ неизвѣстною быстротой и они могли больше не страшиться голода. Въ прежнія времена патагонцы путешествовали пѣшкомъ, маленькими семьями, которыя оставались въ извѣстной мѣстности до тѣхъ поръ, пока не истребляли всю дичь. Мужчины охотились и сражались. Женщины же, на которыхъ лежали еще и всѣ другія заботы, переносили во время этихъ странствованій шкуры и колья палатокъ и разбивали палатки на остановкахъ. Имъ же приходилось заботиться объ огнѣ, сдирать шкуры съ убитыхъ животныхъ, выдѣлывать ихъ и сшивать вмѣстѣ, чтобы приготовлять изъ нихъ разрисованные плащи; мужчины носили только лукъ и стрѣлы съ кремневыми наконечниками и пращи. Но теперь они ѣздятъ врехомъ, сажая съ собою маленькихъ дѣтей. При такихъ условіяхъ жизни рабство могло доставить облегченіе только женщинамъ, поэтому мужчины и не заботились вводить его. Сосѣднія съ патагонцами племена ведутъ такой же образъ жизни; они образуютъ такія же орды или самые первобытные кланы, управляемые совѣтомъ изъ главъ семействъ въ мирное время, но во время войны выбираютъ предводителя. У всѣхъ этихъ племенъ существуетъ полигамія и женщина представляетъ вьючный скотъ; она переноситъ всѣ тяжести и иногда ей приходится даже нести собакъ, принадлежащихъ племени.

Во всѣхъ этихъ кочевыхъ ордахъ женщинѣ приходится выносить самое грубое обращеніе; грубость эта часто бываетъ преднамѣренной. Мужчина бываетъ нарочно грубъ со своими женами, особенно первое время. Онъ бьетъ ихъ часто безъ всякаго повода, единственно лишь для того, чтобы воспитать ихъ и внушить имъ чувства покорности. Никогда женщинъ не избавляютъ отъ работы, даже въ послѣдніе мѣсяцы беременности.

Номады американскихъ пампасовъ часто производятъ набѣги на испано-американскія поселенія съ цѣлью похитить скотъ и женщинъ. Иногда для этого имъ приходится проходить разстоянія въ 500—600 миль и случается, что жены сопровождаютъ своихъ мужей во время этихъ походовъ и даже берутъ съ собою своихъ дѣтей. На женщинъ и дѣтей при этомъ возлагается спеціальная обязанность: онѣ должны собирать и уводить скотъ, въ то время, какъ мужчины сражаются.

Это племя грабителей индѣйцевъ чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія. Во всякое время года индѣйцы спятъ голые на землѣ, насмѣхаясь надъ «глупыми христіанами», которые «безсмысленно работаютъ» только для того, чтобы раздобыть золото и затѣмъ напялить на себя неудобныя одежды. У этихъ индѣйцевъ нѣтъ рабовъ своей расы, но иногда они обращаютъ въ раба плѣнныхъ христіанъ и въ особенности женщинъ. Во время своихъ нападеній они щадятъ обыкновенно только молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. Иногда, впрочемъ, они забираютъ нѣсколько плѣнниковъ мужского пола, которые становятся предметомъ торговли и обмѣниваются затѣмъ либо на лошадь, либо на быка. Плѣнницы тоже иногда продаются и переходятъ изъ рукъ въ руки. Самыя счастливыя изъ нихъ тѣ, которыхъ завоеватели берутъ въ жены, такъ какъ онѣ даже становятся привилегированными женами. У одного кацика былъ, напримѣръ, цѣлый такой гаремъ изъ 32 плѣнницъ. Плѣнныя дѣти воспитываются для кочевой жизни и пріучаются пасти стада. Часто они такъ привыкаютъ къ такой жизни, что забываютъ свой родной языкъ и совершенно смѣшиваются съ племенемъ, среди котораго находятся. Всякая попытка къ побѣгу со стороны плѣнника или раба считается непростительнымъ преступленіемъ. Пойманный бѣглецъ окружается всадниками, которые его убиваютъ, но медленно, прокалывая своими длинными пиками. Съ женщинами поступаютъ съ еще болѣе утонченною жестокостью; ихъ связываютъ по рукамъ и ногамъ, бичуютъ долго и сильно кожаными плетьми и затѣмъ отдаютъ ихъ на произволъ человѣкъ двадцати мужчинъ. Также поступаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ женами, виновными въ супружеской измѣнѣ.

Эти факты, во всякомъ случаѣ, указываютъ, что номады американскихъ пампасовъ еще не ввели у себя настоящаго рабства, въ которомъ притомъ они мало нуждаются.

Въ сѣверной области пампасовъ туземцы замѣтно болѣе цивилизованы; абипоны, чикитосы, моксосы не только охотники, но и земледѣльцы. Они умѣютъ воздѣлывать маисъ и даже приготовляютъ изъ него шипучій напитокъ «пиша». Тобасы, кромѣ того, пастухи и ихъ женщины очень искусно прядутъ шерсть и хлопокъ, окрашиваютъ нитки въ красный и желтый цвѣтъ и дѣлаютъ веревки; онѣ также умѣютъ ухаживать за скотомъ и воздѣлывать землю; впрочемъ, въ послѣдней работѣ имъ помогаютъ мужчины.

Общественныя чувства у индѣйцевъ довольно развиты; они природные музыканты и любятъ устраивать вакхическія и лирическія собранія, на которыя созывается не только своя деревня, но и всѣ сосѣднія деревни. Особенно у моксосовъ сильно развиты

эти вкусы и они большую часть своей жизни проводятъ въ пляскѣ, пѣньи, въ весельи и пьянствѣ. Но у этихъ веселыхъ моксосовъ теперь уже начинаетъ возникать рабство, такъ какъ они поняли, что могутъ извлечь болѣе пользы изъ побѣжденнаго врага, оставляя его въ живыхъ. Еще въ прошломъ столѣтіи моксосы продавали своихъ военноплѣнныхъ тѣмъ племенамъ, у которыхъ существовало рабство. У чикитосовъ рабство уже было организовано, но имѣло, такъ сказать, семейный характеръ; чикитосы нападали на сосѣдей и похищали у нихъ мужчинъ, которыхъ они обращали въ рабовъ, но при этомъ они давали имъ женъ.

Такіе болѣе мягкіе нравы составляютъ контрастъ съ нравами гваранисовъ, которые наблюдали въ XVII вѣкѣ Жанъ де-Лери и францисканскій монахъ Теве, доставившіе много любопытныхъ свѣдѣній объ этихъ племенахъ. У гваранисовъ рабство существовало еще только въ зачаточной формѣ; они, правда, оставляли въ живыхъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, но лишь для того, чтобъ потомъ ихъ съѣсть на досугѣ, совершенно такъ, какъ это дѣлали витійцы въ Меланезіи. Но съ плѣнными побѣдители обращались хорошо; они давали имъ въ жены порою даже собственныхъ дочерей. Съ плѣнницами такъ не поступали, но если онѣ умѣли воздѣлывать землю и собирать ракушки и если мужчины плѣнные оказывались хорошими охотниками или рыболовами, то тѣхъ и другихъ оставляли въ живыхъ на болѣе или менѣе долгое время и даже откармливали ихъ, такъ какъ въ концѣ концовъ ихъ все-таки съѣдали. Въ день совершенія казни устраивалось большое празднество, на которое приглашались всѣ сосѣднія деревни, чтобы принять участіе въ общемъ весельѣ, и плѣнные, осужденные на съѣденіе, даже старались казаться веселѣе другихъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ всеобщаго ликованія, намѣченную жертву схватывали и связывали, оставляя руки свободными. Мужчина въ такихъ случаяхъ всегда старался выказать необыкновенное мужество, насмѣхался надъ врагами и всячески оскорблялъ ихъ. Лери разсказываетъ, что мужчина, приговоренный къ смерти, всегда въ такихъ случаяхъ, обращаясь къ одному врагу, говорилъ: «Я покушалъ мяса твоего отца»; другому: «Я убилъ твоихъ братьевъ и выкоптилъ ихъ мясо; я убилъ и съѣлъ столько вашихъ женъ и дѣтей, что даже и сосчитать не могу! Можете быть увѣрены, что мое племя отмститъ за мою смерть и съѣстъ множество вашихъ людей, сколько только въ состояніи будетъ захватить».

Послѣ такой рѣчи плѣннику, удерживаемому неподвижно съ двухъ сторонъ сторожами при помощи веревокъ, обмотанныхъ вокругъ его туловища, приносятъ камни и обломки глиняной посуды со словами: «Отмсти за себя, прежде чѣмъ умрешь!» Разумѣется,

плѣнникъ не заставляетъ себя просить и всегда спѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ и начиналъ швырять каменьями въ присутствующихъ, что есть силы, такъ что случалось, что онъ даже ранилъ многихъ довольно тяжело. Послѣ еще нѣсколькихъ такихъ выходокъ, похвальбы и угрозъ, дерзкаго плѣнника убивали, а его временная жена дѣлала видъ, что оплакиваетъ его. Затѣмъ, тѣло его поступало въ распоряженіе старухъ, которыя немедленно обмывали его и сдирали съ него кожу, мужчины же быстро раздѣляли его на части посредствомъ острыхъ камней, послѣ чего куски человѣческаго мяса укладывались на рѣшетку, сдѣланную изъ прутьевъ, на которой оно подвергалось копченью. Старухи, по словамъ Лери, особенно лакомыя до человѣческаго мяса, толпились возлѣ и собирали жиръ, капающій съ большихъ и высокихъ деревянныхъ рѣшетокъ, и облизывая пальцы, приглашали мужчинъ послѣдовать ихъ примѣру, говоря, что «онъ очень вкусенъ». Если временная жена съѣденнаго плѣнника оказывалась послѣ него беременной, то ея ребенка также съѣдали, или тотчасъ же послѣ его рожденія, или же нѣсколько времени спустя. Кровью же убитаго плѣнника смазывали дѣтей племени, чтобъ привить имъ наслѣдственную ненависть къ врагу, воодушевляющую ихъ родителей. Изъ трубчатыхъ костей плѣнника приготовляли музыкальные инструменты, а изъ его зубовъ—ожерелья; черепъ же вывѣшивался, какъ трофей, у входа въ вигвамы.

Все это, конечно, ужасно, но самая эта свирѣпость указываетъ, что гваранисы скорѣе были каннибалами изъ чувства мести, нежели изъ обжорства; такъ думаетъ и Лери. Съ теченіемъ времени изъ этихъ кровавыхъ обычаевъ развилось настоящее рабство и даже Лери разсказываетъ о плѣнникахъ, которые были съѣдены спустя лишь двадцать лѣтъ послѣ своего плѣна, да и вообще тѣ плѣнные, изъ которыхъ можно было извлечь какую-нибудь пользу, очень долго ожидали своей казни.

У этихъ племенъ, столь свирѣпыхъ съ плѣнниками, на которыхъ они смотрѣли, какъ на убойный скотъ, участь женщинъ была очень тяжела. На нихъ однихъ возлагались всѣ тяжелыя работы и поэтому мужчины старались раздобыть женщинъ какъ можно больше; конечно, наиболѣе храбрые воины всегда брали для себя въ такихъ случаяхъ львиную долю, т. е. присвоивали себѣ лучшихъ изъ плѣнницъ.

Дикарямъ приходилось постоянно расчищать отъ лѣса новые участки земли для своихъ посѣвовъ, такъ какъ они не могли два раза подрядъ засѣвать одинъ и тотъ же участокъ. Расчистку всегда производили мужчины, но дальнѣйшее ихъ уже не касалось; женщины должны были сѣять, собирать жатву, приготовлять

«шишу» и т. п.; вообще женщины исполняли большинство работъ, возлагаемыхъ обыкновенно на рабовъ тамъ, гдѣ они существуютъ. Мужчины же занимались только своимъ оружіемъ, охотой, рыбною ловлей и войной. По странному нравственному противорѣчію, составляющему, впрочемъ, довольно обычное явленіе у первобытныхъ народовъ, эти каннибалы были жестоки только съ плѣнными и женщинами. Между собою они были очень общительны и привѣтливы и все имъ служило предлогомъ для устройства веселыхъ собраній, и они безпрестанно посѣщали другъ друга и сообща напивались «шишой». Такая же общительность наблюдается у большинства племенъ южной Америки, именно у чикитосовъ и моксосовъ. Всѣ они врожденные музыканты, обожаютъ танцы, пѣніе, игры и свой опьяняющій напитокъ—шишу. Поэтому-то они и устраиваютъ такъ часто, какъ только возможно, вакхическія собранія, на которыя приглашаются всѣ окрестныя деревни. Всѣ они не только охотники, но и земледѣльцы; всѣ многоженцы и ведутъ осѣдлый образъ жизни; моксосы же кромѣ того живутъ большими семьями, т. е. образуютъ многочисленные кланы. У чикитосовъ даже существуютъ общежитія для юношей. Чикитосы и моксосы уже болѣе не съѣдаютъ своихъ плѣнныхъ, но безъ сомнѣнія, торгуютъ ими, такъ какъ они производятъ набѣги на своихъ сосѣдей, чтобы раздобыть рабовъ, которыхъ либо продаютъ тотчасъ же, либо оставляютъ у себя и даютъ имъ женъ. Эти туземцы уже начинаютъ цивилизоваться и носятъ не одни только звѣриныя шкуры, какъ номады пампасовъ, но женщины у нихъ умѣютъ уже прясть, ткать шерсть и хлопокъ и окрашивать нитки. Ремесла же мужчинъ гораздо болѣе просты и состоятъ обыкновенно лишь въ изготовленіи оружія. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся далѣе къ сѣверу, по направленію къ Перу и древней Мексикѣ и другихъ, менѣе значительныхъ государствъ, но достигшихъ одинаковой съ ними степени развитія, мы встрѣчаемъ болѣе развитую цивилизацію, но въ то же время и болѣе развитыя невольничьи наклонности и учрежденія, неизвѣстныя какъ краснокожимъ сѣверной Америки, такъ и номадамъ-индѣйцамъ южныхъ пампасовъ.

Дикія племена, обитавшія вокругъ древней Мексики, поступали такъ же, какъ и моксосы и чикитосы, производя набѣги для добыванія рабовъ. Нѣкоторые изъ нихъ похищали дѣтей у другихъ племенъ для продажи и даже, въ случаѣ недостатка этихъ послѣднихъ, продавали своихъ собственныхъ; другія племена уже ввели у себя рабовъ и, напримѣръ, древніе маіи въ Табаско оргинизовали у себя настоящее рабство. Въ Кубѣ военноплѣнные всегда обращались въ рабовъ; въ Пуэбло индѣйцы, сравнительно цивиі-

лизованные, сражались всегда очень яростно, мучили своихъ плѣнниковъ и какъ можно скорѣе продавали женщинъ и дѣтей. У пипиловъ въ Сальвадорѣ рабство было установлено почти законнымъ путемъ. Мужчина, соблазнившій чужую жену, становился рабомъ оскорбленнаго мужа. Рабство, повидимому, составляетъ соціальный порокъ, присущій варварскимъ цивилизаціямъ, но все-таки уже вышедшимъ изъ состоянія первобытной дикости. Очевидно, причины этого слѣдуетъ искать въ успѣхахъ промышленности, такъ какъ въ этомъ состояніи охота, рыбная ловля и каннибализмъ уже не составляютъ единственнаго жизненнаго рессурса и существуетъ много другихъ занятій, которыя признаются полезными и необходимыми, напримѣръ, воздѣлываніе нѣкоторыхъ растеній и приготовленіе одежды, опьяняющихъ напитковъ и т. п., которыя мужчины охотно предоставляютъ женщинамъ и рабамъ. Кромѣ того, эти племена имѣютъ нѣкоторое понятіе о торговыхъ обмѣнахъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ первобытнымъ дикарямъ, и такъ какъ рабъ представляетъ у нихъ мѣновую цѣнность, то они охотно щадятъ жизнь плѣнныхъ, чтобы извлечь изъ нихъ какую-нибудь выгоду. Такова была эволюція рабства въ южной и центральной Америкѣ, находящихся еще въ состояніи дикости. Что рабство появляется лишь въ связи съ нѣкоторою цивилизаціей, это доказывается всѣми первобытными обществами. Напримѣръ, американскіе эскимосы не знали рабства. Маленькія орды номадовъ, которыя встрѣчались Россу и Парри въ американской арктической области, даже и понятій не имѣли ни о какой соціальной іерархіи. Гренландскіе эскимосы дѣлились на кланы, имѣвшіе общинную организацію, члены которыхъ были равноправны, и различіе между «твоимъ» и «моимъ» было очень слабо выражено. Камчатскіе эскимосы представляли до нѣкоторой степени такую же организацію, но ихъ общины были многочисленнѣе и промышленнѣе и у нихъ уже существовало рабство, такъ что кланы воевали другъ съ другомъ, чтобы раздобыть плѣнныхъ. Изъ женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ, дѣлали наложницъ, мужчинъ же обращали въ рабовъ и заставляли на себя работать.

Въ Америкѣ, на сѣверо-западномъ Гиперборейскомъ берегу племена, составляющія помѣсь краснокожихъ съ эскимосами, ввели у себя рабство въ полномъ размѣрѣ. Такъ, тлинкиты достаютъ рабовъ посредствомъ войны или торговли. Они покупаютъ рабовъ у орегонскихъ краснокожихъ и обращаются съ ними съ чрезвычайною жестокостью, такъ что не позволяютъ имъ обзаводиться какою-либо собственностью и даже женой. Они заставляютъ рабовъ работать, ловить рыбу и даже сражаться за своихъ господъ; когда же рабы состарѣются, ихъ убиваютъ, чтобы отъ нихъ

отдѣляться. Иногда они ихъ приносятъ въ жертву и каждый владѣлецъ рабовъ заранѣе намѣчаетъ двухъ, которые должны быть убиты на его могилѣ, когда онъ умретъ. Рабство имѣетъ наслѣдственный характеръ и дѣти рабовъ, въ свою очередь, рабы. Классъ рабовъ у тлинкитовъ очень многочисленный и составляетъ почти треть всего населенія.

Далѣе къ югу у нутка-колумбійцевъ, представляющихъ еще большую помѣсь, нежели тлинкиты, которыхъ обыкновенно причисляютъ къ краснокожимъ, рабство существовало уже со всѣми его самыми ужасными послѣдствіями и главный нутка—колумбійскій вождь, очень лакомый до человѣческаго мяса, при каждомъ новолуніи устраивалъ пиръ, на который созывались другіе низшіе вожди, и съѣдалъ одного изъ своихъ рабовъ. Эти нутка—колумбійцы имѣли цѣлыя стада рабовъ, которые набирались посредствомъ постоянныхъ набѣговъ и похищеній дѣтей у сосѣднихъ племенъ. Подобная толпа рабовъ составляла предметъ обширной торговли и служила для производства всѣхъ тяжелыхъ работъ. Рабы были нѣчто въ родѣ размѣнной монеты и ими уплачивали вознагражденіе, если бывало нужно заплатить за какой-нибудь проступокъ или преступленіе. Женщины-рабы эксплуатировались для проституціи, приносившей доходы, а дѣти ихъ, въ свою очередь, становились рабами. Но эти невольничьи нравы совсѣмъ не встрѣчаются у краснокожихъ, чистыхъ отъ всякой примѣси, которымъ рабство почти совсѣмъ неизвѣстно или же встрѣчается въ видѣ исключенія. Только къ сѣверу и къ югу обширной территоріи, занимаемой индѣйцами, можно найти племена, у которыхъ существуетъ рабство, и, по всей вѣроятности, оно было занесено сюда пограничными племенами. Коніагасы, такое же гиперборейское племя, какъ и тлинкиты, мучили и убивали своихъ военноплѣнныхъ по обычаю своей расы, но за-то они обращали въ рабство женщинъ и дѣтей. Положеніе этихъ послѣднихъ было такое тяжкое, что когда русскіе пришли въ эту страну, то рабы цѣлою толпою отправились къ нимъ просить ихъ покровительства. Но отъ этой перемѣны они выиграли немного. Пришельцы такъ сильно заставляли ихъ работать, что они вскорѣ всѣ перемерли и замѣнены были затѣмъ юридическими рабами, т. е. туземцами, приговоренными за какой-нибудь проступокъ.

Но не одни только коніагасы изъ краснокожихъ ввели у себя рабство. Шинуки, обитающіе на берегу, обращаютъ въ рабство, если онъ не заплатитъ выкупа, каждаго индѣйца, случайно встрѣченнаго ими вдали отъ своего племени, хотя бы съ этимъ племенемъ они и не находились во враждѣ. Другіе краснокожіе, а именно въ Утахѣ, также имѣли рабовъ, похищали женщинъ и дѣтей

своихъ сосѣдей для продажи и вообще обращались со своими рабами очень жестоко. Такъ какъ торговля невольниками казалась имъ очень прибыльной, то они даже доходили до того, что продавали своихъ собственныхъ женъ и дѣтей. У апаховъ были также рабы, но въ этомъ отношеніи они только подражали дикимъ племенамъ Новой Мексики. Побѣгъ изъ индѣйской деревни, представлявшей скорѣе нѣчто вродѣ лагеря, не былъ особенно затруднителенъ, тѣмъ болѣе, что мужчины обыкновенно отсутствовали, но апахи, въ видахъ предупрежденія такихъ побѣговъ, терроризировали своихъ рабовъ и безжалостно мучили пойманныхъ бѣглецовъ, порою сжигали ихъ на медленномъ огнѣ.

Можно сказать вообще, что рабство, почти неизвѣстное въ своей обыкновенной формѣ внутри континента, было распространено въ большей или меньшей степени среди большинства племенъ западнаго побережья сѣверной Америки, начиная отъ Калифорніи до Берингова пролива. Нѣкоторыя племена, болѣе слабыя, чѣмъ ихъ сосѣди, служили для этихъ послѣднихъ настоящимъ разсадникомъ рабства. Въ Калифорніи болѣе сильныя племена пользовались каждымъ предлогомъ, чтобы произвести нападенія на своихъ слабыхъ сосѣдей. Побѣда была обезпечена заранѣе и иногда женщины и дѣти сопровождали мужчинъ въ такихъ набѣгахъ, не сопряженныхъ съ большими трудностями; плѣнниковъ же, которыхъ почему-либо не считали нужнымъ подвергать пыткамъ и убивать, обращали въ рабство.

Такіе нравы однако не встрѣчаются у краснокожихъ внутри континента, тамъ, гдѣ они лучше ограждены отъ всякаго соприкосновенія съ посторонними элементами и лучше сохранили привычки, свойственныя ихъ расѣ. Эти племена обращались съ плѣнными или же очень мягко, или же съ величайшею свирѣпостью, но въ рабовъ ихъ не обращали. Впрочемъ, и соціальное устройство у этихъ краснокожихъ не благопріятствовало рабству. У нихъ кланы состояли изъ равноправныхъ членовъ, избранные вожди были только руководителями и военоначальниками во время войны, такъ какъ ихъ роль скорѣе заключалась въ томъ, чтобы вести людей, нежели командовать ими, всего чаще такія вооруженныя шайки краснокожихъ состояли изъ добровольцевъ, которые вели войну ради собственнаго удовольствія и могли покинуть своего предводителя, когда имъ вздумается.

Съ другой стороны, образъ жизни такихъ краснокожихъ былъ очень простъ; земледѣліе имъ было почти неизвѣстно и они существовали охотой, рыбною ловлей, да собираніемъ плодовъ. Мужчины были избавлены отъ всякаго тяжелаго труда внѣ охоты и войны. Они сами дѣлали свое оружіе и это составляло для нихъ

даже своего рода нравственный долгъ. Но, помимо этого, они ничего не дѣлали и проводили время въ благородной праздности, что, впрочемъ, считалось необходимымъ для декорума. Всѣ эти работы, каковы бы они ни были, возлагались на прирожденныхъ рабовъ всякаго первобытнаго общества, на женщинъ.

Находясь въ своихъ деревняхъ, индѣйцы обыкновенно ровно ничѣмъ не занимаются и женщины исполняютъ за нихъ всѣ работы, но на войнѣ и на охотѣ имъ самимъ приходится разводить огонь, готовить кушанье, исправлять одежду, укладывать мѣха и т. д. Всѣ эти занятія для нихъ невыносимы и они обыкновенно берутъ съ собою помощниковъ, «наемниковъ», которые набираются изъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ богатымъ семьямъ и вербующихся въ качествѣ слугъ года на два, чтобы потомъ уже навсегда быть избавленными отъ всякаго рабскаго труда. Такіе краснокожіе слуги очень напоминаютъ средневѣковыхъ пажей. Омахи, не имѣвшіе рабовъ, имѣли, однако, такихъ слугъ, вѣроятно, навербованныхъ подобнымъ же образомъ. Рабы же у этихъ краснокожихъ, о которыхъ иногда упоминаютъ путешественники прошлаго вѣка, по всей вѣроятности, были просто плѣнники, казнь которыхъ была отложена.

Извѣстно, что краснокожіе обращались со своими плѣнниками двоякимъ и совершенно различнымъ образомъ; они либо подвергали ихъ пыткамъ и смерти, либо присоединяли ихъ къ племени. Впрочемъ, смерть была болѣе частымъ удѣломъ плѣнныхъ и побѣдители, возвращаясь съ тріумфомъ въ свои деревни, шли вереницей, неся на концѣ своихъ длинныхъ копій скальпы своихъ враговъ и ведя за собою плѣнныхъ, которые уже заранѣе пѣли свою прощальную пѣснь передъ смертью. Идя на войну, мужчины давали обыкновенно торжественное обязательство, доставить своему клану столько-то плѣнныхъ и столько-то скальповъ, и вернувшись, они прежде всего распредѣляли своихъ плѣнныхъ и свои трофеи. Одинъ скальпъ равнялся одному человѣку. Плѣнниковъ сначала раздавали тѣмъ изъ женщинъ, которыя въ предшествовавшихъ экспедиціяхъ потеряли своихъ мужей или сыновей. Если плѣнниковъ было много, то лишнихъ дарили союзникамъ. Семья или кланъ, получившіе раба, могли поступить съ нимъ по произволу, либо сжечь его, либо подвергнуть пыткѣ—или даровать ему жизнь; въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ былъ искупить помилованіе посредствомъ подарка, сдѣланнаго деревнѣ. Если же погибъ кто-нибудь изъ выдающихся людей клана, то два-три раба всегда присуждались къ сожженію.

Совѣтъ деревни, которому поручалась раздача плѣнныхъ, отдавая ихъ тому или другому изъ лицъ клана, всегда говорилъ:

«Вотъ чѣмъ можно вознаградить потерю такого-то и вычистить сердце его отца, матери, жены и дѣтей. Ты можешь располагать плѣннымъ по своему желанію, захочешь ли ты приготовить супъ изъ его мяса или же поступишь съ нимъ какъ-нибудь иначе». Распредѣленіе живыхъ плѣнниковъ или скальповъ производилось на площади, куда раньше созывалась вся деревня. Сначала удовлетворяли женщинъ, которыя потеряли кого-нибудь на войнѣ, своихъ мужей или дѣтей; затѣмъ наступалъ чередъ тѣхъ, съ которыми было заключено обязательство. Погибшаго вождя могъ замѣнить только вождь или два-три раба. Нѣкоторые изъ плѣнниковъ оставлялись совѣтомъ, который предлагалъ принять ихъ въ племя, чтобы замѣнить ими умершаго.

Большею частью, однако, военнопленные присуждались къ смертной казни, причемъ для нихъ изобрѣтались самыя изысканныя мученія къ великой радости присутствующихъ. Въ такихъ случаяхъ жены побѣдителей вели себя какъ фуріи, а приговоренный стремился до самаго конца осыпать оскорбленіями своихъ мучителей обоего пола. Иногда гуроны и ирокезы поступали со своими плѣнными, какъ бразильскія гваранисы; они оставляли ихъ въ живыхъ на нѣкоторое время, но только чернили имъ лица и затѣмъ ихъ убивали въ концѣ концовъ съ самою утонченною жестокостью. Если же плѣнникъ усыновлялся племенемъ, то всякая ненависть къ нему исчезала какъ бы по волшебству. Его развязывали и уводили въ предназначенную ему хижину, обмывали его теплою водой, перевязывали ему раны, кормили его и вообще обращались съ нимъ, какъ съ роднымъ, котораго надо вылѣчить. Спустя нѣсколько дней устраивался торжественный пиръ, на которомъ усыновленный получалъ имя того, кого онъ долженъ былъ замѣнить, а вмѣстѣ съ этимъ и всѣ его права и обязательства. Весьма часто усыновленные плѣнные такъ серьезно входили въ свою роль, что даже не колеблясь сражались противъ своихъ же единоплеменниковъ. Кланъ относился къ усыновленному, какъ къ своему единокровному члену, и къ нему переходили всѣ родственныя связи, бывшія у покойника, мѣсто котораго онъ занялъ, такъ какъ въ глазахъ краснокожихъ усыновленіе было синонимомъ прямого родства.

Таковы были нравы прежде; теперь они замѣтно измѣнились и смягчились подъ вліяніемъ соприкосновенія съ бѣлыми, краснокожіе мало-по-малу стали производить обмѣнъ плѣнныхъ и уже все рѣже и рѣже подвергали ихъ пыткамъ. Иногда они усыновляли тѣхъ изъ плѣнныхъ, которые оставались у нихъ и отдавали ихъ въ мужья вдовамъ убитыхъ воиновъ, что налагало на нихъ

обязательство заботиться о вдовѣ и ея дѣтяхъ. Омахи даже еще дальше ушли въ этомъ направленіи и просто-на-просто отпускали своихъ плѣнныхъ; тѣ же, которые оставались въ племени, хотя и не усыновлялись имъ, но съ ними обращались уже какъ со своими.

Изъ всего этого собранія фактовъ можно вывести заключеніе, что краснокожіе еще не ввели у себя настоящаго рабства, но такъ какъ они считали всякій трудъ унизительнымъ для мужчины, то естественно должны были возложить всѣ работы на женщинъ, что и наблюдается въ дѣйствительности. Бракъ у краснокожихъ равносиленъ рабству женщины. Выйдя замужъ, женщина становится самою покорною слугой мужчины. Ея доля—слѣдовать за мужемъ всюду, куда онъ ее поведетъ и повиноваться ему безпрекословно. Всякая попытка къ сопротивленію жестоко наказывалась, а возмущеніе и непокорность вели за собою смерть. Женщины, по словамъ одной стариной книги («Historia Canadensis»), замѣняли мужчинамъ рабовъ, рабочихъ и даже лошадей. Одно индѣйское преданіе гласитъ: «Великій Духъ создалъ мужчину, чтобы онъ покровительствовалъ женщинѣ и охотился, все же остальное должна дѣлать женщина; она должна исполнять всѣ домашнія работы, строить вигвамы, рубить дрова, изготовлять шкуры, обработывать и засѣвать землю». Имѣть много женъ составляло завидное преимущество, но это могли позволять себѣ только богатые. Воспитаніе, вліяніе примѣра и тиранія господствующихъ воззрѣній привели къ тому, что женщины краснокожихъ раздѣляли этотъ взглядъ на раздѣленіе труда между обоими полами. По мнѣнію самихъ же женщинъ, трудъ обязателенъ только для женщинъ и унизителенъ для мужчинъ. Одна индѣйская женщина, увидѣвъ однажды, что бѣлые рубятъ дрова и носятъ ихъ на плечахъ къ тому мѣсту, гдѣ они развели костеръ, такъ была скандализована такимъ поведеніемъ, что схватила свой топоръ и, принявшись за работу, нарубила дровъ для иностранцевъ. Она не могла вытерпѣть, по ея словамъ, чтобы мужчины унижались, исполняя работу женщинъ. Краснокожія женщины, слѣдовательно, дошли до такой степени нравственнаго и физическаго униженія, что находили вполнѣ естественнымъ такой порядокъ вещей, и, принимая во вниманіе участь женщины во всѣхъ первобытныхъ обществахъ, невольно возникаетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли существовала когда-нибудь эра женскаго господства, которая допускается нѣкоторыми соціологами въ отдаленномъ прошломъ человѣчества. Но такъ какъ мы коснулись этого вопроса, то не мѣшаетъ остановиться на немъ нѣсколько дольше.

По слѣдамъ швейцарскаго ученаго Бахгофена, болѣе миѳолога,

нежели соціолога, возникла цѣлая школа, признававшая, что въ самомъ отдаленномъ прошломъ существовалъ золотой вѣкъ женщины, гинекократическая эра! Доказательства въ пользу этого смѣлаго утвержденія весьма слабы. Прежде всего указываютъ на легенду объ амазонкахъ, распространенную въ древнемъ грекоримскомъ мірѣ. Юстиніанъ повторилъ ее, а Діодоръ резюмировалъ ее въ слѣдующихъ словахъ: «Илинусъ и Сколопитусъ, два молодыхъ принца изъ скиѳовъ, изгнанные изъ страны вслѣдствіе заговора знатныхъ, увели съ собою большое число скиѳской молодежи и поселились въ Каппадокіи, близъ рѣки Термодона, овладѣвъ равнивой Ѳемидсира. Такъ какъ они въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ только грабили сосѣдей и опустошали страну, то народы составили противъ нихъ заговоръ, устроили засаду и погубили ихъ. Оставшіяся въ живыхъ ихъ жены, кромѣ горя, причиненнаго имъ изгнаніемъ, еще должны были испытать горе вдовства; онѣ взялись за оружіе и сначала только защищали свою страну, а затѣмъ изгнали изъ нея враговъ и перенесли войну дальше. Онѣ потеряли охоту выходить замужъ за своихъ сосѣдей, говоря, что положеніе замужней женщины скорѣе рабство, нежели замужество. Онѣ подали примѣръ добродѣтели и мужества, вполнѣ достойный того, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ и возбуждать удивленіе во всѣ времена; онѣ увеличили свою республику безъ содѣйствія мужчинъ и даже сохраняли ее, презирая мужчинъ, а для того, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ не были счастливѣе другихъ, онѣ убили мужей, которые еще оставались въ странѣ, и отмстили за ихъ смерть истребленіемъ сосѣдей. Тогда, достигнувъ мира при помощи острія своихъ мечей, онѣ соединились съ наиболѣе близкими изъ своихъ сосѣдей изъ опасенія, чтобы раса ихъ не исчезла. Онѣ убивали всѣхъ мальчиковъ, которые у нихъ рождались, и воспитывали своихъ дѣвочекъ по своему, не позволяя имъ жить въ праздности и не занимая ихъ работами съ шерстью, а заставляя ихъ упражняться въ употребленіи оружія, ѣздить верхомъ и ходить на охоту. Амазонки сжигали имъ въ дѣтствѣ правую грудь, чтобы она не мѣшала имъ привязывать лукъ и метать стрѣлы. Вотъ почему ихъ называли амазонками». Многіе писатели древности воспроизвели безъ всякихъ комментарій суть этой легенды. Нѣкоторые даже повѣствовали о побѣдахъ амазонокъ именно въ Эѳіопіи. Доказательства, однако, отсутствовали; никто не видалъ этихъ амазонокъ, существованіе которыхъ всегда относится къ доисторической древности, хотя въ честь ихъ даже были выбиты медали. Вѣроятно одинъ фактъ, нѣсколько разъ наблюдавшійся, вызвалъ появленіе этой легенды объ амазонкахъ. У многихъ народовъ, особенно у

номадовъ, женщины иногда сопровождаютъ мужчинъ на поле битвы и даже принимаютъ нѣкоторое участіе въ сраженіи. Отсюда уже не трудно было возникнуть предположенію, что существуетъ женское войско и женскія государства. Греки, вѣроятно, нашли бы своихъ миѳическихъ амазонокъ въ Дагомеи, еслибъ они знали этихъ храбрыхъ воительницъ, составлявшихъ силу маленькихъ дагомейскихъ армій и отзывавшихся съ презрѣніемъ о тѣхъ изъ своей среды, которыя выказывали слабость, говоря имъ: «Ты точно мужчина!» Что женщины, воспитанныя соотвѣтствующимъ образомъ, могутъ сражаться не хуже мужчинъ, это доказывается многими примѣрами изъ исторіи и этнографіи. Но тѣмъ не менѣе, наблюденіе еще ни разу не подтвердило факта существованія государствъ, исключительно населенныхъ только женщинами.

Въ современную эпоху легенда объ амазонкахъ снова возстановилась. Ее нашли и вывезли отъ американскихъ индѣцевъ, о которыхъ мы только-что говорили, и гдѣ она распространена по берегамъ рѣки Амазонки, получившей отъ нея свое имя. Вотъ въ какомъ видѣ передаетъ ее миссіонеръ, отецъ д'Акунья, со словъ индѣйскаго вождя Тупинамбы: «Тридцать шесть миль за нашимъ послѣднимъ поселеніемъ, въ сѣверной сторонѣ есть рѣчка, которая называется «Канарисъ», по имени племени, обитающаго на ея берегахъ. За Канарисами, вверхъ по рѣчкѣ, находятся апантасы, затѣмъ таньяны и гвакарасы. Съ этими послѣдними амазонки имѣютъ сношенія, такъ какъ иначе ихъ раса бы вскорѣ исчезла. Они обитаютъ на высокихъ горахъ, среди которыхъ возвышается та, которая называется «Якаміаба», гдѣ разгуливаетъ вѣтеръ и буря и дѣлаетъ ее совершенно безплодной. Женщины-воительницы безъ помощи мужчинъ устраивались на этихъ крутыхъ утесахъ и въ особенности на Якаміабѣ. Онѣ сами назначаютъ время, когда гвакарасы должны ихъ посѣтить, и дожидаютъ ихъ, вооруженныя луками и стрѣлами, опасаясь быть застигнутыми врасплохъ. Но лишь только онѣ удостовѣряются въ намѣреніяхъ гвакарасовъ, то толпою сбѣгаются къ нимъ въ лодки. Тамъ каждая изъ амазонокъ беретъ гамакъ и уноситъ въ свою хижину, гдѣ и развѣшиваетъ и затѣмъ отдается владѣльцу гамака. Послѣ нѣсколькихъ дней сожительства, эти временные гости удаляются восвояси, но каждый годъ въ это же самое время визитъ возобновляется. Дѣвочки, рождающіяся послѣ этого, выкармливаются матерями, которыя обучаютъ ихъ владѣть оружіемъ и работать. Что онѣ дѣлаютъ съ мальчиками—неизвѣстно. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ онѣ отдаютъ ихъ отцамъ, но, по мнѣнію другихъ, онѣ ихъ убиваютъ въ самый моментъ ихъ рожденія».

Среди американскихъ индѣйцевъ очень много распространено легендъ азіатскаго происхожденія; вѣроятно, и эта легенда такого же происхожденія, чѣмъ и объясняется ея совпаденіе съ греческой легендой объ амазонкахъ. Надо замѣтить, что этихъ американскихъ амазонокъ также никто не видѣлъ, какъ и греческихъ, и что онѣ также обитаютъ въ какой-то отдаленной и почти недоступной странѣ. Нельзя поэтому относиться серьезно къ такимъ разсказамъ.

Въ прошломъ столѣтіи разсказы отца миссіонера Лафито, касающіеся краснокожихъ, послужили новымъ толчкомъ къ возрожденію гинекократической теоріи. Въ нѣкоторыхъ племенахъ краснокожихъ женщины пользовались громаднымъ вліяніемъ, имѣли своихъ ораторовъ въ совѣтахъ племени, но ораторы эти были мужчины. Однако, отсюда до политической власти, матріархата еще далеко... Въ самомъ дѣлѣ, другія наблюденія указываютъ намъ, что тамъ, гдѣ даже было царство женщинъ, оно было не болѣе, какъ царствомъ хозяекъ, распредѣляющихъ и сохраняющихъ общіе запасы.

Теорія политическаго матріархата, казалось, была уже окончательно погребена, но новѣйшія работы, касающіяся происхожденія и эволюціи семьи, воскресили ее. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что патріархатъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ, составляетъ лишь послѣдній результатъ очень длинной эволюціи. Когда общества стали человѣческими и анархическая животная орда «антропопитековъ» подверглась нѣкоторому благоустройству, то возникли семейные кланы, гдѣ существовало организованное сожительство, но затѣмъ, когда люди стали заботиться о потомствѣ, то возникли материнскія семьи, что было вполнѣ естественно, такъ какъ въ этихъ смѣшанныхъ ассоціаціяхъ опредѣленіе отцовства было очень затруднительно. Въ концѣ же концовъ и, вѣроятно, сравнительно въ недавнюю эпоху, была учреждена отцовская семья.

Женщина, впрочемъ, не пользовалась политическою властью даже въ періодъ матріархата; самое большее, если ея подчиненіе было нѣсколько меньше. За весьма рѣдкими исключеніями, подчиненіе женщины мужчинѣ наблюдается вездѣ и оно тѣмъ больше, чѣмъ первобытнѣе цивилизація. Въ варварскихъ обществахъ уважаютъ только силу, и непростительная ошибка женщины заключается именно въ томъ, что она слабѣе мужчины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗЛОЙ ДУХЪ.

Романъ Іонаса Ли *).

(Переводъ съ норвежскаго В. Фирсова).

*(Продолженіе *).*

III.

Абрагамъ ходилъ взадъ и впередъ по своей маленькой комнаткѣ въ мезонинѣ. На стѣнахъ комнатки висѣло множество эскизовъ, картинъ и рисунковъ углемъ или карандашемъ. Въ темноватомъ углу бѣлѣла кровать.

Почти единственнымъ сюжетомъ многочисленныхъ картинъ и рисунковъ были животныя, преимущественно лошади и собаки. Тутъ были лошади и скачущія, и вздернутыя на дыбы, и стоящія на мѣстѣ, и несущіяся въ запряжкѣ, съ развѣвающимися по вѣтру гривами и хвостами. Собаки были и сидящія, и лежащія, и на заднихъ лапахъ, и на стойкѣ, и т. д.

Абрагамъ расхаживалъ, заложивъ руки въ карманы. Его длинныя ноги казались еще длиннѣе отъ очень коротенькой жакетки, доходившей только до бедеръ.

«До трогательности наивны эти любящіе отцы!»—ворчалъ онъ себѣ потихоньку подъ носъ и, остановившись у дверей, прислонился къ стѣнѣ, закинувъ голову назадъ.—«Они воображаютъ, что очень весело сидѣть въ конторѣ, разсчитывать всякіе фрахты и вычислять барыши на покупкѣ какихъ-то пустырей! Ужасно весело, такъ весело, что веселье даже черезъ край течетъ!.. И разумѣется, нечего больше желать, и всякія развлеченія совсѣмъ излишни! Ха, ха! Скука какая! Такая тоска, такое уныніе, такое мучительное удушье... Я сойду съ ума... Незамѣтно, конечно, окруженный добродѣтелями и съ сознаніемъ выполненнаго долга. О, Господи!!»

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

Онъ сжалъ кулаки и глубже засунулъ ихъ въ карманы жакетки, затѣмъ рванулся впередъ и опять зашагалъ изъ угла въ уголъ...

«Прежде я могъ хоть бороться съ самимъ собой,—успокоивалъ онъ себя добродѣтельными размышленіями.—А теперь ужъ это не дѣйствуетъ... Теперь въ голову лѣзутъ совсѣмъ дикія мысли... Право, когда-нибудь сбѣгу, или удавлюсь, или кого-нибудь обокраду, т. е. ничего подобнаго *я*, конечно, не сдѣлаю, потому что ни за что не хочу причинить горе моему отцу... Остается одно: издохнуть въ этомъ заколдованномъ кругу!»

Онъ отрывисто засмѣялся.

«Абрагамъ Іонстонъ тихо скончался послѣ долгой болѣзни»,—началъ онъ надгробную рѣчь надъ самимъ собой.—«Ни единымъ вздохомъ не выдалъ онъ, что погибъ, оплакивая въ себѣ загубленнаго художника... Онъ не огорчалъ отца неприличными и назойливыми требованіями. Во всю свою добродѣтельную жизнь онъ ничего не сдѣлалъ для удовлетворенія своего честолюбія! Миръ праху его!»

Онъ умолкъ и зажегъ лампу; потомъ, доставъ папку съ рисунками, сталъ перелистывать многочисленные эскизы.

«Эта безсовѣстная дѣвчонка Браттъ!» — пробормоталъ онъ, останавливаясь на одномъ рисункѣ.—«Ломается надо мной... изводитъ меня... Экая коса! Единственная достопримѣчательность этого города... Такая коса можетъ быть только продуктомъ особенной физической мощи и здоровья. Мнѣ удалось уловить цвѣтъ ея лица и контуры головы.. Не видя самаго лица, по однимъ контурамъ и цвѣту кожи, можно уже сразу сказать, что у этой барышни всѣ качества, чтобы сдѣлаться преемницей своего отца, или корабельнымъ боцманомъ. Гм! А глаза недурны... Темно-синіе, почти черные... и какъ загораются, когда сердится... Любитъ злить людей! И какъ бываетъ дерзка! Имѣла вчера нахальство предложить мнѣ черезъ служанку развлечься на заводѣ и въ конюшняхъ, пока не вернется домой Клаусъ!»

Онъ съ досадой захлопнулъ папку и отошелъ къ окну, наблюдая, какъ въ городѣ, въ окнахъ, постепенно стали загораться огни.

— А впрочемъ, какое мнѣ до нея дѣло? Досадно только, что всякая дѣвчонка можетъ относиться ко мнѣ такимъ образомъ... Видно, меня считаютъ здѣсь какимъ-то жалкимъ конторщикомъ, который не въ силахъ даже жить иначе, какъ на отцовскихъ хлѣбахъ.

Молодой человѣкъ безучастно смотрѣлъ на улицу. Ему прихо-

дилось дѣлать надъ собой усиліе, чтобы не поддаваться гнетущей тоскѣ, и, помимо его воли, глаза его становились влажными...

Онъ былъ страшно одинокъ въ этомъ городѣ! Лѣтомъ была хоть охота... Тогда онъ могъ бродить со своей собакой по окрестнымъ болотамъ; было хоть развлеченіе защищать отъ этой собаки утокъ госпожи Михельсонъ. А теперь?.. Бѣдняга Рапъ долженъ довольствоваться травлей воронъ...

Въ одномъ изъ освѣщенныхъ оконъ противоположнаго дома ясно виднѣлся профиль засѣдателя Воге, сидѣвшаго у своего письменнаго стола надъ какими-то вычисленіями. — «Какой у него великолѣпный носъ!» — подумалъ Абрагамъ, стараясь себя развлечь.—«И какъ это онъ имъ поводитъ съ одной страницы счетной книги на другую! Вотъ можно сказать, ужъ настоящій бухгалтерскій носъ! Такой носъ чихаетъ цыфрами, по запаху чуетъ, вѣрны ли итоги, и хрюкаетъ при всякой погрѣшности».

— А бросить бы камушекъ?! гм!.. попалъ ли бы я ему прямо въ кончикъ носа? — Вотъ бы вздрогнулъ-то, вздернувъ клювомъ кверху! Вотъ было бы ужасное-то происшествіе въ его однообразной жизни, и никогда бы онъ и не узналъ, что именно съ нимъ случилось... А что было бы потомъ! Весь бы городъ поднялся на ноги! Люди показывали бы на Абрагама Іонстона пальцемъ на улицѣ: глядите, вонъ негодяй идетъ! — А отецъ умиралъ бы съ горя... что изъ сына ничего путнаго не вышло. Эта Гертрудъ Браттъ, и безъ того считаетъ меня дрянью! Гмъ!..

Онъ серьезно задумался.

— А можно вѣдь прославиться и не такъ,—пробормоталъ онъ черезъ минуту. — Добиться настоящей, хорошей, славы... Да гдѣ тутъ! Мы такое родовитое, «порядочное» семейство, что намъ и неприлично самому пробивать себѣ новый путь въ жизни... хотя бы даже и къ славѣ! Мы слишкомъ горды, чтобы рисковать какими-нибудь неудачами,.. или пораженіями...

Онъ вздрогнулъ и выпрямился въ внезапномъ припадкѣ озлобленія!

— Провались они всѣ!.. и я вмѣстѣ!..—вскричалъ онъ, скрежеща зубами.

Въ это время подъ окномъ послышались шаги, и кто-то негромко позвалъ его по имени.

Онъ порывисто открылъ окно.

— Это ты, Клаусъ?—спросилъ онъ.

— Да, съ Беккевольдомъ.

— Сейчасъ.

Онъ схватилъ шапку и быстро, но безшумно побѣжалъ внизъ

по лѣстницѣ, въ переднюю. Черезъ минуту онъ уже стоялъ въ мѣховомъ пальто передъ двумя товарищами.

— Сегодня пируемъ на суднѣ Мэллендаля!—объяснили ему.— Тамъ будутъ приказчикъ Лундъ, и Ольсенъ, и еще кое-кто.. Встрѣтимся съ ними въ каютѣ... въ десять часовъ...

— Такъ поздно? Послушай, Клаусъ... и ты, Беккевольдъ! Пойдемте-ка пока въ одно мѣсто... Я сдѣлалъ открытіе... Въ одномъ кабачкѣ есть необыкновенная... положительно необыкновенная служанка. Преинтересная дѣвушка! Я далъ себѣ слово непремѣнно нарисовать ея портретъ.

— Догадываюсь... Отта? Дочка старухи Гойби?

— Именно! Я видѣлъ ее сегодня утромъ... она бѣжала съ пивной корзинкой въ рукахъ. Не правда-ли, престранно сложена? И такая юркая... А знаете, вѣдь голова у нея совсѣмъ телячья. При ея живости, это выходитъ презабавно!..

— Э, да ты сегодня въ ударѣ, Абрагамъ! Вотъ такъ расписалъ! А вѣдь, въ сущности, я не видывалъ болѣе обыкновенной дѣвчонки...

— Видно «сумасшедшій живописецъ» въ тебѣ заговорилъ!— замѣтилъ Клаусъ.—Загорѣлся изъ-за этой дуры Отты... Ну, пойдемте въ кабачокъ, хотя бывать въ такомъ мѣстѣ довольно рискованно, и позорно. Надо же какъ-нибудь провести время до десяти часовъ!

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое уже были въ кабачкѣ, на Сагбаккенѣ, и расположились въ единственной комнатѣ заведенія.

Штурманъ Беккевольдъ взялъ на себя починъ и подошелъ къ стойкѣ.

— Пива и три стакана, красавица Отта!—распорядился онъ.

Старуха Гойби была занята наливаніемъ стаканчиковъ многочисленнымъ посѣтителямъ, которые то и дѣло входили въ кабачокъ отогрѣться глоткомъ чего-нибудь покрѣпче. Послѣ заката солнца на дворѣ стало холодно.

За столиками прислуживала Отта.

Въ полутемномъ помѣщеніи кабака раздавались громкіе, грубые голоса. Среди облаковъ табачнаго дыма тамъ и сямъ виднѣлись разгоряченныя лица. Доносились выкрики, отрывки разговоровъ. При появленіи молодыхъ людей многіе изъ постоянныхъ посѣтителей обернулись и посмотрѣли на нихъ съ явнымъ неудовольствіемъ. Выходило, точно они пришли нарушить спокойствіе здѣшнихъ мирныхъ завсегдатаевъ!..

Абрагамъ находилъ положеніе «пикантнымъ».

— Хорошо торгуете сегодня, мадамъ Гойби?—любезно обратился къ старухѣ Беккевольдъ.

Но та осталась равнодушна къ любезности, и, метнувъ въ сторону «господъ» озлобленный взглядъ, проворчала, ставя стаканы на стойку:

— Я думала, вы зашли сюда по ошибкѣ... Не ко мнѣ, а въ ресторанъ госпожи Михельсонъ слѣдовало бы идти такимъ важнымъ господамъ...

— Послушайте, мадамъ Гойби! — съ невозмутимымъ добродушіемъ снова обратился къ ней Беккевольдъ. — Неужели у васъ нѣтъ ничего повкуснѣе? Портеру, что-ли, или чего-нибудь такого?.. А то, можетъ быть, у васъ найдется глотокъ того славнаго рома, о которомъ ничего неизвѣстно въ таможнѣ?.. А? — Онъ лукаво подмигнулъ старухѣ.—Идетъ—значитъ! Велите-ка подать къ рому горячей воды...

Она уже собиралась окончательно разсердиться на непрошенныхъ гостей, но вдругъ вскрикнула съ удивленіемъ:

— Да вѣдь это Беккевольдъ! А я и не узнала васъ... Господи, какъ вы возмужали, какой вы стали важный баринъ! Вы еще простымъ *юнгой* хаживали сюда, когда собирались въ плаваніе по Тихому океану.

— То-то вотъ и есть. Не забылъ и я вашего кабачка, а особенно вашей собственной, задней комнатки! — умилился и онъ.— Теперь еще голова кружится, какъ вспомню то время. Вѣдь это были мои первые подвиги, мадамъ Гойби! Съ тѣхъ поръ я цѣлыхъ пять лѣтъ не бывалъ на родинѣ.

Знакомство Беккевольда съ хозяйкой дома устранило всякія недоразумѣнія и передъ молодыми людьми тотчасъ же явились всѣ принадлежности тодди.

— Прошу покорно! Вотъ и спички! — предупредительно прислуживала сама старуха.

— Вылитая чайка!—шепнулъ Абрагамъ Клаусу.—Сѣрые, круглые глаза такъ и высматриваютъ, какую бы подцѣпить рыбку. Теперь она задаетъ себѣ вопросъ, селедки ли мы для нея, или нѣтъ. Какъ забавно быть въ такомъ сомнительномъ вертепѣ! Даже духота и запахъ махорки мнѣ нравятся...

Между столиками, какъ тѣнь, скользила Отта съ бутылками и стаканами

— Посмотрите-ка, какой странный здѣсь сумракъ! — продолжалъ художникъ.—Какъ мягко выдѣляются на такомъ фонѣ освѣщенныя фигуры...

— Да брось ты свои фигуры! ухаживай себѣ за Оттой и только,—посовѣтовалъ Беккевольдъ.—Гляди, какъ она мила, когда откупориваетъ бутылки, изогнувшись въ три погибели и зажавъ бутылку между колѣнями.

Вдругъ полился яркій свѣтъ сверху, освѣтивъ группу рабочихъ, толпившихся у стойки. Оказалось, что проворная Отта уже успѣлка покончить со своими бутылками и, взобравшись на табуретъ, зажгла большую висячую лампу посреди комнаты.

— О!—вскричалъ Абрагамъ восторженно. — Вотъ когда она великолѣпна! Ну, что вы скажете объ этой, ярко освѣщенной телячьей головѣ, объ этомъ лбѣ съ лохматымъ чубомъ надъ нимъ? Вѣдь, такъ и кажется, что на такомъ лбу непремѣнно выростутъ рога...

— А я вижу только одно: она вытираетъ запачканные въ керосинѣ пальцы о свой передникъ!—проворчалъ Беккевольдъ.— Пріятная будетъ приправа къ пиву...

— Но каковы контуры ея гибкаго тѣла!—стоялъ на своемъ живописецъ и, схвативъ клочокъ бумаги, сталъ быстро рисовать, слегка прикрывая работу шляпой.—Сейчасъ она соскочитъ съ табуретки, и вы увидите, что при этомъ она какъ будто не коснется пола. Ну, вотъ! Видѣли? Точно кошка... безъ малѣйшаго шума!.. Опять взялась за пробочникъ... И косится зелеными глазами на насъ...

Клаусъ насмѣшливо усмѣхался, переглянувшись съ Беккевольдомъ.

Гуще прежняго клубились облака табачнаго дыма вокругъ лампы. Голоса рабочихъ, толкавшихъ другъ друга къ стойкѣ, стали громче и крикливѣе. Звонъ посуды не умолкалъ. Нѣкоторые изъ посѣтителей уже ушли, но на смѣну имъ явились новые.

Абрагамъ улыбался и не спускалъ глазъ съ Отты, любуясь, какъ ловко она увертывалась отъ одного подвыпившаго рабочаго, который пытался ее обнять всякій разъ, когда она что нибудь ему подавала.

Заинтересовался, наконецъ, юркой дѣвушкой и Клаусъ. Беккевольдъ такъ даже нѣсколько разъ пытался ее подозвать, но она дѣлала видъ, что не слышитъ его призывовъ.

Между тѣмъ стаканы тодди пустѣли, и молодой Іонстонъ, сидѣвшій опершись локтями на столъ, уже порядкомъ поблѣднѣлъ.

— Отта! Отта!—опять звалъ дѣвушку боцманъ и, когда она, наконецъ, подошла, прибавилъ: — Спасибо, что смилостивились! Дайте-ка намъ еще рому и воды.

— Отта—хорошенькое имя!—замѣтилъ Абрагамъ, желая завязать разговоръ и чуть-чуть краснѣя.

— Неужели?—безъ всякой робости отвѣтила Отта.—А по моему, вамъ нѣтъ никакого дѣла до моего имени.

Абрагамъ принялъ покровительственный тонъ.

— Вотъ что я вамъ посовѣтую, Отта, — сказалъ онъ спокойно. — Никогда не носите корсета и всегда надѣвайте такія мягкія, немножко неряшливыя юбки, какъ эта.

Она брала въ это время со стола подносъ, но, услышавъ его слова, быстро обернулась, желая убѣдиться, что онъ не смѣется надъ ней.

— Это вамъ къ лицу!—прибавилъ онъ серьезно.

— Вѣрно, вы дамскій портной?—процѣдила она сквозь зубы, и быстро удалилась съ подносомъ.

Клаусъ и Беккевольдъ хохотали.

— Вотъ тебѣ и досталось за твои художественные совѣты!— подшучивалъ боцманъ.—Тебѣ оставалось только прибавить совѣтъ, чтобы она никогда не умывалась... Вѣдь, не мало оригинальности придаетъ ей на потномъ лицѣ сажа.

Клаусъ уже обдумывалъ, не заняться ли этой дѣвушкой посерьезнѣе.

— Впрочемъ, у нея глаза только для Абрагама, а насъ она точно и не видитъ!—замѣтилъ онъ.

— Это притягательная сила магнетизма, Клаусъ...

Въ эту минуту вернулась Отта съ новымъ запасомъ принадлежностей для тодди.

— Дѣвица Отта! — обратился къ ней молодой Іонстонъ. — Не откажите подать еще бутылку пива... похолоднѣе... Кромѣ того, я еще хотѣлъ попросить васъ, нельзя ли снять этотъ фартукъ? Онъ положительно уродуетъ вашъ прекресный станъ.

Она только усмѣхнулась.

— Отчего это у васъ такъ жарко? — прибавилъ онъ, чтобы поддержать разговоръ.

— Коли вамъ душно... такіе важные господа могли бы и не ходить сюда!

— То-то, что я не могу сюда не ходить! Но послушайте кое-что посерьезнѣе... Я живописецъ... пишу портреты, и все, что нахожу красивымъ. Это у меня страсть! Будьте же такъ любезны, Отта, постойте здѣсь хоть минутку, чтобы я могъ дорисовать ваше лицо.

Отта хотѣла-было расхохотаться, но, увидѣвъ начатый портретъ и пристально посмотрѣвъ на Абрагама, вдругъ сконфузилась и убѣжала.

— Какое кокетство!—съ жаромъ проговорилъ Абрагамъ.

— Побольше хладнокровія и выдержки! — спокойно посовѣтовалъ Беккевольдъ.—Не гляди на нее... Знаю я ихъ! Если не обращать вниманія, ихъ любопытство возростаетъ...

— Ломается, потому знаетъ, что мы на нее смотримъ!—протянулъ Беккевольдъ.—По моему, тебѣ легко будетъ ее приручить, Абрагамъ... Развѣ не замѣтилъ, какъ ей понравилось, когда ты сказалъ, что она хороша собой. Ба! Посмотрите-ка: передника на ней уже нѣтъ! Ишь ты... И сама несетъ намъ пиво...

— То то, я говорилъ вамъ, что жарко! — замѣтилъ дѣвушкѣ Абрагамъ, когда она подошла.—Ужасно жарко.

— Вы просили пива?—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ пробормотала она, приготовляясь откупоривать.

— Да, но кромѣ того я просилъ васъ...

Она недовѣрчиво засмѣялась, и откупоривъ бутылку, поставила пиво на столъ. Но, ставя бутылку, она воспользовалась минутой, и наклонилась, чтобы лучше разсмотрѣть свой портретъ. Узнавъ себя, она громко фыркнула, и вся раскраснѣлась отъ душившаго ее смѣха.

— Да, да, это вашъ портретъ!—проговорилъ Абрагамъ.—Но вышло бы въ десять разъ лучше, если бы вы постояли минутку, и дали бы мнѣ дорисовать. Потомъ вы можете обойтись со мной, какъ съ тѣмъ кривоносымъ рабочимъ, котораго вы водите за носъ...

— Господи! Я вожу его...

Она совсѣмъ задыхалась отъ хохота и глаза ея искрились.

— Отлично, отлично... Не шевелите только головой!—уговаривалъ ее Абрагамъ.

— Сейчасъ несу пробочникъ! — крикнула она въ отвѣтъ на раздавшуюся воркотню матери и прибавила вполголоса:—Теперь я должна уйти. Иначе—мать мнѣ задастъ...

— Мы скоро еще потребуемъ пива!—шепнулъ ей Абрагамъ,

— Просто прелесть!—объявилъ охмелѣвшій Клаусъ.

Онъ налилъ себѣ стаканъ пива, пролилъ на столъ и прибавилъ, смѣясь:

— Въ самомъ дѣлѣ превесело водиться съ этими сумасшедшими художниками.

А Абрагамъ былъ поглащенъ своимъ рисункомъ.

— Однако, портретъ мнѣ не удался!—ворчалъ онъ.—Вышло что-то слишкомъ прѣсное... Она не такая ручная... Фу!—прибавилъ онъ, отталкивая отъ себя рисунокъ.—Это, наконецъ, злитъ меня... Тоже воображаю себя художникомъ!.. Лучше буду пить пока не напьюсь до пьяна.

— Вздоръ!—вмѣшался Клаусъ — Портретъ отличный... Подари его мнѣ. Согласенъ?

— Сдѣлай одолженіе, возьми.—Передай мнѣ, пожалуйста, ромъ.

— А тамъ начинается, кажется, битва!—замѣтилъ Беккевольдъ, оборачиваясь къ сосѣднему столику.

Дѣйствительно, по сосѣдству поднялась свалка. Оказалось, какой-то матросъ, или корабельный поваръ, поймалъ Отту и насильно обнялъ ее. Она съ силой оттолкнула его, и даже ударила. Какой-то морякъ вступился за нее. Завязалась драка. Одни бросились разнимать дерущихся, другіе пытались выбросить ихъ обоихъ за дверь. Мадамъ Гойби кричала во все горло.

— Такъ, такъ! Вонъ отсюда грубіяна!— подзадоривалъ Клаусъ усмирителей.

Отта вырвалась изъ свалки и вскочила на лавку.

— Посмотрите, какъ у нея разгорѣлись глаза и съ какимъ увлеченіемъ она смотритъ на драку!—воскликнулъ Абрагамъ.— Эге, да она, видно, знаетъ въ этомъ толкъ! Наконецъ-то я понялъ ее!.. Это превосходнѣйшій типъ вакханки!

Дерущихся благополучно выпроводили за дверь, но на улицѣ драка возобновилась. Обѣ стороны нашли себѣ подкрѣпленія въ союзникахъ. Побоище принимало крупные размѣры.

— Расплатимся поскорѣе и пойдемъ на судно!—предложилъ благоразумный Беккевольдъ.—Насъ тамъ ждутъ.

Пока они разсчитывались съ госпожой Гойби, передъ ними всталъ какой-то совсѣмъ пьяный мужикъ. Онъ сильно покачивался и едва говорилъ, но былъ въ самомъ миролюбивомъ настроеніи.

— Дру-зья мо-и милы-е!..—началъ онъ заплетающимся языкомъ и протягивая руку впередъ.—Дру-зья...

Выведенная изъ терпѣнья хозяйка грубо оттолкнула его.

— Сиди на мѣстѣ, пьяница!—крикнула она.

— И...зволь...те!.. Сяду! Охъ, дру-зья вы мо-и ми-и-лы-е!— слышали молодые люди позади себя, выходя изъ кабачка.

IV.

На слѣдующій день Клаусъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ конторѣ своего отца. Было уже подъ вечеръ, и склонявшееся къ западу солнце заливало косыми лучами обширныя конторки, шкафы и пестрыя съ зелеными, красными и желтыми линіями таблицы пароходнаго движенія.

Молодой человѣкъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки, и съ досадой провѣрялъ какія то накладныя, которыя сунулъ ему отецъ, уходя въ сберегательный банкъ.

Онъ былъ въ отвратительнѣйшемъ расположеніи духа. Въ этакую чудную погоду, когда на дворѣ настоящая весна, сидѣть и подсчитывать итоги всякихъ накладныхъ... А тутъ еще трещитъ голова...

Онъ всталъ, подошелъ къ рукомойнику и, намочивъ полотенце, обвязалъ имъ голову. Уже нѣсколько разъ прибѣгалъ онъ сегодня къ этому освѣжительному средству, и даже раза два окуналъ всю голову въ умывальный тазъ.

Почувствовавъ нѣкоторое облегченіе, онъ нерѣшительно покосился на трубку, потомъ медленно набилъ ее и закурилъ, но почти тотчасъ же бросилъ.

— Экая во рту гадость! — пробормоталъ онъ. — Какъ тутъ курить?..

Снявъ полотенце, онъ снова усѣлся за конторку, но работать не сталъ, а задумался.

— Только бы отецъ не провѣдалъ обо всемъ, что было вчера! А вѣдь провѣдаетъ... непремѣнно провѣдаетъ! Если начнетъ пилить — покорно благодарю!.. Однако, не старики же мы, чтобы оставаться безъ всякихъ развлеченій.

И онъ опять принялся за свои накладныя. Со двора доносились рѣзкіе звуки: это скалывали ледъ съ мостовой.

Уфъ! Отдавалось въ головѣ, точно-кололи не ледъ на дворѣ, а самый черепъ!..

У наружныхъ дверей послышался шорохъ и въ конторскій ящикъ для писемъ посыпались газеты и пакеты.

Субботняя почта!

Клаусъ отнесъ пакеты на письменный столъ отца. Потомъ, найдя кстати мѣстную вечернюю газету, усѣлся въ отцовское кресло и сталъ внимательно просматривать хронику.

«Наши полицейскія власти добиваются освѣщенія трущобъ, а мѣстность вокругъ церкви оставляютъ преспокойно въ потемкахъ»,— читалъ онъ изъ пятаго въ десятое. — «Предпочитаютъ свѣтить пьяницамъ и скандалистамъ, а люди, идущіе отъ вечерней службы, могутъ себѣ спотыкаться, сколько хотятъ».

Слѣдовало описаніе ночного скандала на одной изъ освѣщенныхъ улицъ города, но именъ не приводилось.

Клаусъ вздохнулъ съ облегченнымъ сердцемъ, и даже разсмѣялся.

— Хи, хи, хи! Война началась!.. А что бы ни говорили, редакторъ Треанъ умѣетъ подпускать полиціи шпильки. Онъ ихъ пробираетъ!

Аккуратно сложивъ листокъ, онъ положилъ его обратно на письменный столъ отца и отошелъ къ окну.

По улицѣ шли адвокатъ Гордеръ и агентъ Тезенъ. Послѣдній разсказывалъ что-то, сильно жестикулируя и размахивая бывшимъ у него въ рукѣ номеромъ вечерней газеты.

Ну, и пусть сплетничаютъ! Въ концѣ концовъ даже недурно освѣжиться чѣмъ-нибудь во всемъ этомъ однообразіи...

Онъ вернулся къ конторкѣ и, пересиливъ свое отвращеніе, снова занялся счетами.

Послѣдняя накладная только-что была подсчитана, какъ въ контору вошелъ отецъ. Онъ прошелъ черезъ контору обычной, нѣсколько торопливой, походкой и положилъ на свой столъ связку какихъ-то счетовъ. Потомъ онъ совершенно спокойно досталъ изъ кармана ключъ, отперъ конторку и сталъ рыться въ бумагахъ.

Ни малѣйшаго слѣда досады или гнѣва! Онъ собирался, конечно, сейчасъ же опять уйти изъ конторы, такъ какъ снялъ только шапку, оставаясь въ пальто... Газету онъ равнодушно сунулъ въ карманъ... Очевидно, онъ уже просматривалъ ее гдѣ-нибудь въ городѣ.

Онъ заперъ конторку, раза два прошелся по конторѣ и взялся за шапку, но не вышелъ, а опустился на диванъ около конторки сына.

Клаусъ не отрывался отъ накладныхъ, но, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ, что лѣвый глазъ отца слѣдитъ за нимъ, точно изъ засады. Молодому человѣку становилось не по себѣ...

— Что это, Клаусъ,—началъ директоръ,—за исторія случилась ночью? Скандалъ на весь городъ...

— Скандалъ? Кто смѣетъ называть меня скандалистомъ?— неосторожно отвѣтилъ сынъ, не сообразивъ, что, въ сущности, отецъ ничего не знаетъ, и только нащупываетъ почву...

— Неужели ты станешь увертываться и изворачиваться, мальчикъ?—сказалъ директоръ уже съ нѣкоторой горячностью, и вены на его лбу стали вздуваться.—Я желаю знать всю правду!

— Я говорю только, что не меня же...

— Не тебя? Послушай, Клаусъ, я хочу знать истину — все, какъ было. Обращаясь къ сыну, я надѣялся, что встрѣчу полную искренность. Кому же знать всѣ подробности скандала, какъ не тебѣ?

— Не думалъ я, что меня считаютъ какимъ-то кутилой, посвященнымъ во всѣ городскіе скандалы! — вспылилъ Клаусъ.— Я... я...

— Ты, кажется, становишься невѣжливъ, Клаусъ? Продолжай, пожалуйста!

Молодой человѣкъ съёжился, но во всей его фигурѣ появилось выраженіе упрямства и сдержанной злости.

— Другіе молодые люди работаютъ въ потѣ лица и проби-

ваются впередъ,—продолжалъ между тѣмъ отецъ.—А ты только позоришь и мое, и свое имя!

— Какъ ты можешь это говорить!—вскричалъ сынъ и, стиснувъ зубы, рванулся-было съ табурета.

— Кстати, теперь самое подходящее для скандаловъ время!—насмѣшливо прибавилъ отецъ.—Ты знаешь, что я въ открытой враждѣ съ полицеймейстеромъ... Конечно, онъ не преминетъ воспользоваться случаемъ и броситъ мнѣ въ лицо поведеніе моего собственнаго сына.

— Полиціи тутъ нечего вмѣшиваться, отецъ! Развѣ ты самъ начнешь обвинять насъ... Благодаря предусмотрительности Абрагама, полиціи даже близко не было.

— Абрагамъ Іонстонъ? И онъ былъ съ вами?

Спохватившійся Клаусъ сконфузился. Протянулась длинная пауза, въ продолженіи которой директоръ какъ бы успокоился и сталъ небрежно поигрывать ключомъ отъ конторки.

— Итакъ, вы развращаете теперь его?—донеслось съ дивана.

— Это Абрагама-то? Ну, ужъ нѣтъ! Онъ самъ развратитъ кого угодно. Нечего сказать: примѣрный Абрагамъ вашъ!—прибавилъ онъ презрительно.

— Какъ? Онъ кутитъ?

— Этого я не говорю... Но, во всякомъ случаѣ, онъ развлекается, по меньшей мѣрѣ, столько же, какъ и мы. Конечно, онъ не кутила, но... но...

— Однако, нельзя ли узнать, наконецъ, всю истину? Выкладывай всю правду, парень! Ты уже взрослый мужчина и могъ бы и не вилять. Ну?

Директоръ говорилъ безъ всякаго гнѣва, и это успокоило сына.

— Насъ было нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ приказчикъ Лундъ, боцманъ Беккевольдъ, а также мы съ Абрагамомъ,—началъ онъ.—Мы устроили пирушку...

— Иначе говоря, пьянство? И гдѣ же?

— Въ каютѣ Мэллендальскаго брига...

— Во льду?

— Мы плотно закрыли люки и зажгли много лампъ и свѣчей. Было очень тепло...

— Неужели? Видно, вы умѣете устроиться съ комфортомъ! Недоставало одного, чтобы васъ накрыла портовая полиція... И чѣмъ же вы угощались?.. то-есть... гмъ!.. Вы пили, конечно... напились до-пьяна?

— У насъ были разныя закуски, пиво, испанскія вина! — не безъ гордости пояснилъ Клаусъ.

— Не скупились, значитъ?

Директоръ слѣдилъ за разсказомъ съ большимъ интересомъ, почти съ сочувствіемъ.

— Потомъ мы стали пить пуншъ...

— Пуншъ, это свинство!—замѣтилъ отецъ по-пріятельски, причемъ Клаусъ былъ глубоко польщенъ и окончательно успокоился.— Это шведское питье къ добру никогда не ведетъ. Ну-съ, потомъ?

— Потомъ Беккевольдъ разсказалъ намъ, какъ его отца обобралъ ростовщикъ Блитеккеръ. Это насъ возмутило. Абрагамъ и Ольсенъ принялись сочинять стихи о грабителѣ Блитеккерѣ и къ этимъ стихамъ Абрагамъ нарисовалъ каррикатуры—такія смѣшныя и съ такимъ удивительнымъ сходствомъ!.. Мы едва не лопнули со смѣху... Въ концѣ концовъ — это было уже во второмъ часу ночи — онъ же предложилъ отправиться подъ окна ростовщика и пропѣть ему новые стихи... Словомъ, устроить ему серенаду.

— Разумѣется, всѣ вы были пьяны?

— Ну, не совсѣмъ. Достаточно сказать, что Абрагамъ имѣлъ благоразуміе дать по двѣ кроны сосѣднимъ ночнымъ сторожамъ и тѣмъ уберегъ насъ отъ полиціи!

Голосъ Клауса началъ дрожать и прерываться, такъ ему становилось смѣшно при мысли о дальнѣйшихъ подробностяхъ приключенія.

— Блитеккеръ занимаетъ второй этажъ, — продолжалъ онъ, сдерживаясь.—Остальные жильцы—бѣдняки, которые его ненавидятъ... Мы выстроились передъ окнами ростовщика и запѣли хоромъ.

— Воображаю, какое это было пѣнье!

— Однако, намъ долго не удавалось поднять его съ постели. Только когда мы вторично пропѣли всю пѣсню, онъ появился у окна... Тогда... тогда Абрагамъ... предложилъ намъ проплясать передъ нимъ воинственный танецъ сарабанду...

Онъ насилу выговорилъ это, такъ его душилъ смѣхъ.

— И вы проплясали свою... сарабанду?

— Да!—не вытерпѣлъ и фыркнулъ Клаусъ. — Мы плясали и пѣли, пока онъ не сталъ кричать на всю улицу: «караулъ!» Стали сбѣгаться сосѣди, и мы обратились въ бѣгство, какъ шведы. Я проводилъ Абрагама до дому, а потомъ пошелъ съ Беккевольдомъ...

— И это все? — спросилъ отецъ съ замѣтнымъ разочарованіемъ. — Гм! Ты самъ теперь видишь, какой свинскій напитокъ этотъ пуншъ! Впрочемъ, любезнѣйшій Клаусъ, я не желаю вмѣшиваться въ твои личныя дѣла... Ты взрослый мужчина, и самъ долженъ знать, какъ надо жить.

Онъ задумался и нѣкоторое время смотрѣлъ на полъ, разсѣянно повертывая ключъ между пальцами.

— А я воображалъ, что Абрагамъ Іонстонъ такой тихій и благоразумный парень!—проговорилъ онъ, немного погодя.

— Хи, хи, хи! Онъ самъ говоритъ, что сначала ему надо утопить въ себѣ живописца, и что тогда только онъ сравняется съ нами. До тѣхъ поръ ему приходится пить за двоихъ, говоритъ онъ... Онъ очень веселый товарищъ... А какъ славно рисуетъ Да вотъ, посмотри. Вотъ портретъ Блитеккера при лунномъ освѣщеніи. Подписанные куплеты тоже его.

Директоръ взглянулъ на каррикатуру и прочелъ стихи... Чтобы не разсмѣяться, онъ принужденъ былъ громко откашляться, и даже плюнулъ въ плевательницу. Однако, онъ совладалъ съ собой и только покачалъ головой.

— А это что?—съ удивленіемъ спросилъ онъ, нечаянно обернувъ бумагу и увидѣвъ на оборотѣ второй рисунокъ.

— Это... это такъ себѣ!—смѣшался Клаусъ.—Это тоже его набросокъ.

— Да вѣдь это портретъ той дѣвчонки, которая разноситъ пиво изъ питейнаго заведенія старухи Гойби! Позвольте спросить,—прибавилъ онъ съ вѣжливостью, не предвѣщавшей ничего хорошаго,—эта барышня тоже принадлежитъ къ вашему избранному кружку?

— Съ чего ты это взялъ, отецъ?

Клаусъ попытался улыбнуться, но улыбка вышла довольно глупая.

— Просто вышло такъ, что мы выбрались изъ дому слишкомъ рано и не знали, какъ убить время,—пояснилъ онъ.—Вотъ Абрагамъ и предложилъ сходить пока въ тотъ кабачокъ, чтобы снять портретъ съ этой дѣвушки. Онъ находилъ ее удивительно интересной...

— Вотъ какъ! Интересной? Очень вѣжливое выраженіе для такой особы!.. У господина Абрагама, повидимому, особый талантъ откапывать всѣ достопримѣчательности нашихъ трущобъ... Портреты!.. Чортъ возьми. Это новый способъ кутить. И ты, конечно, тоже былъ тамъ, чтобъ снимать портреты?

— Пришлось и мнѣ идти, когда другіе...

— Идти за другими?—насмѣшливо проговорилъ директоръ.—Все только за другими? Ахъ, ты, мокрая тряпка, Клаусъ! Хоть бы имѣлъ мужество принять что-нибудь на себя, хоть-бы кутить-то умѣлъ по своему!

Онъ широко и презрительно зѣвнулъ.

— Нѣтъ, парень, не годится быть такимъ слабохарактернымъ да еще трусомъ!

Онъ всталъ съ дивана.

— Такъ вотъ какъ! Абрагамъ оказывается такимъ предпріимчивымъ господиномъ!

И онъ засунулъ ключъ въ карманъ и, надѣвъ шапку, пошелъ къ дверямъ.

Выйдя изъ конторы, директоръ прямо направился къ набережной, на которой былъ домъ Іонстона. Это былъ деревянный, выкрашенный бѣлой краской, домъ съ палисадникомъ, оставшійся въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ онъ уже много лѣтъ назадъ, когда овдовѣвшій Іонстонъ пріобрѣлъ его и поселился въ немъ съ своей свояченицей и сыномъ.

Маленькая контора Іонстона помѣщалась въ небольшомъ флигелькѣ, черезъ дворъ отъ главнаго строенія. Тамъ и бывалъ всегда въ это время Іонстонъ. Но на этотъ разъ директоръ не пошелъ по обледенѣлой тропинкѣ къ флигелю, а позвонилъ у парадnаго подъѣзда. Онъ хотѣлъ повидаться не съ Іонстономъ, а съ его свояченицей, госпожей Рэнебергъ.

Не безъ удовольствія осматривалъ онъ черезъ уютную гостиную, пока госпожа Рэнебергъ распоряжалась чаемъ. Онъ сидѣлъ на мягкомъ диванѣ и взглядъ его скользилъ по висѣвшимъ на стѣнахъ, въ старинныхъ овальныхъ рамахъ, портретамъ. Это были представители стараго купеческаго рода Рэнеберговъ и Малькольмовъ, въ томъ числѣ отецъ и дѣдъ покойной жены Іонстона. Оба были когда-то всемогущими и популярнѣйшими людьми въ округѣ. Оба славились прямотой и щепетильной честностью... Въ ихъ чертахъ лица было что-то общее, и Абрагамъ походилъ на обоихъ. Представителей рода Іонстоновъ здѣсь не было. Портреты его предковъ висѣли въ кабинетѣ.

У дверей стоялъ огромный письменный шкафъ съ затѣйливыми перламутровыми инкрустаціями. Этотъ шкафъ былъ слишкомъ великъ для комнаты и напоминалъ о великолѣпныхъ покояхъ, гдѣ онъ когда-то стоялъ. Такъ же массивны были и тяжелая мебель, и большія венеціанскія зеркала, до самаго пола, такъ какъ для постановки подъ ними консолей потолокъ былъ слишкомъ низокъ. Всѣ эти старинныя и великолѣпныя вещи производили какое-то странное впечатлѣніе въ этой бѣдноватой комнатѣ. Обои дешевыя; потолки просто выбѣленные. Ничего новаго купленнаго на наличныя деньги для украшенія комнаты, въ ней не было.

Директоръ задумался, откинувшись на спинку дивана.

— Онъ и Іонстонъ,—думалъ онъ,—отлично дополняютъ другъ

друга, точно сталь и желѣзо. Изъ нихъ, вѣдь, можно сдѣлать ножъ! Вдвоемъ они могли бы быть въ городѣ всесильны... Смотрите, господа полицеймейстеры!

Госпожа Рэнебергъ появилась съ маленькимъ подносомъ. Она сама принесла чай. Подносъ — мѣдный, очень старинный, весь истертый отъ частой чистки. Посуда тоже была старинная и какая-то необыкновенная; вѣроятно, очень цѣнная.

— Благодарю покорно! — произнесъ директоръ, принимая чашку, и почувствовалъ, что его голосъ слишкомъ громокъ въ этой обстановкѣ. — Откровенно признаюсь, что только здѣсь, у васъ, я научился цѣнить этотъ удивительный напитокъ. Положительно, начинаю соглашаться, что чай не только простой настой горячей, подслащенной воды на какихъ-то листьяхъ.

— Это хорошій, русскій чай, который Іонстонъ постоянно получаетъ отъ одного стараго друга изъ Кронштадта! — пояснила старушка.

Она угощала гостя, подавая ему то одно, то другое, красивыми и ловкими движеніями рукъ и съ какою-то особенной, спокойной привѣтливостью. Ея моложавое еще лицо, обрамленное густыми сѣдыми волосами, выражало при этомъ какую-то сосредоточенность, свойственную особенно внимательнымъ къ гостямъ хозяйкамъ.

— Прекрасный напитокъ! — снова похвалилъ чай директоръ, не знавшій, какъ перейти къ предмету, о которомъ хотѣлъ поговорить.—Нельзя, однако, требовать, чтобы молодые люди довольствовались такимъ невиннымъ напиткомъ. Они наливаются этимъ свинскимъ пуншемъ...

Онъ поперхнулся отъ сорвавшагося съ языка слишкомъ сочнаго выраженія. Смутилась немножко и хозяйка, но сейчасъ же овладѣла собой и посмотрѣла на гостя вопросительно.

— Видите-ли, сударыня, молодые люди развлекаются не только въ семейномъ кругу, въ кругу старшихъ!..—прибавилъ директоръ.

Дама неопредѣленно улыбнулась.

— Все зависитъ именно отъ того, что они пьютъ на своихъ пирушкахъ,—продолжалъ онъ.—Отъ качества напитковъ зависитъ и степень опьяненія, а затѣмъ и размѣры сумасбродства... Во всякомъ случаѣ, этотъ пуншъ, это... это...

— Къ чему вы все это говорите? — спросила она въ порывѣ внезапно охватившаго ее безпокойства и всей своей тоненькой, легкой фигуркой придвинулась къ нему.

— Да вотъ, видите ли... Вашъ парень, и мой—мы вѣдь одинаково распустили ихъ... Видите ли, я не хотѣлъ говорить объ

этомъ съ Іонстономъ, потому что онъ все принимаетъ слишкомъ близко къ сердцу. Я и васъ прошу... оставить все между нами Но вамъ я могу посовѣтовать присматривать за Абрагамомъ, сударыня. Мнѣ стало извѣстно, что онъ слишкомъ уже часто развлекается по ночамъ. Онъ уходитъ, вѣроятно, когда всѣ вы уже спите и проводитъ время съ пріятелями...

Госпожа Рэнебергъ вздохнула, и въ лицѣ ея появилось выраженіе какой-то горечи. Много разочарованій пережила она въ жизни.

— Выслушайте меня, директоръ, но пусть это тоже останется между нами,—сказала она.—Я уже замѣтила это; но такія привычки появились у него только недавно, съ тѣхъ поръ, какъ было окончательно рѣшено, что онъ посвятитъ себя торговлѣ. Онъ такъ страшно огорченъ этимъ... Онъ очень несчастливъ. Можете быть увѣрены, что не трудъ его пугаетъ; онъ съ радостью взялся бы за дѣло, если бы только могъ ему сочувствовать, интересоваться имъ...

— Сочувствовать? Интересоваться?.. Чортъ возьми, чего же ему надо?

Она сложила руки въ порывѣ тоскливаго сознанія своей безпомощности.

— Онъ такой странный!—продолжала она.—Если бы вы видѣли, какой онъ энергичный, когда его что-нибудь увлекаетъ... Вотъ хоть бы съ этимъ рисованіемъ. Онъ въ состояніи просиживать надъ своими рисунками цѣлые дни и ночи напролетъ. Иногда служанка, которая приноситъ ему утромъ кофе, застаетъ его за работой, продолжавшейся во всю ночь.

— Ахъ, многоуважаемая госпожа Рэнебергъ! Увѣрены ли вы, что онъ не спитъ по ночамъ только изъ-за рисунковъ? Притомъ онъ занимается живописью не только дома... Какъ я слышалъ, онъ любитъ рисовать портреты... съ натуры...

— Да нѣтъ же, господинъ директоръ, у него настоящая страсть къ живописи. Вы бы только послушали, какъ онъ разсуждаетъ объ этомъ... какъ онъ вдумывается въ то, что хочетъ нарисовать... Онъ серьезно старается уяснить себѣ, что можетъ чувствовать и думать какая-нибудь лошадь или корова. А собаки! Онъ точно видитъ ихъ насквозь и понимаетъ собакъ, какъ людей!

— Я бы посовѣтовалъ ему остановиться на портретахъ, къ которымъ у него замѣчается теперь особенная склонность...

— Онъ такъ неудовлетворенъ и недоволенъ собой, потому что нѣтъ у него серьезной подготовки въ живописи,—продолжала старушка.—Когда что-нибудь его поражаетъ, онъ начинаетъ дѣ-

лать набросокъ за наброскомъ, бьется какъ рыба объ ледъ, пока не уловитъ той черты, которая его поразила...

Директоръ употребилъ всѣ свои силы, чтобы вооружиться терпѣніемъ, безъ котораго трудно разсуждать съ дамами. Тѣмъ не менѣе, не вытерпѣлъ, и перебилъ старушку:

— Но, добрѣйшая моя госпожа Рэнебергъ!—вскричалъ онъ.—Выслушайте же меня... Вы всегда такая разсудительная, и поймете! Видите ли, есть особыя «барскія» чувства, которыя имѣютъ право позволять себѣ только вполнѣ обезпеченные люди. Къ такимъ чувствамъ принадлежитъ и сентиментальность... Гм! Только богатые люди могутъ слѣдовать всякому своему влеченію... Абрагамъ любитъ рисовать, любитъ играть на рояли, охотиться, ловить рыбу, любитъ дрессировать собакъ и звѣрей. Изъ всего этого можно сдѣлать очень милое препровожденіе времени и всѣмъ этимъ увлекаться. Но дѣло-то въ томъ, что онъ находится въ такихъ житейскихъ условіяхъ, въ которыхъ правитъ человѣкомъ необходимость, а не какія-нибудь прихоти. При чемъ тутъ всякіе милые таланты, когда надо поработать рядомъ съ отцомъ, чтобы заслужить свой хлѣбъ? Слѣдовало бы останавливать его и вырвать изъ міра этихъ сентиментальныхъ грезъ въ суровую дѣйствительность. Вы увидите сами, что если только вамъ удастся отрезвить его хоть на минуту, онъ самъ возьмется за настоящее дѣло, а тамъ свыкнется и его полюбитъ.

Старушка допила чай и тихонько поставила чашку на столъ. По чуть замѣтной усмѣшкѣ на ея губахъ видно было, что она оставалась при особомъ мнѣніи. Однако, она ничего не возразила и отвѣтила только общимъ замѣчаніемъ:

— Да, господинъ директоръ, жизнь сурова, и люди часто бываютъ слишкомъ безжалостны къ своимъ ближнимъ!

— Во всякомъ случаѣ, жизнь не церемонится!—нѣсколько сухо проговорилъ директоръ.—Она спрашиваетъ человѣка: есть ли у тебя на чемъ плыть? и если оказывается, что нѣтъ, прибавляетъ равнодушно: ну, такъ ты потонешь! Жить мечтами о красотахъ природы и о личной свободѣ во вкусѣ Ж. Ж. Руссо—все это прекрасно, но этимъ нельзя заработать себѣ хлѣба!

Онъ понялъ, что возразилъ старушкѣ слишкомъ рѣзко, и, чтобы сгладить впечатлѣніе, перешелъ къ другому:

— Чудныя чашки!—сказалъ онъ, поднимая свою чашку противъ свѣта.—Вѣроятно, очень старыя?

— Я могу точно сказать, съ какого времени эти чашки у насъ. Ихъ было четыре дюжины, онѣ достались намъ въ наслѣдство послѣ дяди нашего дѣда. Теперь осталось всего девять паръ,

но при дѣдѣ были еще цѣлы всѣ четыре дюжины, и эти чашки подавались только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ...

Директоръ потупился, чтобы не выдать лукаваго выраженія, появившагося въ его глазахъ. О, онъ зналъ, что дѣлалъ, когда наводилъ старушку на ея любимый разговоръ о воспоминаніяхъ юности.

Въ эту минуту вошелъ Іонстонъ.

— Читалъ сегодняшнюю газету?—сейчасъ же обратился къ нему директоръ.—Полицію пробираютъ, какъ слѣдуетъ.. А?

Іонстонъ подходилъ своей обычной, вялой и небрежной, походкой.

— Да, да, читалъ! — отвѣтилъ онъ, улыбаясь.—Раздуваете разные скандалы?

— Однако согласись, что полицеймейстера приперли-таки къ стѣнкѣ. Развѣ не такъ?

— Еще бы! Его приперли къ типографскому станку редактора Треана!

— Ужъ какъ тамъ хочешь, а во всякомъ случаѣ наглядно выяснилась вся мелочность этого человѣка, который ведетъ упорную войну изъ-за двухъ фонарей для какого-то ничтожнаго переулка, оставляя безъ вниманія болѣе значительныя улицы и не умѣя оберегать порядокъ даже въ освѣщенной части города!

Іонстонъ прошелся по комнатѣ и засмѣялся съ видимымъ недовѣріемъ.

— Чѣмъ больше фонарей, тѣмъ лучше!—пробормоталъ онъ небрежно.

— Какъ видно, ты готовъ съ благодарностью принять отъ него цѣлыхъ два фонаря?—насмѣшливо замѣтилъ директоръ.

— Да, да. Во всякомъ случаѣ, городское освѣщеніе теперь недостаточно!

— И полиція это все исправитъ?

Іонстонъ остановился и съ улыбкой посмотрѣлъ на пріятеля.

— И это, Браттъ, ты называешь «основательно обсуждать вопросъ»?

Директоръ покраснѣлъ.

— Охъ, ужъ эта твоя «безпристрастность»!—возразилъ онъ.— Развѣ тебѣ неизвѣстно, что нашъ полицеймейстеръ корчитъ изъ себя какого-то самодержца, непогрѣшимаго папу, который требуетъ общаго согласія на все, что бы ни взбрело ему въ голову. Его выдумки, видишь ли, святыня, которой никто не долженъ касаться! Всѣ обязаны плясать по его дудкѣ!..

— Гм! Гм!—покашливалъ Іонстонъ.—Признаться, эти ваши фонари положительно начинаютъ вокругъ меня вертѣться.

Директоръ выпрямился на диванѣ.

— Благодарю васъ, сударыня!—обратился онъ къ хозяйкѣ.—Нѣтъ, нѣтъ, больше не могу пить чаю... Ха, ха! Согласитесь, что этотъ господинъ не очень печалится о дѣлахъ города! Слишкомъ чувствителенъ и справедливъ для нашихъ дрязгъ! Согласны вы, сударыня?

— Я-то?—испуганно спросила она.—Во всемъ этомъ я ничего не смыслю и брожу въ потемкахъ, несмотря на всѣ эти ваши фонари... Но не думаю, чтобы полицеймейстеръ хлопоталъ о фонаряхъ съ дурной цѣлью!—прибавила она съ хорошей, подкупающей въ ея пользу улыбкой.

— Онъ глупъ и во все суется!—пояснилъ директоръ.—Но и вы, вѣрно, согласитесь, что не слѣдуетъ ему воевать съ цѣлымъ городомъ изъ-за такихъ пустяковъ!

— То-то вотъ, что не стоитъ воевать!—вырвалось у нея.—Однако, что же это?—торопливо прибавила она, смѣясь.—Кажется, вы втягиваете меня въ настоящія пренія, господинъ директоръ! Это вѣдь ужасно!

Ея испугъ былъ такой непритворный, что директоръ вынесъ такое впечатлѣніе, точно онъ спугнулъ курицу. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и съ нѣкоторой насмѣшливостью посмотрѣлъ на хозяевъ.

— Тебѣ бы лучше всего отказаться отъ участія въ городскомъ совѣтѣ, Іонстонъ!—проговорилъ онъ покровительственно.

Іонстонъ ничего не отвѣтилъ, но, разглядывая свои ногти, такъ лукаво посмотрѣлъ на директора, что тотъ даже смутился и, чтобы чѣмъ-нибудь заняться, взялъ изъ сухарницы кренделекъ и сталъ грызть.

— Этотъ портретъ напоминаетъ Абрагама!—проговорилъ онъ вдругъ.—То же узкое лицо и что-то упрямое въ этомъ ртѣ и подбородкѣ. Такія натуры не легко отказываются отъ принятыхъ рѣшеній. У Абрагама нѣтъ недостатка въ оригинальности... Тебѣ бы слѣдовало повнимательнѣе слѣдить за нимъ, Іонстонъ!

Госпожа Рэнебергъ съ безпокойствомъ подняла голову.

— Конечно, не слѣдуетъ слишкомъ стѣснять свободы молодыхъ людей!—прибавилъ онъ.—Но въ послѣднее время, среди нашей молодежи, вошли въ моду такіе кутежи и шалости, которыхъ одобрить нельзя...

— О, Абрагамъ этимъ не интересуется!—замѣтилъ Іонстонъ равнодушно.

— Гм! Не будь такъ увѣренъ въ этомъ... Поговариваютъ, что онъ далеко не послѣдній въ кругу весельчаковъ, которые проводятъ ночи довольно шумно.

Іонстонъ остановился и посмотрѣлъ на друга съ недоумѣніемъ.

— Да, да!—продолжалъ директоръ.—Не далѣе, какъ этой ночью,—мой Клаусъ тоже былъ съ ними—они шумѣли передъ домомъ Блитеккера. А передъ тѣмъ они отправились въ кабакъ старухи Гойби рисовать портретъ ея дочери? Артистическое увлеченіе, конечно! Мой сынъ разсказалъ мнѣ все, какъ было: я попросилъ его опорожнить ларчикъ до дна...

Іонстонъ долго молчалъ.

— *Мой* сынъ ничего мнѣ не разсказывалъ!—проговорилъ онъ, наконецъ, печально, обращаясь къ госпожѣ Рэнебергъ.

Директоръ посмотрѣлъ на Іонстона, и сконфузился. Онъ самъ не ожидалъ, что выболтаетъ все такъ неосторожно.

— Ну, ну, Іонстонъ!—заговорилъ онъ, неловко улыбаясь.—Нельзя же, чтобы молодой человѣкъ самъ пришелъ каяться, когда никто этого не требуетъ!

Госпожа Рэнебергъ сидѣла потупившись и какъ-то вся притихла.

— До свиданья!—сталъ прощаться директоръ, поглядывая на старушку съ виноватымъ видомъ.—А Іонстону слѣдуетъ бросить городской совѣтъ, сударыня!—прибавилъ онъ съ притворной шутливостью.—И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Городскія дѣла только тяготятъ его. Зачѣмъ же себя насиловать?

Лицо госпожи Рэнебергъ точно обострилось, когда, проводивъ директора, Іонстонъ вернулся въ гостиную.

Онъ остановился среди комнаты, заложивъ руки за спину, и нѣкоторое время стоялъ въ раздумьи.

— Не припомнишь ли, Софи... — обратился онъ, наконецъ, къ свояченицѣ, подавивъ тяжелый вздохъ. — Кто эти товарищи, съ которыми Абрагамъ водитъ дружбу?

— Вѣроятно, его школьные товарищи... Не слѣдуетъ придавать этому значенія... Онъ не привыкъ еще къ однообразной работѣ въ конторѣ.

— Въ конторѣ? Да онъ тамъ больше все рисуетъ перомъ картинки... Я уже начиналъ замѣчать... Съ нимъ что-то сдѣлалось, Софи. Отъ насъ онъ положительно отдаляется.

Онъ говорилъ это въ раздумьи, прохаживаясь по комнатѣ маленькими шажками. Вся его сутуловатая фигура казалась теперь усталой, жалкой...

Старушка грустно посмотрѣла на него.

— У Абрагама такой странный характеръ! — сказала она. — Онъ большой мечтатель, у него свои собственныя идеи... Но онъ не сообщителенъ.

Іонстонъ опять остановился передъ ней.

— А помнишь, Софи, какъ онъ, еще десяти лѣтъ, спросилъ меня, почему за нимъ ходятъ по пятамъ? Онъ уже тогда видѣлъ въ этомъ что-то обидное... Положимъ, излишняя опека стариковъ надъ молодежью, въ самомъ дѣлѣ, не ведетъ къ добру! Вотъ я и далъ ему какъ можно больше свободы, предоставивъ ему обращаться ко мнѣ только по собственному побужденію... Но, по мѣрѣ того, какъ онъ подросталъ, я все больше и больше слѣдилъ за тѣмъ, чтобы онъ не чувствовалъ въ домѣ ни малѣйшаго стѣсненія свободы, ни малѣйшаго принужденія. Я старался даже не давать ему замѣтить, насколько я боюсь, тревожусь за него... И какъ я его оберегалъ отъ раннихъ разочарованій, какъ притворялся ради него! Даже теперь я рѣдко рѣшаюсь говорить ему о дѣйствительности, какъ она того стоитъ... такъ жаль бываетъ разсѣивать его свѣтлыя вѣрованья!.. Чтобы не стѣснять его, я обуздываю свои собственныя чувства, и люблю его какъ бы издали... Есть ли на свѣтѣ другой отецъ, который также дорожилъ бы своимъ сыномъ? А онъ... онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы уѣхать!

— Но будь справедливъ, Іонстонъ. Ты самъ воспиталъ въ немъ стремленіе къ свободѣ... Какъ же ты хочешь, чтобы ему нравились условія здѣшней мѣщанской жизни?

— Говори лучше прямо, Софи. Ты находишь, что я гублю въ немъ талантъ?.. Эхъ, самъ я день и ночь думаю объ этомъ, и сомнѣніе точитъ меня, какъ червь. Талантъ! Но, въ самомъ ли дѣлѣ, это такой крупный талантъ? У всякаго есть какіе-нибудь мелкіе таланты, но изъ за нихъ не ставятъ же на карту всей своей будущности!

Онъ задумался и тупо глядѣлъ на дрова, сложенныя у камина.

— Скажи мнѣ откровенно, Софи!—вскричалъ онъ, наконецъ, съ тоскою. — Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ несчастенъ, если я удержу его здѣсь?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЗДУХЪ и ЖИЗНЬ.

Г. де-Вариньи.

Переводъ съ франц. *) **В. Е. Тимоееевой.**

(*Окончаніе* **).

III.

Разсмотримъ теперь, съ другой стороны, сложный вопросъ, который мы себѣ поставили, т. е. займемся воздухомъ, какъ тѣломъ, производящимъ извѣстнаго рода давленіе. Эта точка зрѣнія заслуживаетъ нашего вниманія не менѣе предъидущей, въ виду совершенно опредѣленныхъ соотношеній, которыя существуютъ между жизнью и атмосфернымъ давленіемъ. Атмосфера, какъ мы уже сказали, обладаетъ извѣстной тяжестью и воздухъ давитъ на землю и на существа, которыя ее населяютъ. Это давленіе измѣняется сообразно высотѣ надъ уровнемъ моря: оно менѣе въ возвышенныхъ областяхъ и болѣе въ низменныхъ. По мѣрѣ того, какъ мы станемъ перемѣщать барометръ отъ вершинъ горныхъ цѣпей въ долины, потомъ спустимся до уровня моря и углубимся съ нимъ затѣмъ въ глубину рудниковъ, давленіе замѣтно возрастаетъ. Маленькія измѣненія давленія почти не чувствуются живыми существами, но дѣло стоитъ иначе при болѣе значительной разницѣ давленій; когда человѣкъ поднимается въ воздухъ на шарѣ, или по горамъ, или же попадаетъ въ мѣста, гдѣ давленіе искусственнымъ или естественнымъ путемъ увеличено, онъ чувствуетъ рядъ явленій, на которыя слѣдуетъ указать. Животныя не менѣе человѣка чувствительны къ измѣненіямъ барометрическаго давленія; въ этомъ можно легко убѣдиться и опытомъ, и наблюденіемъ. Но при изученіи вліянія на животныхъ умень-

*) Въ отдѣльномъ изданіи Смитсоніанскаго института статья де-Вариньи нѣсколько расширена, но эти дополненія не касаются существа статьи, почему редакція «М. Б.» предпочла остановиться на первоначальномъ текстѣ въ «Revue des deux mondes». *Ред.*

**) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

шенія или увеличенія давленія воздуха не всегда бываетъ удобно переносить ихъ на высоты или же забирать съ собою въ подводный колоколъ, тѣмъ болѣе, что это вліяніе сказывается и на экспериментаторѣ, и результаты его могутъ имѣть такой характеръ, что опытъ становится совершенно безполезенъ; поэтому, удобнѣе производить такіе опыты въ лабораторіи, гдѣ въ аппаратахъ, спеціально приготовленныхъ для изслѣдованія этихъ явленій, умѣютъ разрѣжать воздухъ до какого угодно размѣра или сгущать его до крайнихъ предѣловъ, такъ что газъ дѣлается жидкимъ или даже твердымъ. Эти аппараты даютъ намъ то абсолютную пустоту, то давленія въ 800 или 1.000 атмосферъ; при такихъ условіяхъ намъ легко прослѣдить вліяніе, которое имѣетъ атмосферное давленіе на жизнь существъ и провѣрить заключенія, которыя вытекаютъ изъ прекрасныхъ работъ Jourdanet и Paul Bert'a по этому вопросу.

Для начала нужно отмѣтить фактъ, что всѣ существа, какъ земныя, такъ и подводныя, могутъ переносить безопасно извѣстныя измѣненія атмосфернаго давленія. Человѣкъ, напримѣръ, работаетъ на глубинѣ километра (около 1 версты) подъ землею и поднимается на высоту 5—6 километровъ въ воздухѣ безъ того, чтобы такое увеличеніе и уменьшеніе давленія стало для него непремѣнно пагубнымъ. То же можно сказать и о бо́льшей части млекопитающихъ; съ другой стороны, рыбы, живущія на большихъ глубинахъ, могутъ подниматься до извѣстнаго уровня, не рискуя подвергнуться опаснымъ послѣдствіямъ уменьшенія давленія и не разрываясь, какъ это бываетъ, когда они слишкомъ приближаются къ поверхности. Но извѣстно также, что для каждаго существа есть предѣлъ измѣненія давленія, который онъ не можетъ безнаказанно перешагнуть, и что внѣ этого предѣла, который слегка измѣняется сообразно роду или классу, къ которому принадлежитъ животное, всѣ существа умираютъ, когда давленіе уменьшается или увеличивается выше извѣстной нормы. Каковъ же механизмъ смерти въ этихъ двухъ случаяхъ? Вотъ вопросъ, который становится передъ нами.

Разсмотримъ раньше случаи уменьшенія давленія: какіе замѣчаются при этомъ симптомы? Вотъ уже 300 лѣтъ, какъ было сдѣлано превосходное описаніе іезуитомъ-миссіонеромъ Acosta случаевъ, имѣвшихъ мѣсто при восхожденіяхъ на высокія горы. «Восходя на одну гору въ Перу, я внезапно почувствовалъ такую странную и убійственную боль, что съ трудомъ удержался на сѣдлѣ; такъ какъ со мною былъ только одинъ индіецъ, то я попросилъ его поддержать меня на сѣдлѣ, но вслѣдъ за этимъ началась рвота, сопровождаемая такими болями, что я счелъ себя близ-

кимъ къ смерти. Послѣ рвотъ остатками пищи и желчью, у меня началась кровавая рвота отъ острыхъ схватокъ въ желудкѣ, такъ что, повторяю, я серьезно думалъ о смерти. Все это продолжалось три, четыре часа, пока мы не спустились съ высотъ внизъ».

И не только люди подвергаются такимъ ощущеніямъ, но и животныя.

Далѣе онъ говоритъ: «Я убѣжденъ, что элементъ воздуха въ этомъ мѣстѣ настолько тонокъ и нѣженъ, что онъ не соотвѣтствуетъ дыханію человѣка, который обыкновенно потребляетъ гораздо болѣе густой воздухъ».

Правильность этихъ послѣднихъ словъ, произнесенныхъ за 300 лѣтъ до Priestley и Lavoisier, поразительна; воздухъ высотъ дѣйствительно слишкомъ рѣдокъ и тонокъ для дыханія высшихъ существъ. Болѣзнь, которую описываетъ Acosta, и есть та болѣзнь, которая, смотря по мѣсту, называется pûno saroche, veta, горной болѣзнью или болѣзнью воздухоплавателей. Она была описана позднѣе Tschudi, Lortet'омъ и многими другими; каждый изъ нихъ наблюдалъ головокруженіе, рвоту, чувство страха и изнеможенія, которыя характеризуютъ эту болѣзнь. Точные опыты, какъ, напримѣръ, опыты Lortet и Chauveau, показали, что дыханіе уменьшается и вмѣстѣ съ тѣмъ ускоряется; сверхъ того, констатировано появленіе сильныхъ мышечныхъ болей и разстройство кровеносной и нервной системы, которыя могутъ привести къ параличу и къ смерти, если всѣ эти болѣзненныя явленія слишкомъ долго продолжаются, какъ это имѣло мѣсто при катастрофѣ «Зенита».

Не приводя здѣсь мнѣній, которыя существовали въ различныя эпохи, относительно причинъ этихъ опасныхъ случаевъ, мы приведемъ здѣсь объясненіе, недавно данное Paul Bert'омъ и другими физіологами. Оно очень просто: столь сильныя и даже приводящія къ смерти потрясенія организма обусловливаются уменьшеніемъ напряженія давленія кислорода въ воздухѣ,—уменьшеніе, которое зависитъ отъ относительной разрѣженности этого газа, такъ какъ воздухъ болѣе разрѣженъ, болѣе расширенъ, такъ сказать, на высотахъ, нежели на обыденномъ уровнѣ. Опыты Paul Bert'а дѣйствительно показываютъ, что въ этомъ случаѣ уменьшеніе давленія убиваетъ организмъ не механическимъ путемъ, не уменьшеніемъ давленія; причина этого явленія чисто химическаго характера—разрѣженность кислорода въ воздухѣ и недостатокъ его въ крови.

Животное, погруженное въ разрѣженную атмосферу, умираетъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и животное, заключенное въ замкнутое помѣщеніе безъ вентиляціи: оба умираютъ отъ недостатка кислорода.

Къ этому фактору прибавимъ еще другой, который мы уже видѣли на примѣрѣ рыбъ, живущихъ на большой глубинѣ и слишкомъ приблизившихся къ поверхности: усиленное расширеніе газовъ тѣла, которые, производя громадное давленіе, легко разрываютъ ткани, если наружное давленіе становится значительно менѣе внутренняго.

Такимъ случаямъ иногда подвергается и человѣкъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Мы только-что разобрали случаи, гдѣ животное или человѣкъ переходитъ постепенно отъ средняго или низшаго уровня къ очень высокому. Теперь обратимъ наше вниманіе на другой: это тотъ, гдѣ переходъ отъ давленія нормальнаго или повышеннаго къ давленію слабому дѣлается вдругъ. Какъ на примѣры, можно указать на рабочихъ, которые находились въ кессонѣ при постройкѣ моста, при давленіи 3 или 4 атмосферъ, и затѣмъ быстро поднялись на поверхность; на водолаза, который слишкомъ быстро выходитъ изъ воды, или на воздухоплавателя, быстро поднявшагося на значительную высоту, благодаря тому, что шаръ былъ сильно наполненъ газомъ. Извѣстно, что въ этихъ случаяхъ, при быстромъ разрѣженіи, быстромъ переходѣ отъ сильнаго давленія къ слабому, смерть наступаетъ очень быстро, и что животное, помѣщенное подъ колоколъ, гдѣ давленіе, сперва нормальное, вдругъ уменьшается отъ нѣсколькихъ оборотовъ насоса, падаетъ на бокъ и немедленно умираетъ; это бываетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда конечное давленіе было бы совершенно возможно для жизни, если бы разрѣженіе было произведено не вдругъ, а постепенно. Здѣсь наблюдается нѣчто отличное отъ явленій, имѣющихъ мѣсто при постепенномъ разрѣженіи, и вскрытіе жертвъ обнаруживаетъ явленіе, прекрасно объясняющее суть дѣла: присутствіе свободнаго газа подъ кожею, въ тканяхъ и сосудахъ—фактъ, который никогда не замѣчается въ нормальномъ состояніи. Этотъ газъ и указываетъ намъ прямо на причину смерти. Мы знаемъ, что кровь и всѣ ткани всегда содержатъ газы, кислородъ, азотъ и т. д. свободными или соединенными съ кровяными шариками, и количества этихъ газовъ измѣняются въ связи съ внѣшнимъ давленіемъ, то-есть, въ зависимости отъ напряженія этихъ самыхъ газовъ въ атмосферѣ. Если барометрическое давленіе уменьшается постепенно, напряженіе газовъ въ организмѣ уменьшается такъ же; они выдѣляются постепенно изъ крови и переходятъ въ атмосферу, не причиняя этимъ организму никакихъ болѣзненныхъ явленій. Но если разрѣженіе внезапно, то такое постепенное выдѣленіе не можетъ имѣть мѣста: газы крови и тканей, сопоставленные съ атмосферой, гдѣ давленіе газовъ гораздо менѣе, чѣмъ въ

самой крови, быстро выдѣляются въ видѣ пузырьковъ, которые немедленно парализуютъ кровообращеніе. Случаи подобнаго рода часто бывали съ людьми, и вотъ почему рекомендуется рабочему, который работаетъ въ сжатомъ воздухѣ, выходить на вольный воздухъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ подъ большимъ давленіемъ онъ находился; при условіяхъ, въ которыхъ онъ работаетъ, сжатіе воздуха не приноситъ особеннаго вреда, но вся опасность лежитъ въ переходѣ къ нормальному давленію. «Расплачиваются при выходѣ», какъ говорятъ объ этомъ рабочіе.

Вотъ что можно сказать о вліяніи измѣненія давленія, какъ быстраго, такъ и медленнаго. Въ одномъ случаѣ оно вредно по недостатку кислорода—вотъ почему воздухоплаватели берутъ съ собою запасъ этого газа, чтобы бороться съ разрѣженностью кислорода въ атмосферѣ значительныхъ высотъ. Въ другомъ случаѣ, будетъ ли то переходъ отъ высокаго давленія къ среднему нормальному, или же отъ средняго къ слабому давленію—болѣзненныя явленія имѣютъ другую причину—механическаго порядка, а именно, быстрое выдѣленіе газовъ, содержащихся въ крови и тканяхъ, отчего происходитъ пріостановка кровообращенія. И дѣйствительно, извѣстно, что присутствіе свободнаго воздуха или какого-нибудь газа въ сосудахъ тотчасъ же парализуетъ дѣятельность сердца. Когда совершается внезапный переходъ отъ высокаго давленія къ среднему—кислороднаго голоданія не происходитъ, а дѣйствуетъ чисто механическая причина; если переходъ происходитъ отъ средняго давленія къ слабому и притомъ медленный, то имѣетъ мѣсто кислородное голоданіе, если же переходъ быстръ, то происходитъ одновременно и кислородное голоданіе, и выдѣленіе газа, закупоривающаго сосуды.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію случаевъ, когда замѣчается увеличеніе давленія. Не будемъ говорить о томъ, которое существуетъ на глубинѣ рудниковъ; оно слишкомъ незначительно и его физіологическимъ дѣйствіемъ можно пренебречь. Вліяніе же увеличеннаго давленія можно изучить, дѣлая наблюденія надъ водолазами и надъ людьми, работающими надъ погруженіемъ мостовыхъ быковъ. Среда, въ которой работаютъ эти люди, представляетъ дѣйствительно довольно высокое барометрическое давленіе, гораздо болѣе высокое, чѣмъ на глубинѣ самыхъ глубокихъ рудниковъ, потому что для того, чтобы воздухъ пришелъ въ равновѣсіе съ водою, обладающей гораздо большею плотностью, его надобно значительно сжать до трехъ-четырехъ атмосферъ. Когда сжатіе слабо, болѣзненныя явленія незначительны: они сводятся къ ощущенію шума въ ушахъ, кровотеченію изъ носа

и къ окоченѣнію конечностей, но дыханіе и пульсъ болѣе медленны. Иногда нервная система представляетъ ненормальное возбужденіе, сходное съ опьяненіемъ. Совершенно естественно предполагать, что эти явленія зависятъ отъ увеличенія количества углекислоты въ воздухѣ, и дѣйствительно, когда сжатіе не переходитъ за извѣстные предѣлы, то, несомнѣнно, этотъ газъ является причиною этихъ явленій: онъ накопляется въ организмѣ и, конечно, удушаетъ и отравляетъ его. Но если имѣютъ дѣло съ сильнымъ сжатіемъ, какъ это пробовалъ Поль Беръ, то приходятъ къ весьма оригинальному и весьма отличному результату. Этотъ почтенный физіологъ, думая задержать роковое дѣйствіе сжатія воздуха, нагнетая въ него значительное количество кислорода, чтобы помѣшать вредному вліянію углекислоты, былъ не мало пораженъ, увидѣвъ, что всѣ его усилія приводятъ только къ ускоренію катастрофы. Анализируя явленіе, онъ замѣтилъ, что при значительномъ сжатіи (превышающемъ 6 атмосферъ) кислородъ воздуха, достигая слишкомъ сильнаго напряженія, становится такимъ же, ядовитымъ, какимъ онъ является для животнаго, дышащаго при нормальномъ давленіи, но въ средѣ, изобилующей кислородомъ, какъ это видѣли раньше. Доказательствомъ того, что виновникомъ смерти является кислородъ, можетъ служить фактъ, что животное прекрасно переноситъ давленіе въ 20 атмосферъ, если воздухъ настолько бѣденъ кислородомъ, что этотъ послѣдній имѣетъ напряженіе, не превышающее напряженія его въ нормальномъ воздухѣ при обыкновенномъ давленіи. При высокомъ давленіи, или, что̀ тоже, при изобиліи кислорода, онъ является всегда въ сильной степени ядовитымъ, вотъ почему какъ животное, такъ и человѣкъ умираютъ въ средѣ, обладающей обыкновеннымъ нормальнымъ атмосфернымъ составомъ, какъ только давленіе переходитъ извѣстныя границы. Сжатіе воздуха, какъ быстрое, такъ и медленное, убиваетъ благодаря избытку кислорода и если оставить въ сторонѣ случай быстраго измѣненія давленія, гдѣ, какъ, напримѣръ, при быстромъ разрѣженіи, выступаетъ на первый планъ чисто механическій факторъ, то въ общемъ мы видимъ, что постепенныя измѣненія дѣйствуютъ не физическимъ, а чисто химическимъ образомъ, воздѣйствуя на организмъ воздухомъ или слишкомъ богатымъ, или слишкомъ бѣднымъ кислородомъ.

Нужно, впрочемъ, прибавить, что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ привыканія, наблюдаются явленія приспособленія. Напримѣръ, индійцы и мѣстныя животныя въ Кордильерахъ не испытываютъ горной болѣзни, которой подвергаются путешественники; точно также

животныя большихъ глубинъ живутъ подъ давленіемъ, котораго не могло бы перенести ни одно прибрежное существо. Все это нисколько не измѣняетъ сути явленія: какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ для живыхъ существъ наблюдаются предѣлы уменьшенія или увеличенія давленія, переступать которые является безусловно опаснымъ для жизни; фактъ существованія различной приспособляемости къ давленію, съ общей точки зрѣнія не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ это различія количественнаго, а не качественнаго характера, и порядокъ явленій во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ же.

Значитъ, мы можемъ сказать, что вліяніе измѣненія давленія на живое существо есть вліяніе съ перваго взгляда механическаго, но въ сущности химическаго порядка. Можно ли сказать то же самое о дѣйствіи движеній атмосферы? Если мы оставимъ въ сторонѣ соображеніе, что вѣтеръ и другія амосферныя движенія, способствуя диффузіи газовъ, образующихся случайно въ изобиліи въ томъ или другомъ мѣстѣ, а также и регулирующему дѣйствію моря, извѣстнымъ образомъ вліяютъ на химическій составъ воздуха, то мы увидимъ, что значеніе этихъ движеній чисто физическаго порядка. Со спеціальной точки зрѣнія, интересующей насъ въ данную минуту, эти движенія надо разсматривать какъ факторы регулированія температуры и какъ пособники распространенія нѣкоторыхъ формъ жизни. Они являются, несомнѣнно, регуляторами температуры; главнѣйшія причины вѣтровъ—это неравномѣрность нагрѣванія почвы и воздуха въ различныхъ мѣстахъ, и если бы вѣтры не существовали, то температура не замедлила бы сдѣлаться невозможной и вредной для жизни. Безъ вѣтра облака не переносили бы воды изъ морей на континентъ и всюду стояла бы большая засуха; безъ него порча воздуха въ томъ или другомъ мѣстѣ упорно сохранялась бы, такъ какъ диффузія примѣшавшихся къ воздуху газовъ, совершалась бы очень медленно. Вѣтеръ—это метла воздуха; онъ то подталкиваетъ его, то взбалтываетъ, перемѣшиваетъ, заставляетъ его проноситься надъ морями и землею, онъ распредѣляетъ равномѣрно по всей атмосферѣ тѣ элементы воздуха, которые по той или другой причинѣ образуются въ большомъ количествѣ въ какомъ-нибудь мѣстѣ; онъ поддерживаетъ чистоту атмосферы или, по крайней мѣрѣ, однородный составъ и мѣшаетъ установкѣ слишкомъ большихъ неравенствъ температуры. Надобно еще замѣтить, что движенія атмосферы оказываютъ вліяніе и на регулированіе температуры тѣла какъ человѣка, такъ и животныхъ. Они мѣшаютъ излишнему насыщенію воздуха влажностью, а всѣмъ вѣдь извѣстно, какъ невыносима ста-

новится жара при слишкомъ влажномъ воздухѣ; при этомъ испареніе кожи въ насыщенную влагой атмосферу значительно затруднено и не можетъ уже оказывать своего благотворнаго и освѣжающаго вліянія на тѣло; съ другой стороны, воздухъ совершенно сухой имѣетъ свои недостатки—онъ раздражаетъ легкія. Распредѣляя повсюду въ атмосферѣ влажность, обильно находящуюся въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея, вѣтры тѣмъ самымъ приносятъ большую пользу живымъ существамъ; точно также они помогаютъ распространенію нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и растеній, увлекая ихъ далеко за моря, на острова и сосѣдніе континенты. Но вѣтры имѣютъ также и недостатки, разсѣивая въ то же время патогенные микробы, а, слѣдовательно, и происходящія отъ нихъ болѣзни. Не будемъ, впрочемъ, особенно останавливаться на этомъ фактѣ, который въ скоромъ времени придется затронуть; достаточно указать на благодѣтельное и одновременно вредное вліяніе атмосферныхъ движеній, вліяніе, зависящее всецѣло отъ природы веществъ, которыя они переносятъ съ собою.

IV.

Мы разсмотрѣли отношеніе живыхъ существъ къ химическому составу воздуха, къ его давленію и къ его движеніямъ; намъ остается только разсмотрѣть отношеніе этихъ существъ къ содержимому воздуха. Воздухъ содержитъ въ себѣ много случайныхъ, второстепенныхъ и непостоянныхъ примѣсей. Однѣ изъ нихъ газообразны: таковы, напримѣръ, газы, часто ядовитые, образовавшіеся искусственнымъ или естественнымъ путемъ, какъ окись углерода, углеводорода и многіе другіе. Мы не будемъ касаться ихъ въ данную минуту; въ воздухѣ, смотря по условіямъ и мѣстностямъ, можно найти всевозможныя химическія вещества, но присутствіе ихъ чисто случайно. Тѣ же, о которыхъ мы хотимъ здѣсь упомянуть, представляютъ нормальныя примѣси воздуха, а именно—пары воды и разныя твердыя тѣла, отчасти живыя, отчасти лишенныя жизни; что касается неорганической пыли, выбрасываемой вулканами, или заводскаго происхожденія, или же образовавшейся изъ самой почвы, то мы оставимъ ее безъ разсмотрѣнія.

Водяные пары постоянно разсѣяны въ атмосферѣ въ видѣ облаковъ или тумана, а также въ видѣ невидимаго пара, о которомъ мы болѣе всего и будемъ говорить. Его происхожденіе двояко: часть его доставляется испареніемъ воды, содержащейся въ моряхъ, озерахъ и почвѣ. Это испареніе зависитъ отъ температуры воздуха, а также отъ количества водяного пара, уже содержащагося

въ немъ. Другая часть влаги доставляется живыми существами при легочномъ и кожномъ дыханіи, а также испареніемъ изъ листьевъ растеній. Это образованіе паровъ воды живыми существами весьма непостоянно и претерпѣваетъ значительныя колебанія, въ зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ условій. Человѣкъ или животное, дышащее сухимъ воздухомъ, выдѣляетъ много водяныхъ паровъ, такъ что воздухъ, который онъ выдыхаетъ, насыщенъ ими; но если онъ дышетъ въ средѣ очень влажной, то онъ почти не выдѣляетъ водяного пара, а только возвращаетъ атмосферѣ то количество влаги, которое онъ взялъ у нея. Все человѣчество выдѣляетъ въ атмосферу, приблизительно, 15 милліардовъ килограммовъ воды въ сутки, но при этомъ происходитъ скорѣе возвратъ влаги воздуху, чѣмъ внесеніе въ него новыхъ количествъ ея. Такимъ же образомъ и растенія отдаютъ мало паровъ воздуху, если онъ богатъ ими, въ сухой же воздухъ они выдѣляютъ громадное количество влаги. Вычислено, напримѣръ, что лѣсъ изъ 500 молодыхъ здоровыхъ деревьевъ даетъ, приблизительно, 4.000 тоннъ водяныхъ паровъ за 12 дневныхъ часовъ; ночное же выдѣленіе паровъ слабѣе; оно даже не достигаетъ и пятой части дневного испаренія. Одинъ этотъ примѣръ можетъ показать, какое количество воды могутъ доставлять атмосферѣ растенія, и если вспомнить, что въ Американскихъ Шгатахъ, по вычисленію Anders'a, поверхность растительности, по крайне мѣрѣ, въ 4 раза болѣе земной поверхности, то ясно, какъ велика роль растеній въ интересующемъ насъ вопросѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые физики вычисляютъ количество воды въ видѣ паровъ въ атмосферѣ равнымъ 72 трилліонамъ кубическихъ метровъ.

Эти водяные пары, распространенные въ воздухѣ въ весьма разнообразныхъ количествахъ, въ зависимости отъ мѣста, времени и массы другихъ условій, которыхъ я не буду перечислять, имѣютъ большое вліяніе на жизнь. Слишкомъ сухой воздухъ раздражаетъ дыхательные органы, наоборотъ—слишкомъ влажный препятствуетъ испаренію или, правильнѣе, затрудняетъ благотворное дѣйствіе послѣдняго; значитъ, лучше всего, когда атмосфера содержитъ извѣстное, опредѣленное количество влаги. Но влажность атмосферы играетъ еще другую, болѣе важную роль: она образуетъ между почвой и небеснымъ пространствомъ благодѣтельный экранъ, который днемъ умѣряетъ теплоту, посылаемую солнцемъ, поглощая часть ея, и тѣмъ самымъ препятствуетъ слишкомъ сильному высыханію земли и растительности; ночью же, на оборотъ, онъ противодѣйствуетъ слишкомъ значительному охлажденію, которое могло бы произойти вслѣдствіе лучеиспусканія

теплоты. Дѣйствительно, водяные пары, пропуская свѣтлые тепловые лучи, поглощаютъ значительное количество темныхъ тепловыхъ лучей, излучаются ли они солнцемъ, землею или какимъ-нибудь другимъ источникомъ; такъ, опыты Tyndall'я и Pouillet въ частности показали, что воздухъ, благодаря находящемуся въ немъ водяному пару, поглощаетъ почти 1/4 часть солнечной теплоты и допускаетъ до земли только 3/4 ея. Безъ этого экрана, этого, такъ сказать, теплового фильтра, наши лѣтніе дни были бы одновременно и теплѣе, и холоднѣе; температура ихъ походила бы на температуру высокихъ горъ или ту, которую наблюдали на большихъ высотахъ воздухоплаватели. Чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ тоньше слой водяныхъ паровъ между наблюдателемъ и солнцемъ. При этихъ условіяхъ солнце очень сильно грѣетъ: его лучи, проходя болѣе свободно черезъ воздухъ, сильно нагрѣваютъ всѣ предметы; но, съ другой стороны, окружающій воздухъ очень холоденъ, потому что онъ бѣденъ водяными парами и поглощаетъ очень малое количество тепла. Такимъ образомъ, безъ водяныхъ паровъ наши лѣтніе дни были бы изсушающими и вмѣстѣ съ тѣмъ холодящими: солнце жгло бы насъ, но воздухъ оставался бы холоднымъ, и въ тѣни, вслѣдствіе сильнаго лучеиспусканія, существовала-бы очень низкая температура.

Ночью пары воды умѣряютъ лучеиспусканіе. Земля, нагрѣтая днемъ, стремится во время ночи потерять свою теплоту, излучить ее въ междузвѣздное пространство: это лучеиспусканіе значительно, когда небо очень чисто и воздухъ сухъ; ясная ночь холоднѣе облачной; она также холоднѣе на вершинахъ горъ, сверху которыхъ находится болѣе тонкій слой атмосферы и паровъ воды, холоднѣе, чѣмъ въ долинахъ, лежащихъ подъ болѣе плотнымъ слоемъ атмосферы. Лучеиспусканіе есть неизбѣжное явленіе, такъ какъ небесное пространство обладаетъ весьма низкой температурой, вѣроятно, ниже—100 градусовъ по Цельсію; оно тѣмъ больше, чѣмъ воздухъ суше, т. е. бѣднѣе парамы воды, способными поглощать тѣ темные тепловые лучи, которые испускаются землею. Безъ водяныхъ паровъ съ заходомъ солнца наступало бы значительное охлажденіе, какъ это и имѣетъ мѣсто на высокихъ горахъ или плоскогоріяхъ (какъ, напримѣръ, въ Тибетѣ) и даже въ пустыняхъ (какъ въ Сахарѣ), имѣющихъ очень сухую атмосферу; такое охлажденіе было бы весьма вредно и даже смертельно для многихъ животныхъ и растеній. Водяные пары, слѣдовательно, умѣряютъ дневную жару и ночной холодъ. Они устанавливаютъ нѣкоторое равновѣсье тамъ, гдѣ иначе оказались бы крайности, неблагопріятныя для жизни. Подчеркнемъ также роль, которую

играютъ водяные пары, мѣшая наступленію полной темноты во время ночи, такъ какъ они освѣщаются на высотахъ, куда проникаютъ еще солнечные лучи, оставившіе уже нашу землю. Чтобы выяснить кратко всю важность присутствія паровъ воды въ воздухѣ, достаточно сказать, что безъ нихъ многія животныя и растенія исчезли бы съ лица земли.

Роль многочисленныхъ твердыхъ веществъ, которыя содержатся въ атмосферѣ, такъ же разнообразна, какъ и сама ихъ природа. Чистый воздухъ есть въ сущности миѳъ и его можно получить только въ лабораторіи съ помощью особыхъ приспособленій. Даже на самыхъ большихъ высотахъ, гдѣ количество микробовъ незначительно, гдѣ ихъ даже иногда совсѣмъ не достаетъ, такъ же какъ и остатковъ животныхъ и растеній, существуетъ всегда очень тонкая минеральная пыль, часть которой происходитъ изъ вулканическаго пепла или изъ самой почвы, а другая изъ безконечно малыхъ остатковъ аэролитовъ, которые пересѣкали нашу атмосферу. Пылинки въ воздухѣ видны и простымъ глазомъ, когда мы разсматриваемъ лучъ солнца, проходящій черезъ комнату. Но чтобы ихъ хорошо изслѣдовать, нужно прибѣгнуть къ помощи микроскопа или аэроскопа, тогда въ нихъ находишь самые разнообразные элементы. А именно, тутъ попадаются маленькія высохшія животныя, червячки, коловратки и т. д., вибріозныя инфузоріи, остатки насѣкомыхъ, шерстинки, чешуйки крыльевъ бабочекъ, волоса, перья, растительныя нити, споры грибовъ, цвѣточная пыль, почвенная пыль и, наконецъ, микробы. Съ точки зрѣнія насъ интересующей, многіе изъ этихъ остатковъ представляютъ для насъ, въ сущности, второстепенный интересъ, хотя, конечно, любопытно наблюдать, что пылинки вулканическаго происхожденія, какъ, напримѣръ, тѣ, которыя недавно были извергнуты Кракатоа, могутъ оставаться по цѣлымъ годамъ въ воздухѣ на довольно значительныхъ высотахъ и могутъ, благодаря вѣтрамъ, циркулировать вокругъ земли, обусловливая этимъ такія любопытныя свѣтовыя явленія, какія были замѣчены физиками всѣхъ странъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Что насъ интересуетъ съ точки зрѣнія жизненныхъ явленій, это присутствіе цвѣточной пыли, которая, будучи далеко переносима вѣтрами, можетъ оплодотворять цвѣты того же рода, присутствіе споръ тайнобрачныхъ растеній, благопріятствующихъ географическому распространенію этой группы; это, наконецъ, присутствіе многочисленныхъ сѣмянъ, обладающихъ особыми приспособленіями для переноса ихъ вѣтромъ, помогающимъ ихъ распространенію. Это очень легкія сѣмена, снабженныя особенными придатками, которые помогаютъ имъ долго

плавать въ воздухѣ и перелетать громадныя пространства; уносясь въ далекіе края и попадая тамъ въ почву, они постепенно расширяютъ географическія владѣнія того вида, отъ котораго они произошли. Не меньшій интересъ представляетъ для насъ присутствіе въ пыли микробовъ. Многіе изъ нихъ совершенно безвредны, но есть между ними и смертельные. Въ воздухъ они доставляются то больными туберкулезомъ, оспою, скарлатиною, корью, дифтеритомъ и всякими инфекціонными болѣзнями, то вѣтромъ, который захватываетъ ихъ на поверхности почвы, гдѣ случайно находились выброшенныя зараженныя вещества, поднимаетъ ихъ и переноситъ; затѣмъ вмѣстѣ съ воздухомъ они распространяются во всѣ стороны смертоносными потокомъ. Въ особенности ихъ много въ населенныхъ мѣстахъ. Въ Montsouris E. Mequil нашелъ отъ 30 до 770 микробовъ въ кубическомъ метрѣ воздуха, смотря по вѣтру, времени года и т. д., 5.500 на улицѣ Rivoli въ Парижѣ, отъ 40 до 80.000 въ больничныхъ залахъ, тогда какъ на высотѣ 7.000 метровъ и на морѣ, вдали отъ земли, ихъ совсѣмъ не находятъ. Эти цифры достаточно намъ показываютъ, насколько, въ извѣстныхъ случаяхъ, воздухъ есть опасное и иногда несущее съ собой смерть вещество.

Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго; мы уже раньше видѣли, что воздухъ одновременно несетъ съ собою и жизнь и смерть. Каждый изъ его элементовъ необходимъ для жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ нихъ есть ядъ, въ зависимости отъ относительныхъ количествъ его и условій, при которыхъ онъ дѣйствуетъ.

Самый, повидимому, наиболѣе животворный изъ нихъ можетъ стать сильнѣйшимъ ядомъ; другой, наименѣе нужный, даже вредный на первый взглядъ, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказывается однимъ изъ существенныхъ устоевъ жизни. Единственный выводъ отсюда тотъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ бы или совсѣмъ исчезнуть, или проявиться въ другихъ размѣрахъ безъ того, чтобы земля не обратилась при этомъ въ пустынный и голый шаръ, лишенный всякихъ признаковъ жизни.

Присматриваясь такимъ образомъ ближе, мы замѣчаемъ тотъ интересный фактъ, что, по удачному выраженію Дюма, всѣ живыя существа суть ничто иное, какъ сгущенный воздухъ. Растенія существуютъ только благодаря воздуху, а животныя существуютъ на счетъ растеній. Элементы растеній ничто иное, какъ воздухъ, а животныя живутъ растеніями. Связь, какъ видите, тѣсная и прямая: человѣкъ есть сгущенный воздухъ. И такъ какъ этотъ воздухъ, съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество существуетъ,

постоянно проходилъ черезъ тѣла нашихъ предковъ, дѣлался на время ихъ составной частью и затѣмъ опять выдѣлялся, то наше теперешнее тѣло состоитъ, въ сущности, изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, какъ и тѣло нашихъ предшественниковъ. Матерія нашего тѣла та же, что была матеріей тѣла предковъ, а также и исчезнувшихъ, отмершихъ растеній; она непрерывно и неустанно движется въ пространствѣ, претерпѣвая рядъ метаморфозъ. Проявляясь сегодня въ видѣ цвѣтка или плода, она завтра уже входитъ то въ составъ тѣла медленнаго моллюска, то въ мозгъ какого-нибудь Декарта, Паскаля, Іоанны Д'Аркъ или Шекспира. Она никогда не останавливается; движеніе ея, начала котораго ни одинъ человѣческій глазъ не видѣлъ, а конца ни одинъ умъ не можетъ представить, кажется безконечнымъ; переходя послѣдовательно отъ жизни къ смерти, старая какъ нашъ старый міръ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно юная, она переиспытала, если бы могла сознавать, все, что только можетъ дать жизнь радостнаго и горестнаго, и перезнакомилась со всякими ощущеніями, какъ самыми благородными, такъ и самыми низкими.

Вѣтерокъ, который только-что подулъ намъ въ лицо, есть цѣлая прошлая жизнь, въ немъ таятся миріады существъ,—наши предки, наши дорогіе покойники, которыхъ мы оплакиваемъ. Сейчасъ онъ вошелъ въ составъ насъ самихъ, а завтра онъ помчится своимъ путемъ, подвергаясь безпрестаннымъ метаморфозамъ, переходя изъ одного организма въ другой безъ выбора, безъ различія, вплоть до той поры, когда наша планета окончательно умретъ; тогда матерія всего того, что когда-то жило, возвратится въ охлажденную землю, въ эту гигантскую могилу, которая мрачно и молчаливо будетъ мчаться по неизмѣримымъ глубинамъ потухшихъ небесъ.

Что же потомъ? Наука молчитъ: въ книгѣ природы, которая открывается передъ нами и въ которую мы погружаемся съ жадностью, въ надеждѣ разгадать будущее, недостаетъ всего двухъ страницъ, но наиболѣе для насъ интересныхъ—первой и послѣдней.

Общество, государство, культура на Западѣ въ XVI вѣкѣ.

Проф. **Р. Виппера.**

*(Продолженіе *).*

Экономическій подъемъ и экономическій кризисъ въ XVI вѣкѣ.

Возростаніе спроса на капиталъ къ XVI в. и препятствія къ его сосредоточенію и обороту.—Финансовыя силы XVI в. и ихъ централизація на всемірныхъ биржахъ.—Антверпенъ и Ліонъ, ихъ значеніе для европейской политики и торговли.—Финансовая спекуляція и эпоха кризисовъ.—Паденіе финансоваго міра XVI вѣка.—Революція цѣнъ, ея значеніе для различныхъ общественныхъ классовъ.—Антикапиталистическое движеніе въ XVI вѣкѣ.

Въ нашихъ изображеніяхъ хода историческаго развитія обыкновенно чередуются группы «событій» и «состояній». Когда идетъ рѣчь о первыхъ, то прежде всего возникаетъ представленіе о сцѣпленіяхъ и актахъ политической или религіозной жизни, такъ какъ мы привыкли въ этой области встрѣчать болѣе яркіе моменты, находить бо́льшую измѣнчивость, бо́льшій драматизмъ. Явленія соціально-экономическія представляются намъ скорѣе въ видѣ длительныхъ состояній, видоизмѣняющихся мало замѣтными полосами.

Историкъ, изучающій шестнадцатый вѣкъ, невольно чувствуетъ охоту нарисовать экономическое движеніе этой эпохи по тому же пріему, какъ обыкновенно изображаются культурные и политическіе ея перевороты, т. е. въ видѣ ряда рѣзкихъ, пожалуй, даже драматически захватывающихъ событій: онъ можетъ въ самомъ дѣлѣ намѣтить быстро смѣняющіеся этапы въ развитіи совершенно новаго экономическаго міра въ Европѣ, впервые образующаго въ ней одно связное цѣлое, выдвинуть крупныя и сильно очерченныя предпріятія, развертывающіяся въ предѣлахъ этого міра, указать яркія черты постигающихъ его катастрофъ и революцій, схватить моменты настроенія общества, нервно и чутко отзывающагося на перипетіи экономическаго движенія. Если угодно, здѣсь можно найти своихъ крупныхъ дѣятелей, своихъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

«героевъ», и со своей точки зрѣнія современный изслѣдователь финансовой исторіи XVI в. имѣлъ право подвести эпоху Лютера, Карла V и Филиппа II подъ новый заголовокъ «вѣка Фуггеровъ» *). Да мы и не можемъ болѣе выдѣлять отъ великихъ колебаній религіозной и политической борьбы эпохи реформаціи одновременнаго имъ развитія матеріальныхъ условій общественной жизни. Это развитіе не представляетъ только теченія, параллельнаго ходу идей или комбинаціямъ и сцѣпленіямъ политики, теченія, лишь по временамъ врывающагося въ сферу, гдѣ, повидимому, дѣйствуютъ логическіе аргументы и психическія настроенія. Крупныя столкновенія политическихъ силъ, напр., Габсбурговъ и Валуа, Голландіи и Испаніи, гугенотскихъ дворянъ и католическихъ горожанъ во Франціи, не могли бы разыграться безъ скопленія и борьбы массъ капитала; характерныя черты самихъ религіозныхъ программъ, ихъ широта и распространенность, ихъ соціальный оттѣнокъ останутся намъ непонятны, если мы не схватимъ тѣхъ могущественныхъ пружинъ матеріальной жизни, вліяніе которыхъ объединило въ XVI вѣкѣ Европу, подняло или разрушило различныя общественныя группы въ средѣ европейскихъ націй.

Шестнадцатый вѣкъ—эпоха первыхъ шаговъ въ сосредоточеніи и мобилизаціи капитала въ Европѣ, эпоха возникновенія и крушенія, если можно такъ выразиться, первой его европейской организаціи.

Все болѣе и болѣе широкіе слои населенія вступаютъ къ концу среднихъ вѣковъ въ общій экономическій обмѣнъ, въ условія денежнаго хозяйства. Это явленіе можно иллюстрировать такимъ характернымъ примѣромъ. Въ XIV вѣкѣ въ крупнѣйшемъ городѣ Германіи, Кёльнѣ, самой мелкой деньгой была монета, равная 8 пфеннигамъ ($3^1/_2$ копѣйки); если мы примемъ въ разсчетъ гораздо болѣе значительную покупательную цѣну денегъ того времени, то этотъ фактъ означаетъ, что для большой части городского населенія въ одномъ изъ оживленнѣйшихъ пунктовъ рынокъ былъ недоступенъ, или что эта часть населенія не нуждалась въ немъ для покрытія своихъ жизненныхъ потребностей, что множество предметовъ не имѣло цѣны, не подлежало обмѣну. Въ томъ же Кёльнѣ черезъ два вѣка уже чеканится монета, равная 1 пфеннигу (менѣе $^1/_2$ коп.), т. е. мельчайшей современной размѣнной денежкѣ. Въ промежуткѣ лежитъ огромный шагъ.

Съ развитіемъ денежнаго хозяйства выростала быстро и въ частныхъ отношеніяхъ, и въ государственной жизни потребность

*) *R. Ehrenberg*, «Das Zeitalter der Fugger, Geldcapital und Creditverkehr im XVI Jh.». 1896, 2 Bde.

въ свободномъ распоряженіи все большими и большими массами движимаго капитала. Со времени крестовыхъ походовъ и кончая великими открытіями португальцевъ и испанцевъ развертывается купеческая предпріимчивость объ руку со смѣлымъ полетомъ географическихъ изысканій. Слѣдомъ за фантазіей купцовъ и конквистадоровъ разростается игра политическаго воображенія у европейскихъ властителей. Французскій король, соря деньгами, добивается чести называться германскимъ императоромъ; государь, носящій провиденціальное имя Карла, считаетъ себя призваннымъ къ борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ на Дунаѣ, въ Африкѣ, на Средиземномъ морѣ и въ то же время, преслѣдуя великую программу религіознаго замиренія Европы, воюетъ и съ религіозными отщепенцами, и съ «христіаннѣйшимъ» королемъ, и съ самимъ главою непогрѣшимой церкви; испанцы и французы истощаютъ силы въ спорѣ за богатства Италіи, англійскіе короли, въ цѣпкой и терпѣливой коммерческой борьбѣ съ обладателями сѣверныхъ морей и проливовъ, кладутъ основы морского владычества своей націи.

Нечего и говорить объ осуществленіи этихъ грандіозныхъ проектовъ и усилій, когда ежедневная государственная практика, которая все болѣе должна была опираться на обширные кадры чиновниковъ и требовать правильнаго оборота крупныхъ суммъ, не могла подвигаться впередъ безъ широкаго кредита. Государственный бюджетъ въ эту эпоху такъ же отсутствовалъ, какъ не было правительственныхъ, національныхъ войскъ. Попытки бережливыхъ правителей скопить казну, запрятать на черный день сокровище создавали слишкомъ ничтожные рессурсы. Въ военной и финансовой сферѣ приходилось прибѣгать къ частному предпринимателю, въ первомъ случаѣ къ профессіональному «военному спекулянту», кондотьеру, во второмъ—къ финансовыхъ дѣлъ мастеру, который еще не носилъ тогда названія банкира, а именовался traitant, partisan, asentista и т. д. Въ этомъ положеніи дѣло и оставалось въ Европѣ, приблизительно, до эпохи Людовика XIV.

Государи Европы въ XVI и XVII вв. были хроническими и притомъ далеко не всегда надежными должниками; въ тоже время они были безпокойными и неутомимыми прожектерами. Отвѣчая на запросы съ ихъ стороны, увлекаясь, въ свою очередь, грандіозными планами мобилизаціи и оживленія спящихъ натуральныхъ богатствъ, финансисты XVI в. должны были развивать качества, аналогичныя заокеаническимъ смѣльчакамъ плавателямъ и завоевателямъ: они должны были пробивать новые пути, изощряться въ привлеченіи боязливаго капитала, подвергаться опасности, поднимая и пуская въ оборотъ сырыя доходныя статьи. Сосредото-

ченіе капиталовъ въ первой половинѣ XVI в. въ значительной мѣрѣ—дѣло ихъ личныхъ усилій, личной изворотливости, таланта и риска, и потому эпоха можетъ быть съ извѣстнымъ правомъ названа «героическимъ» вѣкомъ западно-европейскаго капитализма.

Затрудненія, съ которыми приходилось въ данномъ случаѣ бороться, были въ самомъ дѣлѣ велики. Прежде всего сказывалась крайняя необезпеченность въ дѣлахъ и сношеніяхъ. Страхъ передъ разбойничьими и солдатскими бандами заставлялъ многихъ прибѣгать къ допотопному способу сбереженія, закапывать въ землю клады. Деревня все еще держалась на старомъ натуральномъ хозяйствѣ, и города со своимъ денежнымъ обмѣномъ представляли оазисы. Но и въ городѣ экономическая жизнь била неровнымъ пульсомъ; деньги приливали въ ярмарочные сроки и отливали опять. Отсюда объясняются крупныя измѣненія въ цѣнѣ монетъ, которая колебалась, какъ у всякаго другого товара, зависящаго отъ подвоза, урожая и т. п. Въ видномъ торговомъ центрѣ, въ г. Барселонѣ въ первой половинѣ XV в. во время лѣта монеты становилось мало и она дорожала вслѣдствіе покупки шерсти въ Арагоніи и Валенсіи; цѣна ея послѣ этого падала и подымалась опять въ январѣ вслѣдствіе покупки шафрана, потомъ опять падала. Благодаря недостатку звонкой монеты и трудности ея пересылки, обмѣнъ серебра на золото и обратно неизбѣжно былъ связанъ съ значительной потерей, и комиссіонная плата равнялась 6 или 8%, иногда доходила до 12%. Бѣдная и безъ того драгоцѣнными металлами, Европа должна была отдавать свое серебро и золото Азіи въ обмѣнъ за ея продукты. Рѣдкость металлическихъ денегъ и огромная ихъ покупательная цѣна въ XV в. объясняютъ ту жадность до золота, которую обнаруживали первые завоеватели и колонизаторы Америки, «пьянѣвшіе», по выраженію Писарро, отъ обилія предлагаемаго имъ здѣсь драгоцѣннаго металла.

Трудно найти эпоху, когда бы недостатокъ средствъ оборота въ сравненіи съ потребностью въ капиталѣ въ такой мѣрѣ чувствовался, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ. Любопытно, что уже въ XIV в. появляются различные пріемы дробленія доходовъ и мобилизаціи мелкихъ ихъ частицъ: такъ, напр., разбивается рента съ земельныхъ участковъ, и минимальные ея паи, цѣною въ нѣсколько су, переходятъ изъ рукъ въ руки сотнями и тысячами. Но въ то же время слабо развиты были средства къ сосредоточенію капиталовъ, ихъ сбереженію, средства къ тому, чтобы узнавать ихъ мѣстонахожденіе, притягивать ихъ, поощрять къ обороту. Представители власти, чтобы получить кредитъ, вынуждены

были обращаться къ купеческимъ операціямъ, ворочать товаромъ, бѣгать на рынокъ. Казначей герцога бургундскаго Іоанна Безстрашнаго долженъ былъ, чтобы добыть въ короткій срокъ значительную сумму, купить въ Куртрэ 137 штукъ сукна въ долгъ за 2.764 экю и тотчасъ же продать ихъ на наличныя съ потерею 564 экю. Или, напр., правительство получало при займѣ запасы ртути и киновари, которые оно съ большою потерею реализовало на деньги. Задача финансовыхъ магнатовъ XVI в., разныхъ Фуггеровъ, Строцци, Дуччи, Грешэмовъ, заключалась въ томъ, чтобы установить связь, ускорить сношенія между производителями, владѣльцами мелкихъ сбереженій и капиталовъ и, такъ сказать, крупными потребителями ихъ, главнымъ образомъ, государями, а затѣмъ и купцами—организаторами крупныхъ предпріятій.

Въ XVI в. выполненіе этой задачи приняло своеобразныя формы. Цѣлое столѣтіе по открытіи Новаго Свѣта длится странное явленіе: Америка служитъ какъ будто только въ видѣ дополненія къ европейскимъ источникамъ руды. Для того, чтобы отдать это голое средство къ богатству, роскошная по своей природѣ страна заставляетъ работать скудную Европу: и не только предметами своей индустріи снабжаетъ Европа колоніи, но также сырьемъ, пищевыми продуктами, хлѣбомъ, масломъ, виномъ. Къ половинѣ XVI в., особенно со времени открытія потозійскихъ рудниковъ, американское золото и серебро наводняетъ Европу и начинаетъ быстро падать въ цѣнѣ. Непосредственная нужда въ немъ прекратилась. Но какимъ образомъ Европа воспользовалась имъ, какъ эти мертвыя сокровища претворились въ двигающую силу? Превращеніе стало возможно лишь благодаря культурѣ и индустріи Европы, а направителями движенія, посредниками въ данномъ случаѣ стали финансовыя силы Стараго Свѣта.

Особенно любопытны отношенія ихъ къ непосредственному владѣтелю американскихъ сокровищъ, королю Испаніи, который безъ ихъ кредита не могъ реализовать своихъ богатствъ. Мы видѣли, что Яковъ Фуггеръ возвелъ на императорскій престолъ Карла V своими деньгами. Четыре года спустя, когда въ Германіи поднялось гоненіе на большія торговыя компаніи, онъ писалъ императору наполовину иронически, наполовину угрожающе: «Извѣстно и очевидно, что ваше величество не могли бы безъ меня добиться короны, и я могъ бы это доказать подписями всѣхъ Вашихъ Императорскихъ коммиссаровъ». Карлъ V не могъ не защитить купцовъ противъ князей. Союзъ между аугсбургскимъ торговымъ домомъ и династіей Габсбурговъ скрѣпился еще тѣснѣе при племянникѣ Якова, знаменитомъ Антонѣ Фуггерѣ (1525—

1560). Это былъ несомнѣнно первый капиталистъ своего времени, и возростаніе денежной силы въ XVI в. видно уже изъ того, что его имущество относилось къ капиталу перваго богача XV в., Медичи, какъ 5 : 1.

Въ 1530 г. Фуггеръ посредствомъ крупной ссуды устроилъ избраніе въ римскіе короли брата Карла V, Фердинанда. На его средства была ведена война съ Франціей въ 1536 г. Передъ рѣшительнымъ столкновеніемъ императора съ протестантами Фуггеры ссудили Карлу крупную сумму, будто бы для придворныхъ тратъ. Протестантскій союзъ узналъ объ этомъ, и такъ какъ, по его мнѣнію, «императоръ безъ помощи аугсбургскихъ банкировъ не могъ бы съ мѣста сдвинуться», онъ потребовалъ, чтобы великая финансовая сила теперь помогла и протестантамъ и задержала ссуды императору. Союзъ въ то же время вынуждалъ враждебное Карлу V управленіе города Аугсбурга отобрать у богатыхъ гражданъ всѣ наличныя деньги, всѣ драгоцѣнности на содержаніе союзныхъ войскъ. Тогда аугсбургскіе демократы, только что заставившіе удалиться католическихъ патриціевъ и въ томъ числѣ Фуггера, обратились къ заступничеству послѣдняго передъ императоромъ и чрезъ посредство банкира помирились съ Карломъ.

Уже теперь аугсбургскій банкиръ заявлялъ, что «онъ усталъ ссужать императора». Однако, ихъ отношенія не прекратились. Въ 1552 г., въ самый критическій моментъ для старѣющаго императора, когда протестантскіе князья, во главѣ даровитый Морицъ Саксонскій, соединились съ французскимъ королемъ и Карлу, при полномъ отсутствіи войска, грозилъ плѣнъ, Фуггеръ буквально спасъ его. Упавшій духомъ императоръ въ отчаяніи заявлялъ, что «купцы точно сговорились не служить ему больше; ни въ Аугсбургѣ, ни въ другихъ мѣстахъ никто не хочетъ мнѣ давать взаймы, какія ни обѣщай выгоды». Наконецъ, онъ отправилъ собственноручное письмо къ великому банкиру и молилъ пріѣхать въ Инсбруккъ «ради самого неба», увѣряя, что въ «данную минуту онъ ничего такъ не желаетъ, какъ этого пріѣзда». Фуггеръ явился, и съ этимъ драгоцѣннымъ человѣкомъ, представлявшимъ собою цѣлую державу, императоръ бѣжалъ дальше въ горы. Здѣсь въ Виллахѣ состоялась сдѣлка: Фуггеръ ссудилъ Карла огромной суммой въ 400.000 дукатовъ, и тонъ императора, въ переговорахъ съ мятежными князьями въ Пассау сразу рѣзко перемѣнился.

Торговое имя этого дома пользовалось удивительнымъ авторитетомъ въ «христіанскомъ мірѣ». Анекдотъ о великомъ Фуггерѣ, сжигающемъ въ присутствіи Карла его векселя, чтобы отблагодарить за честь высокаго посѣщенія, конечно, — легенда, но за-

то вполнѣ достовѣренъ слѣдующій фактъ: когда въ самый тяжелый моментъ нидерландскаго возстанія въ 1576 г. поднялся бунтъ солдатъ, не получавшихъ жалованья, испанскій министръ два раза ночью посылалъ за факторомъ Фуггера, умоляя его асссигновать на Антверпенъ крупную сумму: «солдаты, увидавши векселя Фуггера, тотчасъ смирятся и терпѣливо будутъ ждать денегъ». Факторъ еще колебался; тогда испанецъ поцѣловалъ св. крестъ и поклялся имъ, что «если Нидерланды будутъ потеряны изъ-за недостатка денегъ, это будетъ виною Фуггера».

Услуги Фуггеровъ любопытны въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, они обязывались не просто добыть извѣстную крупную сумму, опираясь на свой кредитъ; имъ приходилось затѣмъ выплатить, и притомъ въ быстрые сроки, по особымъ ассигновкамъ отдѣльныя суммы въ разныхъ концахъ Европы, переслать одну на театръ войны, другую вручить старому кредитору государя, третью уплачивать нужному человѣку въ видѣ ежегодной ренты и т. д. Во-вторыхъ, помимо процентовъ, которые вычитались прямо изъ условленной суммы, ссужавшій банкиръ не могъ разсчитывать на возвратъ долга деньгами; вмѣсто того онъ получалъ въ видѣ векселя право пользоваться опредѣленной доходной статьей, ртутными рудниками, грузомъ серебра изъ «Индіи», т. е. Америки, частью домена, пошлиной и т. д. Правительство уступало ему въ данномъ случаѣ свое мѣсто и предоставляло устройство эксплуатаціи дохода.

Хотя банкира XVI в. уже не ждала висѣлица послѣ сказочнаго владычества, какъ финансовыхъ гигантовъ XV в., въ родѣ Жака Кэра, но отношенія между финансовымъ міромъ и политическимъ были долго еще неправильны и подлежали большимъ колебаніямъ. Для купца было крайне рисковано связывать свои операціи съ предпринимателями и фантазерами дипломатическаго и военнаго дѣла, и денежные люди старались вознаградить себя огромнымъ процентомъ. Вотъ примѣръ такихъ сдѣлокъ. Весной 1522 г., когда возстаніе испанскихъ коммунъ еще не было окончательно сломлено, императору для обузданія ихъ и для поѣздки въ Англію немедленно нужна была значительная сумма. При посредничествѣ города Антверпена удалось занять у группы купцовъ, взамѣнъ трехлѣтней аренды таможеннаго сбора въ самомъ Антверпенѣ и въ провинціи Зеландіи, каковая аренда равнялась 117.000 ливровъ, такую же сумму, причемъ они фактически дали только 70.000 ливровъ, такъ какъ 47.000 были вычтены тотчасъ же въ видѣ процента. Любопытна въ этой сдѣлкѣ еще одна особенность. Городъ Антверпенъ, играя здѣсь роль имперскаго финансоваго

агента, долженъ былъ гарантировать купцамъ вѣрность сдѣлки и зато былъ освобожденъ отъ обязательства взносить двумъ нѣмецкимъ курфирстамъ отъ имени императора ежегодную плату, условленную подъ залогъ тѣхъ же самыхъ таможенныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, ростовщическая сдѣлка осложнялась еще рѣзкимъ правонарушеніемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, когда долгъ императора разнымъ купцамъ дошелъ уже до 400.000 ливровъ, онъ былъ въ почти безвыходномъ положеніи: не на что было снарядить корабли для переправы его въ Испанію и нечего было заплатить сопровождавшимъ его ланцкнехтамъ. Купцы ссылались на безпокойное военное время и говорили, что деньги скрылись съ биржи. Послѣ многихъ усилій, приближеннымъ Карла удалось достать подъ залогъ императорскаго кубка и нѣсколькихъ золотыхъ цѣпей нѣкоторую сумму за 52%.

Постепенно для сношеній финансоваго и политическаго міра возникли опредѣленные центры, выработались болѣе опредѣленныя формы. Присмотримся ближе, какимъ образомъ, могли финансовые владыки сосредоточивать въ своихъ рукахъ въ короткіе сроки столь значительныя суммы и какъ могли они ворочать этими суммами?

Съ конца XV в. въ характерѣ и направленіи путей европейской торговли происходитъ рѣшительный переворотъ. Ея главной артеріей до тѣхъ поръ, начиная отъ крестовыхъ походовъ, была дорога отъ портовъ Италіи черезъ Альпы и Германію къ гаванямъ Сѣвернаго и Балтійскаго моря, а главными средоточіями—Венеція и Генуя на югѣ, Аугсбургъ и Нюрнбергъ въ срединѣ, Брюгге, Кёльнъ, Любекъ, Бременъ, Гамбургъ на сѣверномъ краю; по этому пути съ юга шли пряности, тонкія матеріи, предметы роскоши, съ сѣвера—сырье, шерсть, кожи, хлѣбъ и т. д. Теперь торговый циклъ этотъ разрывается всюду. Сѣверъ эмансипируется въ промышленномъ отношеніи, и Англія, напр., начинаетъ наводнять обратно материкъ своими шерстяными матеріями. Крупныя національныя территоріи, Данія, Швеція, Англія осиливаютъ слабую федерацію городскихъ республикъ Ганзы. Съ другой стороны, гордыя итальянскія коммуны утрачиваютъ свою гегемонію на Леванѣ. Націи на океанической окраинѣ, особенно португальцы, продолжая поиски генуэзцевъ вдоль береговъ Африки, добираются до прямого источника сказочныхъ восточныхъ богатствъ, до Индіи. Дорогая доставка ихъ старымъ путемъ чрезъ Египетъ, съ которымъ торговала Венеція, стала ненужна. Въ началѣ XVI в. завоеваніе Египта турками почти заперло этотъ путь. Средневѣковыя торговыя державы на сѣверномъ и южномъ краю Средней

Европы, нѣмецкіе и итальянскіе города, были подорваны; съ ними вмѣстѣ должно было высохнуть и то торговое русло, которое проложили медленно подвигавшіеся торговые караваны XII—XV вв. черезъ альпійскіе проходы и по притокамъ верхняго Дуная и Рейна.

Но не все погибло въ старомъ торговомъ мірѣ. Традиціи, опытъ, своего рода наслѣдственные вкусы и сноровка торжествовали и здѣсь надъ измѣнившимися матеріальными условіями, какъ нерѣдко въ политической жизни старая аристократія, подорванная экономически, остается еще во главѣ дѣлъ, служитъ своими талантами и моральнымъ авторитетомъ новымъ соціальнымъ слоямъ, явившимся ей на смѣну. Въ то время, какъ Венеція и Ганзейскіе города въ гордой патриціанской неподвижности сохранили свои прежніе торговыя задачи и пріемы и такимъ образомъ шли навстрѣчу своему разоренію, генуэзскіе, флорентійскіе и южнонѣмецкіе купцы цѣпко схватились за новыя коммерческія условія и бросились за торговыми стихіями. Говоря коротко, они передвинулись на большіе новые биржевые пункты на Западѣ и стали, вмѣсто оборота товаровъ, торговать деньгами.

Этотъ переходъ былъ подготовленъ измѣненіемъ въ самой торговой техникѣ. Купецъ стараго времени «гостилъ», путешествовалъ со своимъ товаромъ; позднѣе негоціантъ сталъ держать своихъ агентовъ въ разныхъ пунктахъ, важныхъ для пріема или сбыта, завелъ «факторіи». Такъ перешли къ коммиссіонной торговлѣ: одинъ агентъ представлялъ собою нѣсколько торговыхъ домовъ, въ важномъ торговомъ узлѣ садился иностранный купецъ, который поддерживалъ дѣловыя сношенія съ цѣлымъ кругомъ своихъ земляковъ. Рядъ крупныхъ торговыхъ условій привелъ къ тому, что агенты главныхъ фирмъ Германіи, Франціи, Италіи, Англіи и другихъ странъ стали сосредоточиваться съ конца XV в. въ Антверпенѣ.

Въ этомъ фламандскомъ городѣ, удивительномъ по своему положенію у моря, недалеко отъ устья Рейна, близъ Англіи и у границъ Франціи и Германіи, сходилось нѣсколько важныхъ товаровъ, которые направлялись отсюда въ разные концы Европы: англійское сукно, индійскія пряности, которыя шли однимъ большимъ русломъ черезъ Лиссабонъ, мѣдь, бархатъ, очень распространенный тогда, и т. д. Это соединеніе крупныхъ товаровъ привлекало сюда и другія торговыя отрасли. Въ одномъ англійскомъ мемуарѣ половины XVI столѣтія говорится, что Антверпенъ «поглотилъ торговлю другихъ городовъ». Высчитывали, что ежедневно Антверпенъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ около 5.000 негоціантовъ,

корреспондировавшихъ со всѣми концами материка. Въ мѣсяцъ здѣсь совершалось больше дѣлъ, чѣмъ въ прежнее время въ два года въ Венеціи. Коммерческій оборотъ Антверпена, не считая операцій вексельныхъ, оцѣнивался въ 1½ милліарда флориновъ въ годъ.

Вотъ здѣсь-то торговля и приняла совершенно новыя формы. Хотя по старому еще открывались 4 ежегодныя ярмарки, въ Рождество, Пасху, Троицынъ день и осенью, но онѣ служили лишь сроками уплаты по счетамъ. Торговый рынокъ не расширялся во время ихъ открытія и не ограничивался мѣстнымъ обмѣномъ въ промежутки между ними. Онъ былъ открытъ круглый годъ, такъ какъ въ Антверпенѣ не существовало характерныхъ для средневѣкового центра спеціальныхъ купеческихъ привилегій; дѣло облегчалось еще тѣмъ, что для многихъ продуктовъ выработались опредѣленные типы или появились образцы, и осмотръ самихъ товаровъ передъ заключеніемъ сдѣлки становился ненуженъ. Растущій обмѣнъ совершался такимъ образомъ при полной торговой свободѣ; значеніе ея для промышленнаго міра XVI в., приблизительно, можно сравнить съ ролью желѣзныхъ дорогъ и пароходства для торговли XIX в.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, Антверпенъ сталъ непрерывной ярмаркой или изъ ярмарочнаго центра обратился въ купеческую биржу. Но значеніе ярмарочныхъ сроковъ осталось: это были моменты стеченія капиталовъ, открывавшіе просторъ различнымъ промышленнымъ и денежнымъ комбинаціямъ; въ этомъ смыслѣ они имѣли существенное значеніе для правительствъ, искавшихъ займа: вотъ почему французскіе короли такъ хлопотали о развитіи Ліона, центра аналогичнаго Антверпену, а савойскіе герцоги старались оттянуть ліонскія ярмарки въ Женеву. Биржи встрѣчаются и раньше, напр., въ Брюгге у итальянцевъ—первая биржа, носившая это названіе. Но прежнія биржи имѣли національный, почти корпоративный характеръ, онѣ служили мѣстомъ встрѣчи и переговоровъ для купцовъ-земляковъ. Антверпенская биржа, для которой мѣстная дума выстроила великолѣпное зданіе близъ порта, была первой международной биржей. Такъ гласила и надпись, красовавшаяся на ея домѣ: in usum negotiatorum cujuscunque nationis ac linguae (на пользу купцовъ всѣхъ націй и языковъ). По словамъ современника, здѣсь «слышался смутный говоръ всѣхъ нарѣчій, видѣлась пестрая смѣсь всевозможныхъ костюмовъ, словомъ, антверпенская биржа казалась малымъ міромъ, въ которомъ соединялись всѣ части большого».

Въ антверпенской торговлѣ быстро выдвинулся элементъ спе-

куляціи. Прежде всего спекуляція была результатомъ риска, связаннаго съ оборотомъ многихъ товаровъ. Наибольшимъ рискомъ отличалась торговля перцемъ. Большіе купеческіе синдикаты, выдавая португальскому королю крупные задатки, покупали у него всю партію перца, приходившую съ однимъ флотомъ изъ Индіи, и притомъ обыкновенно еще во время движенія груза моремъ; опасность гибели на морѣ, опасность захвата его во время войны компанія окупала значительнымъ процентомъ выгоды; вмѣстѣ съ тѣмъ она пользовалась, по крайней мѣрѣ, до прихода новаго флота изъ Остъ-Индіи, фактической монополіей на перецъ и могла опредѣлять цѣну его на антверпенскомъ рынкѣ. Но шансы были здѣсь такъ сложны, до такой степени не поддавались разсчету, колебанія могли быть такъ велики, что спекуляціи открывался неслыханный до того времени просторъ. Надо замѣтить при этомъ, что цѣны на перецъ, какъ своего рода барометръ биржеваго настроенія, опредѣляли значительную часть остальныхъ цѣнъ рынка. Соблазнъ къ спекулятивной игрѣ вообще создавался тѣмъ, что первые шаги широкаго общеевропейскаго торговаго разсчета неизбѣжно должны были прерываться рѣзкими неровностями: и политическій міръ Европы отличался еще крайнею дробностью и неустойчивостью, и размѣры спроса и предложенія товаровъ были мало выяснены и регулированы. Крайне характерно, напр., положеніе важной для того времени торговли мѣдью, въ которой монополія небольшого синдиката могла смѣняться полной анархіей оборота.

Вслѣдствіе этого для купца, торговавшаго въ Антверпенѣ, огромное значеніе получало ежедневное посѣщеніе биржи и внимательное наблюденіе за ея новостями и поворотами. Агенты торговыхъ домовъ составляли листки товарныхъ цѣнъ и вексельныхъ курсовъ и посылали ихъ своимъ патронамъ. Важность политическихъ измѣненій для оборота товаровъ и настроенія биржи заставила купцовъ весьма рано организовать въ такихъ центрахъ, какъ Антверпенъ и Ліонъ, политическую корреспонденцію. Изъ купеческихъ отчетовъ, очень обстоятельныхъ, полныхъ наблюденій, характеристикъ, описаній, и возникли первыя газеты. Нигдѣ нельзя было получить столь свѣжихъ, точныхъ политическихъ извѣстій, какъ на биржѣ, и политическія депеши, отправляемыя ко дворамъ государей, заимствовали у нея главный свой матеріалъ. Надвигающуюся грозу войны Карла V съ протестантами рано почуяли въ финансовомъ мірѣ: Антонъ Фуггеръ порицалъ своего антверпенскаго фактора въ іюлѣ 1546 г. за принятіе векселя къ уплатѣ въ осеннюю мессу: «вѣдь въ эту мессу будутъ платить длинными копьями».

Для исторіи культуры очень любопытно отмѣтить, какъ трезвый дѣловой разсчетъ спекулянтовъ переплетался съ астрологическими выкладками и фантазіями, какую роль у биржевиковъ XVI в. играли «предсказанія» и пророчества. Большой мастеръ этого дѣла, Христофъ Курцъ, торговый агентъ крупнаго нюренбергскаго дома, писалъ своему принципалу, внимательно просматривавшему его отчеты и соображенія, что «онъ встаетъ ежедневно раньше 4 часовъ и что онъ окруженъ работой, какъ водой въ морѣ»; «прежніе наши астрологи писали много, но безосновательно, и я мало имъ вѣрю; вотъ почему я самъ добираюсь до своихъ законовъ и правилъ, а потомъ ищу подтвержденія въ исторіяхъ». Курцъ углубляется и въ политическія предсказанія: онъ вычерчиваетъ гороскопъ имперскаго принца, будущаго Филиппа II, намѣчаетъ его судьбу и затѣмъ приписываетъ прямо безъ красной строки: «на гвоздикѣ можетъ выйти хорошій барышъ, не вредно попробовать съ 8 или 10 мѣшковъ».

Спекулятивный характеръ антверпенскихъ оборотовъ быстро сводитъ купцовъ на чисто денежныя и вексельныя операціи. Интересный документъ отъ 1530 г., содержащій мнѣніе авторитетныхъ парижскихъ юристовъ о допустимости съ канонической точки зрѣнія дѣловыхъ формъ, которыя примѣнялись въ Антверпенѣ, ярко отмѣчаетъ этотъ поворотъ и его мотивы: большинству негоціантовъ торговля товарами казалась слишкомъ хлопотливой; они не желали связывать свой капиталъ опредѣленнымъ дѣломъ на долгій срокъ; они искали болѣе вѣрной и скорой выгоды на оборотахъ денежныхъ. Эти обороты были очень разнообразны. Уже раньше были въ ходу денежные пари на избраніе того или другого лица въ папы, на рожденіе мальчика или дѣвочки у государя, на жизнь или смерть человѣка (начало страхованія жизни). Въ Антверпенѣ теперь широко играли на подъемъ или паденіе цѣнъ извѣстнаго товара, на разницу вексельныхъ курсовъ въ различныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга торговыхъ пунктахъ (contrats de gajeures et d'assurances des changes). Особенно широкіе размѣры принимаютъ операціи по отдачѣ суммъ, собранныхъ путемъ депозитовъ, вкладовъ на проценты у финансоваго магната, въ новые займы крупнаго характера; это—обычная форма сдѣлокъ съ государями.

По поводу этихъ разнообразныхъ формъ спекуляціи даже такой поклонникъ антверпенской торговли, какъ экономически вполнѣ эмансипированный Лодовико Гвиччардини, писалъ съ безпокойствомъ (въ концѣ 60-хъ г.г. XVI в.): «прежде дворяне вкладывали свои капиталы въ землю, купцы въ правильную торговлю,

благодаря которой уравнивались обиліе и недостатокъ въ разныхъ странахъ; тѣ и другіе занимали массу людей и увеличивали доходы государей и городовъ. Теперь же часть дворянства и купечества, первые тайно, вторые открыто, стараясь избѣгнуть трудовъ и опасностей правильной профессіональной работы, вкладываютъ всѣ свободные капиталы въ денежные обороты. Вслѣдствіе этого земля остается необработанной, торговля въ пренебреженіи, постоянно возникаетъ дороговизна, бѣдныхъ высасываютъ богачи, а въ концѣ концовъ и послѣднихъ настигаетъ банкротство».

Ненормальность, столь драматично отмѣченная итальянскимъ наблюдателемъ, въ значительной мѣрѣ была результатомъ своеобразнаго раздѣленія функцій въ промышленной жизни Европы того времени. Источники тѣхъ товаровъ, которыхъ жадно добивалась Европа, и новые торговые пути достались въ руки націй, въ промышленномъ отношеніи слабыхъ, стоявшихъ на низкой ступени капиталистическаго развитія: испанцы и португальцы могли орудовать только чужими капиталами, и они попали въ полную зависимость отъ финансовыхъ силъ Италіи и Южной Германіи. Въ XVI в. территоріи вообще представляли въ промышленномъ отношеніи еще нѣчто сырое, неорганизованное, и руководителями, вождями капиталовъ остались патриціи старыхъ городовъ, бюргеры-космополиты. Въ свою очередь, эти финансовыя силы, не имѣя позади себя крупной организованной національной промышленности, передвинувшись въ международный, до извѣстной степени искусственный дѣловой узелъ, тѣмъ легче отрывались отъ реальной почвы, тѣмъ легче сбивались на высшую денежную игру.

Въ этой игрѣ, конечно, полной опасности, злоупотребленій, несправедливой наживы и незаслуженныхъ паденій, заключался, однако, крайне важный рессурсъ экономическаго развитія: такимъ путемъ входили въ оборотъ, становились производительными разрозненныя единицы и группы капитала. Среди централизующейся экономической жизни Европы, главные пункты обмѣна пріобрѣтали необыкновенную чувствительность, которая опиралась на своего рода сообщества денежныхъ силъ, «биржевую корпорацію», какъ выразился вышеприведенный документъ парижскихъ юристовъ. Биржа, т. е. наличныя денежныя силы, находившіяся во взаимныхъ сношеніяхъ, вырабатывала себѣ опредѣленное мнѣніе о положеніи товаровъ и оборотовъ, о кредитоспособности лицъ и фирмъ. Въ предшествующіе вѣка при изолированности торговыхъ пунктовъ, неудобствахъ обмѣна, боязливости капитала, въ качествѣ гарантіи при ссудахъ, должны были фигурировать опредѣленные залоги и непосредственно уступленныя доходныя статьи,

займы обставлялись хитроумно сочиненными обезпеченіями и сложными формулами. Теперь подъ вліяніемъ общенія, подъ вліяніемъ постоянной биржевой оцѣнки кредитующихся и ссужающихъ лицъ, формы сдѣлокъ чрезвычайно упрощались, передача кредитныхъ обязательствъ, обращавшихся постепенно въ кредитные знаки, крайне облегчалась, а главное, въ денежномъ мірѣ устанавливались сужденія на основаніи общей экономической или финансовой состоятельности лица, учрежденія, правительства, вмѣсто взвѣшиванія спеціальныхъ статей.

Такимъ путемъ въ оборотъ вступало множество долговыхъ обязательствъ, облигацій, которыя гарантировались всѣми рессурсами какого-либо крупнаго цѣлаго, города, государства; вращаясь подъ именемъ «королевскихъ, придворныхъ писемъ» (съ прибавленіемъ in verbo regio, de bonne foy, en parolle d'empereur), они представляли уже подобіе современныхъ государственныхъ бумагъ, государственныхъ рентъ и займовъ.

Всѣ описанныя условія давали возможность правительствамъ обращаться уже не къ отдѣльнымъ купцамъ, какъ раньше, а къ биржамъ. Но переходъ совершался еще въ нѣкоторыхъ старыхъ, можно сказать, патріархальныхъ формахъ, которыя любопытно отмѣтить. Во главѣ кредитныхъ операцій обыкновенно все же становилась крупная фирма. Втягивая въ дѣловые и спекулятивные обороты массу мелкихъ сбереженій и капиталовъ, какіенибудь Фуггеры, Вельзеры, Строцци прежде всего обращались къ своимъ родственникамъ, къ людямъ, такъ или иначе имъ обязаннымъ, которые обыкновенно являлись вкладчиками въ ихъ дѣлѣ, или составляли небольшія зависимыя фирмы, или служили у нихъ факторами, словомъ, къ своимъ денежнымъ вассаламъ. Въ такомъ «финансовомъ планѣ», по выраженію историка финансовыхъ отношеній XVI в., глава пользовался монархическимъ авторитетомъ и опирался на почтительное довѣріе другихъ членовъ.

Въ болѣе выгодномъ финансовомъ положеніи, чѣмъ владѣвшій Антверпеномъ король испанскій, находился король Франціи, располагавшій Ліонской биржей, въ которой сосредоточивался обмѣнъ Южной Европы. Пользуясь болѣе правильной администраціей, онъ могъ скорѣе обходиться безъ посредниковъ въ видѣ большихъ банкирскихъ домовъ. Онъ могъ уже въ 40-хъ гг. въ публичномъ заявленіи обѣщать, что лица, которыя согласятся дать ему взаймы, получатъ большія выгоды, чѣмъ вообще можно заработать въ Ліонѣ на векселяхъ и депозитахъ. Король перешелъ такимъ образомъ къ системѣ займовъ по публичной подпискѣ съ уплатой процентовъ въ ярмарочные сроки.

Распространеніе въ обществѣ государственныхъ рентъ имѣло важное политическое значеніе. Оно заинтересовывало массу лицъ, въ томъ или другомъ веденіи политики. Во время религіозныхъ войнъ во Франціи, когда долгъ по нимъ возросъ до 2.300.000 ливровъ, было въ обычаѣ награждать рентами переходившихъ на сторону короля гугенотовъ. Сторонники монархіи надѣялись, что съ развитіемъ этихъ обязательствъ тѣснѣе свяжутся интересы буржуазіи и короны. Но средство было обоюдоострое. Бодэнъ не даромъ ссылался на то, что никогда не было столько волненій въ королевствѣ, какъ со времени возникновенія государственной ренты. Когда правительство къ концу 80-хъ гг. перестало платить ренту, раздраженное парижское населеніе приняло сторону враждебной королю Лиги и устроило знаменитый «день баррикадъ» въ 1588 г.

Какъ ни рискованы были операціи съ государями, но они завлекали все дальше воротилъ финансоваго міра, а вмѣстѣ съ ними и темную публику. При крушеніи одного займа, банкиръ, въ надеждѣ вернуть убытки, заключалъ новый или соглашался на продолженіе стараго и втягивался такимъ образомъ все дальше и дальше. Возможность быстраго обогащенія развивала своего рода финансовую горячку, вела къ чрезмѣрному напряженію кредита, которое, въ свою очередь, увлекало людей политики. Въ 50-хъ гг. XVI в. въ связи съ общей войной, захватившей почти всѣ страны Европы, общество переживаетъ впервые моментъ какого-то общаго кредитнаго опьяненія, весьма напоминающій знаменитую впослѣдствіи эпоху Джона Ло и англійской компаніи Южнаго моря въ 1717—1720 гг. Особенно рѣзко выразилось общее увлеченіе по поводу займа, заключеннаго французскимъ правительствомъ въ 1555 году и извѣстнаго подъ названіемъ grand parti. Современникъ разсказываетъ намъ, что въ этой операціи, прикрытой благозвучнымъ именемъ don gratuit, всякій желалъ принять участіе «вплоть до прислуги, приносившей свои мелкія сбереженія. Женщины продавали украшенія, вдовы отдавали свои ренты и пенсіи, словомъ, народъ бѣжалъ туда, какъ на пожаръ». Изъ другого источника мы узнаемъ, что въ grand parti спекулировали не только швейцарскіе богачи и нѣмецкіе князья, но даже турецкіе купцы и паши (!), что послѣдніе вложили въ дѣло не менѣе 500.000 экю, прикрывшись именами разныхъ факторовъ.

Такъ же быстро, какъ въ эпоху кредитной горячки во второмъ десятилѣтіи XVIII в., и въ половинѣ XVI в. за очарованіемъ слѣдовала катастрофа, и финансовый кризисъ носилъ почти такой же общій международный характеръ. Онъ разразился во время войны Испаніи съ Франціей въ 1557 году. Первая объявила себя несостоятельною Испанія.

Банкротство Испаніи было задолго подготовлено ея неспособностью слѣдовать за обширными планами Карла, несоотвѣтствіемъ ея хозяйственной силы съ ея притязаніями на гегемонію въ Европѣ. Въ огромной имперіи Карла V отдѣльныя страны въ финансовомъ отношеніи функціонировали крайне неравномѣрно: ея, такъ сказать, декоративныя части, Германія и Италія, поглощали большія суммы для поддержанія императорскаго престижа, не давая ничего въ замѣнъ; богатыя рессурсами нидерландскіе города и области, опираясь на свои вольности, платили лишь до извѣстнаго предѣла; все бремя падало на Испанію, на которой еще съ предшествующаго царствованія, Фердинанда Католика, тяготѣлъ огромный долгъ. Понятно, что подавленная налогами страна упорно хваталась за послѣднее средство, стараясь не выпускать за границу своего золота и серебра; это требованіе обратилось въ какой-то фанатическій національный предразсудокъ, и послѣ страшнаго возстанія коммунъ въ 1520 г. правительство должно было съ нимъ считаться, что создавало новыя финансовыя препятствія. Когда неудачи и годы сломили Карла, его финансовая политика совершенно распоталась и приняла характеръ насильственной хищнической эксплуатаціи платежныхъ силъ населенія и огромныхъ коронныхъ доменовъ; войны съ половины 30-хъ гг. съ Франціей и протестантами обозначаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ шаги по пути непомѣрнаго задолжанія.

Финансовое положеніе при отреченіи Карла въ 1555 году было отчаянное. Только цѣлымъ рядомъ финансовыхъ фокусовъ протянулъ Филиппъ II еще два года до неминуемаго банкротства. Долгъ одной страны переводился на другую. Чтобы покрыть траты войны, кипѣвшей на нидерландской границѣ, нидерландское правительство заключило заемъ у нѣмецкихъ и итальянскихъ банкировъ, и нидерландская торговая фирма Schetz'a, финансоваго агента испанскаго короля, взяла на себя реализацію занятой суммы въ Испаніи. Но вмѣсто денегъ Испанія могла дать лишь обязательство на первое серебро, имѣющее придти изъ «Индіи». Однако, индійскіе серебряные грузы приходили и забирались по другимъ, болѣе раннимъ обязательствамъ короны; кредиторамъ предлагались упавшія въ цѣнѣ правительственныя бумаги, поручившаяся передъ банкирами фирма приближалась къ раззоренію, и нидерландское правительство, чтобы спасти эту полуоффиціальную силу, обращалось съ новымъ требованіемъ къ Испаніи.

Тогда Филиппъ II рѣшилъ покончить съ безнадежно запутаннымъ положеніемъ однимъ почеркомъ пера и объявить государственное банкротство. Его поддержали придворные богословы, ко-

торые указывали на богопротивность ростовщическихъ сдѣлокъ и ссылались на право короля на основаніи Писанія забрать у купцовъ ихъ неправедное имущество. Король увѣрялъ антверпенскаго фактора Фуггеровъ, что онъ пошелъ на банкротство крайне неохотно, подъ давленіемъ великой нужды, чтобы «не осрамить войска». Въ силу декрета, изданнаго въ Вальядолидѣ, въ іюнѣ 1557 года, у всѣхъ кредиторовъ испанской короны отбирались отданныя въ ихъ пользованіе доходныя статьи въ Испаніи и взамѣнъ того имъ вручались пятипроцентныя испанскія государственныя бумаги (juros). Въ сущности, это означало принудительную расплату съ огромной потерей для купцовъ, такъ какъ juros пришлось реализовать по низкой цѣнѣ: кредиторамъ надо было поскорѣе извлечь изъ Испаніи свои деньги, чтобы спасти поколебленный кредитъ. Цѣна juros тотчасъ упала на 25%; они дошли потомъ до 43% номинальной стоимости. Кредитъ короны былъ подорванъ еще другой насильственной мѣрой. Незадолго до банкротства Фуггеры выдали королю большую сумму подъ обычное обезпеченіе «ближайшаго индійскаго серебра и золота», и получили спеціальное позволеніе для вывоза его изъ Испаніи наличными. Богатый серебряный грузъ, пришедшій въ Севилью, далъ Фуггерамъ 570.000 дукатовъ, которые и были ими посланы въ Нидерланды; но тамъ, по повелѣнію короля, вся сумма была опечатана и обращена на военныя траты въ борьбѣ съ Франціей. Испанскій агентъ Фуггеровъ писалъ въ это время: «законы поворачиваются туда, куда хочетъ король; дай намъ Боже испѣленіе и пошли миръ!»

Общій размѣръ долга, ликвидированнаго такимъ насильственнымъ способомъ, доходилъ до 7 милліоновъ дукатовъ. Казалось бы, король, освободивъ теперь множество доходныхъ статей отъ эксплуатаціи постороннихъ денежныхъ силъ, могъ поправить свои финансы. Но дѣло въ томъ, что несоотвѣтствіе въ бюджетѣ оставалось: свободные доходы равнялись годовымъ $1^1/_3$ милліонамъ дукатовъ, расходы достигали 3 милліоновъ. Между тѣмъ, кредитъ, необходимый для текущаго финансоваго управленія, былъ разрушенъ пріостановкой обязательствъ: никто не хотѣлъ ссужать испанскаго короля. Даже блестящая побѣда при С.-Кантенѣ, одержанная имъ надъ французами, не могла ничего измѣнить. Побѣдители страннымъ образомъ бездѣйствовали, а ихъ жалобы на пустоту казны, на выгодное положеніе противника, который такъ легко занимаетъ деньги, краснорѣчиво объясняли, въ чемъ дѣло: нѣмецкіе ланцкнехты, не получая жалованья, массами переходили во французскій лагерь, а французскій король, еще располагавшій

хорошимъ кредитомъ у нѣмецкихъ банкировъ, тотчасъ вознаграждалъ ихъ. Правда, нидерландскіе чины ассигновали Филиппу большую субсидію; но соизволенную сумму, которую еще надо было собрать, пришлось тотчасъ записать въ обезпеченіе займа, заключеннаго на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Въ то же время испанскіе кортесы жаловались, что захватъ американскаго серебра, принадлежавшаго частнымъ лицамъ, остановилъ подвозъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ колоній: серебро Новаго Свѣта подвозилось контрабандой, выгружалось на Азорскихъ островахъ и шло въ Лиссабонъ вмѣсто Севильи.

При этихъ условіяхъ продолженіе войны для Филиппа II становилось совершенно невозможнымъ. Но и французское правительство объявило себя банкротомъ; и вотъ обѣ воюющія стороны, совершенно истощенныя, вынуждены были заключить миръ (въ Като-Камбрези). Крайне любопытно въ данномъ случаѣ еще сплетеніе политическихъ и финансовыхъ затрудненій, которыя испытывало испанское правительство. Нидерландскіе чины, вотируя субсидію, выставили знаменитое требованіе, чтобы изъ страны были удалены испанскія войска: это было первое предвѣстіе революціи. Финансовый кризисъ правительства поднималъ политическую оппозицію. Въ свою очередь, чтобы избѣгнуть политическихъ счетовъ съ чинами, вмѣшательства ихъ въ финансовое управленіе, правительство должно было форсировать постороннія финансовыя средства, заключатъ опять невыгодные займы.

Въ концѣ 50-хъ годовъ финансовый кризисъ пронесся по всей Европѣ. Австрійское правительство удержалось на волоскѣ и почти потеряло кредитъ. Слѣдомъ за Испаніей и Франціей банкротировалъ португальскій король. Ему тоже помогла теологія: король заявилъ, что не можетъ платить болѣе 5%; богословы объяснили ему, что болѣе высокій процентъ составляетъ грѣхъ, и онъ хочетъ очистить свою душу.

Грандіозная спекуляція 50-хъ годовъ была погребена среди этого разгрома. Кредиторы правительствъ, которыя объявили себя несостоятельными, въ свою очередь не могли выполнить своихъ обязательствъ, уплаты въ сроки мессъ остановились. Въ теченіе 1561—1565 годовъ рушилось нѣсколько крупныхъ нѣмецкихъ фирмъ, общій пассивъ которыхъ доходилъ до 3 милліоновъ гульденовъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ одинъ нюренбергскій купецъ писалъ интимно къ своему родственнику и товарищу по дѣлу: «Въ виду долговременныхъ жестокихъ войнъ и огромныхъ займовъ, заключенныхъ великими государями за высокіе проценты съ купцами всѣхъ націй, во Франціи, Германіи, Италіи и Нидер-

ландахъ, у всякаго, одинаково у большихъ компаній и у людей бѣдныхъ, явилось желаніе обогатиться крупнымъ барышемъ; и вотъ всякій вступалъ, гдѣ только могъ, со своимъ капиталомъ, принимая залоги или векселя и не помышляя, въ какія затрудненія попадетъ онъ, если правители вздумаютъ не исполнять своихъ обѣщаній; а между тѣмъ теперь ясно, какъ Божій день, что великіе міра сего слова не держатъ, и одинъ подражаетъ въ этомъ отношеніи другому».

Банкротства трехъ правительствъ и ихъ послѣдствія около 1560 г. были такъ значительны, что они, можно сказать, потрясли до основанія экономическую жизнь западноевропейскихъ странъ. Неудовлетворенныя требованія купцовъ различныхъ націй равнялись, по крайней мѣрѣ, 20 милл. дукатовъ, или 200 милл. марокъ современной нѣмецкой валюты. Если принять въ разсчетъ, что съ 1520 по 1560 годъ было извлечено изъ рудниковъ Европы и Новаго Свѣта на 115 милл. марокъ золота и серебра, то окажется, слѣдовательно, что вся эта масса драгоцѣнныхъ металловъ, поражавшая современниковъ, и еще значительная масса денегъ погибла въ жестокомъ кризисѣ; фактически она была проглочена войнами Карла V и его противниковъ во Франціи. Какъ страшный расточитель, быстро выбросила Европа доставшіяся ей богатства!

Послѣднее сорокалѣтіе XVI вѣка, полное войнъ и смутъ, эпоха нидерландской революціи и религіозной борьбы во Франціи, довершило разореніе. Финансовая бѣда идетъ объ руку съ политическими потрясеніями. Когда испанское правительство во второй разъ объявило банкротство въ 1575 г., въ моментъ почти полнаго отпаденія Нидерландовъ, его собственные солдаты взбунтовались, не получая жалованья; въ ярости бросились они на мирныхъ гражданъ и произвели страшную «антверпенскую фурію». Испанія, упрямо державшаяся политики великой державы, не могла уже выйти изъ періодическихъ кризисовъ: она банкротировала, приблизительно, черезъ каждыя 20 лѣтъ (послѣ 1557 и 1575 г. еще 1596, 1607, 1627 и т. д.). Но и французское правительство среди религіозныхъ войнъ утратило кредитъ. Въ 1575 г. оно не могло достать денегъ въ Ліонѣ. Его облигаціи пали до 30% цѣны. Въ сущности и знаменитое финансовое управленіе Сюлли, начавшись послѣ продолжительнаго кризиса, должно было дебютировать принудительнымъ пониженіемъ платежей по всѣмъ обязательствамъ, которое по своимъ размѣрамъ равнялось банкротству.

Вся торговля, тянувшая къ большимъ европейскимъ биржамъ,

была расшатана. Оба великихъ центра, Антверпенъ и Ліонъ, особенно первый, жестоко пострадали тѣмъ болѣе, что оба они были театрами религіозныхъ столкновеній. Капиталы ушли изъ нихъ, они потеряли господствующее значеніе въ торговлѣ деньгами. Блестящій финансовый міръ XVI вѣка рушился самымъ буквальнымъ и видимымъ образомъ. Въ Антверпенѣ въ 1572 г. отъ безработицы умирали съ голоду. Большіе запасы товаровъ были брошены безъ надежды на продажу: не было ни денегъ, ни кредита; биржа, центръ города, стояла пустая. Въ Ліонѣ въ половинѣ 70-хъ годовъ знаменитая place des changes походила на деревенскую площадь въ будни; на ней выросла трава. Немногія финансовыя силы пережили эти катастрофы и дожили до слѣдующаго вѣка: Фуггеры, затѣмъ большіе генуэзскіе дома рушились въ эту пору. Но звѣзда и этихъ немногихъ катилась къ закату. Въ XVII в. выдвинулись двѣ народности, сильныя своей торговлей и индустріей, Англія и Голландія, которыя создали не только національный капиталъ, но и національно-финансовую солидарность.

Почти одновременно съ катастрофой едва сложившагося финансоваго міра европейское общество переживало болѣзненно другой кризисъ, который обыкновенно называютъ теперь «революціей цѣнъ». Въ литературѣ эпохи всюду замѣтны рѣзкіе слѣды этого явленія. Современники жалуются на невѣроятное повышеніе цѣнъ на товары, за которымъ не можетъ поспѣть ни одинъ доходъ, ни одинъ заработокъ. Бодэнъ, одинъ изъ самыхъ острыхъ наблюдателей во второй половинѣ XVI в., говоритъ о возростаніи цѣнъ въ 10 разъ выше прежняго.

Люди XVI в. терялись въ догадкахъ и объясненіяхъ по поводу этого явленія, которое они вмѣстѣ съ тѣмъ по большей части считали крупнымъ бѣдствіемъ. Лишь одинокіе голоса допускали вліяніе въ данномъ случаѣ естественныхъ причинъ, напр., возростанія населенія. По убѣжденію большинства, дороговизна цѣнъ—явленіе искусственно вызванное, результатъ злоупотребленій. Одни обвиняли правительство, будто бы создавшее дороговизну порчею монеты, другіе настаивали на томъ, что цѣны повышаются вслѣдствіе хищническаго барыша купцовъ, составляющихъ компаніи и монополизирующихъ товары, или видѣли причину въ преувеличенной роскоши одежды, убранства жилищъ, ѣды и питья и т. д. Въ Англіи ростъ цѣнъ приписывали вліянію закрытія монастырей и огораживанія помѣщичьихъ полей, во Франціи думали, что причиной вывозъ хлѣба и вина. Словомъ, всюду указывали на то, что представлялось экономически или морально наиболѣе ненавист-

нымъ. Но всего болѣе народная молва, раздражаемая фактами, ежедневно бившими въ глаза, ссылалась на развитіе посредническої торговли, которая разъединяла потребителя и производителя, особенно деревню и городъ, и брала себѣ «несправедливую выгоду». Увлеченный силой народныхъ жалобъ, Лютеръ восклицаетъ: «въ короткое время лихва и жадность довели насъ до того, что, кто немного лѣтъ назадъ могъ пропитаться на 100 гульденовъ, теперь не проживетъ и на 200; ростовщики скребутъ и дерутъ съ насъ кожу».

Важные для культурной характеристики эпохи взгляды эти не помогаютъ намъ теперь добраться до истинной причины явленія. Размѣры роста цѣнъ въ нихъ преувеличены; современники отмѣчали въ качествѣ причинъ симптомы широкаго общаго экономическаго процесса, болѣзненно отзывались на то или другое мѣстное зло или протестовали противъ естественнаго хода въ развитіи обмѣна.

Единственный писатель, который уже во второй половинѣ XVI в. вѣрно указывалъ главную причину явленія, былъ тотъ же Бодэнъ. Онъ видѣлъ ее въ огромномъ возростаніи количества драгоцѣнныхъ металловъ въ Европѣ, слѣд., считалъ вздорожаніе товаровъ равнозначительнымъ удешевленію цѣны денегъ. Но можно ли на такомъ объясненіи успокоиться? Что значитъ это явленіе? Разъ драгоцѣнные металлы—не считая ихъ роли, какъ предмета роскоши, доступнаго немногимъ—служатъ лишь въ качествѣ средства обмѣна, то не должно ли ихъ удешевленіе, при соотвѣтственно бо́льшемъ ихъ количествѣ, оказаться простымъ измѣненіемъ мѣры оцѣнки всего, что подлежитъ обмѣну товаровъ, работы, повинностей? Гдѣ же тогда причины безпокойства и раздраженія? Не были ли страхи людей XVI в. оптическимъ обманомъ, происходившимъ отъ непривычки скоро примѣняться къ новому счету?

Присмотримся нѣсколько ближе къ ходу развитія явленія, къ его размѣрамъ и деталямъ для того, чтобы судить, насколько правы были люди XVI в. въ своихъ впечатлѣніяхъ, что происходитъ нѣчто тяжелое, болѣзненное, хотя бы ихъ объясненія были сплошь невѣрны.

Надо замѣтить прежде всего, что эпохѣ вздорожанія товаровъ и удешевленія денегъ въ XVI в. предшествуетъ обратно періодъ приблизительно въ 100—130 лѣтъ (отъ 1390 г. до 1500 или 1520), когда цѣны на все стоятъ низкія, а деньги чрезвычайно дороги. Въ 1470 г. во Франціи можно было купить вдвое болѣе товаровъ, чѣмъ за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, на одну и ту же

сумму. Вздорожаніе денегъ и удешевленіе товаровъ идетъ, все возростая къ концу вѣка, а въ то же время усиленно работаютъ европейскіе, особенно серебряные рудники и начинается довольно крупный подвозъ золота съ береговъ западной Африки (количество ежегодно добываемаго золота и серебра увеличилось во второй половинѣ XV вѣка въ сравненіи съ двумя предшествующими вѣками въ отношеніи 11 : 7). Очевидно необыкновенное развитіе спроса на драгоцѣнные металлы. Причина уже была указана выше. Съ 1520 г. замѣчается обратно возростаніе цѣнъ на нѣкоторые продукты, съ 1550 оно дѣлается болѣе общимъ. Въ то же время открывается ввозъ американскаго золота и особенно серебра (общее количество серебра, добытаго европейцами въ періодъ 1545—1560 гг., въ 6 разъ больше, общее количество золота за то же время въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ періодъ 1493—1520 гг.). Не шло ли возростаніе цѣнъ все время параллельно и въ зависимости отъ увеличенія количества драгоцѣнныхъ металловъ и удешевленія звонкой монеты? Не произошло ли постепенно удовлетвореніе горячаго въ свое время спроса на денежный товаръ?

Вглядываясь ближе, мы замѣчаемъ, что въ первыя два, три десятилѣтія XVI вѣка поднялись цѣны собственно на пряности; остальныя цѣны мало измѣнились. Явленіе это такимъ образомъ частичное, не захватывающее всего рынка. Дѣло въ томъ, что въ торговлѣ пряностями наступили новыя условія. Съ открытіемъ морского пути въ Индію ихъ подвозъ монополизировали португальцы, которые, какъ мы видѣли, сбывали ихъ въ Антверпенъ. Старые поставщики этихъ продуктовъ, южно-нѣмецкіе города и Венеція, чтобы не потерять своихъ покупателей, должны были обращаться теперь въ Лиссабонъ или Антверпенъ. Такимъ образомъ, хотя количество товара увеличилось, но цѣны его попали въ зависимость отъ извѣстныхъ торговыхъ усложненій и опредѣлялись теперь въ еще большей степени, чѣмъ раньше, немногими торговыми силами. Въ этомъ отношеніи жалобы современниковъ на соглашенія между «монополистами» были близки къ истинѣ; но монополія не имѣла того общаго характера, какой ей тогда приписывали: она захватила лишь немногіе продукты и измѣненіе въ ихъ цѣнѣ затрогивало лишь богатыхъ людей. При этомъ надо замѣтить еще, что подвозъ американскаго золота и серебра до 20-хъ годовъ былъ вообще не великъ, до половины 30-хъ годовъ онъ ограничивался только предѣлами Испаніи и мало былъ ощутителенъ для остальной Европы.

Иное дѣло — возростаніе цѣнъ съ половины вѣка приблизи-

тельно. Оно захватываетъ болѣе или менѣе всѣ товары и отрасли труда; его характерная черта—крайняя неравномѣрность для разныхъ предметовъ обмѣна. Это—именно революція цѣнъ, по скольку всколебались и переставились всѣ отношенія между цѣнами. Самый сильный ростъ обнаруживаютъ цѣны на хлѣбъ, на мясо, вообще на пищевые продукты. Гораздо слабѣе возрасли цѣны на фабрикаты, на металлическія издѣлія, ткани и т. д. Наконецъ, еще менѣе поднялась заработная плата. Во Франціи за время 1525—1560 гг. цѣны на пищевые продукты возрасли на 30—40%, на индустріальные на 25—35%, заработки въ индустріи поднялись на 20—30%, въ сельскомъ хозяйствѣ едва на 15—20%.

Если сравнить относительное повышеніе цѣны пищевыхъ продуктовъ и платы за трудъ, то окажется крайне невыгодное движеніе послѣдней. Перемѣна, напр., въ положеніи поденщика во Франціи ярко иллюстрируется слѣдующими цифрами: между тѣмъ какъ съ 1500 по 1525 г. пища составляетъ 35 или 40% его заработка, съ 1525 по 1560 г. она равняется уже 55% заработка. Отсюда становится понятно общее недовольство, жалобы на трудность жизни. Осложненное волненіями религіознаго характера, обостренное войной, недовольство это выражается въ Парижѣ въ концѣ 80-хъ гг. вѣка въ революціонномъ взрывѣ Лиги.

Замѣтимъ еще, что возростаніе количества населенія въ разныхъ частяхъ Европы само по себѣ не могло вызвать явленія всеобщаго вздорожанія. Въ XVI в. приростъ населенія не былъ, повидимому, особенно значителенъ. Мѣстами роста населенія вовсе нѣтъ, какъ, напр., въ Англіи и Испаніи, а между тѣмъ явленія дороговизны на лицо. Именно общность этого явленія объясняется необыкновеннымъ увеличеніемъ въ количествѣ самого орудія обмѣна въ видѣ драгоцѣнныхъ металловъ. Отчего же происходитъ неравномѣрность въ возростаніи различныхъ цѣнъ, и не могли ли онѣ постепенно сравняться?

Увеличеніе количества звонкой монеты дѣйствовало на рынокъ, какъ возростаніе спроса на товары. Между тѣмъ производство однихъ товаровъ могло быть расширено, другіе не могли вовсе увеличиться въ количествѣ или могли въ меньшей степени. Отсюда неравномѣрность вздорожанія. Такъ, напр., быстрое сравнительно развитіе индустріальной техники, какъ разъ сдѣлавшей въ XVI в. большіе успѣхи, удешевляло производство и ослабляло ростъ цѣнъ на фабрикаты. Напротивъ, сельское хозяйство слабо двигалось въ техническомъ отношеніи, и приходившіеся на него пищевые продукты росли въ цѣнѣ быстрѣе; уже въ качествѣ до-

полнительнаго фактора, поднимавшаго цѣны на нихъ, здѣсь играло роль нѣкоторое возростаніе населенія въ XVI вѣкѣ.

Въ этой неравномѣрности и заключалось опасное и разрушительное до извѣстной степени вліяніе удешевленія денегъ. Оно не могло въ одинаковой мѣрѣ придтись на пользу всѣмъ, разлиться ровнымъ слоемъ, равномѣрно впитаться; напротивъ, оно обостряло уже существующія различія. Положеніе, которое занимали тѣ или другіе слои населенія относительно рынка, тѣхъ или другихъ предметовъ обмѣна, сказывалось очень рѣзко. Выигрывали въ общемъ тѣ классы, которые обмѣнивали товаръ на деньги. Торгово-промышленный классъ естественно получалъ выгоду; выигрывалъ крестьянинъ, жившій своимъ хозяйствомъ, такъ какъ съ пониженіемъ цѣны денегъ онъ сравнительно меньше платилъ собственнику земли въ видѣ ценза, а съ другой стороны дороже продавалъ свои продукты. Теряли тѣ классы, которые получали деньги и на нихъ должны были пріобрѣтать продукты. Терялъ сеньёръ, дворянинъ, если, какъ обыкновенно, онъ не хозяйничалъ, а жилъ на ренту, фиксированную въ старыя времена. Если онъ хозяйничалъ посредствомъ половниковъ, то онъ, правда, выигрывалъ отъ продажи сельскохозяйственныхъ продуктовъ: но зато ему приходилось теперь гораздо больше платить батракамъ и слугамъ; онъ платилъ значительно больше за предметы первой необходимости, которыхъ не производилъ самъ, и за предметы роскоши, которые ему навязывало его сословное положеніе. Вотъ почему всюду наблюдается задолженность дворянства, почему испанскіе гидальго во множествѣ идутъ въ чиновники, а въ администраціи при плохомъ содержаніи развивается взяточничество. Терялъ по преимуществу работникъ, особенно сельскій, тѣмъ болѣе, что городъ, съ его закрытыми корпораціями, былъ для него недоступенъ. Теряли вообще низшіе классы, поскольку они представляли въ своемъ жизненномъ положеніи среду малоподатливую, трудно приспособляющуюся къ измѣненіямъ рынка, тогда какъ наоборотъ, тѣ общественные слои, которые привыкли наблюдать малѣйшія колебанія экономической жизни и пользоваться ими, примѣнялись весьма быстро.

Такимъ образомъ, въ процессѣ выступали условія соціальныя, сказывалась сила и слабость различныхъ общественныхъ слоевъ и притомъ въ мѣру закона, что сильный пріумножаетъ достояніе, а у слабаго отнимается и то, что было. Революція цѣнъ пришлась въ эпоху важныхъ соціальныхъ измѣненій въ городѣ и деревнѣ, въ періодъ, когда ростъ крупной индустріи, торговли и крупнаго земельнаго хозяйства сдвигалъ съ мѣста и пролетаризировалъ ра-

бочія массы; революція цѣнъ подчеркнула, выставила во всей яркости этотъ переворотъ и обострила его; въ этомъ смыслѣ она была для XVI в. завершеніемъ процесса, который разрушалъ положеніе классовъ, процвѣтавшихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, мелкаго ремесленника и полузависимаго крестьянина, и въ этомъ смыслѣ опять-таки правы были народные проповѣдники и демократическіе публицисты, когда они жаловались на растущую придавленность мелкаго люда, когда они связывали возростаніе цѣнъ съ народными бѣдствіями.

Въ экономическомъ подъемѣ XVI в. много чертъ рѣзкихъ, насильственныхъ, финансовые властители его выступали, подобно первымъ представителямъ политическаго абсолютизма, съ характеромъ тиранническимъ и вызывающимъ. Слишкомъ понятна оппозиція и самому движенію, и его главнымъ носителямъ. Шестнадцатый вѣкъ—вѣкъ перваго разцвѣта капитализма и въ то же время вѣкъ горячихъ антикапиталистическихъ протестовъ. Если въ предшествующіе три вѣка и возникали народныя волненія противъ евреевъ и ломбардовъ, какъ представителей капитала, то они носили мѣстный характеръ. Въ XVI в. движеніе это одновременно захватываетъ широкіе круги населенія въ разныхъ странахъ. Всюду поднимаются тѣ классы, которые оттѣснялись экономическимъ переворотомъ: крестьяне, рыцари, ремесленники, мелкіе торговцы.

Поводы и спеціальныя основанія различны: въ Германіи грозятъ «монопольнымъ компаніямъ», во Франціи народъ ставитъ усиленіе налога въ счетъ банкирамъ, въ Испаніи денежныхъ людей считаютъ виновниками ухода изъ страны золота. Но суть вездѣ одна и та же: это—протестъ противъ всѣмъ видимаго сосредоточенія властнаго капитала, оказывающаго всюду давленіе. Противъ этого неуловимаго, но безпощаднаго врага все кажется дозволеннымъ: представители мелкаго дворянства въ Германіи, привыкшіе къ аргументу меча, бросаются на захватъ того, что они считаютъ награбленнымъ, а княжеская олигархія, имѣющая свои счеты съ капиталистами, объявляетъ разбойничьи банды рыцарей бичемъ Божіимъ за вымогательства купцовъ. Развиваясь дальше, антикапиталистическое движеніе принимало еще болѣе широкій, антигородской характеръ, и это понятно: въ деревню денежное хозяйство проникало еще въ слабой мѣрѣ, и притомъ въ формѣ эксплуатаціи со стороны города, который казался мужику какимъ-то сосущимъ паукомъ. Вотъ почему, напр., въ программѣ тирольскихъ крестьянъ въ 1525 г., рядомъ съ требованіемъ запретить купечество, «чтобы никто не осквернялъ себя грѣхомъ лихвы», есть

еще желаніе уничтожить замки и городскія стѣны для того, чтобы не было больше городовъ, а оставались бы однѣ деревни, и чтобы никто не возвышалъ себя надъ другими.

Въ движеніи есть извѣстная аналогія современнымъ соціальнымъ протестамъ. Но коммунистическій элементъ въ оппозиціи XVI в.—еще результатъ средневѣковыхъ традицій, привычки къ общиннымъ порядкамъ въ деревнѣ, къ корпораціоннымъ въ цехѣ и братствахъ. Сдвигаемый силой капитала, мелкій людъ хватается за свой общинный строй и мечтаетъ о возведеніи его спасительныхъ формъ въ общій законъ, о расширеніи его на всѣ человѣческія отношенія. Впрочемъ, коммунистическій идеалъ пользуется значительнымъ распространеніемъ и въ интеллигентныхъ слояхъ, какъ можно судить, напр., по изображенію идеальнаго общественнаго строя въ «Утопіи» гуманиста Мора или по характеру вліянія анабаптизма въ бюргерскихъ кругахъ.

Еще другая своеобразная черта примѣшивается въ XVI вѣкѣ къ антикапиталистическому движенію: оно находитъ себѣ оправданіе въ стародавнихъ воззрѣніяхъ церкви, которыя подновляются теперь реформаціей. Во имя нравственныхъ началъ, въ силу естественнаго консерватизма и отчасти по своему отсталому экономическому положенію, церковь долго сохраняла протестъ противъ процента. Религіозные реформаторы, возвращаясь къ ригористическимъ принципамъ, большею частью поднимали и это ученіе; захватывая такимъ образомъ горячую популярную ноту, они уже увлекались далѣе на этомъ пути въ роли громителей общественной неправды. По временамъ и католическое духовенство возвышало голосъ противъ явленій капитализма. Хотя духовниковъ Филиппа II можно было подкупать для заключенія съ правительствомъ выгодныхъ займовъ, но въ затруднительныя для государя минуты старые аргументы противъ роста, противъ купцовъ, подкрѣпляемые каноническими и библейскими цитатами, снова извлекались на свѣтъ Божій, и во всякомъ случаѣ находили отголосокъ въ общественныхъ настроеніяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Сборникъ въ память А. С. Гацискаго».—Страничка изъ исторіи областной печати.—Ростъ послѣдней въ настоящее время.—«Международный союзъ для охраны литературно-артистической собственности», проф. Казанскаго.—Классъ писателей и ихъ классовые интересы.—Значеніе конвенціи для развитія національной литературы.—Защита интересовъ авторовъ, какъ необходимѣйшее условіе существованія печати.—Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей и конвенція.

Увѣреніе Пушкина, что «мы лѣнивы и нелюбопытны», непримѣнимо къ нижегородцамъ, которые умѣютъ цѣнить своихъ выдающихся дѣятелей и интересоваться ими. Только что появившійся «Сборникъ въ память А. С. Гацискаго» лишній разъ подтверждаетъ эти добрыя качества общественности, надъ развитіемъ которой не мало поработалъ покойный.

Для насъ интереснѣ не столько «Сборникъ», болѣе мѣстнаго, чѣмъ общаго характера, сколько личность самого Гацискаго, типичнаго представителя областной литературы. Въ превосходной статьѣ г. Вл. Короленко, посвященной памяти покойнаго, авторъ разсматриваетъ его, какъ типъ «обывателя-литератора», который постепенно сходитъ со сцены, вытѣсняемый въ областной печати литераторомъ-профессіоналистомъ. Обыватель-литераторъ во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ доброй памяти и благодарности, не смотря на нѣсколько комичныя черты, присущія его работѣ.

Г. Короленко, съ обычнымъ остроуміемъ и художественностью, обрисовываетъ физіономію литератора-обывателя, съ его пристрастіемъ къ мѣстнымъ изслѣдованіямъ, для которыхъ бралось все, и важное, и неважное, съ восторженнымъ отношеніемъ къ работѣ такого рода и благоговѣніемъ къ печатному слову, доходящимъ до смѣшного увлеченія каждой печатной строкой, вышедшей изъ подъ его пера. «Передо мною,—говоритъ г. Короленко—лежитъ библіографическій списокъ, составленный самимъ Гацискимъ съ необыкновенной аккуратностью. И чего только нѣтъ въ этомъ спискѣ! И исторія, и этнографія, и беллетристика, и летучая замѣтка газетнаго хроникера, и печатная докладная записка по чисто дѣловому вопросу и даже—стихотвореніе»! Иначе и быть не могло. Литератору-обывателю приходилось браться за все, что хотя отчасти могло подвинуть дорогое ему дѣло. «Его работа была миссія писателя въ лучшемъ значеніи этого слова, писателя, который всѣми силами проводилъ въ обывательскую среду свое любимое, но еще безсильное и нищее дѣтище—литературу».

А это былъ трудъ не легкій, и неблагодарный, которому приходилось жертвовать очень и очень многимъ, что превращало нерѣдко такого поборника печати въ страстотерпца.

Нужна была великая вѣра въ силу печати, нѣкая искра Божія въ душѣ, чтобы «не только жить, чтобы

писать, но и служить для той же цѣли». «Въ исторіи каждой національной литературы,—говоритъ г. Короленко,—есть непремѣнно періодъ такъ называемаго меценатства, своего рода паразитизма, когда, еще неокрѣпшая, она нуждается въ сторонномъ покровительствѣ и поддержкѣ. Провинціальная пресса, скромная и не блестящая, нашла его не при дворахъ и не при дворцахъ вельможъ. Ее, сиротливую и убогую, взялъ подъ свое покровительство, самъ далеко небогатый и неважный литераторъ-обыватель. Онъ не получалъ отъ нея выгодъ и поддержки, наоборотъ, ее онъ долженъ былъ охранять, ее надо было поддерживать. Для нея-то онъ служилъ, чтобы охранять ее на два фронта: отъ предубѣжденій сверху, отъ равнодушія и часто косной враждебности снизу».

Такъ зарождалась печать въ провинціи, гдѣ ей долго пришлось влачить незамѣтное существованіе, объединяя литераторовъ-обывателей, видѣвшихъ въ ней не столько общественную силу, сколько источникъ пламенныхъ восторговъ по поводу мѣстныхъ историческихъ воспоминаній, археологическихъ открытій и проч. Печать воинствующая, преслѣдующая живые интересы, что неминуемо ведетъ къ столкновеніямъ, еще не народилось, и литераторъ-обыватель даже и не предвидѣлъ ея. Для него работа «у печатнаго станка» была священнодѣйствіемъ, а таковое требуетъ предметовъ высокихъ, въ родѣ изысканій о вотчинѣ князя Пожарскаго или сооруженія новаго возглавія князю Георгію, основателю Нижняго.

Любопытно, между прочимъ, что всѣ обыватели-литераторы, въ Казани ли, Нижнемъ, Перми и другихъ мѣстахъ, съ теченіемъ времени уходили все дальше отъ столь дорогого имъ «печатнаго станка», по мѣрѣ того, какъ этотъ станокъ завоевывалъ все большія права. Ихъ младенчески-чистое сердце смущалось, когда они видѣли около этого пресловутаго станка людей, которые мало и даже вовсе не интересовались вотчинами Пожарскихъ и возглавіями, но много вниманія посвящали тому или иному изъ живыхъ дѣятелей. Смущало ихъ и то, что священный для нихъ станокъ сталъ привлекать капиталиста, издателя-промышленника, сталъ предметомъ борьбы партій и часто, вмѣсто преслѣдованія идеальныхъ цѣлей, служилъ самымъ простымъ злободневнымъ вопросамъ, въ родѣ ассенизаціи города.

Съ бѣднымъ обывателемъ-литераторомъ произошла обычная исторія. Печать, которую онъ отогрѣлъ и вдохнулъ въ нее живой огонекъ, отвернулась отъ него и пошла своей дорогой,—не дорогой идеальныхъ увлеченій младенчески-чистыхъ сердецъ, а дорогой насущныхъ интересовъ, диктуемыхъ грубой текущей дѣйствительностью. И этого литераторъ-обыватель никогда не могъ ей простить, не будучи въ состояніи понять, какъ можно «священнодѣйствіе у печатнаго станка» превратить въ житейскую, обыденную работу, и притомъ—за деньги. Онъ не могъ понять той простой истины, что силу печати составляютъ не жрецы, справляющіе именины сердца, а рабочіе пера, для которыхъ это перо такое же орудіе въ житейской борьбѣ, какъ топоръ для плотника, ножницы и игла для портнаго, молотокъ и колодка для сапожника.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, когда Гациській велъ извѣстный споръ съ г. Мордовцевымъ о жизненности провинціи. Для насъ это уже исторія, но въ ней заключается своя поучительность. Въ спорѣ литераторъ-обыватель коснулся отличительныхъ свойствъ положенія писателя столичнаго и провинціальнаго. «А. С. Гациській съ добродушною наивностью

любилъ изображать себя «волжскимъ бурлакомъ», какъ бы въ противоположность «департаментскимъ чиновникамъ» петербургской прессы. Казанскій литераторъ-обыватель, въ сборникѣ «Первый шагъ», съ безсознательной мѣткостью коснулся еще одной черты, выгодно, по его мнѣнію, отличающей писателей областниковъ. Мы,—писалъ онъ,—относимся къ литературѣ безкорыстно. Вы получаете отъ нея, мы на нее тратимъ. Вы пишете, чтобы жить, мы живемъ, чтобы писать».

Прошло двадцать лѣтъ съ небольшимъ, и провинціальная пресса настолько уже стала на ноги, что и провинціальный литераторъ сталъ «получать отъ нея», сравнявшись въ этомъ отношеніи съ своимъ столичнымъ товарищемъ. И въ то же время кореннымъ образомъ измѣнилось его положеніе. Онъ больше не вынужденъ служить, чтобы имѣть возможность писать, и хотя пересталъ считать себя «волжскимъ бурлакомъ»,—сталъ несравненно свободнѣе и самостоятельнѣе. «Только газета,—замѣчаетъ г-нъ Короленко,—которая не кормится отъ сторонникъ источниковъ, а сама даетъ средства своимъ работникамъ, является органомъ независимаго мнѣнія, тою новою силою, которая, имѣя собственную точку опоры, дѣйствительно движетъ и поворачиваетъ окружающій ее міръ частныхъ своекорыстныхъ интересовъ... Правда,—продолжаетъ авторъ,—и теперь провинціальная пресса еще далека отъ этого положенія: она почти вся въ рукахъ издателя-промышленника. Но провинціальный писатель, отдавшійся нераздѣльно одной литературѣ, уже народился и ищетъ приложенія своимъ силамъ. Онъ бродитъ порой изъ города въ городъ, надѣется, подымаетъ значеніе той или другой газеты, разочаровывается и опять ищетъ, пристраивается и опять «выходитъ изъ газеты». Онъ повторяетъ собой прежнюю исторію «оживленія» губернскихъ органовъ, только роль прежнихъ администраторовъ играетъ теперь для него торгашъ и промышленникъ».

Иными словами, въ печати произошла эволюція, которую можно сравнить съ общей эволюціей русскаго хозяйства. Послѣднее изъ стадіи натуральнаго перешло въ денежное хозяйство, производящее на продажу, что ввело его въ общій міровой круговоротъ товарнаго производства. Печать изъ стадіи безкорыстнаго влеченія къ идеѣ, къ чистой, внѣ реальныхъ интересовъ мысли, изъ платоническаго занятія, которому литераторъ-обыватель предавался изъ чести, перешла въ форму житейскаго, насущнаго дѣла, съ которымъ всѣ къ нему прикосновенные связаны прежде всего матеріальнымъ интересомъ. Капиталъ, въ лицѣ «торгаша-промышленника», понялъ, что дѣло это небезвыгодное, что въ умѣлыхъ рукахъ оно можетъ приносить и прямо, и косвенно значительный барышъ. Идеалисты типа литератора-обывателя, кормившіеся отъ канцелярій и всякихъ бюрократическихъ «предпріятій», готовы были скорбѣть о семъ, видя въ грубомъ словѣ «барышъ» нѣчто для литературы унизительное, а для своей писательской чести поносное. Они — жрецы, священнодѣйствующіе у печатнаго станка, все житейское должно быть имъ чуждо. Каждый изъ нихъ готовъ былъ повторять:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Деньги, получаемыя ими изъ канцелярій всякихъ вѣдомствъ 20-го числа, не имѣли въ ихъ глазахъ никакого значенія, хотя и получали они ихъ съ неукоснительной аккуратностью. Торгашъ-промышленникъ, видимо, смущающій и г. Короленко, ко-

нечно, представлялся имъ чѣмъ-то въ родѣ пирата, превратившаго ладью свободной мысли волжскаго бурлака въ лодку ушкуйника, грабящаго мирнаго обывателя.

При натуральномъ хозяйствѣ производитель очень мало заинтересованъ куплей-продажей, спросомъ вообще на его продукты, которые онъ заготовляетъ исключительно для себя. То же самое было и въ первой стадіи печати, въ которой подвизались литераторы-обыватели, восхищенные самымъ процессомъ больше, чѣмъ заинтересованные распространеніемъ своихъ идей. И дѣйствительно, самыя идеи были такого сорта, что заинтересовать могли такихъ же любителей, какъ и авторы всѣхъ этихъ изслѣдованій о мѣстѣ битвы на рѣкѣ Сити или о вотчинѣ кн. Пожарскаго.

Въ этомъ младенческомъ періодѣ провинціальной, лучше сказать—областной печати отразилась бѣдность областной жизни, только-только начавшей свой трудный переходъ отъ умирающаго натуральнаго, узко-мѣстнаго хозяйства къ широкому товарному производству, тысячами неуловимыхъ нитей связаннаго какъ съ общими условіями всей страны, такъ даже и міровыми.

Что это дѣйствительно такъ, можно видѣть изъ совпаденія начала эпохи развитія мѣстной печати съ началомъ упадка чисто земледѣльческаго хозяйства и переходомъ къ крупной промышленности. И то, и другое можно отнести къ серединѣ 80-хъ годовъ. Если взять одну только поволжскую прессу, въ исторіи которой Гацискій сыгралъ несомнѣнную роль, то здѣсь эта связь особенно явственна.

Въ концѣ 70-хъ годовъ на Волгѣ не насчитывалось и трехъ свободныхъ, т. е. не административныхъ газетъ. Въ то же время и торговое движеніе на этой главной артеріи восточной полосы Россіи было до крайности слабое. На ней еще можно было и въ самомъ дѣлѣ видѣть живыхъ бурлаковъ, какъ они изображены Рѣпинымъ и съ которыми любилъ себя сравнивать Гацискій. Только въ концѣ 70-хъ годовъ появился на Волгѣ первый американскаго типа пароходъ, какихъ теперь до сотни шмыгаетъ по Волгѣ, и назывался онъ «Переворотъ». Только одна желѣзная дорога подходила къ этому обширнѣйшему водному русскому бассейну, гдѣ въ полномъ смыслѣ было сонное царство. Изрѣдка эту тишину нарушали событія, въ родѣ самарскаго голода, свидѣтельствовавшія о наступленіи трудныхъ дней, когда этому долженъ быть положенъ конецъ.

Двадцать лѣтъ спустя, картина сильно мѣняется. Вмѣстѣ съ бурлакомъ, котораго изгналъ пароходъ, тысячами свистковъ нарушающій тишину волжскаго раздолья, исчезъ и литераторъ-обыватель, котораго вытѣснилъ литераторъ-работникъ, пишущій для того, чтобы жить, и видящій въ этомъ писаніи смыслъ жизни. Тѣ общественно-экономическія условія, совокупность которыхъ называется капиталомъ, создали печать, тоже областную, но ни мало не похожую на печать обывателя-литератора. Явилась живая, бойкая газета, которыхъ на Волгѣ теперь, несмотря на всѣ трудности, отнюдь не меньшія теперь, чѣмъ во времена литератора-обывателя, насчитывается десятками. Явились газетные сотрудники, свободные отъ канцелярій и 20-го числа, явились и интересы, далеко необывательскаго порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба этихъ интересовъ, дающая специфическую окраску разнымъ органамъ.

Отмѣчаемая нами связь газеты и и торговаго движенія не должна смущать насъ. Такъ было не только у насъ. Вотъ что, напр., говоритъ проф. Виппперъ о зарожденіи печати на Западѣ: «Агенты торговыхъ домовъ составляли листки товарныхъ цѣнъ

и вексельныхъ курсовъ и посылали ихъ своимъ патронамъ. Важность политическихъ измѣненій для оборота товаровъ и настроенія биржи заставила купцовъ весьма рано организовать въ такихъ центрахъ, какъ Антверпенъ и Ліонъ, политическую кореспонденцію. Изъ купеческихъ отчетовъ, очень обстоятельныхъ, полныхъ наблюденій, характеристикъ и описаній событій,—и возникли первыя газеты» *).

Каждый «торгашъ - промышленникъ» преслѣдуетъ въ отдѣльности свои торгашескіе интересы, но понемногу создается общественная особая сила, именуемая печатью, которая имѣетъ и свой особый, вовсе не торгашскій интересъ, сознательно ею преслѣдуемый. Этотъ интересъ заключается въ томъ, чтобы быть сильной и независимой экономически. И только тогда областная печать можетъ выполнить ту миссію, о которой такъ краснорѣчиво говоритъ г. Короленко.

«Намъ нужна, намъ настоятельно необходима областная печать, и теперь это ощущается особенно ясно. Жизнь необыкновенно усложняется, и каково бы ни было направленіе нашей государственной дѣятельности, никто не сомнѣвается, что для ея успѣха необходимо новое и сочувственное отношеніе всѣхъ слоевъ общества. Между тѣмъ, и вглубь, и вширь мы, не смотря на свое прославленное даже въ учебникахъ единство, въ сущности далеко не едины. Не говоря о малограмотномъ народѣ, хранящемъ допотопныя понятія о самыхъ основаніяхъ нашего гражданскаго строя, Россія такъ необъятна вширь, что всякая государственная идея, какъ бы живо она ни сознавалась въ центрахъ, рискуетъ замереть прежде, чѣмъ дойдетъ до окраинъ. Начиная отъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, чутко вздрагивающихъ при каждомъ новомъ вѣяніи изъ центровъ, и кончая сѣверовостокомъ Сибири, занятымъ «несовершенно-подданными» (по опредѣленію Свода Законовъ) чукчами, которые не испытываютъ уже ни въ какой мѣрѣ вліянія нашей культуры и нашего государственнаго права, наше отечество похоже на гиганта, вяло раскинувшагося на огромномъ пространствѣ, съ отекшими членами, не проводящими къ оконечностямъ нервныхъ токовъ отъ центра. И это-то мы называемъ нашимъ единствомъ, и при этомъ мы боимся не инертности, а слишкомъ, будто бы, быстраго прогресса. Между тѣмъ, никакіе воображаемые сепаратизмы, никакія областныя учрежденія, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ мѣстныхъ особенностей не могутъ доставить нашему единству, нашему дальнѣйшему гармоническому развитію тѣхъ по истинѣ устрашающихъ препятствій, какія ставятся этой инертностью нашего государственнаго организма, этой бездѣятельностью его областей.

«И вотъ почему всякій очагъ живой мѣстной мысли, который пытается провести въ своемъ уголкѣ общую идею, общія свѣдѣнія, который направляетъ дремлющее вниманіе далекаго захолустья на тѣ же предметы, о которыхъ думаютъ и говорятъ въ центрахъ общей жизни отечества, который будитъ гражданскіе интересы и чувства, направляя ихъ на вопросы общаго блага, является прежде всего могучимъ органомъ объединенія и развитія. И вотъ почему вопросъ о будущемъ освобожденіи областного слова является для нашего огромнаго отечества настоятельнымъ и насущнымъ».

Первое условіе правильнаго функціонированія печати именно въ томъ и заключается, чтобы газета не только не нуждалась въ субси-

*) См. «Общество, государство, культура на Западѣ въ XVI в.», «М. Б.», августъ, 1897 г.

діяхъ и въ разныхъ филантропіяхъ, хотя бы проистекающихъ отъ чистаго сердца идеальнѣйшаго идеалиста, а чтобы она сама себя кормила и ни въ комъ не нуждалась. И этого мѣстная печать уже достигла, хотя размѣры ея оборотовъ пока весьма скромны, сравнительно съ печатью столичною. Но если взять во вниманіе срокъ, въ теченіе котораго отъ жалкаго листка, издаваемаго на гроши, она шагнула къ настоящей газетѣ, стоимостью въ десятки тысячъ, то успѣхи ея прямо поразительны.

Натуральная эпоха печатнаго слова въ провинціи теперь закончена, но нельзя не помянуть ее добрымъ словомъ, какъ это дѣлаетъ почтенный авторъ, котораго мы не разъ цитировали.

«Если теперь въ провинціи уже есть своя пресса, если въ ней то и дѣло закипаетъ уже систематическое изслѣдованіе, если на смѣну литератора-обывателя приходитъ новый типъ писателя, — независимаго работника уже отдѣльнаго литературнаго труда; если, наконецъ, мы близки къ тому времени, когда предубѣжденіе противъ провинціальнаго печатнаго слова окончательно разрушится, то этимъ въ весьма значительной степени мы будемъ обязаны разностороннимъ усиліямъ «литератора-обывателя», который заслужилъ всею своею одинокой и самоотверженной работой вѣчную и благодарную память».

Съ этими прочувствованными словами, оставивъ въ сторонѣ нѣкоторое ихъ преувеличеніе, нельзя не согласиться. Вліяніе литератора-обывателя, его чистыхъ думъ и намѣреній, до сихъ поръ чувствуется въ провинціальной печати, въ общемъ сохранившей эту чистоту, не смотря на несравненно болѣе тяжкія условія, чѣмъ тѣ, въ которыя поставлена столичная. Она не повинна до сихъ поръ ни въ шовинизмѣ, ни въ національной травлѣ, ни въ порнографіи. Даже вліяніе капитала, отъ котораго она въ значительной степени зависитъ, далеко меньше въ ней, чѣмъ въ столичной, и здѣсь-то сказывается сила традицій, завѣщанныхъ литераторомъ-обывателемъ. Его самоотверженность, безкорыстіе и идейность внушаетъ глубокое почтеніе его болѣе живымъ и смѣлымъ замѣстителямъ. Эти же высокіе качества создали извѣстную требовательность провинціальнаго читателя, чутко относящагося къ каждому нарушенію литературнаго кодекса обязательныхъ нравственныхъ правилъ.

Эволюція провинціальной печати, приведшая отъ литератора-обывателя къ литератору-работнику, независимому отъ канцелярской работы, должна быть разсматриваема въ болѣе широкомъ масштабѣ. Въ сущности, съ провинціальной печатью происходитъ то же, что̀ и со всей русской печатью и что̀ давно уже пережила западноевропейская. Тамъ создался особый писательскій классъ, съ своими особыми классовыми интерссами, опирающимися на чисто экономическомъ фундаментѣ, во главу угла котораго поставлена защита авторскаго права. У насъ писатели только теперь начинаютъ сознавать всю важность для печати этихъ классовыхъ правъ, безъ точнаго опредѣленія которыхъ немыслимо самое существованіе независимой печати.

Здѣсь необходимо небольшое отступленіе. Мы увѣрены, что для многихъ читателей непривычно звучитъ это слово «писатель-работникъ». Мы вѣдь такіе возышенные идеалисты, что, кромѣ 20-го числа, не признаемъ никакихъ другихъ источниковъ существованія, и самая мысль, что писатель своимъ перомъ прежде всего работаетъ для себя, для удовлетворенія нуждъ своего бреннаго существа, можетъ показаться многимъ прямо-таки профанаціей священнаго

званія писателя, пророка и учителя. Но, къ сожалѣнію, за великіе грѣхи людей, давно уже миновало время, когда воронъ, по божьему велѣнію, кормилъ пророковъ въ пустынѣ, и приходится теперь volens-nolens заботиться объ этомъ самимъ.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ усложненія общественной жизни происходитъ раздѣленіе функцій, «дифференціація и интеграція». То же произошло и въ писательскомъ дѣлѣ. Изъ ряда литераторовъ-обывателей, баловавшихъ перомъ при поддержкѣ разныхъ другихъ «функцій», выдѣлился писатель, знающій одно дѣло—писательское—и имъ живущій. Въ общей сложности составился весьма почтенный количествомъ классъ, существованіе котораго до сихъ поръ какъ-то крайне неопредѣленно. Съ одной стороны, какъ будто и очень почтенно званіе писателя, работника мысли, учителя и проч. Но, съ другой стороны, оно ничѣмъ не ограждено и подвержено тысячѣ случайностей.

Во многомъ здѣсь виноваты и сами «пророки и учителя», которые не вполнѣ еще сознали свой классовой, писательскій интересъ, и даже въ такое дѣло, какъ «союзъ взаимопомощи русскихъ писателей», съумѣли внести странный, для сторонняго наблюдателя непонятный, раздоръ. Работая въ различныхъ, иногда рѣзко противоположныхъ изданіяхъ, писатели привыкли дѣлиться на «партіи», не чувствующія потребности дружно отстаивать свои *рабочіе* интересы внѣ зависимости отъ знаменъ, подъ которыми они выступаютъ.

Мы не сомнѣваемся, что жизнь въ концѣ концовъ заставитъ писателей самымъ осязательнымъ образомъ почувствовать и понять необходимость защиты своихъ классовыхъ интересовъ, безъ чего немыслимо самое существованіе печати. Ей грозила бы полная приниженность, если бы писательскіе раздоры и платоническое отношеніе къ авторскому труду помѣшали осуществленію того, что давно уже завоевало себѣ право гражданства на Западѣ, а именно—могущественныхъ союзовъ писателей, союзовъ, какъ національныхъ, такъ и международныхъ, преслѣдующихъ одну единственную цѣль — защиту правъ писателя-работника.

Очень любопытную въ этомъ отношеніи книгу издалъ недавно профессоръ новороссійскаго университета Казанскій о «Международномъ союзѣ для охраны литературно-артистической собственности». Написанная талантливо и живо, съ полнымъ знаніемъ вопроса, которому посвящена богатая литература,—книга почтеннаго профессора заслуживаетъ полнаго вниманія читателей, и среди нихъ—прежде всего писателей. Она разсѣеваетъ многіе предразсудки, весьма распространенные въ большой публикѣ относительно писательской дѣятельности, — предразсудки, до сихъ поръ сильно мѣшающіе осуществленію одного изъ необходимѣйшихъ учрежденій—литературной конвенціи Россіи съ Западомъ.

Литературная конвенція!

Право, для многихъ это словечко звучитъ, какъ «металлъ и жупелъ» для замоскворѣцкой купчихи. Литературная конвенція, это—прекращенія безданнаго и безпошлиннаго пользованія чужими произведеніями, чѣмъ живетъ добрая половина русской печати, взятой en gros. Многимъ, пожалуй, можетъ показаться, что прекратить такое литературное пиратство значитъ подорвать бѣдную русскую прессу, которой придется сократить себя чуть не на половину. Въ особенности теперь, когда издательства всякихъ «популярныхъ, общедоступныхъ, дешевыхъ библіотекъ» растутъ, какъ грибы послѣ дождя. Чѣмъ будетъ питаться бѣдная русская мысль, когда конвенція ста-

нетъ на стражѣ авторскихъ интересовъ западныхъ писателей, у которыхъ она привыкла черпать вдохновенія? Наконецъ, читатель, этотъ русскій читатель, до сихъ поръ видящій въ книгѣ бездѣлку, вещь, не имѣющую цѣны,—что будетъ онъ дѣлать, если та же конвенція вдругъ поведетъ къ вздорожанію цѣны книги? Вѣдь, онъ совсѣмъ тогда броситъ читать, отъ чего будетъ немалый ущербъ просвѣщенію.

Но ревнители просвѣщенія могутъ успокоиться.

Въ этомъ насъ убѣждаетъ не столько книга почтеннаго профессора, сколько примѣръ Запада, гдѣ пока никакого ущерба просвѣщенію конвенція не причинила, гдѣ издательская дѣятельность только послѣ конвенціи получила прочную опору, а національная мысль въ той же конвенціи нашла могущественный стимулъ къ дальнѣйшему развитію.

Иначе и быть не можетъ. Потому что конвенція есть прежде всего актъ международной, т. е. общечеловѣческой справедливости. А справедливость, въ какую бы область мы ее ни внесли, ничего, кромѣ увеличенія человѣческихъ благъ, дать не можетъ. Тѣмъ болѣе, если мы ее вносимъ въ царство мысли, каковымъ представляется вся человѣческая печать, взятая въ совокупности.

«Отношенія авторовъ и публики,—говоритъ проф. Казанскій,—одни и тѣ же во всѣхъ образованныхъ странахъ. Авторское право всюду покоится на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Вопросъ о правахъ автора—вопросъ о положеніи рабочаго. Въ области авторскаго права нѣтъ имуществъ, доставшихся черезъ десятки и сотни лѣтъ, нѣтъ также имуществъ, пріобрѣтенныхъ насиліемъ и хитростью. Здѣсь идетъ вопросъ только о положеніи трудящагося пролетарія и его семьи, трудящагося на пользу общую, увеличивающаго сумму общаго благосостоянія. Защищая національныхъ авторовъ, мы не можемъ, не впадая въ противорѣчіе сами съ собой, не защищать иностранныхъ. Того требуютъ наши общія представленія о неразрывной связи между человѣкомъ и плодомъ его труда, о должномъ, о правѣ, о справедливости. Можно ли признавать за иностраннымъ купцомъ право на его товары, за сапожникомъ—на его сапоги, и не признавать права автора на его твореніе, которымъ онъ болѣлъ и мучился, на которое тратилъ лучшія силы души?»

На такой вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Но стоитъ перейти отъ теоріи къ практикѣ, и картина сразу мѣняется. На первый планъ выступаютъ указанные выше интересы «бѣднаго читателя», «русской мысли» и издателей. Объ авторахъ пока умолчимъ. Русскіе авторы, какъ извѣстно, образцы безкорыстія, что въ переводѣ на житейскій языкъ значитъ, что они до сихъ поръ мало получали, и потому не научились цѣнить свой трудъ.

Стоитъ, однако, заглянуть по-глубже, «въ корень вещей», и мы убѣждаемся, что конвенція ничего не нарушаетъ и ничему не грозитъ.

Начнемъ съ издателей,—не потому, чтобы ихъ интересъ въ этомъ вопросѣ преобладалъ надъ прочими, но на ихъ примѣрѣ дѣло особенно уясняется. Къ тому же, издатели—наиболѣе ярые противники конвенціи. Имъ кажется, что прямая ихъ выгода заключается въ свободѣ переводовъ иностранныхъ изданій.

«Перепечатывая ихъ и переводя, они могутъ, по ихъ разсчетамъ, класть въ карманъ всю ту сумму, которая слѣдовало бы автору, если бы онъ пользовался международной защитой. Разсчетъ весьма не сложный, но, къ счастью, ошибочный. На практикѣ, конкурренція между издателями лишаетъ ихъ даже тѣхъ выгодъ, которыя получаются ими

отъ работъ національныхъ. Бѣшеная конкурренція убила въ тридцатыхъ годахъ бельгійскія контрафакторскія предпріятія. Безграничная конкурренція между американскими издателями привела ихъ къ ходатайствамъ о присоединеніи Соединенныхъ Штатовъ къ бернскому союзу духовной собственности. На самомъ дѣлѣ, при конвенціи каждое произведеніе издается однимъ лицомъ, которое и пускаетъ его въ оборотъ по разумной цѣнѣ, такъ, чтобы продать возможно большее число экземпляровъ и получить большее вознагражденіе. При свободѣ же перепечатки каждый издатель можетъ выпустить любую работу. Отсюда борьба за то, кто первый достанетъ извѣстное произведеніе, первый поддѣлаетъ его и пуститъ въ оборотъ по болѣе низкой цѣнѣ. А эта борьба требуетъ такихъ большихъ денегъ, что гораздо выгоднѣе заплатить извѣстную сумму автору, имѣть возможность разсчитывать на опредѣленный сбытъ, не прибѣгая къ некрасивымъ пріемамъ безстыдной конкурренціи».

Такое заключеніе почтеннаго автора можно бы подкрѣпить массой примѣровъ изъ текущей дѣйствительности. Благодаря современному спросу на книгу, началась у насъ настоящая скачка на призъ среди издателей. На одну и ту же книгу иностраннаго автора накидываются разомъ нѣсколько издателей, каждый торопится издать поскорѣе, почему переводятъ на спѣхъ, раздирая книгу на части и раздавая ее сразу десяти переводчикамъ. Можно себѣ представить, какой получается переводъ! Для примѣра, стоитъ сравнить нѣсколько одновременно вышедшихъ переводовъ Генри Джорджа «Прогрессъ и бѣдность». Съ цѣлью удешевить изданіе, берутъ переводчиковъ «цѣною подешевле» и получаются переводы столь блестящіе, какъ недавно обратившій на себя общее вниманіе переводъ Сенкевича, сдѣланный какимъ-то г. Домбровскимъ. Мало того, книги урѣзываются, блестящія произведенія иностранной литературы выходятъ въ изуродованномъ видѣ, искромсанные неумѣлой рукой лавочника-издателя, которому ихъ нужно втиснуть въ извѣстный размѣръ. Совершенно также коверкаютъ и уродуютъ русскихъ писателей. Всѣмъ памятенъ еще знаменитый переводъ какого-то нѣмца «Анны Карениной», въ которомъ эпиграфъ — «Мнѣ отмщенье, Азъ воздамъ»—переведенъ такъ: «die Rache ist süss, ich spiele Ass», т.-е. «месть пріятна, хожу съ туза». Г. Тверской говоритъ, напр., объ американскихъ переводахъ русскихъ классиковъ, что «они, въ большинствѣ случаевъ, просто невозможны. Въ нихъ не только почти всегда безвозвратно утрачена индивидуальная прелесть извѣстнаго писателя, но почти на каждой страницѣ попадаются самыя непростительныя извращенія и даже прямые абсурды». И это потому, что за переводы берется всякій, не спрашивая автора и стараясь только опередить конкурента. Спрашивается, если такому состоянію вещей конвенція положитъ конецъ,—стоитъ жалѣть объ этомъ?

Но цѣна книгѣ при конвенціи возрастетъ?!

Нѣтъ и это невѣрно, какъ показываетъ примѣръ Запада, гдѣ послѣ конвенціи цѣна книгъ ни мало не возросла, и по очень простой причинѣ. Цѣну книги нельзя поднять выше извѣстной средней, которая устанавливается на рынкѣ спросомъ и предложеніемъ, какъ и для всякаго товара. Ея покупать не станутъ, если она выше этой цѣны. Въ особенности это вѣрно на книжномъ рынкѣ у насъ, гдѣ книга до сихъ поръ не есть предметъ первой необходимости, и спросъ приходится вызывать. Книга не желѣзо, на которое можно поднять цѣну путемъ покровительственной

пошлины. Введеніе конвенціи можетъ вызвать временное колебаніе цѣнъ на книгу, такъ какъ исчезнетъ нѣсколько мелкихъ издателей. Да и то врядъ ли въ сторону повышенія, потому что не въ разсчетахъ остающихся издателей повышеніемъ цѣны сокращать объемъ своей дѣятельности. Тѣмъ болѣе, что конкурренція не исчезнетъ съ введеніемъ конвенціи,—она только получитъ характеръ правильнаго разсчета, при которомъ можно, болѣе или менѣе, предвидѣть прибыль и убытокъ, чего предвидѣть теперь нѣтъ возможности.

Намъ кажется, что издательское дѣло въ Россіи стоитъ наканунѣ такихъ же ходатайствъ о заключеніи конвенціи, какъ было въ Бельгіи, Соединенныхъ Штатахъ и Германіи. Этого требуетъ насущная необходимость упорядочить это дѣло, въ которомъ съ каждымъ днемъ усиливается безшабашная конкурренція, сама подкапывающая себѣ почву, отчего никто не выигрываетъ, а теряютъ всѣ—и издатели, и читатели.

Переходимъ теперь къ возраженіямъ «высшаго порядка», къ духовной сторонѣ дѣла.

«Многіе полагаютъ,—говоритъ проф. Казанскій,—что благо народное требуетъ, чтобы мѣстные издатели имѣли право свободно перепечатывать, переводить, давать на сценѣ и воспроизводить все, что появляется за-границей. Нѣтъ лучшаго средства, говорятъ они, для оживленія духовной жизни страны, какъ выбросить на народный рынокъ побольше иностранныхъ произведеній. Разсужденіе это, пожалуй, вѣрно, что касается народовъ, вовсе неспособныхъ къ самостоятельной духовной жизни. Если народъ самъ ничего не производитъ, то, быть можетъ, контрафакція и подходящее средство для того, чтобы наполнить его рынокъ большимъ числомъ духовныхъ твореній. Но такихъ народовъ въ образованныхъ частяхъ свѣта мы не знаемъ, сама возможность существованія ихъ сомнительна. Для народовъ же, способныхъ къ духовной жизни, свобода контрафакціи иностранныхъ произведеній есть зло. Она убиваетъ національную духовную дѣятельность. Мѣстные авторы не могутъ конкуррировать съ контрафакторскими произведеніями, за которыя не платится гонорара. Поэтому, лучшія интеллектуальныя силы уходятъ въ другія профессіи. Остающіяся принуждаются къ усиленному и торопливому творчеству. Уровень національныхъ произведеній вслѣдствіе этого неминуемо падаетъ, а за нимъ понижается и общій духовный уровень страны. Репрессаліи со стороны иностранныхъ государствъ лишаютъ авторовъ и заграничнаго заработка. Ихъ произведенія, поддѣлываемыя за-границей, расходятся въ искаженномъ видѣ, компрометируя ихъ славу и геній ихъ народа. Что же получаетъ страна въ вознагражденіе? Массу, обыкновенно дрянныхъ, но дешевыхъ «промышленныхъ» поддѣлокъ иностранныхъ произведеній *). Можно ли радоваться, что на рынокъ поступаетъ сразу нѣсколько поспѣшно сдѣланныхъ переводовъ новаго иностраннаго произведенія вмѣсто одного хорошаго, изданнаго съ разрѣшенія и подъ контролемъ автора?.. Не дороже ли для народа одно національное твореніе сотни иностранныхъ, въ особенности, если имѣть въ виду, что, при свободѣ перевода, переводятъ и печатаютъ всякую дрянь, такъ какъ и ничтожное произведеніе, если не случится конкурренціи, окупается. Не заслуживаетъ ли національная духов-

*) Въ библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала не разъ обращалось вниманіе на такого рода поддѣлки. См., напр., библ. отд. янв. 1896 г., отзывъ о книгѣ Штрайслера, изд. «Библіотеки для всѣхъ», и Ле-Бона, изд. «Международной библіотеки».

ная дѣятельность особой охраны со стороны государства?»

Такова въ сжатыхъ словахъ важнѣйшая сторона конвенціи, которую не хотятъ видѣть ея противники. Въ своихъ близорукихъ разсчетахъ, заботясь о временныхъ, якобы возможныхъ, затрудненіяхъ, они упускаютъ изъ виду будущее родной литературы. Оригинальные писатели, вытѣсняемые съ книжнаго рынка переводами и компиляціями, или сходятъ со сцены, или берутся сами за тѣ же переводы и передѣлки, на которые есть спросъ. Можно сказать, что, по мѣрѣ роста арміи переводчиковъ и компиляторовъ, сокращается число оригинальныхъ писателей. Безспорно, настоящій, прирожденный талантъ, сжигаемый искрой божіей, въ концѣ концовъ выдвинетъ такого писателя. Но тысячи другихъ, менѣе стойкихъ, талантливыхъ и вдохновенныхъ, гибнутъ безплодно для родной литературы, и если для этихъ тысячъ конвенція является своего рода покровительственной пошлиной, то да будетъ! Этому можно только порадоваться. Да и вообще, въ нашъ меркантильный вѣкъ, при современныхъ условіяхъ, все, что ставитъ книгу и ея производителя въ условія, общія всѣмъ другимъ производствамъ, только упрочиваетъ значеніе книги. И обратно, всякое выдѣленіе ея въ разрядъ какого-то особаго, «безцѣннаго» товара, можетъ только гибельно отразиться на судьбахъ книги и авторовъ.

Тутъ мы можемъ перейти къ тому, что мы назвали выше классовымъ интересомъ писателей.

Когда рѣчь идетъ объ огражденіи фабричныхъ рабочихъ, врядъ ли нынѣ найдется хоть одинъ разумный человѣкъ, который не привѣтствовалъ бы, напр., новаго фабричнаго закона, нормирующаго рабочій день. Всякому ясно, что этимъ закономъ, защищающимъ классовой интересъ рабочихъ, оказывается огромная услуга не только рабочимъ,—хотя имъ прежде всего,—но всей странѣ. Законъ, оберегая силы рабочаго класса, подымаетъ ихъ культурный уровень и сберегаетъ странѣ тысячи жизней, спасая рабочихъ отъ вырожденія.

Но разъ вопросъ заходитъ объ авторахъ, для огромнаго большинства даже самихъ писателей у насъ, кажется, будто такой законъ, ограждающій ихъ трудъ, есть какъ бы посягательство на чьи-то права. Имѣются въ виду, конечно, потребители, т. е. читатель, интересъ котораго, будто бы, при этомъ пострадаетъ. Мы уже видѣли, что въ разсматриваемомъ вопросѣ этого бояться нечего. Чувствительныя души, до сихъ поръ взирающія на писателя съ точки зрѣнія провинціальныхъ барышень, которымъ «литераторъ» представляется въ образѣ вдохновеннаго учителя, съ длинными, разметанными по плечамъ вихрями,—никакъ не могутъ понять, что онъ прежде всего человѣкъ. «Время, когда серьезные авторы были, преимущественно, изъ состоятельныхъ людей, масса же писакъ стояла очень не высоко, миновало. Мнѣніе, что охрана покровительствуетъ только литературнымъ шарлатанамъ, столь же невѣрно для современной національной жизни, какъ и для международной. Великая семья, или великая армія духовныхъ работниковъ считается нынѣ сотнями тысячъ лицъ. Среди этихъ тысячъ громадное большинство служитъ дѣлу серьезно, съ убѣжденіемъ, но въ то же время нуждается въ заработкѣ, нуждается въ національной и международной охранѣ своего труда, потому что живетъ только своимъ трудомъ».

Насколько эти простыя и ясныя положенія почтеннаго автора разбираемой книги не вошли еще въ общее сознаніе, показываетъ примѣръ ходатайства одного русскаго просвѣтительнаго общества объ ограниченіи автор-

ского права. Въ свое время мы отмѣтили и высмѣяли нелѣпость этого, на первый взглядъ «либеральнаго», ходатайства *). Мы писали тогда: «филантропія хороша въ личныхъ отношеніяхъ людей, но нельзя на ней строить общественнаго дѣла. Все, что въ общественной жизни основано на филантропическихъ началахъ, «смертію умретъ» тамъ, гдѣ эта жизнь зиждется на началахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ филантропическими».

И классъ писателей, для возможно полнаго и возможно правильнаго въ общественномъ смыслѣ выполненія своихъ функцій, требуетъ прежде всего защиты своихъ классовыхъ, писательскихъ, т. е. рабочихъ интересовъ. Какъ и въ вопросѣ обще-рабочемъ, такая защита есть не только частное дѣло писателей, но дѣло общественнаго значенія, вліяющее на общій культурный уровень страны. Она подымаетъ, во-первыхъ, самосознаніе писателей, дѣлая ихъ независимѣе и, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, строже къ выполненію своего долга. Получая права, писатели принимаютъ и опредѣленныя обязательства. Безкорыстное служеніе долгу, конечно, почтенное и высокое дѣло. Но требовать самоотверженности нельзя,—она есть доблесть, нѣчто индивидуальное, не подлежащее, такъ сказать, общественному учету. Во-вторыхъ, повышая экономическій уровень писательскаго класса, защита повышаетъ производительность литературы. Это такая аксіома, доказывать которую нынѣ было бы странно. Самый непроизводительный рабочій, это—дешевый рабочій.

«Всѣ литературно-артистическія общества стремятся, въ сущности, къ тѣмъ же главнымъ цѣлямъ, — говоритъ проф. Казанскій.—Всѣ имѣютъ девизомъ: независимость, достоинство, солидарность, предусмотрительность и самостоятельность. Они замѣнили въ нашемъ поколѣніи излишній индивидуализмъ, безпечность и паразитство писателей прошлыхъ временъ. Профессіональные синдикаты, національные и международные, стоятъ нынѣ на стражѣ интересовъ авторовъ, содѣйствуя, по мѣрѣ возможности, рядомъ съ другими важными задачами, и развитію международнаго авторскаго права».

Мы полагаемъ, поэтому, что одной изъ ближайшихъ задачъ недавно образованнаго «союза взаимопомощи русскихъ писателей» должно быть возбужденіе ходатайства о присоединеніи Россіи къ литературно-артистической международной конвенціи. Въ настоящее время *одна* Россія, изъ всѣхъ культурныхъ странъ, не примкнула къ конвенціи бернскаго союза.

«Особенныя усилія,—говоритъ авторъ, — были сдѣланы за послѣднее время въ пользу привлеченія Россіи въ бернскій союзъ. По постановленію антверпенскаго конгресса 1894 г., коммиссія международной литературной и артистической ассоціаціи выработала особый мемуаръ относительно литературной собственности въ Россіи. Мемуаръ былъ переданъ въ Петербургъ международнымъ бюро. Дрезденскій конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы Россія какъ въ своей національной жизни, такъ и въ международныхъ сношеніяхъ примкнула къ современнымъ идеямъ авторскаго права. Особыя миссіи снаряжались въ Россію подъ знаменемъ франко-русской дружбы и безъ него. Особыя воззванія писались въ русскую прессу. Выступали и среди русскихъ защитники справедливости и серьезныхъ интересовъ національнаго развитія Россіи. Все напрасно. Русскіе авторы о своихъ интересахъ молчатъ. Русскіе издатели еще не прогорѣли,

*) См. «М. Б.» 1895 г., апрѣль, «Критическія замѣтки».

выпуская конкуррирующія изданія ходкихъ иностранныхъ сочиненій. Русскіе журналы не замѣчаютъ того, что общество мало интересуется преподносимой ему иностранщиной. Наконецъ, наше правительство недостаточно сознаетъ, что все будущее Россіи въ свободномъ расцвѣтѣ народнаго генія, въ поднятіи духовнаго уровня народа, въ зрѣломъ и живомъ народномъ чувствѣ и мышленіи, въ самостоятельности и непосредственности научнаго и художественнаго творчества русской націи. Общее культурное возрожденіе страны или общее крушеніе—вотъ дилемма, которую ставитъ исторія нашему отечеству».

А въ этомъ культурномъ возрожденіи—печати, безспорно, принадлежитъ одна изъ первыхъ ролей, и, слѣдовательно, все, что будетъ сдѣлано для ея подъема и укрѣпленія, отразится и прямо, и косвенно на общей культурѣ нашей страны. Сближеніе ея съ остальными культурными народами Запада на почвѣ международной защиты литературы будетъ новымъ и крупнымъ шагомъ въ направленіи прогресса и цивилизаціи. Только наша косность, съ одной стороны, съ другой—смутное представленіе о собственныхъ интересахъ могутъ удерживать насъ отъ вступленія въ бернскій союзъ. Такъ, часто на первый взглядъ идеальныя воззрѣнія оказываются въ существѣ своемъ глубоко реакціонными. Къ такимъ мы безусловно относимъ присущее многимъ русскимъ писателямъ отвращеніе къ международной конвенціи.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Вопросъ о значеніи отмѣтокъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Въ циркулярѣ по с.-петербургскому учебному округу (№ 6) помѣщено интересное сообщеніе по вопросу о классныхъ отмѣткахъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ попечитель учебнаго округа возбудилъ передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайства о томъ, чтобы «1) ежедневныя отмѣтки, выставляемыя ученикамъ за отвѣты, были признаны необязательными; 2) чтобы родителямъ сообщались классными наставниками свѣдѣнія о неуспѣвающихъ ученикахъ не рѣже одного раза въ двѣ недѣли, на основаніи записей въ особыхъ для этого журналахъ, въ каковыхъ записяхъ преподаватели должны отмѣчать, чѣмъ именно заслужилъ порицаніе учащійся; 3) на прежнихъ основаніяхъ ставить отмѣтки за первыя три четверти учебнаго года, а вмѣсто четвертой—ставить годовыя».

Мотивами для этого ходайства послужили соображенія, высказанныя на совѣщаніи начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. При обсужденіи вопроса объ отмѣткахъ, на основаніи долголѣтней практики и всѣхъ дан-

ныхъ въ совокупности, выяснилось все неудобство теперешней системы. Оказывается, между прочимъ, что до сихъ поръ преподаватели совершенно различно смотрятъ на самое значеніе классной отмѣтки: одни выставляютъ ее за отвѣтъ изъ заданнаго урока, другіе за знаніе всего курса, третьи примѣшиваютъ сюда же оцѣнку класнаго поведенія, прилежанія, вниманія, способностей ученика и т. д. Между тѣмъ «различное пониманіе отмѣтокъ самими преподавателями одного и того же учебнаго заведенія вызываетъ со стороны родителей серьезныя недоразумѣнія, недовольство учебнымъ заведеніемъ и неправильное отношеніе къ дѣтямъ, тѣмъ болѣе, что боязнь показать дурную отмѣтку вызываетъ иногда въ дѣтяхъ желаніе скрыть ее, наталкиваетъ на обманъ, даетъ поводъ къ обвиненію наставниковъ въ несправедливости, къ осужденію всего учебнаго заведенія».

Но всего важнѣе вредное вліяніе системы отмѣтокъ на самый ходъ классныхъ занятій.

«Обязательная для всѣхъ преподавателей постановка отмѣтокъ за ежедневные отвѣты учащихся непроизводительно отнимаетъ время отъ занятій, такъ какъ учащій долженъ заботиться объ оцѣнкѣ знаній отвѣчающихъ, а не объ оцѣнкѣ общаго уровня класса, причемъ преподаватель лишается возможности переспросить большинство въ классѣ, вынужденный поневолѣ ограничиться лишь нѣсколькими учениками, дабы быть въ состояніи болѣе или менѣе правильно оцѣнить отвѣты каждаго изъ нихъ. При этой системѣ у него не достаетъ времени толково объяснить урокъ и обстоятельно разучить его въ классѣ, такъ какъ все его вниманіе сосредоточено лишь на томъ, чтобы спрошенныхъ учениковъ оцѣнить соотвѣтствующею ихъ познаніямъ отмѣткою. Такая осторожность при выставленіи отмѣтокъ тѣмъ болѣе необходима, что учащіеся имѣютъ полное право требовать, чтобы отмѣтки за четверть учебнаго года выставлялись на основаніи имѣющихся въ журналѣ ежедневныхъ отмѣтокъ. При крайней многочисленности учащихся въ настоящее время преподаватели по нѣкоторымъ предметамъ затрудняются переспросить всѣхъ учащихся даже одинъ разъ въ четверть, особенно если желаютъ выставить отмѣтки не за одинъ урокъ, а за знаніе всего пройденнаго курса, поэтому, при требованіи ежедневной выставки отмѣтокъ, уроки незамѣтно обращаются въ постоянный экзаменъ учащихся, что и отнимаетъ время отъ необходимыхъ объясненій, придавая въ то же время совсѣмъ нежелательный характеръ класснымъ занятіямъ и портитъ отношеніе учащихъ къ учащимся».

Среди учениковъ постановка отмѣтокъ вызываетъ нерѣдко дурныя чувства. Ученики стараются при отвѣтахъ ввести учителя въ обманъ, скрыть по возможности свое незнаніе, учитель же старается поймать ихъ; «весь урокъ при такой системѣ обращается въ спрашиваніе и задаваніе» и «о какомъ-либо воспитательномъ воздѣйствіи при такой системѣ обученія врядъ ли можетъ быть и рѣчь». Совѣщаніе директоровъ могло сослаться и на положительный опытъ:

«Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ) при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ г. С.-Петербургѣ ежедневныхъ отмѣтокъ не существуетъ, но это не только не оказываетъ какого-либо неблагопріятнаго вліянія на учебный строй этихъ заведеній, напротивъ, даетъ большій просторъ правильнымъ занятіямъ въ классѣ, сближаетъ преподавателя съ учениками, даетъ дѣйствительную возможность заниматься обученіемъ, вести дѣло преподаванія въ строгой системѣ и послѣдовательности, не отклоняясь

посторонними этому дѣлу соображеніями. Однимъ словомъ, отсутствіе обязательности выставки ежедневныхъ отмѣтокъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ ставитъ учителя и ученика въ совершенно правильныя другъ къ другу отношенія и позволяетъ первому оказывать весьма благотворное нравственное воздѣйствіе на послѣднихъ. Обученіе дѣлается воспитательнымъ».

Министръ народнаго просвѣщенія не счелъ возможнымъ удовлетворить вышеприведенное ходатайство, такъ какъ призналъ, что постоянныя классныя отмѣтки служатъ важнымъ средствомъ для контроля родителей надъ домашними занятіями учениковъ и дѣлаютъ для родителей болѣе яснымъ самый ходъ ученія, устраняютъ недоразумѣнія. По мнѣнію министра, отмѣтки, справедливо выставляемыя, должны имѣть хорошее вліяніе на учениковъ; вообще онъ не согласился съ доводами, выставленными на совѣщаніи директоровъ.

О заживо-погребенныхъ сектантахъ. Профессоръ М. Н. Поповъ высказываетъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» нѣсколько соображеній о недавно обнаруженномъ случаѣ коллективнаго самоубійства заживо-погребенныхъ сектантовъ въ Бессарабіи.

«Всматриваясь глубже въ массовыя самоубійства,—говоритъ онъ,—я прихожу къ тому заключенію, что и причины, и развитіе идеи самоубійства однѣ и тѣ же, какъ и въ единичныхъ случаяхъ. Здѣсь патологическая тоска подыскиваетъ себѣ такого же рода печальную мысль, какъ и у обыкновенныхъ самоубійцъ. У городскихъ жителей преобладаетъ желаніе наслаждаться этой жизнью такъ, какъ ею наслаждается обезпеченный классъ. Желаніе это доходитъ до денежнаго фанатизма. Въ деревняхъ, въ простомъ народѣ нѣтъ тѣхъ соблазнительныхъ вещей, которыя доставляются деньгами. Тамъ нѣтъ денежнаго фанатизма, но есть нужда, которая достигаетъ ужасающихъ размѣровъ, особенно въ неурожайные годы. Замѣчательно, что массовыя самоубійства совпадаютъ съ неурожайными годами. Недостатокъ образованія способствуетъ матеріальной необезпеченности и бѣдности умственной жизни. При такихъ условіяхъ чрезвычайно легко появляются въ народѣ крайне нелѣпыя мысли, и самое существенное зло заключается въ томъ, что народъ дѣлается чрезвычайно доступнымъ для внушенія подобныхъ мыслей. Одинъ скажетъ болѣе или менѣе убѣдительно, а другіе принимаютъ это, какъ непреложную истину. Состояніе очень близкое къ гипнотическому. Во время такого состоянія одинаково возникаютъ какъ самосожженія, такъ и безсмысленные, кровавые бунты».

По мнѣнію профессора Попова, насъ не долженъ поражать родъ избираемой смерти. «Намъ кажется, что быть погребеннымъ ужасно, быть сожженнымъ еще страшнѣе. Но такъ можетъ казаться людямъ здоровымъ, не помышляющимъ о самоубійствѣ. Во время приступа патологической тоски, душевныя муки человѣка бываютъ настолько сильны, что съ ними не могутъ сравниться никакія физическія страданія. Къ физическимъ страданіямъ онъ относится почти безучастно, иногда даже вызываетъ ихъ, чтобы какъ-нибудь заглушить тоску. Напримѣръ, больные вырываютъ глаза, наносятъ себѣ раны ножомъ и проч. Въ этомъ отношеніи можно быть спокойнымъ. Самосожженіе и погребеніе леденятъ нашу душу при одномъ воспоминаніи, но не страшны для тѣхъ, кто рѣшилъ покончить съ собой. Ихъ настроеніе духа таково, что имъ все равно, какъ бы ни умирать, лишь бы умереть. Судебные медики отлично знакомы съ тѣмъ, къ какимъ неудобнымъ, мучительнымъ

и медленнымъ способамъ прибѣгаютъ иногда самоубійцы, чтобы покончить съ собою. Я думаю, что религіозный фанатизмъ, приводящій къ самосожженію и къ погребенію заживо, имѣетъ ту же самую основу, какъ и у обыкновенныхъ самоубійцъ».

Вся философія, замѣчаетъ авторъ, весь умственный интересъ нашихъ поселянъ заключается въ религіи. Отсюда становится понятнымъ, почему идейной причиной самоубійства является религіозное заблужденіе. Религіозная подкладка здѣсь кажущаяся, сущность кроется гораздо глубже. Массовыми являются самоубійства потому, что причины самоубійства въ такихъ случаяхъ для цѣлой массы одинаковы и возникли въ одно время.

«Теперь вопросъ: всѣ-ли погибшіе отъ самосожженія и самопогребенія дѣйствительно страдали этой патологической тоской? Я думаю, что всѣ, но только въ различной степени.

У однихъ она выразилась настолько рѣзко, что несчастные искали всякаго предлога, чтобы освободиться отъ жизненныхъ оковъ, другихъ натолкнули на мысль о самоубійствѣ фанатики-проповѣдники. Безъ ихъ наставленій, быть можетъ, и не было бы такого печальнаго исхода, но они сѣяли сѣмя на почвѣ очень плодородной, способной чрезвычайно легко подчиниться внушенію особенно мрачныхъ мыслей, какъ гармонирующихъ съ настроеніемъ толпы».

Профессоръ далѣе задается вопросомъ: что дѣлать при появленіи такихъ массовыхъ самоубійствъ? «Сама причина,—говоритъ онъ,—возникновенія ихъ показываетъ, что надобно предпринять: улучшить матеріальное благосостояніе народныхъ массъ и расширить ихъ умственный кругозоръ образованіемъ, вывести изъ той печальной обстановки, гдѣ жизнь теряетъ всякую прелесть. Вывести ихъ изъ того состоянія истощенія и забитости, въ которомъ человѣкъ становится крайне доступнымъ внушенію самыхъ нелѣпыхъ мыслей».

Ужасный промыселъ. Какіе ужасные промыслы могутъ выростать на почвѣ этой матеріальной необезпеченности и умственнаго убожества, показываетъ сообщеніе «Недѣли», невѣроятное по существу, но которому приходится вѣрить, ибо принадлежитъ оно священнику Уманьскаго уѣзда, Кіевской губерніи, гдѣ самый фактъ имѣлъ мѣсто.

«Въ базарные дни, въ нашихъ малорусскихъ мѣстностяхъ, среди сутолоки, вы всегда можете увидѣть сидящихъ на землѣ нищихъ въ одиночку, часто по 2—3 вмѣстѣ, подъ звуки «лиры» распѣвающихъ зычными голосами жалобные «псалмы»; здѣсь же, подлѣ поющихъ, сидитъ какой нибудь несчастный ребенокъ,—«каличка», и проситъ Христа ради, милостыни, держа въ рукахъ деревянную посудину съ брошенною туда заранѣе старцемъ мѣдною монетою.

Всѣ мы, какъ и мѣстная полиція, настолько привыкли къ подобному зрѣлищу, ко всѣмъ этимъ «старцамъ» и калѣкамъ, что въ частную ихъ жизнь никто уже не вникаетъ. Подастъ иной милостыню, покачаетъ головою, глядя на несчастныхъ; вздохнетъ деревенская баба, подавши бубличекъ слѣпенькому, съ искривленными ручками, «каличкѣ»-дитяти, скажетъ: «ото, Господы мылостывый; якежъ воно несчастне!»—и дѣлу конецъ. А тутъ-то иногда и прорвется какая-нибудь новость, такъ что и ушамъ своимъ не вѣришь. Вотъ одна изъ нихъ, недавняя.

Дѣло было 25-го мая, въ воскресенье. Въ м. Торговицѣ, Уманьскаго уѣзда, былъ базаръ. На базаръ только-что еще начали съѣзжаться. «Старцы» уже тутъ. Они пріѣхали тремя повозками—«фургонами» (такая повозка стоитъ отъ 80 до 130 руб.), на своихъ лошадяхъ; пріѣхавшіе—

всѣ мужчины и между ними одна «старчиха», подруга жизни... Старуха остановилась подводою поближе къ торговкамъ съ бубликами, а «старцы» пошли занимать знакомыя имъ позиціи, что поудобнѣе. Слѣзши съ повозки, старуха начала высаживать оттуда же дѣвочку лѣтъ восьми, калѣчку: слѣпую, съ обезображеннымъ лицомъ, съ болтающимися руками. Снимая дѣвочку съ воза, она прижала ея лицо къ своей одеждѣ такъ неосторожно (лицо было изранено), что содрала съ него кожу; на лицѣ дитяти выступила кровь... Поставивши ребенка на землю, старуха нанесла ей еще нѣсколько ударовъ въ спину кулакомъ, прикрикнувши и что-то ворча себѣ подъ носъ. «Что это ты ей сдѣлала, окаянная, что ободрала ей лицо, и за что ты ее еще и бьешь? Вѣрно, это не твое дитя, что ты ее такъ толчешь?» замѣтила «старчихѣ» стоявшая вблизи торговка съ булками. «А кому какое дѣло, мое оно, или не мое?» огрызнулась та на торговку и затѣмъ пояснила: «Я слѣпая, не вижу, а она (дѣвочка) сидѣла у печки, когда я топила печь; нечаянно, я ее какъ-то и обожгла». Торговка, конечно, пожалѣла о ребенкѣ и положила несчастной на колѣни нѣсколько бубликовъ. Старуха, будто бы «слѣпая», мгновенно бублики подобрала себѣ за пазуху. Немного погодя, подошла къ нищей какая-то женщина, положила также калѣчкѣ бубличковъ, но, замѣтивши, что старуха и эти бублики подобрала себѣ, заговорила съ ней: «Что это ты не даешь ей ѣсть? Она такая несчастная...»

Тутъ-то и произошла исторія. «Тетя, тетя,—позвала тихонько дѣвочка-калѣка новопришедшую женщину, толкая ее рукою,—вы же моя тетя, а вы меня и не узнали?.. Возьмите, возьмите меня съ собою... не давайте меня старцамъ... они меня поймали на дорогѣ, когда я шла отъ васъ домой...» Что тутъ случилось далѣе—понятно. Женщина узнала свою, пропавшую двѣ недѣли назадъ, племянницу. Старчиха задумала и тутъ еще унять кулаками свою «ималичку», но не успѣла. На отчаянный, изступленный крикъ женщины: «гвалтъ!» сбѣжались толпы съѣхавшагося уже на базаръ народа. Всѣхъ «старцевъ» поймали и передали полиціи.

Искалѣченная же дѣвочка сообщила о себѣ слѣдующее. Шла она изъ гостей, изъ села Нерубайки, въ сосѣднее село Каменечье—домой отъ своей тетки съ двоюроднымъ братцемъ, провожавшимъ ее. На дорогѣ ихъ нагнали ѣхавшіе трое нищихъ и стали ихъ ловить. Мальчикъ убѣжалъ въ близъ находящійся лѣсъ, а дѣвочку поймали. Связали, завязали глаза и повезли куда-то. Привезли на мѣсто (къ себѣ домой), снесли ее въ погребъ и начали совѣтоваться между собою: отрубить ли ей руки или ноги, или же лишить глазъ. Рѣшились на послѣднее, «чтобы она своихъ «людей» не узнала». Затѣмъ, смазавши ей все лицо и глаза смолою и пололоживши еще ей на глаза фитиль соломы, пропитанной смолою, все это подожгли. Затѣмъ — повырѣзали ей на рукахъ и ногахъ икры и повыворачивали на рукахъ пальцы... Когда дѣвочкѣ, передъ этой операціей развязали глаза, то она увидѣла здѣсь же, въ погребѣ, двухъ мертвыхъ мальчиковъ (должно быть, не выдержавшихъ подобной операціи). Мертвыхъ дѣтей порѣшили нищіе, вслухъ при ней, отдать откармливаемымъ кабанамъ на съѣденіе... Въ погребѣ дѣвочку держали двѣ недѣли, пока не загноились раны. Затѣмъ, начали между собою совѣщаться; одинъ изъ нихъ заговорилъ: «Ну, кто ее возьметъ: взять-ли ее въ Торговицу, или въ Ревутское (мѣстечко Херсонской губерніи), или я возьму съ собою!» Другой отозвался: «Я возьму въ Торговицу». Дѣвочка теперь находится

въ торговицкой больницѣ. Докторъ говоритъ, что на одинъ глазъ она, можетъ быть, еще будетъ видѣть.

«При обыскѣ, на базарѣ, у нищихъ нашли свыше трехъ сотъ рублей, а дома они еще имѣютъ едва ли не болѣе того денегъ, у крестьянъ на процентахъ.

«Такія-то вещи творятся у насъ, въ населеннѣйшей Кіевской губерніи. «Старци», разъѣзжая по базарамъ на собственныхъ «фургонахъ» и лошадяхъ, собираютъ деньги сотнями рублей и отдаютъ ихъ въ ростъ. Держатъ для откармливанія свиней (теперь немногіе и изъ хозяевъ держатъ свиней) и откармливаютъ ихъ выпрошеннымъ хлѣбомъ; калѣчатъ и убиваютъ дѣтей и выбрасываютъ трупики свиньямъ... И сколько ихъ есть, такихъ калѣкъ дѣтей, при нищихъ, и кто доискивается причины этихъ калѣчествъ?»

Объ аналогичномъ случаѣ пишутъ «Одесскимъ Новостямъ» изъ Николаева:

«Николаевскій базаръ служитъ пунктомъ сборища рабочихъ артелей и крестьянъ, ищущихъ найма и заработка. Здѣсь же, по священному обычаю, «христарадничаетъ» масса нищихъ, слѣпыхъ, ведомыхъ дѣтьми—«поводырями». Двое изъ такихъ нищихъ—мужъ и жена были задержаны и толпа мигомъ обступила ихъ тѣснымъ кольцомъ. Изъ-за шума и крика нельзя было сначала разобрать, въ чемъ дѣло. По возбужденнымъ голосамъ толпы, по усиленной жестикуляціи можно было догадаться, что случилось нѣчто необычайное, возмутившее толпу. Оказалось, что задержанные нищіе украли мальчика Тимоѳея (фамилія его не установлена), уроженца м. Смѣлы, Кіевской губерніи. Несчастный мальчикъ долженъ былъ стать «кормильцемъ» укравшихъ его людей, а для этого нищіе-преступники превращали цвѣтущаго мальчугана въ вызывающаго состраданіе калѣку. Они выворачивали ему руки. Они старались коверкать ему ноги. Морили его голодомъ. Заставляли его стоять, сидѣть и спать въ невозможныхъ положеніяхъ. И несомнѣнно, мальчикъ погибъ бы, если бы случаю не угодно было вырвать его изъ рукъ злодѣевъ... Имъ не удался ихъ звѣрскій замыселъ. Мальчикъ спасенъ во время, когда «операціи» еще не оставили на немъ своихъ ужасныхъ слѣдовъ. Возмущеніе толпы непередаваемо. Толпа съ яростью набросилась на злодѣевъ и, несомнѣнно, разорвала бы ихъ на части, если бы не во время подоспѣвшая полиція. Съ большимъ трудомъ удалось сильному наряду полиціи во главѣ съ самимъ полиціймейстеромъ вырвать преступника изъ рукъ разъяренной толпы. Несмотря на защиту полиціи, нищихъ, ворующихъ дѣтей, сильно избили».

Слѣпая деревня. «Деревня наша слѣпа не только въ культурномъ отношеніи, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, но она слѣпа въ буквальномъ смыслѣ этого слова». Такъ начинаетъ свое сообщеніе корреспондентъ «Нижегородскаго Листка».

«Передъ нами только-что вышедшій изъ печати трудъ земскаго врача (а нынѣ доктора медицины) Макарьевскаго у. Л. В. Комаровича, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя данныя къ вопросу о деревенской глазной болѣзненности и слѣпотѣ въ районѣ трехъ волостей и 10 селеній Макарьевскаго у., Нижегородской губ., по поголовному смотру».

Авторъ, какъ видно изъ заглавія книги, изслѣдовалъ три волости (Воскресенскую, Глуховскую и Богородскую) и 10 черемискихъ селеній, что составляетъ всего 71 селенье съ 15.000 человѣкъ жителей; всего имъ зарегистровано слишкомъ 14.000 человѣкъ. Выводы г. Комаровича о глазныхъ заболѣваніяхъ и слѣпотѣ нашей

деревни болѣе, чѣмъ неутѣшительны. Оказывается, что глазныя заболѣванія въ изслѣдованномъ имъ районѣ достигаютъ у русскихъ до 31,3% и у черемисъ до 39,6%. Кромѣ того, какъ у русскихъ, такъ и у черемисъ глазныя болѣзни распространены больше среди женщинъ; затѣмъ уменьшеніе глазной заболѣваемости идетъ параллельно увеличенію благосостоянія и уменьшенію скученности населенія. Трахому г. Комаровичъ признаетъ профессіональной болѣзнью рогожниковъ. Пораженныхъ этой болѣзнью до 22%.

Жизнь нашего ветлужскаго рогожника г. Комаровичъ характеризуетъ такъ: «начиная съ внутренности жилья, кончая и внѣшностью его самого съ характернымъ запахомъ, по которому издали можно узнать такого ремесленника, этотъ промыселъ на все кладетъ свой особый отпечатокъ. Рѣдко можно встрѣтить здоровые глаза у людей, занимающихся этимъ промысломъ». Для полной картины положенія рогожниковъ приведемъ нѣсколько словъ изъ доклада земскаго техника Г. М. Кржижановскаго, который говоритъ: «мы наблюдали, какъ крохотныя 8-лѣтнія дѣти завязывали своими ручонками кулечки, продѣвали мочало въ бедра и вообще помогали старшимъ въ теченіе того же рабочаго времени... «Сами-то, видишь, мотаемся, да и дѣтей вонъ экономьких маемъ», говорятъ рогожники и при этомъ добавляютъ: «проспалъ по зорькѣ часикъ,—плохо твое дѣло... Поэтому натягаемъ, чтобы не спать болѣе 3 часовъ».

«Малосемейнымъ, не имѣющимъ возможности заплатить даже и 40 к. наемному подростку за недѣлю труда, приходится работать до 19 и 20 часовъ въ сутки. Возможно ли сомнѣваться въ томъ, что такая работа, да еще въ атмосферѣ ветлужскихъ зимницъ, работа, начинающаяся со столь нѣжнаго дѣтскаго возраста, ведетъ къ вырожденію населенія? Наружный видъ ветлужскихъ рогожниковъ достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ».

Г. Комаровичъ указываетъ, что въ числѣ причинъ неизлѣчимой слѣпоты первое мѣсто занимаетъ трахома и затѣмъ идетъ *оспа*.

Изъ изслѣдованія видно, что лишь 12,2% населенія имѣетъ предохранительную прививку оспы, «остальные 87,8% имѣли, какъ говоритъ г. Комаровичъ, или будутъ имѣть натуральную оспу».

Что мѣстность, описанная г. Комаровичемъ, не исключеніе, видно изъ отчетовъ, публикуемыхъ экспедиціями врачей-окулистовъ, которыя разсылаются нынѣ отъ вѣдомства Императрицы Маріи. Всюду эти экспедиціи находятъ громадный контингентъ страдающихъ глазными болѣзнями и массу слѣпыхъ.

Переселеніе деревни въ городъ. Въ то время, какъ ученые авторы книги «Вліяніе низкихъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства» повѣдали міру, что натуральное хозяйство, будто бы преобладающее въ деревнѣ, поддерживаетъ ее отъ упадка и гибели,—деревня всѣми силами протестуетъ противъ такого «открытія». Что деревня давно уже «бѣжитъ врозь», «на теплыя воды», въ «бѣлую Арапію» и другія благословенныя мѣста, это мы уже давно слыхали. Но что деревня вымираетъ и переселяется въ городъ, это показала послѣдняя перепись, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ очень обстоятельная работа г. В. Михайловскаго въ «Новомъ Словѣ». Съ данными предварительнаго подсчета населенія въ рукахъ, онъ устанавливаетъ два факта.

Изъ данныхъ съ 1885 г. по 1897-й видно, что въ то время, какъ въ степной полосѣ и къ западу отъ Днѣпра населеніе возросло за 11 лѣтъ на $^1/_5$—$^1/_3$ и болѣе, на сѣ-

веро-востокѣ оно возрасло всего на 1/8, а во всей огромной внутренней полосѣ Россіи, простирающейся отъ Волги до Днѣпра и отъ сѣверной границы степей до лѣсныхъ губерній крайняго сѣвера, приростъ населенія, по даннымъ переписи, не превышаетъ 3—9 проц.

Въ цѣломъ рядѣ коренныхъ великорусскихъ губерній этотъ приростъ спускается еще ниже: въ Тульской губ. населеніе увеличилось всего на 1,6 проц., въ Симбирской на 1,4 проц., Ярославской—на 2,3 проц. и т. д. Окраины Европейской Россіи растутъ въ нѣсколько разъ быстрѣе внутреннихъ губерній и центръ тяжести населенія постепенно перемѣщается по направленію къ степной полосѣ. Цѣлымъ рядомъ выкладокъ авторъ установляетъ, что въ Воронежской губ., напр., населеніе уменьшилось на 1 проц., въ Пензенской на 0,5 проц., въ Калужской на 0.9 проц.

Такъ какъ естественный приростъ въ коренныхъ губерніяхъ лишь немногимъ ниже западныхъ и южныхъ, то видимое перераспредѣленіе населенія можетъ быть объяснено лишь имиграціоннымъ движеніемъ внутри Европейской Россіи.

Сопоставляя цифры дѣйствительнаго и естественнаго прироста населенія за одиннадцатилѣтній періодъ, мы получимъ внушительный итогъ внутреннихъ переселеній и эмиграціи въ 4.117.000 человѣкъ, или по 375.000 ежегодно! При этомъ, одна половина этой гигантской волны переселенцевъ выходитъ за предѣлы Европейской Россіи, а другая осѣдаетъ на ея окраинахъ. Изъ 13 естественныхъ областей Россіи 5 притягиваютъ къ себѣ населеніе, а 8, наоборотъ, являются очагами переселеній. Почти вся коренная московская Русь такъ, какъ она сложилась къ концу XVII вѣка, является областью отлива населенія, обнимающей 29 губерній съ 54.365.000 жителей. Изъ этой коренной Руси, по приблизительному разсчету, ушло 3.928,000 человѣкъ, т. е. девять процентовъ населенія за 1895 годъ. Г. Михайловскій находитъ, что въ новѣйшей исторіи Запада это движеніе не имѣетъ себѣ подобныхъ: страны съ наибольшей эмиграціей выдѣляли изъ себя въ 80-хъ годахъ не болѣе 0,67 проц. (Англія), 0,76 проц. (Швеція) и 0,81 проц. (Норвегія). Аналогичное явленіе съ нашимъ наблюдается только въ Америкѣ, гдѣ сотни тысячъ выходцевъ изъ восточныхъ штатовъ двигаются въ преріи и саванны «Далекаго Запада».

Теперь займемся поголовнымъ бѣгствомъ мужика изъ деревни въ города. Это явленіе, которое должно заставить сильно призадуматься нашихъ политико-экономовъ и народниковъ, установлено послѣднею переписью самымъ неопровержимымъ образомъ. Пока обнародованы только общіе итоги подсчета населенія, слѣдовательно, нельзя точно установить, какіе, именно, города тянутъ къ себѣ и изъ какихъ областей. Основываясь на общихъ данныхъ, мы замѣчаемъ, все-таки, необычайный ростъ нѣкоторыхъ городовъ за счетъ сельскаго населенія. Лодзь выросла съ 1885 года изъ городка въ 113.000 человѣкъ въ 315.000, Ростовъ-на-Дону изъ 79.000 (въ 1885 году) въ 149.000, Баку изъ 46.000 въ 112.000, Екатеринославъ изъ 47.000 въ 121.000 и т. д. Это — американскій ростъ. Далѣе. Въ 1885 году центральный комитетъ насчитывалъ въ 88-ми городахъ 5.905.000 жителей; по переписи 28-го января 1897 года ихъ считается уже 7.822.000. За одиннадцать лѣтъ городское населеніе увеличилось на 1.917.000, т. е. на 32,5 проц.

Что касается общей массы увеличившагося населенія городовъ, то лишь меньшая часть можетъ быть отнесена

на долю перевѣса рожденій надъ смертностью, такъ какъ во множествѣ русскихъ городовъ (и, притомъ, самыхъ крупныхъ, какъ обѣ столицы) естественный приростъ населенія не достигаетъ и полупроцента. Если, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, принять норму прироста въ $^3/_4$ процента, то естественная прибыль всѣхъ городовъ (считая и тѣ, у которыхъ меньше 50.000 жителей) выразится цифрою въ 858.000 человѣкъ, слѣдовательно, минимальный приливъ сельскаго населенія въ города опредѣлится въ 2.509.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ приливомъ населенія изъ коренной Россіи въ 4.117.000 человѣкъ, получимъ приблизительную цифру передвиженія населенія за предѣлы своихъ губерній и въ города въ 6.626.000, или по 600.000 въ годъ. Это цѣлый человѣческій потокъ, цѣлое великое переселеніе народовъ въ провинціи!

Такое колоссальное движеніе *крестьянства* въ города естественно должно было поглотить весь естественный приростъ *сельскаго* населенія коренныхъ губерній. Такъ оно и выходитъ. Въ Тульской губ. (безъ гор. Тулы) одиннадцать лѣтъ назадъ насчитывалось 1.346.000 жителей, а теперь—только 1.330.000, въ Калужской—вмѣсто 1.134.000 только 1.129.000; въ Ярославской—вмѣсто 996.000 въ 1895, 678.000 въ 1897 (счетъ безъ Ярославля и Рыбинска) и т. д. Такимъ образомъ, въ центрѣ Россіи образуется почти сплошной районъ состоящій изъ 8 губерній, гдѣ сельское населеніе за послѣднія 11 лѣтъ значительно сократилось. Площадь этого района составляетъ около 288.000 квадр. верстъ, т. е. почти равна поверхности Великобританіи и Ирландіи. Кругомъ этого района расположены губерніи съ самымъ незначительнымъ приростомъ сельскаго населенія: Орловская, Курская, Тамбовская, Нижегородская, Владимірская и Тверская. Такова демографическая карта современной провинціи.

Мы стоимъ, по заключенію цитируемаго автора, лицомъ къ лицу съ наличностью могущественнаго теченія, все болѣе и болѣе стремящагося оторвать сельское населеніе внутренней Россіи отъ насиженныхъ мѣстъ. Это не временное движеніе на отхожіе земледѣльческіе промыслы или городскіе заработки, съ которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, крестьянинъ возвращается къ родимому гнѣзду. Передъ нами полумилліонная толпа крестьянъ, ежегодно поднимающаяся съ мѣста въ поискахъ лучшаго будущаго и разрывающая всѣ связи съ родными мѣстами. Это, по замѣчанію г. Михайловскаго, давшаго себѣ трудъ разобраться въ мертвыхъ на видъ значкахъ всеобщей переписи, повальное бѣгство мужика изъ деревни,—бѣгство, послѣдствій котораго невозможно предвидѣть. Великорусская деревня на нашихъ глазахъ начинаетъ пустѣть совершенно такъ же, какъ пустѣютъ сельскіе округа Англіи, высылающіе ежегодно десятки тысячъ населенія за океанъ...

Что же будетъ дальше?—спрашиваетъ г. Печоринъ, замѣтку котораго изъ «Новостей» мы приводимъ, и отвѣчаетъ:

«А будетъ то, что люди, утверждающіе, будто «Россія — страна по преимуществу земледѣльческая», убѣдятся, что жестоко ошибались. Впрочемъ, это сознаніе придетъ къ нимъ лишь послѣ переписи 1927 года, если въ тѣ времена таковая состоится».

Можно надѣяться, что къ тому времени отъ народническихъ взглядовъ не останется даже воспоминаній, а съ исчезновеніемъ народническаго тумана, исчезнетъ и «самобытный» взглядъ на Россію, какъ нѣкую заповѣдную страну, къ которой непримѣнимы общіе законы развитія.

Нефтяной городъ. Корреспондентъ «Рус. Вѣдомостей» описываетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ русскихъ городовъ, Баку, съ его громаднымъ за послѣднее время ростомъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, какъ мало дѣлается у насъ для подъема культуры.

«Изъ небольшого грязнаго городишка,—говоритъ корреспондентъ,—съ исключительно почти татарскимъ населеніемъ, всего какихъ-либо въ 20—25 лѣтъ Баку сдѣлался однимъ изъ многолюдныхъ и богатыхъ торгово-промышленныхъ городовъ Россіи. И не мудрено: Баку обладаетъ прекраснымъ портомъ, вблизи находятся богатѣйшіе въ мірѣ источники нефти, для выработки изъ которой осв'ѣтительныхъ и смазочныхъ маслъ въ такъ-называемомъ Черномъ городѣ имѣется до 200 заводовъ, и, кромѣ того, Баку служитъ передаточнымъ пунктомъ для товаровъ, отправляемыхъ изъ Средней Азіи, Афганистана и Персіи въ Россію и за границу и обратно. Черезъ 1½—2 года Баку черезъ Дербентъ и Петровскъ соединится рельсовымъ путемъ съ европейскими городами. Недалеко то время, когда Баку придется играть очень важную роль въ торговопромышленной жизни Кавказа. Огромныя богатства того края, большею частью втунѣ хранящіяся въ нѣдрахъ земли, найдутъ себѣ милліоны потребителей на дальнемъ Востокѣ, безъ опасеній встрѣтить тамъ сильныхъ конкурентовъ.

Между тѣмъ, бакинскіе нефтепромышленники за время существованія нефтянаго дѣла, при сотняхъ милліоновъ добычи нефти, лишь съумѣли понастроить дворцовъ, не сдѣлавши почти ровно ничего ни въ усовершенствованіи способовъ добычи и обработки нефти, хотя ради бы той же конкурренціи съ американцами, ни въ улучшеніи образовательнаго и экономическаго положенія служащихъ и рабочихъ на промыслахъ и заводахъ. Достаточно сказать, что на «народное здравіе» и народное образованіе въ Черномъ городѣ, съ 200 почти заводами и Балахано-Сабунчинскими промыслами съ 30-ти-тысячнымъ населеніемъ, нефтепромышленниками расходуется всего съ небольшимъ 20 тыс. рублей!.. У всѣхъ почти, за исключеніемъ двухъ трехъ, нефтепромышленниковъ - заводчиковъ нѣтъ сколько нибудь даже сносныхъ жилищъ для рабочихъ, которые буквально ютятся въ какихъ-то зловонныхъ, прокоптѣлыхъ и грязныхъ до безобразія конурахъ, скорѣе похожихъ на логовища животныхъ. Нельзя сказать, чтобы санитарная коммиссія не знала о существованіи такого рода жилищъ; напротивъ, она констатировала вопіющее безобразное состояніе жилыхъ помѣщеній на Балахано-Сабунчинскихъ промыслахъ и въ «нумерахъ» заводскихъ, особенно «братскихъ», въ которыхъ сплошь и рядомъ рабочіе валяются на грязномъ кировомъ полу, лежа плечо-в-плечо; на промыслахъ это — обыкновенное явленіе. Кругомъ буровыхъ скважинъ одни озера нефти и зданія съ вывѣской: «Духанъ, распивочно и на выносъ»,—больше ничего. Куда идти рабочему отдохнуть и развлечься? То же самое и на заводахъ; разница лишь въ томъ, что напротивъ одного большого завода сплошь и рядомъ воздвигается баттарея въ 10—15 духановъ, трактировъ, харчевенъ... И такъ изо-дня въ день безпросвѣтная жизнь рабочаго люда. При 30-ти тыс. населенія Балахано-Сабунчинскихъ промысловъ и 200 заводахъ въ Черномъ городѣ нефтепромышленники не позаботились до сихъ поръ ни постройкою церквей, ни школъ, ни устройствомъ сколько-нибудь терпимой медицинской помощи: ни въ Балаханахъ, ни въ Черномъ городѣ нѣтъ церкви, а между тѣмъ до Баку 5 — 8 верстъ; школъ всего одна; медицинская помощь разсчитана, напр., въ Черномъ городѣ

такъ, что одинъ докторъ имѣется для двухъ пріемныхъ покоевъ, находящихся въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Нечего и говорить, сколько несчастій происходитъ только отъ того, что такъ мало удѣляется средствъ на больницы, школы...

Баку замѣчательно быстро растетъ: не такъ давно число жителей не превышало 25—30 т., а въ настоящее время ихъ до 120 тыс.; появляются роскошные дома, магазины, всевозможные склады. Бакинская бухта усѣяна морскими судами; а внутри города идетъ кипучая торговая жизнь, происходятъ милліонныя сдѣлки. Но и въ Баку, какъ на заводахъ и промыслахъ, чувствуется большой недостатокъ въ благоустройствѣ, въ школахъ, больницахъ и т. п. Недостатокъ учебныхъ заведеній въ особенности даетъ чувствовать населенію; такъ, въ прошломъ году сотни дѣтей, за недостаткомъ мѣста, лишены были возможности поступить въ училища; съ увѣренностью можно сказать, что и нынѣшней осенью повторится то же самое. Нельзя, поэтому, не отмѣтить крайне отраднаго явленія: существованіе мужской воскресной школы и воскресныхъ чтеній. Въ нынѣшнемъ году ожидается открытіе женской воскресной школы,—въ добрый часъ! Дѣятельность воскресной школы заслуживаетъ вниманія, какъ учрежденія, явившагося благодаря исключительно только иниціативѣ и поддержкѣ небольшого кружка бакинской интеллигенціи, состоящей, главнымъ образомъ, изъ учителей и учительницъ, а также и тѣми результатами, которыми школа ежегодно заявляетъ свое существованіе. Изъ 400 почти человѣкъ, посѣщающихъ школу, 30% туземцы, не умѣющіе или плохо говорящіе по русски; но несмотря на трудности преподаванія при разнообразномъ составѣ учащихся, черезъ два учебныхъ года ученики осваиваются съ русскимъ языкомъ и сносно пишутъ по-русски. Воскресныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ бываютъ въ залѣ городской думы и въ школѣ при заводѣ Нобеля, который на-ряду съ этимъ устроилъ въ школѣ воскресныя занятія по техническому черченію. Нечего говорить, что воскресныя школы и воскресныя чтенія переполнены слушателями, большинство которыхъ—рабочій людъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ первый разъ открываются при техническомъ училищѣ повторительные курсы для учениковъ, обучавшихся въ начальныхъ городскихъ школахъ, съ платою по одному рублю за ученика, который безплатно получаетъ тетради, перья, карандаши, чернила и т. п.; появленіе повторительныхъ курсовъ произошло опять-таки благодаря частной иниціативѣ лицъ, не обладающихъ большими средствами».

Какъ извѣстно, мѣстныя туземныя фирмы продаютъ свои источники иностранцамъ. Можно надѣяться, что болѣе правильное пониманіе своихъ интересовъ послѣдними подниметъ дѣло мѣстной культуры.

Невское Общество устройства народныхъ развлеченій. Намъ уже приходилось говорить объ этомъ симпатичнѣйшемъ обществѣ, поставившемъ цѣлью давать рабочему люду культурныя развлеченія. Въ «Міровыхъ Отголоскахъ» помѣщена интересная исторія возникновенія и дѣятельности этого Общества.

До открытія народныхъ гуляній въ селѣ Александровскомъ, около тринадцати лѣтъ тому назадъ, десятки тысячъ рабочаго населенія, живущаго за Невскою заставой, не имѣли никакихъ разумныхъ развлеченій. Когда наступалъ праздникъ, весь этотъ рабочій людъ, принужденный цѣлые дни проводить въ душномъ, спертомъ воздухѣ фабрикъ и заводовъ, а ночи въ тѣсныхъ и грязныхъ квартирахъ, высыпалъ на улицу, толкался по трактирамъ и кабакамъ и тамъ, подъ

оглушительный шумъ органа, короталъ свой отдыхъ. Въ это же самое время фабричная и заводская молодежь собиралась на валу, въ полѣ, устраивала тамъ кулачные бои, игры въ орлянку и карты; все это почти всегда кончалось ссорами и дракой, и мѣстной полиціи постоянно приходилось бороться съ этими безобразіями.

Такъ продолжалось до апрѣля мѣсяца 1885 года, когда, по предложенію члена Фарфоровскаго попечительства М. С. Агафонова и благодаря энергичному содѣйствію и горячему сочувствію В. П. Варгунина, образовался изъ фабрикантовъ и мѣстныхъ обывателей кружокъ лицъ, задумавшихъ устроить въ праздничные дни народныя гулянья для рабочихъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ В. П. Варгунинъ и кружокъ дѣятельно взялся за работу. Собравъ по подпискѣ около полуторы тысячи рублей, кружокъ приступилъ къ открытію въ селѣ Александровскомъ, пока только въ видѣ опыта, народныхъ гуляній. Огородивъ заборомъ пустопорожнюю землю, уступленную безплатно Обществомъ Невской пригородной конно-желѣзной дороги во временное пользованіе, кружокъ выстроилъ павильонъ для музыкантовъ, гигантскіе шаги, качели, вертящееся бревно, мачту, прыгунъ и поставилъ нѣсколько столовъ и скамеекъ.

Первое народное гулянье за Невской заставой открылось 2 мая 1885 года и было встрѣчено мѣстнымъ рабочимъ людомъ весьма сочувственно.

Съ теченіемъ времени успѣхъ этихъ гуляній возросталъ все болѣе и болѣе. Тысячныя толпы народа стали стекаться сюда каждое воскресенье, и кабаки и трактиры опустѣли почти на половину. Въ началѣ іюля мѣсяца того же года была окончена постройкой эстрада для представленій и приглашенъ артистъ Коровинъ для устройства развлеченій. На эстрадѣ появились клоуны, гимнасты, разсказчики и куплетисты, начали ставиться забавныя пантомимы и небольшія комедіи въ одномъ дѣйствіи. Отсутствіе продажи крѣпкихъ напитковъ въ буфетѣ дѣлало эти гулянья вполнѣ благопристойными. Ни скандаловъ, ни дракъ, ни ругани не замѣчалось. Рабочіе приходили на гулянья съ женами и дѣтьми и располагались въ саду по семейному. Послушавъ музыку, насмѣявшись на выходки клоуновъ, посмотрѣвъ комедію и попивъ чаю, они уходили домой, вполнѣ довольные проведеннымъ временемъ.

Общество сочувственно отнеслось къ дѣлу устройства народныхъ гуляній и въ кассу кружка начали поступать пожертвованія, что, вмѣстѣ съ доходомъ отъ гуляній, дало возможность кружку и въ слѣдующемъ году успѣшно продолжать начатое дѣло. Выдающимся событіемъ этого года слѣдуетъ признать постановку на сценѣ двухъ замѣчательныхъ русскихъ драматическихъ произведеній: «Бѣдность не порокъ», комедія въ 3 дѣйств. А. Н. Островскаго, и «Первый винокуръ», ком. въ 6 дѣйств. Л. Н. Толстого. Обѣ пьесы прошли съ громаднымъ успѣхомъ нѣсколько разъ и средства кружка, благодаря этому, значительно возросли.

Все болѣе заботясь о расширеніи и улучшеніи дѣла народныхъ гуляній, кружокъ пріискалъ въ центральной мѣстности, близъ фабрикъ и заводовъ, обширный, прекрасный паркъ, принадлежащій товариществу Калинкинскаго пивовареннаго завода, расположенный по Шлиссельбургскому шоссе, рядомъ съ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ, арендовалъ его у товарищества и лѣтомъ 1888 года открылъ тамъ народныя гулянья.

Такъ, понемногу, крѣпло и развивалось это живое дѣло, съ каждымъ годомъ совершенствуясь все болѣе и болѣе. Въ 1888 году скончался пред-

сѣдатель кружка В. П. Варгунинъ, энергичный и сердечный человѣкъ, бывшій душою дѣла. Это было тяжелой утратой, но кружокъ уже сплотился, дѣло стало на твердую почву, выйдя изъ того критическаго періода опытовъ и вообще неустойчивости, который неизбѣжно приходится вначалѣ переживать всякому новому дѣлу. Въ предсѣдатели былъ избранъ И. П. Варгунинъ и кружокъ съ новыми силами принялся за продолженіе своей дѣятельности.

Случайность наемнаго помѣщенія и неимѣніе устава побудило членовъ кружка позаботиться о прочной постановкѣ дѣла. Съ этою цѣлью кружокъ занялъ у 44 лицъ около 50.000 руб., пріобрѣлъ у товарищества въ собственность паркъ и 4 дома, выработалъ уставъ «Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій» и немедленно же началъ хлопотать объ утвержденіи его. Уставъ былъ утвержденъ 9 сентября 1891 года, а 15 ноября того же года все имущество кружка и его дѣла были переданы новому Обществу. Вновь возникшее Общество ставило себѣ цѣлью: «содѣйствовать доставленію мѣстному рабочему населенію нравственныхъ, трезвыхъ и дешевыхъ развлеченій, въ видѣ народныхъ гуляній, чтеній, концертовъ, спектаклей, танцовальныхъ вечеровъ, отнюдь не преслѣдуя цѣлей коммерческихъ и стремясь лишь къ удешевленію и наибольшей доступности устраиваемыхъ имъ развлеченій». Въ случаѣ закрытія Общества, за погашеніемъ всѣхъ его долговъ, капиталы и имущество его переходятъ въ мѣстныя благотворительныя учрежденія.

Съ этого времени начинается періодъ полнаго расцвѣта дѣятельности этого симпатичнаго учрежденія. Кромѣ лѣтнихъ народныхъ гуляній, въ теченіе всего зимняго сезона комитетомъ Общества устраиваются спектакли и концерты въ театральномъ зданіи, привлекающія тысячи зрителей; по почину же комитета и съ разрѣшенія г. градоначальника открываются двѣ народныя читальни и даже возникаетъ, въ отдаленной части парка, спеціальный дѣтскій отдѣлъ для дѣтей мѣстнаго фабричнаго и заводскаго населенія, съ гигантскими шагами, качелями, массой разнообразныхъ дѣтскихъ игръ и особой сценой «Дѣтская утѣха», на которой устраиваются доступныя дѣтскому пониманію развлеченія.

Въ то же время отвѣтственнымъ режиссеромъ гуляній былъ приглашенъ извѣстный драматургъ Е. П. Карповъ, нынѣшній режиссеръ Императорскаго Александринскаго театра.

Но несмотря на эти отличные результаты, достигнутые въ такой, сравнительно, короткій срокъ, Общество въ ближайшемъ будущемъ приступаетъ къ новымъ обширнымъ задачамъ, а именно: къ постройкѣ постояннаго зимняго театра для народныхъ спектаклей и дома для квартиръ рабочихъ. Какъ ни велики предстоящіе на все это расходы, но Общество надѣется, что и эти задачи будутъ выполнены успѣшно и оправдаются на дѣлѣ, будучи и на этотъ разъ поддержаны рабочимъ людомъ, заявившимъ себя во всѣхъ начинаніяхъ Общества душевно чуткимъ и отзывчивымъ на все доброе и свѣтлое, и твердо вѣря, что труды его не пропадутъ даромъ и что та живая, нравственная связь, которая впродолженіи двѣнадцати лѣтъ установилась между Обществомъ и фабричнымъ населеніемъ, будетъ все болѣе и болѣе крѣпнуть и расти на благо общаго хорошаго дѣла.

Изъ воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ. Въ газетѣ «Сибирь» помѣщена замѣтка г. Яковлева о жизни Достоевскаго въ г. Семипалатинскѣ, куда, по отбытіи каторжныхъ работъ, онъ прибылъ въ 1854 году и былъ

зачисленъ рядовымъ въ 7-й западно-сибирскій линейный баталіонъ, расположенный въ Семипалатинскѣ. Достоевскій пробылъ здѣсь до 1859 г., когда ему было разрѣшено вернуться въ Россію.

«По опредѣленіи въ баталіонъ Достоевскій жилъ первое время въ казармѣ, вмѣстѣ съ солдатами. По словамъ Н. Ѳ. Каца, отбывавшаго службу въ одной ротѣ съ Достоевскимъ, послѣдній держалъ себя очень осторожно и къ службѣ относился съ педантической аккуратностью, стараясь, повидимому, больше всего избѣгать всякихъ непріятностей. Ни о дѣлѣ, за которое попалъ въ Сибирь, ни о своей жизни вообще Достоевскій никому въ казармѣ не разсказывалъ; къ сослуживцамъ относился мягко и былъ всегда готовъ, чѣмъ возможно, помочь. Приблизительно черезъ годъ Достоевскаго произвели въ унтеръ-офицеры и отношеніе къ нему военнаго начальства значительно измѣнилось: ему было разрѣшено жить на частной квартирѣ, и онъ былъ почти освобожденъ отъ всякой службы. Когда онъ нуженъ былъ за чѣмъ-либо въ казармы, за нимъ посылался вѣстовой. Посыльнымъ Достоевскій всегда давалъ деньги, такъ что солдаты очень любили за нимъ ходить.

Когда Достоевскому было разрѣшено оставить казармы, въ точности я не могъ узнать. Первой квартирой его былъ домъ Пальшиныхъ (теперь уже не существуетъ), у которыхъ онъ снималъ двѣ небольшихъ комнаты, съ обѣдомъ и пр. Дальнѣйшее изложеніе основано на разсказѣ П. Л. Пальшина, которому тогда было 14—15 лѣтъ. Къ своимъ хозяевамъ Достоевскій относился просто, безъ всякихъ претензій и иногда любилъ съ ними поговорить. На службу ходилъ рѣдко, очень много работалъ: читалъ и писалъ. На квартирѣ у Достоевскаго мало кто бывалъ; самъ же онъ чаще всего ходилъ къ казачьему офицеру Каментовскому, баталіонному командиру Бѣлихову, горному ревизору Ковригину и смотрителю провіантскаго магазина Ордынскому (никого изъ нихъ въ живыхъ нѣтъ). Особенно тѣсныя отношенія были у него съ послѣднимъ: на квартирѣ у Ордынскаго Достоевскій иногда проводилъ цѣлые дни за своей работой. О жизни Достоевскаго отъ Пальшиныхъ полиція никакихъ свѣдѣній не отбирала. Припадки падучей болѣзни бывали у Достоевскаго часто, особенно по ночамъ, но продолжались не долго. Къ разсказчику П. Л. Пальшину (сынъ хозяина дома), которому, какъ я сказалъ выше, было тогда 14—15 лѣтъ, Достоевскій относился всегда сердечно. Замѣтивъ, что мальчикъ недурно рисуетъ, онъ предлагалъ устроить его, при помощи брата, въ Петербургѣ, но отецъ П. Л. Пальшина не согласился на это. Въ деньгахъ Достоевскій не нуждался, получая ежемѣсячно по 50 руб. отъ брата.

У себя на квартирѣ Достоевскій не держался такъ сдержанно, какъ въ казармѣ, и охотно разсказывалъ о своей прежней жизни. Особенно врѣзался въ память П. Л. Пальшину разсказъ Достоевскаго о томъ, какъ его съ товарищами вели на казнь. Это былъ ужасный разсказъ и, оканчивая его, Достоевскій добавилъ, что онъ никому не повѣритъ, будто можно идти на казнь съ болѣе или менѣе спокойнымъ духомъ; самъ онъ въ тѣ страшные часы ничего, какъ слѣдуетъ, не сознавалъ и очнулся лишь, когда имъ объявили помилованіе. По словамъ П. Л. Пальшина, Достоевскій показалъ ему однажды хранившійся у него въ сундукѣ бѣлый саванъ, въ которомъ онъ стоялъ на эшафотѣ... На свою тяжелую судьбу Достоевскій никогда не жаловался и часто говорилъ, что Сибири ему, все равно бы, рано или поздно, не миновать... Съ гораздо большей горечью и даже гнѣвомъ разсказывалъ Достоевскій, какъ

онъ, будучи уже солдатомъ, получилъ ударъ по головѣ («подзатыльникъ»...) отъ фельдфебеля за то, что не тотчасъ же исполнилъ какое-то его приказаніе. Говоря про этотъ случай, Достоевскій всегда ужасно волновался...

Живя въ Семипалатинскѣ, Достоевскій женился на вдовѣ таможеннаго чиновника Исаевой. Занимали они небольшую квартиру въ домѣ почтальона Липухина. Домъ этотъ существуетъ и теперь. Самъ Липухинъ давно умеръ, вдова же его, теперь очень пожилая женщина, на мою просьбу разсказать, что помнитъ о жизни у нихъ Достоевскаго, вся встрепенулась и, назвавъ его по имени и отчеству, съ видимымъ удовольствіемъ стала говорить, кто изъ Достоевскихъ занималъ какую комнату, какая у нихъ была обстановка и проч. Вообще, меня поразила та особенная мягкость, съ которой мнѣ всѣ разсказывали о Достоевскомъ: такъ можно вспоминать только объ очень хорошемъ человѣкѣ... Жили Достоевскіе очень скромно; самъ онъ много работалъ и все больше по ночамъ.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать о Достоевскомъ въ Семипалатинскѣ. На вопросъ мой, отличался ли Достоевскій особенной религіозностью, не говорилъ ли о Евангеліи и проч.,—рѣшительно всѣ отвѣчали отрицательно. Чтобы судить, сколько мелкихъ, но жестокихъ уколовъ приходилось испытывать самолюбію Достоевскаго, разскажу переданный мнѣ анекдотъ. Достоевскій былъ у кого-то на «вечерѣ» и вышелъ зачѣмъ-то въ прихожую, гдѣ въ ту минуту раздѣвался только-что пришедшій офицеръ. Бравый воинъ, увидя солдата, тотчасъ же подставилъ ему свою спину. Достоевскій, не говоря ни слова, снялъ съ него шинель, а потомъ съ тѣмъ же офицеромъ вошелъ въ гостиную.

Въ Семипалатинскѣ же живетъ теперь отставной чиновникъ Н. Е. Гладышевъ, служившій въ 50-хъ годахъ фельдшеромъ въ Омскомъ военномъ госпиталѣ, который Достоевскій описалъ въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома». Достоевскій часто бывалъ, какъ и другіе политическіе каторжные, въ этомъ госпиталѣ, не столько по болѣзни (послѣ припадковъ), какъ затѣмъ, чтобы отдохнуть отъ порядковъ каторжной жизни. По словамъ Гладышева, Достоевскій всегда оказывалъ ему большую помощь, ухаживая за приводимыми въ госпиталь послѣ экзекуцій солдатами и арестантами. Онъ обмывалъ и перевязывалъ имъ раны и проч. Никто въ госпиталѣ не относился такъ мягко и нѣжно къ наказаннымъ, какъ Достоевскій...»

За границей.

Англійскія женщины въ царствованіе королевы Викторіи. Шестьдесятъ лѣтъ царствованія королевы Викторіи ознаменовались для Англіи широкимъ прогрессомъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ области промышленности, колонизаціонной политики, народнаго образованія Англія сдѣлала громадные успѣхи, но самый замѣтный прогрессъ достигнутъ Англіей въ области женскаго движенія и притомъ въ сравнительно очень короткое время. Съ именемъ королевы Викторіи связано много реформъ въ англійскомъ законодательствѣ, подвинувшихъ значительно впередъ дѣло эмансипаціи женщинъ. Великая заслуга престарѣлой англійской монархини заключается именно въ томъ, что она никогда не тормозила ходъ общественнаго прогресса. Строго придерживаясь не только духа, но даже

буквы англійской конституціи, по которой королева только «царствуетъ, но не управляетъ», королева никогда не позволяла себѣ вмѣшиваться въ государственныя дѣла и никогда не употребляла своего личнаго вліянія на то, чтобъ помѣшать какимъ-нибудь прогрессивнымъ мѣропріятіямъ и благодаря именно этому невмѣшательству общественная жизнь всегда била широкою струей въ Англіи и общество развивалось быстрѣе и равномѣрнѣе во всѣхъ направленіяхъ. Англійское общество сознаетъ вполнѣ, чѣмъ оно обязано своей королевѣ, и это сказывается во всѣхъ похвалахъ, расточаемыхъ по ея адресу.

Англійскія женщины въ особенности обязаны ей многимъ. Она не препятствовала свободному развитію женскаго движенія, и какъ только убѣждалась, что въ обществѣ существуетъ серьезное стремленіе расширить права женщинъ, то не только не мѣшала женщинамъ добиваться правъ, но во многихъ отношеніяхъ даже содѣйствовала скорѣйшему разрѣшенію женскаго вопроса, всегда относясь сочувственно ко всѣмъ законопроектамъ, касающимся женщинъ. Въ 1859 году подъ покровительствомъ королевы въ Лондонѣ было основано общество, поставившее себѣ цѣлью расширить сферу дѣятельности женщинъ. Благодаря вліянію этого общества, женщинамъ открылся доступъ ко всѣмъ профессіямъ. Область женскаго труда расширилась въ царствованіе королевы Викторіи до громадныхъ размѣровъ. Доказательствомъ могутъ служить слѣдующія статистическія данныя: въ 1841 г. число женщинъ, занимающихся разными профессіями было—774.588, въ 1891—1.386.167! На 16.543.233 рабочихъ въ Англіи приходится въ настоящее время 5.081.493 женщины и на многихъ фабрикахъ четыре пятыхъ всего служащаго персонала составляютъ женщины. Въ настоящее время 349 отраслей промышленности открыты для женщинъ.

Когда, въ 1892 году, англійское правительство учредило королевскую коммиссію труда, то членами ея, между прочимъ, были назначены четыре женщины: миссъ Ормъ, миссъ Коллешъ, миссъ Абрагамъ и миссъ Ирвинъ. Нѣсколько позднѣе четыре женщины были назначены фабричными инспекторами.

Въ области педагогики женщины занимаютъ преобладающее мѣсто. На 195.021 члена англійскаго учебнаго персонала приходится 50.628 женщинъ. Въ коммиссіи по преобразованію второразрядныхъ школъ въ настоящее время также засѣдаютъ женщины.

Университетское образованіе всюду доступно женщинамъ, которыя могутъ получать ученыя степени въ лондонскомъ, дублинскомъ, эдинбургскомъ и др. университетахъ. Кэмбриджскій университетъ также допускаетъ женщинъ къ слушанію лекцій и выдаетъ имъ свидѣтельства, но не «ученыя степени». Дочь Гладстона имѣетъ такое свидѣтельство. Такъ же поступаетъ и оксфордскій университетъ.

Медицинская карьера теперь широко открыта для женщинъ, но въ началѣ имъ пришлось-таки преодолѣть много препятствій. Въ 1865 году миссъ Елизабетъ Гарретъ (теперь миссисъ Гарретъ Андерсонъ) первая получила дипломъ доктора медицины. Въ 1874 году она основала женскую медицинскую школу въ Лондонѣ, а затѣмъ, въ 1876 году парламентскимъ актомъ (Medical Qualification Act) было даровано женщинамъ право получать степень доктора медицины: Однако, не смотря на это право, знаменитая британская медицинская ассоціація (British Medical Association) до 1892 года не признавала женскихъ дипломовъ и не принимала женщинъ въ число своихъ членовъ. Въ настоящее

время 273 англичанки занимаются медицинскою профессіею въ Англіи, изъ нихъ 68 находятся въ Лондонѣ, 83—въ провинціи, 39—въ Шотландіи, 12—въ Ирландіи, 56—въ Индіи и 15—въ Китаѣ, Кореѣ и др. мѣстахъ.

Администрація почтъ и телеграфовъ, безъ сомнѣнія, лучше организованная, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, имѣетъ 140.806 служащихъ, изъ нихъ 28.164 женщины. Въ почтовомъ вѣдомствѣ служатъ, кромѣ того, женщины и въ качествѣ врачей, одна въ Лондонѣ и двѣ въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ.

Въ области гражданскаго права царствованіе королевы Викторіи ознаменовалось многими реформами, совершенно измѣнившими юридическія отношенія супруговъ. Разводъ сдѣлался болѣе легкимъ и, кромѣ того, парламентскимъ актомъ 1878 года женщина была ограждена отъ произвола мужчины и собственность жены освобождалась отъ контроля мужа. До 1883 года замужняя женщина не имѣла права распоряжаться ни своимъ заработкомъ, ни своими сбереженіями, но съ этого времени она уже сдѣлалась полноправною госпожею не только своего имущества, но и всѣхъ своихъ дѣйствій, замужняя женщина можетъ теперь заниматься какою угодно профессіей, не спрашивая на то разрѣшенія у своего мужа; можетъ заключать договоры и условія, не прибѣгая къ вмѣшательству мужа.

Такое расширеніе правъ женщинъ противорѣчило принципамъ англосаксонскаго права и повлекло за собою настоящій переворотъ въ англійской жизни и законодательствѣ. Съ 1882 г. замужество не влечетъ за собою уже никакой потери правъ и англичанка совершенно избавлена отъ опеки мужа, такъ какъ бракъ нисколько не измѣняетъ ея юридическаго положенія. Точно также парламентъ вотировалъ законъ, расширяющій права матери и сравнивающій ея права съ правами отца семейства. Очень важное значеніе имѣетъ также законъ, оказывающій покровительство женщинѣ-матери незаконнаго ребенка и предоставляющій ей право въ теченіе года со времени рожденія ребенка привлечь къ отвѣтственности отца этого ребенка, если только онъ бросилъ ее на произволъ судьбы.

Благодаря такому непрерывному прогрессивному развитію англійскаго законодательства, касающагося женщинъ, женскій вопросъ подвинулся въ Англіи быстрыми шагами впередъ и англійскія женщины раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, стали добиваться полнаго политическаго равноправія и дѣйствительно многаго достигла въ этомъ отношеніи.

Въ 1850 году, въ первый разъ въ Соединенныхъ Штатахъ, сначала въ Огіо, а потомъ въ Массачусетѣ, состоялись публичныя собранія женщинъ, на которыхъ была вотирована резолюція въ пользу равноправнаго участія женщинъ въ составленіи и приведеніи въ исполненіе законовъ. По поводу этого конгреса знаменитый философъ и экономистъ Джонъ Стюартъ Милль напечаталъ въ «Westminster Review» статью, въ которой открыто и рѣшительно высказался въ пользу равноправія половъ. Въ 1865 году Милль вступилъ въ парламентъ и тотчасъ же былъ учрежденъ временный комитетъ съ цѣлью организаціи петиціи въ пользу избирательныхъ правъ женщинъ. Подъ этой петиціей собрано было 1.499 подписей и Милль внесъ ее въ парламентъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, она была отвергнута большинствомъ 202 голосовъ противъ 81. Однако англійскія женщины не были обезкуражены этимъ неуспѣхомъ и въ 1867 году онѣ основали первую ассоціацію въ пользу избирательныхъ

правъ женщинъ (National Society for Women's Suffrage). Вслѣдъ за этимъ Обществомъ образовалось еще нѣсколько союзовъ съ такими же цѣлями, и ежегодно, начиная съ 1867 года, въ парламентъ вносилось предложеніе о дарованіи политическихъ правъ женщинамъ. Послѣ тридцатилѣтней упорной борьбы въ парламентѣ образовалось наконецъ большинство, поддерживающее женскія притязанія, и во главѣ этого большинство стали такіе вліятельные люди, какъ Салисбюри, Бальфуръ и мн. другіе изъ парламентской знати. Наконецъ, въ этомъ году билль въ пользу политическаго равноправія женщинъ прошелъ большинствомъ 228 голосовъ противъ 157. Большинство это распредѣлилось слѣдующимъ образомъ: 117 консерваторовъ, 70 либераловъ, 25 либералъ-уніонистовъ, 16 ирландскихъ націоналистовъ. Меньшинство состояло изъ 91 консерватора, 36 либераловъ, 20 уніонистовъ, 10 ирландскихъ націоналистовъ. Изъ этого видно все-таки, что рѣшительно въ каждой парламентской партіи есть въ настоящее время приверженцы женскаго равноправія. Такіе результаты достигнуты англійскими женщинами, конечно, благодаря лишь тому, что онѣ энергично и съ упорствомъ отстаивали свои права въ теченіе долгаго времени. Какъ постепенно развивалось движеніе видно изъ того, что въ 1867 году подъ первою женскою петиціей было 1.499 подписей; подъ второю петиціей въ 1873 году было уже 11.000 подписей; подъ третьей же, въ 1896 г.— 257.000. Англійскія женщины въ этой борьбѣ за свои права обнаружили большое искусство. «Желая достигнуть своей высшей цѣли—политическихъ правъ, женщины вовсе не придерживались принципа: все или ничего». Онѣ шагъ за шагомъ занимали различныя второстепенныя позиціи вокругъ Вестминстерскаго дворца, составляющаго предметъ всѣхъ ихъ стремленій. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ тридцатилѣтній періодъ времени женщины добились многихъ политическихъ правъ и участія въ муниципальныхъ и другихъ выборахъ.

Въ англійскихъ колоніяхъ дѣло пошло еще быстрѣе. Маленькій островъ Мэнъ, имѣющій независимое правительство еще со временъ викинговъ, первый призналъ за женщинами право голоса на выборахъ въ мѣстный парламентъ (House of Keys). Соотвѣтствующій законопроектъ былъ вотированъ парламентомъ Мэна въ 1880 году.

За Мэномъ послѣдовала Новая Зеландія, признавшая политическое равноправіе женщинъ въ 1893 году. Въ настоящее время 109.460 женщинъ занесены въ парламентскіе либирательные списки Новой Зеландіи. Южная Австралія пошла еще дальше и не только даровала право голоса женщинамъ, но и признала за ними право засѣдать въ обѣихъ палатахъ. Королева Викторія не выказала ни малѣйшаго колебанія санкціонировать этотъ актъ австралійскаго парламента, радикально измѣняющій положеніе женщины. Вѣрная своему принципу, королева и тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, не препятствовала парламенту, являющемуся выразителемъ воли народа, привести въ исполненіе то, что онъ признавалъ полезнымъ и справедливымъ. Но надо отдать также справедливость англосаксонскимъ женщинамъ, что онѣ «умѣютъ хотѣть». У нихъ не меньше, чѣмъ у англосаксонскихъ мужчинъ, развитъ культъ свободы, любовь къ независимости и индивидуальная иниціатива. Кромѣ того, онѣ обладаютъ въ высокой степени корпоративнымъ духомъ, и въ царствованіе королевы Викторіи это выразилось въ устройствѣ цѣлой массы женскихъ клубовъ, союзовъ, кооперативныхъ обществъ, ассоціацій и т. п., преслѣдующихъ самыя разнообразныя цѣли. Двѣ изъ этихъ ассоціацій, консервативная «Primrose Li-

gue» и либеральный союзъ представляютъ политическія общества, пользующіяся огромнымъ вліяніемъ въ странѣ. Изъ обществъ же взаимопомощи наиболѣе вліятельное—«Girls Friendly Society», имѣющее 228.593 члена въ различныхъ классахъ общества.

Странствующіе германскіе студенты XVI вѣка. До XIV вѣка въ Германіи не было университетовъ. Вѣнскій и гейдельбергскій университеты были основаны только въ 1356 и 1386 гг. Въ XVI вѣкѣ въ Германіи были основаны девять высшихъ школъ, но исключительно духовныхъ, и шесть изъ нихъ существуютъ по сіе время.

Въ германскихъ университетахъ были двѣ категоріи студентовъ; одни были занесены въ университетскіе списки, слушали лекціи и получали ученыя степени, другіе же постоянно переходили изъ одной высшей школы въ другую и были, такъ сказать, бродячими студентами, часто побирались милостыней и порою даже злоупотребляли довѣріемъ, прибѣгая къ разнымъ ухищреніямъ, и иной разъ даже къ обману, чтобы снискать себѣ пропитаніе. Вообще, это были настоящіе средневѣковые странствующіе рыцари, исполнявшіе всякаго рода обязанности. Всегда веселые, они вели самое беззаботное существованіе, несмотря на то, что часто не знали даже, гдѣ имъ придется приклонить голову. Странствовали они всегда группами, составлявшими то, что теперь называется корпораціями. Впереди шли молодые, недавно зачисленные въ странствующую корпорацію. Они были настоящими слугами болѣе старыхъ опытныхъ студентовъ, и въ этомъ отношеніи мы находимъ любопытные остатки этихъ средневѣковыхъ нравовъ въ существующихъ и понынѣ корпораціяхъ германскихъ студентовъ. И теперь, какъ и въ тѣ времена, молодой, только что поступившій студентъ, находится подъ начальствомъ старыхъ, болѣе опытныхъ, давно уже находящихся въ университетѣ. Но въ средніе вѣка разница между вновь поступившимъ изъ латинской школы въ университетъ мальчикомъ 14—15 лѣтъ и старымъ студентомъ, пробывшимъ много лѣтъ въ университетѣ и много постранствовавшимъ по большимъ дорогамъ, была еще гораздо болѣе ощутительна. Такой юный школьникъ назывался «beanus», и прежде чѣмъ вступить въ университетъ, долженъ былъ подвергнуться особаго рода спеціальной церемоніи, которая называлась «depositio». Самый старшій студентъ, носившій титулъ «depositor», предсѣдательствовалъ на этой церемоніи, за что «beanus» долженъ былъ уплатить ему серебряную монету. Церемонія заключалась въ слѣдующемъ: вновь поступающіе студенты наряжались въ самые нелѣпые костюмы и лица имъ замазывали саксой. Въ такомъ видѣ они должны были предстать передъ лицомъ depositor'a, также наряженнаго въ спеціальный костюмъ и окруженнаго доспѣхами: топоромъ, бритвой, пилой и т. п. огромнаго размѣра, но сдѣланными изъ дерева. Depositor произносилъ торжественную рѣчь и затѣмъ поступающимъ задавались всевозможные и притомъ самые нелѣпые вопросы и задачи, и если они плохо отвѣчали, то получали удары, наносимые имъ длинными сосисками, наполненными пескомъ или древесными опилками. Затѣмъ вновь поступающіе ложились въ кругъ навзничь, чтобъ доказать, что сознаютъ «свое униженіе и свою неспособность» и тогда ихъ, поочередно, «обработывали» топоромъ, пилой и т. д., чтобы «отшлифовать ихъ и уничтожить всѣ недостатки ихъ души и тѣла». Затѣмъ имъ вычищали уши огромною деревянною ложкою, чтобы «сдѣлать ихъ слухъ воспріимчивымъ къ поученіямъ

добродѣтели и мудрости и чтобы дурные совѣты и вредныя рѣчи не проникали въ ихъ уши». Такой же символической чисткѣ подвергались ихъ руки, ноги, глаза, зубы и т. д. Затѣмъ, деревянной бритвой имъ сбривали нарисованную бороду, чтобы они «повиновались старшимъ бородатымъ студентамъ и давали бы собою руководить». По окончаніи этой символической церемоніи «beanus» считался принятымъ, т.-е. становился «академическимъ гражданиномъ», подчиняющимся спеціальной юрисдикціи. Званіе студента въ тѣ времена совмѣщало въ себѣ извѣстныя преимущества, весьма цѣнныя въ ту эпоху. Студенты, не платили никакихъ налоговъ, могли носить оружіе и пользовались извѣстною независимостью. Замѣчательно, что средневѣковое законодательство, столь суровое во всѣхъ отношеніяхъ, къ студентамъ относится болѣе мягко и въ одномъ договорѣ 1625 года даже говорится, что «надо признавать себя многимъ обязанными тѣмъ, кто для занятія наукой покидаетъ родину, семью, отказывается отъ удобствъ домашняго очага и переноситъ дурное обращеніе, униженія и удары отъ своихъ учителей».

Странствующіе студенты составляютъ, впрочемъ, особенность, присущую только Германіи. Молодежь, которая вела такой бродячій образъ жизни, побуждалась къ этому зачастую желаніемъ оторваться отъ дѣйствительной жизни, уйти изъ обстановки, возбуждавшей въ ней отвращеніе. Кромѣ того, независимое существованіе, разныя приключенія и случайности, которыми такъ богата всегда бродячая жизнь, увлекали молодежь и заставляли ее покидать стѣны университета и вести жизнь веселыхъ, безпечныхъ бродягъ. Но воспитаніе, получаемое ими на большихъ дорогахъ, хотя и имѣло много темныхъ сторонъ, все-таки часто приносило имъ большую пользу, вырабатывая изъ нихъ самостоятельныхъ, независимыхъ, крѣпкихъ и здоровыхъ молодцовъ. Даже умъ ихъ лучше развивался порою подъ вліяніемъ наблюденій и столкновеній съ разнаго рода людьми и фактами. Правда, многіе изъ нихъ пропадали совершенно, спивались съ круга, такъ какъ веселыя попойки составляли одну изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей такой бродячей жизни, или превращались въ настоящихъ «рыцарей большихъ дорогъ», но изъ многихъ все-таки выходили такіе люди, имя которыхъ впослѣдствіи съ гордостью произносилось ихъ потомками. Во всякомъ случаѣ подъ своею грубою внѣшностью у этихъ бродягъ-студентовъ, часто оказывалась душа, полная молодого энтузіазма и способная увлекаться высокими идеями и служить имъ защитой. Стоитъ только вспомнить, что эти самые бродячіе студенты, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, провожали Лютера, служа для него охраной, когда онъ отправлялся на диспутъ въ Лейпцигъ. Въ Эрфуртѣ они почетныхъ лицъ церкви и многіе изъ нихъ ставили себѣ идеаломъ древнихъ римскихъ и аѳинскихъ гражданъ и подготовляли будущую интеллектуальную славу современной Германіи.

Образъ жизни президента Соединенныхъ Штатовъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ состоялось торжественное вступленіе новаго президента Макъ-Кинлея въ Бѣлый домъ и по этому случаю во всѣхъ городахъ сѣверо-американскаго союза произошли празднества, болѣе или менѣе блестящія и великолѣпныя, смотря по значенію города. Теперь уже давно шумъ этихъ ликованій смолкъ и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду недавно совершившейся перемѣны въ Соединенныхъ Штатахъ и водворенія новаго президента, небезъинтересно познакомиться

съ порядками, существующими въ Бѣломъ домѣ, и образомъ жизни президента. Бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ Гаррисонъ весьма кстати напечаталъ по этому поводу статью въ «Ladies Home Journal», изъ которой «Revue des Revues» заимствуетъ свой разсказъ о томъ, какъ проводитъ день президентъ Соединенныхъ Штатовъ.

Каждое утро президентъ торопится пересмотрѣть почту до прихода посѣтителей, но это ему не всегда удается, такъ какъ уже съ ранняго утра въ капитоліи начинаются засѣданія сенаторовъ и депутатовъ, участвующихъ въ различныхъ коммиссіяхъ. Большой столъ, за которымъ сидитъ президентъ, имѣетъ слѣдующую надпись: «Корабль ея величества «Resolute», участвовавшій въ экспедиціи, отправленной на поиски за сэромъ Джономъ Франклиномъ въ 1852 году, былъ покинутъ 15-го мая 1854 г. подъ 71°41′ сѣверной широты и 101°22′ западной долготы. Онъ былъ найденъ въ сентябрѣ 1855 года капитаномъ американскаго китоловнаго судна «Georges Henry» Бедингтономъ. Корабль былъ выкупленъ, исправленъ и отправленъ въ Англію въ качествѣ подарка ея величеству королевѣ Викторіи отъ президента и населенія Соединенныхъ Штатовъ, въ знакъ добраго расположенія и дружбы. Этотъ столъ сдѣланъ изъ досокъ того корабля и подаренъ королевою Великобританіи и Ирландіи президенту Соединенныхъ Штатовъ, какъ доказательство ея расположенія и благодарности за тѣ добрыя чувства, которыя побудили Сединенные Штаты подарить ей «Resolute».

За этимъ столомъ президентъ просматриваетъ почту, которая, особенно въ первые дни его вступленія въ должность, бываетъ очень велика; иногда получается сразу не менѣе 800 пакетовъ. Разумѣется, президентъ не можетъ прочесть всѣхъ этихъ писемъ и для этого у него есть довѣренный чиновникъ, отдѣляющій письма, имѣющія исключительно личный или конфиденціальный характеръ отъ дѣловыхъ, которыя передаются въ соотвѣтствующія вѣдомства. Новаго президента, вступающаго въ должность, конечно, заваливаютъ всякаго рода просьбами, заявленіями, жалобами и т. п., попадаются даже такія, которыя содержатъ дерзости и угрозы. Авторы всѣхъ этихъ посланій прибѣгаютъ къ различнымъ уловкамъ, чтобы только ихъ письма попали въ руки президента, а не секретаря и дѣлаютъ соотвѣтствующія надписи на конвертахъ, но опытный секретарь умѣетъ какимъ-то чутьемъ распознавать, какого рода посланіе заключается въ конвертѣ, и президентъ обыкновенно даже не знаетъ, какія угрозы и оскорбленія расточались по его адресу. Наибольшее число писемъ заключаетъ, конечно, различныя просьбы о мѣстѣ, пособіи и въ особенности автографовъ. Бываютъ дни, когда сумма просимыхъ пособій достигаетъ 8—10.000 долларовъ. Многія письма заключаютъ разнаго рода курьезные вопросы. Одинъ корреспондентъ, напримѣръ, желалъ бы знать, какая великая идея больше всего поглощаетъ мысли президента? Другой интересуется его литературными вкусами. Третій задаетъ ему вопросъ философскаго характера и т. д. Бѣдному президенту пришлось бы плохо, если бы онъ сталъ отвѣчать на всѣ эти вопросы!

Какъ титуловать президента? Этотъ вопросъ также занимаетъ многихъ, а на практикѣ разрѣшается самыми разнообразными способами. Бываютъ случаи, когда на конвертѣ стоитъ титулъ: «Его величеству президенту». Иногда президента называютъ: ваша свѣтлость, ваше превосходительство и т. д. Но въ дѣйствительности у президента нѣтъ никакого титула,

такъ какъ всякіе титулы уничтожены еще во времена Вашингтона. Президентъ, возвращаясь въ частную жизнь, не сохраняетъ своего званія и даже не называется «бывшимъ президентомъ», онъ опять дѣлается простымъ гражданиномъ, какъ всѣ прочіе. Однажды одна дама, встрѣтившись съ такимъ отставнымъ президентомъ, спросила его: «Вѣдь вы, кажется, президентъ Х.»—«Нѣтъ, сударыня,— отвѣчалъ тотъ, — я просто Х.».— «Never mind!—воскликнула дама.—Я все-таки рада пожать вашу руку, хотя вы и не президентъ болѣе».

Первое время по вступленіи въ должность, президента всего больше одолѣваютъ просители и затѣмъ разныя лица, которыя считаютъ долгомъ засвидѣтельствовать свое почтеніе новоизбранному президенту. Если ихъ собирается много, то они дефилируютъ передъ президентомъ и онъ каждому пожимаетъ руку, послѣ чего они удаляются вполнѣ удовлетворенные. Но случается, что нѣкоторые изъ нихъ и тутъ преслѣдуютъ бѣднаго президента неудобными вопросами, но такъ какъ обыкновенно всѣ при этомъ толпятся и спѣшатъ пожать руку президенту, то онъ можетъ сдѣлать видъ, что не слышитъ вопроса, на который находитъ неудобнымъ отвѣчать.

Американскіе президенты живутъ очень просто; въ Бѣломъ домѣ нѣтъ никакой военной стражи и совсѣмъ не видно солдатъ. Одинъ европейскій путешественникъ, привыкшій къ пышности и военному декоруму, который всегда окружаетъ дворецъ, гдѣ проживаетъ глава государства въ Европѣ, посѣтивъ Бѣлый домъ, съ удивленіемъ спросилъ: гдѣ же солдаты? Ему сказали, что ни часовыхъ, ни стражи въ Бѣломъ домѣ не существуетъ. Единственное исключеніе изъ этого правила представляетъ часовой, поставленный у колоннады дворца, котораго смѣняютъ черезъ каждые два часа. До войны за освобожденіе и этого часоваго не было у Бѣлаго дома, но во время войны сочли нужнымъ поставить его тутъ и такъ это и осталось съ тѣхъ поръ.

Разсказываютъ, что президентъ Линкольнъ, отправляясь однажды ночью въ военное министерство, чтобы узнать содержаніе послѣднихъ депешъ, полученныхъ съ театра военныхъ дѣйствій, замѣтилъ этого часоваго, котораго онъ раньше не видѣлъ. Было очень холодно и добрый президентъ пожалѣлъ бѣднягу-солдата, зябнувшаго въ легкой шинели на морозѣ.

— Вы навѣрное озябли, молодой человѣкъ, — замѣтилъ ему президентъ. — Ночь очень холодная. Войдите-ка во дворецъ и стойте тамъ на часахъ.

— Я долженъ стоять на часахъ возлѣ дома, — отвѣчалъ солдатъ. — Такъ стоитъ въ приказѣ.

— Возможно, — сказалъ президентъ,—но вѣдь вы можете такъ же хорошо выполнить свой долгъ службы, оставаясь внутри зданія, какъ и снаружи его, и, кромѣ того, вы меня очень обяжете, если войдете въ домъ.

— Я поставленъ здѣсь на часахъ,—возразилъ солдатъ и, не слушая больше президента, сталъ ходить взадъ и впередъ возлѣ входа.

— Когда такъ,—воскликнулъ президентъ,—то вѣдь я—главнокомандующій арміи и въ качествѣ такового приказываю вамъ войти въ домъ.

Солдатъ долженъ былъ повиноваться. Но хотя Линкольнъ и былъ врагомъ всякаго этикета, все-таки онъ не могъ съ нимъ бороться, и въ Бѣломъ домѣ, несмотря на демократическую простоту образа жизни президента, этикетъ даетъ-таки себя чувствовать, особенно на торжественныхъ дипломатическихъ обѣдахъ, когда вопросъ, гдѣ кому сидѣть, служитъ предметомъ долгихъ предварительныхъ совѣщаній и обсужденій.

Вступая въ капитолій, новоизбранный президентъ приноситъ установ-

ленную присягу, положивъ руку на Библію. Эта Библія затѣмъ остается собственностью президента и зачастую составляетъ единственное осязательное воспоминаніе, остающееся у него отъ пребыванія въ Бѣломъ домѣ.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ выборовъ старый президентъ еще остается на своемъ посту, такъ что въ Соединенныхъ Штатахъ находятся два президента—уходящій и вступающій. Передача власти совершается неизмѣнно четвертаго марта. Кабинетъ въ полномъ своемъ составѣ отправляется за новымъ президентомъ и приводитъ его во дворецъ, и затѣмъ оба президента отправляются въ капитолій. Они сидятъ вдвоемъ въ экипажѣ; уходящій президентъ сидитъ съ правой стороны, а вступающій—съ лѣвой; когда же возвращаются изъ капитолія, то мѣняются мѣстами. Во дворцѣ сервируется завтракъ, но его надо поглотить какъ можно скорѣе, такъ какъ тотчасъ же начинается дефилированіе, продолжающееся нѣсколько часовъ. Президентъ все это время стоитъ на балконѣ съ обнаженной головой, не взирая на погоду. Вечеромъ бываетъ традиціонный балъ, на которомъ, однако, и думать нельзя о танцахъ, вслѣдствіе страшной тѣсноты.

Изъ всѣхъ пріемовъ, бывающихъ въ Бѣломъ домѣ, самый торжественный это—пріемъ въ день Новаго года. Въ этотъ день президенту приходится пожать руку, по крайней мѣрѣ, шести тысячамъ человѣкъ. Но вообще президентскіе пріемы не отличаются особенною пышностью и въ этомъ отношеніи президентъ далеко не можетъ соперничать съ американскими богачами, поражающими великолѣпіемъ своихъ пріемовъ. Прибавимъ, что на каждаго приглашеннаго на оффиціальный банкетъ въ Бѣломъ домѣ полагается не болѣе двухъ долларовъ, что, разумѣется, очень немного, особенно, если сравнить съ этимъ тѣ расходы, которые дѣлаются на пріемы при европейскихъ дворахъ.

Арабская журналистика. Пятьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ, благодаря иниціативѣ хедива Магомета Али-паши, въ Каирѣ появилась первая арабская газета «Elwaka», что значитъ «Событіе». Она существуетъ и теперь и составляетъ нѣчто вродѣ правительственнаго вѣстника. Спустя четыре года въ Бейрутѣ стали издаваться двѣ арабскія газеты: «Hadicat» и «Aḥbar». Первая долгое время была оффиціальнымъ органомъ сирійскаго вилайета и выходила на французскомъ и арабскомъ языкахъ. Конечно, въ этихъ газетахъ нельзя было искать самыхъ свѣжихъ новостей и очень часто тамъ печатались телеграммы, полученныя въ Европѣ двѣ-три недѣли тому назадъ, но на Востокѣ за этимъ не гонятся и лихорадочное нетерпѣніе, съ которымъ въ Европѣ и въ Америкѣ ожидаютъ новыхъ извѣстій, совершенно незнакомо восточнымъ жителямъ.

Послѣ Сиріи послѣдовалъ Тунисъ, гдѣ теперь издаются двѣ арабскія газеты и одна изъ нихъ насчитываетъ 35 лѣтъ существованія.

Въ Константинополѣ арабскія газеты появились позднѣе. Одна изъ нихъ «Jamaḥ» пользовалась одно время большимъ вліяніемъ и послужила прототипомъ для всѣхъ политическихъ арабскихъ газетъ. Мало-по-малу, съ развитіемъ культуры въ Сиріи и въ Египтѣ стали возрастать интеллектуальныя потребности населенія и это тотчасъ же отразилось на журналистикѣ, которая начала развиваться довольно быстро. Число періодическихъ изданій, газетъ и журналовъ стало увеличиваться. Профессоръ Бутросъ Бостани основалъ въ Бейрутѣ научный и политическій журналъ «Lenau» и газету «Lenat». Эта газета въ 1870 году печатала во время франко-прусской войны самыя

*

свѣжія извѣстія и телеграммы съ театра военныхъ дѣйствій и такимъ образомъ заинтересовала читателей и пріучала ихъ искать въ газетѣ прежде всего политическихъ новостей и послѣднихъ извѣстій, газета эта получила такое распространеніе, что въ Ливанѣ ея именемъ стали называть всякій журналъ. Съ тѣхъ поръ число арабскихъ газетъ сильно возросло въ Сиріи, Египтѣ и во всѣхъ странахъ, гдѣ говорятъ по арабски, въ Марокко, Тунисѣ, Индіи и Малой Азіи. Кромѣ того, арабскія газеты издаются въ Нью-Іоркѣ и въ Бразиліи и во многихъ главныхъ городахъ Европы. Въ настоящее время эти газеты представляютъ орудіе политической пропаганды въ рукахъ младотурецкой партіи. Большая часть арабскихъ газетъ выходитъ въ Египтѣ, потому что свобода печати въ Египтѣ почти абсолютна. Благодаря этому обстоятельству, тамъ чуть не ежедневно возникаютъ новыя газеты, но существованіе ихъ большею частью бываетъ очень эфемерно. Въ одномъ только 1893 году сразу появилось 50 газетъ, но лишь немногія изъ нихъ дотянули до настоящаго времени. Такъ какъ газеты эти большею частью основывались ради какихъ-нибудь спеціальныхъ политическихъ цѣлей, то успѣхъ ихъ всегда находится въ зависимости отъ извѣстныхъ политическихъ условій и настроенія читающей публики.

Замѣчательно, что большинство арабскихъ газетъ, выходящихъ въ Египтѣ и пользующихся большимъ успѣхомъ, издается сирійцами, выходцами изъ Турціи. Эти сирійскіе журналисты употребляютъ всѣ усилія, чтобы поставить арабскую прессу въ уровень съ европейской. Большинство изъ нихъ уже пробовали свои силы въ турецкой журналистикѣ, но тамъ турецкое правительство воздвигало имъ препятствія на каждомъ шагу. Тяжелыя условія печати, существующія въ Турціи, не даютъ развиться журналистикѣ, какъ слѣдуетъ. Газеты терпятъ всевозможныя притѣсненія и откупаются только взятками. «Мы не могли бы существовать,—сказалъ одинъ изъ турецкихъ журналистовъ,—еслибъ турецкіе чиновники не брали взятокъ». Но однако даже такимъ путемъ журналистика въ Турціи достигаетъ очень немногаго и за малѣйшее неосторожное слово или намекъ, журналъ и газета немедленно пріостанавливаются, на какомъ бы языкѣ онѣ ни издавались. Этотъ дамокловъ мечъ вѣчно виситъ надъ каждымъ изданіемъ въ Турціи и не даетъ турецкой журналистикѣ дышать свободно. При такихъ условіяхъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что каждый болѣе или менѣе способный и предпріимчивый сирейскій журналистъ и писатель стремится перенести свою журнальную дѣятельность въ Египетъ, гдѣ никакія путы не стѣсняютъ его и не мѣшаютъ развернуться его силамъ. Зато Египетъ теперь по справедливости можно назвать колыбелью восточной, по преимуществу арабской печати, которая свила себѣ гнѣздо въ Каирѣ и Александріи и мало-по-малу подчиняетъ своему вліянію всѣ турецкія провинціи.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«North American Review».—«Revue des Revues».—«Fortnightly Review».—«Pearson's Magazine».

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ Америкѣ существуетъ 5.400.000 членовъ различныхъ такъ называемыхъ «тайныхъ» обществъ, процвѣтающихъ подъ сѣнью американскаго знамени. Не слѣдуетъ думать

однако, что эти тайныя общества преслѣдуютъ какія либо сокровенныя цѣли; они дѣйствуютъ совершенно открыто, не подрываются ни подъ какія учрежденія и «тайными» называются лишь потому, что члены ихъ связаны между собою торжественными клятвами. По словамъ «North American Review», изъ шести американскихъ гражданъ—одинъ непремѣнно состоитъ членомъ какого-нибудь подобнаго общества. Большинство ихъ недавняго происхожденія и преслѣдуетъ преимущественно благотворительныя цѣли. Таинственность, которою они себя окружаютъ, и принципъ братства, проводимый ими въ жизни, производитъ въ большинствѣ случаевъ сильное впечатлѣніе на умы американскихъ гражданъ. Суммы, расходуемыя этими обществами на помощь больнымъ и бѣднымъ, на похороны и воспитаніе сиротъ и т. п. очень велики. По приблизительному разсчету нѣкоторыя изъ этихъ обществъ тратятъ на это до $7^1/_2$ милліоновъ долларовъ въ годъ. Самымъ типичнымъ изъ нихъ являются масонскія ложи, очень распространенныя въ Соединенныхъ Штатахъ. При каждой ложѣ учрежденъ комитетъ помощи, выполняющій свои обязанности съ замѣчательною деликатностью. Комитетъ наводитъ справки о нуждахъ всѣхъ своихъ членовъ и лишь только кто-нибудь окажется въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, немедленно является къ нему на помощь, доставляетъ одежду, провизію и все, что нужно, и всячески старается помочь выбраться изъ затрудненій и доставить заработокъ тѣмъ, кто въ немъ нуждается. Помощь оказывается такимъ образомъ, что весьма часто тотъ, кто получаетъ ее, не знаетъ даже по имени тѣхъ членовъ комитета, которые помогли ему въ трудную минуту.

Такой принципъ проводится почти всѣми американскими «тайными» благотворительными обществами. Кромѣ этой частной помощи, общества содержатъ множество различныхъ учрежденій, пріютовъ для сиротъ, оставшихся послѣ умершихъ членовъ, больницъ и пріютовъ для престарѣлыхъ и больныхъ членовъ. Вотъ нѣкоторыя цифры, сообщаемыя «North American Revier», обрисовывающія дѣятельность этихъ обществъ: франмасонскія ложи имѣютъ 750.000 членовъ и тратятъ ежегодно на благотворительныя цѣли 450 милліоновъ. Общество «Odol Fellows» (810.000 членовъ) тратитъ 370 милліоновъ; «Knights of Pythias» (475.000 членовъ) расходуетъ 52 милліона; ассоціаціи «Foresters» (36.825 членовъ) тратитъ 400 милліоновъ; союзъ «Knights of Honor» насчитываетъ 118.827 и расходуетъ ежегодно около 310 милліоновъ. Въ общемъ вокругъ всѣхъ этихъ союзовъ группируются 5.454.329 членовъ и общая цифра ихъ расходовъ на благотворительныя цѣли достигаетъ 640.082.471 доллара (почти 1.250.000.000 рублей, т. е. равняется государственному бюджету русской имперіи).

Надо замѣтить, что въ этотъ разсчетъ не входятъ суммы, расходуемыя на наемъ помѣщенія, устройство банкетовъ, меблировку и т. п. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ 70.000 масонскихъ ложъ и многія изъ нихъ имѣютъ весьма роскошное помѣщеніе, но это нисколько не служитъ въ ущербъ ихъ дѣятельности.

Члены масонскихъ ложъ отличаются всегда большою преданностью своему обществу. По словамъ американскаго журнала, это обстоятельство довольно часто служитъ поводомъ къ семейнымъ разногласіямъ, такъ какъ мужья иной разъ ради своего общества совершенно забрасываютъ свои дѣла и отвлекаются отъ семьи. Мистическія церемоніи, которыми окружается вступленіе въ общество, имѣютъ особенно притягательную си-

лу, и на многихъ торжественные обѣты, произносимые ими при вступленіи, и клятва хранить тайну общества, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Пожалуй, главная привлекательность этихъ обществъ и заключается въ той таинственности, которою они себя окружаютъ, скрывая отъ профановъ механизмъ и подробности своей организаціи.

Въ общемъ каждый изъ членовъ этихъ обществъ вноситъ не особенно много въ кассу общества, не болѣе 50 долларовъ, но, въ виду огромнаго количества членовъ, получается очень внушительная цифра, дающая возможность этимъ тайнымъ обществамъ расходовать очень большія суммы.

Нельзя отрицать, что эти тайныя общества приносятъ все-таки громадную пользу, не только непосредственно своею благотворительностью, но и тѣмъ, что они производятъ въ нѣкоторомъ родѣ нравственный подборъ, такъ какъ люди съ вполнѣ установленною дурною репутаціей не могутъ вступать членами въ эти общества. Затѣмъ, несомнѣнно, что эти общества содѣйствуютъ развитію чувства уваженія къ законамъ, развиваютъ солидарность и братскія чувства. Замѣчательно, что американскія тайныя общества насчитываютъ массу членовъ среди духовенства всѣхъ религій. Конечно, общества эти оказываютъ также и политическое вліяніе, поддерживая на выборахъ своихъ членовъ, но, повидимому, далѣе этого они не идутъ. Слѣдуетъ прибавить, что число членовъ этихъ обществъ растетъ, что называется, не по днямъ, а по часамъ и чуть ли не ежегодно увеличиваются на 250—300.000 человѣкъ. Безъ сомнѣнія, они составляютъ огромную силу въ Америкѣ, но сила эта всецѣло направлена на помощь нуждающимся согражданамъ и до сихъ поръ не играетъ никакой выдающейся роли въ политикѣ страны.

«Revue des Revues» разсказываетъ о существованіи одного въ высшей степени любопытнаго обычая въ Даніи. Во время лѣтнихъ вакацій городское и сельское населеніе обмѣниваются между собою дѣтьми, т. е. дѣти горожанъ, преимущественно рабочихъ классовъ, отправляются въ деревню, на фермы, и вмѣсто нихъ въ столицу прибываютъ дѣти крестьянъ, фермеровъ. Мысль о такомъ обмѣнѣ возникла впервые у одной школьной учительницы и встрѣтила горячее сочувствіе у фермеровъ. Дѣти этихъ послѣднихъ постоянно живутъ въ деревнѣ, тамъ имъ знакомъ каждый кустикъ, каждый клочекъ земли, но они никогда не видали города, столицы. И вотъ фермеры съ удовольствіемъ согласились отправлять своихъ дѣтей на лѣто въ Копенгагенъ, гдѣ они будутъ находиться подъ присмотромъ школьныхъ учительницъ и могутъ ознакомиться со всѣми достопримѣчательностями столицы.

Крестьянское населеніе Даніи вообще всегда охотно принимало къ себѣ на лѣто дѣтей бѣдныхъ горожанъ, для того, чтобы они могли подышать вольнымъ воздухомъ и побѣгать на свободѣ. Обыкновенно, какъ только закрывались городскія школы, немедленно начиналось переселеніе дѣтей изъ города въ деревни и ежегодно отправлялось такимъ образомъ до 10.000 дѣтей во всѣ концы Даніи. Государство пришло на помощь этому дѣлу, возникшему исключительно по частной иниціативѣ и добровольному соглашенію между школьными властями и крестьянскимъ населеніемъ, доставивъ безплатный проѣздъ по всѣмъ датскимъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ дороги эти правительственныя. Дальше этого содѣйствіе государства не пошло и все остальное сдѣлано частными лицами. Фермеры, желающіе познакомить своихъ дѣтей съ столицей, отправляютъ ихъ въ Копенгагенъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ школь-

ные учителя и учительницы и члены комитета, спеціально организованнаго для устройства этихъ вакаціонныхъ путешествій. Комитетъ входитъ въ сношенія со всѣми фермерами, крестьянами и городскими жителями, которые согласны взять на свое попеченіе на лѣтнее время пріѣзжающихъ въ столицу маленькихъ поселянъ. Обыкновенно, въ такихъ лицахъ недостатка не бываетъ. Крестьяне охотно берутъ къ себѣ на лѣто городскихъ дѣтей, даже въ томъ случаѣ, если взамѣнъ не отправляютъ своихъ въ городъ и всегда въ комитетъ къ веснѣ поступаетъ масса заявленій изъ разныхъ закоулковъ Даніи, въ которыхъ крестьяне выражаютъ желаніе взять на свое попеченіе маленькихъ горожанъ.

«Вакаціонныя дѣти», — какъ ихъ называютъ въ Даніи,—направляются въ деревни группами, на спеціальныхъ поѣздахъ. Маленькій отрядъ этихъ ребятъ отправляется на желѣзную дорогу въ сопровожденіи учителей и учительницъ, которые передаютъ ихъ на попеченіе кондукторовъ. Чтобы не вышло ошибки, дѣтей сортируютъ по округамъ, куда они отправляются. Кромѣ того, у каждаго ребенка на груди пришпиленъ маршрутъ и даже въ случаѣ, еслибъ дитя какъ-нибудь заблудилось случайно, каждый при взглядѣ на этотъ билетъ будетъ знать, что это—«вакаціонное дитя», и препроводитъ его куда слѣдуетъ. Каждый изъ такихъ дѣтей имѣетъ притомъ въ рукахъ маленькое датское знамя, которое онъ несетъ съ большою гордостью. Когда отрядъ отправляется на желѣзную дорогу, то во главѣ его также несутъ знамя, но большей величины.

Нечего и говорить, какую громадную пользу приноситъ населенію такая взаимная мѣна дѣтей; не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи дѣти извлекаютъ многое. Извѣстный скандинавскій писатель Бьернсонъ выразился однажды, что «датскіе крестьяне самые просвѣщенные изъ всего сельскаго населенія на свѣтѣ», и эта похвала нисколько не преувеличена. Въ датской общественной и политической жизни крестьянское населеніе играетъ очень видную роль и далеко не представляетъ той инертной массы, погрязшей въ рутинѣ привычекъ и обычаевъ старины, какую мы видимъ въ другихъ странахъ. Въ Даніи «крестьянская партія» въ странѣ и парламентѣ имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ рабочія партіи въ другихъ европейскихъ государствахъ, крестьянскія кооперативныя общества въ Даніи охватываютъ своею сѣтью все государство и совершенно преобразовали его экономическій строй. Сельское населеніе составляетъ силу; оно имѣетъ свои банки, политическія ассоціаціи, учебныя группы, общества, дома для собраній, высшія школы и вліятельную ежедневную прессу. Въ парламентѣ у него есть свои собственные ораторы и свои представители, въ которыхъ воплощаются наибольшія политическія силы націи. Конечно, такое пробужденіе къ интеллектуальной жизни датскаго крестьянскаго населенія произошло, благодаря энергичной пропагандѣ датскихъ реформаторовъ и дѣятельности просвѣтителей датскаго народа. Въ Даніи нѣтъ неграмотныхъ крестьянъ; почти каждый изъ нихъ прошелъ курсъ такъ называемой, крестьянской академіи или высшей школы и вполнѣ освоился съ соціальными и экономическими вопросами. Ни въ одной странѣ сельское населеніе не обнаруживаетъ такого сознательнаго стремленія къ усовершенствованію земледѣльческаго труда, къ различнымъ нововведеніямъ и не выказываетъ въ этомъ направленіи такой неустанной дѣятельности, и въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто побываетъ хоть разъ на любой крестьянской фермѣ въ Даніи.

Въ «Fortnightly Review» печатаются письма Джона Стюарта Милля, адресованныя Джону Принглю Николю, поэту, оратору и ученому, бывшему въ то же время другомъ и повѣреннымъ многихъ великихъ писателей своего времени. Джонъ Стюартъ Милль бесѣдуетъ въ этихъ письмахъ о различныхъ событіяхъ своей жизни, своихъ проектахъ и текущей политикѣ. Въ письмахъ можно прослѣдить, какъ постепенно у Милля возникали различныя теоріи, которыя онъ впослѣдствіи развивалъ въ своихъ книгахъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ онъ сообщаетъ о томъ вліяніи, которое имѣлъ на него Самюэль Тейлоръ Кольриджъ, поэтъ, метафизикъ и комментаторъ Канта. «Никто не имѣлъ на мое мышленіе и на мой характеръ такого вліянія, какъ Кольриджъ,—говоритъ Милль.—Я считаю его самымъ систематическимъ мыслителемъ нашего времени, не исключая и Бентама, зданіе котораго также прекрасно построено, но по менѣе широкому и болѣе простому плану. У Кольриджа, болѣе чѣмъ у какого-либо другого современнаго писателя, можно найти пищи для ума и притомъ эта пища наилучшаго качества».

Объ Огюстѣ Контѣ Джонъ Стюартъ Милль говоритъ также очень много и очень восторженно. «Мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что «Курсъ позитивной философіи»—самое глубокое произведеніе, которое когда-либо было написано о философіи знанія. Я думаю даже, что Контъ можетъ быть названъ творцомъ философіи высшей математики, но что касается элементарной и метафизической части философіи, то мнѣ кажется, что и послѣ него она осталась на томъ же мѣстѣ, на которомъ была и до появленія трудовъ Конта».

Вообще Милль очень занимается Контомъ въ своихъ письмахъ къ Николю. «Это удивительная книга,—говоритъ онъ по поводу одного изъ сочиненій Конта.—Мнѣ кажется, что мало есть книгъ, способныхъ дѣйствовать такимъ стимулирующимъ образомъ на умъ человѣка и зарождать въ немъ новыя идеи и броженіе мысли. Контъ первый представилъ намъ систематическую картину возможнаго будущаго состоянія человѣчества, въ которой доводы ума и фантазія комбинируются такъ искусно, что мы невольно увлекаемся ими. Однако, я не согласенъ со многими идеями, которыя онъ высказываетъ въ своей книгѣ. Не смотря на весь свой глубокій умъ и знаніе, мнѣ кажется, что Контъ совершенно незнакомъ съ законами образованія характера. Различія, которыя онъ замѣчаетъ между мужчинами и женщинами, между философами и дѣятелями, между капиталистами и пролетаріями (вѣрнѣе: между немногими образцами этихъ соціальныхъ классовъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться случайно, такъ какъ онъ совершенно изолированъ отъ міра и литературы) — всѣ эти различія, повторяю я, представляются ему такими существенными и непреложными, что онъ на нихъ основываетъ общіе принципы соціологіи. Но еслибъ мы вздумали примѣнить на практикѣ подобные принципы, то намъ пришлось бы убѣдиться, что они противорѣчатъ всякому понятію о человѣческой свободѣ, раздѣляя людей на строго ограниченныя соціальныя категоріи и заключая ихъ въ такія узкія рамки, въ какія даже не можетъ поставить человѣка ни одинъ свадебный контрактъ! Въ этомъ отношеніи и въ особенности во всѣхъ своихъ теоріяхъ о женщинахъ Контъ, какъ мнѣ кажется, исходитъ изъ совершенно ложной точки зрѣнія и сбивается съ дороги, такъ что его политическіе труды, за исключеніемъ превосходныхъ историческихъ взглядовъ, которые въ нихъ заключаются, скорѣе приносятъ вредъ нежели пользу, увлекая на

ложный путь». Но высказывая такое сужденіе, Милль оговаривается далѣе, что онъ становится на сторону Конта и совершенно раздѣляетъ его взгляды тамъ, гдѣ онъ доказываетъ необходимость полнаго пересмотра и преобразованія современныхъ доктринъ и учрежденій.

Въ послѣдніе годы въ періодической литературѣ часто стали появляться такъ называемыя «разслѣдованія» (enquêtes) или «справки» въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ разныхъ болѣе или менѣе выдающихся современныхъ дѣятелей, писателей, ученыхъ и т. д. Этотъ методъ опрашиванія очень распространенъ теперь и большею частью, конечно, касается какой-нибудь злобы дня. Журналъ или газета обращаются къ своимъ читателямъ или къ извѣстнымъ лицамъ съ просьбою сообщить свой взглядъ на тотъ или иной, интересующій современную публику вопросъ. Иногда же эти опрашиванія имѣютъ спеціальный характеръ, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда они касаются литературной или другой какой-нибудь отрасли труда и направлены къ выясненію психологіи труженниковъ пера и великихъ писателей. Врядъ-ли такіе вопросы и отвѣты могутъ выяснить многое, но во всякомъ случаѣ они не лишены интереса для читателей. Исходя именно изъ этой точки зрѣнія, журналъ «Pearson's Magazine» печатаетъ отвѣты современныхъ англійскихъ писателей на вопросъ о способахъ ихъ работы и размѣрахъ ихъ плодовитости. Вотъ, что отвѣчаетъ, напримѣръ, Альденъ (W. Z. Alden), пользующійся довольно большою популярностью среди англійскихъ читателей: «Я работаю неправильно,—говоритъ онъ,—потому что большую часть времени употребляю на чистку своего велосипеда. Однако, все-таки я такъ устраиваюсь, что могу посвятить ежедневно одинъ часъ своей пишущей машинѣ и обыкновенно пишу въ часъ 1.800 словъ. Я рѣдко пишу болѣе 4.000 словъ въ день».

Другой писатель-беллетристъ Робертъ Барръ отвѣчаетъ: «Если, обращаясь къ писателямъ съ вопросомъ, какъ они работаютъ, вы имѣли въ виду, что молодые, начинающіе авторы могутъ извлечь изъ ихъ отвѣтовъ большую пользу для себя, то, во всякомъ случаѣ, ваше намѣреніе очень похвально, но вы ошиблись, обратившись ко мнѣ. Я могу преподать лишь очень дурной примѣръ. У меня нѣтъ ни метода, ни опредѣленныхъ часовъ для работы; я рѣшительно не могу сказать, сколько я пишу словъ въ день. Еслибъ я могъ писать въ среднемъ тысячу словъ въ день, то я былъ бы богатъ. Бываютъ дни, что я могу писать отъ 3.000 до 4.000 словъ, но это лишь тогда, когда мнѣ не нужно писать такъ много. Но если издатель ждетъ меня и разсчитываетъ на меня, то я не могу написать ни единой фразы. Какъ только я подписалъ контрактъ съ издателемъ, то обыкновенно тотчасъ же сажусь на велосипедъ и уѣзжаю».

Вальтеръ Безантъ заявляетъ, что въ среднемъ онъ всегда пишетъ 1.000 словъ въ день. «Длинный романъ въ 150.000 словъ, говоритъ онъ, беретъ у меня отъ 8 до 10 мѣсяцевъ. Вообще, я нахожу, что надъ произведеніями фантазіи не слѣдуетъ работать болѣе трехъ часовъ въ день».

Галль Кейнъ (Hall Caine), очень популярный англійскій романистъ, отказался опредѣлить быстроту своей работы. Онъ былъ раньше журналистомъ и тогда ему приходилось совершать настоящіе подвиги въ отношеніи быстроты работы. Ему случалось вечеромъ, въ одинъ—два часа написать такъ много, что этимъ почти была заполнена первая страница большой англійской ежедневной газеты.

Мистриссъ Джорджъ Эджертонъ, занимающая почетное мѣсто среди англійскихъ журналистовъ, говоритъ, что она совершенно не имѣетъ понятія, сколько словъ заключается въ ея произведеніяхъ, и ее раздражаетъ одна мысль о томъ, что надо сосчитать написанныя слова. Она не можетъ опредѣлить, скоро ли она работаетъ; одни романы она писала сразу, надъ другими же ей пришлось много поработать.

Романистъ Кэтклифъ Гайнъ (Cutcliffe Hyne) говоритъ, что онъ всегда издали восхищался такими людьми, какъ Золя, которые могутъ исписать столько бумаги въ одинъ день! Это одно уже указываетъ, что онъ не въ состояніи усидчиво работать, и поэтому работа его не имѣетъ правильнаго характера.

Нашелся одинъ писатель изъ современныхъ, Джонъ Макларенъ, который отказался отвѣчать на предлагаемые вопросы, скромно замѣтивъ, что находитъ свою писательскую опытность слишкомъ незначительной и полагаетъ, что отвѣтъ его не можетъ представлять интереса для другихъ авторовъ. Романистъ Уэллсъ объявилъ, что онъ гораздо больше любитъ обдумывать свои романы, нежели писать ихъ. По его мнѣнію, пріятно писать только критику на своихъ современниковъ.

Отвѣты разныхъ другихъ современныхъ англійскихъ романистовъ интереса большого не представляютъ. Всѣ они вертятся около количества словъ и числа часовъ ежедневной работы. Врядъ ли изъ этихъ отвѣтовъ можно сдѣлать какой-нибудь общій выводъ. Индивидуальность и темпераментъ играютъ слишкомъ большую роль въ работѣ писателей и, очевидно, способы и размѣры этой работы такъ же разнообразны, какъ разнообразны таланты.

За Атлантическимъ океаномъ.

(Письмо изъ Нью-Іорка).

«Синдикатъ учебной литературы» и борьба съ нимъ.—Петръ Куперъ и созданный имъ народный университетъ.

Что такое синдикаты *) и тросты, извѣстно читателямъ нашего журнала. Въ сѣверо-американской жизни это новѣйшее явленіе крупной промышленности занимаетъ теперь самое видное мѣсто. Говорить о немъ вообще мы не станемъ и остановимся на одномъ, едва ли не самомъ любопытномъ изъ тростовъ, такъ называемомъ «Синдикатѣ школьныхъ учебниковъ», и на той борьбѣ, которую начало съ нимъ общество и правительство въ Соединенныхъ Штатахъ.

Передъ нами брошюра, озаглавленная «Врагъ американскихъ школъ». Это рѣчь президента іовскаго университета, которую онъ произнесъ 5-го марта 1897 г. на годичномъ собраніи іовскихъ учителей. Въ ней онъ разоблачаетъ дѣятельность на-

*) Синдикатомъ, или тростомъ, называется союзъ предпринимателей, съ цѣлью устраненія конкурренціи и установленія однообразныхъ цѣнъ. Обыкновенно, во главѣ становится какой-либо крупный предприниматель, скупающій мелкія предпріятія и заключающій договоръ съ болѣе крупными. Такъ возникъ въ Америкѣ могущественный керосиновый синдикатъ, сахарный, и др. Нѣчто подобное есть и въ Россіи: синдикатъ южныхъ сахарозаводчиковъ, напримѣръ. Проще говоря, синдикатъ есть стачка предпринимателей съ цѣлью повышенія цѣнъ. *Ред.*

званнаго выше синдиката, съ обычнымъ американскимъ безстрастіемъ указывая зло въ общественной жизни и призывая общество къ борьбѣ съ нимъ. Зло, на которое указываетъ ораторъ, присуще не одной Сѣверной Америки. Но здѣсь оно, благодаря особенностямъ сѣверо-американской жизни, приняло оригинальную форму, и, благодаря тѣмъ же особенностямъ, стало у всѣхъ на виду и получило свою оцѣнку.

Учебники выдаются въ американскихъ школахъ казенные, а такъ какъ школъ масса, то естественно, что всякій издатель заинтересованъ, чтобы въ школахъ проходили по выпускаемымъ имъ учебникамъ. Исторія этого троста обыкновенная; гдѣ-то на западѣ существовала издательская фирма, уже давно отличавшаяся своими продѣлками. Около 1890 г. она начала вступать въ союзы съ другими издательскими фирмами и, наконецъ, оформилась, преобразовалась въ тростъ и получила свою хартію въ штатѣ New Jersey, «гдѣ законы болѣе либеральны для корпорацій», т. е. по просту, гдѣ нѣтъ законовъ противъ тростовъ. Теперь этотъ шестилѣтній младенецъ почти вполнѣ уже монополизировалъ учебническое дѣло. Торговый оборотъ всѣхъ издателей обыкновенныхъ школьныхъ учебниковъ равняется отъ 5 до 6 милл. долларовъ, изъ которыхъ на долю этого младенца выпадаетъ отъ 4—5 милліоновъ. Во многихъ городахъ эта American Book company продаетъ около 95% всѣхъ учебниковъ, а во всей странѣ около 75—80%. Отношеніе этого троста къ другимъ компаніямъ лаконически выражены въ обращеніи агента троста къ представителю другой издательской фирмы: «Мы можемъ тратить въ годъ больше денегъ, чѣмъ вы имѣете. Мы васъ сотремъ съ лица земли». Коротко и ясно. Не смотря на свой юный возрастъ, онъ уже успѣлъ освоиться съ такъ-называемыми «Trust method», которая попросту сводится къ подкупу направо и налѣво. Одинъ агентъ этого троста прямо признался, что получаетъ 1.000 долларовъ въ мѣсяцъ на «чрезвычайные расходы», и что у него не требуется никакого отчета. Какъ употребляются подобныя тысячи, мы сейчасъ увидимъ.

Обвиняя American Book company въ нечестномъ употребленіи своихъ денегъ, нашъ авторъ не довольствуется общими фразами, но наполняетъ свою книжку засвидѣтельствованными у нотаріуса показаніями различныхъ лицъ. Лица большей частью чиновныя и, стало быть, консервативнаго лагеря. Приведемъ и мы нѣсколько примѣровъ изъ этихъ показаній.

Въ одномъ такомъ показаніи директоръ публичныхъ школъ изъ города въ штатѣ Іова разсказываетъ, что 23 іюля 1895 г. къ нему явился агентъ American Book company и предложилъ ему денегъ на туръ, который онъ, его жена и ребенокъ могутъ предпринять по Америкѣ, если онъ, т. е. управляющій, отрекомендуетъ училищному совѣту и позаботится о введеніи въ школы полнаго списка учебниковъ, изданныхъ American Book company. Въ одномъ крупномъ городѣ штата Иллинойса агентъ троста предложилъ около 300 долларовъ на агитацію въ пользу выбора «желательнаго» тросту школьнаго инспектора. Изъ того же штата пишутъ, что тростъ предложилъ одному директору народныхъ училищъ около 500 долларовъ, если онъ позаботится о томъ, чтобы не вывели изъ употребленія учебниковъ троста, и когда директоръ не согласился, тростъ угрожалъ ему, что онъ не будетъ въ слѣдующій разъ избранъ въ директора. Но пусть читатель не подумаетъ, что жертвовать деньги въ пользу выбора какого-либо кандидата вещь довольно невинная. Слѣдующее показаніе покажетъ, какъ

подобные агитаціонные фонды тратятся. Это показаніе изъ Мичигана и сообщаетъ, что 23 ноября 1895 г. агентъ American Book company приказалъ кабатчикамъ одного города давать всѣмъ избирателямъ даннаго школьнаго округа даромъ водки, сигаръ и пива до школьнаго митинга, и что онъ (т. е. агентъ) заплатитъ за все это. Другое показаніе сообщаетъ, что когда въ одномъ городѣ Иллинойса разгорѣлась такъ-называемая «книжная борьба», то одинъ мѣстный политиканъ явился въ контору одного изъ членовъ училищнаго совѣта, чтобы поговорить съ нимъ насчетъ American Book company. Онъ при этомъ сказалъ: «Мы желаемъ, чтобы вы подавали свой голосъ противъ N—ской географіи. Мы, конечно, не желаемъ подвергать себя судебному преслѣдованію за подкупъ, но я вамъ дамъ 100 дол. за перо, лежащее у васъ на столѣ».

Но не всегда нашъ младенецъ прямо подступаетъ съ грубымъ чистоганомъ. На то онъ слишкомъ цивилизованъ и знакомъ съ болѣе ухищренными методами. Одинъ изъ главныхъ такихъ методовъ состоитъ въ такъ-называемомъ «even exchange», т. е. въ равномъ обмѣнѣ. American Book company вдругъ предлагаетъ какому-нибудь училищному совѣту замѣнить всѣ учебники другого издателя соотвѣтствующими собственными изданіями. При этомъ она за каждую старую книгу даетъ одну новую. Ясно, что это дѣлается единственно съ цѣлью вытѣснить конкуррента. Однимъ изъ могущественныхъ средствъ треста служитъ запугиваніе учителей и вознагражденіе тѣхъ учителей и директоровъ, которые работаютъ въ его пользу. Одинъ агентъ треста такъ опредѣлилъ честнаго члена учительскаго совѣта: «Честенъ тотъ, кто разъ купленъ остается купленнымъ». Одному директору школы агентъ треста открыто сказалъ: «Мы знаемъ, что вамъ пора уже сдѣлаться директоромъ народныхъ училищъ. Я имѣю большое вліяніе на здѣшній училищный совѣтъ, и если вы поможете мнѣ вводить мои книги, то я постараюсь, чтобы вы черезъ годъ получили повышеніе». Въ одномъ западномъ штатѣ происходила въ прошломъ году борьба за введеніе новыхъ учебниковъ. До того времени употреблялись лишь изданія American Book company. Теперь стали подумывать о перемѣнѣ. На мѣсто происшествія сейчасъ же является агентъ треста и начинаетъ орудовать. Одинъ членъ училищнаго совѣта обращается къ нему съ вопросомъ, не можетъ ли компанія дать имъ другую ариѳметику, такъ какъ никто не доволенъ имѣвшейся въ ходу книжкой. Но увѣренный въ побѣдѣ агентъ грубо отвѣчаетъ: «Никакихъ новыхъ книгъ мы вамъ предлагать не станемъ». Но требованіе новыхъ учебниковъ было такъ сильно, что училищный совѣтъ принужденъ былъ принять совершенно новый списокъ книгъ. Но и тутъ American Book company не растерялась, она обратилась къ судамъ и выхлопотала такъ-называемую «injunction», т. е. судебное запрещеніе дѣлать какія бы то ни было перемѣны въ книгахъ до дальнѣйшаго разбирательства дѣла. И цѣлый годъ она тащила дѣло по судамъ, пока, наконецъ, верховный судъ не рѣшилъ противъ треста, но, пока что, онъ цѣлый годъ пользовался своей монополіей. Во время одной недавней книжной борьбы въ одномъ изъ восточныхъ штатовъ American Book company употребляла всѣхъ школьныхъ инспекторовъ въ качествѣ своихъ агентовъ, которые работали за тростъ во всѣхъ городахъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Одно изъ вознагражденій «дружественныхъ» учителей выражается въ томъ, что тростъ старается объ ихъ назначеніи преподавателями въ уѣздныхъ учи-

тельскихъ институтахъ. Они представляютъ двухъ-недѣльные лѣтніе курсы для учителей. Мистеръ Томсонъ, предсѣдатель комитета въ Portland'ѣ (Oregon), состоявшаго изъ 100 гражданъ, говоритъ: «Мнѣ сообщаютъ, что 21 голосъ были совершенно одинаковы, что весьма удивительно, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что члены комитета раньше не собирались, и что они могли выбирать учебники изъ сотенъ, если не тысячъ книжекъ». На упрекъ въ употребленіи нечестныхъ мѣръ одинъ агентъ треста замѣтилъ, что показанія могутъ быть куплены. Нашъ авторъ, пожалуй, соглашается съ этимъ, но не относительно данныхъ именъ, которыя онъ приводитъ. Припертый къ стѣнѣ, этотъ же агентъ привелъ другой старый и вѣчно новый аргументъ: «хорошо, но мы не хуже другихъ книжныхъ фирмъ».

Мы приведемъ слѣдующее засвидѣтельствованное показаніе опубликованное въ клевелендской газетѣ «Plain Dealer» 16-го сентября 1896 г. Въ ней членъ училищнаго совѣта Мг. Nouse, бывшій также членомъ коммиссіи для выбора учебниковъ, разсказываетъ: «Когда комитетъ приступилъ къ работѣ, онъ нашелъ, что American Book company находится въ полномъ владѣніи школъ. Комитетъ нашелъ, что употреблявшіеся учебники далеко позади во времени, что нѣкоторыя изъ нихъ были еще въ ходу 25 лѣтъ тому назадъ. Ясно было, что придется сдѣлать значительныя измѣненія въ учебникахъ. Но комитетъ былъ уже заранѣе предупрежденъ, что встрѣтитъ затрудненія со стороны треста. И дѣйствительно, атака скоро началась. Сначала явился циркуляръ отъ American Book company, въ которомъ она предупреждаетъ комитетъ, что, по ея свѣдѣніямъ, общественное мнѣніе серьезно высказывается противъ всякихъ измѣненій въ учебникахъ, и что многіе школьные чиновники высказываются за то, чтобы учебники избирались изъ ихъ изданій только. Затѣмъ, несмотря на открытый ей «сентиментъ» противъ новыхъ учебниковъ, компанія согласна сама доставлять новыя книги на весьма выгодныхъ условіяхъ. Затѣмъ посыпались статейки въ газетахъ противъ перемѣнъ, которыя, будто бы, обойдутся слишкомъ дорого. Эти слухи, какъ потомъ оказалось, распространялись газетой, редакторъ которой состоялъ агентомъ у American Book company. Скоро «сентименты» приняли болѣе осязательную форму въ видѣ анонимныхъ писемъ отъ родителей выражавшихся противъ всякихъ перемѣнъ. Въ одномъ такомъ письмѣ говорилось, что его авторъ отецъ шести дѣтей и человѣкъ очень бѣдный, а письмо между тѣмъ было писано на самомъ лучшемъ сортѣ бумаги. И все это было прежде, чѣмъ комитетъ успѣлъ имѣть свой первый митингъ. Учителя школъ тоже присылали свои мнѣнія, въ которыхъ они высказывались за необходимость перемѣнить учебники, и вотъ клеркъ комитета публично объявилъ, что агентъ American Book company просилъ его украсть невыгодныя для треста мнѣнія учителей. За часъ передъ митингомъ комитета къ Nouse'у въ домъ является и его знакомый, чтобы поговорить съ нимъ насчетъ предполагаемыхъ измѣненій въ учебникахъ. Онъ оказывается агентомъ треста и уговариваетъ Nouse'а подать свой голосъ въ пользу треста. Встрѣтивъ отпоръ, агентъ предлагаетъ Nouse'у 300 долларовъ, чтобы онъ только не являлся не митингъ».

Это показаніе даетъ полную картину образа дѣйствія треста, но это еще не все. Предположимъ, что тросту не удалось честными или нечестными путями переманить на свою сторону комитетъ, неужели тростъ такъ и успокоится? Слѣдующая замѣтка, появившаяся въ той же газетѣ 28-го

февраля 1897 г., даетъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ.—«Что можетъ,—говоритъ газета,—издательская фирма выиграть отъ того, что постарается провалить на выборахъ старыхъ членовъ училищнаго совѣта? Ничего, потому что учебники приняты на цѣлыхъ пять лѣтъ и не могутъ быть отмѣнены. Тѣмъ не менѣе, компанія угрожаетъ, что она провалитъ всякаго члена, который подавалъ голосъ противъ нея, и деньги теперь свободно употребляются съ этой цѣлью. Если прежніе члены совѣта провалятся, тогда книжная компанія можетъ отправиться въ другіе города и сказать: «Смотрите, они работали противъ насъ и мы лишили ихъ должностей. Мы будемъ такъ поступать со всякимъ, кто будетъ вотировать противъ нашихъ книгъ».

Но мы все говорили, какъ American Book company вталкиваетъ свои книги въ употребленіе, но каковы же самыя книги? Мы уже видѣли, что нѣкоторые учебники употреблялись въ теченіе четверти вѣка. American Book компанія, напр., вполнѣ почти монополизировала употребленіе географіи въ школахъ. Ergo, она не издавала новыхъ. Недавно другая фирма издала замѣчательную книгу по географіи. И вотъ начинается борьба во всей странѣ за введеніе «новой географіи», и удачный исходъ въ пользу хорошаго учебника довольно сомнительный. Мы не будемъ уже говорить о томъ, что тростъ продаетъ свои изданія по невозможно высокимъ цѣнамъ, но онъ прямо контролируетъ систему занятій и опредѣляетъ содержаніе проходимыхъ предметовъ. Вотъ, напр., компанія бросаетъ на рынокъ учебникъ по соціологіи и начинаетъ заботиться о томъ, *чтобы этотъ предметъ стали проходить въ нормальныхъ и высшихъ школахъ*. Какова же сама соціологія? Въ то время, какъ тросты и другія комбинаціи капитала начинаютъ играть все болѣе выдающуюся роль въ современной цивилизаціи, эта книга, состоящая изъ 400 страницъ посвящаетъ цѣлыхъ... *одиннадцать строкъ* на разсмотрѣніе тростовъ. Лишнее говорить, что тросты, конечно, на этихъ строкахъ защищаются. Такимъ образомъ, все почти школьное дѣло находится въ желѣзныхъ рукахъ троста, для котораго все воспитаніе будущаго поколѣнія сводится къ вопросу о чистоганѣ. Справедливо заключаетъ нашъ ректоръ: «Одинъ можетъ употреблять керосинъ троста и быть сердитымъ на то, что онъ этимъ помогаетъ самому гигантскому тросту въ мірѣ. Другой поневолѣ ѣстъ сахаръ, хотя его сладость нѣсколько подкислена знаніемъ, какъ сахарный тростъ орудовалъ сенатомъ для полученія излишнихъ 30 милліоновъ прибыли. Но ни одинъ американскій патріотъ не можетъ равнодушно смотрѣть на то, какъ дѣло школьныхъ книгъ въ Америкѣ находится въ рукахъ монополіи».

Какъ освободиться отъ этихъ клещей, какъ освободить школу отъ сѣтей синдиката, — этотъ вопросъ составляетъ теперь злобу дня, и нѣтъ сомнѣнія, что здравый и широкій взглядъ американца на жизнь укажетъ и вѣрный путь для его рѣшенія. То, что творится при свѣтѣ божьяго дня, вызываетъ противъ себя на борьбу именно этотъ свѣтъ, а его не выдерживаютъ никакіе микробы, въ томъ числѣ и микробъ противообщественныхъ инстинктовъ.

* * *

Говоря о народномъ образованіи въ Америкѣ, не можемъ умолчать о знаменитомъ основателѣ нью-іоркскаго народнаго университета, Петрѣ Куперѣ, которому на-дняхъ поставленъ памятникъ впереди основаннаго имъ института на одной изъ главныхъ и самыхъ шумныхъ улицъ Нью Іорка. Открытіе памятника не сопровожда-

лось никакимъ особымъ торжествомъ. Все носило болѣе частный характеръ. Такой же характеръ носитъ и самый памятникъ. Передъ вами просто могучая фигура старика съ добродушной и умной физіономіей, спокойно сидящаго на креслѣ съ посохомъ въ рукахъ.

Куперъ родился въ 1791 г., т. е. въ такое время, когда юная Америка только что свергнула съ себя иго Англіи, не дававшее развиваться всѣмъ ея богатѣйшимъ силамъ. Это было время, когда для предпріимчиваго человѣка дѣйствительно было пропасть дѣла. Богатѣйшіе источники этой страны только что открывались, и стоило только захотѣть поработать, и успѣхъ былъ вѣренъ. Родители Купера были бѣдные ремесленники, и онъ уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ долженъ былъ помогать отцу. Въ школу онъ мало ходилъ, и ему пришлось набирать свои знанія частнымъ образомъ. Когда ему было 17 лѣтъ, онъ уже оставилъ родительскій домъ и сталъ искать занятій. Сколотивъ свои первые десять долларовъ, онъ начинаетъ уже спекулировать, покупаетъ лотерейный билетъ и, конечно, теряетъ свой маленькій достатокъ. Онъ поступаетъ къ каретнику и всѣ свои свободные вечера тратитъ на занятіе науками. За самую малую плату онъ беретъ учителя, который учитъ его ариѳметикѣ и другимъ элементарнымъ наукамъ. Онъ такъ удовлетворяетъ своего мастера, что по окончаніи ученическаго термина, хозяинъ хочетъ устроить ему самостоятельную мастерскую, но Сооpег отказывается, не желая быть въ долгу, и отправляется на шерстяную фабрику, гдѣ скоро обнаруживается его изобрѣтательный талантъ.

На 22-мъ году онъ женился по любви и до конца жизни жилъ въ полной любви и гармоніи съ своей женой. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ первые годы своей жизни: «Въ первое время мнѣ приходилось самому качать колыбельку своего ребенка въ то время, какъ жена готовила обѣдъ. Это не всегда было удобно при моихъ многихъ занятіяхъ, и вотъ я придумалъ автоматъ, который самъ качалъ ребенка, а послѣ я къ нему же придѣлалъ механизмъ для отгонки мухъ и для игры на музыкальномъ ящикѣ». Послѣ 1815 г., когда шерстяное дѣло въ Америкѣ пало, онъ принялся за другія дѣла и велъ ихъ также талантливо и удачно, что скоро поставило его во главѣ извѣстнѣйшихъ предпринимателей союза.

Но, увлекаясь своими собственными дѣлами, Сооpег не забывалъ и политической дѣятельности. Въ 1839 г. онъ сталъ членомъ училищнаго совѣта, а вскорѣ и однимъ изъ директоровъ. Скоро онъ былъ также избранъ въ гласные, и получилъ возможность познакомиться съ нуждами народа. Онъ всегда былъ прогрессистомъ и защищалъ всякія прогрессивныя мѣры.

Здѣсь-то у него зародилась идея создать народный университетъ. Вотъ что онъ объ этомъ самъ разсказываетъ:

«Однажды на собраніи училищнаго совѣта я встрѣтилъ одного господина, только-что вернувшагося изъ Франціи, гдѣ онъ посѣщалъ Политехническій институтъ въ Парижѣ, который поддерживается правительствомъ. Что меня болѣе всего заинтересовало, это то, что онъ встрѣчалъ тамъ многихъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ этотъ институтъ, жившихъ на черномъ хлѣбѣ, чтобы только имѣть возможность посѣщать лекціи. Это описаніе припомнило мнѣ мое собственное ученичество, когда я такъ стремился къ образованію и не имѣлъ возможности этого достигнуть, и я далъ себѣ зарокъ создать подобное учрежденіе для моего родного города, какъ только я буду въ состояніи».

Въ 50-ые годы Сооpег всей душой

преданъ грандіозному плану проложенія телеграфной проволоки по океану, отъ Нью-Іорка до Лондона. Въ союзѣ съ еще нѣсколькими капиталистами они принимаются за осуществленіе этого плана, который тогда называли сумасшедшимъ. Съ большимъ трудомъ имъ удается достать компаньоновъ и проложить первую проволоку, но она скоро портится, и ихъ компанія лишилась всякаго довѣрія. Но это не остановило нашихъ энтузіастовъ, и послѣ долгихъ попытокъ, Лондонъ былъ соединенъ съ Нью-Іоркомъ телеграфной проволокой. Все это время Сооpег больше всего тратилъ денегъ. Компанія пользовалась такимъ недовѣріемъ, что банкъ не давалъ ей денегъ взаймы, а давалъ лично Сооpег'у, такъ что онъ былъ отвѣтственъ за все это предпріятіе. «Дѣло было кончено, наконецъ,—заключаетъ онъ,—и я не жалѣлъ, что принималъ въ немъ участіе, хотя пришлось выдержать страшныя времена».

Наконецъ, въ 1854 г. онъ положилъ первый камень своего института. Онъ при этомъ положилъ слѣдующую надпись: «Главная цѣль, которую я хотѣлъ бы осуществить созданіемъ этого института, состоитъ въ томъ, чтобы открыть пути научныхъ познаній для юношества нашего города и страны, и такимъ образомъ развернуть передъ ними книгу природы, чтобы молодой человѣкъ могъ видѣть красоты созданія, наслаждаться ея прелестями и научился бы любить Автора, Который даетъ намъ все хорошее и все совершенное».

Съ этого времени онъ съ такимъ же энтузіазмомъ бросается въ это благотворительное дѣло. Онъ самъ надзираетъ и слѣдитъ за постройкой и передаетъ затѣмъ это зданіе въ руки довѣренныхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ доходы съ этого зданія и съ капитала тратились на распространеніе знаній среди народа.

Этотъ институтъ долженъ былъ стремиться къ достиженію четырехъ цѣлей:

1) Онъ долженъ обучать народъ знаніямъ, которыя нужны ему въ его обыденной жизни.

2) Онъ долженъ обучать народъ гигіенѣ.

3) Давать курсы политическихъ и соціальныхъ наукъ.

4) Онъ долженъ обучать народъ искусству.

Институтъ все росъ, и въ настоящее время представляетъ настоящій народный университетъ, гдѣ всѣ науки преподаются даромъ. Вы тамъ найдете крупную библіотеку и читальню, дневную школу, въ которой женщины обучаются стенографіи, телеграфному искусству и живописи, вечерніе курсы по математикѣ, механикѣ, химіи, черченію, живописи и скульптурѣ. Помимо того, даются два раза въ недѣлю въ большой залѣ публичныя лекціи по различнымъ вопросамъ профессорами университета. Небезъинтересно привести нѣсколько статистическихъ данныхъ относительно всѣхъ этихъ отдѣленій.

Библіотека и читальня, въ которой можно найти газеты и журналы почти на всѣхъ языкахъ, открыта отъ 8 ч. утра до 10 ч. вечера, включая воскресенья. За 1896 г. читальню посѣтили 671.750 мужчинъ и 7.196 женщинъ. Беллетристики читалось 42.548 книгъ, различныхъ книгъ 28.949, по исторіи, біографіямъ и путешествіямъ 17.120 книгъ, поэзіи 3.707, научныхъ книгъ 17.444, періодическихъ изданій 140.565, справочныхъ книгъ 32.170. На поступленіе на вечерніе научные курсы подано прошеній въ 1896 г. 5.784 и за неимѣніемъ вакансій принято 2.320 человѣкъ. Больше всего былъ классъ химіи, состоявшій изъ 420 учениковъ, затѣмъ слѣдуетъ классъ алгебры и геометріи съ 417 учениками каждый. Меньше всего учениковъ въ

классахъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія (30), прикладной механики (20) и механическаго черченія (30). Въ вечернюю школу искусства допущено 1.854 ученика изъ 2.360, подавшихъ прошенія. Въ утренній классъ искусства для женщинъ допущено 282 женщины изъ 509, желавшихъ поступить. Въ утренніе классы стенографіи и писанія на пишущей машинѣ было допущено 38 ученицъ, въ телеграфный классъ—21 ученица.

Все это дѣло рукъ Петра Сооpег'а. Пожертвовавъ почти все свое огромное состояніе на это дорогое ему дѣло, онъ не забылъ его и потомъ. Умѣя увлекаться грандіозными идеями соединенія двухъ частей свѣта, онъ такъ же, если не больше, могъ увлекаться этимъ священнымъ дѣломъ. Онъ проводилъ въ институтѣ цѣлые дни и самъ слѣдилъ за всѣмъ. До конца жизни онъ увлекался своимъ институтомъ, какъ юноша, и все жаждалъ расширенія своего храма. Ему часто приходилось произносить рѣчи, и каждая рѣчь его—призывъ къ труду въ пользу просвѣщенія.

Вотъ что говоритъ о немъ бывшій ученикъ школы: «За всѣ эти годы онъ слѣдилъ и заботился о своемъ любимомъ институтѣ и непремѣнно проводилъ тамъ часть дня. Мы помнимъ его лицо, какъ онъ стоялъ передъ нами, воодушевляя насъ своими словами... Ни одинъ актъ не проходилъ безъ его рѣчей, и, когда ему было 90 лѣтъ, онъ былъ такъ же бодръ, какъ и въ молодости».

Онъ говорилъ, что причина его бодрости та, что онъ всегда старается найти себѣ какое-нибудь занятіе. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей онъ сказалъ: «Я никогда въ своей жизни не чувствовалъ себя лучше, чѣмъ теперь. Но я все-таки слышу голосъ, зовущій меня, подобно тому, какъ моя мать, бывало, кричитъ мнѣ: «Петръ, Петръ, спать пора», — и я имѣю стариковское предчувствіе, что меня скоро не станетъ». Въ началѣ 1883 г. онъ сказалъ своему другу: «Я хотѣлъ бы еще четыре года жизни, такъ какъ мнѣ сильно хочется сдѣлать еще нѣкоторыя улучшенія въ институтѣ, и тогда часть моей жизненной работы будетъ окончена. Если мнѣ удастся прожить еще четыре года, я умру довольный». Но это ему не удалось, и 4-го апрѣля 1883 г. онъ умеръ...

Стремясь всегда къ лучшему, Куперъ не могъ остаться при тѣхъ политическихъ взглядахъ, какихъ держались многіе изъ окружавшихъ его филистеровъ, и вотъ, въ 1876 г. онъ былъ номинированъ кандидатомъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ радикальной партіей. Во время гражданской войны онъ былъ въ лагерѣ аболиціонистовъ.

Память его глубоко врѣзалась въ сердца извѣстнаго круга народа, и чѣмъ дальше, тѣмъ этотъ кругъ будетъ все больше расширяться. Мы можемъ заключить очеркъ его жизни слѣдующими надгробными словами, произнесенными его другомъ надъ открытымъ гробомъ этого старца: «Мы собираемся у праха нашего дорогого друга и благодаримъ Бога за его жизнь больше, я думаю, чѣмъ мы оплакиваемъ его смерть...»

С. П—нъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Научныя приложенія фотографіи.

(Рѣчь, произнесенная въ Русскомъ Фотографическомъ Обществѣ, въ Москвѣ).

Проф. **В. Цераскаго.**

Русскому Фотографическому Обществу угодно было выбрать меня своимъ почетнымъ членомъ; я очень цѣню оказанную мнѣ честь, и это сообщеніе пусть будетъ слабымъ выраженіемъ моей благодарности Обществу вообще и нашему многоуважаему предсѣдателю В. К. Вульферту въ частности.

Разсуждая про себя, почему выборъ палъ и на меня, я рѣшилъ, что это случилось главнымъ образомъ за одну мою заслугу,—за то уваженіе, которое я питаю къ кружкамъ любителей наукъ и искусствъ.

Побуждаемый непреодолимымъ внутреннимъ влеченіемъ, человѣкъ всегда и вездѣ стремится собрать кружокъ или общество, однимъ словомъ, организоваться, и это оказывается разумнымъ и полезнымъ, ибо удачно составленный кружокъ имѣетъ несомнѣнное значеніе. Дѣйствительно, «громада—великъ человѣкъ», какъ говоритъ пословица. Обмѣнъ мыслей и взаимная помощь очень важны, но общество можетъ дать нѣчто еще гораздо болѣе цѣнное. Призывая своихъ сочленовъ къ дружной, совмѣстной работѣ на пользу извѣстной науки или искусства, подчеркивая, что это есть вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ на пользу отечественнаго просвѣщенія и, что самое важное, во славу Божію,—общество можетъ создать атмосферу, дающую подъемъ духа и нѣкоторое вдохновеніе, т. е. то, что всегда вызывало человѣка на наилучшіе его подвиги и облегчало самую трудную, черную работу.

Я думаю даже, что культурность страны, т. е. средній уровень просвѣщенности, можетъ быть весьма точно измѣряемъ количествомъ любителей наукъ и искусствъ. Они представлялись мнѣ всегда символически въ видѣ кровяныхъ шариковъ, разносящихъ сѣмена науки и техническихъ пріемовъ въ самые отдаленные и глухіе уголки необъятнаго отечества. Вѣроятно, всякій, кому приходилось бывать въ экспедиціяхъ, съ благодарностью вспоминаетъ любителя, оказывавшаго ему возможное содѣйствіе, а подчасъ и нѣсколько разнообразившаго своею отзывчивостью и увлеченіемъ «спеціальный» сплинъ ученаго.

§ 1.

Мои особыя симпатіи на сторонѣ любителя природы, на сторонѣ фотографа-естествоиспытателя. Кругомъ столько любопытнаго и поучительнаго, столько еще намъ непонятнаго и неиз-

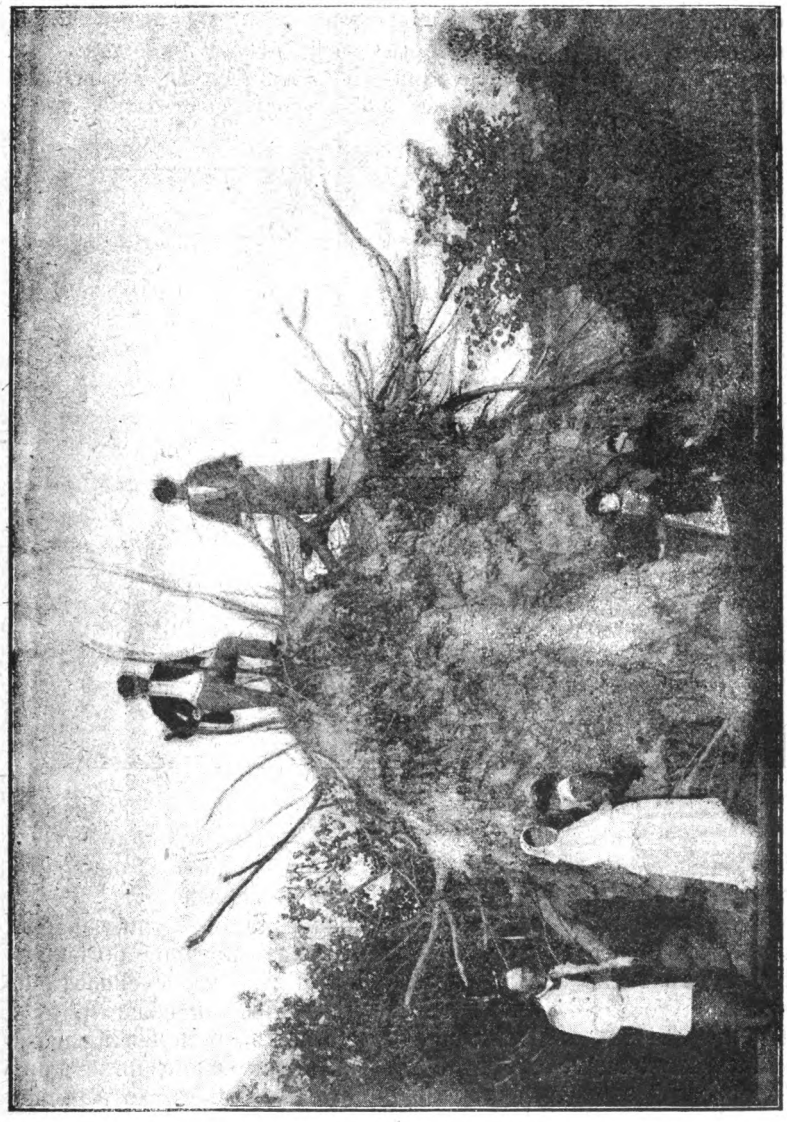


Рис. 1.

вѣстнаго, стоитъ только смотрѣть, наблюдать и учиться. Фотографическая камера въ этомъ отношеніи оказываетъ намъ драгоцѣнную помощь, ибо наилучшее поясненіе наблюденія есть, конечно, фотографическій снимокъ.

*

Вотъ, напримѣръ, корень (рис. 1) вырваннаго дерева; поставленныя кругомъ фигуры показываютъ огромные его размѣры *).

Это сдѣлала лѣтняя буря. Послѣ жаркаго, совершенно яснаго іюльскаго дня, подъ вечеръ, вдругъ налетѣла буря со страшнымъ ливнемъ, градомъ и непрерывными раскатами грома, побушевала какихъ-нибудь 15 или 20 минутъ, и потомъ все затихло, опять засвѣтило солнце, только десятки вѣковыхъ деревьевъ аллеи, какъ бы шеренга сказочныхъ богатырей, лежали рядомъ, обнаживъ, подобно костямъ, свои длинные вывороченные корни. Насколько незыблемы основные законы природы, настолько мимо-

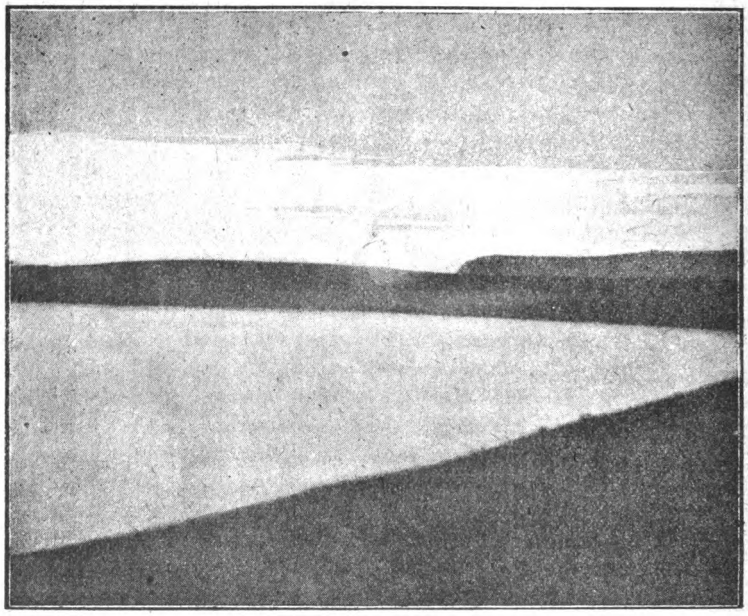


Рис. 2.

летна жизнь отдѣльной особи, за которую природа, очевидно, не стоитъ, замѣняя ее десятками и сотнями новыхъ.

Мы не знаемъ въ точности механизма такой бури; знаемъ только, что это есть явленіе мѣстное, не захватывающее большихъ пространствъ и не оставляющее слѣда на картахъ синоптическихъ, т. е. составленныхъ для цѣлой страны или области.

Прошу принять къ свѣдѣнію, что нѣсколько моментальныхъ снимковъ настоящаго смерча были бы для науки цѣннѣе длинныхъ описаній этого замѣчательнаго явленія. Смерчъ, хотя рѣдко, у насъ бываетъ и состоитъ изъ двухъ воронокъ или трубъ: одна образуется въ облакахъ, другая, совершенно, повидимому, независимо, на землѣ, и затѣмъ онѣ соединяются другъ съ другомъ.

*) Изъ многихъ картинокъ, показанныхъ на экранѣ, воспроизведены здѣсь только шесть.

Вторая картинка переноситъ насъ мысленно на далекій Сѣверъ. Дѣйствіе происходитъ «на берегу пустынныхъ волнъ», въ точномъ смыслѣ слова.

Стоящее низко надъ горизонтемъ солнце есть «полуночное солнце». Пейзажъ былъ снятъ казанскимъ профессоромъ Д. И. Дубяго точно въ полночь, на Новой Землѣ, во время экспедиціи для наблюденія полнаго солнечнаго затменія прошлаго 1896 года. Земля между солнцемъ и зрителемъ есть Бѣлужій островъ, или островъ Лемякова; высокій берегъ направо отъ солнца и на первомъ планѣ есть берегъ Новой Земли, образующій въ этомъ мѣстѣ небольшую бухту. Мысъ, вблизи котораго стояла камера, названъ присутствовавшими моряками «Казанскимъ». Отъ пейзажа вѣетъ сыростью и холодомъ; солнце свѣтитъ, да не грѣетъ. Кто хоть разъ видѣлъ подобную картину, тотъ никогда не забудетъ, что есть страны, гдѣ солнце нѣкоторое время совсѣмъ не заходитъ.

Фотографическая камера можетъ поднять наши глаза и на высоту. Не буду говорить о весьма извѣстныхъ, по описаніямъ, но совершенно недоступныхъ обыкновеннымъ любителямъ, снимкахъ съ воздушнаго шара, но особенно рекомендую вниманію фотографовъ снимки помощью воздушнаго змѣя. Разсмотримъ прежде всего превосходный видъ французскаго городка Лабругьера, снятый этимъ способомъ съ высоты 90 метровъ (рис. 3).

Картинка эта особенно хороша въ проложеніи на экранѣ: отдѣльные дома, отдаленныя возвышенія, полотно желѣзной дороги,—все это видно ясно и отчетливо. Картинка взята изъ небольшой книжки *A. Batut.* «La Photographie Aérienne par Cerf-Volant». Paris, 1390, въ которой дано обстоятельное описаніе и змѣя и всѣхъ пріемовъ. Книжка эта должна находиться въ каждой, даже самой скромной, фотографической библіотекѣ.

По возможности легкая, но солидная, на случай паденія, камера прикрѣпляется къ змѣю. Пластинки берутся высшей чувствительности и затворъ моментальный изъ самыхъ быстро-дѣйствующихъ, что необходимо по причинѣ колебаній змѣя. Затворъ удерживается резиновою нитью, къ которой привязанъ кусокъ фитиля; въ моментъ выпусканія фитиль зажигается и, когда догоритъ до конца, затворъ опускается. Фитиля берутъ столько, чтобы онъ горѣлъ минутъ пять. Въ тихую погоду можно запустить змѣй, держа конецъ веревки и поѣхавъ быстрою рысью или на велосипедѣ, въ морѣ—на катерѣ.

Въ настоящее время змѣй усовершенствованъ метеорологами, употребляющими его вмѣсто *ballon-captif*, для наблюденій на высотѣ помощью самопишущихъ снарядовъ. Особенно высоко обыкновенный змѣй не поднимается, вслѣдствіе вѣса веревки, возрастающаго съ высотою. Теперь дѣлаютъ змѣи «тандемъ». Конецъ веревки перваго змѣя прикрѣпляется ко второму, веревки второго къ третьему и т. д. Въ Америкѣ тандемъ изъ девяти змѣевъ достигалъ значительной высоты, 5.600 футовъ.

Каждый снимокъ съ высоты, какъ строго перспективное изображеніе, можетъ служить для опредѣленія разстояній въ предѣ-

лахъ снятой мѣстности. Но фотографическая камера можетъ сдѣлаться въ рукахъ землемѣра его операціоннымъ инструментомъ и замѣнить, во время работъ въ полѣ, обычный угломѣрный снарядъ. Особенно точный и остроумный свособъ пользоваться ка-

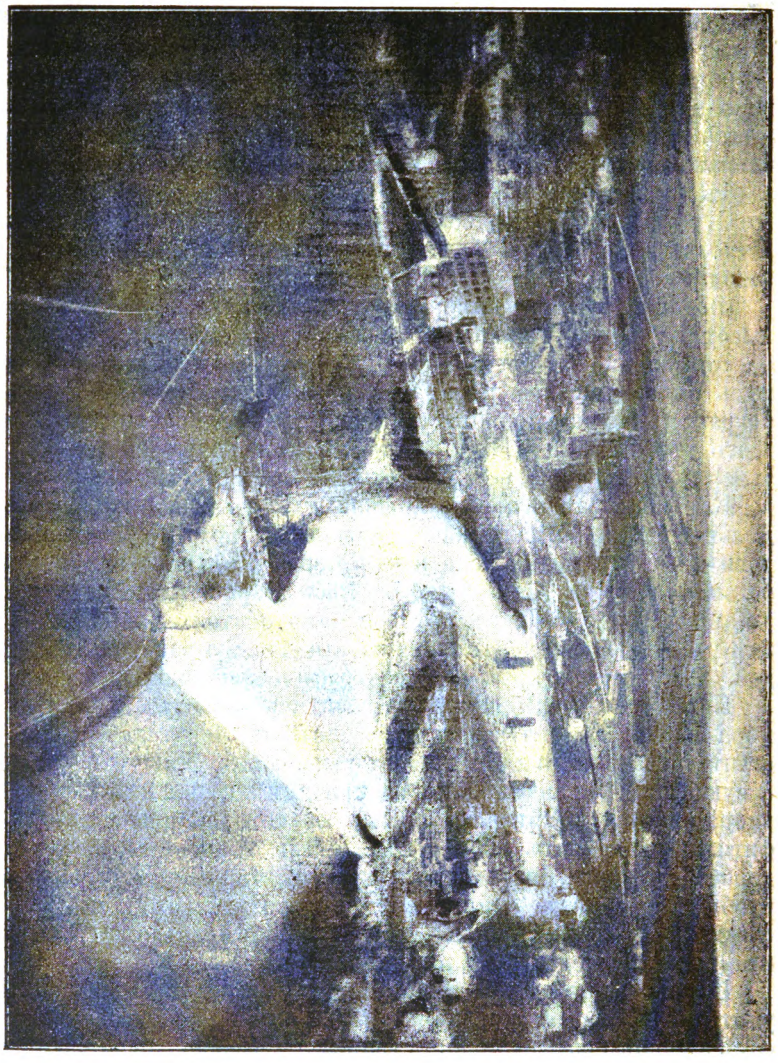


Рис. 3.

мерой для подобныхъ цѣлей состоитъ въ слѣдующемъ. Проявленный негативъ вставимъ обратно въ камеру, освѣтимъ сзади и станемъ разсматривать его черезъ объективъ камеры. Изображенія всѣхъ отдаленныхъ предметовъ, деревьевъ, горъ и т. д. будутъ видны въ тѣхъ же точно другъ отъ друга угловыхъ разстояніяхъ, какъ и самые предметы. Все будетъ видно еще лучше,

если глядѣть не простымъ глазомъ, а въ трубу. Но если мы въ состояніи видѣть предметы въ трубу, то можемъ и измѣрять ихъ угловыя разстоянія, напр., теодолитомъ, приспособленнымъ, конечно, надлежащимъ образомъ къ этимъ своеобразнымъ измѣреніямъ.

Такимъ способомъ были произведены предварительныя изысканія для желѣзной дороги черезъ Юнгфрау. Разумѣется, какъ только заходитъ рѣчь о точныхъ измѣреніяхъ, такъ нужно считаться съ очень многими теоретическими и практическими подробностями. Изложеніе относящихся сюда способовъ часто называютъ *фотограмметріей*, а снаряды—*фототеодолитами*.

Отличные результаты достигнуты такими же инструментами и при опредѣленіи высоты облаковъ.

Мы привели пару примѣровъ изъ множества приложеній фотографіи, которая развивается такъ быстро, что почти невозможно слѣдить за ея открытіями; по всѣмъ направленіямъ кипитъ бодрая работа, и каждый день приноситъ намъ что-нибудь новое и важное.

Всѣ говорятъ о чудесныхъ иксъ-лучахъ. Мы видѣли недавно у доктора Л. П. Александрова снимки рукъ поразительной отчетливости: въ костяхъ видны гаверсовы канальцы, а на кожѣ ясно вырисовываются мельчайшія бороздки, покрывающія все изображеніе тонкою сѣткой, такъ что на поверхности руки можно обозначить точку, соотвѣтствующую извѣстному мѣсту кости, просто съ микрометрическою точностью. Это достигается натираніемъ рукъ порошкомъ Magisterii Bismuthi, который выполняетъ бороздки кожи и дѣлаетъ ихъ непрозрачными.

Безъ микрофотографій не обходится теперь ни спеціальная, ни общедоступная лекція по бактереологіи, а вѣдь нашъ вѣкъ съ одинаковымъ правомъ можно назвать какъ электрическимъ, такъ и вѣкомъ бактерій.

Теперь снимаютъ воздушную звуковую волну, порожденную динамитнымъ взрывомъ, и слой сгущеннаго воздуха передъ летящимъ ядромъ. Мало того, что подобные снимки должны считаться верхомъ ловкости и остроумія,—они прямо даютъ намъ возможность изучить явленіе, подобно тому, какъ недавно мгновенныя фотографіи падающей кошки разъяснили намъ одинъ изъ вопросовъ теоретической механики, формулированный до сихъ поръ недостаточно полно и точно.

Передъ нами лежитъ, въ прекрасныхъ изображеніяхъ, сложная «исторія» паденія капли съ небольшой высоты и удара ея о твердое или жидкое препятствіе; эта длинная исторія разнообразныхъ измѣненій формы продолжалась одну десятую долю секунды.

Подобные же моментальные снимки, вставленные въ кинематографъ, даютъ волшебныя картины, которыми мы всѣ недавно восхищались и которыя воспроизводятъ живую дѣйствительность, конечно, точнѣе и лучше, чѣмъ это дѣлали, даже въ сказкахъ, зеркала старинныхъ кудесниковъ.

Недавно было сдѣлано слѣдующее курьезное приложеніе моментальной фотографіи. Сняли «профессора» магіи, во время про-

изводства фокусовъ, основанныхъ на ловкости рукъ. Рядъ изображеній, при разсматриваніи, не даетъ ни малѣйшей иллюзіи, ясно видно каждое положеніе рукъ, но нельзя представить себѣ, чтобы это порождало обманъ! Иллюзія достигается здѣсь необыкновенною быстротою; непосредственное зрительное ощущеніе насъ грубо обманываетъ, моментальная фотографія даетъ возможность понять явленіе въ точности.

Между легкими, сравнительно, и чрезвычайно полезными приложеніями фотографіи одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ приготовленіе картинокъ для волшебнаго фонаря. Фонарь этотъ долженъ распространяться все больше и больше, какъ незамѣнимое пособіе всякаго низшаго и высшаго преподаванія. Но обыкновенная черная картинка есть лишь самая простая иллюстрація разсказа. При помощи двойного фонаря и сложной картинки можно достигнуть несравненно большаго. На одномъ изъ чтеній я воспроизвелъ на экранѣ всѣ обстоятельства полнаго солнечнаго затменія, по ихъ внѣшнему виду и продолжительности; даже было не совсѣмъ ясно, и часть явленія пропала за набѣжавшими облаками. Но такую картинку надо придумать самому и для осуществленія обратиться за содѣйствіемъ къ фотографу-художнику, любящему научные вопросы. У насъ есть довольно дорогая коллекція заграничныхъ астрономическихъ картинокъ, могущая служить отличнымъ образцомъ поистинѣ отвратительной грубости. Это упоминается для того, чтобы мы съ охотой работали надъ улучшеніемъ картинокъ, не думая, что все можно выписать готовымъ.

Не смотря на то, что мы ни однимъ словомъ не упомянули объ ортохроматическихъ способахъ, которые въ рукахъ нашего ботаника, проф. Тимирязева, даютъ такіе блестящіе результаты въ примѣненіяхъ къ снимкамъ цвѣтовъ и букетовъ, ни о цвѣтной фотографіи и фотографированіи естественныхъ цвѣтовъ, что не одно и то же, ни о множествѣ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ процессахъ,—все-таки ясно, что современная свѣтопись представляетъ чрезвычайно удобное поле занятій для самыхъ разнообразныхъ силъ, склонностей и матеріальныхъ средствъ. Нужно только непремѣнно внести въ свои занятія извѣстную систему и поставить себѣ трудную цѣль, ибо всегда, и въ большомъ, и въ маломъ вѣрны слова поэта, что высокая цѣль возвышаетъ человѣка. Но больше всего слѣдуетъ стремиться обогатить свое дѣло хотя бы крошечнымъ усовершенствованіемъ; я не говорю—сдѣлать что-нибудь новое, а сдѣлать что-нибудь лучшее. Конечно, это не легко, ибо нужно хорошенько усвоить себѣ современное состояніе извѣстнаго вопроса, обсудить всѣ подробности и затѣмъ подвинуться, хотя бы на вершокъ, но непремѣнно впередъ. Зато, кто этого достигнетъ, можетъ быть увѣренъ, что и во всякомъ другомъ дѣлѣ онъ сейчасъ сообразится и войдетъ въ него легче, нежели другіе.

Такимъ образомъ, занятіе фотографіей, начавшееся простою забавой, можетъ незамѣтно перейти въ полезную школу, развивающую и дисциплинирующую любителя не хуже всякаго дру-

гого предмета. Скажу болѣе, даже въ случаѣ неудачныхъ пробъ и попытокъ, не приведшихъ ни къ какому выводу,—что любезные критики называютъ дилеттантизмомъ, а критиканы толченіемъ воды,—и въ этомъ наихудшемъ случаѣ не такъ все безполезно, какъ кажется, и кое-что непремѣнно осталось, въ видѣ прибавки опытности и нѣкоторыхъ пересиленныхъ трудностей.

§ 2.

Не разъ приходилось слышать длинные споры между художниками и фотографами о томъ, есть ли фотографія искусство, или нѣтъ. Очевидно, въ этомъ сомнѣваются и никто не можетъ привести рѣшающаго доказательства. Въ одномъ, однако, относительно фотографіи сомнѣваться нельзя, а именно въ огромной пользѣ, какую она принесла теперь уже наукѣ. Это будетъ ясно, между прочимъ, и изъ нѣсколькихъ словъ, которыя мы сейчасъ скажемъ о самомъ важномъ и цѣнномъ приложеніи фотографіи,—о ея примѣненіи къ изученію звѣзднаго неба, не забывая, что на разныхъ языкахъ посвящены уже этимъ вопросамъ цѣлые трактаты.

Я формулирую въ четырехъ словахъ — *моментальность*, *детальность*, *интегральность* и *документальность*—тѣ свойства, которыя изъ фотографической пластинки дѣлаютъ, въ рукахъ ученаго, незамѣнимый инструментъ изслѣдованія.

Самое важное свойство есть послѣднее. Каждая фотографія представляетъ собою подлинный документъ, на которомъ извѣстное явленіе или нѣкоторый уголокъ природы сами оттиснули свой отпечатокъ. Фотографія даетъ больше, чѣмъ мы хотѣли получить; ее можно изучать, на ней можно найти что-нибудь новое и намъ неизвѣстное. Если, несмотря на всевозможныя предосторожности, разбивается астрономическій негативъ, мы бережно собираемъ куски, потому что на маленькомъ осколкѣ все еще есть звѣзды, и можетъ оказаться въ высшей степени полезнымъ заглянуть въ эту точку неба.

Когда, въ какой мѣрѣ и какимъ способомъ воспользоваться то тѣмъ, то другимъ изъ остальныхъ свойствъ пластинки, это должно уже подсказать каждому изъ насъ собственное остроуміе.

Начнемъ съ моментальности и, кромѣ вышеупомянутыхъ примѣровъ, приведемъ еще одинъ, взятый хотя не изъ астрономіи, но изъ близкой къ ней метеорологіи.

«Блеснуло, какъ молнія», говорится о томъ, что продолжалось неуловимо короткое мгновеніе, чего ни разсмотрѣть, ни запомнить не было никакой возможности. И вотъ, молнію теперь фотографируютъ и въ отличныхъ снимкахъ даютъ намъ всѣ ея тончайшіе изгибы и развѣтвленія. Оказывается, во-первыхъ, что она непохожа на то, какъ ее рисовали споконъ вѣку господа художники; въ нѣкоторыхъ случаяхъ она поразительнѣе и несравненно величественнѣе, въ другихъ принимаетъ формы, какихъ никто не ожидалъ и не подозрѣвалъ.

Вотъ, напр., снимокъ (рис. 4а), глядя на который не вѣришь сво-

имъ глазамъ; послѣ внимательнаго разсмотрѣнія приходится признать, что это не ошибка и не обманъ.

Снимокъ этотъ сдѣланъ докторомъ Прехтомъ изъ Гейдельберга небольшою камерою, которую онъ, держа въ рукахъ, медленно двигалъ. Какъ видно, молнія пять разъ ударила, слѣдуя по одному направленію, точно по какому-то каналу. Такая фотографія есть маленькое открытіе.

Между отличными снимками одесскаго профессора Пильчикова есть молніи въ видѣ трубъ и въ видѣ плоскихъ, причудливо изгибающихся лентъ.

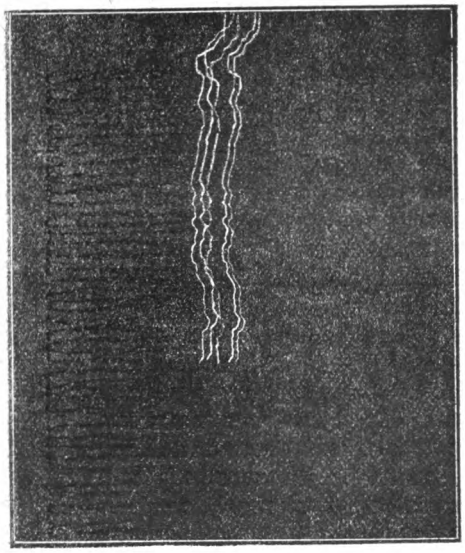


Рис. 4а.

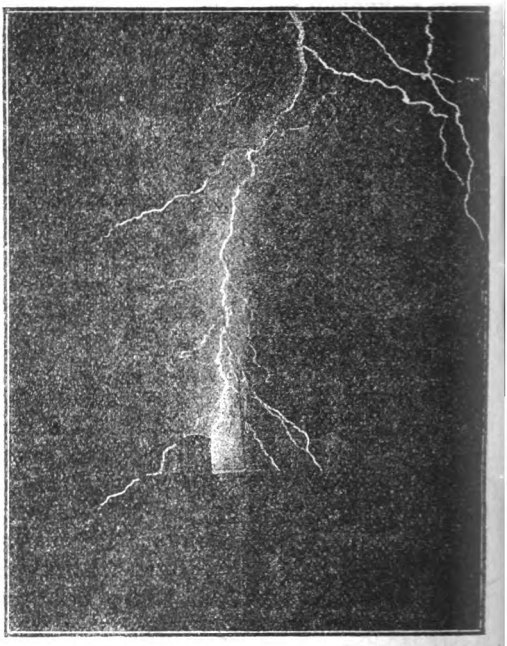


Рис. 4б.

Будемъ имѣть надежду, что фотографія поможетъ намъ разгадать законы атмосфернаго электричества, относительно котораго мы въ настоящее время имѣемъ слишкомъ двадцать четыре разныхъ теорій и всѣ, разумѣется, невѣрныя.

О детальности фотографическаго изображенія говорить не станемъ; для фотографіи мелочей не существуетъ; вѣдь, на портретѣ вырисовывается каждый волосокъ. Есть случаи, напр., при фотографированіи солнечной поверхности, когда это свойство пріобрѣтаетъ первостепенную важность и выступаетъ на первый планъ.

Интегральностью мы называемъ свойство пластинки собирать или суммировать свѣтовое дѣйствіе. Подобно тому, какъ, собирая по каплямъ дождевую воду, мы можемъ наполнить стклянку, такъ въ фотографическую камеру возможно накопить сразу или въ

нѣсколько пріемовъ свѣтовое дѣйствіе отъ предметовъ, слабо свѣтящихъ или тускло освѣщенныхъ.

Извѣстный директоръ обсерваторіи на мысѣ Доброй Надежды, Гилль, сфотографировалъ одну и ту же часть неба при разныхъ экспозиціяхъ, отъ шести минутъ до 24 часовъ; двадцати четырехъ-часовая экспозиція была сдѣлана въ восемь разныхъ ночей. На пластинкѣ, экспонированной три часа, получилось 10.000 звѣздъ на квадратномъ градусѣ неба; при 12-ти-часовой экспозиціи было уже 50.000, а при 24-хъ-часовой цѣлыхъ 100.000 звѣздъ на квадратномъ градусѣ. Квадратный градусъ есть квадратная часть небеснаго свода, каждая сторона которой равна двойному видимому поперечнику солнца. Изображенныя на послѣдней пластинкѣ звѣзды такъ малы и слабы, что ихъ не видно ни въ одну изъ существующихъ на всемъ свѣтѣ трубъ.

Спириты говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ «вторымъ зрѣніемъ», т. е. способностью видѣть то, чего не видитъ никто другой. Я не знаю, могутъ ли они доказать справедливость своихъ словъ, но фотографія есть дѣйствительно второе зрѣніе астронома.

Теперь посмотримъ, какъ фотографировалъ полное солнечное затменіе 1893 года астрономъ Ликовской обсерваторіи, извѣстный Шеберле. Это была образцовая работа, смѣло обдуманная и отъ начала до конца безукоризненно проведенная. Во многихъ случаяхъ дѣятельность американцевъ является теперь поистинѣ въ блестящемъ свѣтѣ. Они пускаютъ въ ходъ такія огромныя средства, обнаруживаютъ столько энергіи, предпріимчивости и даже таланта, что достойны величайшей похвалы, и мы должны у нихъ учиться.

Фотографическая камера Шеберле была не малая, при отверстіи въ пять дюймовъ фокусная длина объектива равнялась почти *шести* саженямъ. Сама камера была построена изъ паруснаго полотна, выкрашеннаго въ черный цвѣтъ, и заранѣе направлена какъ разъ на то мѣсто неба, гдѣ должно было быть солнце въ моментъ полнаго затменія.

Прилагаемая картинка даетъ ясное представленіе объ этомъ замѣчательномъ приспособленіи (рис. 5).

Такъ какъ камера была неподвижна, то изображеніе солнца въ фокусѣ, конечно, двигалось, и для полученія яснаго изображенія пластинка, величиною въ 18×22 дюйма, тоже двигалась часовымъ механизмомъ по столику, приспособленному надлежащимъ образомъ; самъ астрономъ находился при этомъ внутри камеры, около столика. Изображеніе солнца имѣло четыре съ половиною дюйма въ діаметрѣ. Мѣсто для этихъ наблюденій было выбрано въ высшей степени удачно, въ Чили, на горѣ въ 6.500 ф.

Фотографіи даютъ солнечную хромосферу, выступы и части короны, прилежащія къ краямъ солнца, съ удивительною отчетливостью, но, при значительной величинѣ фокуснаго изображенія, дальнѣйшихъ частей короны на нихъ быть не можетъ. Для общаго вида короны надо фотографировать ее объективами съ короткимъ фокусомъ и большимъ полемъ зрѣнія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю, что фотографіи прошлогодняго (1896 г.) іюльскаго полнаго затменія, сдѣланныя адъюнктомъ Пулковской обсерваторіи г. Костинскимъ и г. Ганскимъ,

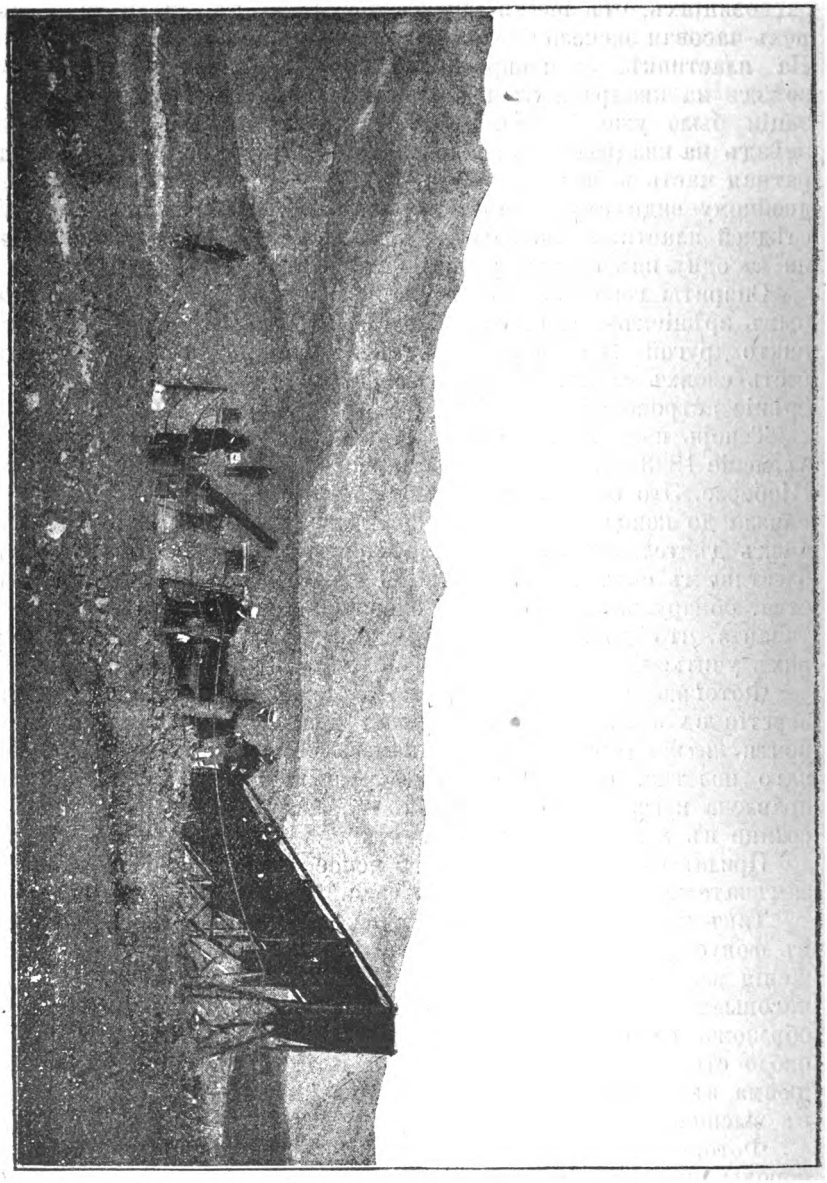


Рис. 5.

на Новой Землѣ, а также снимки пулковской экспедиціи на Амурѣ, считаю наилучшими изъ всѣхъ до сихъ поръ сдѣланныхъ и пріобрѣтающими особенное значеніе вслѣдствіе полнаго сходства короны на снимкахъ, полученныхъ въ столь отдаленныхъ

другъ отъ друга точкахъ земной поверхности, что доказываетъ лишній разъ космическій характеръ короны,—то, что она принадлежитъ солнцу, а не есть метеорологическое явленіе, порожденное лучами свѣта въ нашей атмосферѣ.

Отъ солнца естественно перейти къ другимъ предметамъ мірового пространства. Кромѣ милліоновъ звѣздъ, на небесномъ сводѣ есть множество туманностей и не мало звѣздныхъ кучъ или скопленій. Эти послѣднія тѣла представляли непреодолимыя трудности при изученіи: туманности—своими причудливыми изгибами и неуловимыми нереливами свѣта, звѣздныя кучи—безчис-

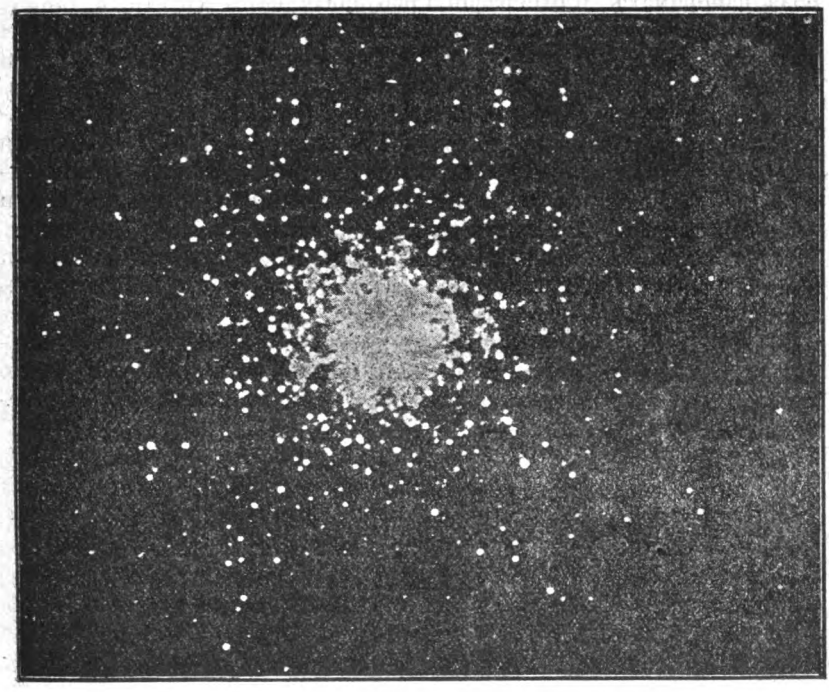


Рис. 6.

ленньшъ множествомъ звѣздъ, насыпанныхъ, подобно мельчайшимъ песчинкамъ, въ одномъ мѣстѣ неба.

Но дѣло сразу измѣнилось въ тотъ моментъ, когда, лѣтъ десять тому назадъ, астрономы Парижской обсерваторіи, братья Анри (Henry), получили свои первые снимки. Теперь мы имѣемъ великолѣпныя изображенія этихъ предметовъ, сравнительно съ которыми рисунки, сдѣланные такъ еще недавно лучшими наблюдателями, кажутся какими-то древними остатками чего-то давно прошедшаго. Прилагаемая здѣсь картинка изображаетъ кучу въ созвѣздіи Геркулеса.

Начертивъ на ней квадратики, мы можемъ не только сосчитать звѣздочки, но и опредѣлить ихъ относительныя положенія.

Такъ что простая картинка на страницѣ журнала даетъ намъ въ видѣ забавы списокъ или каталогъ звѣздъ скопленія, для составленія котораго обыкновенными микрометрическими измѣреніями потребовалась бы огромная труба и трудная работа многихъ ночей.

Только, считая на картинкѣ эти маленькія точки, мыслящій человѣкъ долженъ понимать, что онъ исчисляетъ огромныя космическія тѣла, равныя нашему солнцу, а можетъ быть, и превосходящія его.

Изображенія туманностей, скопленій и частей млечнаго пути особенно эффектны въ проложеніяхъ на экранѣ и въ разнаго рода панорамахъ. Фотографія приблизила насъ къ этимъ удивительнымъ небеснымъ тѣламъ и дала возможность всякому видѣть ихъ такъ хорошо и ясно, какъ это невозможно было ни Гершелю, ни Россу.

Древніе мудрецы считали землю центромъ міра, самымъ значительнымъ и важнымъ тѣломъ. Мы знаемъ теперь, что земля не только не есть центръ міра, но что наше солнце сотни тысячъ разъ больше земли, и оно есть лишь одна песчинка среди безпредѣльныхъ звѣздныхъ пространствъ.

Объ этомъ нужно помнить, объ этомъ слѣдуетъ подумать хоть разъ въ жизни, ибо въ этомъ каждый изъ насъ найдетъ высокое и своеобразное успокоеніе.

Пусть себѣ земля будетъ лишь атомъ, но это атомъ безпредѣльнаго космоса; пусть себѣ нашъ умъ будетъ лишь ничтожною каплею, но эта капля зачерпнута въ бездонномъ океанѣ премудрости.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Августъ 1897 г.

Содержаніе. Русскія и переводныя книги: Публицистика. — Исторія литературы и искусства.—Политическая экономія.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*: Изъ западной культуры.—Новости иностранной литературы.

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Н. Катковъ. «О женскомъ образованіи».—*П. Н. Ковалевскій.* «Историческіе эскизы изъ исторіи».

М. Н. Катковъ. О женскомъ образованіи. Москва 1897 года. Статьи покойнаго издателя *Московскихъ Вѣдомостей*, посвященныя вопросу о женскомъ образованіи, собраны теперь въ одну брошюру съ нарочитой цѣлью, не совсѣмъ совпадающей собственно съ интересами женскаго образованія вообще.

Въ брошюрѣ перепечатаны статьи, «связанныя съ возникновеніемъ и постепеннымъ ростомъ женской классической гимназіи», т. е. учебнаго заведенія г-жи Фишеръ въ Москвѣ. И брошюра такимъ образомъ является рекламой, весьма цѣлесообразной съ извѣстной точки зрѣнія именно теперь, когда оживленно дебатируется вопросъ о правахъ женщинъ на высшее образованіе. Къ сожалѣнію только, даже и въ этомъ вопросѣ, какъ едва-ли не во всѣхъ публицистическихъ задачахъ, какія когда-либо подлежали рѣшенію знаменитаго публициста, мы не можемъ избавиться отъ самыхъ крайнихъ противорѣчій, двусмысленной реторики, дающей автору возможность весьма гладкими путями переходить отъ данной идеи чуть не къ ея полюсу. И брошюра, заключающая въ себѣ всего семьдесятъ страницъ и охватывающая статьи даже изъ одного болѣе или менѣе ярко окрашеннаго періода дѣятельности Каткова, именно отъ 1872 года до 1882, можетъ быть разбита, по крайней мѣрѣ, на двѣ части.

Въ одной Катковъ убѣдительный и, повидимому, убѣжденный защитникъ правъ женщины рѣшительно на всѣ умственныя завоеванія, какія только совершила и совершитъ еще человѣческая цивилизація. У публициста нѣтъ ни одного сколько-нибудь оригинальнаго доказательства идеи, всѣ его соображенія, даже подробности его краснорѣчія—старое наслѣдство публицистики шестидесятыхъ годовъ. Но для читателей *Московскихъ Вѣдомостей* семидесятыхъ годовъ было поучительно именно на столбцахъ этого органа читать столь «либеральныя» размышленія и скрѣпленныя столь надежнымъ авторитетомъ.

Всѣ доводы Каткова построены на школьной, но въ данномъ случаѣ дѣйствительно очень плодотворной истинѣ: homo sum et nihil humani a me alienum puto. Это «знаменитое слово древности» до такой степени вдохновляетъ публициста, что онъ повторяетъ его въ нѣсколькихъ статьяхъ, и естественно повторяется въ своихъ аргументахъ. Статьи *первой* части вообще написаны по тожественному плану, въ тожественной формѣ и представляютъ очень ловкія варіаціи «знаменитаго слова древности». Но сущность опять не въ изобрѣтательности и глубокомысліи публициста, а именно въ варіаціяхъ.

Среди нихъ попадаются не лишенныя эффекта и полныя поучительныхъ уроковъ для современныхъ продолжателей «великаго журналиста». Напримѣръ, такое общее соображеніе: «Были времена, когда и государство не нуждалось въ высшемъ образованіи, недавно и для мужчины на всѣхъ поприщахъ его дѣятельности казалось достаточнымъ кое-какое образованіе; но въ наше время ни одинъ народъ не можетъ безнаказанно отставать отъ другихъ въ этомъ отношеніи. Образованіе стало необходимостью, а за отсутствіемъ условій правильнаго образованія возникаетъ фальшивое подобіе его, которое умножаетъ не силу, а безсиліе и въ обществѣ, и въ семьѣ, и въ человѣкѣ» (стр. 18—19).

Катковъ, увлеченный древнимъ изреченіемъ, рѣшительно отказывается проводить какія-либо границы между образованіемъ мужчины и женщины. Даже *слабость* послѣдней—этотъ общепринятый аргументъ сторонниковъ женственности и особаго *женственнаго* духовнаго развитія—является въ глазахъ публициста результатомъ не естественнаго закона, а неудовлетворительныхъ общественныхъ порядковъ. Развѣ изъ современной женской школы «можно выносить силу?»—спрашиваетъ Катковъ, и отвѣчаетъ энергическимъ отрицаніемъ.

Онъ идетъ гораздо дальше. «Если,—разсуждаетъ онъ,—въ низшемъ быту жена бываетъ помощницей мужа во всѣхъ его трудахъ, то почему же не можетъ она быть опорой ему въ высшихъ сферахъ дѣятельности, гдѣ требуется зрѣлая мысль, образованный умъ?»

Положимъ, этотъ аргументъ еще древнѣе, чѣмъ «знаменитое слово», онъ въ еще болѣе рѣшительной и, такъ сказать, естественной формѣ былъ приведенъ Платономъ въ діалогѣ *Республика*: тамъ философъ, не безъ большой доли наивности и, даже, пожалуй, не безъ вреда для серьезности постановки вопроса, на основаніи наблюденій надъ животными, спеціально надъ собаками, выводилъ принципъ даже политической равноправности женщинъ. Разъ собаки обоего пола отлично умѣютъ стеречь стадо, отчего же одинаково полезную службу государству не могутъ выполнять мужчины и женщины? Такъ стары идеи эмансипаціи и такъ доступны доказательства по аналогіямъ и сравненіямъ!

Но Катковъ, опять въ порывѣ увлеченія, далеко опережаетъ мудрецовъ древности и готовъ признать даже превосходство женской природы именно на поприщѣ цивилизаціи и высшаго просвѣщенія. Вотъ въ полномъ смыслѣ рыцарская проповѣдь, на какую не

всегда рѣшались даже очень отважные защитники эмансипаціи: ихъ удовлетворило бы и общее признаніе за женскими способностями *одинаковаго* достоинства съ мужскими. Каткову этого недостаточно.

«Право, говоря вообще, женщина у насъ лучше, чѣмъ мужчина, и мы,—продолжаетъ авторъ,—готовы думать, что всякое дѣло въ ея рукахъ, при надлежащей подготовкѣ, будетъ спориться по крайней мѣрѣ не хуже, чѣмъ въ мужскихъ, и исполняться съ большею честностью. Мы увѣрены, что отъ хорошаго женскаго труда наша наука могла бы только выиграть и въ своемъ развитіи, и въ своихъ примѣненіяхъ, и въ своемъ вліяніи на жизнь. Чрезъ женщину она глубже проникла бы въ жизнь и обновляла бы ее въ самихъ источникахъ».

Даже о несвойственности женщинѣ «политическаго поприща» Катковъ говоритъ, прибавляя существенное ограниченіе «повидимому», а на счетъ другихъ профессій, особенно медицинской, не можетъ быть сомнѣнія: женщины навѣрное не отстанутъ отъ мужчинъ. И публицистъ пишетъ нарочито нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ для доказательства, что медицинскія и естественныя науки не нанесутъ никакого ущерба женскимъ добродѣтелямъ, скромности, стыдливости, приличію... (стр. 24—26).

Въ заключеніе мы слышимъ, что потребность въ женскомъ образованіи—фактъ у насъ совершенно серьезный, съ нимъ безусловно слѣдуетъ считаться и основательно удовлетворить потребности. Она «не есть только напускное, фальшивое, налганное дѣло, а начинаетъ дѣйствительно чувствоваться въ нѣдрахъ нашего общества, какъ и въ другихъ странахъ» (стр. 39).

На что же лучше! — воскликнетъ читатель. Мы совершенно согласны съ такими благородными и истинно-культурными идеями. Онѣ дѣлаютъ честь не только московскому редактору, но даже въ наши дни могли бы *украсить*, въ полномъ смыслѣ, иной заграничный трактатъ о положеніи женщинъ въ семьѣ и въ обществѣ, особенно трактатъ французскаго происхожденія...

Но ровно на половинѣ брошюры восхищеннаго читателя ждетъ сначала легкое, а потомъ и весьма чувствительное разочарованіе. Выходитъ, «умыселъ другой здѣсь былъ», и рыцарскія рѣчи говорились въ дѣйствительности не по адресу той дамы, имя которой чаще всего называлось, а совершенно другой, ни болѣе, ни менѣе, какъ латинской и греческой грамматики вообще и въ частности г-жи Фишеръ, открывшей путь къ этой сокровищницѣ просвѣщенія русскимъ дѣвицамъ. И такъ какъ всякое двоедушіе непремѣнно рано или поздно находитъ свою кару, то не минуетъ она и нашего рыцаря.

И какая еще жестокая кара!

Катковъ былъ на экзаменахъ фишеровской гимназіи и пришелъ въ восторгъ отъ блестящихъ отвѣтовъ ученицъ по латинской грамматикѣ, тѣмъ болѣе удивительныхъ отвѣтовъ, что ученицы за одинъ годъ прошли курсъ перваго и второго класса.

Фактъ утѣшительный, но какой же логическій выводъ? На основаніи предъидущихъ разсужденій о достоинствахъ и даже пре-

имуществахъ женской природы надъ мужской, мы должны заключить, что программы по латинскому языку для первыхъ двухъ классовъ *не обременительны* и для мальчиковъ.

Такъ говоритъ логика, но ея мало для публицистики, и вотъ выводъ нашего автора, опять увлеченнаго, но только врядъ ли въ сторону гуманности и культурности:

«Вотъ,—восклицаетъ Катковъ, — разительное доказательство лживости и безсовѣстности агитаціи, которая кричитъ о непомѣрности усилій, будто бы требуемыхъ новыми учебными порядками въ гимназіяхъ! Если дѣвочки могли въ одинъ годъ, безъ всякаго затрудненія и съ полнымъ успѣхомъ, пройти то, что въ мужскихъ гимназіяхъ проходится въ два года, то можно ли добросовѣстно сказать, что новые порядки въ гимназіяхъ обременяютъ учащихся непосильными занятіями, и не справедливѣе ли изъ сдѣланнаго опыта заключить напротивъ, что требованія учебнаго курса въ гимназіяхъ слишкомъ слабы?» (стр. 44).

Hier war der Hund begraben! Что, въ самомъ дѣлѣ, стóитъ эмансипація не только женская, а всякая другая, въ смыслѣ уменьшенія традиціоннаго или вновь измышленнаго схоластическаго или нравственнаго бремени, разъ на сценѣ классическая стилистика! И дальше начинается декламація во славу «гармоническаго развитія всѣхъ душевныхъ способностей»—путемъ склоненій и спряженій. Потому что не могъ же публицистъ не знать, что именно эта ученость оставляла въ русскомъ классицизмѣ на заднемъ планѣ не только «самыя широкія обобщенія», а и вообще логическій смыслъ классическаго текста.

Слѣдовательно, женщина нужна для утвержденія «классической системы»?—невольно зададите вы этотъ вопросъ послѣ только-что приведенныхъ разсужденій. И вамъ отвѣтятъ: да, именно для этой цѣли, и не для чего другого, по крайней мѣрѣ, только *о содѣйствіи классической системѣ* со стороны рускихъ женщинъ—мы слышимъ дальше (стр. 52). Послѣ такого скачка въ мысляхъ, насъ нисколько не удивитъ новая фаза вопроса, неожиданная и врядъ ли возможная для другого публициста, но въ нашемъ случаѣ именно потому и естественная, что она идетъ «разсудку вопреки».

Въ предпослѣдней статьѣ сборника уже гремятъ громы надъ «женскимъ вопросомъ» и надъ всѣми, кто «узаконялъ» этотъ вопросъ, причемъ даже оффиціальное вѣдомство попадаетъ въ разрядъ штрафованныхъ. Мы уже совершенно въ сферѣ той самой публицистики, какая навсегда въ исторіи русской печати останется съ краткимъ, но краснорѣчивымъ наименованіемъ: публицистика *Московскихъ Вѣдомостей*. Еще такъ недавно женскій вопросъ считался историческимъ явленіемъ русской жизни, теперь это «фальшивый» вопросъ. Только-что русское общество приглашалось серьезно удовлетворить назрѣвшей «необходимости», теперь всякая попытка въ этомъ направленіи клеймится ироніей и негодованіемъ, какъ этого заслуживаетъ дѣло преступное или безумное. Такъ мѣняются пѣсни!

И главное, люди и идеи. И собственно не перемѣна для насъ

интересна: это большой вопросъ и для него, можетъ быть, еще не настала исторія. Насъ занимаетъ болѣе общій чисто-психологическій мотивъ. Сущность его чрезвычайно проста и выражается рѣшительно всѣмъ извѣстнымъ правиломъ. Мы его напоминаемъ лишній разъ потому, что, во-первыхъ, простота истины далеко не всегда гарантируетъ ея несомнѣнность для всѣхъ, а потомъ—только-что разобранная публицистика по женскому вопросу какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ этой психологіи.

Не было *искренности* и *принципіальной вѣры* у этой публицистики съ самаго начала. Она пользовалась своимъ предметомъ, какъ боевымъ средствомъ для совершенно другихъ цѣлей, не тѣхъ, какія можно было съ перваго взгляда прочесть на знамени краснорѣчивыхъ статей. Отсюда возможность какихъ угодно поворотовъ и переворотовъ. Сами по себѣ никакая возвышенная идея и никакая одушевленная рѣчь не гарантируютъ прочности и нравственнаго неприкосновеннаго достоинства мысли и слова—только *вѣра* въ нихъ, вѣра дѣйствительно безкорыстно-рыцарственная и всѣмъ существомъ воспринятая, даетъ имъ настоящую просвѣтительную силу.

Историку остается рѣшить вопросъ, на сколько указанная черта извѣстной публицистики шла вглубь и вширь. Мы на нее указываемъ только по частному вопросу.

Но и этотъ вопросъ, мы видѣли, могъ вызвать не мало, хотя и не совершенно безкорыстныхъ, но вполнѣ *по существу* убѣдительныхъ, защитительныхъ рѣчей. Пусть же поклонники дѣйствительно большого журнальнаго таланта Каткова не забываютъ этого факта и признаютъ, что есть же извѣстная жизненная сила и идейное содержаніе въ вопросѣ, если онъ могъ внушить такія настроенія отнюдь не недозрѣлому публицисту. Во всякомъ случаѣ, брошюра является кстати и знакомство съ ней ни для кого не лишне.

Проф. П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изд. третье. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. Психіатрическіе эскизы проф. Ковалевскаго въ области исторіи пользуются слишкомъ большою извѣстностью, чтобы нуждаться въ особой рекомендаціи. Напр., его трудъ «Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе» причисляется всѣми къ лучшимъ характеристикамъ Грознаго. «Эскизы» посвящены разбору характеровъ, съ психіатрической точки зрѣнія, четырехъ историческихъ личностей—Людвига II, баварскаго короля, утопившагося вмѣстѣ съ приставленнымъ къ нему для наблюденія проф. Гуденомъ, Навуходоносора, Саула и Камбиза. Интересъ этихъ характеристикъ, конечно, различенъ, и объединяющимъ началомъ является примѣненіе къ исторіи особаго, спеціально-медицинскаго метода изслѣдованія. Если несомнѣнно, что Людвигъ II былъ душевно-больнымъ, то относительно Саула или Камбиза, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ ихъ дѣятельности, это далеко не такъ, и потому психіатрическій методъ проф. Ковалевскаго устанавливаетъ новую точку зрѣнія, открывая историкамъ особый путь къ пониманію прошлаго. Признаемся, намъ этотъ путь не представляется особенно заманчивымъ. Въ дѣятельности многихъ великихъ

людей можно указать извѣстные моменты, когда они представлялись современникамъ странными и ненормальными, и современный психіатръ, и безъ того, какъ спеціалистъ, всегда предрасположенный видѣть признаки душевной болѣзни тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, можетъ далеко зайти въ своихъ «психіатрическихъ эскизахъ изъ исторіи». Спеціальность всегда приводитъ къ нѣкоторой односторонности, что и отмѣчено Кузьмой Прутковымъ въ извѣстномъ афоризмѣ: «спеціалистъ подобенъ флюсу, ибо полнота его односторонняя». Мы вовсе не хотимъ сказать, что психіатру нечего дѣлать въ исторіи, но, увлекшись, онъ можетъ населить исторію массой душевно-больныхъ, отчего пониманіе прошлаго врядъ ли выиграетъ. Словомъ, мы опасаемся смѣшенія исторіи, науки исключительно *соціологической*, съ психологіей, имѣющей дѣло преимущественно съ личностью.

Эскизы проф. Ковалевскаго отличаются всѣми достоинствами и недостатками узко-спеціальной работы. Историческій фонъ отсутствуетъ всецѣло, и каждый изъ выбранныхъ имъ героевъ разсматривается, такъ сказать, внѣ времени и пространства. Напр., въ характерѣ Камбиза авторъ видитъ много жестокости, хотя для своего времени этотъ царь былъ просто типичнымъ представителемъ восточнаго деспота. Съ точки зрѣнія современнаго человѣка, всѣ, напр., византійскіе басилевсы, поражающіе насъ своей дикой жестокостью, лживостью и развратомъ, могутъ быть зачислены въ разрядъ маніаковъ съ извращеніемъ нѣкоторыхъ чувствъ. Между тѣмъ, для историка они только правовѣрные представители порядка, ихъ создавшаго. Необузданныя вспышки гнѣва Саула авторъ объясняетъ приступами «предсердечной тоски», что, можетъ быть, и вѣрно съ психіатрической точки зрѣнія, но съ исторической это объясняется совершенно иначе. Тѣмъ не менѣе, эскизы читаются съ большимъ интересомъ. Цѣна 1 р. за брошюрку въ 4—5 обыкновенныхъ листовъ чрезмѣрно высока.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

Н. И. Стороженко. «Вольнодумецъ эпохи Возрожденія».—*Н. Дашкевичъ.* «Зезенгеймская идиллія».—*А. Новицкій.* «Передвижники и вліяніе ихъ на русское искусство».

Вольнодумецъ эпохи Возрожденія. Проф. Н. И. Стороженко. Москва 1897. Статья проф. Стороженко, явившаяся отдѣльнымъ изданіемъ въ *Вопросахъ науки, искусства, литературы и жизни*, представляетъ очень большой литературный и публицистическій интересъ, несмотря на свой скромный объемъ. Дѣло идетъ о французскомъ гуманистѣ—Этьеннѣ Доле. Имя это, вѣроятно, извѣстно очень немногимъ читателямъ и во всякомъ случаѣ не можетъ соперничать популярностью съ именами Эразма и Гуттена. А между тѣмъ, и литературныя заслуги Доле, и особенно его личность достойны гораздо болѣе почетной участи въ самомъ отдаленномъ потомствѣ. Доле соединялъ характерныя черты обоихъ великихъ германскихъ гуманистовъ: ученость Эразма и неукротимую энергію Гуттена. Онъ

не былъ въ такой степени одаренъ аттическимъ остроуміемъ, какъ «Вольтеръ XVI-го вѣка», могъ уступать онъ Эразму и блескомъ классическаго стиля, но зато у французскаго писателя неизмѣримо глубже было развито чувство нравственнаго писательскаго долга предъ людьми, ходящими во тьмѣ. Доле не могъ и представить себѣ спокойныхъ эпикурейскихъ наслажденій поэзіей и мыслью вдали отъ тревогъ всегда отвѣтственной практической борьбы за то, что̀ писателю кажется истиной.

При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ приходилось дѣйствовать словомъ и идеями во Франціи XVI-го вѣка, такая натура на каждомъ шагу могла вызвать бездну препонъ и опасностей. Они и были созданы для Доле всѣми господствующими силами вѣка—церковью, университетами, призванными хранителями общественнаго порядка—парламентами. Въ результатѣ соотечественники могли впослѣдствіи воздвигнуть Доле памятникъ съ изображеніемъ сценъ самаго драматическаго и трогательнаго характера.

Доле былъ сожженъ въ Парижѣ, на площади Моберъ, украшенной теперь его памятникомъ. На памятникѣ представлено прощаніе философа съ семьей и его мученическая кончина. Судьба, слѣдовательно, позаботилась сдѣлать трагедію особенно чувствительной для своей жертвы: Доле пришлось разставаться съ страстно любимой женой и сыномъ и перетерпѣть двойную казнь. На памятникѣ начертаны и слова, изъ-за которыхъ погибъ писатель, собственно одного слова было достаточно для тягчайшаго обвиненія въ безбожіи.

Въ одномъ изъ діалоговъ Платона (теперь онъ не признается Платоновскимъ) Доле, переводя текстъ на латинскій языкъ, усилилъ его смыслъ и вмѣсто выраженія «ты не будешь существовать» послѣ смерти, написалъ «ты не будешь *вовсе* существовать».

Проф. Стороженко подробно разсказываетъ исторію многотрудной жизни Доле и ярко отмѣчаетъ мужество, какое требовалось философу на его поприщѣ. Нѣкоторыя бытовыя черты изумительно краснорѣчивы. Напримѣръ, во главѣ фанатизма и инквизиціи оказываются ученѣйшіе люди своего времени, профессора и студенты. Послѣдніе во время варѳоломеевской ночи добровольно берутъ на себя роль палачей, а толпа простого народа привѣтствуетъ невольнымъ крикомъ сочувствія того же Доле. Очевидно, ученость и свободная мысль два совершенно различныхъ предмета; напротивъ, книжныя свѣдѣнія, не согрѣтыя личнымъ гуманнымъ и независимымъ чувствомъ подвижника знанія, могутъ сослужить усерднѣйшую службу какому угодно политическому и общественному рабству и религіозной нетерпимости. Именно на этомъ явленіи основана исконная безпощадность народной и художественной сатиры противъ «педантовъ».

Не мало и другихъ поучительныхъ выводовъ даетъ наша исторія. Что̀, напримѣръ, можетъ быть трогательнѣе этой вѣры гуманиста, отовсюду тѣсниmаго врагами, въ судъ потомства? Принято думать, будто вѣра въ прогрессъ возведена въ своего рода религіозный догматъ философіей XVIII-го вѣка и что такіе люди, какъ Кондорсе, были первыми сознательными энтузіастами-мучениками этой идеи. Оказывается, идея очень стара. И это естественно.

Что могло утѣшить мыслителя, возводимаго на костеръ, какъ не надежда на достойное возмездіе въ будущемъ, здѣсь на землѣ, рыцарямъ и врагамъ истины? Во всѣ эпохи, когда только просыпалась нравственная энергія человѣчества, на сцену неизбѣжно выступала идея прогресса и культъ славы. Только въ періодъ безнадежнаго разложенія, во времена имперіи стоики могли презрительно толковать о тщеславіи и славолюбіи какихъ бы то ни было героевъ. Отнимите у человѣка вѣру въ торжество справедливости, и вы въ ту же минуту изсушите и омертвите почву его духовной жизни. .

Всегда въ высшей степени плодотворно воспоминаніе о людяхъ мужества и убѣжденія, какимъ былъ Доле, и особенно когда это воспоминаніе облечено въ такую живую проникновенную форму, какъ этого достигъ г. Стороженко для одного изъ достойнѣйшихъ наслѣдниковъ вѣчной славы.

Зезенгеймская идиллія. Критико-библіографическій очеркъ Н. Дашкевича. Кіевъ, 1897. Природа обыкновенныхъ смертныхъ, не одаренныхъ никакими особенными талантами и силами, носитъ въ себѣ зародыши двухъ совершенно противоположныхъ, но одинаково глубокихъ нравственныхъ недуговъ. Оба они берутъ начало въ одномъ источникѣ—въ культѣ великаго и чрезвычайнаго. Но у однихъ этотъ культъ обращается на собственную личность, тогда недугъ является извѣстной психіатрамъ *mania grandiosa*, у другихъ предметомъ обожанія становится чужая жизнь и чужая геніальность. Въ этомъ направленіи болѣзнь не получила медицинскаго опредѣленія, а между тѣмъ оно было бы безусловно необходимо, потому что и этотъ недугъ подчасъ нуждается въ серьезномъ лѣченіи.

Въ основѣ его лежитъ по существу въ высшей степени симпатичная черта—стремленіе принести посильную дань уваженія и научнаго изслѣдованія великому таланту. Это одновременно и вполнѣ естественное, и безусловно культурное явленіе, безъ него нашъ міръ не заслуживалъ бы никакихъ, такъ называемыхъ, чудесъ искусства и подвиговъ ума, и у самихъ подвижниковъ было бы отнято лучшее и часто единственное утѣшеніе на ихъ многотрудномъ, нерѣдко одинокомъ пути—надежда на славу и признательность потомства.

Все это неопровержимо, но посмотрите, что изъ добродѣтели дѣлаетъ человѣческая страсть! Добродѣтель рискуетъ утратить все свое достоинство, оказаться смѣшной и достигнуть совершенно превратныхъ цѣлей.

Образчиками этого риска изобилуетъ особенно нѣмецкая наука. Здѣсь на каждаго Фауста приходится по сотнѣ Вагнеровъ. Они разрываютъ ризы своего идола на безчисленные микроскопическіе лоскутки и подвергаютъ ихъ микроскопическимъ изслѣдованіямъ, часто отдавая на это дѣло цѣлыя жизни.

Наука, конечно, должна быть тщательнымъ изслѣдованіемъ, но только всегда и вездѣ *est modus in rebus*. Въ послѣднее время во Франціи стали писать толстыя книги о костюмѣ Наполеона, съ точностью сообщать подробнѣйшія свѣдѣнія объ его сапогахъ,

о размѣрахъ ихъ различныхъ частей... Неужели это также научное изслѣдованіе?

А между тѣмъ, предѣлъ для педантическаго фанатизма такъ же трудно указать, какъ вообще для всякаго фанатизма. Гдѣ, напримѣръ, можетъ остановиться поклонникъ Гёте, Шиллера, Шекспира? Какой у него критерій того, что важно и что неважно относительно личности и таланта изучаемаго имъ писателя? Можетъ быть, по его мнѣнію, безусловно необходимо знать, на какой бумагѣ, какими чернилами и перьями тотъ или другой поэтъ имѣлъ обыкновеніе писать? А можетъ быть, даже любопытно опредѣлить, на чьей фабрикѣ эта бумага была приготовлена и у кого куплена? Вѣдь сосчитаны же строчки и слова въ произведеніяхъ Шекспира, писались трактаты о деревѣ, будто бы принадлежавшемъ Шекспиру и даже, можетъ быть, имъ посаженномъ!

Если даже вещи, связанныя съ именемъ великихъ людей, удостоиваются такой чести, чего же тогда ждать относительно людей и эпизодовъ, и притомъ особенно характерныхъ для поэтовъ, т. е. женщинъ и романическихъ приключеній! Здѣсь прямо неограниченное раздолье для всякого рода *Schnüffelei*, т. е. вынюхиваніямъ и формальнымъ слѣдствіямъ. Самый предметъ, даже когда онъ не перешелъ еще въ область преданій, весьма часто изобилуетъ фантастическимъ и просто сплетническимъ содержаніемъ. Сколько же этой благодати должно накопиться, когда какая-нибудь темная исторія прошлаго пройдетъ черезъ десятки слѣдовательскихъ рукъ!

Одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ у насъ предъ глазами. Гёте считается первенствующимъ поэтомъ нѣмецкой литературы; легко представить,—у этого солнца должна была накопиться необозримая бездна спутниковъ. Еще при жизни Гёте сводилъ съ ума подражателей и конкуррентовъ, въ родѣ несчастнаго, хотя и очень талантливаго Ленца, вызывалъ къ дѣятельности самоотверженныхъ репортеровъ и интервьюверовъ, въ родѣ Эккермана, и вообще игралъ роль солнечнаго луча, производящаго суматоху среди микроскопическихъ обитателей сырого мѣста.

По смерти культъ могъ только возрасти. Правда, выдалась было полоса, не особенно благопріятная гётеманіи, именно сороковые годы, наполненные шумомъ политическихъ идей. Авторъ *Фауста*, какъ извѣстно, по части политики оставался въ зачаточномъ состояніи даже на высшей точкѣ своего олимпійскаго величія и завѣщалъ своей націи единственное вполнѣ опредѣленное политико-философское наслѣдство—идеализацію Наполеона, т. е. самый наивный, чисто-филистерскій бонапартизмъ, не безъ примѣси, конечно, вдохновенныхъ декламацій. И вотъ идеалисты сороковыхъ годовъ на время будто заслонили національное свѣтило, но тучи прошли и Göthesschnüffelei снова стало расти и множиться подъ покровомъ науки и патріотизма.

Проф. Дашкевичъ даетъ возможность и русской публикѣ познакомиться съ однимъ изъ проявленій этого психоза. Наши читатели, навѣрное, знакомы съ сущностью «Зезенгеймской идилліи» по превосходной статьѣ проф. Стороженко—*Юношеская любовь Гёте*. Въ статьѣ эпизодъ передается въ возможно-достовѣрной

исторической формѣ, безъ чудовищныхъ наслоеній, явившихся результатомъ ученыхъ разнюхиваній.

Эпизодъ очень простой. Гёте, въ періодъ молодого студенчества въ Страсбургѣ, посѣтилъ мѣстечко Зезенгеймъ, встрѣтилъ здѣсь дочь мѣстнаго пастора, Фридерику Бріонъ, и влюбился въ нее. Увлеченіе не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ: Гёте разстался съ Фридерикой, какъ онъ много разъ разставался раньше и позже съ предметами другихъ своихъ увлеченій. Но Фридерика заняла особенное мѣсто въ этой пространной галлереѣ, едва обозримой во всѣхъ подробностяхъ даже для самыхъ яростныхъ разнюхивателей. Чѣмъ же объясняется эта привилегія?

Весьма несложной психологіей романическихъ чувствъ Гёте. Авторъ *Фауста*, въ молодости былъ *l'haumte sensible* и *l'homme naturel*, какъ и слѣдовало усердному читателю и подражателю Руссо, просто даже современнику XVIII вѣка. *Естественность* и *чувствительность*—ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ непосредственной простотой и естественнымъ чувствомъ—играли большую роль въ творчествѣ Гёте, они создали *Вертера*, пропитали почти каждую страницу *Правды и поэзіи* и до конца вызывали у поэта сладкую хотя и снисходительную мечтательность о «страданіяхъ» молодости. Страданія были весьма умѣреннаго характера, не переходили предѣловъ благовоспитаннаго приличія и, надо называть вещи своими именами, мѣщанскаго благоразумія. Но тѣмъ больше было у поэта поводовъ разцвѣчивать *правду* цвѣтами *поэзіи*.

И вотъ Фридерика является благодарнѣйшей темой для *естественныхъ* и *чувствительныхъ* упражненій. Она одновременно и Лотта *Вертера*, и Гретхенъ *Фауста* — фигуры, тожественныя если не по исторіи, то по психологіи. Она, какъ Лотта Вертеру, явилась поэту въ рамкѣ идиллическаго пейзажа, во всей прелести дѣвушки-ребенка. «Прекрасная мѣстность», «ясное небо», народныя «пѣсенки» и преимущественно историко-литературныя воспоминанія о Векфильдскомъ священникѣ играли въ романѣ первостепенную роль. Это съ самаго начала былъ именно *литературный* романъ, *художественный мотивъ* чувствительнаго жанра и вовсе не глубокое личное чувство, даже не юношеское *сердечное* увлеченіе.

Фридерика явилась просто очень выгодной иллюстраціей, интригующимъ комментаріемъ къ книжному багажу молодого студента и, конечно, къ его поэтическимъ наклонностямъ, въ сильнѣйшей степени вызваннымъ начитанностью.

Впослѣдствіи Гёте именно встрѣчей съ Фридерикой могъ воспользоваться, какъ наиболѣе удобной канвой для чувствъ и пейзажей въ модномъ стилѣ, и особенно въ своей автобіографіи разукрасить исторію вымысломъ. Вымысломъ—не сказкой, конечно, а тѣмъ самымъ, что̀ зовется поэтическимъ творчествомъ на почвѣ наблюденной дѣйствительности, т. е. разсказать собственно не подлинный свой романъ съ дочкой пастора, нарисовать не фотографическій портретъ героини, а дать *общее* литературное произведеніе съ извѣстнымъ женскимъ *типомъ*.

Таковъ, по нашему мнѣнію, дѣйствительный смыслъ зезенгеймской идилліи и такова ея роль въ жизни и въ поэзіи Гёте.

Но разнюхивателямъ всегда мало дѣйствительности и простоты фактовъ, имъ нужна *тайна*, чтобы ее разгадать, а разгадка, чтобы наплодить ученую литературу по вопросу приблизительно такого же жизненнаго значенія, какъ философія Кифы Мокіевича.

Прежде всего, почему Гёте *не женился* на Фридерикѣ?

Вопросъ, по меньшей мѣрѣ, забавный и праздный, но въ немъ и заключается исходный пунктъ для «разнюхиваній»

Разъ человѣкъ не женится на дѣвушкѣ, за которой ухаживаетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ непремѣнно долженъ имѣть основательныя нравственныя причины. А таковыми, конечно, можетъ быть только предосудительное поведеніе предмета ухаживаній.

Слѣдовательно, Фридерика дѣвица, по меньшей мѣрѣ, подозрительная, вовсе не такое свѣтлое поэтическое существо, какимъ оно представлено у Гёте въ *Правдѣ и поэзіи*. Авторъ скрылъ *правду*, и предъ нами только *поэзія*. Надо разслѣдовать дѣло, навести справки о Фридерикѣ до встрѣчи съ Гёте, во время встрѣчи и послѣ нея, доподлинно узнать, не было ли за ней грѣшковъ и даже настоящихъ преступленій, не съ нея ли именно списано приключеніе Гретхенъ съ Фаустомъ?

Тема дана, и оставалось только любителямъ проявить талантъ и усердіе по слѣдственной части.

И посмотрите, до какой виртуозности доходитъ ученый сыскъ! Хорошо, что у Фридерикъ Бріонъ въ настоящее время нѣтъ родственника и не находится вообще рыцаря безъ страха и упрека: иначе и не исчислить настоящихъ серьезныхъ страданій, какія имъ могла бы причинить удивительная «контроверса», но не поздоровилось бы, вѣроятно, и самимъ «изслѣдователямъ».

Совершаются цѣлыя экскурсіи въ Зезенгеймъ, разспрашиваются старожилы, выкапываются всевозможные документы, толкуется въ нихъ чуть не каждая запятая въ желательномъ смыслѣ. Рѣшительно ни одинъ больной ревнивецъ не въ состояніи проявить столько по истинѣ ясновидящей проницательности и артистической техники въ сопоставленіи догадокъ и фактовъ, сколько оказалось всего этого у нѣмецкихъ ищеекъ.

Поднимается, конечно, ожесточенная полемика. Вся она сосредоточивается на уловленіи неуловимыхъ, даже незамѣтныхъ для обыкновеннаго человѣческаго глаза микроскопическихъ *bêtes noires*, выворачиваются наизнанку фразы и намеки... И при этомъ вы не должны забывать, что азартъ всякаго рода открывателей *тайнъ* и слѣдователей темныхъ процессовъ разгорается съ необыкновенной быстротой какъ разъ благодаря таинственности и непроницаемости предмета. Достаточно «разнюхивателю» напасть на одинъ «пунктикъ», уполномочивающій его или только, повидимому, уполномочивающій на искомый выводъ, и этотъ выводъ немедленно становится истиной и подчиняетъ себѣ деспотически всѣ данныя, сглаживаетъ всѣ противорѣчія и наполняетъ всѣ пробѣлы.

Прочтите въ изложеніи проф. Дашкевича отчетъ объ изслѣдованіяхъ въ родѣ *Тайны* нѣкоего Барса и цѣлаго ряда его сподвижниковъ, вы невольно припомните безсмертную характеристику

ученыхъ открытій, данную Гоголемъ. Казалось бы, гоголевское изображеніе изслѣдовательскихъ научныхъ фокусовъ—каррикатура, но, очевидно, дѣйствительность идетъ иногда даже дальше сатирической фантазіи.

И какой же результатъ всей этой новѣйшей эпопеи мышей и лягушекъ!

По мнѣнію проф. Дашкевича, репутація Фридерики Бріонъ побѣдоносно выдержала всѣ натиски и является въ настоящее время въ еще большемъ ореолѣ для всѣхъ рыцарственныхъ и чувствительныхъ сердецъ. И пусть является! Мы очень счастливы.

Не благополучно только, по нашему мнѣнію, слишкомъ ужъ почтительное настроеніе, съ какимъ почтенный ученый пересказываетъ гомерическое приключеніе въ области нѣмецкой учености. Право, даже изъ его пересказа, вполнѣ добросовѣстнаго и въ высшей степени основательнаго, никакъ нельзя вывести права всѣхъ этихъ Барсовъ, Фройтугеймовъ, Мюллеровъ на признательность и уваженіе даже у искреннихъ почитателей гётевскаго таланта. Остается только чувство сожалѣнія, что съ такой легкостью у досужаго книговодства создаются все новые Eselbrücke и тратится на путешествіе по этимъ мостамъ столько страсти, усердія и подчасъ даже таланта и остроумія. Дѣйствительно, велика истина: обладать талантами еще *ничего* не значитъ, умѣть пользоваться ими—*все*. Что касается собственно очерка проф. Дашкевича, онъ читается интересно и легко, и чтеніе въ результатѣ не лишено поучительности, хотя и не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ разсчитываетъ самъ авторъ.

А. Новицкій. Передвижники и вліяніе ихъ на русское искусство. 1872—1897. Москва. 1897. Въ «Мірѣ Божьемъ» была уже рѣчь о двадцатипятилѣтіи передвижныхъ выставокъ, о характерѣ живописи передвижниковъ и значеніи ея для русскаго искусства. Важность настоящаго момента въ исторіи нашей живописи достойно отмѣчена изданіемъ лежащей предъ нами книжки г. Новицкаго, извѣстнаго любителя и знатока искусства, бывшаго редактора рано погибшаго «Художественнаго Архива» и автора нѣсколькихъ цѣнныхъ работъ въ области художества. Книжка написана съ знаніемъ дѣла и съ увлеченіемъ, такъ что читатель не можетъ не вынести живого впечатлѣнія отъ изображаемой авторомъ картины. Слабую сторону изданія представляютъ иллюстраціи: издатели (Гроссманъ и Кнебель), очевидно, воспользовались старыми цинкографіями покойнаго «Артиста», но воспроизвели ихъ очень неудачно, такъ что многія изъ нихъ не даютъ никакого представленія объ изображаемыхъ картинахъ и представляютъ мозаику сѣрыхъ и черныхъ пятенъ. Главный же недостатокъ иллюстрацій — полная случайность въ ихъ подборѣ; снимки большинства лучшихъ картинъ отсутствуютъ, а иногда воспроизведены совершенно незначительные рисунки довольно второстепенныхъ художниковъ.

Что касается содержанія, то, при серьезныхъ его достоинствахъ, оно также не лишено крупныхъ недостатковъ. Къ таковымъ мы относимъ нѣкоторую нелогичность общаго плана. Послѣ

очень содержательнаго вступленія, въ которомъ изложена краткая характеристика русскаго искусства до начала 70-хъ годовъ, исторія зарожденія и развитія новаго направленія въ живописи, отношеніе къ нему литературы и академіи, возникновеніе извѣстной «художественной артели», распаденіе ея и образованіе Общества передвижныхъ выставокъ, авторъ покидаетъ историческій методъ и даетъ только общую характеристику новаго искусства по родамъ живописи и по отдѣльнымъ художникамъ. Такимъ образомъ, читатель не только не получаетъ исторіи передвижниковъ (а они имѣютъ свою исторію), но можетъ вынести впечатлѣніе, что за послѣднія 25 лѣтъ живопись является у насъ чѣмъ-то цѣльнымъ, сложившимся, мало двигающимся впередъ. Между тѣмъ, это было бы весьма ошибочно, какъ можетъ судить всякій, кто слѣдилъ за русскимъ искусствомъ, хотя бы по однимъ передвижнымъ выставкамъ: старые столпы одинъ за однимъ или сходятъ со сцены, или регрессируютъ, или въ лучшемъ случаѣ повторяютъ себя, такъ что одно время могло казаться, что реалистическая школа сказала свое послѣдее слово, но на смѣну старикамъ за послѣдніе годы идетъ цѣлая плеяда молодыхъ свѣжихъ талантовъ, имѣющихъ несомнѣнную генетическую связь со своими предшественниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ по своему относящихся къ искусству, къ природѣ, къ окружающей ихъ дѣйствительности; г.г. Архиповъ, Касаткинъ, Егорновъ, Левитанъ, Досѣкинъ во многомъ не идутъ по стопамъ своихъ старшихъ сотоварищей гг. В. Маковскаго, Мясоѣдова, Шишкина, Волкова, Савицкаго, Боголюбова, и серьезной художественной критикѣ, которая должна же когда-нибудь народиться у насъ, необходимо отмѣтить характерныя особенности новаго поколѣнія художниковъ.

Въ очеркахъ дѣятельности отдѣльныхъ художниковъ также нельзя не указать нѣкоторыхъ увлеченій и недомолвокъ автора. Г. Новицкій справедливо признаетъ выдающійся талантъ В. М. Васнецова. Его фрески въ кіевскомъ соборѣ св. Владиміра дѣйствительно являются крупнымъ событіемъ въ области русской иконописной живописи, но не потому, что онъ воскресилъ въ нашемъ искусствѣ старыя византійскія формы, а какъ разъ наоборотъ, потому что онъ съумѣлъ вопреки византійской формѣ внести въ иконопись много правдиваго, современнаго, реальнаго. Возьмемъ хотя бы изображеніе св. княгини Ольги, признаваемое однимъ изъ лучшихъ произведеній художника (стр. 121): закройте лицо ея, и предъ вами чисто византійская, удлиненная, неуклюжая фигура, которая ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. Но въ лицѣ нѣтъ ровно ничего византійскаго, зато оно прекрасно отражаетъ цѣлую психологію; энергично сложенныя губы, рѣзкій подбородокъ, волнистая линія бровей и суровые глаза напоминаютъ намъ больше грозную своимъ супостатамъ правительницу съ твердой хозяйской рукой и несокрушимой волей, чѣмъ христіанскую подвижницу. То же самое съ шестикрылыми херувимами: ихъ головы полны такой экспрессіи, въ нихъ столько страха, изумленія и преклоненія предъ непостижимымъ, которое они созерцаютъ, что о сближеніи ихъ съ безстрастными, невыразительными лицами ангеловъ

древняго русско-византійскаго письма странно и говорить. Защищая г. Васнецова отъ нареканій въ неискренности и условности, г. Новицкій цитируетъ цѣлыя полторы страницы изъ статьи г. Дѣдлова о Кіево-Владимірскомъ соборѣ, напечатанной въ «Книжкахъ Недѣли». Надо сознаться, что почтенный авторъ выбралъ неудачнаго адвоката. Г. Дѣдловъ извѣстенъ, какъ авторъ весьма игривыхъ разсказцевъ и повѣствшекъ, а также пошловато-шовинистическихъ путевыхъ замѣтокъ, но, какъ защитникъ правъ искусства на изображеніе Божества въ божескихъ формахъ, какъ проповѣдникъ «великихъ забытыхъ словъ», «обнимающихъ не одну религіозную, но и всю духовную область жизни», г. Дѣдловъ производитъ комическое впечатлѣніе и напоминаетъ le diable qui prêche, или иначе Мефистофеля въ докторской одеждѣ Фауста. Еще болѣе странное впечатлѣніе производятъ слѣдующія собственныя слова г. Новицкаго: «Это внутреннее чувство (желаніе пасть ницъ предъ какою-нибудь древнею иконою, хотя бы грубо написанною), являющееся въ насъ продуктомъ наслѣдственности, одно могло бы дать силы и средства художнику для творчества иконостасныхъ изображеній, если бы въ нашей національной жизни не было двухвѣкового перерыва, если бы за это время въ душѣ нашей не накопилось нароста сторонніхъ вліяній и взглядовъ, подчасъ даже мало отвѣчающихъ нашимъ внутреннимъ потребностямъ, а приставшихъ къ намъ только механически» (стр. 126). Хотѣлось бы думать, что эта тирада по недоразумѣнію попала изъ старыхъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» въ серьезное критическое изслѣдованіе.

Въ главѣ объ исторической живописи, г. Новицкій опять правильно отводитъ совершенно исключительное мѣсто рано умершему Шварцу. Указывая на одного изъ немногихъ въ настоящее время историческихъ живописцевъ, г. Сурикова, авторъ вскользь говоритъ, что этотъ художникъ «не даетъ намъ ничего подобнаго картинамъ Шварца», онъ упоминаетъ «тѣ бросающіеся въ глаза недостатки въ его живописи, которые не могутъ укрыться даже и отъ неспеціалистовъ» (стр. 133). Это требуетъ поясненій и фактическихъ подтвержденій. Недостатки живописи г. Сурикова дѣйствительно бросаются въ глаза, но все-таки и въ публикѣ, и въ литературной критикѣ ихъ не замѣчаютъ или не хотятъ почему-то замѣчать. По крайней мѣрѣ мы не припомнимъ ни одной критической статьи о г. Суриковѣ, которая не была бы дифирамбомъ. Г. Стасовъ съ обычною своею склонностью къ гиперболѣ открылъ даже цѣлую сибирскую школу живописи въ лицѣ г. Сурикова. Такое отношеніе критики, можетъ быть, больше всего виновато въ томъ, что этотъ, въ сущности, талантливый художникъ падаетъ все ниже и ниже. Первая его картина *Казнь стрѣльцовъ*, при всей своей чернотѣ, была хорошо нарисована и обличала серьезные задатки къ изображенію драматическихъ положеній. Затѣмъ одна за другою слѣдовали картины *Семейство Меншикова*, *Боярыня Морозова*, *Исцѣленіе слѣпорожденнаго* и, наконецъ, *Покореніе Сибири*, — все это этапы по пути одичанія. Совершенное отсутствіе воздушной перспективы, крайняя небрежность въ ри-

сункѣ, чернильный колоритъ—вотъ тѣ качества, которыхъ достигъ, наконецъ, г. Суриковъ въ своихъ картинахъ. Этюды его и до сихъ поръ иногда очень экспрессивны.

Въ краткой рецензіи невозможно привести всѣхъ возраженій, которыя вызываютъ тѣ или другія мѣста разсматриваемой книги. Такъ, мы не будемъ здѣсь опровергать мнѣнія г. Новицкаго о послѣднемъ періодѣ творчества покойнаго Н. Н. Ге. Мы безусловно несогласны, что всѣ послѣднія картины его представляютъ «какой-то совершенно непонятный дѣтскій лепетъ». Мы думаемъ, что несмотря на очень крупные ихъ недостатки, мрачный колоритъ, полное отреченіе отъ живописной красоты, которую Ге считалъ условностью и рутиной, въ нихъ такъ глубоко, безъ компромиссовъ выражены намѣренія художника и вся его крупная, гуманная душа, алчущая и жаждущая правды, что еще потомкамъ нашимъ придется считаться съ оцѣнкой его картинъ, какъ съ наиболѣе характерными памятниками нашего времени. Къ сожалѣнію, мнѣніе г. Новицкаго раздѣляется очень многими, даже художниками, такъ что надо было бы много бумаги исписать, чтобы привести противъ него достаточно вѣскіе доводы. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ погрѣшности противъ фактической истины. «Иногда приходилось даже убрать картину съ выставки,—говоритъ г. Новицкій,—не потому, какъ думали многіе, что ее не допускаетъ духовная цензура, такъ какъ художникъ идетъ въ ней противъ ученія церкви,—нѣтъ, у глубоко-религіознаго и вѣрующаго Ге и не могло быть ничего вреднаго ученію церкви, а просто потому, что такъ блестяще развитая въ его рѣчахъ мысль его оказывалась совсѣмъ непонятною въ картинѣ, такъчто могла вызвать у зрителя только одно недоумѣніе» (стр. 111). Это неправда...

Отмѣтивъ такимъ образомъ самые крупные, по нашему мнѣнію, недостатки работы г. Новицкаго, мы должны указать на положительныя ея стороны, несомнѣнно преобладающія. Полнаго признанія, напр., заслуживаетъ то, что авторъ тщательно устанавливаетъ связь между русскою живописью и литературой, особенно въ виду того, что одинъ изъ нашихъ крупнѣйшихъ художниковъ, И. Е. Рѣпинъ, въ послѣдніе годы по недоразумѣнію провозгласилъ пагубность этой связи для пластическихъ искусствъ. Г. Новицкій приводитъ цѣлый рядъ параллелей изъ Некрасова и Щедрина къ картинамъ Перова и того же г. Рѣпина. И живопись, и литература, какъ проявленіе духовной жизни даннаго общества, если они претендуютъ на нѣкоторое значеніе въ глазахъ этого общества, должны отражать его интересы и борьбу. Значеніе В. Е. Маковскаго и И. Е. Рѣпина авторъ справедливо видитъ въ томъ, что они создавали въ лучшихъ своихъ картинахъ «соціально-психологическіе» (стр. 71), «общественно-бытовые типы» (стр. 86). Словами г. Михеева нашъ авторъ отвергаетъ обвиненіе противъ русской живописи въ подчеркиваніи, въ тенденціозности. «Если художникъ глубоко даровитъ, если онъ не преднамѣренъ въ своей работѣ, его творчество, служа изображенію правды, помимо его воли, поддержитъ тѣхъ, кто правѣе и въ пониманіи жизни, и въ ея упорядоченіи. Отсюда естественно: тѣ, кому про-

изведенія такого артиста покажутъ, что они неправы, бросятъ въ свою защиту обвиненіе въ предумышленности, въ односторонности, въ тенденціи» (стр. 90) Параллельность русской пластики и литературы можно было бы прослѣдить гораздо дальше. Всѣмъ извѣстно вліяніе произведеній гр. Толстого на творчество Ге. И. Е. Рѣпинъ, въ періодъ отреченія отъ литературы, написалъ наиболѣе слабыя свои картины *Св. Николая Чудотворца* и каррикатурныхъ *Запорожцевъ*. Намъ припоминаются слова В. Д. Полѣнова по поводу величайшей его картины *Христосъ и грѣшница*: «мнѣ хотѣлось показать,—говорилъ онъ,—что есть другія формы отношеній къ проступкамъ и преступленіямъ, кромѣ карательныхъ: пониманіе и прощеніе». Тема чисто литературная,—если хотите, газетная, но она не повредила художественной красотѣ картины. У М. М. Антокольскаго нѣтъ ни одной статуи, взятой имъ изъ непосредственнаго наблюденія, всѣ онѣ имѣютъ источникомъ литературу, историческую или художественную. Намъ кажется, можно было бы доказать, что русскій пейзажъ, такой богатый и поэтическій, выросъ какъ разъ на той почвѣ, на которой воспиталась и наша народническая литература: стремленіе въ деревню, къ природѣ, къ источнику всей нашей жизни, духовной и матеріальной.

Въ заключеніе позволимъ себѣ пожелать г. Новицкому продолжать серьезное критическое изученіе русскаго искусства: этого-то именно послѣднему еще недостаетъ. Оно настолько выросло и дифференцировалось, пользуется такимъ всеобщимъ признаніемъ, что воспѣваемые ему восторженные гимны В. В. Стасова являются черезчуръ цѣльными и анахроническими. А газетное похваливаніе и поругиваніе отдѣльныхъ выставокъ и картинъ нельзя считать серьезной критикой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Н. Карышевъ. «Трудъ, его роль и условіе приложенія въ производствѣ». — *М. Шиппель.* «Денежное обращеніе». — *Ѳ. Терне́ръ.* «Государство и землевладѣніе.

Николай Карышевъ. Трудъ, его роль и условіе приложенія въ производствѣ. Образовательная библіотека. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1897. Характерной чертой нашего книжнаго рынка за послѣднее время является обиліе изданій, преслѣдующихъ цѣли самообразованія и разсчитанныхъ на широкую публику. Издательскія фирмы г-жи Водовозовой, О. Н. Поповой, Сытина, редакціи журнала «Образованіе» и др. уже выпустили цѣлый рядъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія,—книгъ, далеко не одинаковаго достоинства, но въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе удовлетворяющихъ своей цѣли —распространенію знанія въ обывательской массѣ, отнюдь не склонной утруждать свои мозги и требующей прежде всего легкости и доступности изложенія. Теперь г-жа Попова предприняла изданіе «Образовательной библіотеки». Книга г-на Карышева представляетъ собой одинъ изъ выпусковъ этой

библіотеки, задача которой формулируется слѣдующими словами издательницы: «сдѣлать научное знаніе доступнымъ даже низшимъ классамъ населенія».

Вотъ съ этой точки зрѣнія—общедоступности книги—мы никакъ не можемъ одобрить выбора г-жи Поповой. Не только читатель изъ низшихъ классовъ населенія не одолѣетъ «Труда» г-на Карышева, но мы сомнѣваемся, чтобы онъ вообще нашелъ много читателей; пользоваться имъ, какъ пособіемъ—еще куда ни шло, но къ чтенію онъ совсѣмъ не располагаетъ. Изъ предисловія г-на Карышева видно, что книга эта является частью читаемаго имъ курса политической экономіи, въ основу котораго «положена мысль, что изучать теоретическую экономію полезно рядомъ съ изученіемъ хозяйственной жизни разныхъ странъ и преимущественно Россіи». Совершенно вѣрно, но вѣдь изучать теорію рядомъ съ конкретными фактами жизни не значитъ отказаться отъ всякой теоріи и потопить ее въ хаотической массѣ сыраго матеріала. Между тѣмъ, именно послѣднее случилось съ г-номъ Карышевымъ. О чемъ только ни говорится въ его книгѣ, какихъ только цифръ онъ ни приводитъ! Въ отдѣлѣ «природныя данныя производства» онъ говоритъ объ изобарахъ, изотакахъ, изохименахъ, перечисляетъ горы и плоскогорья міра, описываетъ пустыни, затѣмъ переходитъ къ рѣкамъ, излагаетъ по Клодъ Бернару характеристичные признаки живыхъ существъ, причемъ дѣлаетъ открытіе, что «питаніе есть непрерывная смѣна частичекъ, изъ которыхъ состоитъ живое существо» (по Клодъ Бернару этимъ характеризуется жизнь), подробно останавливается на ростѣ, объемѣ груди и вѣсѣ тѣла фабричныхъ рабочихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, затѣмъ сообщаетъ самыя разнообразныя данныя о рабочемъ скотѣ, приводитъ мнѣніе одного русскаго геолога о «печальной будущности нашей планеты», которой грозитъ «полное обезвоженіе ея поверхности», сообщаетъ о средствахъ борьбы съ безводіемъ и пр. и пр.

Вообще, система изложенія автора «Труда» остается для читателя рѣшительной загадкой. Г-нъ Карышевъ съ необыкновенной легкостью перескакиваетъ отъ одного вопроса къ другому, не находящемуся ни въ какой связи съ предыдущимъ, руководствуясь какими-то случайными ассоціаціями мысли. Говоритъ онъ, напримѣръ, объ условіяхъ труда на нашихъ фабрикахъ, продолжительности рабочаго дня и пр., и потомъ вдругъ переходитъ къ вопросу объ «ограниченности рабочей силы животныхъ» и отводитъ особый § описанію вырожденія крестьянской скотины; покончивши со скотиной, нашъ авторъ перескакиваетъ къ «воздуху, солнечному свѣту, водѣ», сообщая подъ этой рубрикой о скученности населенія въ большихъ городахъ, времени роста яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ, артезіанскихъ колодцахъ и прочихъ предметахъ, не имѣющихъ ничего общаго другъ съ другомъ.

Г-нъ Карышевъ заявляетъ себя сторонникомъ индуктивнаго метода. Что же онъ преподноситъ намъ подъ видомъ индуктивной политической экономіи? Нѣчто до такой степени безсвязное, что затрудняешься и подыскать ему названіе. Это и географія, и ста-

тистика, и исторія, и гигіена—все, что угодно, только не политическая экономія.

Хорошъ уже общій планъ работы г-на Карышева.

Въ своемъ «Трудѣ» онъ очень подробно останавливается на способахъ пользованія землей, вѣчно наслѣдственномъ наймѣ земель, о личномъ наймѣ, общинномъ землевладѣніи, и совсѣмъ не касается вопроса о заработной платѣ. Г-нъ Карышевъ скажетъ, что заработная плата входитъ въ рубрику «распредѣленія», а не «производства», а его «Трудъ» долженъ касаться только производства. Но какое же это «производство»—паденіе крѣпостного права въ Западной Европѣ и Россіи—чему г-нъ Карышевъ отводитъ особую главу? Почему крѣпостное право относится къ отдѣлу производства, а работа по найму не относится? Отвѣтить на это, вѣроятно, затруднился бы и самъ г-нъ Карышевъ. А между тѣмъ, исключеніе изъ его книги всего, что касается заработной платы, приводитъ къ крупнымъ неудобствамъ. Такъ, напримѣръ, говоря объ условіяхъ, вліяющихъ на качество труда, г-нъ Карышевъ ни словомъ не упоминаетъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ—высотѣ заработной платы. Извѣстно, въ какой сильной зависимости находится и напряженность, и ловкость работы отъ размѣра платы, получаемой рабочимъ. Г-нъ Карышевъ предпочитаетъ умолчать обо всемъ этомъ—какое же представленіе объ условіяхъ, вліяющихъ на качество труда, выноситъ читатель? И не лучше ли было бы, если бы г-нъ Карышевъ въ данномъ случаѣ уже не такъ строго придерживался школьнаго дѣленія политической экономіи — на производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе—тѣмъ болѣе, что въ другихъ отдѣлахъ своего «Труда» онъ обнаруживаетъ такую полную независимость не только отъ школьной, но и отъ какой бы то ни было системы?

Неопытный читатель, посмотрѣвъ на библіографическія приложенія г-на Карышева, вынесетъ, пожалуй, впечатлѣніе, что авторъ, хотя и плохой теоретикъ, зато очень ученый человѣкъ—какую уйму книгъ онъ одолѣлъ. Но это впечатлѣніе будетъ обманчиво. Насколько неполны литературные источники г-на Карышева, видно изъ того, что, указывая литературу по общинѣ, г-нъ Карышевъ не упоминаетъ о самой крупной работѣ по этому вопросу—4-хъ томномъ сочиненіи Кейсслера «Zur Geschichte und Kritik des Gemeindebesitzs in Russland». Это бы еще ничего. Плохо то, что и фактическія данныя, приводимыя нашимъ ученымъ авторомъ, иногда совсѣмъ невѣрны. Такъ, напр., на стр. 314 г-нъ Карышевъ утверждаетъ, что билль 1847 г. «установилъ (въ Англіи) десятичасовой рабочій день и для взрослыхъ мужчинъ». Такого билля не было ни въ 1847 г., ни позже. Рабочій день взрослыхъ мужчинъ и въ настоящее время не нормированъ въ Англіи закономъ, а билль 1847 г. относился, какъ и всѣ предыдущіе и послѣдующіе фабричные законы въ Англіи, *только къ работѣ женщинъ и дѣтей*. Профессору политической экономіи можно было бы это знать.

Одно можно одобрить въ изданіи г-жи Поповой—дешевизну: толстый томъ въ 600 стр. мелкой печати стоитъ всего 1 р.

30 к. Но это достоинство не можетъ быть поставлено въ активъ автору «Труда».

М. Шиппель. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Пер. подъ ред. и съ предисловіемъ Петра Струве. Изд. редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1897 г. Валютная реформа все еще для насъ впереди и интересъ къ вопросамъ денежнаго обращенія поэтому у насъ все не ослабѣваетъ. За короткое время у насъ появилась цѣлая оригинальная и переводная литература по денежному вопросу.

Небольшая книжка депутата германскаго рейхстага М. Шиппеля представляетъ, главнымъ образомъ, критику предложеній биметаллистовъ. Биметаллическая агитація началась и у насъ (напомнимъ читателю о преніяхъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ по докладу г. Бутми), и потому русскій переводъ книги Шиппеля появляется совершенно кстати. Что такое биметаллизмъ? Заурядный читатель имѣетъ объ этомъ очень смутное представленіе, а между тѣмъ на Западѣ и особенно въ Америкѣ биметаллизмъ является самымъ животрепещущимъ вопросомъ дня. Небывалая по своей энергіи избирательная борьба на послѣднихъ президентскихъ выборахъ въ Соединенныхъ Штатахъ велась всецѣло на почвѣ валютнаго вопроса; Брайанъ, сторонникъ биметаллизма, былъ, правда, побитъ, но побитъ, сравнительно, незначительнымъ большинствомъ. Противъ Брайана поднялся весь капиталистическій міръ, съ нью-іоркскими банкирами во главѣ, для которыхъ осуществленіе программы Брайана было равносильно полному разоренію. За свободную чеканку серебра высказалась масса мелкой буржуазіи и фермеровъ, и къ нимъ же примкнули самыя вліятельныя организаціи рабочихъ. Крупные капиталисты побѣдили, но валютный вопросъ не снятъ съ очереди, и однимъ изъ первыхъ шаговъ республиканскаго президента Макъ-Кинлея была посылка особаго уполномоченнаго въ Европу для выясненія вопроса о международномъ соглашеніи въ смыслѣ биметаллизма.

Чѣмъ же вызывается вся эта агитація и почему валютный вопросъ пріобрѣлъ такой жгучій характеръ? Основная причина этого заключается въ угнетающемъ современнаго товаропроизводителя промышленномъ застоѣ, зависящемъ отъ пониженія товарныхъ цѣнъ, которое особенно рѣзко сказалось въ области земледѣлія. Не трудно понять, что для предпринимателя паденіе товарной цѣны означаетъ сокращеніе дохода, и потому противорѣчитъ его интересамъ. Что же касается рабочихъ, то ихъ интересы затрагиваются пониженіемъ цѣнъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ: съ одной стороны, какъ потребители продуктовъ они выигрываютъ отъ пониженія цѣнъ послѣднихъ (поскольку это пониженіе распространяется и на розничныя, а не только на оптовыя цѣны); но какъ продавцы рабочей силы, они могутъ проигрывать, если пониженіе цѣнъ влечетъ за собой застой промышленности и сокращеніе производства (а послѣднее является обычнымъ слѣдствіемъ низкихъ цѣнъ). Какъ общее правило, въ капиталистическихъ странахъ положеніе рабочихъ улучшается въ годы ожив-

ленія промышленности (а слѣдовательно и высокихъ товарныхъ цѣнъ) и ухудшается въ годы промышленнаго застоя (низкихъ товарныхъ цѣнъ). Въ Англіи, напр., колебанія заработной платы, зависящія отъ смѣны періодовъ оживленія и застоя торговли, вполнѣ совпадаютъ съ колебаніями средней, показывающей общій уровень товарныхъ цѣнъ (index number).

Агитація биметаллистовъ вызывается тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, главной, или одной изъ главныхъ причинъ пониженія товарныхъ цѣнъ за послѣднее время является прекращеніе во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ свободной чеканки серебра и фактическій переходъ большинства изъ нихъ къ золотой валютѣ. Книга Шиппеля направлена противъ биметаллистовъ; задача автора—доказать, что введеніе двойной денежной системы противорѣчитъ интересамъ рабочаго класса.

Предметомъ спора является уже основной вопросъ—въ какой мѣрѣ низкія товарныя цѣны послѣдняго времени вызываются причинами валютнаго характера. Шиппель отрицаетъ какую бы то ни было связь между явленіями того и другого рода. Паденіе товарныхъ цѣнъ, по его мнѣнію, всецѣло объясняется прогрессомъ техники, производства и транспорта. Г-нъ Струве, въ своемъ предисловіи, присоединяется къ мнѣнію Шиппеля.

Что прекращеніе свободной чеканки серебра не могло быть главной или даже одной изъ главныхъ причинъ пониженія товарныхъ цѣнъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но дѣйствительно ли одно указаніе на этотъ фактъ «опрокидываетъ теоретическую основу биметаллизма»? (Предисл. стр. VI). По нашему мнѣнію, отнюдь нѣтъ. Биметаллисты въ огромной мѣрѣ преувеличиваютъ значеніе валютной неурядицы послѣдняго времени—это такъ; но что такая неурядица существуетъ и содѣйствуетъ пониженію товарныхъ цѣнъ—это представляется намъ столь же несомнѣннымъ.

Положеніе дѣла представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Страны, участвующія въ міровой торговлѣ, распадаются на двѣ группы; въ Европѣ (кромѣ Россіи) и Сѣверной Америкѣ денежной единицей является золото, въ Азіи и Южной Америкѣ—серебро. Если бы серебро не измѣнялось въ своей цѣнности по отношенію къ золоту, или обратно, золото по отношенію къ серебру, то въ такомъ случаѣ различіе денежнаго матеріала въ странахъ той и другой группы не вносило бы никакого разстройства въ міровую торговлю. Такъ оно и было вплоть до 70-хъ годовъ: въ странахъ латинскаго монетнаго союза обращались на равныхъ правахъ оба металла, въ другихъ—тотъ или другой металлъ. Начиная съ половины 70-хъ годовъ, цѣнность серебра по отношенію къ золоту начинаетъ сильно падать, и притомъ съ очень значительными колебаніями вверхъ и внизъ. Какъ должно это повліять на міровую торговлю и товарныя цѣны? Биметаллисты утверждаютъ, что «паденіе серебра вліяетъ на страну съ серебряной валютой, какъ поощреніе конкурренціи и вывоза въ страну съ золотымъ обращеніемъ. Для золотныхъ странъ конкурренція и вывозъ искусственно затрудняются, для серебряныхъ—облегчаются,

или, какъ говорится часто: обезцѣненіе серебра вліяетъ на серебряныя страны, какъ вывозная премія, поощряетъ вывозъ, на золотыя страны, какъ таможенная стѣна, препятствующая экспорту» (стр. 35). Прибавимъ къ этому, что повышеніе серебряныхъ цѣнъ встрѣчаетъ гораздо большее препятствіе, чѣмъ пониженіе золотыхъ цѣнъ, а то или другое въ случаѣ паденія цѣны серебра, неизбѣжно должно имѣть мѣсто относительно всѣхъ товаровъ, участвующихъ въ обмѣнѣ странъ серебряной и золотой валюты.

Шиппель, повидимому, признаетъ теоретическую правильность этихъ соображеній (стр. 36). Но если такъ, то паденіе цѣны серебра должно имѣть тенденцію понижать золотыя цѣны. И дѣйствительно, золотая цѣна, напр., англійскаго ситца колеблется параллельно съ колебаніемъ курса рупіи. Падаетъ курсъ рупіи, т. е. за рупію даютъ меньше пенсовъ, соотвѣтственно понижается и цѣна ситца (въ пенсахъ), такъ какъ серебряная цѣна ситца остается неизмѣнной. Только въ томъ случаѣ обезцѣненіе серебра могло бы не дѣйствовать угнетающимъ образомъ на золотыя цѣны, если бы цѣны въ странахъ серебряной валюты повышались параллельно паденію цѣны серебра. Но, такъ какъ послѣдняго не происходитъ, то золотыя цѣны должны упасть, ибо измѣненіе относительной цѣнности золота и серебра неизбѣжно должно выразиться въ измѣненіи или золотыхъ, или серебряныхъ цѣнъ (въ обратномъ, разумѣется, направленіи).

Отсюда ясно, что обезцѣненіе серебра, временно, по крайней мѣрѣ (т. е. на то время, пока серебряныя цѣны не повысятся соотвѣтственно обезцѣненію серебра), должно дѣйствовать угнетающимъ образомъ на золотыя цѣны товаровъ, обращающихся въ торговлѣ съ Востокомъ. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя работаютъ для вывоза на Востокъ ,неблагопріятное вліяніе обезцѣненія серебра будетъ чувствоваться всего сильнѣе. Поэтому, рабочіе Ланкашира, какъ указываетъ и Шиппель, являются самыми горячими сторонниками биметаллизма: пониженіе цѣны ситца, вызываемое обезцѣненіемъ серебра, приводитъ къ пониженію ихъ заработной платы. Удешевленіе ситца для рабочихъ, какъ потребителей, является плохой компенсаціей паденія заработной платы.

На цѣну хлѣба удешевленіе серебра вліяетъ слабѣе, такъ какъ Индія, въ качествѣ экспортера пшеницы, играетъ второстепенную роль на міровомъ рынкѣ. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ случаѣ обезцѣненіе серебра является вывозной премій для индійскаго хлѣба, имѣя тенденцію понижать золотую цѣну хлѣба въ Европѣ и Америкѣ.

Не нужно забывать той зависимости, которая существуетъ между всѣми отраслями промышленности въ народномъ хозяйствѣ. Каждая изъ нихъ предъявляетъ спросъ на остальныя; и потому, хотя непосредственно, только товары обращающіеся въ торговлѣ съ Востокомъ, затрогиваются обезцѣненіемъ серебра, тѣмъ не менѣе, косвенно послѣднее вліяетъ и на остальные товары и должно усиливать общую понижательную тенденцію цѣнъ, отличающую наше время.

*

Всѣ эти-то соображенія и заставляютъ насъ разойтись съ Шиппелемъ и г. Струве въ оцѣнкѣ биметаллизма.

Биметаллистическая критика существующаго промышленнаго разстройства, по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ полнаго отрицанія, съ которымъ относятся къ ней Шиппель и г. Струве. Другой вопросъ, исполнимость биметаллистическихъ плановъ. Безъ международнаго соглашенія осуществленіе биметаллизма въ настоящее время совершенно немыслимо, такъ какъ свободная чеканка серебра немедленно поведетъ къ извлеченію изъ обращенія золота, и страна фактически перейдетъ къ серебреному монометализму; а международное соглашеніе нелегко выполнимо; даже если бы оно и осуществилось, то большой вопросъ, достигнетъ ли оно цѣли—увеличеніе добычи серебра можетъ разбить самое крѣпкое соглашеніе и привести цѣну серебра къ уровню его стоимости производства.

Но Шиппель доказываетъ, что «биметаллистскій экспериментъ» не только неисполнимъ, но и нежелателенъ. Рабочіе классы могутъ только проиграть отъ всеобщаго повышенія товарныхъ цѣнъ, долженствующаго послѣдовать за введеніемъ серебряной монеты. Изученіе вліянія выпуска бумажныхъ денегъ на товарныя цѣны и на рабочую плату доказываетъ, что рабочая плата повышается медленнѣе, чѣмъ цѣны всѣхъ прочихъ товаровъ.

На нашъ взглядъ, послѣдствія перехода къ биметаллизму могутъ быть очень различны, въ зависимости отъ того, какое будетъ при этомъ принято легальное отношеніе между цѣнностью золота и серебра. Биметаллизмъ въ той формѣ, какъ его проектировалъ, напр., Брайанъ,—возвращеніе къ «доллару отцовъ», дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ вполнѣ аналогиченъ выпуску огромнаго количества бумажныхъ денегъ. Такого рода операція—обезцѣненіе денегъ—несомнѣнно выгодна должникамъ, чѣмъ и объясняется горячее сочувствіе этому проекту крайне задолженныхъ мелкихъ фермеровъ дальняго Запада. Что касается до рабочаго класса, то въ Америкѣ рабочему гораздо легче было бы удержать отъ паденія свою реальную рабочую плату, чѣмъ, напр., въ Европѣ, и онъ могъ бы даже на нѣкоторое время выиграть отъ оживленія промышленности. Но нечего и говорить, что планъ Брайана совершенно неосуществимъ и привелъ бы къ колоссальному финансовому и экономическому краху, отъ котораго пострадали бы всѣ классы населенія.

Биметаллизмъ, основанный на международномъ соглашеніи и устанавливающій легальное отношеніе золота и серебра близко къ рыночному отношенію, могъ бы оказать совершенно иное дѣйствіе. Если признавать, что паденіе цѣнности серебра есть обстоятельство, задерживающее развитіе промышленности странъ съ золотой валютой, то установленіе устойчиваго отношенія цѣнности обоихъ металловъ не можетъ не содѣйствовать росту промышленности въ этихъ странахъ, а слѣдовательно, и рабочій классъ отъ такого биметаллизма можетъ только выиграть. Правда, биметаллисты стремятся къ иному—не къ фиксированію цѣнности серебра по отношенію къ золоту, а къ повышенію его цѣнности, и при-

томъ въ огромныхъ размѣрахъ; поскольку они стремятся къ этому, они вполнѣ заслуживаютъ критики Шиппеля.

Переводъ книги очень хорошъ. Книга написана легкимъ и живымъ языкомъ, изложена очень ясно и, безъ сомнѣнія, найдетъ себѣ широкое распространеніе среди русскихъ читателей.

Государство и землевладѣніе. Часть I. Крестьянское землевладѣніе. Ѳ. Тернера. Спб. 1896. При разборѣ брошюры г. Головина «Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика» («Міръ Божій» 1896 г. № 5), мы привели указаніе компетентнаго въ данномъ отношеніи автора на то, что народническія идеи за послѣднее время «проникаютъ въ тайники канцеляріи». Понятно, что вліяніе въ названныхъ сферахъ народничество можетъ имѣть лишь подъ условіемъ существеннаго измѣненія своей общественной программы. Въ отличіе отъ народничества «настоящаго», это измѣненное и приспособленное къ нуждамъ бюрократіи народничество мы предложили бы отмѣчать эпитетомъ «бюрократическое».

Весьма характернымъ его проявленіемъ и слѣдуетъ признать сочиненіе г. Тернера *).

Ревностная защита общиннаго землевладѣнія, идеализація натуральнаго хозяйства, сочувственное цитированіе сочиненій гг. В. В., Трирогова и другихъ аналогичныхъ писателей — вотъ признаки, по которымъ г. Тернера можно было бы зачислить въ народническій лагерь. Съ другой стороны, авторъ проявляетъ самыя типичныя черты бюрократическаго міросозерцанія. Съ особенною ясностью сказывается оно въ послѣдней главѣ «Крестьянскіе платежи и способы ихъ взиманія», наиболѣе интересной и въ другихъ отношеніяхъ. Признавая реформу нашей податной системы «дѣломъ первостатейной важности и отъ котораго въ столь значительной степени зависитъ все будущее развитіе благосостоянія Россіи» (стр. 349), г. Тернеръ обходитъ однако полнымъ молчаніемъ вопросъ о размѣрахъ крестьянскихъ платежей и перенесеніи части ихъ на другія платежныя силы, а предлагаетъ измѣненія лишь въ административной техникѣ по взиманію этихъ платежей (мы не отрицаемъ, впрочемъ, громадной важности нѣкоторыхъ изъ этихъ измѣненій). Улучшенія въ этой техникѣ неизбѣжно связываются у автора съ «значительнымъ увеличеніемъ численнаго состава мѣстной администраціи» (стр. 347), но въ столь важномъ дѣлѣ, по его мнѣнію, не слѣдуетъ бояться «нѣкоторыхъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства». Тѣмъ болѣе, что указанное увеличеніе «потребуется только на время введенія новыхъ порядковъ; впослѣдствіи, когда народъ и администрація къ нимъ привыкнутъ, численный составъ мѣстныхъ административныхъ органовъ можно будетъ опять значительно сократить» (стр. 347). Кромѣ того, «безусловно необходимо вводить новую реформу съ нѣкоторою постепенностью, начать съ одной какой-либо мѣстности и переходить затѣмъ постепенно къ другимъ губерніямъ... Усиленный составъ мѣстной администраціи каждой губерніи, въ

*) Первоначально оно печаталось въ «*Вѣстникѣ Европы*». Обстоятельство это, не опровергая нашей характеристики, свидѣтельствуетъ лишь о весьма значительномъ смѣшеніи, господствующемъ въ «нашихъ направленіяхъ».

которой будетъ вводиться реформа, въ дальнѣйшемъ будетъ служить разсадникомъ отборныхъ и хорошо подготовленныхъ административныхъ дѣятелей, которые явятся драгоцѣнными руководителями новаго дѣла въ сосѣднихъ губерніяхъ» (стр. 348—349). Вообще, г. Тернеръ сильно вѣруетъ въ «драгоцѣнныя качества» «административныхъ дѣятелей», особенно «если снабдить ихъ надлежащими инструкціями и поставить ихъ подъ начальство одного главнаго руководителя», — вѣритъ настолько, что общественныя отношенія, возбуждающія въ немъ чувство негодованія, превращаются на его же взглядъ въ нѣчто противоположное, благодаря одному лишь введенію туда административнаго элемента. Такъ, онъ вполнѣ признаетъ, что «*отдача* человѣка обществомъ въ *заработки* есть, въ сущности, отдача человѣка во временную *кабалу*—это остатокъ крѣпостного права, ибо фактически человѣкъ *лишается свободы*, такъ какъ онъ отдается въ *невольные работники* другому,—уже не говоря о томъ, что подобная отдача въ заработки происходитъ обыкновенно по *цѣнамъ*, несравненно *низшимъ противъ существующихъ* въ каждой мѣстности цѣнъ на свободныхъ рабочихъ» (стр. 329). Авторъ протестуетъ противъ этого «способа взиманія платежей» и предлагаетъ «*вмѣсто него*»: «предоставить недоимщику возможность и даже возложить на него *обязанность отрабатывать* недоимку—на уплату которой деньгами у него не хватаетъ средствъ—рабочими днями». «Для каждой мѣстности могла бы быть установлена правительствомъ *умѣренная такса* на конный и пѣшій рабочій день («*нѣсколько ниже* ходячей въ данной мѣстности заработной платы» указываетъ онъ дальше) и по этой таксѣ недоимщикъ *призывался* бы на *работу*» (стран. 329—330). Какъ видно изъ этого, проектомъ г. Тернера ничего по существу не измѣняется: тѣ стороны современнаго порядка, благодаря которымъ онъ отрицательно къ нему относится — *подневольность* труда и *болѣе низкая* его оплата, по сравненію съ свободнымъ трудомъ—остаются и въ проектѣ. Но теперь недоимщики отрабатываютъ недоимку у частныхъ лицъ, по проекту же «рабочими днями» будутъ распоряжаться «административные дѣятели», и это заставляетъ нашего автора не только забыть свою же собственную оцѣнку подневольнаго труда, какъ «кабалы», но даже ожидать отъ него цѣлаго ряда выгодъ, какъ для правительства, такъ и для всей страны (см. стр. 330 — 331).

Подъ вліяніемъ одного изъ отмѣченныхъ нами выше элементовъ міросозерцанія,—*народническихъ тенденцій*,—авторъ вѣритъ въ плодотворность самостоятельной иниціативы крестьянъ въ устройствѣ своихъ дѣлъ, усматриваетъ, что «вездѣ, гдѣ община дѣйствовала, какъ община», она «проявляла удивительную мудрость» (стр. 202). Подъ вліяніемъ же другого элемента—*бюрократическаго реформаторства*,—онъ сожалѣетъ, что эта самая община недостаточно была подчинена опекѣ администраціи, что крестьянскому населенію «продолжительное время была предоставлена столь широкая, безконтрольная власть самоуправленія» (стр. 201).

Противорѣчіе это представляется намъ неустранимымъ, но оно въ значительной степени скрадывается тѣмъ, что г. Тернеръ

раздѣляетъ ученіе: *во-первыхъ*, объ «обязанности высшихъ классовъ руководить низшими классами» (стр. 136), а *во-вторыхъ*, о томъ, что современное государство, призвано къ устраненію борьбы классовыхъ интересовъ (стр. 106—109). Ученіе это представляется намъ возможнымъ свести къ одной идеѣ о преимуществѣ классоваго *руководства* передъ классовой *борьбой*, и въ томъ видѣ, какъ она проявляется у г. Тернера, оно вполнѣ сливается съ его бюрократическимъ міросозерцаніемъ. Съ другой же стороны можно установить извѣстное теоретическое сродство указанныхъ ученій съ народническимъ *противоположеніемъ «народа» «интеллигенціи»* и ученіемъ объ *«обязанностяхъ»* этой послѣдней по отношенію къ «народу». Въ разбираемомъ сочиненіи мѣсто «интеллигенціи» занимаютъ «высшіе классы» и «административные дѣятели», но надо сказать, что подстановка эта въ значительной степени облегчена тѣмъ, что, противополагая «интеллигенцію» народу, разные народническіе писатели исходили изъ разныхъ основаній *). Такимъ образомъ этотъ пунктъ въ народнической доктринѣ и является удобнымъ переходомъ отъ «народничества» въ настоящемъ смыслѣ къ «народничеству бюрократическому».

Опредѣляя ближе характеръ бюрократическаго міросозерцанія г. Тернера, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что, придавая преувеличенное значеніе всякаго рода «бумажнымъ» реформамъ, перемѣщеніямъ административныхъ функцій изъ одного вѣдомства въ другое, вѣруя въ прямо-таки магическое, плодотворное воздѣйствіе «просвѣщенныхъ» администраторовъ на народную жизнь—

*) Настаивая на *«обязанностяхъ»* интеллигенціи къ народу и даже на *«историческихъ обязанностяхъ»*, народники упускали изъ виду, что исключительныя обязанности какой-либо группы населенія должны сопровождаться и исключительными, групповыми *правами*, а «историческія обязанности» даютъ основаніе для *«историческихъ правъ»*, на которыя такъ любятъ ссылаться защитники сословныхъ привилегій. По нашему мнѣнію, однако, демократическому характеру народническаго ученія вредило не столько настаиваніе на «обязанностяхъ», сколько выдвигаемое при этомъ *«противоположеніе»* интеллигенціи и народа. Разъ интеллигенція, соотвѣтственно своимъ «обязанностямъ», есть носительница знаній и нравственныхъ идей, то, по закону противоположенія, подъ *народомъ* слѣдуетъ понимать совокупность *невѣжественныхъ и нравственно неразвитыхъ* слоевъ населенія. Но вѣдь съ такимъ содержаніемъ понятіе народъ можетъ быть употребляемо лишь противниками демократическихъ учрежденій, усматривающими въ этихъ учрежденіяхъ проявленіе *«господства невѣжества»*. Если же подъ народомъ, согласно съ духомъ народническаго ученія, разумѣть совокупность трудящихся классовъ, то интеллигенція, въ силу противоположенія, должна заключать въ себѣ лишь *«непроизводительные классы»*. Въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ, мы встрѣчаемся какъ разъ, съ указанной въ текстѣ, подстановкой вмѣсто интеллигенціи—«высшихъ классовъ» или «административныхъ дѣятелей», и все ученіе «объ обязанностяхъ интеллигенціи къ народу» пріобрѣтаетъ буржуазный, или бюрократическій характеръ.

Во избѣжаніе недоразумѣній сдѣлаемъ еще одну оговорку. Вышеприведенныя соображенія не позволяютъ намъ признать, чтобы данное «противоположеніе» являлось удобной почвой для построенія какихъ-либо общественныхъ ученій демократическаго характера. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы мы не признавали въ каждой умственно и нравственно развитой личности *сознанія своей нравственной обязанности* (или по формулировкѣ, которая намъ, лично больше нравится,—*нравственной потребности*) содѣйствовать развитію лицъ менѣе развитыхъ.

онъ совсѣмъ не склоненъ рекомендовать примѣненіе или усиленіе административной *репрессіи*. Говоря короче, г. Тернеръ, являясь типичнымъ представителемъ бюрократической маниловщины, совершенно чуждъ аракчеевщины.

Весьма характернымъ въ этомъ отношеніи является протестъ его противъ «господствующихъ у насъ, можно сказать, азіатскихъ пріемовъ взиманія крестьянскихъ платежей» *) (стр. 323). «Болѣе трехъ четвертей нашего народонаселенія,—говоритъ онъ,—живетъ подъ дѣйствіемъ податныхъ порядковъ, составляющихъ діаметральную противоположность тому, что вся Европа, или, правильнѣе весь образованный міръ признаетъ въ настоящее время кореннымъ основаніемъ всякаго нормальнаго фискальнаго устройства. Вездѣ въ образованномъ мірѣ за подать *отвѣчаетъ объектъ подати*; отказываясь отъ самаго объекта, плательщикъ освобождаетъ себя отъ обязанности дальнѣйшей уплаты и соотвѣтственнаго налога и накопившейся недоимки. Нигдѣ въ образованномъ мірѣ *тѣлесныя истязанія не допускаются* какъ средство побужденія плательщиковъ къ исправному взносу слѣдующихъ съ нихъ податныхъ поступленій. Эти два коренныя начала всякаго цивилизованнаго фискальнаго порядка до сихъ поръ еще не находятъ примѣненія въ средѣ нашего сельскаго населенія» (стр. 288—289).

Къ числу достоинствъ сочиненія г. Тернера слѣдуетъ отнести популярное его изложеніе, которое, къ сожалѣнію, мѣстами портится неправильными русскими выраженіями.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

«Отчетъ общества врачей Енисейской губерніи».—*Н. Горовая.* «Гигіеническіе очерки».—*Е. Членовъ.* «Глухонѣмые и ихъ обученіе».

Отчетъ общества врачей Енисейской губерніи за 1895—1896 годъ съ приложеніемъ трудовъ общества и съ краткимъ обзоромъ дѣятельности общества за первое десятилѣтіе. Годъ десятый. Красноярскъ. 1896. in 8-vo. Стр. 4 нен. + XVIII + 89. Предъ нами маленькая сѣренькая книжка, ничуть не интересная для неспеціалистовъ. Три маленькихъ медицинскихъ доклада случаевъ изъ практики, замѣтка о движеніи заразныхъ болѣзней въ Красноярскѣ, маленькій отчетъ общества за 1895—1896 г. съ какимъ-то намекомъ, что «не мало мѣшали правильной дѣятельности общества и работѣ отдѣльныхъ членовъ тѣ печальныя недоразумѣнія и столкновенія въ теченіе IX-го и X-го годовъ жизни общества, устранить которыя общество, несмотря на всѣ свои старанія, было не въ силахъ, и результатомъ которыхъ былъ выходъ изъ обства трехъ членовъ»,—затѣмъ маленькій, совсѣмъ маленькій обзоръ дѣятельности общества за первое десятилѣтіе его существованія, наконецъ, рефератъ врача Н. Г. Бенедиктова *Нейропати-*

*) Въ виду оффиціальнаго положенія г. Тернера (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта; въ недавнее еще время — товарищъ министра финансовъ), протестъ этотъ получаетъ еще большее значеніе.

ческія болѣзни и вырожденіе (стр. 42—89), написанный по поводу книги Ш. Ферэ *Нейропатическая семья*, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстной и, слѣдовательно, тоже не важный для большой публики. Тѣмъ не менѣе, мы съ большимъ интересомъ перелистываемъ эту, совсѣмъ нелюбопытную, маленькую сѣренькую книжку и даже имѣемъ дерзость говорить о ней въ общемъ журналѣ, такъ же, какъ въ прошломъ году говорили о книжкѣ проф. Беллина, посвященной вопросамъ судебно-медицинской экспертизы въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, вскрывшемъ вопіющіе порядки провинціальной юстиціи. Чѣмъ же такъ интересенъ названный отчетъ, содержаніе котораго, только-что перечисленное, повидимому, совсѣмъ не претендуетъ на общее вниманіе? Какъ разъ тѣми страницами (23—38), которыя пропущены сейчасъ въ перечисленіи, онъ важенъ и интересенъ: на нихъ помѣщенъ докладъ П. Н. Коновалова *Роль и душевное состояніе врача въ назначеніи и при исполненіи тѣлесныхъ наказаній*. Этотъ цѣнный докладъ, подобно работамъ В. Г. Короленко, Э. Ф. Беллина, А. Ѳ. Кони и др., посвященъ обнаруженію вопіющихъ сторонъ современной русской юстиціи. Авторъ говоритъ въ немъ о тѣхъ безнравственныхъ результатахъ, которые влечетъ за собой примѣненіе на практикѣ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. «Тѣлесныя наказанія,— говоритъ авторъ, — во всѣхъ ихъ видахъ представляли *темное пятно даже на фонѣ крѣпостной жизни*. Съ уничтоженіемъ же крѣпостного права, съ признаніемъ равноправности всѣхъ предъ закономъ, съ распространеніемъ и расширеніемъ грамотности, умственнаго развитія и общимъ замѣтнымъ поднятіемъ нравственнаго уровня во всѣхъ слояхъ народонаселенія, тѣлесныя наказанія являются уже для переживаемой нами эпохи страшнымъ анахронизмомъ, тяжелымъ и печальнымъ наслѣдіемъ прежнихъ временъ и взглядовъ, отъ котораго интеллигентная часть русскаго общества стремится поскорѣе избавиться такъ же, какъ оно избавилось уже отъ такихъ ужасныхъ и безнравственныхъ наказаній, какъ отрубаніе пальцевъ, рукъ, ногъ, отрѣзаніе языка, вырываніе ноздрей и т. п. ужасовъ прошлаго». Нарисовавъ яркую картину такой современной аномаліи, какъ существованіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, авторъ переходитъ къ характеристикѣ того насилія, которое продѣлывается надъ совѣстью врача, когда его призываютъ присутствовать при исполненіи смертной казни или совершеніи тѣлесныхъ наказаній, когда врача превращаютъ въ палача, тѣмъ болѣе жестокаго, что онъ, въ силу своей профессіональной интеллигентности, долженъ констатировать либо происшедшую смерть, либо способность приговореннаго выдержать столько-то палокъ. Врачъ долженъ констатировать, что такой-то выдержитъ столько-то палокъ. Но, вѣдь, основа-то самой функціи врачебной дѣятельности,—восклицаетъ авторъ,—охрана здоровья ближнихъ и предупрежденіе заболѣваній, а главное правило дѣятельности: «не вреди». Между тѣмъ, здѣсь врачъ, изслѣдовавшій осужденнаго, и нашедшій его здоровымъ, подвергаетъ его тяжелымъ физическимъ и нравственнымъ мукамъ, т. е. причиняетъ ему вредъ. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ самая цѣль изслѣдованія, ради

которой призывается врачъ, не можетъ не вызывать у послѣдняго нравственныхъ мученій, сознанія какого-то глубокаго противорѣчія между назначеніемъ врача вообще и тѣмъ, къ чему принуждаетъ его государство. «Да имѣетъ ли государство нравственное право,—спрашиваетъ авторъ,—требовать не только отъ врача, но и вообще отъ своихъ служащихъ исполненія такихъ задачъ, противъ которыхъ возмущается ихъ нравственное чувство?» На поставленный вопросъ авторъ отвѣчаетъ рѣзко отрицательно. Возмущаясь возможностью подобнаго требованія со стороны государства, авторъ, къ сожалѣнію, не останавливается на вопросѣ, почему же врачи въ каждомъ подобномъ случаѣ не заявляютъ самаго горячаго протеста.

Вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ и смертной казни уже давнымъ давно рѣшенъ отрицательно, давно признали позоромъ наличность того и другого, а между тѣмъ все еще никакъ не могутъ отъ нихъ отдѣлаться на практикѣ, хоть всѣ чувствуютъ и вредъ и развращающее вліяніе и смертной казни, и тѣлесныхъ наказаній. Авторъ говоритъ далеко не новыя вещи, далеко не первый, но каждое лишнее слово въ этой области бездушной юстиціи дорого и цѣнно, особенно, если имѣть въ виду край, гдѣ названный отчетъ будетъ во всякомъ случаѣ извѣстенъ. Въ концѣ статьи г. Коноваловъ замѣчаетъ: «трудно себѣ представить интеллигентнаго, развитого человѣка, который бы безъ содроганія сердца, безъ краски стыда въ лицѣ и безъ сознанія глубокаго оскорбленія своего нравственнаго чувства могъ спокойно стоять и смотрѣть, какъ возлѣ него истязаютъ человѣка розгами или плетьми, а тѣмъ болѣе—если его убиваютъ тѣмъ или другимъ способомъ». Жаль только, что авторъ гораздо лучшаго о людяхъ мнѣнія, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ: еслибъ вся наша дипломированная интеллигенція была такова, еслибъ всѣ ея представители на самомъ дѣлѣ живо чувствовали позорныя стороны подобной дѣйствительности, то г. Коновалову, пожалуй, и не пришлось бы въ 1896 г. писать такой статьи, которая сообщаемыми фактами напоминаетъ намъ времена монгольскаго періода нашей исторіи. Отмѣчаемъ *Отчетъ* енисейскаго общества врачей съ статьей г. Коновалова, какъ свѣтлое явленіе въ жизни русскаго захолустья.

Н. Я. Горовая. Гигіеническіе очерки. I. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній. С.-Петербургъ. 1897 г. Всякая толково составленная популярная книга по гигіенѣ заслуживаетъ полнаго вниманія нашего общества, мало знакомаго съ тѣми практическими выводами, которые дѣлаются на основаніи научной разработки гигіены. Къ такимъ полезнымъ книжкамъ надо отнести и вышеназванную книгу г-жи Горовой. Много лѣтъ уже интересуясь вопросами практической гигіены, преимущественно общественной, мы не могли не замѣтить, какъ туго и мало прививаются у насъ гигіеническія понятія. Тѣмъ большаго сочувствія заслуживаютъ авторы, которые, не теряя бодрости и охоты, продолжаютъ неустанно напоминать инертному обществу о необходимости улучшенія нашихъ санитарныхъ условій. До сихъ поръ выходитъ исключительно такъ, какъ говорилъ покойный сатирикъ: «писатель пописываетъ, а очень рѣдкій чита-

тель почитываетъ», и больше, къ сожалѣнію, никакихъ почти результатовъ не получалось. Намъ кажется, что большинство книжекъ по гигіенѣ не попадаетъ въ тѣ руки, въ тѣ классы общества, гдѣ ознакомленіе съ гигіеническими понятіями является особенно важнымъ. Нигдѣ въ Европѣ не сдѣлано такъ мало въ области профессіональной и промышленной гигіены, какъ у насъ. Въ иныхъ производствахъ бываетъ достаточно нѣсколькихъ простыхъ и не дорого стоющихъ приспособленій чтобы не только охранить здоровье рабочихъ, но и значительно продлить ихъ жизнь, а между тѣмъ у насъ почти ничего не дѣлается въ этомъ направленіи. Знакомясь съ спеціальными сочиненіями авторовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ разнаго рода фабрикъ, заводовъ и вообще промышленныхъ учрежденій, удивляешься только, до чего доходитъ наша косность и халатность...

Книжка г-жи Горовой, представляющая первый выпускъ предпринятаго ею изданія по популярной гигіенѣ, посвящена двумъ чрезвычайно важнымъ вопросамъ—о пыли и о воздухѣ жилыхъ помѣщеній. Простымъ и яснымъ языкомъ авторъ излагаетъ тѣ данныя, къ которымъ пришла наука по вопросу о важномъ вліяніи пыли и чистоты воздуха на здоровье населенія, и указываетъ на предложенныя приспособленія для уменьшенія вредности пыли и поддержанія чистоты комнатнаго воздуха. Изъ приводимыхъ въ книжкѣ цифровыхъ данныхъ о вліяніи на здоровье и продолжительность жизни неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій читатели могутъ убѣдиться, что требованія гигіены представляютъ не пустыя кабинетныя измышленія, какъ склонны у насъ нѣкоторые думать.

Д-ръ мед. Е. В. Членовъ. Глухонѣмые и ихъ обученіе въ Западной Европѣ и въ Россіи. Съ изложеніемъ новѣйшихъ попытокъ развитія слуха у глухонѣмыхъ. Москва. 1897 г. Книга д-ра Членова представляетъ у насъ чуть ли не первый опытъ систематическаго изложенія всего того, что извѣстно до сихъ поръ о глухонѣмыхъ и о способахъ борьбы съ этимъ несчастьемъ, и, поэтому, заслуживаетъ всеобщаго вниманія. Книга является интересной не для однихъ только спеціалистовъ-врачей, но и для педагоговъ и вообще для всякаго, кто сочувствуетъ горю ближняго и желаетъ оказать ему посильную помощь.

Число несчастныхъ, лишенныхъ самаго дорогого, послѣ зрѣнія, органа чувствъ—слуха, и, вслѣдствіе того, нѣмыхъ, не опредѣлено до сихъ поръ съ точностью не только въ Россіи, гдѣ статистическія изслѣдованія оставляютъ еще многаго желать, но даже въ Западной Европѣ. По приблизительному разсчету авторовъ, въ Западной Европѣ число глухонѣмыхъ достигаетъ цифры 200.000, а у насъ въ Россіи, по имѣющимся, повторяемъ, крайне неточнымъ даннымъ, должно быть столько глухонѣмыхъ, сколько во всѣхъ государствахъ Западной Европы, взятыхъ вмѣстѣ! Можетъ быть, по разработкѣ данныхъ всеобщей переписи населенія удастся точнѣе установить цифру глухонѣмыхъ. По изслѣдованіямъ д-ра Герценштейна, изъ 59 губерній Европейской Россіи только въ 6-ти оказалось глухонѣмыхъ не болѣе 150 на 100 т.;

громадное число губерній (40) давало при осмотрѣ отъ 151 до 250 на 100 т., а въ 13 губерніяхъ число глухонѣмыхъ уже поразительно велико; такъ, Архангельской губ. на 100.000 чел. приходится до 305 глухонѣмыхъ, въ Самарской—350, въ Калишской—до 391! Изслѣдованія всѣхъ авторовъ твердо устанавливаютъ фактъ, что въ гористыхъ мѣстностяхъ число глухонѣмыхъ значительно больше, чѣмъ въ другихъ. Но въ объясненіи этого факта мнѣнія изслѣдователей расходятся. Въ то время, какъ одни готовы все приписать именно почвеннымъ вліяніямъ, другіе говорятъ, что основной причиной большого развитія глухонѣмоты являются соціальныя и гигіеническія условія, которыя, по этому мнѣнію, и особенно неудовлетворительны именно въ гористыхъ мѣстностяхъ. Намъ представляется болѣе вѣрнымъ примиряющее мнѣніе д-ра Членова, что и почвенныя, и климатическія условія, вмѣстѣ съ соціальными, обусловливаютъ развитіе глухонѣмоты. Изученіе распредѣленія глухонѣмоты, въ особенности врожденной, устанавливаетъ съ несомнѣнностью тотъ фактъ, что евреи даютъ огромное число глухонѣмыхъ (у нихъ же очень великъ $^0/_0$ слѣпыхъ). Надлежащаго объясненія этого факта до сихъ поръ нѣтъ. Положимъ, что гигіеническія и соціальныя условія жизни огромной массы еврейскаго населенія крайне не завидны, но одного этого обстоятельства недостаточно для объясненія интересующаго факта. Многіе авторы склонны видѣть въ бракахъ, съ близкими родственниками, какъ извѣстно, очень распространенныхъ среди евреевъ, причину, вліяющую на увеличеніе количества глухонѣмыхъ у этого народа.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большинство глухонѣмыхъ появляется со своимъ порокомъ уже на свѣтъ Божій, а количество лицъ, потерявшихъ слухъ, а затѣмъ и рѣчь при жизни, значительно меньше. Школьному возрасту принадлежитъ $^1/_4$ всѣхъ глухонѣмыхъ. Въ Россіи, однако, судя по нѣкоторымъ даннымъ, рѣзко выражено преобладаніе пріобрѣтенной глухонѣмоты, причемъ изслѣдованія показываютъ, что пріобрѣталась глухонѣмота въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Объяснить это печальное явленіе, конечно, не трудно: слишкомъ нехороши условія нашей жизни, слишкомъ мы бѣдны, невѣжественны, слишкомъ мало можемъ, да, пожалуй, и хотимъ удѣлять вниманія нашимъ дѣтямъ. Сколько несчастныхъ дѣтей могло бы быть спасено и избавлено отъ ужаснаго порока, если бы своевременно было обращено вниманіе на болѣзнь и оказана помощь!

Книга д-ра Членова, написанная прекраснымъ литературнымъ языкомъ, сообщаетъ интересныя данныя о попыткахъ лѣченія глухонѣмоты, подробно излагая методъ слуховыхъ упражненій, предложенный проф. Урбанчичемъ.

Для насъ имѣютъ особый интересъ двѣ послѣднія главы книги г. Членова, гдѣ излагается подробно то немногое, что сдѣлано пока въ Россіи для борьбы съ глухонѣмотой.

Въ этихъ главахъ читатели найдутъ самое подробное описаніе 15-ти школъ, существующихъ въ Россіи для обученія глухонѣмыхъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го іюня по 15-е іюля 1897 года.

Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ, перев. Ю. М. Антоновскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

К. Головинъ. Русскій романъ и русское общество. Изд. Пороховщикова. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Bernard Pérez. L'éducation intellectuelle dès le berceau. Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Научно-популярная библіотека «Русской Мысли». Москва. 1897 г. Ц. 60 коп.

Д-ръ Эмиль Лоранъ. Уголовная антропологія и новыя теоріи преступности. Перев. Барщевскаго подъ редакціей проф. Сикорскаго. Кіевъ. 1897. Ц. 1 р.

Адольфъ Позадъ. Очерки современныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государства. Перев. съ франц. Л. Зака. Изд. «Библіотеки Общ. Знаній». Одесса. 1897. Ц. 50 к.

Руководство къ устройству и веденію публичныхъ народныхъ чтеній. Составлено Харьковской коммиссіей по устройству народныхъ чтеній. Харьковъ. 1897. Ц. 50 коп.

Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1895 годъ. Спб. 1897.

Профессоръ П. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изд. 3 е журнала «Архивъ нейрологіи и судебной психопатологіи». Спб. 1897. Ц. 1 руб.

С. А. Энгельманъ. Въ штормъ. 12 разсказовъ. Изд. книгоиздательства Г. Москвича. Москва. 1897. Ц. 1 руб.

В. Святловскій. Родные курорты. Очерки и картинки. Изд. Г. Москвича Москва. 1897. Ц. 1 р.

К. Льдовъ. Лирическія стихотворенія. Спб. 1897. Ц. 1 руб.

В. Дмитріевъ (Полочанинъ). Грезы юности. Стихотворенія. Новочеркасскъ. 1897. Ц. 75 коп.

Гете. Фаустъ. Часть I. Перев. А. Мамонтова. Москва. 1897. Ц. 1 р. 25 коп.

Ф. Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Перев. М. Вечеслава. Изд. О. Н. Поповой. Вып. IV и V. Ц. каж. вып. 30 к.

Икономовъ. Древній Египетъ. Изд. книжнаго склада Муриновой (съ 9 рис. въ текстѣ). Москва 1897. Ц. 35 коп.

Валерій Брюсовъ. Me eum esse. М. 1897.

Д. Озерковъ. Общедоступная пиротехнія. Изд. Сойкина. «Полезная библіотека». Съ 36 рис. Спб. 1897. Ц. 50 коп.

В. Корнаковъ. Азбука графической грамотности. Съ 410 чертежами въ текстѣ. Спб. 1897. Ц. 85 коп.

М. Макаревскій. Церковная школа на всероссійской выставкѣ 1896 года въ Н.-Новгородѣ. Спб. 1897. Ц. 25 коп.

П. Г. Мижуевъ. Взглядъ и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. Изд. редакціи жур. «Техническое Образованіе». Спб. 1897. Ц. 40 коп.

В. Быховскій. Обвиненіе и защита при законѣ 18-го марта 1896 года. Москва. 1897. Ц. 60 коп.

Ю. Левченко. Велосипедистка: Гигіеническій очеркъ. Спб. 1897. Ц. 30 коп.

К. Покровскій. Женщины астрономы и ихъ работы. Публичная лекція.

Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II. (съ 61 рис.). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1897. Ц. 1 руб.

О. Тарановскій. Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Варшава. 1897.

Ѳ. Пуцыковичъ. Японцы. Чтеніе для народа. Изд. книж. маг. Луковникова. Спб. 1897. Ц. 5 коп.

П. Казанскій. Международный противоневольничій союзъ. Одесса. 1897.

Отчетъ дирекціи Херсонской общественной библіотеки за 1896 годъ. Херсонъ. 1897.

П. Кудрявцевъ, земскій санитарный врачъ. Положеніе акушерской помощи сельскому населенію въ земствѣ Херсонской губерніи. Херсонъ. 1897.

Каталогъ отдѣленія «Народно-школьныхъ библіотекъ товарищества И. Д. Сытина». Москва. 1897. Ц. 20 коп.

И. Бѣлоконскій. Народное начальное образованіе въ Курской губ. Изд. 2-е Курскаго губернскаго земства съ діаграммами и картограммой. Курскъ. 1897. Ц. 1 р. 50 коп.

Борисъ Корженевскій. По Востоку (съ 117 иллюстраціями). Москва. 1897. Ц. 2 р. 75 коп.

У. Дж. Эшли. Экономическая исторія Англіи. Пер. Н. Муравьева. Изд. М. И. Водовозовой. Москва. 1897. Ц. 2 р. 75 коп.

Фадѣевъ, Андрей Михайловичъ. Воспоминанія (1790—1867 г.г.). Въ 2-хъ частяхъ. Одесса. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Иванъ Поповъ. Краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи человѣка. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній (съ 14-ю рис.). Москва. 1897. Ц. 70 коп.

Г. де-Ривальеръ. Очерки современнаго французскаго общества. Пер. съ франц. Изд. Южно-Рус. Общества печатнаго дѣла. Одесса. 1897. Ц. 25 коп.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Drang nach Norden.

Guglielmo Ferrero. *L'Europa giovane. Studi e viaggi nei poesi di Nord.* Milano 1897.

I.

Среди всевозможныхъ иллюзій, какими искони жило человѣчество, въ высшей степени любопытно одно заблужденіе. Оно отнюдь не является исключительнымъ плодомъ какого-либо суевѣрія, невѣжества, вообще низкаго уровня цивилизаціи. Напротивъ, оно тѣмъ и замѣчательно, что часто сопровождаетъ самыя блестящія эпохи культурнаго развитія націи, вызывается къ жизни и растетъ именно подъ вліяніемъ блеска.

Заблужденіе это психологически у цѣлаго народа то же самое, что у отдѣльной личности недугъ, извѣстный подъ именемъ *mania grandiosa*. Народъ, въ лицѣ своихъ просвѣщеннѣйшихъ и даровитѣйшихъ представителей, проникается убѣжденіемъ, будто онъ безусловно самодовлѣющая культурная сила, призванъ единолично облагодѣтельствовать міръ своими идейными и творческими сокровищами, стяжать, по волѣ Провидѣнія, надъ всѣми другими народами умственную и нравственную диктатуру...

До конца XIX-го вѣка идея успѣла перекочевать по всѣмъ странамъ Европы, не миновала и нашего отечества.

Мало этого. Она, очевидно, до такой степени сродна человѣческой природѣ, что послѣ всяческихъ разочарованій и погромовъ, послѣ, повидимому, самыхъ убѣдительныхъ уроковъ исторіи, люди не могутъ порвать окончательно съ вѣковой мечтой и готовы даже на самоотверженіе, лишь бы оставить неприкосновеннымъ красивый и величественный идеалъ—избраннаго народа, вождя вселенной. Оригинальное чувство культурнаго монархизма, до послѣднихъ дней находящее все новыхъ пророковъ!

И гдѣ же являются эти пророки?

Какъ разъ среди народовъ, дѣйствительно, *исторически* увлекавшихъ за собой европейскую цивилизацію. У нихъ идея національнаго верховенства надъ человѣчествомъ не результатъ наивнаго самообольщенія людей, едва вступившихъ на путь культуры, не имѣющихъ даже и отдаленнаго представленія о трудностяхъ его и поэтому съ головокружительной легкостью рѣшающихъ какія угодно міровыя задачи.

Нѣтъ. Есть народы, потомъ и кровью многовѣкового труда заработавшіе себѣ право вѣрить въ свое провиденціальное назначеніе и на самомъ дѣлѣ державшіе въ своихъ рукахъ источники мысли и творчества для цѣлыхъ эпохъ европейскаго просвѣщенія и искусства. Эти страницы остаются безсмертной гордостью ихъ исторіи. Но онѣ закончены или заканчиваются, и вотъ потомки былыхъ міровыхъ учителей и вдохновителей жадно допрашиваютъ настоящее и будущее, кто же, какіе народы еще создадутъ подобныя страницы?

Онѣ необходимы, говорятъ намъ. Безъ нихъ нѣтъ прогресса. Міръ — та же школа, правда, взаимнаго обученія, но и здѣсь, какъ и во всякой школѣ, надъ всѣми болѣе или менѣе свѣдущими учениками-учителями, долженъ стоять одинъ авторитетнѣйшій наставникъ и налагать свою индивидуальную печать на все преподаваніе.

Въ европейской исторіи такими наставниками были еще недавно народы латинской расы. Испанцы, итальянцы, французы попеременно снабжали другія націи авторами и модами. Французы до сихъ поръ еще удерживаютъ свою власть, но въ наши дни она только слабые отголоски прежняго по истинѣ тріумфальнаго шествія французскаго генія по всему лицу культурнаго міра.

И сами французы сознаютъ упадокъ своего владычества. Не на берегу Сены, заявлялъ нѣсколько времени Вогюэ, горитъ въ настоящее время огонь мірового прогресса. И даровитый критикъ всю свою жизнь посвятилъ одной цѣли—отыскать этотъ огонь во что́ бы то ни стало. Это онъ началъ популяризацію русской литературы во Франціи, воспѣлъ Тургенева, Толстого, Достоевскаго, потомъ обратился къ итальянской литературѣ, всюду допытываясь новаго свѣточа истины.

Много требовалось личной доброй воли и настоящаго культурнаго героизма для француза, поставившаго себѣ подобную задачу! И Вогюэ въ началѣ явился едва ли не единственнымъ отступникомъ національныхъ преданій. Даже до сихъ поръ онъ среди другихъ французскихъ писателей играетъ роль чудака, ясновидца и мистика, необуддиста и прорицателя. Только съ такими больными задатками мысли, думаютъ ему современные французы, можно искать центра цивилизаціи въ иномъ пунктѣ земного шара, кромѣ Парижа, и мнить открыть что-нибудь оригинальное внѣ французской литературы!

Но потокъ растетъ.

Вслѣдъ за Вогюэ раздаются такіе же тоскующіе голоса изъ среды другой латинской націи, имѣщей за собой еще болѣе блестящую культурную исторію. Италія когда-то тяготѣла надъ французской образованностью, какъ сила высшаго порядка. Отъ нея пошелъ французскій классицизмъ, до сихъ поръ такая непреодолимая національная гордость для французскаго ученаго, отъ нея вся Европа научилась понимать и творить красоту въ искусствѣ, у нея же могла взять она и великіе уроки идейнаго подвижничества и мученичества.

Недаромъ итальянцы могутъ украшать свои храмы, наравнѣ

съ общехристіанскими святыми, изображеніями и своихъ великихъ людей.

И вотъ этотъ-то пантеонъ оказывается чистымъ историческимъ преданіемъ, до сихъ поръ яркимъ, но не животворящимъ. Исчерпаны всѣ мотивы національнаго творчества, пережиты всѣ идеалы, завѣщанные всѣми Данте, Бруно, Рафаэлями. Они будто воспоминанія нѣкоего золотого вѣка—молодости, неисчерпаемой жизненности и беззавѣтной вѣры, все равно, въ истину или въ красоту. У потомковъ нѣтъ этой нравственной почвы. Для нихъ рафаэлевская Мадонна слишкомъ непосредственное наивное созданіе. Съ тѣхъ поръ столько передумано и выстрадано, что у современнаго человѣка нѣтъ больше отголосковъ въ сердцѣ на эту небесную чистоту и ясность. И онъ, всматриваясь въ художественнѣйшее изображеніе самого творца, невольно приходитъ къ убѣжденію: нѣтъ, не съ такимъ женственнымъ лицомъ, не съ такими прозрачными, почти дѣтски открытыми глазами постигаются великія страсти и мучительныя думы. Можетъ быть, здѣсь было вполнѣ достаточно генія для воспроизведенія психологіи Форнарины, для воплощенія несказанной отрѣшенной женской красоты, но здѣсь и намека не могло быть даже и на слабое предчувствіе задачъ современной, столь запутанной, противорѣчивой и въ глубинѣ вещей неизмѣнно *драматической* цивилизаціи.

И новый человѣкъ проходитъ по этимъ драгоцѣннѣйшимъ галлереямъ съ горькимъ чувствомъ неудовлетворенности, въ лучшемъ случаѣ затаенной зависти къ поколѣніямъ, умилявшимся предъ этой младенческой простотой и солнечной ясностью. Проходитъ, но не знаетъ,—куда идти?

Не покажется ли вамъ совершенно неожиданнымъ, почти противоестественнымъ, что наслѣдникамъ итальянскаго Возрожденія, обладателямъ безчисленныхъ сокровищъ искусства, во всѣхъ его областяхъ, дѣтямъ благословеннѣйшей страны, можно мечтать, какъ о нѣкоемъ раѣ, какъ объ идеальномъ царствѣ всѣхъ добродѣтелей и всяческаго счастья, о нашемъ холодномъ, полудикомъ сѣверѣ? Сѣверѣ, безъ грандіозныхъ историческихъ преданій, безъ реальныхъ образцовъ для рафаэлевскихъ мадоннъ, сѣверѣ—безъ ослѣпительныхъ красокъ въ природѣ и божественной красоты въ людяхъ?

Оказывается, можно.

Послушайте итальянскаго профессора, знающаго цѣну своей итальянской культуры, помнящаго наизустъ всю ея сливу и, по своему ремеслу, обязаннаго ни на минуту не спускать съ нея глазъ. Одно изъ самыхъ лирическихъ мѣстъ въ его книгѣ слѣдующее:

«Я чувствовалъ въ вашихъ улицахъ какое-то таинственное и острое волненіе, не лишенное наркотическаго вкуса, то самое, какое ощущаешь въ уединенной оградѣ стараго разрушающагося монастыря. Здѣсь, среди окружающаго безмолвія, стоишь будто лицомъ къ лицу съ незримой тайной, и каждое дыханіе воздуха, жужжаніе пролетающаго насѣкомаго, шелестъ кустарника—все это кажется голосами тайны, которая вотъ-вотъ готова раскрыться

въ тысячѣ знаменій» (*L'Europa giovane*, «Молодая Европа», p. 213).

И гдѣ же и чѣмъ вызываются эти ощущенія?

На нашъ взглядъ, въ самой прозаической обстановкѣ, не идущей ни въ какое сравненіе съ самыми скромными итальянскими пейзажами и жанрами.

Оказывается, *Земной рай конца XIX-го вѣка* находится въ городахъ Скандинавіи. Предъ ними блѣднѣютъ неописуемые флорентійскіе виды, несравненный *Большой каналъ* Венеціи, тотъ самый, гдѣ замирали отъ восторга иностранные послы еще въ древнѣйшія времена умершей республики, нѣтъ больше цѣны ни Колизею, ни форуму. Все это золотая легенда, годная для иллюстрацій историческихъ или эстетическихъ сочиненій. А настоящая жизнь, бьющая силой въ настоящемъ и чреватая великимъ будущимъ—тамъ, *на сѣверѣ*.

Итальянецъ полонъ восторга предъ умѣренностью и аккуратностью норвежскихъ и шведскихъ нравовъ. Это—царство чистоты, благоразумія, нравственности, здѣсь нѣтъ головокружительныхъ, но совершенно безполезныхъ художественныхъ построекъ, потому что никогда не было разбойниковъ-меценатовъ и артистовъ-наемниковъ. Здѣсь нѣтъ внѣшняго блеска, романтическихъ подвиговъ, потому что не было мѣста силѣ, эгоистической геніальности, покупавшей блескъ и доблесть цѣной народной свободы. Здѣсь прогрессъ совершался путемъ общаго труда — безъ жертвъ толпы героямъ...

И многое еще другое итальянскій авторъ имѣетъ сказать во славу сѣверной, на видъ скромной, но по существу плодотворнѣйшей и истинно человѣческой жизни. Это настоящій гимнъ человѣка, истомленнаго жгучимъ солнцемъ, обезсиленнаго нескончаемой эстетической оргіей и жаждущаго прохлады и болѣе естественной, хотя и несравненно болѣе грубой пищи глазамъ и чувству.

Вы знаете, это старая жажда.

Въ параллель съ *Drang nach Suden* *) сѣверныхъ народовъ давно бы слѣдовало поставить *Drang nach Norden*—южныхъ. Это какой-то фатальный взаимный запросъ двухъ человѣческихъ нравственныхъ и историческихъ типовъ другъ къ другу. Въ то самое время, когда дикій германецъ приходилъ въ оцѣпенѣніе предъ чудесами императорскаго Рима и занесенная рука разрушителя часто удерживалась подъ вліяніемъ какого-то мистическаго благоговѣнія предъ непонятной, уже безоружной силой культуры, въ это самое время этотъ же самый германецъ казался культурному римлянину идеаломъ всѣхъ человѣческихъ совершенствъ. И Тацитъ первый написалъ поэму, *Германію*, которой суждено было повторяться изъ вѣка въ вѣкъ, съ однимъ и тѣмъ же основнымъ мотивомъ.

Предъ нами *Молодая Европа*. Для итальянца это значитъ тоже Германія и потомъ Россія. Въ концѣ XIX вѣка мы слышимъ тѣ же

*) Стремленіе на югъ; Drang nach Norden—стремленіе на сѣверъ.

жалобы на одряхлѣвшую латинскую цивилизацію и тѣ же надежды на обновленіе міра работой другихъ, менѣе цивилизованныхъ, но болѣе сильныхъ народовъ.

У автора есть сравнительно недавній предшественникъ—Сталь со своей книгой о Германіи. Но французская писательница имѣла въ виду почти исключительно литературу, отчасти философію. Ферреро очень внимателенъ къ экономическимъ задачамъ своего времени. Онѣ занимаютъ главное мѣсто въ его впечатлѣніяхъ и выводахъ. И оригинальность положенія нашего автора заключается именно въ попыткахъ рѣшить вопросъ, что новаго въ общечеловѣческій культурный капиталъ можетъ внести современная соціальная жизнь германской и славянской расъ?

Ферреро, едва ли не единственный изъ западныхъ писателей, вздумалъ подойти къ національнымъ явленіямъ германскаго и славянскаго міра съ общефилософской пытливостью мысли. Для него продукты сѣверной почвы не дикія, подчасъ уродливыя и для болѣе экзотическихъ странъ чужеядныя растенія. Въ нихъ заключенъ непремѣнно зародышъ общечеловѣческаго древа познанія, добра и зла. Частица истины неизбѣжно скрывается даже въ самомъ на первый взглядъ первобытномъ настроеніи славянина, и нѣчто поучительное можно открыть въ самомъ прямолинейномъ отвлеченномъ умозрѣніи германца.

Тацитъ въ варварѣ искалъ *естественнаго человѣка* съ миѳическими чистыми инстинктами, г-жа Сталь представляла нѣчто подобное въ идиллической чувствительности и мечтательной туманности нѣмецкой поэзіи; итальянскій профессоръ далекъ отъ идиллій и легендъ. Онъ желаетъ знать, нѣтъ ли совершенно осязательныхъ, положительныхъ результатовъ *общественнаго* прогресса на сѣверѣ, столь мало поэтическомъ и красивомъ.

И это желаніе сливается съ изумительнымъ безпристрастіемъ, можно сказать—съ гражданскимъ мужествомъ. Страницы *Молодой Европы* часто напоминаютъ грозныя, карающія рѣчи Тацита, если не по силѣ идей и лапидарности стиля, то по рѣшительности отрицательнаго чувства къ порокамъ латинской расы и культуры.

II.

Нашъ авторъ одаренъ большимъ публицистическимъ талантомъ. Недаромъ онъ состоитъ сотрудникомъ французскихъ журналовъ. Цѣлыя главы его новой книги—настоящая сатира, часто очень остроумная и всегда живая, явно почерпнутая изъ личныхъ впечатлѣній и пристальнаго изученія практической жизни.

Прочтите, напримѣръ, часть книги, озаглавленную *d'Amore nella civiltà latina e germanica*. Врядъ ли ярче могъ бы изобразить современные нравы самый краснорѣчивый проповѣдникъ-моралистъ, чѣмъ эти жанровыя картинки, безъ малѣйшаго педантизма и навязчивой поучительности, набросанныя легкой опытной рукой, дышащія юморомъ и нерѣдко прямо художественныя.

Мы, да и вообще всѣ, кому не чуждо эстетическое чувство, привыкли восторгаться литературой и искусствомъ латинскихъ

расъ. И восторги, кажется, вполнѣ законны. Столько здѣсь свѣта, искренней любви къ жизни и жизненной правды! И потомъ такое тонкое чувство красоты и гармоніи! Латинскій литературный геній успѣлъ очаровать одинаково ученыхъ и простыхъ. Боккаціо изучается, какъ классикъ, современный французскій романъ, и одинъ только онъ, является отблескомъ мірового господства «галльскаго духа». Идти противъ этихъ фактовъ, значитъ вести борьбу съ исторіей и природой, т. е. заранѣе осудить себя на пораженіе и смѣхотворную неразумную роль...

Ее беретъ на себя итальянскій ученый и умѣетъ вызвать у читателя если не сочувствіе, то вполнѣ серьезное вниманіе.

Что такое, въ сущности, поэзія и искусство латинской расы?— прославленіе любви, какъ чувственнаго наслажденія, воспѣваніе женщины, исключительно какъ предмета, вызывающаго волненіе крови. Ферреро перебираетъ главнѣйшіе женскіе типы, созданные поэтами Франціи и Италіи, и ни въ одномъ не находитъ человѣческой, нравственной стихіи. Если же поэты берутъ женщину внѣ ея полового назначенія, выходятъ не женщины, а амазонки, начиная съ античной Антигоны и кончая героинями Корнеля.

Никому изъ латинянъ не удалось создать нѣчто, похожее, напримѣръ, на шекспировскую Миранду, это чудное сліяніе женственности и идеализма, просыпающагося естественнаго чувства любви и невольной пугливой стыдливости предъ невѣдомымъ, непонятнымъ голосомъ природы. Ферреро считаетъ Миранду поэтичнѣйшимъ явленіемъ европейской литературы и очень искусно, по сценамъ пьесы, по отдѣльнымъ выраженіямъ шекспировской героини, оттѣняетъ нѣчто, совершенно неизвѣстное женщинамъ латинскихъ поэтовъ, откровенно чувственнымъ, психологически-простымъ и грубымъ. Иначе и быть не можетъ. Онѣ—только *источникъ пріятнаго*, и о нихъ, на романскихъ языкахъ, можно говорить совершенно какъ о всякихъ другихъ пріятныхъ предметахъ. Нѣмецъ и англичанинъ свои слова *lieben* и *love* говорятъ только о людяхъ, итальянецъ, безразлично, *любитъ* и жену, и макароны, и кіанти. Очевидно, соображаетъ авторъ, у однихъ народовъ съ словомъ *любить* соединяется непремѣнно нравственное понятіе, у другихъ только чувственное.

Соображеніе, можетъ быть, отчасти натянутое, но Ферреро иллюстрируетъ его блестящими примѣрами изъ дѣйствительности.

Онъ вскрываетъ изнанку латинской поэзіи и показываетъ неприкрашенную правду. Все дѣло, по его мнѣнію, въ расовой склонности латинянъ къ очень раннимъ любовнымъ удовольствіямъ. Еще въ гимназіи, за чтеніемъ Гомера и Ѳукидида итальянскій юноша начинаетъ мечтать о *ней*, ловитъ въ книгѣ и въ разговорѣ каждый намекъ на любовь и женщину, и надо признать, классическая литература, почему-то признанная спеціально воспитательной для юношества, какъ нельзя болѣе богата этими намеками и прямыми внушеніями.

Достаточно взять невиннѣйшіе образцы — Иліаду и Одисею и сообразить, изъ-за чего загорѣлась несказанная брань среди греческихъ героевъ и боговъ! Изъ-за женщины, которую даже

*

троянскіе старцы считаютъ вполнѣ законнымъ поводомъ для десятилѣтняго кровопролитія...

И вотъ такая-то Елена преслѣдуетъ юнаго классика и во снѣ, и на яву. Южный темпераментъ дѣлаетъ свое дѣло, и въ то время, когда англійскій студентъ внѣ аудиторіи мечтаетъ о спортѣ, о побѣдахъ въ разнаго рода состязаніяхъ на водѣ и сушѣ, итальянскій переполненъ романическимъ возбужденіемъ и не сдерживаетъ его ни при какихъ случаяхъ.

Войдите, говоритъ авторъ, въ аудиторію итальянскаго университета до появленія профессора: вы непремѣнно услышите неприличную пѣсню, порнографическія восклицанія и разсказы. Авторъ слышалъ, какъ подобные крики сыпались изъ толпы итальянской молодежи, даже на юбилейномъ празднествѣ въ честь Джордано Бруно...

Очевидно, чувственная стихія всецѣло владѣетъ природой латинской расы. Французы не отстаютъ отъ своихъ родичей. Чтобы ни проповѣдывали новѣйшіе гонители порнографической литературы Парижа, она, въ сущности, только отвѣтъ на спросъ. Для доказательства достаточно познакомиться съ удовольствіями парижскихъ студентовъ и оцѣнить по достоинству исконный, можно сказать, культурно-историческій союзъ французскихъ студентовъ и «милыхъ созданій». Это одинъ изъ благодарнѣйшихъ мотивовъ французской литературы, всевозможныхъ направленій, отъ мѣщански-чувствительнаго до бульварно-увеселительнаго. Авторъ и здѣсь иллюстрируетъ его личными наблюденіями...

Что же получается въ результатѣ?

Въ высшей степени краснорѣчивая разница между положеніемъ женщины у германской и латинской расъ.

Англійскій студентъ, безъ всякихъ грѣшныхъ мыслей, можетъ спорить съ англійской дѣвушкой о какомъ угодно предметѣ. Онъ видитъ въ ней такого же противника, какъ и въ своемъ товарищѣ, признаетъ за ней право на собственныя политическія убѣжденія и, впослѣдствіи въ жизни, вполнѣ серьезно будетъ относиться къ дѣятельности двухъ существующихъ въ настоящее время политическихъ женскихъ организацій—либеральной и консервативной.

Ничего подобнаго въ Италіи и во Франціи.

Въ этихъ странахъ среди смѣшанныхъ обществъ, т. е. одновременно среди мужчинъ и женщинъ, немыслимъ никакой строгій идейный разговоръ. Собесѣдники ни на минуту не перестаютъ чувствовать себя половыми особями, усиливаются производить впечатлѣніе другъ на друга, *нравиться*, подчеркиваютъ всякій самый отдаленный намекъ на эту цѣль, и въ результатѣ вся бесѣда превращается въ любовный турниръ. Изъ него, конечно, можетъ и не выйти непосредственнаго практическаго послѣдствія, но фактъ именно тѣмъ и характеренъ, что обнаруживаетъ, такъ сказать, *чистое художество* извѣстной среды, прирожденную нравственную организацію.

Естественно, при такой наклонности самой природы, въ женщинѣ нельзя видѣть человѣка. Какой бы высоты ни достигали общественныя идеи, къ какимъ бы выводамъ ни приходила наука и философія, женщина неизмѣнно останется—*предметомъ*.

Нѣмецъ и англичанинъ будутъ искать у своей будущей жены соотвѣтствія ея вкусовъ своимъ, идей, стремленій, скрѣпляющихъ союзъ; французъ и итальянецъ мечтаетъ только о самкѣ. Отсюда фактъ громаднаго нравственнаго и общественнаго значенія—*ревность*.

Латинская любовь часто очень стремительна и искренна, но она въ тоже время *тюрьма*. Потому что нельзя съ довѣріемъ относиться къ мыслямъ и поступкамъ существа, чей духовный уровень заранѣе признанъ ниже человѣческаго и къ чьей *душѣ* собственно даже не существовало и не существуетъ серьезнаго интереса. Мужъ, итальянецъ и французъ,—говоритъ Ферреро,—готовъ отдать чорту свою душу, лишь бы знать всякую минуту мысли своей жены.

Эти страданія невѣдомы человѣку германской расы. Англичанка, независимо отъ мужа, можетъ вести переписку, имѣть свои личныя знакомства, и англичанинъ-мужъ посягательство на корреспонденцію своей жены счелъ бы такимъ же преступленіемъ, какъ вообще нарушеніе тайны чужихъ писемъ.

Разница идетъ дальше и затрогиваетъ глубоко общественную совѣсть. Всякому извѣстно, какова участь невѣрной жены во Франціи. Никакой кодексъ не можетъ искоренить національной морали—*tue-la* (убей ее), и присяжные почти всегда оправдываютъ убійцъ изъ ревности. Это обычный порядокъ во Франціи и въ Италіи. Оправдательные вердикты часто сопровождаются овиціями публики въ честь героя. Выпадаетъ торжество и на долю героинь, потому что общественное мнѣніе одинаково и въ мужскомъ и женскомъ сердцѣ признаетъ законность ревниваго чувства.

Ничего подобнаго въ Англіи. Тамъ для судьи и для присяжныхъ убійца изъ ревности отнюдь не романтическій персонажъ, а такой же преступникъ, какъ и всѣ, даже худшій: мужъ, убивающій невѣрную жену, караетъ слабѣйшаго.

Всѣ эти мысли и факты вполнѣ убѣдительны. Они не могутъ претендовать на особенную оригинальность, но заслуга автора въ яркомъ и искусномъ сопоставленіи свѣта и тѣней. Его не подкупаетъ поэзія любви, за ней онъ ясно различаетъ фонъ простого физіологическаго возбужденія. Его не обольщаетъ рыцарственный героизмъ: здѣсь также въ глубинѣ скрывается звѣрь, теряющій голову отъ прилива крови.

Особенно любопытна связь, какую авторъ очень тонко открываетъ между напряженнымъ чувственнымъ инстинктомъ и низкимъ нравственнымъ и общественнымъ положеніемъ женщины. Именно въ глазахъ тѣхъ людей, кто больше всего занятъ помыслами о женщинѣ, о любви, о поэтическомъ счастьѣ сердца, не имѣетъ никакой цѣны человѣческое достоинство женщины. Чувственность и эмансипація въ благородномъ смыслѣ слова несовмѣстимы, и латинская литература, почти сплошь посвященная вѣчно-женственному, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ нисколько не приподняла культурнаго уровня своихъ читателей по части женскаго вопроса, не усовершенствовала даже личныхъ отношеній мужчины къ женщинѣ. Помимо авторскихъ доводовъ, это подтверждается новѣйшей

судьбой высшаго женскаго образованія во Франціи и особенно воззрѣніями французской университетской молодежи на это образованіе.

Ферреро не хочетъ остановиться на своей параллели въ ея безспорныхъ предѣлахъ. Онъ, пользуясь все тѣмъ же мотивомъ преждевременно и чрезмѣрно развитой чувственности, идетъ очень далеко, желаетъ построить на немъ два цѣльныхъ культурныхъ типа и прослѣдить ихъ историческое развитіе по всѣмъ направленіямъ, между прочимъ, въ экономическомъ.

Несомнѣнно громадное вліяніе на жизнь отдѣльной личности и цѣлой расы такъ называемой поэтической стороны нашего существованія. Можно съ большой точностью опредѣлить характеръ человѣка и даже отчасти предугадать его біографію на основаніи психологіи его *любви*, анализа его сердца. Истина,—скажи, какъ ты любишь, и я скажу, кто ты,—имѣетъ несомнѣнное жизненное значеніе, и на ней построенъ въ сущности весь секретъ беллетристической талантливости поэтовъ и романистовъ.

Но у Ферреро рѣзко поучительны цѣли въ вопросѣ воспитанія юношества, и онъ рисуетъ чрезвычайно широкую, всеобъемлющую картину латинской расовой психологіи—одной и той же краской.

Вамъ становится жутко предъ тѣми выводами, какіе дѣлаются изъ установленной faculté maîtresse итальянца и француза. Оказывается, юноша, преждевременно и на всю жизнь поглощенный любовными вожделѣніями, не успѣваетъ пріобрѣтать необходимѣйшаго условія для всякой плодотворной культурной работы—*чувства долга, совѣстливости труда, conscienziosità del lavoro, sentimento del donere*—добродѣтели, проникающей все существо германской расы.

Вы изумлены... Какъ! А столько героевъ, искони блестящими подвигами самоотверженія увѣнчивающихъ исторію Италіи и Франціи. Муціи и Коклесы вовсе не исключительныя легендарныя преданія старины тамъ, гдѣ еще на нашей памяти совершилось быстрое превращеніе «географическаго термина» въ великую державу. И чуть не каждая площадь въ каждомъ итальянскомъ и французскомъ городѣ, часто даже едва извѣстномъ, кричитъ вамъ о героизмѣ...

Да, скажетъ вамъ авторъ, *о героизмѣ*, но совершенно другомъ, чѣмъ какой необходимъ для созиданія прочнаго общественнаго и нравственнаго порядка. Античная литература пріучила итальянца видѣть въ долгѣ непремѣнно нѣчто исключительное, грандіозное, не обычную стихію будничной жизни, а подвигъ, неминуемо требующій театральной обстановки, зрителей, вѣнковъ, апплодисментовъ, статуй.

И человѣкъ латинской расы вполнѣ способенъ явиться Муціемъ, Гарибальди, народнымъ трибуномъ и военнымъ геніемъ, и въ то же время онъ съ презрѣніемъ отнесется къ незамѣтному, но отнюдь не менѣе, если не болѣе, существенному проявленію твердой воли, непоколебимой принципіальности. Разъ у него нѣтъ возможности подвизаться публично, на открытой сценѣ, онъ укорачиваетъ энергію и простую добросовѣстность въ работѣ.

Нѣмецъ, напр., вноситъ чувство долга рѣшительно во всѣ обязанности, какія на него возлагаетъ жизнь: отъ мелкой чиновничьей дѣятельности до ремесленническаго труда. Все это ниже полета латинской геніальности. Разъ—не поле битвы, не трибуна форума,—французъ и итальянецъ кое-какъ отдѣлывается отъ своихъ обязательствъ.

Въ результатѣ, не мало отдѣльныхъ ослѣпительныхъ подвиговъ, множество поразительныхъ произведеній творческаго генія, и отсутствіе послѣдовательной жизненной работы, цѣльной выработки общественныхъ идеаловъ и просто даже широкаго политическаго и экономическаго развитія.

Типичная государственная форма, созданная латинской расой,—цезаризмъ. Она идетъ изъ древности, достигаетъ полнаго развитія въ эпоху возрожденія, не утратила почвы въ сознаніи хотя бы тѣхъ же французовъ до послѣднихъ дней. И это понятно. Цезаризмъ—театральное геройство, по преимуществу: съ одной стороны рукоплещущая толпа—все ея назначеніе именно въ рукоплесканіяхъ и крикахъ, съ другой—избранная личность, божество передъ стадомъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Такова по существу вся особенно блестящая исторія Италіи, именно эпоха Возрожденія. Дѣйствующія лица—кондотьеры, вообще герои меча и крови, и въ то же время покровители искусствъ, какъ высшихъ украшеній своей власти. Рядомъ съ ними безправная, угнетаемая масса, безцвѣтный плебсъ. И въ то время, когда германская раса вырабатывала путемъ упорнаго будничнаго труда понятіе гражданина, личности нравственно и политически самодовлѣющей, какъ бы ни были скромны ея силы и практическія задачи, латинская раса жила героями и подвигами и до сихъ поръ не можетъ освоиться съ идеями и порядками, составляющими исконное, историческое достояніе англичанина и нѣмца.

Латинскіе парламенты до сихъ поръ остаются аренами для героическихъ турнировъ; итальянскій или французскій депутатъ прежде всего ораторъ для публики, артистъ, театральный боецъ, и отнюдь не государственный человѣкъ. Ему надо сорвать апплодисменты—это прежде всего, а потомъ уже практическій результатъ. И трудно съ бо̀льшимъ презрѣніемъ говорить о современныхъ политическихъ дѣятеляхъ Италіи, чѣмъ говоритъ о нихъ Ферреро...

III.

Правъ ли нашъ авторъ?

Онъ человѣкъ искреннихъ либеральныхъ убѣжденій и ни единой чертой не напоминаетъ современныхъ французскихъ академиковъ, мечтающихъ о какомъ-нибудь Людовикѣ XIV въ болѣе или менѣе подновленномъ стилѣ. Именно во имя прочнаго развитія политической свободы Ферреро и ополчается противъ отечественныхъ политиковъ.

И его негодованіе во многомъ справедливо.

Только что, напримѣръ, въ итальянскомъ сенатѣ произошелъ такой эпизодъ.

Обсуждался очень либеральный законъ по рабочему вопросу. Всѣ отдѣльныя статьи законы, подвергнутыя *именному* голосованію, были приняты, но весь законъ вотировался *тайной* баллотировкой и былъ отвергнутъ...

Какая благодарная тема для критики парламентаризма! Но фактъ вызвалъ прежде всего возмущеніе самихъ убѣжденнѣйшихъ друзей свободы, и Ферреро, именно въ виду подобныхъ фактовъ, даетъ скорбную характеристику политическихъ талантовъ своихъ соотечественниковъ.

И все-таки онъ стремится дальше цѣли.

Онъ готовъ отрицать всѣ культурныя заслуги латинской расы. Она, несомнѣнно, по преимуществу раса эстетики и эффекта. Но развѣ это такія качества, какимъ совершенно нѣтъ мѣста въ положительномъ капиталѣ человѣческой цивилизаціи?

Предположите, весь міръ превратился бы въ сплошное скандинавское поселеніе, столь восхищающее автора умѣренностью, благоразуміемъ, вообще золотой серединой... Трудно и представить, какое бы это вышло царство удручающей скуки, духовнаго измельчанія и маразма. Всю жизнь быть благоразумнымъ съ единственной цѣлью сытно поѣсть, тепло одѣться и солидно потолковать съ сосѣдомъ по тѣмъ же предметамъ! Всякую минуту человѣкъ будто бы изнывалъ отъ страха—не остаться на высотѣ борьбы за насущный хлѣбъ и, какъ идеалъ, выработалъ бы изъ себя развѣ только честнаго мастера всякую дрянь превращать въ доходъ. Это было бы совершенное осуществленіе принципа гоголевскаго Костанжогло: не на красоту смотрите, а на пользу, и въ то же время убійствомъ человѣческой души и всякой радости жить.

Конечно, красота не искупаетъ своихъ благодѣяній, когда она эстетическая манія Нерона, чувственная оргія итальянскихъ герцоговъ. Но она неизбѣжно присутствуетъ всюду, гдѣ только горитъ огонь увлеченія за великую идею. Истина не только убѣдительна, но и прекрасна, могуча естественной и величавой гармоніей своего содержанія, высокопоэтична по своимъ идеальнымъ цѣлямъ. Это не будетъ красота Венеры Милосской или Форнарины, но вѣдь и античный міръ зналъ двухъ богинь любви—земную, *простонародную*, и *небесную*. Въ этомъ представленіи выразилось предчувствіе несомнѣннаго психологическаго факта: во всякомъ идейномъ увлеченіи есть доля художественнаго восторга. Вѣровать въ идею—значитъ любить ее, не какъ логическій результатъ отвлеченныхъ положеній, а какъ нѣчто живое, какъ дѣйствительность для идеалиста вполнѣ воплощенную, осязательную, т. е. дѣйствующую и на чувства не меньше, чѣмъ на умъ.

А всякій энтузіазмъ неминуемо и эффектенъ, разъ онъ осуществляется на обширной сценѣ. Когда Лютеръ, кажется, полная противоположность аѳинскимъ софистамъ и римскимъ цицеронамъ, явился въ Лейпцигѣ на богословскую каѳедру съ букетомъ цвѣтовъ, развѣ онъ не вносилъ извѣстной *игры* въ свое, по его германскому убѣжденію, святое дѣло? И развѣ позже Густавъ-Адольфъ, защищавшій реформацію, не уподобился въ совершенствѣ античнымъ героямъ изъ породы Муціевъ и Деціевъ?

Нѣтъ. Ни красоты, ни эффекта не вытравить изъ человѣческой природы, не изгнать изъ человѣческой цивилизаціи. И до какой степени самыя чистыя, возвышенныя истины нерѣдко подсказываются чувствомъ прекраснаго, будь это даже чувство античнаго художника, показываетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ вдохновеній Платона: изобразить одинокаго идеалиста, страждущаго за свои идеи...

Эллинскому философу, конечно, совершенно чуждо представленіе о христіанскомъ мученичествѣ, но прочтите его *лирическое* разсужденіе,—въ явной поэзіи вы почувствуете великую историческую правду.

Горе отдѣльному человѣку и цѣлымъ народамъ, когда эстетическая способность влечетъ къ культу *чистой* красоты, красоты формъ, пріятнаго возбужденія и одуряющей страсти, когда Venus vulgaris совершенно замѣняетъ Venus coelestis, какъ это и происходитъ у чистыхъ художниковъ всевозможныхъ направленій—эстетовъ, декадентовъ, символистовъ. Но не менѣе фатально и увлеченіе идеей, лишенной красоты и поэтическаго свѣта,—тогда христіанство превращается въ инквизицію, реформація въ фанатическое пуританство, евангеліе въ *Index*.

И мы знаемъ, всѣ эти чудовища выросли на безпощадномъ отрицаніи чувства земной красоты: инквизиція—полюсъ античному построенію, пуританство — тюрьма и варварство. Не такую же трезвость мысли желаетъ нашъ авторъ противопоставить пороку латинской расы!

Нѣтъ. Эта раса внесла безсмертное достояніе въ цивилизацію, создала ей геніальную юность и ароматную *весну*, раскрыла ей радость существованія въ формахъ, какія только и могутъ быть доступны первой молодости, не отняла у нея предчувствія и болѣе совершеннаго счастья. Античные поэты и художники, въ минуты художественнаго восторга, поднимались до созерцанія благороднѣйшихъ идеаловъ. Правда, это исключительное и будто мимолетное настроеніе немногихъ избранныхъ, въ родѣ великихъ трагиковъ Эллады или того же Платона, по недоразумѣнію считаемаго философомъ, а не поэтомъ и созерцателемъ. Но вѣдь, ни Элладой, ни Италіей не закончилась исторія человѣческаго духа. Сократъ говорилъ о нѣкоемъ *демонѣ*, внутреннемъ голосѣ, т. е. совѣсти, управляющей его мыслями и поступками. Это было зарей новаго міра, и, мы видимъ, она загорѣлась еще подъ латинской цивилизаціей; на первомъ мѣстѣ среди великихъ идеалистовъ приходится поставить человѣка, объяснявшаго своимъ ученикамъ законы прекраснаго въ присутствіи гетеръ...

Такъ всегда переплетается въ нашемъ мірѣ великое и будничное, идеальное и земное, и если въ частныхъ случаяхъ рядомъ можетъ встрѣтиться гигантъ и карликъ, въ общемъ ходѣ цивилизаціи, нѣтъ ни пропастей, ни чудесныхъ преобразованій.

Очевидно, итальянскій ученый поддался тацитовскому настроенію и нарисовалъ ненаучную картину. Но это же настроеніе заставило его особенно внимательно вглядѣться въ чужую культуру и допытаться положительной истины тамъ, гдѣ его соотечествен-

никамъ представляется сплошная смута отвлеченностей и несообразностей.

Прежде всего, въ высшей степени удачна характеристика германской соціалъ-демократіи. Ферреро умѣлъ напасть на центральный нервъ великаго движенія и объяснить его съ образцовой ясностью и широтой взгляда.

Прежде всего у автора эффектна картина современнаго общественнаго и политическаго положенія Германіи. Она создана объединеніемъ, бисмаркизмомъ по преимуществу, и коренится на роковомъ противорѣчіи, внесенномъ въ германскую исторію эпохой объединенія.

Эпоха, преимущественно подъ вліяніемъ Бисмарка—воинственная. Объединеніе куплено цѣной цѣлаго ряда войнъ и побѣдъ. Но онѣ, по мнѣнію автора, менѣе всего соотвѣтствуютъ національному характору нѣмцевъ,—народа миролюбиваго, спокойнаго и совершенно не азартнаго на подвиги желѣза и крови. Бисмаркъ могъ опереться только на юнкерство, единственный классъ, имѣющій за собой рыцарскія воинственныя преданія. Остальная нація пошла за великимъ дѣятелемъ, увлеченная его геніемъ и громадной творческой силой.

Объединеніе совершилось при помощи оружія. Но новое государство можетъ еще, пожалуй, возникнуть путемъ войны, но отнюдь не существовать,—для его развитія требуются нравственныя и экономическія основы. А эти основы представляются не юнкерствомъ, а бюргерами, и германскому правительству непосредственно за объединеніемъ пришлось сосредоточить вниманіе именно на судьбѣ этой общественной силы: юнкерство фатально отступало на задній планъ. Нѣкоторыя мѣры правительства, особенно торговые трактаты, явно подрывали интересы землевладѣльцевъ-феодаловъ. Но въ то же время они, особенно въ Пруссіи, удерживали за собой не мало старыхъ привилегій, въ родѣ преимущественнаго права на административные и военные посты.

Отсюда непримиримое противорѣчіе въ положеніи гражданскаго и дворянскаго класса, созданное возникновеніемъ имперіи. Въ результатѣ—юнкерство, во имя оскорбленныхъ сословныхъ интересовъ, не отступило предъ оппозиціей правительству. Юнкеръ, по самому своему существу обязанный быть консерваторомъ, въ современной Германіи часто явно идетъ противъ короны и тайно вступаетъ въ связи даже съ соціалъ-демократіей. Только отъ высокопоставленнаго юнкерства могутъ исходить и дѣйствительно исходятъ скандальные документы на счетъ двора или высшей администраціи, печатаемые время отъ времени на столбцахъ соціалъ-демократическихъ газетъ.

Не менѣе любопытна и политическая роль нѣмецкаго католичества.

Оно также по духу и по исторіи консервативно, но объединенная Германія создана прусской державой, и Бисмаркъ Kulturkampf призналъ одной изъ главнѣйшихъ задачъ своей внутренней политики. Въ результатѣ—центръ германскаго рейхстага, т. е. католическая партія,—оппозиція и самая послѣдовательная. Именно

благодаря центру въ 1895 году не прошелъ исключительный законъ противъ соціалъ-демократіи.

Эта смута въ политическихъ отношеніяхъ партій, путаница между ихъ историческими преданіями и условіями современности отражается и на политикѣ правительства. Ему безпрестанно приходится считаться съ самыми разнообразными идейными и фактическими комбинаціями среди партій. Пока могучая власть Бисмарка ломала или подавляла препятствія и разрубала узлы, во внутренней политикѣ Германіи было извѣстное единство, а теперь царствуетъ *Zig-zag-kurz*, наглядное отраженіе общей политической путаницы.

Но при такихъ условіяхъ благодарнѣйшая роль наблюдателя-*критика*. Какъ разъ противорѣчія, непослѣдовательность, оппортюнизмъ—желанная пища для критическаго ума во всѣхъ областяхъ мысли и дѣятельности. Эту роль и взялъ на себя соціалъ-демократизмъ. Не ее только, но она по преимуществу составляетъ его нравственную и парламентскую силу.

Нѣтъ ни одной партіи, которой соціалъ-демократизмъ не могъ бы сразить желѣзной логикой. Возьмемъ двѣ, особенно шумныя и самонадѣянныя.

Юнкерство гордится монархическими традиціями, но разъ доходы съ *rura paterna* подвергаются опасности, юнкеръ готовъ кричать: спасеніе въ соціалъ-демократіи!

Антисемитизмъ драпируется въ демагогическую тогу: евреи эксплуатируютъ народъ и должны быть уничтожены... Хорошо, отвѣчаетъ на это соціалъ-демократъ, только помните, еврей эксплуатируетъ народъ не потому, что онъ еврей и принялъ обрѣзаніе, а потому, что онъ капиталистъ и владѣетъ деньгами и орудіями производства.

Въ результатѣ, *всѣ* партіи, одинаково уничтожаемыя соціалъ-демократической критикой, прибѣгаютъ къ ея услугамъ въ борьбѣ между собой и съ правительствомъ. Выборы въ германскій рейхстагъ представляютъ часто оригинальнѣйшія зрѣлища. Положимъ, избирателю центра надлежитъ выбрать между кандидатомъ національ-либераловъ и соціалъ-демократовъ,—онъ подаетъ голосъ за послѣдняго. Національ-либералы партія благонамѣренная, лицемѣрная и робкая, а соціалъ-демократъ завѣдомо явится новымъ подспорьемъ въ нескончаемыхъ счетахъ центра съ правительствомъ.

Также будетъ разсуждать въ подобномъ положеніи и свободомыслящій противъ кандидата національ-либерала, католика или антисемита; объ юнкерѣ нечего и говорить. Въ результатѣ, соціалъ-демократія логически явилась какимъ-то оффиціальнымъ представительствомъ всѣхъ германскихъ критическихъ направленій въ политикѣ. Отсюда ея успѣхъ на выборахъ даже тамъ, гдѣ ей приходится считаться съ консервативнѣйшими по существу общественными элементами.

Но это не единственная причина успѣха. Ея достаточно было бы для парламентской борьбы, но собственно на народъ она могла имѣть только ограниченное вліяніе и, конечно, не завоевала бы соціалъ-демократіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ милліоновъ приверженцевъ.

Существуетъ другая сторона дѣла, положительная, т. е. извѣстный политическій и общественный символъ, подлежащій осуществленію.

Соціалъ-демократія считаетъ этотъ символъ научнымъ, т. е. непосредственнымъ выводомъ современныхъ экономическихъ наукъ.

Здѣсь самый слабый пунктъ могущественной партіи. Возможна ли вообще безусловно научная программа будущаго въ соціальныхъ вопросахъ? Объ этомъ человѣчество мечтаетъ очень давно, въ новое время, по крайней мѣрѣ, съ эпохи возрожденія реформаціи. Мечтанія современной соціалъ-демократіи прямое наслѣдство многочисленныхъ соціальныхъ религій XIX вѣка, въ родѣ сенъ-симонизма. Фактъ, что первоучителемъ соціализма считается Марксъ, не важенъ, на сколько вопросъ идетъ о самой сущности соціалъ-демократическихъ задачъ. Безчисленное число разъ указывалось, на какой ограниченной экономической почвѣ возникли обобщенія Маркса, до какой степени изученная имъ исторія англійскихъ экономическихъ отношеній мало приложима къ другимъ культурнымъ государствамъ, и, слѣдовательно, выводы, сдѣланные на основаніи этой исторіи, имѣютъ только временное и мѣстное значеніе. Но и это не существенно.

Выше всего вопросъ о самой возможности научнаго построенія общества, т. е. о логической и исторической убѣдительности преобразовательной соціальной программы. Отрицательный отвѣтъ очень простъ, но въ данномъ случаѣ простота оказалась далеко не для всѣхъ внушительной.

Въ настоящее время врядъ ли найдется смѣльчакъ, раздѣляющій вздорное представленіе тэновской школы, будто явленія нравственнаго порядка можно анализировать съ такой же точностью, какъ химическія вещества и желудочный сокъ. Соціалъ-демократы слишкомъ опытные дѣятели и серьезные мыслители, чтобы бросаться лицомъ въ грязь. Но и для нихъ существуетъ *научная* истина въ соціальныхъ идеалахъ,—*истина, установленная въ настоящемъ для будущаго.*

Что за этой истиной нѣтъ безусловной силы, доказываютъ вѣчныя укоризны со стороны Бисмарка по адресу соціалъ-демократовъ, въ слабости и туманности ихъ положительныхъ идеаловъ, въ ихъ исключительномъ пристрастіи къ критикѣ.

Укоризны не могли бы повторяться изъ года въ годъ, если бы дѣйствительное положеніе дѣла не давало основаній, если бы соціалъ-демократія могла разъ навсегда заставитъ замолчать противника.

Этого не произошло, и научность соціалъ-демократической программы остается *партійной* научностью, это значитъ въ сильной степени—вѣрой и религіей.

Отъ этого программа не теряетъ своего достоинства; такова судьба всѣхъ программъ общественнаго и нравственнаго характера. Но соціалъ-демократы недостатокъ логической убѣдительности своихъ идей восполняютъ именно той силой, какая необходима вѣрѣ и религіи,—чрезвычайно искусной пропагандой и единственнымъ въ своемъ родѣ партійнымъ порядкомъ.

Ферреро говоритъ, что итальянское королевство могло бы позавидовать стройности соціалъ-демократической организаціи.

Прежде всего партія устранила, по возможности, запросы къ личному героизму членовъ. Быть соціалъ-демократомъ представляетъ извѣстную опасность, но партія постаралась возмѣстить ее самыми осязательными выгодами и наряду съ рискомъ выдвинуть явный практическій разсчетъ. *Una eccelente speculazione egoistica*, выражается авторъ о положеніи соціалъ-демократа въ своей партіи. Выраженіе, можетъ быть, преувеличенное, но въ немъ громадная доля правды.

Партія—цѣлое государство, съ министерствами, съ администраціей, съ благотворительностью и съ возможно пристальнымъ попеченіемъ о каждомъ изъ своихъ членовъ. Всѣ мѣста въ этомъ государствѣ при редакціяхъ, книжныхъ магазинахъ, всякаго рода финансовыхъ учрежденіяхъ, платныя и заняты рабочими. Личный талантъ находитъ достойную оцѣнку, и не мало примѣровъ, когда редакторами газетъ становятся тѣ же рабочіе, а особенно талантливые попадаютъ въ рейхстагъ.

И всѣми этими благами рабочій обязанъ не отдѣльной личности, не хозяину и начальнику, а партіи. Онъ нравственно свободенъ, его личное достоинство не подвергается искусамъ. Авторъ восторженно описываетъ редакцію соціалъ-демократическаго органа: одинъ изъ рѣдчайшихъ примѣровъ въ новомъ обществѣ—труда напряженнаго, свободнаго и добровольнаго!..

И труда не во имя эффектнаго героизма, а во имя принципа и долга.

Соціалъ-демократическая организація, возникшая именно въ Германіи, является однимъ изъ нравственныхъ плодовъ основного германскаго чувства во всякой даже незамѣтной работѣ. Здѣсь принципъ, совѣсть—сильнѣе всякихъ театральныхъ успѣховъ, раздражающихъ воображеніе итальянца или француза. И пусть стремленія соціалъ-демократіи будутъ только извѣстнымъ временнымъ міросозерцаніемъ, полунаучнымъ, полуфилософскимъ, отчасти даже религіознымъ. Важна упорная культурная работа націи ради послѣдовательнаго общественнаго прогресса.

Авторъ не думаетъ, чтобы изъ Германіи вышло рѣшеніе великихъ современныхъ задачъ. Назначеніе нѣмцевъ—быть цементомъ гражданскаго развитія для другихъ народовъ. Они—колонизаторы, не путемъ вооруженныхъ захватовъ, а мирнаго разсѣянія по всему культурному міру. Всюду, гдѣ ни появляется нѣмецъ, вмѣстѣ съ нимъ водворяется идея принципіальной, гражданской и цивилизаторской работы. Это—сила, упрочивающая порядокъ и общественность.

Роль опять не героическая, но у потомка героической расы она изображена съ глубокимъ сочувствіемъ. И на этотъ разъ жгучее пресыщеніе героизмомъ и эстетикой не лишаетъ авторскую рѣчь ни исторической вѣрности, ни трогательной искренности.

Но гдѣ же герои будущаго? Герои не въ античномъ смыслѣ, а какъ апостолы новыхъ всеумиротворяющихъ, нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, творцы духовной и жизненной гармоніи, столь жадно искомой человѣчествомъ?

Мы не слышимъ положительнаго отвѣта, но предъ нами обширная глава книги, озаглавленная *Москва.*

IV.

Дѣло идетъ о томъ, какъ умираетъ русскій человѣкъ и вообще, какъ относится къ смерти.

Трудно представить, какое впечатлѣніе производитъ на итальянца спокойное отношеніе русскаго къ своей кончинѣ и сдержанное горе при смерти близкихъ.

Авторъ считаетъ необходимымъ подробно разсказать неслыханное происшествіе: русскій молодой профессоръ явился на вечеръ къ знакомымъ въ день кончины своего отца.

Это единственный фактъ, описываемый авторомъ изъ жизни русской интеллигенціи.

Ферреро былъ прямо сраженъ. Онъ, не отрывая глазъ и навостривъ уши, слѣдилъ за выраженіемъ лица гостя, его жестами, оттѣнками его голоса и кончилъ тѣмъ, что написалъ въ своей книгѣ рядъ лирическихъ строкъ объ оригинальной скорби, не проявляющейся извнѣ, ни въ крикахъ, ни въ отчаяніи, затаенной въ сердцѣ, но тѣмъ болѣе прочной и искренней. Такъ, въ нѣдрахъ земли перегораютъ гигантскія деревья безъ огня и дыма, а въ результатѣ—вѣка спустя человѣкъ находитъ колоссальные запасы угля...

Фактъ заинтересовалъ путешественника, потому что онъ свидѣтельствуетъ о цѣломъ міросозерцаніи, невѣдомомъ европейцу.

Это спокойствіе въ виду смерти не буддизмъ, потому что оно не убиваетъ практической энергіи и не доказываетъ отвращенія къ жизни. Русскіе дѣятельны и любятъ жизнь. Ихъ резиньяція не пессимизмъ, а, по мнѣнію автора,—высшая философская истина, добытая только не путемъ анализа, а подсказанная инстинктомъ.

Вопросъ этотъ принадлежитъ къ области высшей мудрости: умѣть самоотрекаться, когда страданія и конецъ неизбѣжны. Это истинное мужество, способное устремлять людей на великія опасности, сохраняется только у расъ свѣжихъ, нравственно-энергичныхъ.

Старыя расы или доживаютъ до полнаго презрѣнія къ жизни: такъ было въ эпоху римскаго упадка,—или душевно мельчаютъ, слишкомъ привязываются къ наслажденіямъ, къ самому процессу существованія: въ такомъ положеніи теперь латинскіе народы. У нихъ нѣтъ больше энергіи, настолько захватывающей, чтобы пойти равнодушно на смерть, и нѣтъ, слѣдовательно, силъ на великія дѣла.

Будущее принадлежитъ тѣмъ, кто одновременно съ любовью къ жизни не утратилъ способности самоотверженія.

Къ сожалѣнію, разсужденія автора слишкомъ теоретичны. Мы бы желали видѣть фактическія данныя, подтверждающія его высокое толкованіе русской резиньяціи. Правда, онъ касается мимоходомъ кое-какихъ фактовъ, но только мимоходомъ. Между тѣмъ, для насъ было бы существенно любопытно слышать доказатель-

ства, что способность русскаго человѣка, преимущественно изъ народа, умирать терпѣливо и спокойно сулитъ въ будущемъ великія дѣла...

У автора, несомнѣнно, много доброй воли. Большая честь его безпристрастію—сопоставленіе непосредственной религіозности русскаго съ разсчетливыми животными суевѣріями неаполитанца. Но та же добрая воля снова приводитъ его къ выводамъ, для русскаго читателя опять, по меньшей мѣрѣ, поспѣшнымъ.

Посвятивъ нѣсколько восторженныхъ страницъ мудрой резиньяціи русскаго народа, Ферреро открываетъ цѣлую калифорнію экономическихъ идеаловъ въ русской артели.

Въ этомъ явленіи онъ опять видитъ внушеніе инстинкта, предвосхитившее всѣ завоеванія соціальной науки. Артель—самая совершенная форма кооперацiи, какую только можетъ представить европейская мысль.

Откуда она у русскихъ?

Помимо благодѣтельнаго инстинкта, авторъ приводитъ и другой источникъ, совершенно не вяжущійся съ первымъ и уже окончательно не оправдываемый дѣйствительностью.

Прежде всего Ферреро устанавливаетъ «законъ» весьма сомнительнаго качества: будто народы, усвоивающіе цивилизацію, совершаютъ тѣмъ болѣе быстрый путь прогресса, чѣмъ дальше они были отъ высшей точки современнаго просвѣщенія. Напримѣръ, мелкіе города скорѣе обзаводятся электрическимъ освѣщеніемъ, чѣмъ крупные: отъ керосиноваго освѣщенія проще перейти къ какому угодно, чѣмъ отъ сложной газовой системы къ электрической. Такъ и въ общихъ вопросахъ прогресса.

Сравненіе очень находчивое, но, какъ и всегда, мало полезное истинѣ. Даже если бы Россія или Японія и освѣтились сплошь электричествомъ, покрылись самыми усовершенствованными путями сообщенія, это не значило бы, что онѣ опередили цивилизаціей всѣ другія страны. Желѣзныя дороги не помѣшали Японіи выказать болѣе чѣмъ первобытное варварство въ войнѣ съ Китаемъ, фабрики и заводы не препятствуютъ нашему отечеству «не знать алфавита».

То же самое и относительно артели.

Послушать автора, это рѣшительное противоядіе противъ золъ капитализма, величайшая надежда и оплотъ Россіи противъ пролетаріата. Артель, будто бы, отнимаетъ почву у капиталистической эксплуатаціи, создаетъ совершеннѣйшую форму ассоціаціи труда и продукта и свидѣтельствуетъ о вѣрномъ разрѣшеніи экономическаго вопроса, безъ научныхъ изслѣдованій и практическихъ затрудненій.

Мало этого. Авторъ дѣлаетъ открытіе, поразительное не только для русскихъ, но и для всякихъ другихъ читателей. Артель, будто бы, доказываетъ исключительную самодѣятельность русскаго народа, жизненную энергію отдѣльныхъ личностей среди массы. Этими достоинствами не обладаютъ большія европейскія націи. Въ результатѣ, Россія представитъ другой типъ экономической исторіи, чѣмъ, напримѣръ, Англія.

О результатѣ возможенъ споръ, но пожеланія явно навѣяны настроеніемъ. Болѣе близкое знакомство съ дѣйствительностью уберегло бы путешественника отъ лирическаго сравненія рускихъ мужиковъ съ пастырями: они, блуждая въ пустынѣ, не вѣдая и не желая—нашли въ пескѣ залежи золота, изъ-за котораго люди городовъ изнываютъ въ лихорадочномъ трудѣ...

Да, и лихорадочный трудъ всегда будетъ удѣломъ и горожанъ, и пастырей, если только ихъ назначеніемъ и цѣлью дѣйствительно будетъ цивилизація, а не самоотреченіе. Авторъ незамѣтно впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой; только что отдавъ справедливость принципіальному труду и дѣятельному чувству долга германцевъ, онъ усиливается воспѣть инстинкты и резиньяцію.

Но снова повторяемъ, относительно Россіи намъ трудно искать поучительныхъ свѣдѣній и мыслей у западноевропейскихъ писателей, даже до послѣднихъ дней. Достаточно, если у писателя искреннее желаніе знать истину и вдумчивое отношеніе къ вопросу. Какой требуется пройти путь самообученія въ русской исторіи и въ языкѣ, чтобы только приступить къ наблюденіямъ надъ русской жизнью! Пока это еще героическій подвигъ, и мы не въ правѣ его требовать отъ автора впечатлѣній.

Во всѣхъ другихъ предметахъ, кромѣ Россіи, впечатлѣнія—не соотвѣтствующее наименованіе для книги Ферреро. Она полна свѣжей мысли, проникнута глубокой вѣрой въ цивилизацію и общественный прогрессъ. Эта вѣра и заставила автора на сѣверѣ искать отвѣтовъ на неудовлетворенныя думы и обманутыя надежды. Поиски привели автора къ увлеченіямъ и, можетъ быть, ошибкамъ, но заставили его дать рядъ блестящихъ культурныхъ картинъ. Этимъ объясняется успѣхъ книги даже въ Италіи, не смотря на менѣе всего патріотическое изображеніе «латинской расы». Можно пожалѣть, что *Юная Европа* по языку мало доступна русской публикѣ.

Ив. Ивановъ.

Римъ, іюль 1897 года.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Labour Annual for 1897*». *Edited by Joseph Edwards.* (*Рабочій Ежегодникъ на 1897 годъ*). Издатель собралъ въ ежегодникѣ массу фактовъ и свѣдѣній, касающихся рабочаго вопроса и рабочаго движенія въ разныхъ частяхъ свѣта. (Bookseller).

«*In the Bight of Benin*» *by A. S. Dawson.* (*Въ Бенинской бухтѣ*). Недавняя экспедиція въ Бенинъ и разсказы о тѣхъ ужасахъ и кровопролитіяхъ, которыя происходили въ этомъ царствѣ самаго грубаго фанатизма, возбудили интересъ къ этой малоизвѣстной области Африки. Авторъ, очевидно, хорошо знакомъ съ этою страной и ея условіями. Его описанія и разсказы о приключеніяхъ въ этой негостепріимной мѣстности полны самаго животрепещущаго интереса. (Bookseller).

«*Education of Girls and Women in Great Britain*» *by C. S. Bremner.* (*Swan Sonnenschein and C°*). (*Воспитаніе дѣвочекъ и женщинъ въ Великобританіи*). Въ предисловіи авторъ, миссъ Бремнеръ, говоритъ, что, по порученію женскаго національнаго совѣта въ Америкѣ, она составила докладъ о положеніи женскаго воспитанія на основаніи собранныхъ ею фактовъ и личнаго разслѣдованія. Воспользовавшись всѣми этими добытыми ею свѣдѣніями о женскомъ воспитаніи въ Англіи, миссъ Бремнеръ издала книгу, представляющую въ сжатомъ видѣ историческій очеркъ женскаго воспитанія въ Великобританіи. Изъ этого очерка видно, какъ постепенно измѣнялись въ Англіи взгляды на воспитаніе женщинъ и какъ много уже сдѣлано въ этомъ направленіи. (Bookseller).

«*Pseudo Philosophy of the End of the Nineteenth Century*» *by Hugh Mortimer Cecil.* (*Псевдофилософія конца XIX вѣка*). Въ книгѣ заключается остроумная критика нѣкоторыхъ новѣйшихъ англійскихъ философовъ или «псевдофилософовъ», какъ ихъ называетъ авторъ, главнымъ образомъ, Кидда и его «Соціальной эволюціи», профессора Друммонда и его «Происхожденія человѣка» и Бальфура, написавшаго «Основы вѣры». (Bookseller).

«*The Story of the Indian*» *by George Pird Grinell.* (*Chapman and Hall*). (*Исторія индійцевъ*). Авторъ провелъ много лѣтъ среди американскихъ краснокожихъ, изучилъ ихъ бытъ и ихъ исторію. Онъ собралъ преданія и легенды и записалъ разсказы самихъ же краснокожихъ, на основаніи которыхъ онъ считаетъ возможнымъ возстановить до нѣкоторой степени ихъ древнюю исторію. Въ описаніяхъ автора краснокожіе рисуются далеко не такими дикими варварами, какими ихъ обыкновенно изображаютъ. Авторъ явно сочувствуетъ этому народу и старается возбудить къ нему сочувствіе въ читателѣ, познакомивъ его съ истиннымъ характеромъ краснокожихъ, ихъ исторіей и жизнью. (Literary World).

«*Through Canada to Australia*» *by J. F. Hogan.* (*Черезъ Канаду въ Австралію*). Молодыя англійскія колоніи своимъ быстрымъ развитіемъ и смѣлостью своихъ соціальныхъ экспериментовъ привлекаютъ въ настоящее время всеобщій интересъ. Авторъ удачно воспользовался своимъ основательнымъ знакомствомъ съ канадскою и австралійскою жизнью и написалъ рядъ интересныхъ очерковъ, касающихся этихъ двухъ колоній. Впрочемъ, австралійскіе очерки, особенно описаніе жизни австралійскихъ большихъ городовъ, болѣе интересны, нежели канадскіе. (Literary World).

«*Household Economies*» *by Helen Campbell.* (*Putnam's Sons*) *New-York.* (*Домашняя экономика*). Книга представляетъ сборникъ лекцій по домашнему хозяйству, читанныхъ въ университетѣ въ Висконзинѣ. Во вступительной лекціи, посвященной статикѣ и динамикѣ домашняго хозяйства, излагаются принципы, на которыхъ должно быть основано это хозяйство. Отдѣльныя главы посвящены устройству дома, питанію, гигіенѣ и т. п. Въ заключеніе приложенъ указатель всѣхъ сочиненій по домашней экономикѣ и разныя полезныя хозяйственныя свѣдѣнія.

(Popular Science Monthly).

«*The Book and thes Makers during the Middle Ages*» *by George Haven Putnam.* (*Putnam's Sons*). (*Книги и ихъ издатели въ средніе вѣка*). Авторъ разсказываетъ, какъ развивалось книжное дѣло въ средніе вѣка, какую тяжелую борьбу приходилось выносить издателямъ-типографщикамъ, съ удивительною настойчивостью и мужествомъ пролагавшимъ дорогу книжному дѣлу, несмотря на всѣ препятствія, воздвигаемыя имъ церковью и общественными предразсудками. Авторъ съ особенною теплотою говоритъ о первыхъ издателяхъ-типографщикахъ временъ реформаціи, на долю которыхъ выпало много тяжелыхъ испытаній. Книга издана прекрасно и сама по себѣ можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ высокаго развитія типографскаго искусства въ наше время.

(Popular Science Monthly).

«*Pioneers of Evolution. From Thales to Husley*» *by Edvard Clodd.* (*Appleton and C°*) *New-York.* (*Піонеры эволюціи; отъ Θалеса до Гекели*). Авторъ обстоятельно, хотя и сжато, излагаетъ исторію развитія доктрины эволюціи отъ древнихъ временъ до современной эпохи.

(Popular Science Monthly).

«*Juvenile Offenders*» *by W. Douglas Morrison* (*Appleton and C°*). *New-York.* (*Молодые преступники*). Преступныя привычки, какъ и многое другое, пріобрѣтаются въ дѣтскомъ возрастѣ; выростая, ребенокъ становится уже привычнымъ преступникомъ. Поэтому, все, что можетъ содѣйствовать уменьшенію дѣтской преступности, должно въ то же время способствовать сокращенію класса привычныхъ преступниковъ. Вопросъ этотъ очень важенъ, потому что, по заключенію статистики, дѣтская преступность возрастаетъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, и соразмѣрно возростаетъ общая цифра преступности. Этому именно вопросу и изысканію способовъ борьбы съ дѣтскою преступностью авторъ посвящаетъ свое въ высшей степени интересное и основательное изслѣдованіе.

(Popular Science Monthly).

«*The Story of Extinct Civilizations of the East*» *by Robert E. Anderson* (*Appleton and C°*). *New-York.* (*Исторія угасшихъ цивилизацій Востока*). Авторъ описываетъ древнѣйшія цивилизаціи, которымъ Вавилонъ и Ассирія были обязаны своимъ клиновиднымъ письмомъ и отчасти своею цивилизаціей. Какъ видно изъ изслѣдованій автора, аккады, населявшіе южную Месопотамію, отличались сравнительно высокою цивилизаціею, и познанія ихъ въ астрономіи были очень обширны. Далѣе авторъ говоритъ о вавилонской, египетской, финикійской, арабской, еврейской и другихъ древнихъ цивилизаціяхъ.

(Popular Science Monthly).

«*The History of Economics*» *by Henry Dunning Maclood. New-York* (*Putnam's Sons*). (*Исторія экономики*). Книга представляетъ исторію экономической науки и разборъ всѣхъ экономическихъ теорій. Авторъ ставитъ политическую экономію въ разрядъ индуктивныхъ наукъ. Высказавъ свои взгляды на эту науку, авторъ переходитъ къ исторической части, излагая послѣдовательно экономическія доктрины, касающіяся труда, богатства, денегъ и т. п. и подвергая обзору теоріи Рикардо, Милля, Бастіа, Джевонса и др. экономистовъ. Для изучающихъ политическую экономію книга эта, изобилующая данными и здравыми сужденіями въ области экономики, можетъ служить не только полезнымъ, но и важнымъ подспорьемъ.

(Popular Science Monthly).

«*The Disclosures of the Universal Mysteries*» *by Salomon J. Silberstein. New-York* (*Philip Cowen*). (*Разоблаченіе всемірной тайны*). Очень любопытная книга, въ которой авторъ стремится резюмировать различныя философскія теоріи, начиная отъ Θалеса до современныхъ философовъ. Авторъ раздѣляетъ свою книгу на четыре главы: «Идея божества», «Созданіе», «Сила и матерія», «Всемірный механизмъ». Предпочитающіе идеалистическую точку зрѣнія строго научному методу, конечно, прочтутъ эту книгу съ большимъ интересомъ.

(Popular Science Monthly).

«*Anomalies and Curiosities of Medicine*» *by George M. Gould and Walter. Philadelphia* (*Saunders*). (*Аномаліи и курьезы медицины*). До сихъ поръ еще не было сдѣлано попытки собрать матеріалъ, разбросанный по разнымъ медицинскимъ сочиненіямъ и журналамъ и относящійся къ области всевозможныхъ аномалій и курьезовъ медицинской практики. Названная книга пополняетъ отчасти этотъ пробѣлъ, такъ какъ представляетъ систематическій сборникъ подобныхъ фактовъ, хотя, разумѣется, она далеко не исчерпываетъ всего матеріала. Сначала авторы перечисляютъ различные случаи физическихъ аномалій, затѣмъ переходятъ къ ненормальнымъ функціямъ различныхъ органовъ, идіосинкразіямъ, извращеніямъ чувствъ, нечувствительности къ боли, способности переносить голоданіе и т. д. Одна изъ главъ посвящена случаямъ необыкновенной долговѣчности; затѣмъ приводятся различные рѣдкіе случаи излѣченія отъ совершенно исключительныхъ пораненій и поврежденій и разсказываются факты изъ медицинской практики аномальныхъ типовъ различныхъ болѣзней. Заключительная глава посвящена исторіи различныхъ эпидемій. Къ книгѣ приложено до трехсотъ рисунковъ.

(Popular Science Monthly).

«*The Railroad as an Element in Education*» *by Prof. Alexander Hogg* (*Special Edition*). (*Желѣзная дорога, какъ элементъ воспитанія*). Это публичная лекція, прочитанная въ Новомъ Орлеанѣ профессоромъ Гоггомъ и заключающая въ себѣ апологію желѣзныхъ дорогъ. Профессоръ указываетъ на громадныя услуги, которыя принесли желѣзныя дороги обществу, ихъ вліяніе на культуру, промышленность и умственное развитіе страны, и особенно останавливается на той роли, которую играютъ желѣзныя дороги въ дѣлѣ народнаго образованія.

(Popular Science Monthly).

«*The Housing of the Working Classes*» *by Edward Bowmaker.* (*Дома рабочихъ*). Самое интересное въ этой книгѣ—это планы домовъ для рабочихъ и различныя указанія, касающіяся наиболѣе цѣлесообразнаго и дешеваго устройства этихъ жилищъ. Авторъ, кромѣ того, сообщаетъ свѣдѣнія объ образцовыхъ домахъ для рабочихъ, выстроенныхъ нѣкоторыми корпораціями и строительными обществами.

(Literary World).

«*Ancient Ideals*». *A Study of Intellectual and Spiritual Growth from Early Times to the Establishment of Christianity. By Henry Osborn Tylor. New-York.* (*Putnam's Sons*). (*Древніе идеалы; исторія интеллектуальнаго и духовнаго развитія отъ древнихъ временъ до христіанской эры*). Цѣль книги—дать историческій обзоръ умственнаго и духовнаго роста человѣчества на основаніи новѣйшихъ результатовъ историческихъ изслѣдованій и вызваннаго ими измѣненія во взглядахъ на духовное и интеллектуальное развитіе человѣчества. Авторъ разсматриваетъ человѣческое развитіе съ точки зрѣнія идеаловъ различныхъ расъ и ихъ отраженіе въ искусствѣ, литературѣ, философіи, религіи, поступкахъ и политической судьбѣ каждой отдѣльной расы. Кромѣ того, авторъ старается сохранить единство плана, опредѣляя ту роль, которую играетъ каждая раса въ исторіи нравственнаго и умственнаго роста человѣчества. Такимъ образомъ, онъ излагаетъ исторію жизни и трудовъ каждой изъ великихъ древнихъ націй. Книга чрезвычайно интересна, какъ исторія постепеннаго развитія человѣческой личности и образованія въ теченіе многихъ вѣковъ человѣческаго характера.

(Popular Science Monthly).

«*The Education of Central Nervous System*» *by Reuben Post Halleck.* (*Macmillian and C°*). (*Воспитаніе центральной нервной системы*). Книга написана для воспитателей и родителей, и, несомнѣнно, они могутъ заимствовать изъ нея множество очень важныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Авторъ, на основаніи строго научныхъ фактовъ, доказываетъ, насколько важный элементъ въ воспитаніи составляетъ физическое измѣненіе мозга и нервныхъ клѣтокъ, и что эти клѣтки скорѣе могутъ быть измѣнены въ извѣстномъ возрастѣ, а вредъ недостаточнаго воспитанія этихъ клѣтокъ или неправильнаго воспитанія не можетъ быть уничтоженъ позднѣе. Только тотъ человѣкъ будетъ жить полною духовною жизнью, нервныя клѣтки котораго и соотвѣтствующія имъ чувства получили надлежащее развитіе въ дѣтствѣ. Въ первыхъ главахъ авторъ подводитъ итоги нашихъ познаній о нервной системѣ и тѣхъ мозговыхъ измѣненіяхъ, которыя являются результатомъ роста, утомленія и воспитанія. Очень интересны указанія автора насчетъ развитія памяти и воображенія и глава о томъ, какъ развивались чувства Шекспира. Въ книгѣ заключается чрезвы-

чайно много практическихъ свѣдѣній и указаній, относящихся къ области физіологической психологіи и педагогики. (Popular Science Monthly).

«*Mountain Observatories in America and Europe*» *by Edward S. Holden Washington.* (*Горныя обсерваторіи въ Америкѣ и Европѣ*). Авторъ изучаетъ условія астрономическихъ работъ на большихъ высотахъ и сообщаетъ результаты своихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ этомъ направленіи. Кромѣ того, авторъ постарался собрать всѣ свѣдѣнія, касающіяся устройства горныхъ астрономическихъ станцій и произведенныхъ на нихъ наблюденій во всѣхъ мѣстностяхъ земного шара. Къ книгѣ приложены фотографическіе виды обсерваторій на большихъ возвышенностяхъ въ разныхъ частяхъ свѣта. (Popular Science Monthly).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

OCT 4-1966 3 3

RECEIVED

OCT 7 '66-5 PM

LOAN DEPT.

REC. CIR. JUN 24 '77

LD 21A-60m-7,'66
(G4427s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

YD 13006

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042636695